Сергей Викторович ЧЕБАНОВ

Петербург. Россия. Социум

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 3

Âèëüíþñ
AB VLANI
2004

УДК 001 (081) (47+57)

Чебанов С. В.
Петербург. Россия. Социум — Вильнюс: AB VLANI, 2004. — 724 с.: ил.

Книга известного петербургского герменевта и методолога Сергея Викторовича Чебанова представляет собой сборник его работ 1990-х годов, посвященных рассмотрению фундаментальных вопросов разнообразных сфер жизни современного российского социума.

Внешне она состоит из мало связанных между собой разделов, посвященных градостроению, экономике, здравоохранению, педагогике, философии, современной истории Санкт-Петербурга и России, подведению итогов десятилетия, окончание которого ознаменовалось дефолтом 1998 года и идеологической подготовкой выборов второго президента России.

Единство книги определяется не только тем, что обсуждаются проблемы, ставшие актуальными в истекшем десятилетии, но и методико-методологической позицией автора, заключающейся в усмотрении общего корня внешне различных явлений путем их герменевтического разбора.

Особенностью предлагаемой работы С. В. Чебанова является то, что в ней не дается анализ конкретного положения России в той или иной области, а формулируются принципиальные позиции, которые могут быть использованы для создания системы координат для описания той или иной текущей ситуации.

Для методологов, политологов, врачей, педагогов, философов, культурологов и всех интересующихся процессами преобразования, происходящими на территории бывшего СССР.

На обложке: рисунок **Г. А. Израилевича**

ISBN 9989-606-06-3 (III том)
ISBN 9986-606-05-5 (Соб. соч.)

© С. В. Чебанов, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора 7
Предисловие Т. Г. Петрова 13

ПЕТЕРБУРГ 15
Почему Санкт-Петербург не может не быть центром 16
Функционально-пространственная организация Санкт-Петербурга . . . 20
Между географическим и фазовым пространством:
прайдовая структура Петербурга 39
К совершенствованию административно-территориального деления
Санкт-Петербурга и области 41
Три вместо двух. К объединению Санкт-Петербурга и Ленинградской
области 44
Куда ведет ленинградское метро? 50
Реконструкция или одессизация? 54
К итогам выборов в органы местного самоуправления
Санкт-Петербурга 58
Выборы в яблочном городе 68
О целях Санкт-Петербурга 71
Рецензия на книгу «Русские столицы. Москва и Петербург»
(Составители А. Н. Замятин и Д. Н. Замятин. М.: Мирос, 1993) . . . 84

РОССИЯ 87
Россия: Что дальше? 88
Начала государственного устройства России 92
Что делать с КПСС? 99
Роль Армении в декомпозиции СССР 101
Итоги десятилетия 102
Полугосударственные похороны 139
В защиту чести и достоинства Президента 145
Феликс как Янус: к периодизации новейшей русский истории 148
К положению на рынке труда в России 151
Кого высадят «на Пиренейский полуостров» вслед за шахтерами? . . . 160
Пожилые люди как политическая сила 164
Почему пожилые люди обиделись? 180
Критерии оценки качества дорогого жилья 183
Географические типы пространственной организации поселения 229
Способы представления места в тексте 240
Методологический анализ городских программ 241
Совершенствование языка административно-управленческих
документов органов государственной и местной власти
Санкт-Петербурга 242

Речевые единицы с неопределенно-переменным смыслом 244
Психобиологические основания сословно-профессиональных герменевтик 251

СОЦИУМ 253
Программа деятельности Семинара по проекту «Идеология как средство консолидации предпринимателей как сословия» 254
ПР и организация коммуникативной среды между лидером и рядовыми членами группы 257
Приватное и публичное как мерономическая проблема 262
К причинам актуализации национального самосознания 265
Лишь звенья в цепи, ведущей к концу демократии 277
Отличительная черта интеллигенции — знание алфавита 282
Положение с правами человека в России и задачи деятельности международных правозащитных организаций 301
Экология и правозащитная деятельность 304
К проблеме типологии регулярностей: античное и иудейское понимание закона 308
Лечебные практики: типология и современная ситуация 323
Рецензия на исследовательский проект А. В. Баранова «Социологический анализ смертности и продолжительности жизни» 360
Лечебная помощь в России. Истоки и современность 362
Психические болезни и гражданские права 371

НАУКА 375
Негосударственная наука 376
Фундаментальная наука в Российской Федерации: положение и финансирование 382
Новые непарадигматические научные школы в современной России 403
Георгий Петрович Щедровицкий. Заметки о деятельности 416

КУЛЬТУРА 427
Язык, культура, биосфера как компоненты жизненного мира человека 428
К резолюции Русской сессии МАН 438
Колбаса как феномен культуры 439
О предмете культурологии 443
Что взорвали в Индии на прошлой неделе? 449

ОБРАЗОВАНИЕ 453
Начала современного российского образования 454
Российское образование сегодня 462
Совершенствование системы общего среднего образования Санкт-Петербурга 481

ФИЛОСОФИЯ 483
Тема жизни как проблема социального философствования 484
Статус социального бытия 486

Образ многоукладности хозяйства в экономическом поведении населения бывшего СССР ... 489
К категоризации представлений о любви ... 496
Нефилософские формы философствования ... 499
Парадигматическая смута постсоветского философствования ... 511
Смерть как извращение жизни ... 524
Позитивизм как отроческая майевтика ... 531
Биологические основания социального бытия ... 534
Декаданс = ? ∧ ? ∨ ? ∪ ? ⊂ ? «Серебряный век»: цикл российского философствования XX века ... 565
Относительность и абсолютность преступления ... 567
Христианство и экология (выступление в дискуссии) ... 569
Что такое экология человека? ... 573
Проблема биоразнообразия и христианский эволюционизм ... 603
К критике способности обнаружения хаоса ... 622
Постмодернистское любомудрие как российский вызов концу философии ... 625
Основания философии техники ... 632
Мир как сеть энлогов: от коммуникации к общению ... 637
Естественнонаучная традиция русского космизма ... 643
Перспективы философии в XXI веке ... 646
О соотношении науки, философии и веры ... 648
Синергетика и холистические образы языка. С. В. Чебанов, Г. Я. Мартыненко ... 650

ПРИЛОЖЕНИЯ ... 657
К определению краевых условий: хронологические, хорологические и морфологические масштабы деятельности в Северо-Западном регионе ... 658
Санкт-Петербург в региональных структурах ... 660
Материалы к книге «География Северо-Запада России и Санкт-Петербурга: Учебное пособие для 9 класса общеобразовательной школы» ... 662
Идеология сословия предпринимателей в России ... 682
Редакционная статья для первого номера журнала «ВОНАБЕЧ» ... 684
Свободный университет общего образования ... 688
Взаимодействие естественных и гуманитарных дисциплин в русской культуре последней четверти XX века ... 690
Биологические условия социального бытия ... 698
Семинар о негосударственной институализации свободной науки. В. Л. Каганский, С. В. Чебанов ... 703

ДОПОЛНЕНИЯ ... 707
Сведения об авторе ... 708
Библиография работ С. В. Чебанова ... 711
Семинар по биогерменевтике при Санкт-Петербургском союзе ученых ... 719

Светлой памяти
Сергея Александровича Ковалёва
(1948–2002),
беседы с которым в 1969 г.
начали путь к этой книге

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящий том содержит разнообразные статьи и другие тексты, написанные в 90-е годы и посвященные различным вопросам общественной жизни и обществознания в широком смысле.

В этих вопросах автор не является специалистом, но, несмотря на это, почти все они написаны по специальным заказам с просьбой изложить именно позицию автора или в связи с тем, что его приглашали на те или иные обсуждения тех вопросов, которые порой не совпадают с его профессиональными занятиями.

Подобные заказы и предложения были обычными и в конце 70-х — 80-х годов (прежде всего благодаря сотрудничеству с А. П. Сопиковым), однако практически все создававшиеся тексты не публиковались, да и вообще не были доведены до состояния законченной рукописи, а излагались в форме докладов или были основой каких-то заметок, аналитических и методических материалов, инструкций и т. д.

Первым таким предложением была просьба Калеви Кулля (Тарту) в начале 70-х годов изложить позицию автора по вопросу об интеллектуальном неравенстве. Позже эта работа была представлена в качестве реферата к кандидатскому экзамену по философии. Пока все материалы этого периода по техническим причинам остаются неподготовленными к печати...

Новые возможности посткоммунистической России (в том числе возможность и необходимость зарабатывать на жизнь подобным литературным трудом) и переход на работу с компьютером в 90-е годы определили возможность появления текстов, которые в прежних условиях были бы не написаны, что и позволяет представить данный сборник.

Иногда возникает вопрос, каким образом автору удается создавать эти работы, порой относящиеся к очень разным областям. Отвечая на него, можно отметить следующее.

Во-первых, это прежде всего просто внимательный и непредвзятый анализ той или иной проблемы с позиции здравого смысла профессионала мышления. Это и очень мало, и очень много одновременно. Очень часто не хватает фактического материала (порой вообще несуществующего или закрытого), поэтому приходится анализировать ситуацию исходя из общих соображений. Но это и очень много, поскольку подоб-

ный анализ позволяет игнорировать групповые установки, оставаясь в рамках принципиального анализа проблемы.

Последнее вызывает разнообразную реакцию коллег и читателей. Порой такие принципиальные оценки и рассуждения вызывают очень сильное раздражение, в особенности у лиц, вовлеченных в конкретную общественную, политическую и хозяйственную деятельность. Прежде всего, это относится к «шестидесятникам», которые стараются реализовать свои устремления в практических делах. Но порой это вызывает и значительный интерес.

При этом надо иметь в виду, что практически нигде автор не касается конкретных путей развития ситуации, не дает временнлх оценок. Речь идет о другом — о принципиальной оценке ситуации и о том, чем она может или должна завершиться. Такое завершение может осуществиться через месяц, год, десятилетие, век или тысячелетие. Порой такие принципиальные оценки кажутся вздорными, но время показывает их справедливость. Так, анализ механизмов узбекского хлопкового дела в начале 80-х гг. на Семинаре по фантоматике в Финансово-экономическом институте (ныне Санкт-Петербургская академия экономики и финансов), посвященном поэтике бригадного подряда, позволил обсуждать принципиальные механизмы, которые должны были привести к развалу СССР, а анализ первых шагов Горбачева весной 1985 г. позволил спрогнозировать развитие событий, развернувшихся впоследствии примерно до 1992—1993 гг. (полностью эта линия развития была исчерпана октябрьскими событиями 1993 г.). Точно так же автор еще в 1970-е гг. говорил о том, что он будет жить и работать в Санкт-Петербурге, а в начале 1980-х — о неизбежности обесценивания денежных вкладов. В известной мере подобные результаты получаются путем использования в качестве метода майевтики в платоновском ее понимании.

Во-вторых, это использование методов и подходов других профессиональных знаний, которыми владеет автор. Среди них можно указать типологический подход (в таксономическом и морфологическом его вариантах), знакомство с проблемами методологии науки и в частности биологии, систематическое образование в области биологии и структурной лингвистики, фоновые естественнонаучные и гуманитарные знания и т. д.

В-третьих, следует отметить выпавшую автору счастливую возможность соприкоснуться если не с бытом и культурой российской интеллигенции начала XX в., то по крайней мере с их остатками, следами (благодаря воспитанию бабушкой — Марией Викторовной Яцкевич и контактам с кругом ее родственников и знакомых), что дало возмож-

ность понять значение дифференцированного отношения к жизни, увидеть не только образцы повседневной культуры, но и большое количество людей другой эпохи, каждый из которых представлял собой яркую личность хотя бы своей манерой поведения.

Ну и, конечно, опыт каждого из предшествующих исследований являлся базой для проведения следующего…

Безусловно, все приведенные в этом сборнике работы стали возможны только после 1991 г., и это то, что их действительно объединяет. Но это не означает, что они непосредственно посвящены политике. Скорее, наоборот. Более того, автору представляется, что политическая жизнь России должна быть представлена по крайней мере двумя эшелонами.

Первый из них — это публичные политики, функционеры политических партий, члены властных структур. Они могут быть в разной степени умны и прозорливы, в разной мере проникать в суть рассматриваемых вопросов, но логика политической деятельности заставляет всех их жить в масштабе дней и недель, повседневно действовать в соответствии с логикой политического успеха, а не в соответствии с принципами.

Второй предполагает наличие аналитиков и идеологов, которые могут принципиально оценивать ситуацию, не будучи непосредственно вовлеченными в процесс принятия властных и политических решений.

Очевидно, что эти два эшелона политической жизни из соображений безопасности и сохранения устойчивости нации должны быть представлены разными людьми. Однако на деле все перемешалось, и люди явно второго эшелона оказались в первом. В итоге Россия в известной мере лишена и тех, кто может принципиально рассуждать о ситуации, и тех, кто может хорошо заниматься своим профессиональным делом — ученых, философов, писателей… Хорошо, если на время. Но силы и здоровье все равно безвозвратно растрачены, а некоторые уже и погибли…

Отсутствие такого разделения является одной из причин того, что в России опять расцветает тактика не принятия, а «выжимания» решений. Озвучена эта тактика была во время слушаний в Совете Федерации вопроса о Чечне в январе 1998 г. Там обсуждались три позиции: 1) оставить Чечню в составе России; 2) предоставить ей независимость; 3) не принимать никаких решений и ничего не делать для того, чтобы не породить необратимых последствий. Пока торжествует последняя позиция[1].

[1] Ситуация казалось бы изменилась с началом Второй Чеченской войны, однако, последующее развитие событий показывает, что все осталось по-прежнему.

На ее преодоление направлены как отдельные публикации автора, так и издание этого сборника. Иначе остается только один путь — путь революций и путчей[1], а то, что не успевает разрешиться сразу после очередного путча, дожидается следующего. Так, до сих пор в Санкт-Петербурге остались площадь Пролетарской диктатуры и мост Гриневицкого (даже после реставрации Спаса на Крови!). Причина этого — в отсутствии принципиальной оценки ситуации и практики принципиального принятия решений.

Именно желание дать принципиальную оценку событиям, помочь действовать не на основе сиюминутных тактических потребностей, а в соответствии с принципами и определяет контакт автора почти с любыми политическими силами, практические действия ни одной из которых не представляются ему особо удачными.

Тем не менее излагаемые представления не могут быть расценены как политические — политика строится на оценке возможных путей достижения целей, рассмотрении скоростей движения по этим путям. Эти вопросы даже не ставятся здесь, а обсуждаются только возможные цели и их соотношение с некоторыми фундаментальными представлениями о пути движения к ним. Вместе с тем в известной степени эти работы могут быть оценены и в политическом измерении, но тогда это уже не реальная, уличная политика, а одно из направлений деятельности «ателье высокой политической моды», как однажды назвал Институт национальной модели экономики его президент В. А. Найшуль[2].

Первыми из приводимых работ были работы, выполненные в сотрудничестве с Московским институтом развития образовательных систем (МИРОС) и его директором Александром Михайловичем Абрамовым. Очень важной была и его идея создания учебника по географии Санкт-Петербурга. К сожалению, эта работа не была осуществлена, но идеи и подготовительные материалы для данного учебника составили ядро первого раздела настоящего сборника.

Далее надо отметить сотрудничество с руководителем Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина Леонидом Борисовичем Жуковым, в результате которого появилось значительное число нижепубликуемых текстов.

---

[1] При этом в пероиод таких бурных преобразований идут в ход идеи, сформированные значительно раньше. Так, вся горбачевская перестройка базировалась на идеях «шестидесятников», а строительство новой России — на либерально-диссидентских ценностях 1970—1980-х гг.

[2] *Шелин С.* Виталий Найшуль: «Традиции — это детали, из которых можно собирать что угодно»//Новое время. 1997. № 42.

Наконец, очень плодотворным оказалось сотрудничество с журналом «Посев» в лице его главного редактора Александра Юрьевича Штамма и с Галиной Владимировной Руссо, которая оказывала значительную техническую помощь в этом сотрудничестве.

Часть работ сборника была опубликована ранее в тех или иных изданиях. Во всех случаях, когда эти публикации сделаны с разрешения автора или он поставлен об этом в известность, от публикаторов получены устные разрешения на публикацию таких статей в этом сборнике. Как правило, если это не оговорено особо, приводятся варианты текстов, представленные в редакции, которые порой значительно отличаются от того, что было опубликовано.

В этот том не включены методические материалы по различным учебным курсам, некоторые совместные работы и работы, выполненные по специальным договорам. Часть из них (педагогические) войдет впоследствии в соответствующий том, что требует предварительного уточнения объема авторских прав и согласия соавторов.

Автор хотел бы обратить внимание на характер цитирования литературы как в сборнике в целом, так и в отдельных его составляющих.

Во-первых, сознательно выбрана одна из самых простых схем приведения библиографической информации. Опыт автора (особенно при нынешнем состоянии российских библиотек) показывает, что полные библиографические описания не только излишни, но иногда даже мешают поиску нужных работ.

Во-вторых, приводимая библиография должна позволить читателю прояснить (в случае необходимости) смысл употребляемых понятий и положений, а не нести аргументативную функцию, как в современных публикациях. Поэтому ни о какой полноте обзора литературы даже не идет речи. Это использование ссылок скорее в традициях начала XIX века, когда они выполняли аналогичную функцию. Те же обстоятельства определяют и обилие автоцитирования даже тогда, когда общее число цитируемых работ очень невелико. Тем не менее в некоторых текстах содержатся те или иные отклонения от изложенных принципов, определяемые требованиями «заказчиков» соответствующих работ.

По техническим причинам в том не вошли полностью соответствующие его тематике:

— цикл из трех статей о мнимостях;

— статья «Что такое экологизм и как с ним бороться?» (Экохроника. 1995. № 3(2);

— рецензия на книгу С. Г. Кордонского «Циклы деятельности и идеальные объекты» (М., 2001) (Памятник эпохи как коммуникативная неудача//Русский журнал. 30 января 2002 — www.russ.ru);

Рецензия на книгу В. Л. Каганского «Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство» (М., 2001) (Пространственная вменяемость как форма рефлексии//Русский журнал. 22 февраля 2002 — www.russ.ru).

Выходу этого тома мешали многие обстоятельства и люди. Тем не менее издание стало возможным благодаря усилиям В. Я. Васильева, за что приношу ему особую благодарность.

Автор считает своей приятной обязанностью принести благодарность всем, кто сделал возможным появление этой книги. Перечислить всех невозможно, но хотелось бы отметить А. М. Абрамова, Л. В. Афонину, А. В. Баранова, А. В. Жерздева, Л. Б. Жукова, Т. М.Горичеву, А. Р. Ерашову, А. В. Мальцева, Л. М. Мореву, В. А. Найшуля, Т. Г. Петрова, К. С. Пигрова, Г. В. Руссо, А. Л. Слободского, А. П. Сопикова.

Сердечно благодарю также всех, кто осуществил техническую работу по подготовке этого издания и в особенности В. В. Земских, А. П. Клубкову, М. К. Одинокову и В. Д. Чебанова.

ПРЕДИСЛОВИЕ Т. Г. ПЕТРОВА

Издание собрания начато в 1996 году человеком, разглядевшим и оценившим социально-культурную ценность мелко-средних по объему текстов на очень разные темы и нашедшим средства для необычного в наше время мероприятия — издания собрания научных трудов и при жизни их автора, да еще и во время их написания еще бывшего кандидатом наук. К осуществлению издания 2-го и 3-го томов присоединяются представители бизнеса.

Профессионалы роют свои ямки и обычно мало интересуются делами у дальних соседей, методологи обзирают окрестности, но стараются не лезть в конкретные дела — это и мелко, и одновременно опасно — можно оказаться профаном. Очень мало встречается людей, способных смотреть с больших высот и разглядывать тонкие, не всем профессионалам видимые сплетения связей в сугубо практических делах врачей, чиновников, социологов, философов и психологов.

К таким очень необычным по широте круга и интервалу охватываемых глубин бытия и мышления людям относится автор книги, которая перед Вами.

Разнообразие вопросов, рассмотренных в один из наиболее бурных периодов в нашей истории, было ответом биолога по университетскому диплому и герменевта (не философа...) по призванию — С. Чебанова, ответом на разнообразие проблем, с которым столкнулись и новые (бывшие) управляющие, и управляемые (тем более бывшие) с обрушением СССР и началом мучительно трудного становления новой (а вдруг, нет) России. Выборы (тогда еще неуправляемые), жизнь, география, цели Петербурга, в защиту Президента, психолого-политический портрет пожилых, экология, шахтеры, дорогое жилье... см. Содержание — там около 85 текстов.

Активность участия автора в интеллектуальном движении 90-х звучит и в разнообразии форм текстов. Здесь тезисы докладов, статьи, тексты, написанные для Законодательного собрания Петербурга, выступления, проекты, программы лекционных курсов, планы докладов.

По упоминаемым реалиям прошедших девяностых многие тексты могли бы уже стать неактуальными, однако как не стареют порожденные высоким интеллектом древние тексты, так и то, что представлено здесь,

сохраняет ценность. Ценность — возможностью увидеть, как простое обыденное многогранно, многоаспектно, многосвязно, глубинно. Возможностью увидеть, что за внешним, зримым, скрываются внутренние движущие силы. Возможностью ознакомиться с целыми пластами фактов и значимых для социума идей, рассеянных по литературе. Эрудиция автора весьма обширна, и это дает ему возможность порой высказывать парадоксальные для соответствующих профессионалов мысли, что порой ведет к активному их неприятию. Но слова сказаны и требуют ответа, пусть не завтра.

Заглянуть вперед. Многое происходившее и с людьми, и с животными уже зафиксировано, осознано. Нужно суметь в новой одежке старых законов увидеть их развитие и предсказать, к чему идет дело. У Чебанова и его со-умников, с которыми он становился тем, чем он есть, это получалось.

Чтение текстов далеко не просто. Автор не очень щадит читателя, используя довольно много терминов, которых нет в более или менее доступных словарях. Не всегда можно найти и ссылки на упоминаемых авторов. У читателя могут вызывать отрицательные эмоции и встречающиеся в текстах экскурсы в далеко не всеми принимаемую область частной, а теперь навязываемой властью общественной жизни — в религию. Но и здесь можно, не соглашаясь с автором по подходу, найти много ранее не выдвигавшихся идей и не обсуждавшихся тем для активной деятельности против возвращения людей в состояние, полезное в первую очередь властям всех уровней, — людьми покорными, имеющими куда пожаловаться, неинициативными легче управлять.

Книга будет интересна широкому кругу ученых как пример возможности реализации межпрофессиональной деятельности, все более необходимой в условиях требований ускоряющегося развития и усложняющегося мира.

Ведущий научный сотрудник НИИ Земной коры
Санкт-Петербургского государственного университета
Т. Г. Петров

ПЕТЕРБУРГ

ПОЧЕМУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ НЕ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ ЦЕНТРОМ[1]

Рассмотрение данного вопроса определяется тем, что, как представляется автору, ныне Россия вовлечена в процесс глубокой регионализации, в ходе которой Санкт-Петербург, с одной стороны, складывается как региональный центр, а с другой — обнаруживает экстерриториальный статус и свой потенциал как центра Балтии.

Данное рассмотрение основано на представлении о том, что географическому пространству свойственна неоднородность, которая

— является источником складывания регионов — территорий с более интенсивными по сравнению с межрегиональными внутренними связями и своим региональным центром (центрами);

— может оптимизироваться путем сознательного вмешательства (ср., например, представление о поляризованном ландшафте Б. Б. Родомана).

В соответствии с этим географическое пространство — и России, и ее Северо-Запада — мыслится как совокупность региональных центров разного ранга, погруженных в пространство иного типа (сельского). Другой способ организации пространства автору неизвестен, и он такого предложить не может.

Исходя из этого и рассматривается Санкт-Петербург как центр. При этом центральный статус Санкт-Петербурга проявляется в двух аспектах: внешне детерминированном и определяемом самой природой города.

А. Санкт-Петербург как центр Северо-Европейского Средиземноморья

Санкт-Петербург является центром значительной территории Северной Европы — от западных побережий Ютландии и Скандинавии до Онеги и нижнего течения Северной Двины на востоке и от севера Скандинавии и Кольского полуострова до севера Германии,

---

[1] Опубликовано впервые по материалам доклада в центре «Стратегия»//Северная Пальмира. 1994. № 6. С. 55–58.

Польши, Белоруссии, Тверских, Ярославских и Костромских земель на юге.

Эту территории Г. С. Лебедев обозначает как Северо-Европейское Средиземноморье. Здесь на границе I и II тысячелетий от Р. Х. (с разбросом в 1–2 столетия) складываются национальные государства, распространяется христианство, возникают крупные города. Последние располагаются в устьях крупных рек (при впадении в большие озера и моря), оконечностях заливов.

Санкт-Петербург находится практически в центре этой территории (учитывая смещение от геометрического центра, приходящегося на центр Балтийского моря, и привязку к устью крупной реки в конечной точке глубоко врезающегося залива).

Значительные города этого региона «разрабатывают» петербургскую тему — Старая Ладога, Новгород, Иван-Город, Нарва, Псков, Рига, Каунас, Вильнюс, Таллинн, Кенигсберг, Гамбург, Копенгаген, Стокгольм, Хельсинки, Выборг, Карела…

Более детально петербургская тема «разрабатывается» в Старой Ладоге и Ландскроне (на месте Александро-Невской лавры), а несколько позже — в Копорье и Ниеншанце (возле нынешнего Большеохтинского моста).

В итоге можно утверждать, что устройство этой территории требует существования в ее пределах регионального центра, привязанного к воде и имеющего принципиально надэтнический статус. Такова внешняя рамка территории, на которой должен быть город, подобный Санкт-Петербургу, причем недалеко от него.

Б. Санкт-Петербург как смысловой центр

Сюжет Петербурга как Пятого Вавилона или Третьего Рима в модусе Рима (в противоположность Иерусалиму, прообразующему Новоиерусалимский монастырь под Москвой) разработан в современной историософии (например, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский). Приняв его, становится ясно, что уничтожение Петербурга должно совпадать с концом истории, причем это может быть не его физическое разрушение, а разрушение его как смыслового центра.

Поэтому даже если представить разрушение Петербурга в результате атомной бомбардировки, то естественно ожидать, что он будет восстановлен (как Хиросима). Такое же уничтожение, которое может сделать его не центром, должно быть подобно уничтожению Вавилона — колыбели культуры, письменности, на месте которого ныне бродят безграмотные племена.

Но и выжить Петербургу как такому центру весьма не просто.

Прежде всего Петербург возник и жил два века как столица империи, причем империи с контактными колониями (подобно Ассирийской, Римской, Византийской, Тимуридов…). Судьба метрополий таких империй печальна — с обретением независимости колоний метрополия приходит в упадок, вплоть до рассеивания коренного этноса.

Проблематична и участь столиц империй — они либо превращаются в небольшие города, живущие своим прошлым (ср. «великий город с областной судьбой»), либо становятся «мировыми городами», обладающими экстерриториальностью по отношению к «стране пребывания». Таковы Лондон, Париж, Мадрид, Берлин, Каир и т. д. (столица непохожа на страну). Первый путь — путь концептуального уничтожения Петербурга.

Мировые города слагают свою глобальную структуру — для того, чтобы Петербург умер как такой город, что-то должно умереть в Лондоне или Париже, а если умрет что-то в Нью-Йорке или Токио, чего-то не станет в Петербурге. Мировые города держат друг друга и умирают вместе.

Мировой город требует от живущего в нем человека, чтобы он был равен городу, а тем самым миру. Иначе — падение в небытие. В нем «много званых, но мало избранных».

Быть равным городу — действовать в его масштабе, понимать его, уметь читать город — просто понимать смысл статуй, портиков, эмблем… Очевидно, что это участь титанов. Такой титан может жить в Коломне или Лахте и быть равным городу, а можно обитать в Греческой слободе и быть жителем только этого центрального городского урочища. При этом для жителя урочища оно может быть пустым, а для жителя Петербурга в нем же может быть объект мирового масштаба — например, лечебница Бадмаева — первое здание с железобетонным перекрытием, предназначенное к тому же для практики тибетской медицины. Жить в мировом городе — пребывать в его центральном мифе, мифе центра истории.

Пребывая в этом мифе, естественно ощущать неуничтожимость Петербурга. И Петербург демонстрирует ее своей способностью возрождаться — и после переезда двора в Москву при Анне Иоанновне, и в Серебряный век, открыв свое очарование после столетия «проштампованности» николаевскими казармами, и после второго переноса столицы в Москву в 1918 г., и после Блокады, и возрождаясь из «города с областной судьбой».

Те же, кто не хотят (или не могут) пребывать в этом мифе, будут жить, как на развалинах Вавилона, — для них скульптуры Летнего сада

будут голыми тетками среди чахлых деревьев, старые дворы — каменными колодцами, а наводнения — бедствиями, от которых надо защищаться. Они же могут строить свои взаимоотношения исходя из самих себя, а не из genius loci Небесного Петербурга, проекцией которого является видимое поселение — одинокая крепость, моно- или полицентрический город, агломерация.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА[1]

Санкт-Петербург представляет собой ныне сложный конгломерат пространственных и функциональных образований, являющихся результатом наложения реализаций разнообразно ориентированных концепций города, выдвигавшихся властными структурами на протяжении его существования и складывавшихся в результате самодеятельности его населения — отдельных личностей и различных их общностей — на фоне общей тенденции роста города — его площади и численности населения.

В итоге сложилась весьма пестрая картина организации города, почти каждый из лоскутков которой имеет вкрапления других лоскутков. Тем не менее здесь описываются некоторые общие тенденции организации этой картины.

* * *

На административной территории нынешнего города можно выделить:

Старый город;

Пригороды Старого Петербурга;

Большой Петербург, который является центром Петербургской агломерации, области и Северо-Западного региона.

Как и всегда, границы выделенных территорий условны, причем в некоторых случаях можно выделить отдельные кварталы и микрорайоны, которые занимают явно промежуточное положение.

Так, например, Обводный канал выступает не столько как граница, сколько как специфическое городское урочище, так что и Варшавский и Балтийский вокзалы, и Первый молочный завод безусловно включаются в Старый город, хотя располагаются на правом берегу Обводного канала. Особо может обсуждаться принадлежность к Старому городу или Большому Петербургу района площади Стачек и Парка 30-летия ВЛКСМ, Аптекарского, Крестовского, Елагина островов и т. д.

---

[1] Подготовлено летом 1995 г. в качестве материала к предвыборной кампании мэра (губернатора) Санкт-Петербурга. Нигде ранее не публиковалось.

Выделенные территории можно охарактеризовать следующим образом.

1. Старый город

Границы. Взморье — Малая Невка — Выборгская сторона — Охта — Обводный канал — Порт.

Основные особенности. Сплошная старая застройка, представляющая собой лицо Петербурга, определяющая его самость, требующая срочной модернизации с сохранением своей аутентичности.

Общая характеристика.

Территория крупного европейского *города,* на которой *располагаются*:

органы управления города, Северо-Запада, парламентского центра СНГ и обеспечивающие их каналы коммуникации;

основные культурные и художественные ценности (к числу которых, в частности, нужно отнести архитектуру, включая и жилые интерьеры обывателей, которые являются компонентом творческого потенциала города), большая часть учреждений культуры, науки, вузов, театров и музеев;

— большая часть наиболее дорогого жилья;

— значительная часть офисов инофирм;

— крупнейшие гостиницы;

— вокзалы и органы управления петербургского транспортного узла;

— жилища значительной части лиц, определяющих лицо города, высокопоставленных должностных лиц и их вдов (вдовцов), предпринимателей, граждан иностранных государств, малосостоятельных, социально инертных и ущербных граждан, проживающих в коммунальных квартирах дешевых доходных домов;

— войска гарнизона и военные училища.

Проблемы Старого города в большой мере определяются тем, что до сих пор он лучше приспособлен к условиям городской жизни конца XIX — начала XX в., чем к условиям современного города, что определяется адекватностью инвестиций в развитие города как столицы Российской империи и их недостаточностью для финансирования развития города как второй столицы или города с областным статусом.

Градостроительно эта часть города:

— не приспособлена к внутригородскому проведению досуга полноправным гражданином среднего сословия;

— не предполагает наличия значительных межрайонных суточных миграций;

— не рассчитана на современный транспорт (так, улицы, подворотни и дворы более приспособлены к гужевому транспорту, чем к автомобильному — тумбы, коновязи, конюшни, булыжные и диабазовые мостовые).

Застройка этого города отличается:

— использованием высококачественного кирпича и путиловского камня фундаментов, теряющих свои качества под действием растворов солей из солево-песчаных смесей, используемых для борьбы с гололедом, что ведет к стремительному разрушению города;

— широким распространением штукатурной отделки (в том числе высокохудожественной), которая требует регулярных ремонтных работ (тем более на фоне кислотных дождей), осуществляемых высококвалифицированными штукатурами-реставраторами;

— техническим состоянием большого числа сооружений и коммуникаций, требующим срочного капитального ремонта, откладывающегося из-за отсутствия средств и строительных мощностей в течение нескольких десятилетий (до 60% жилого фонда в центре не ремонтировалось более 100 лет, значительна доля жилья старше 200 лет).

Структура жилого фонда не соответствует социально-демографическим процессам, происходящим в Старом городе:

— большие квартиры в богатых домах превращены в коммунальные квартиры или поделены на малоценные маленькие квартиры;

— пожилые люди, обычно вдовы или вдовцы высокопоставленных особ, занимают большие комнаты или квартиры, требующие непосильных для них оплаты и содержания, при невозможности централизованно и гарантировано организованного переселения в подходящее жилье;

— часть дорогого жилого фонда, требующего ремонта, занято несостоятельными съёмщиками, неспособными самостоятельно инвестировать поддержание достойного состояния жилого фонда (ср. сюжет ночного пира лакеев в барских покоях);

— существует неудовлетворенный спрос на крупногабаритные многокомнатные квартиры[1];

— значительна доля малоценного жилья (флигели, пристройки, полуподвальные и мансардные помещения, аварийное жилье, жилье в дешевых доходных домах, в домах санитарной зоны предприятий, представляющих экологическую опасность), требующего неотложной реконструкции или сноса;

— происходит изменение критериев качества жилья (так, наиболее дорогие в прошлом бельэтаж и второй этаж оказываются в толще смо-

[1] К 1998—1999 гг. такой платежеспособный спрос оказался удовлетворен.

говой подушки, что увеличивает достоинства четвертого и более высоких этажей; привлекательность квартир, выходящих на основные магистрали города, сменяется тяготением к «тихому центру» и даже к квартирам, обращенным во дворы).

Расположение недвижимости дает несовместимые сочетания вследствие:

— неадекватного использования недвижимости (например, особняк Плевако в центре жилой части города превращен в дерматологическую больницу, вблизи акушерской клиники Отта сооружен циклотрон и расположены химические учебные и научные учреждения — ГИПХ, НИХИ, Институт химии силикатов, Институт огнеупоров, Институт высокомолекулярных соединений);

— разрастания зон влияния прежде сооруженных объектов (например, хозяйственных дворов и подъездных путей вокзалов, зоны телецентра, территорий, прилегающих к заводам, инфекционной больницы им. Боткина, прилегающей к главной магистрали города, и т. д.);

— замещения старых элементов инфраструктуры современными, но дающими несовместимые сочетания с существовавшими конструкциями (соседство памятников архитектуры и промышленных предприятий, оживленных транспортных магистралей и метро, вызывающих значительные вибрации).

Имеет место *обезлюдивание* вследствие уменьшения плотности населения, проживающего на этой территории, при малом числе персонала, занимающегося ее жизнеобеспечением (дворников, швейцаров, блюстителей порядка, прислуги и т. д.), что ведет либо:

к разрушению инфраструктуры, обслуживающей население (коммуникация, торговля, охрана порядка, транспорт), либо

к увеличению подушной стоимости инфраструктуры (например, увеличению размера плат за услуги), либо

к поддержанию инфраструктуры за счет коммерческих и государственных структур, расположенных на этой территории.

В целом, основной проблемой этой части Санкт-Петербурга является ныне то, что она сформировалась как *концептуально* организованная *столица* империи, а теперь подобная генеральная идея отсутствует.

Эта часть города в принципе допускает *несколько* вариантов своего развития.

Тотальная *музеефикация* — весьма выраженная тенденция в развитии этой территории, причем, будучи осуществленным, этот процесс дал бы средства для поддержания физического существования сооружений на ней, однако в большой мере уничтожил бы креативный потенциал старого города, из которого местные интеллектуалы разного профиля черпают творческое вдохновение.

Характерно при этом то, что для современных тенденций музеефикации в отличие от музеефикации 50—60 гг., свойственна концентрация внимания на коммерческих аспектах *экспонирования* ценностей, а не на научной достоверности их *хранения*, что часто ведет к модернизации экспонируемого (в особенности архитектурных сооружений и парков), распространению новодела.

Такое развитие территории наталкивается на следующие проблемы:

— необходимость вложения значительного начального капитала в модернизацию застройки (реставрацию, ремонт, создание инфраструктуры, реорганизацию водоснабжения, нормализацию экологических условий и т. д.) и ее адаптацию к условиям туристского сервиса;

— переселение значительного числа жителей в другие районы, в т. ч. влиятельных особ;

— решение проблемы приватизированной недвижимости, в том числе принадлежащей иностранным юридическим лицам;

— организация размещения и транспортировки обслуживающего персонала;

— вывод за пределы территории вооруженных сил;

— разработка концепции использования массовой застройки данной территории;

— создание транспортных магистралей, обходящих данную территорию.

Имеющийся европейский опыт демонстрирует безуспешность подобного развития центров старых городов, даже занимающих значительно меньшую территорию. Поэтому в целом музеефикация не может считаться основной тенденцией развития этой территории, хотя некоторые ее участки развиваются по такому пути (Заячий остров, ансамбль центральных площадей).

Превращение территории в *деловой центр*, в большой мере с международной ориентацией, — весьма вероятный вариант развития.

Ныне он возможен благодаря:

— наличию большого числа субъектов деловой активности в Санкт-петербургском регионе;

— близости Санкт-Петербурга к границам, что минимизирует продолжительность некомфортных путешествий по России для иностранцев.

Существенно больший потенциал может быть проявлен в случае придания территории статуса свободной зоны. Развитие как делового центра будет определяться изменением законодательства России.

Развиваясь как деловой центр, эта территория потребует значительной модернизации средств связи, развития сервиса мирового стандарта.

Тем не менее трудно представить, что деловой Петербург может занять все сооружения старого города под жилье сотрудников и офисы.

Так, число «офисных» квартир сравнительно невелико[1]. При урегулировании вопросов собственности на недвижимость, землю, интенсификации и автоматизации труда возможно еще большое сокращение объема недвижимости, необходимой для этой деятельности.

Реализация этой тенденции развития города сопряжена с:

— несовершенством законодательства — налогового, земельного, финансового и т. д.;

— несоответствием существующих в Санкт-Петербурге культурных и образовательных традиций современным вестернизированным тенденциям развития предпринимательства;

— отсутствием необходимости привязывать рассматриваемую деятельность к сложившейся городской структуре, допускающим возможность создания «сити» на «голом месте».

Территория привлекательна для деловых людей «романтического» склада, которые могут обеспечить модернизацию и прилегающих к их офисам и квартирам участков города.

Тем самым для развития Старого города как делового центра имеются определенные предпосылки, однако:

— они не смогут организовать весь Старый город;

— они не привязаны к сложившимся городским структурам (если не иметь в виду каналы партийно-правительственной связи).

Массированная *приватизация* недвижимости на рассматриваемой территории может решить проблему привлечения инвестиций, необходимых для решения неотложных проблем города (ремонт и реставрация сооружений, создание современной инфраструктуры, нормализация экологической ситуации и т. д.). При этом неизбежна смена собственников недвижимости — сначала среди них будет значительная доля мелких, а затем все более будет увеличиваться доля крупных и сверхкрупных, так что недвижимость несколько раз сменит владельцев.

Возможны и осложнения, связанные с предъявлением претензий на право собственности дореволюционных владельцев и их потомков.

За счет активности частных инвесторов могут быть решены достаточно серьезные проблемы и выявлены потенциальные преимущества территории. Так, модернизацией инфраструктуры и введением ограничений на использование на рассматриваемой территории экологически грязных технических средств может быть существенно улучшена экологическая ситуация, тем более что на этой территории не было свалок, захоронений радиоактивных отходов, крупных промышленных производств и т. д.

[1] К настоящему времени он в основном исчерпан.

При этом существуют инвесторы, способные на приватизацию крупных объектов недвижимости (дворцов, музеев), что ограничивается (прежде всего по отношению к иностранным инвесторам) установками общественного сознания, состоянием законодательства и является предметом политической игры.

Поскольку поддержание недвижимости на этой территории требует ощутимых инвестиций, мелкие собственники, не отказавшиеся на следующем этапе от собственности на этой территории, через некоторое время окажутся в трущобах. Таким образом, неизбежно воспроизводство контрастной структуры Старого Петербурга.

Это направление развития является реальной альтернативой музеефикации города, а имея в виду отмеченные тенденции коммерциализации музейной деятельности и модернизации объектов музеефикации, мало чем от нее отличается, поскольку стоимость посещения коммерциализированных музеев ограничивает их доступность в той же мере, что и приватизация.

Создание *образовательного* центра в Старом городе наталкивается на то, что;

— местная модель образования избыточна и расточительна (что имеет как сильные, так и слабые стороны);

— в ее рамках не готовится персонал, конкурентоспособный с получившими западную подготовку;

— эта модель не удовлетворяет потребностей в профессионалах со средним образованием.

Профессорско-преподавательский состав в наибольшей мере характеризуется специфическими чертами национального менталитета, затрудняющими интегрирование местных специалистов в мировое сообщество.

Поэтому возможны два направления развития образовательных систем:

— создание учебных заведений нового для Санкт-Петербурга типа, ориентированных на западные модели и преподавателей, готовящих созревшие к такой деятельности кадры из числа граждан России, которые концентрируются в Санкт-Петербурге; прежде всего представителей массовых профессий (при том, что пространственная привязка таких заведений не имеет принципиального значения, т. е. Петербург выступает при этом не в своем специфическом качестве, а просто как своего рода «насос», притягивающий человеческие ресурсы, из которых рекрутируются профессионалы нового типа);

— поощрение развития автохтонных форм образования, готовящих кадры для осуществления деятельности, отклоняющейся от западных

стандартов, но избирательно представляющих для западного мира интерес (иногда очень высокий), — петербургские математическая, музыкальная, поэтическая школа. Таким бразом, идет складывание своего рода культурных заповедников, в которых практикуются «старомодные» формы интеллектуальной деятельности (ср. музеефикацию).

Итак, размеры и социально-культурная структура Старого города предполагают реализацию нескольких разных тенденций его развития, требуют допущения высокого уровня самоорганизации при отсутствии общеприемлемой единой концепции развития города.

Наибольший вред Старому городу наносят сейчас одномерные идеологизированные схемы его развития — коммунистические, националистические, монархические, патриотические, конфессиональные, борьба вокруг которых останавливает операциональное решение городских проблем — градостроительство, реконструкцию, реставрацию, модернизацию, свертывание вредных производств, обрекая город на разрушение и беспорядочную музеефикацию.

2. Пригороды Старого Петербурга,
в том числе элементы, предназначенные для обеспечения его существования как целого
(включая исторические островки районов новой застройки)

Границы. Кронштадт — Большая Ижора — Ораниенбаум — Старый Петергоф — Петродворец — Старая Петергофская дорога — Лигово — Красное Село — Гатчина — Павловск — Пушкин — Колпино — Петрокрепость — Пороховые — Всеволожск — Шувалово — Левашово — Сестрорецк и в качестве отдельных пятен Екатерингоф, Новознаменская дача, Дача Дашковой, Кекерекексинен, Рыбацкое, Волкова деревня, Удельная — Коломяги и др.

Основные особенности. Петербургский аромат в ленинградском окружении. Градостроительные, рекреационные, коммерческие ресурсы.

Общая характеристика.

В целом, *территория* сходна с описанной выше, однако представлена вкраплениями в современную массовую застройку или сельские массивы. В общем эти обстоятельства определяют сходные проблемы, однако существует больший потенциал для модернизации за счет глубокой реконструкции окружающего пространства. По сути, это те же фрагменты Старого Петербурга, но вынесенные за пределы сплошных массивов.

Ныне их в наибольшей мере коснулась *музеефикация*, различающаяся эффективностью коммерциализации (например, высокая в Новом Петергофе и существенно более низкая в Гатчине или Ораниенбауме). Музеефицированные объекты высоко идеологизированы, так что при-

ватизация их сейчас трудно представима, что усугубляет их критическое состояние.

Развитие бизнеса упирается в неопределенность законодательства и противодействие местных властей и населения.

Значительное число строений занято *военными* учебными заведениями.

Вместе с тем эта территория потенциально привлекательна для инвесторов и собственников близостью к развитым коммуникациям, наличием историко-культурного своеобразия, принципиальной возможностью преобразования окружающего «свободного» пространства, которое может быть органически сопряжено с исторической застройкой.

В связи с этим, например, возможно полное или частичное перепрофилирование военных заведений, расположенных на этой территории, с увеличением их участия в парадно-караульной службе, возможность использования которой частными лицами могло бы заинтересовать потенциальных инвесторов.

Развитие тормозится неопределенностью законодательства (задерживающей, например, создание свободной экономической зоны «Пушкин»), что ведет к уходу с российского рынка потенциальных участников.

Эта территория относительно неплотно заселена, обязательно требует для активного участия в жизни Петербурга наличия индивидуального транспорта, что делает ее привлекательной только для определенной части достаточно состоятельных граждан.

В целом, эта разбросанная пятнами по большой площади территория в высокой степени музеефицирована государством, оказавшимся в сложном финансовом положении, и достаточно привлекательна для весьма состоятельных и амбициозных владельцев, способных реорганизовать значительные по площади прилегающие территории в соответствии со своим пониманием того, что составляет суть Петербурга или демонстративно игнорируя ее.

3. Большой Петербург, Новый Петербург, Ленинград

Границы. Петербург с рабочими заставами в его современных административных границах (исключая территории, описанные в подглавах 1) и 2), а также территории «старых пригородов»: Красное село, район Конной Лахты и массовая жилая застройка городов Кронштадта, Ораниенбаума, Петергофа, Гатчины, Пушкина, Павловска, Колпина.

Основные особенности. Включение территорий «старых пригородов» в состав города превращает его в агломерацию, лишает моноцен-

тричности. Довоенная и послевоенная части предполагают модернизацию, остальное («хрущобы») — практически полный снос и застройку заново. На этой территории расположены основные промышленные предприятия. Наиболее неоднородная территория. Необходимы новые градостроительные концепции.

Общая характеристика. Территория включает крупные промышленные предприятия и прилегающие к ним районы и крупные жилищные массивы.

Ключом к оценке состояния и перспектив этой территории является уяснение нынешнего статуса промышленных предприятий, и прежде всего предприятий *военно-промышленного* комплекса, которые определяли лицо Ленинграда как окраин Санкт-Петербурга. Судьба этой территории определялась примерно десятком крупных предприятий союзного подчинения, таких как Кировский завод, «Электросила», «Красный Выборжец», Металлический завод, «Ленинец», Балтийский и Адмиралтейский заводы.

Эти предприятия характеризуются тем, что они:

— работали в условиях практически неограниченных ресурсов;

— в том числе ресурсов рабочей силы, что означало неограниченный завоз рабочей силы со всей территории бывшего СССР;

— вели обширное жилищное строительство;

— формировали инфраструктуру города, в частности проектирование и строительство метро;

— диктовали снабжение Ленинграда продовольствием и промышленными товарами (своего рода большой ОРС);

— определяли политику землепользования в городе;

— определяли характер деятельности НИИ, КБ, АН СССР, были потребителями и заказчиками их продукции;

— формировали профиль подготовки в технических вузах города и использовали готовящихся в них специалистов;

— обладали по отношению к городу экстерриториальным статусом;

— были неподконтрольны городским властям и общественности, а во многих отношениях засекречены;

— сформировали город как центр технической культуры и обеспечили высокий профессиональный уровень кадров.

Тем самым помимо производственной деятельности эти предприятия:

— выступали как субъекты политико-идеологической активности;

— были крупнейшими хозяйственными собственниками, сделавшими весь город своей собственностью;

— по сути, были крупнейшими землевладельцами, не отвечавшими за сохранность земельных ресурсов;

— определяли демографическую ситуацию в городе, по-рабовладельчески относясь к своим кадрам.

Нынешний кризис города в конечном счете определяется тем, что переструктурирующийся Центр (Москва), будучи не в состоянии содержать эту собственность, вступил в отношения передела собственности с региональными структурами, которые не имеют приемлемой концепции ее использования.

Подобная концепция по крайней мере должна учитывать конфликт следующих субъектов и занимаемых ими позиций:

— идеолого-политические притязания Центра на власть над Петербургом, которые основываются на военных и политических средствах воздействиях;

— экономическая заинтересованность Центра в получении доходов от собственности в Санкт-Петербурге, которая, однако, должна быть подкреплена инвестициями в эту собственность (это же относится и к эксплуатации музеефицированных объектов, являющихся федеральной собственностью);

— идеолого-политические притязания местных властей на собственность, которые должны быть обеспечены экономически и властно, что, в частности, предполагает отсутствие массовых антивластных выступлений в городе;

— притязания работников разных уровней рассматриваемых предприятий на сохранение своего привилегированного положения в городе, что может порождать и стремление к их приватизации;

— ведомственное стремление к сохранению режима секретности и бесконтрольности на производствах;

— обеспокоенность населения и природоохранных организаций экологическими последствиями деятельности этих предприятий;

— деятельность пацифистских групп;

— активность групп населения, которые солидаризуются с вероятными объектами применения оружия (например, евреев, ожидающих применения этого оружия на Ближнем Востоке);

— активность националистических, неокоммунистических, великодержавных сил, армии, военно-промышленного лобби.

Итог столкновения этих сил ныне не определен и допустим широкий спектр вариантов, каждый из которых определит разные направления развития рассматриваемой территории.

На выбор конкретного варианта развития будут влиять:

— принятие/не принятие военной доктрины России и ее характер [1];

[1] Ныне принятая доктрина не прояснила ситуацию.

— характер государственного контроля внешнеторговой деятельности, в том числе стратегическими товарами, включая оружие;

— введение частной собственности на землю и величина налога на недвижимость;

— введение платы за природопользование (воду, воздух) и экологических плат (штрафов за загрязнение среды, установление стоимости сброса отходов и т. д.);

— формирование рыночного уровня цен на энергоносители, транспорт, сырье;

— складывание связей с поставщиками комплектующих, в том числе находящихся за пределами России.

Не исключено, что в результате даже себестоимость оружия окажется такой, что оно будет неконкурентоспособным на мировом рынке.

Другой возможностью сохранения хозяйственной мощи рассматриваемых предприятий является конверсия. Однако, как показывает уже имеющийся опыт, этот путь малоперспективен, поскольку оборонные предприятия оказываются не в состоянии решить две проблемы:

— найти приемлемое дизайнерское решение для их продукции гражданского назначения;

— создать сеть обслуживания выпущенной продукции.

Помимо рассмотренных проблем структурной перестройки своей деятельности, перед оборонными предприятиями стоят и «обычные» текущие проблемы — прежде всего реконструкция и замена устаревших основных фондов. Все это делает их самостоятельное выживание маловероятным, а их судьба может быть определена адресно направленными решениями правительства.

При этом становится актуальным выделение тех производств, которые действительно являются уникальными и не имеют аналогов, и сохранение связанной с ними технической культуры. Среди таких предприятий будут, к примеру, предприятия энергетического машиностроения, «Электросила» и «Металлический завод», но адекватной государственной или частной концепции их развития нет.

В процессе разрешения указанного конфликта могут сложиться ситуации, имеющие критическое значение для судьбы города.

К их числу можно отнести:

1. Выход из строя метро (например, из-за размораживания грунтов в случае аварии электроснабжения), что приведет (тем более на фоне кризиса наземного транспорта) к распаду города на конгломерат множества населенных пунктов; это особенно вероятно ввиду сокращения федерального финансирования метрополитена (структура экстеррито-

риального по отношению к городу статуса, ненужная, к примеру, Старому городу).

2. Глобальный кризис наземного общественного транспорта (что свойственно многим городам Запада), требующий либо развития личного транспорта, либо расширения служебного жилья, приближенного к месту работы, и соответственно возрождения профессиональных слобод.

3. Усугубление демографического кризиса, скачкообразное увеличение доли пенсионеров и инвалидов, обезлюдивание, в частности за счет выезда в сельскую местность и снижения рождаемости вследствие экологической обеспокоенности населения.

4. Ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации вследствие обнищания, увеличения числа бродячих животных, скопления мусора, непереработки отходов, выхода из строя канализации и т. д.

Помимо рассмотренных промышленных гигантов, в том числе военно-промышленного комплекса, на данной или непосредственно к ней прилегающей территории расположено большое число *промышленных предприятий*.

Перед ними стоят принципиально те же проблемы:

1) конкурентоспособность в условиях рыночной экономики и средства ее обеспечения;

2) эколого-экономическая целесообразность их размещения на территории города;

3) наличие средств для поддержания фондов и модернизации производства;

4) направление и перспективы развития в современных условиях.

Естественно, что решаться эти проблемы должны индивидуально для каждого предприятия.

Однако надо иметь в виду общую тенденцию снижения относительной роли Петербурга в промышленном производстве в течение всей его истории за счет возникновения новых промышленных центров.

При этом некоторые отрасли петербургской промышленности поддерживались за счет кадров, поставляемых из других регионов (например, литейщиков с Урала, оружейников из Тулы и т. д.).

В связи с этим при оценке целесообразности поддержания и развития какого-либо производства в Петербурге надо специально рассматривать вопрос о том, существует ли здесь устойчиво воспроизводящаяся профессиональная традиция.

Оценивая последнее обстоятельство, надо иметь в виду, что в сферах деятельности, в которых преобладают душевно-духовные составляющие (наука, искусство, литература и т. д.), появление новых цент-

ров не уменьшает, а, наоборот, усиливает значение старых, а в сфере массового производства и манипулирования, напротив, появление новых центров принижает значение старых.

Это соображение может оказаться решающим при выборе генерального направления развития Петербурга, выделяя значимость именно Старого города.

При рассмотрении перспектив развития промышленности и конкретных производств Петербурга надо оценивать потенции опасности производственных *аварий*, возможных всегда, но становящихся обычными в условиях нынешнего развала производства. При этом должны быть пересмотрены критерии оценки максимально возможных аварий.

До выведения аварийно опасных производств за пределы города или остановки производств целесообразно переводить их на военное положение, привлекая для работы на них военнослужащих, возможно — из интернациональных сил ООН.

На рассматриваемой или примыкающей к ней территории располагаются и основные предприятия Петербургского *транспортного* узла (товарные станции, порты, аэродромы, складские помещения).

Вследствие того что почти все они нуждаются в коренной модернизации (сверхнормативная изношенность железнодорожных путей, однопутность Балтийской ветки, малая доля электрифицированных участков, низкая степень разветвленности железно- и автодорожной сетей, низкокачественные дорожные покрытия и т. д.), предельная пропускная способность петербургского транспортного узла невелика.

Не очень велик и потенциал увеличения последней — из-за мелководья Финского залива и особенно Маркизовой лужи (хотя Морской торговый порт и является одним из немногих прибыльных предприятий нынешнего Петербурга), сложности фарватера Невы, состояния шлюзов Волго-Балта, приграничной запущенности территорий, прилегающих к Финляндии и Эстонии, наконец, эксцентричного положения по отношению к внутренним территориям.

Реорганизация транспортного узла требует от Центра помимо выработки достойной концепции значительных капиталовложений, необходимых для реорганизации всей инфраструктуры региона. Такие инвестиции могут как окупиться за счет повышения позиционных преимуществ Петербурга после распада СССР, так и не оправдать себя, если процессы суверенизации России зайдут далеко. Собственных резервов для адекватных инвестиций Петербург не имеет.

Кроме того, встает вопрос и о том, в какой мере развитие Петербурга как транспортного узла совместимо с улучшением экологической

ситуации в нем, может сочетаться с соседством историко-художественных памятников и заповедников.

По-видимому, сейчас есть основания говорить о развитии Петербурга как центра перевозок людей и дорогих малообъемных грузов. Такие перспективы могут привлечь и иностранных инвесторов.

Жилой фонд очень неоднороден.

Во-первых, он представлен дешевыми доходными домами конца XIX — начала XX в., морально устаревшими, но достаточно крепкими, находящимися к тому же в санитарных зонах предприятий.

Таковы кварталы вдоль Обводного канала, улицы Комсомола и Кондратьевского проспекта, Большого Сампсониевского проспекта, на Васильевском острове и Петроградской стороне.

Ныне они частично занимаются заводоуправлениями, КБ, иногда используются для размещения офисов.

Однако ввиду крайней непривлекательности этих районов потенциал подобного их использования невелик. К тому же и пребывание в них как служебных помещениях в высшей степени некомфортно (например, из-за уличного шума), а иногда и вредно для здоровья (вблизи например, «Красного треугольника»), так что, несмотря на большое число в них «офисных» квартир, о полном использовании имеющихся ресурсов говорить не приходится (к тому же они в большинстве своем еще заселены). Скорее речь идет о каком-то временном их использовании до физического износа с последующим демонтажем.

Во-вторых, существует незначительная доля малоэтажного жилья 20—30-х гг., хорошо приспособленного к условиям тихой окраины города, но неуместного в окружении многоэтажной застройки (напр. Огородный переулок, Удельная, Охта). Такова же и часть послевоенной застройки (например, вокруг ул. Савушкина).

Вероятно, эта часть жилого фонда может быть просто разобрана по обветшанию, а частично, если попадет в подходящее окружение, заменена коттеджной застройкой или реконструирована в нее.

В-третьих, незначительная часть представлена послевоенной крупногабаритной многоэтажной застройкой («сталинские дома»). Это одна из наиболее ценных частей жилого фонда города, однако она несколько потеряла свою ценность вследствие того, что многие из домов оказались выходящими на весьма оживленные магистрали. К тому же жители этих кварталов, как правило, не способны инвестировать поддержание удовлетворительного состояния жилья, так что фонд нуждается в глубоком косметическом ремонте и частичной реконструкции.

В-четвертых, наиболее значительную часть жилого фонда города в целом составляют расположенные следующим от центра кольцом

(южнее ст. метро «Автово», «Московская», на Правом берегу Невы, на Охте, в Полюстрово, на Севере города) кварталы массовой застройки 60-х гг. — так называемые «хрущобы», по плану подлежавшие сносу в 80-х гг. Техническая изношенность, разрушение металлической арматуры солевыми растворами (подобно путиловскому камню фундаментов Старого города) делают проживание в этих домах опасным, не говоря об их моральной изношенности и несоответствии стилистике Петербурга. Мэрия признает необходимость их демонтажа, полагаясь при этом на коммерческие структуры.

Судьба этих кварталов не вполне ясна. Так, некоторые из них, приближенные к центру, расположенные в выгодных ландшафтных условиях или имеющие хорошие транспортные связи с центром, могут являться привлекательным объектом приватизации и частных инвестиций, в том числе иностранных (например, обсуждаемая ныне судьба кварталов, прилегающих к улице Шаумяна). Другая часть может быть демонтирована без замены чем-то иным, если, к примеру, произойдет резкое сокращение численности населения города вследствие обвального сворачивания военно-промышленного комплекса.

В-пятых, к «хрущобам» примыкают во времени и пространстве кварталы многоэтажной застройки. Это наименее соразмерный человеку тип городской застройки, разрывающий его связи с землей, улицей, городом («спальные районы»). Тем не менее часть домов из этих кварталов, преимущественно последних лет постройки, обладает весьма удовлетворительными интерьерами (например, вблизи ст. метро «Приморская», на Ржевке и Пороховых), которые, однако, лишены сколько-либо приемлемого вида из окон (разрушенный урбанизацией сельский ландшафт).

Население и нынешние риелтеры обладают весьма смутными представлениями о качестве жилья на рассматриваемых территориях.

Прежде всего неадекватно оценивается экологическая ситуация. Так, ценится «зеленый» район Сосновки, хотя для этих кварталов характерна повышенная радиоактивность (вследствие близости центров, работающих с радиоактивными веществами), в Московском районе известны пятна застройки на свалках радиоактивных отходов, Парк Победы и прилегающая застройка располагаются на неафишированном кладбище времен Второй мировой войны, в отделке некоторых домов использованы канцерогенные и радиоактивные материалы и т. д.

Кроме того, не оцениваются влияние линий электропередач, расположение промышленных предприятий с учетом специфики их загрязнений и розы ветров, не учитываются перспективы развития транспортной сети, не прогнозируется отмирание линий общественного транспорта, влияние зон, примыкающих к линиям железных дорог, «бидонвилей», мест скоп-

ления беженцев, бомжей и т. д. Все эти факторы, неактуальные ныне при дефиците жилья, могут оказаться весьма значительными при его избытке вследствие обезлюдивания города или экономической недоступности жилья.

В целом, рассматриваемая территория наиболее неоднородна и на ней сталкиваются интересы наиболее разнородных субъектов социальной активности, результат взаимодействия которых сейчас практически невозможно прогнозировать.

Наиболее вероятным представляется уменьшение числа промышленных объектов и модернизация оставшихся, приватизация значительной части территории, сокращение ее населения, изменение структуры жилого фонда.

* * *

Помимо трех рассмотренных региональных образований, связанных с Санкт-Петербургом, для понимания его организации следует иметь в виду его включенность в более крупные территориально-функциональные структуры, среди которых:

4. Петербургская агломерация

Сосновый Бор — Большие Ижоры — Черемыкино — Елизаветино — Сиверский — Вырица — Тосно — Мга — Петрокрепость — Всеволожск — Токсово — Юкки — Белоостров — Ушково — Молодежное — Выборг.

В эту же агломерацию, по сути, входят и территории, административно относящиеся к Санкт-Петербургу, но исключенные из рассмотрения территории 3.

Территория и население, обслуживающие современный Петербург. По территории агломерации проходит одна из наиболее резких границ — Восточно-Европейской равнины и Финноскандии, почти совпадающая с бывшей государственной границей с Финляндией. Вся территория подчинена существованию столицы, в последние десятилетия — второй столицы слаборазвитого государства, живущего за железным занавесом.

5. «Петербургская область»

Усть-Луга — Кингисепп — Луга — Оредеж — Чудово — Кириши — Волхов — Сясьстрой.

Территория бесспорного доминирования влияния Петербурга над влияниями других центров. Особый статус Карельского перешейка. Особый статус запада области (Ивангород — Сланцы). «Петербургская область» и Ингерманландия.

6. Северо-Запад России

Ядро: Петербургские, Псковские, Новгородские земли, север Тверских, северо-запад Ярославских, западная половина Вологодских земель (в том числе Плесецк).

Примыкающие территории: Восток Вологодских земель, бассейн Северной Двины, Карелия. Мурманская область как составляющая Северо-Запада. Северо-Запад России, Озерный край, земли Великого Новгорода и Ленинградская область 30-х гг.

7. Сопредельные территории

Тверские земли и граница с Московией. Белоруссия. Страны Балтии. Анклав России: Калининградская область. Финляндия. Норвегия.

8. Северо-Европейское Средиземноморье

Дания, Германия, Польша, Швеция. Петербург как центр Северо-Европейского Средиземноморья.

9. Внерегиональное положение

Регион Санкт-Петербург и ПВО России. Стратегические каналы коммуникации. Северный морской путь. Освоение Арктики и Дальнего Востока. Культурная политика для населения Крайнего Севера и палеоазиатских народов. Культурные модели городов: Сыктывкара, Екатеринбурга, Иркутска. Энергетическое машиностроение. Порт России: pro и contra. Модели инноваций: архитектура, образование, наука (Европа, США). Петербургская цивилизация, «вечные города» и Япония. Модель культурных границ.

10. Ориентиры

Петербург и Россия. Россия: западноевропейские традиции Новгорода и азиатские (византийские) Москвы. С кем Петербург?

Итоги

Санкт-Петербург является концептуальным, идеологическим, региональным антиподом Москвы и вообще России московского склада (в противоположность, например, Новгородской или Киевской Руси).

В этом своем качестве Санкт-Петербург представляет реальную угрозу для Центра самим фактом своего существования. Еще более эта опасность усиливается тем, что Санкт-Петербург является источником инноваций (в культуре, политике, образовании), обладающих высоким потенциалом выживания и овладения умами, разлагая тем самым уклад российской жизни, так что в определенном смысле России было бы выгоднее избавиться от его влияний.

К тому же Санкт-Петербург таков, что его скорее можно уничтожить, чем переделать или покорить. Попытки же его принижения приводят в конечном счете к его возвышению и укрепляют его самостоятельность (так, перенос столицы в Москву делает Петербург — Ленинград наименее советским городом СССР, попустительство, приводящее к блокаде, оборачивается обретением мученической харизмы, так же, как и «Ленинградское дело» или романовское уничижение интеллектуалов).

Ныне Санкт-Петербург находится в состоянии кризиса и вместе с тем чреват веером вариантов будущего развития. Он нуждается в поддержке и конкретных действиях, а не должен быть обречен на то, чтобы быть предметом политико-идеологических распрей.

В этой ситуации некоторые элементы городской инфраструктуры необратимо разваливаются, гибнут материальные и интеллектуальные ценности.

Для города необходимо, чтобы идеологические споры сменились программой конкретных действий и реализацией международных проектов, подобных программе спасения Венеции.

Разные части города обладают разными тенденциями и потенциалом развития. Для оценки оптимальности их реализации надо отбросить фантомные идолы, представляющие Санкт-Петербург как центр промышленности, морской торговли или военной силы.

Необходимо осознать, что то, каким был Петербург до августа 1991 г., определялось его статусом как столицы (первой или второй) империи. Теперь же ему надлежит искать свое место в других структурах, видимо, региональных — как Северо-Запада России, так и бассейна Балтийского моря.

Прагматизм требует оценки перспектив развития города в категориях рыночной экономики (включая рынок интеллектуальной и художественной продукции, туристский бизнес, научный и образовательный потенциал), открытого общества и признания международных стандартов (правовых, экономических, экологических, бытовых).

МЕЖДУ ГЕОГРАФИЧЕСКИМ И ФАЗОВЫМ ПРОСТРАНСТВОМ: ПРАЙДОВАЯ СТРУКТУРА ПЕТЕРБУРГА[1]

Для Петербурга, как и для других территорий с постиндустриальной организацией пространства, актуальна организация людей по типу фазовых сообществ. В этом случае люди, разделяющие единую систему ценностей, организуют свое собственное сообщество, живущее по особенным принципам, использующее свои специфические типы моральных практик и принципы взаимодействия. Потенциально это чревато появлением фазовых администраций (см. проект организации постсоветского пространства как конфедерации фазовых государств[2]). Несколько фазовых образований могут находиться на одной и той же территории.

Вместе с тем для Петербурга характерна особая форма организации близких (в социологическом смысле) взаимодействий людей: представители одного социального круга образуют устойчивые группы общения на основании личных симпатий — прайды. Такие прайды формируются безотносительно как к отношениям родства (т. е. могут включать в себя представителей неродственных семей и не включать ближайших родственников), так и к отношениям соседства — в прайд входят люди, рассредоточенные на большой территории, и не входят ближайшие соседи. Такие прайды являются локальной основой формирования фазовых государств.

Прайдовая структура в принципе стремится к тому, чтобы превратиться в универсальное жизненное единство — единство людей, которые решают совместно широкий круг задач: общение, образование, поддержание экономического статуса, поддержание и совершенствование городской инфраструктуры, брачно-семейных отношений. Обладая таким потенциалом движения к универсальности, прайд может:

— превратиться в узкую социальную группу стратифицированного общества, либо

---

[1] Опубликовано: Международная конференция «Развитие Санкт-Петербурга». СПб.: Стратегия, 1999. С. 7.

[2] Начала государственного устройства России // Zydroji Baltija. 25 декабря 1995. С. 1–3. См. наст. изд. С. 92–98.

— обогатиться структурой соседства и стать основой формирования локальных общин (профессионально-социальных).

Историческая география Петербурга создает предпосылки для фиксации структур обоих типов. В этом «угроза» превращения прайдов в традиционные социальные группы. Особенно усиливается эта тенденция наличием ограничений перемещений по городу у детей и стариков. Преодоление транспортного детерминизма превращения прайдов в пространственные группы лежит на пути усовершенствования транспортных сетей и экономической доступности транспорта. Паллиативом является концентрация членов прайда на территории соседних микрорайонов (например, правило поселения взрослых детей на расстоянии двух-трех остановок от родителей).

Рассматриваемая ситуация находится вблизи точки бифуркации — к кардинальному ее изменению могут привести изменение экономической ситуации, изменение транспортных связей, цены на недвижимость, налоговая политика, ситуация с охраной общественного порядка и т. д.

К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ОБЛАСТИ[1]

Существующее административно-территориальное деление (АТД) города и области является наследием прошлого и явно не соответствует задачам сегодняшнего времени. Примерами этого являются конфликты города и области из-за территории некоторых кладбищ, дорог, свалок, острые дискуссии о целесообразности проведения Игр доброй воли или Олимпийских игр в Санкт-Петербурге и т. д., а также ожесточенные предвыборные дебаты претендентов на должность главы городской администрации, которые опирались на закономерное пространственное распределение сочувствующего электората.

Такого рода обстоятельства указывают на то, что нынешняя административная территория города не представляет собой единого образования, а является конгломератом нескольких пространственных образований и их фрагментов.

Бросается в глаза отъединенность от города как целостного образования Красного Села, Кронштадта, района озера Долгого, Шувалова, Курортной зоны, Колпина.

Реорганизация административно-территориального деления должна базироваться на учете следующих обстоятельств:

— сложившейся функционально-пространственной структуре города (см. с. 20–38);

— несовместимости (как показывает мировой опыт) сохранения архитектурных ансамблей и развития промышленности;

— имеющей место во всех постсоциалистических образованиях тенденции к фрагментации территориальных структур, которая может быть преодолена (до окончания своего действия) только путем административных действий, требующих чрезвычайно значительного финансирования;

— складывания новых хозяйственных и человеческих связей с партнерами за пределами России;

---

[1] Написано в августе 1996 г. для Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

— принципиального изменения хозяйственной деятельности после введения реальных цен покупки и аренды земли и других природных ресурсов (а соответственно и всех объектов недвижимости);

— большей эффективности согласовательной активности небольшого числа крупных юридических лиц по сравнению с мелкими или физическими лицами;

— высокой стоимости содержания многоуровневой системы управления.

С учетом этих обстоятельств представляется целесообразным создание простой системы АТД, дешевой как по созданию, так и по поддержанию и воспринимаемой как принципиально временная, по крайней мере до складывания новых земельных отношений.

На этом основании можно предложить следующее:

— последовательное разделение Санкт-Петербурга и области как разных субъектов федерации с вынесением органов правления области за пределы Санкт-Петербурга или установление реальных цен за владение и эксплуатацию органов областного управления на территории города;

— изменение границ города с передачей явно аграрных территорий в область (Курортного, Красносельского районов и части Пушкинского);

— создание значительных административно (а не демократически) управляемых территорий, подчиненных городу (для аэропортов, свалок, промышленных зон, необходимых для жизнеобеспечения города, — ТЭЦ, складов, транспортных предприятий и т. д.), с максимальным сокращением постоянного населения на таких территориях и присвоением всем жилым помещениям статуса служебной жилплощади);

— создание трехуровневой системы городского управления:

• городской администрации;

• администрации небольшого числа префектур с ликвидацией деления на районы:

- ♦ *Центральной,* между Обводным каналом, Малой Невкой, Полюстровским, Среднеохтинским, Новочеркасским, Заневским проспектами
- ♦ *Дворцовой*, включающей дворцово-парковые ансамбли и прилегающие к ним территории Пушкина, Павловска, Петродворца, Стрельны, Ораниенбаума, Зеленогорска, Сестрорецка;
- ♦ *Промышленной,* включающей территории, прилегающие к крупным заводам Выборгской стороны, Нарвской и Московской застав, юго-запада Васильевского острова, промышленные зоны, железнодорожные узлы и вокзалы, Морской торговый порт, Кронштадт и прилегающее к ним служебное жилье;

♦ *Жилой,* включающей основной массив жилья, построенного в послевоенный период;

• 200–250 территориальных органов самоуправления с 1–2 освобожденными работниками (примерно соответствующих возникшим в период Перестройки КОС), работающих во взаимодействии с аналогами современных РЭУ.

Органы самоуправления формируются на основе самовыдвижения при подтверждении согласия жителей микрорайонов (элемент вечевой демократии). Такой орган нанимает на работу избираемого из числа своих членов председателя, который подбирает делопроизводителя.

Объем деятельности местного органа самоуправления определяется полномочиями, допускаемыми префектурами и делегируемыми населением, на пожертвования которого он и существует.

Префект избирается на основе общего избирательного права населением префектуры и существует как глава низшего звена городского управления. Население префектур к тому же избирает по 5 членов городского собрания.

Городское собрание включает префектов и членов городского собрания. Члены Городского собрания поочередно в течение квартала выполняют обязанности Главы городского собрания.

Городское собрание формирует при себе исполнительные органы.

ТРИ ВМЕСТО ДВУХ. К ОБЪЕДИНЕНИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ [1]

Объединение Санкт-Петербурга и Ленинградской области, о котором так много говорится в последнее время, находится на грани геополитических фантазий. Хотя бы потому, что для всех подобных преобразований требуется принятие довольно сложных в процедурном отношении конституционных законов и даже изменение самой Конституции. Но почему же при таком фантазировании обсуждается только создание одного субъекта Федерации вместо двух? Какие иные варианты пространственного развития возможны сейчас на Северо-Западе? Давайте свободно пофантазируем на эту тему...

Нужно сразу отметить, что высказываемые далее идеи не «работают» однозначно ни на одну из политических линий. В зависимости от разворота событий возможности этого геополитического конструктора могут использоваться разными политическими силами. Более того, даже если ничего не предпринимать, а предоставить свободу процессу административно-территориальных преобразований, то результат не прогнозируем, поскольку реально сейчас действуют весьма разнонаправленные тенденции.

Начнем с того, что, как мне кажется, есть очевидные предпосылки для не объединения двух ныне существующих субъектов Федерации.

Во-первых, это различие экономического уровня настолько, что петербуржцы достаточно быстро почувствуют на себе увеличение экономического бремени, которое последует за объединением с Ленинградской областью. Для области, в свою очередь, именно это может быть стимулом для объединения с городом, особенно в перспективе, когда будут урегулированы земельные отношения, и областной администрации придется платить за аренду земли под свои

[1] Опубликовано: Три вместо двух. К вопросу о возможном объединении Санкт-Петербурга и Ленинградской области//Петербургский Час Пик. 1998. № 46 (47). 25 ноября. С. 4. Статья проиллюстрирована картой автора. Примечательно то, что эта, казалось бы, вышедшая из политического оборота тема вновь стала актуальной к концу 2003 г. (после референдума об объединениии Пермской области и Коми-Пермятского АО).

помещения в Петербурге. И эта арендная плата может оказаться очень высокой.

Во-вторых, и это нужно совершенно четко зафиксировать, город и область имеют очень разные политические ориентации. Не случайно в городе удалось возродить его историческое название, а область живет с именем того, кто открыто провозглашал себя борцом с крестьянством из-за его мелкобуржуазной сущности и вообще со всей традиционной русской культурой. Очень трудно понять, каковы могут быть основания объединения столь разных субъектов Федерации.

Более того, непонятно, какое имя может получить новый, объединенный субъект Федерации. Скажем, А. А. Собчак предлагает назвать его Невским краем, а коммунисты настаивают на полной реанимации имени Ленина. Ситуация напоминает проблему с возвращением исторического названия Петербургу. Вначале речь шла о том, чтобы назвать город Петроградом или городом Святого Петра. А потом, как всегда бывает в политической борьбе, возникла жесткая оппозиция крайних вариантов и возвратилось то, на что было даже трудно надеяться, — полное название Санкт-Петербург.

Разговоры об объединении вообще довольно странно звучат на фоне обострившегося в условиях последнего экономического кризиса процесса регионализации России, тем более что Петербург — тот субъект Федерации, который концептуально в наибольшей мере готов к отделению от России. Из чисто политических соображений такое отделение, однако, представить себе значительно сложнее, чем отделение, скажем, Дальнего Востока или Камчатки. Поэтому невозможно однозначно спланировать последствия, к которым может привести локальное изменение административно-территориального деления при отсутствии проработанной концепции такого деления для России в целом.

Одна из новых идей в этой области сейчас интенсивно обсуждается в стране «с подачи» ЛДПР. Речь идет о том, что число субъектов Федерации должно быть сокращено до 15–20. Совершенно очевидно, что на такой укрупненный субъект Федерации претендует Северо-Запад России. Границы такого субъекта очерчиваются совершенно естественно, в истории России они появляются неоднократно. Это территория Новгородских земель с Водской пятиной накануне татаро-монгольского владычества и практически совпадающая с ней территория Ленинградской области в границах 30-х гг. (до 1938 г.). Этот регион включает нынешние Ленинградскую, Новгородскую, север Тверской, Псковскую области, Карельскую автономную республику, Мурманскую область, часть Архангельской области (по крайней мере до Север-

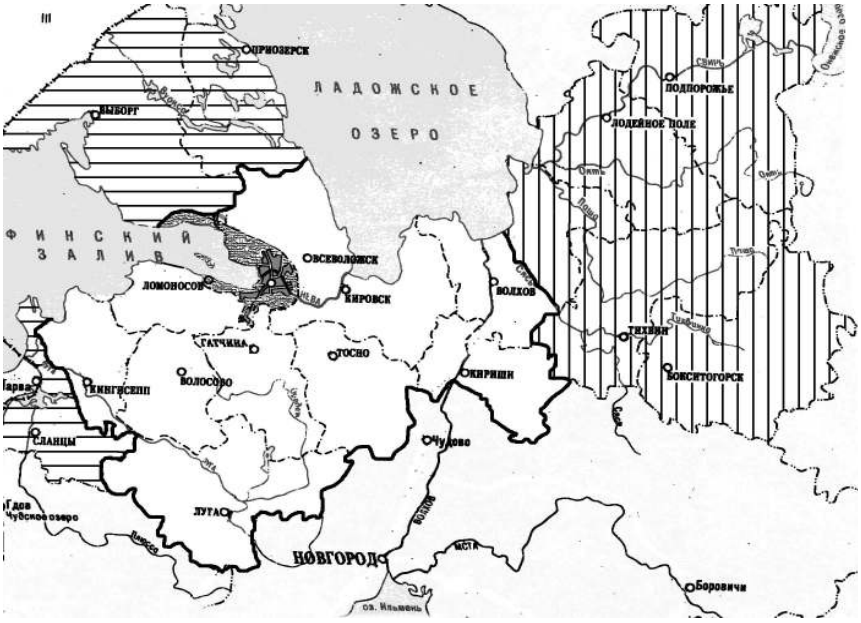

Рис. 1. Карта Петербургской области

— границы идеальной области,

— территории с неопределенным геополитическим статусом,

— территории непетербургского тяготения,

— пригородная зона.

ной Двины), большую часть Вологодской и часть Костромской и Ярославской областей.

Это устойчивый региональный блок, который может претендовать на единство, поскольку для такого объединения есть экономические, политические, культурные предпосылки, связанные с тем, что именно здесь находятся вся северная система Волго-Балта, Беломорканал и единственный действующий на территории России космодром «Плесецк», он почти совпадает с Озерным краем. Думать о формировании такого региона сейчас можно и нужно, но необходимо учитывать, что восточная часть этого региона будет в ближайшее время решающей в проблемах территориального формирования всей России, поскольку на ней находится алмазное поле. Впрочем, судьба этого алмазного поля,

скорее всего, будет решаться за пределами России, что сейчас уже просматривается. Однако формирование подобного субъекта Федерации потребует долгого согласования интересов областных политико-административных «элит», некоторым из которых придется исчезнуть.

Тем временем можно обсуждать возможность создания такого субъекта Федерации, как Петербургская область, который представлял бы собой зону безусловного доминирования Петербурга в обыденной жизни людей. В этом случае нынешнюю Ленинградскую область нужно несколько сократить. Явно не вписывается в этот регион Сланцевский район и вообще территория западнее Луги, большие проблемы существуют со всем Карельским перешейком (севернее реки Сестры) и совершенно не петербургские тяготения имеет восточная часть области, восточнее Сяси. Можно говорить о том, что если мы действительно хотим сохранить область, то эти территории из нее должны быть исключены. Но, по крайней мере в отношении Сланцевского, западной части Кингисеппского районов и Карельского перешейка, обсуждать конструктивно эти проблемы совершенно нереально, хотя это территории с неопределенным геополитическим статусом. А вот начинать думать о том, куда может реально отойти восточная часть области, вполне возможно и не так уж фантастично.

Тем не менее не все так просто и с Карельским перешейком. Еще в советское время его организационным центром, как и главным областным городом, был Выборг. Сейчас, притом, что во многих субъектах Российской Федерации происходит возвышение второго города области, о Выборге этого однозначно сказать нельзя. Скорее можно говорить об определенном возвышении Гатчины. По крайней мере именно политическая ситуация в Гатчине стала стартовой площадкой для избрания в губернаторы области кингисеппского лидера В. Густова.

Но и в этом случае Санкт-Петербург и область не оказываются равноправными партнерами.

Дело в том, что можно оспорить и саму границу Петербурга. Очевидно, что, к примеру, южные районы, в особенности Красносельский, имеют сельскую ориентацию, население в них тяготеет к сельскому образу жизни и к сельским формам деятельности. Точно так же огромная часть Курортного района, по сути дела, является рекреационной зоной сельского типа. Чрезвычайно странными для города выглядят большие массивы спальных районов, в которых отсутствует постоянное в течение суток население. Все эти фрагменты территории нынешнего Петербурга имеют совершенно разные ориентации и запросы, которые являются предметом довольно жесткого политического торга. Например, без Кронштадта и Красносель-

ского района не смог бы победить на выборах ныне действующий губернатор Петербурга, поскольку центральные районы голосовали за его оппонента.

Таким образом, само нарезание субъектов Федерации может привести к значительным политическим последствиям.

Все вышесказанное позволяет предложить идею выделения трех субъектов Федерации вместо двух.

Первым субъектом, в идеальном варианте, должна быть «отредактированная» в той мере, в которой это окажется реальным (за счет территории восточнее Сяси, Сланцевского района, Карельского перешейка), нынешняя территория области. Реально в первую очередь речь можно вести только об изъятии восточной части области.

Второй субъект Федерации может включать полосу пригородной зоны, нынешний Курортный район, часть спальных районов около озера Долгое, нынешние Парголово и Озерки, а также район Красного Села и некоторые территории на юге города.

Третьим субъектом Федерации, обозначаемым как собственно Санкт-Петербург, становятся центральные районы города.

У всех этих трех субъектов имеются свои политические, экономические, культурные интересы, свои оптимальные формы деятельности, все они имеют взаимные претензии друг к другу. Например, нынешние город и область имеют политические и финансовые конфликты по поводу территории для свалок и кладбищ, связанные как раз с тем, что оба субъекта претендуют на территорию промежуточной зоны. Если же эта территория приобретает статус самостоятельного субъекта Федерации, то проживающее на ней население получает возможность последовательно выражать и отстаивать свои интересы и формулировать собственную концепцию развития.

Создание такого субъекта Федерации дает множество плюсов. Например, кольцевая организация территории обеспечит интенсивное строительство хордовых дорог, которых сейчас явно не хватает региону в целом: первые кольцевые структуры вокруг города оказываются на расстоянии 40–50 км от центра (а на северо-востоке отсутствуют вовсе). Вслед за этим неизбежно начнется развитие коммуникаций между радиальными дорогами и т. д.

При таком административно-территориальном делении все три субъекта Федерации будут обладать четко выраженными собственными интересами. Дальнейшее развитие региона будет определяться тем, насколько эффективным будет поиск согласовательных процедур между тремя органами управления. А эффективность такого поиска может быть значительно выше, чем в двух или даже в одном субъекте. Это

связано с тем, что в любой территориальной структуре существует огромное количество партий, политических движений, крупных монополистов и все они пытаются непосредственно влиять на процесс принятия решений. Каждый из трех новых субъектов Федерации будет гораздо более однородным, что приведет к упрощению процедур согласования.

Кроме того, на стабилизацию территориальной структуры будет «работать» конкуренция между первым и третьим субъектами за доминирование, за привлечение ресурсов второго субъекта и за инициативу выхода из состава РФ, что в итоге может стабилизировать ее.

В подобных ситуациях возникает принципиально новый класс возможностей. Так, в 70-е гг., когда началось активное возвышение Китая, именно появление третьего игрока очень пугало советских политических аналитиков, которые знакомы с теорией игр — игра трех партнеров оказывается непредсказуемой. Но оказалось, что в тупиковых политических ситуациях именно появление новых возможностей может служить способом выхода из тупика.

Нужно отметить еще и то, что процесс удержания целостности субъекта требует больших финансовых затрат. С этой точки зрения траты на поддержание единства одного субъекта будут весьма значительны, тем более на фоне процесса глобальной регионализации. Если же мы переходим к существованию трех субъектов, то тем самым оказываемся в русле спонтанных процессов и можем не тратить дополнительные средства на реализацию противоположной тенденции. Таким образом, предлагаемая схема может оказаться весьма эффективной и в организационно-финансовом отношении.

КУДА ВЕДЕТ ЛЕНИНГРАДСКОЕ МЕТРО?[1]

Живя на берегах Невы и немного зная историю, каждый раз, пользуясь метро, пытаешься ответить на один и тот же вопрос — куда можно на нем доехать? Такой же вопрос встает и тогда, когда бываешь и в других городах, но, отвечая на него, там не имеешь тех сведений о городе, которые бы позволяли это сделать (хотя кое-что указывает на то, что и в них метро проложено в том же направлении). А куда же можно поехать в Петербурге?

Во-первых, большая часть станций метро расположена в непосредственной близости от осквернённых православных храмов.

Так, станции «Площадь Восстания» и «Площадь Мира»(«Сенная») расположены на местах предварительно снесенных храмов.

Вблизи разрушенных собора и часовни Св. Троицы (поставленных в память о происшедшей поблизости в день Троицы 1703 г. закладке Санкт-Петербурга) располагается станция «Горьковская». Разрушены церковь и часовня Св. Георгия Технологического института и часовня на углу Загородного и Московского проспектов вблизи станции «Технологический институт». Разрушена часовня вблизи станции «Площадь Мужества».

Осквернённые храмы располагаются вблизи станций «Чернышевская» (Св. Александра Невского при Управлении протопресвитера военного и морского духовенства и Космы и Дамиана лейб-гвардии Саперного батальона), «Пл. Александра Невского» (большая часть храмов Александро-Невской Лавры), «Василеостровская» (Рождества Пресвятой Богородицы), «Пл. Ленина» (Божией Матери «Утоли Моя Печали»).

В некоторых ранее осквернённых храмах, правда, в последние годы восстанавливается служба (церковь Владимирской Божией Матери у станции «Владимирская» или Муринская церковь Св. Екатерины у станции «Девяткино», кстати, еще недавно называвшейся «Комсомольской»).

---

[1] Написано в 1993 г. Опубликовано (с нарушением условий устного договора с автором) в газете «Гуманитарный фонд» (1993. № 10). Написано и опубликовано до разрыва Кировско-Выборгской линии метро.

В ближайших окрестностях как уже упомянутых, так и других станций метро располагаются и другие осквернённые храмы.

Сказанное позволяет утверждать, что налицо явная тенденция расположения станций метро рядом с осквернёнными храмами. Такая тенденция сама по себе настораживает.

Эта настороженность перерастает в серьезную тревогу, если обратиться к внешнему виду станций. Почти все станции метро, имеющие наземные павильоны в виде отдельно стоящих зданий, независимо от времени их постройки имеют вид античных — языческих — храмов.

Портик античного храма различается и в станциях метро, встроенных в другие здания, — на станциях «Пл. Восстания» (вход с Московского вокзала), «Владимирская», «Технологический институт», «Балтийская», «Московские ворота».

И из этих языческих храмов вход ведет в… подземелье, причем не просто вход, а явно сакрально оформленный! И такое оформление, несмотря на разницу во времени строительства почти в 40 лет, и стилистическое разнообразие конкретных решений, оказывается удивительно повторяемым!

Более того, связь с Царством мертвых не случайна — на протяжении десятилетий метро преподносилось населению как место, где надлежит укрываться от оружия массового уничтожения. Об этом не может забыть внимательный пассажир метро, поскольку инженерное оборудование станций указывает на возможность их герметической закупорки. И тем не менее ясно, что в случае применения ядерного оружия какая-то часть метро призвана стать братской могилой для несметного числа людей.

Следует обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Станции первой очереди — от «Пл. Восстания» до «Автово» — оформлены как настоящие подземные дворцы. Их своеобразие и эстетическая насыщенность существенно выше того, что имеется на поверхности. Это еще сильнее подчеркивает, что речь идет именно о дворце, а не доме, о *царстве* — подземном царстве, царстве мертвых, царстве вечной ночи, а не о повсе*дневной* жизни, которая тем самым становится менее реальной.

Итак, цепочка обстоятельств ужасающая — по городу на местах разрушенных или вблизи осквернённых православных храмов разбросаны храмы языческие, через которые каждый может войти за умеренную плату в Аид, причем твердо зная, что именно туда и надо отправляться, если ты окажешься объектом вооруженной агрессии (последнее ныне приобретает новый смысл — многие выбирают метро с тем, чтобы избежать нападения на пустынных улицах).

Само собой разумеется, что такая жуткая затея, да еще таких циклопических масштабов, не может быть делом рук человека, а для объяснения имеющегося в качестве автора можно представить только Лукавого. И во вполне конкретном облике — Лукича. Недаром же все метро страны носят его кличку, а прежде имели клички его сподручных.

Достаточно и станций специально в его честь — в Петербурге это «Площадь Ленина», «Ленинский проспект» (особо примечательна в этом отношении одна из линий Московского метро — от «Площади Ильича» — вблизи бывшей Бутырской тюрьмы, к «Шоссе Энтузиастов» — Владимирке и в «Новогиреево» — к крематорию; кстати, в Петербурге единственная тюрьма в центре города — Кресты — расположена у станции «Площадь Ленина»).

На это, правда, можно возразить и предложить схему рационального объяснения такого положения дел.

Например, такую.

Понятно, что храмы располагаются в городе не случайно, а вблизи мест скопления людей — транспортных узлов, общественных центров и т. д. Но именно в этих местах и должны быть станции самого совершенного городского транспорта. Особенности же архитектуры можно списать на счет исторических обстоятельств, в которых модернизированный (а по сути, сталинский) ампир стал государственным стилем. Идеологизация же метро определила особенности оформления перронных залов.

Конечно же, все так может и быть. Однако такое объяснение сложнее, чем предположение вмешательства Лукавого, трактовка организации метро как антихрама. Более того, это объяснение требует привлечения двух разных идей — одной функциональной, а другой идеолого-эстетической, т. е. оно требует двух гипотез, введения двух сущностей. Таким образом, с позиций науки это объяснение должно быть отброшено как не удовлетворяющее принципу бритвы Оккама, ведущее к умножению сущностей и переусложнению.

К тому же при этом остается непонятным, а зачем же надо, прежде чем строить очередную станцию, разрушать храм? Но и этому можно давать «рациональное» объяснение. Как известно, Санкт-Петербург стоит на болоте. Поэтому, чтобы что-то тут строить на века — будь то храм или метро, — надо выбрать хорошие грунты, каковых тут немного. Поэтому-то и нужно прежде освободить для метро место. Но это еще одна, дополнительно осложняющая ситуацию гипотеза.

С другой стороны, эта же третья гипотеза приводит и к другому выводу, а именно что в этих грунтах и строительство, и эксплуатация метро неизбежно связаны с жертвами, разрушением зданий и целых кварталов вследствие проседания почвы, действия вибраций от движе-

ния поездов. Еще одна угроза — размораживание грунтов, которое может произойти в условиях нынешних хозяйственных неурядиц. Примером такой аварии является разрушение участка метро между станциями «Пл. Мужества» и «Лесная». Тут уж причастность метро к смерти становится особенно явной...

Так не к ней ли, костлявой, ведет Ленинградское метро?

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИЛИ ОДЕССИЗАЦИЯ?[1]

Ныне в некоторых уголках Центрального района идет (а кое-где только что закончилось) комплексное благоустройство улиц и дворов. Оно вызвало неоднозначную реакцию как у населения, так и у аналитиков, что нашло отражение в публикациях в газете «Петербургский Час Пик». В связи с этим хотелось бы высказать несколько замечаний, посмотрев на ситуацию в масштабе не недель или нескольких месяцев, а лет, может быть, и десятилетий. Естественно, что при этом нельзя ответить на сегодняшнюю боль людей, но можно оценить долгосрочные тенденции. Для этого целесообразно оценить нынешнее положение дел и то, которое в принципе допустимо в будущем.

Тогда, во-первых, сразу же надо признать, что Санкт-Петербург по своим природным условиям (самый северный многомиллионный город в мире, переувлажненные грунты, которые делают безумно дорогим содержание всех подземных коммуникаций, преимущественно привозное продовольствие и т. д.) город очень дорогой. Доступным он становится для большей части населения только благодаря государственным дотациям. Как только они кончаются, эта дороговизна с неизбежностью должна стать просто кричащей, что повлечет за собой смену населения. Пока этот город был столицей империи или идеологическим и военно-промышленным центром тоталитарного режима, такие дотации имели место, ныне же рассчитывать на них нечего. Такова жесткая неизбежность.

Сколько времени потребуется на достижение нового равновесного состояния и какова будет социальная цена этих трансформаций, зависит

---

[1] Впервые опубликовано: Петербург превращается в Одессу?//Час пик. 1996. № 44 (549) 6 марта. С. 10 — с названием, без ведома автора данным редакцией, значительными сокращениями и грубыми искажениями смысла — в особенности конца статьи. Прошедшее время подтвердило непрактичность указанных покрытий — зимой они очень скользкие и значительно разрушаются, в особенности при скалывании льда. Тем не менее количество таких покрытий в городе увеличивается. После реконструкции Малой Конюшенной улицы на ней сделаны такие же покрытия. При этом встал вопрос о том, кто будет заниматься эксплуатацией таких тротуаров, и с этой целью была создана специальная служба, относящаяся к той же организации, что и строители этих дорог. Тем не менее, опыт эксплуатации покрытий Малой Конюшенной в зимнее время нельзя считать успешным.

от мастерства политиков и управленцев, степени гражданского согласия. Пока что мы видим не очень большое мастерство государственных деятелей на фоне жесткой общественной конфронтации, что незамедлительно отражается на городских делах. Поиск оптимальных способов действия в этой ситуации — дело политиков, аналитика же интересует, что же означают уже идущие процессы, в какой мере они отвечают или не отвечают генеральным тенденциям развития территории.

И, смотря на эти процессы, видишь следующее.

Во-первых, отраден сам факт бюджетных капиталовложений в реконструкцию города — без такой реконструкции он с неизбежностью останется «городом с областной судьбой», каким бы великим он ни был.

Во-вторых, отрадно, что подобные статьи расходов закреплены в бюджетах районных администраций.

В-третьих, представляется, что подобная реконструкция сменила бесплодные призывы мэрии к гражданам, примерно пятилетней давности, самим браться за благоустройство своих домов и дворов. Неуместность таких призывов определяется не только тем, что такие действия трудно осуществить бедному и социально не консолидированному населению, но и тем, что именно в тот момент появилась другая возможность — заниматься интерьерами. Начало приватизации жилья и снятие идеологического прессинга позволили возрождать именно петербургские интерьеры, причем возрождать именно тем (пока они еще живы), кто еще помнит Петербург до власти коммунистов. Появилась возможность и легализировать реликвии старого Петербурга, вытащить их из потаенных мест, куда они были упрятаны от большевистского взгляда, и поместить на подобающие почетные места. Именно этим, а не благоустройством улиц и дворов свойственно заниматься населению, и это оно может делать более эффективно.

И результаты налицо — благодаря таким реконструкциям и усилиям частных инвесторов целые кварталы города оживают, появляются новые скверы, детские площадки, дома обретают козырьки над парадными, стилистически выдержанные решетки на окнах, дополнительные фонари во дворах и над становящимися многочисленными магазинами, кафе, офисами...

Но именно это вызвало непонимание части населения, в особенности наименее состоятельных граждан, — мол, лучше потратить эти средства на социальные программы, поддержку неимущих, а не на придание городу черт западного лоска. Однако при этом не отдается отчета в том, что встать на подобную позицию — значит обречь город, а тем самым и своих детей и внуков, на продление подобного прозябания на

неопределенный срок. Примечательно при этом и то, что подобный ропот идет на фоне высокой привлекательности Петербурга для жилья и наличии большого числа желающих получить в нем постоянное место жительства при малой доле желающих выехать в сельскую местность, более благоприятную для проживания малоимущих или пожилых.

Оценивая подобные тенденции, недурно обратить внимание на то, что апокалипсические демографические прогнозы по Петербургу не подтверждаются, рождаемость пошла вверх, а обезлюдения города, предрекаемого теми, кому дорог прошлый режим, нет — в отличие от сопоставимого по длительности периода развязанной большевиками после 1917 г. Гражданской войны. Таким образом, расчет властей на внутренние ресурсы населения, возможности его выживания в переходный период подтверждается, так что оснований для паники нет.

Тем не менее порой это не только ропот, но сознательная порча созданного. Поэтому не редкость разбитая ваза для цветов или поцарапанный только что установленный лифт «OTIS». Историку и социологу аналогичные факты хорошо известны — это характерное поведение люмпенов, желающих зафиксировать status quo. Понятно это и психиатру — как показатель накопления деструктивного потенциала у населения, причем понятно и то, что такое население не способно к созидательной самодеятельной активности. Бессмысленно приглашать такое население к избирательным урнам, если только не желать избрания Гитлера или его последователей. Поэтому-то совершенно естественно, что именно власти осуществляют такой процесс реконструкции, не рассчитывая на активность самих жителей.

Однако в подобного рода отторжении сделанного есть и еще один аспект — а насколько сделанное соответствует духу Петербурга, совместимо с ним? Так, например, каково назначение скамеек в «пушкинском» стиле во дворах дорогих (как по представлению дореволюционных владельцев, так и по составу современных жильцов) домов центральной части Петербурга? Неужели петербургский профессор или европейский дипломат будет сидеть на них и точить лясы, как деревенская старушка?

Представляется, что суть проблемы заключается в следующем. Активные заимствования западных образцов — отличительная черта не только Петербурга, но и других городов бывшей Российской империи. Например, это характерно и для Одессы, которая еще в начале XIX в. соперничала с Петербургом. Различие же их заключается в следующем.

В Петербурге с самого начала заимствования осуществлялись комплектами, а не отдельными штуками. Так, Петр I мог издать указ о том,

и как стричься, и как одеваться, и как танцевать, и как говорить, в Одессу же все это могло приходить независимо друг от друга.

Тотальная ориентация на западноевропейские заимствования, причем заимствования комплектами, и привела к тому, что Петербург оказался перенасыщен такими заимствованиями, погруженным в них, они и стали составлять его суть. Это определило творческое отношение к таким заимствованиям, что и явилось отправной точкой формирования знаменитого петербургского стиля. С какого-то момента (а именно с елизаветинских времен) стало актуальным не обустроить нечто в Петербурге как в Амстердаме или в Лондоне, а соорудить нечто по-петербургски. В чем-то это сходно с послевоенным японским чудом.

Одесса же всегда стремилась иметь отдельные вещи как в Париже или Риме.

Другое отличие заключалось в том, что в Петербург последовательно переселялся цвет нации (начиная с принудительного переселения представителей старейших боярских родов), Одесса же заселялась любыми желающими, в том числе и беспаспортными и беглыми, лишь бы они оседали в Одессе и начинали там проявлять свою активность. В итоге криминальные элементы становятся предметом гордости одесситов, главными героями местного фольклора.

Так вот, представляется, что нынешние нововведения в Петербурге, в том числе и рассматриваемая реконструкция, носят одесский характер. Напоминают одесситов и некоторые «новые русские». Совершенно очевидно, что появляющиеся на улицах наряды или автомобили чисто колористически не соответствуют Петербургу, хорошие сами по себе керамические плитки (и прежде всего тем, что приходят на смену насыщенному канцерогенами асфальту), которыми замостили дворы в осенне-зимний период, будут вздыбливаться с приходом тепла, а лифт «OTIS» не очень вяжется с лестницей в стиле модерн, и тем более несущей отпечаток ампира. Еще сильнее контраст, если «OTIS» оказывается на месте старого лифта начала XX в. с его архитектурными излишествами. Такая стилистическая неувязка может вызвать отторжение у не вполне люмпенизированных петербуржцев. Но им-то уж следует понимать, что это может быть только началом...

К ИТОГАМ ВЫБОРОВ В ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА[1]

Выборы 28 сентября[2] в местные органы власти вызвали множество нареканий и в процессе подготовки, и после их проведения. Аналитики и комментаторы обсуждали сюжеты, связанные с неопределенностью функций и прав новых властных структур, затратами на их содержание, возможностью проникновения в местные органы самоуправления криминальных элементов и т. д. Но явно выпали из рассмотрения некоторые очень важные изначальные вопросы, широкое обсуждение которых должно было бы предварять выборы. По какому принципу город делится на округа? Как устроено голосование, какова его техника? Какая часть избирателей должна прийти на участки, чтобы выборы были признаны состоявшимися?

Те решения, которые предложили Законодательное собрание и руководство города, признали приемлемыми только 17% населения города — те, кто приняли участие в выборах. Возникают резонные вопросы: а можно ли вообще разработать такую процедуру выборов в органы местного самоуправления, которая устроила бы горожан? Нужны ли эти органы власти жителям города, и если нужны, то кому именно?

О процентном барьере

28 сентября минимальный процент избирателей, которые должны были прийти на избирательные участки, составлял 25% — в полном соответствии с общероссийским законодательством и с законом, принятым ЗакСом. Если бы выборы состоялись, они должны были бы, таким образом, признаны законными. Но являются ли такие выборы легитимными, т. е., подтверждены ли их результаты общественным мнением и здравым смыслом населения города? Скорее всего, на этот

---

[1] Опубликовано с незначительными изменениями под названием «Демократия или театр абсурда» (Посев. 1997. № 9. С. 12–15). Подготовлено к печати при участии Г. В. Руссо.

[2] 28 сентября 1997 г.

вопрос следует ответить отрицательно, особенно если учесть, что в выборах в Петербурге преимущественно участвуют пожилые люди, которым уже сложно ориентироваться в современных реалиях, а тем более затруднительно прогнозировать пути развития города. С другой стороны, если они не в состоянии понять тенденции развития города, то кому интересно их мнение?

Существенный вклад в нелегитимность результатов прошедших выборов внесло продление голосования на понедельник. В тот день автору как раз пришлось ходить по городу, по Адмиралтейскому району, и наблюдать, как из школ, где располагались избирательные участки, строем выходили солдаты. Скорее всего, их приводили туда, чтобы обеспечить требуемый процент проголосовавших. Комментарии здесь излишни.

Решение, принятое недавно Законодательным собранием, — об отмене процентного барьера явки избирателей на повторные выборы — делает ситуацию еще более абсурдной. Выборы, будучи проведены, станут и незаконными (по российским законам), и тем более нелегитимными. А это означает, что у подавляющего большинства населения новые властные структуры не будут вызывать ни доверия, ни уважения.

Нелегитимность выборов приведет к существенному сужению круга возможностей местного самоуправления. Не секрет, что отношения депутатов и чиновников различного ранга выстраиваются с большим трудом. Вполне законно и более или менее легитимно избранные депутаты ЗакСа, для того чтобы решить зачастую элементарную проблему своих избирателей, тратят многие месяцы на переговоры и переписку с РЭУ, ГАИ и т. д. Даже помещение для приема избирателей в собственном округе им выделяют «со скрипом». Чиновники всех мастей сознательно или на уровне подсознания ощущают, что серьезного отношения депутаты не заслуживают, бояться их нечего, зависит от них мало что, т. е. ничего реального, подкрепленного общественным мнением, за ними не стоит.

Легко себе представить, как будет обращаться самая мелкая чиновничья сошка с новыми депутатами. Так что отмена процентного барьера явки на выборы сослужит дурную службу уже избранным.

Об избирательных системах

Обычно не только население, но и функционеры, обслуживающие избирательную кампанию, редко задумываются о том, что результаты выборов могут весьма существенно зависеть от используемой избирательной системы. Однако в последнее время эта проблема является

объектом пристального изучения самых разных профессионалов и по этому поводу получено достаточно много точного знания.

Например, исследования Н. Я. Виленкина и Ю. А. Шрейдера показывают, что при иерархической системе организации выборов, когда формируются избирательные коалиции, результаты выборов будут определяться именно устройством избирательной системы. Поясним это утверждение. Пусть мы имеем девять избирателей и организуем систему так, что они будут голосовать тройками, а тройки эти будут принимать согласованные решения. Тогда если две тройки проголосуют «за», а последняя тройка «против», то положительное решение будет принято. Но при этом «за» могут проголосовать по два человека в первых тройках и ни одного в последней, т. е. «за» — четыре человека, «против» — пять. Так законно (но легитимно ли?) может победить меньшинство. На основании подобных механизмов можно сконструировать систему голосования, позволяющую получить любой желаемый результат.

Поэтому разговоры, которые сейчас ведутся о том, что необходимо отлаживать систему голосования, использовать разные системы и посмотреть, что будет получаться, попробовать систему местного самоуправления и т. д., могут иметь сильно различающийся смысл. Если это говорят люди, не подозревающие о способах манипулирования голосами избирателей, то они призывают к проведению абсолютно произвольной деятельности, предлагают заняться тупым перебором возможностей, которых на самом деле гораздо больше, чем они ожидают, — т. е. поступать «как всегда». Когда же подобную стратегию декларируют люди, хорошо разбирающиеся в избирательных технологиях, можно не сомневаться в том, что они планируют внедрение оптимальной избирательной системы — оптимальной для достижения собственных целей. Весь вопрос в том, как их цели соотносятся с интересами горожан.

О добровольности участия в выборах

Согласно Конституции РФ, каждый гражданин имеет право как принимать участие в выборах, так и отказаться от реализации этого своего права. От права выбирать местное самоуправление в Петербурге отказалось 83% населения, но и среди 17% пришедших на избирательные участки не все сделали это добровольно.

Идеологами выборов была развязана очень жесткая кампания против тех, кто не разделял навязываемую точку зрения и на сам факт необходимости таких выборов, и на схему их проведения. Суть этой

кампании заключалась в том, что людям внушали: вы будете вынуждены участвовать в выборах, вы будете вынуждены избрать кого-нибудь, иначе выборный марафон будет бесконечным. Если вы не сделаете свой выбор быстро, это будет ударом по вашим кошелькам, вам за это придется платить.

Свобода, конечно, всегда чего-то да стоит. Хорошо известно, что колониальные страны после приобретения независимости прежде всего получают резкое падение уровня жизни. Тем не менее оставшиеся колонии продолжают бороться за независимость и свободу.

У нас ситуация сложнее. Добровольное участие в выборах — это свобода 1-го сорта и в перспективе приведет к благоденствию, добровольное неучастие — свобода 2-го сорта, за которую полагается некая финансовая кара. Предлагать населению такой выбор несколько непорядочно. Тем более что в других случаях согласия на автоматическое снижение уровня жизни у нас не спрашивали — например, хотим ли мы начала войны с Чечней. По крайней мере ответственность и за саму войну, и за потраченные не только впустую, но и во вред людям триллионы рублей на нас переложить не пытались.

В нашем же случае имеет место просто аморальная ситуация, когда администрация взялась за проведение местных выборов, с тем чтобы подстраховать себя, создав этакого козла отпущения. На местные органы власти ведь можно будет перевалить ответственность за те функции, с которыми существующая власть не справляется. Неудачу же этой своей политической акции власть пытается свалить на население, развивая у него комплекс неполноценности. Моральная оценка этого совершенно очевидна.

Географические аспекты выборов

Остановимся подробнее на чисто пространственных аспектах состоявшихся выборов. В качестве некоторой общей преамбулы можно сказать, что беда руководства страны состоит в полном отсутствии географического мышления, понимания географических реалий регионов. Пространственная невменяемость как будто является атрибутом понимания во всех высших эшелонах власти. Красноречивым примером может послужить Смирнягин, который был хорошим географом, занимавшимся социальной географией и проблемами районирования. Став же консультантом президента, он начал выдавать суждения настолько географически безграмотные, что для профессионалов является некоторой загадкой — что с ним произошло, что случилось с его профессиональным мышлением.

Проблема заключается в том, что территорию можно разбить на округа множеством различных способов, и в зависимости от того, как город будет поделен на избирательные участки, итоги голосования будут совершенно разными. В качестве поясняющего примера можно вспомнить ситуацию с подготовкой к Играм доброй воли в Петербурге.

Тогда политическая оппозиция оперировала доводами о том, что Игры разорительны для города, что огромные деньги тратятся на бессмысленные для горожан мероприятия. В результате же оказалось, что произошел резкий скачок в благоустройстве центральных частей города, а работы в окраинных районах действительно были остановлены.

Отсюда следует очень простой вывод: если какие-то части города от проведения Игр улучшились, а какие-то ухудшились, то мы имеем дело не с единым городом, а с двумя различными поселениями, в *одном* из которых эти Игры и проводились. По сути, центральная и периферийная части города должны быть выделены в разные субъекты федерации и выяснять отношения между собой соответственно своему статусу, а не на уровне дискуссий в городском собрании. Количество конфликтов при этом резко уменьшится, потому что уменьшится количество субъектов, вовлеченных в обсуждение.

Еще одним показательным примером осмысленности такого разделения города являются выборы губернатора. Как известно, центр города проголосовал в основном за Собчака. Победа Яковлева была обеспечена пригородными, отдаленными районами и территориями, на которых сконцентрированы войска (Кронштадт и др.). Тем самым Собчак так и остался губернатором Санкт-Петербурга, а Яковлев стал таковым для Ленинграда — окраин Санкт-Петербурга, в которых сконцентрировались ВПК и промышленность советского времени. Таким образом, можно говорить о том, что проведение разных границ города будет приводить к различным результатам. Эта ситуация была нами описана, опубликована, и, более того, этими представлениями воспользовались участники предвыборной кампании Яковлева. Сторонникам же Собчака объяснить важность географических аспектов выборов оказалось невозможным.

Продолжая подобные рассуждения, легко понять, как, зная пристрастия электората в различных частях города, нужно разделить город на округа, чтобы обеспечить победу конкретному кандидату. Дополнительным средством регулирования может послужить расположение на территории участка военных училищ и воинских частей — мнением фактически зависимых людей всегда легче управлять. Здесь, правда, встает вопрос: а какое отношение эти персоны имеют к Петербургу?

Но вопрос этот скорее принципиальный — *нынешние* российские правовые нормы таких нюансов не затрагивают.

К анализу результатов выборов могут быть привлечены и положения экономической географии. Если вспомнить выборы, которые проводились в последнее время в России, то окажется, что так называемый красный пояс, поддерживающий коммунистов, образуют дотационные регионы. В регионах-донорах, имеющих финансовый потенциал выше среднего, откуда средства уходят в дотационные регионы, население голосует преимущественно за демократов.

Приблизительно на той же основе были построены питерские выборы. Если рассмотреть с этих позиций выборы в органы местного самоуправления, то окажется, что выделенные округа являются чрезвычайно неравносильными по своим экономическим возможностям. Центральную часть города, где располагаются банки, офисы акционерных обществ и т. д., можно сравнить с регионом-донором, который дотирует окраинные его части, включающие плохо работающие производства и спальные районы.

О размере избирательных округов

В период подготовки к проведению выборов в органы местного самоуправления дебатировался вопрос о том, какими должны быть избирательные округа — большими или маленькими. С этим сопрягался и вопрос о том, какие именно объекты на территории округа должны передаваться в компетенцию местных органов. Преобладает мнение, что оптимальный для управления округ должен состоять из людей, которые хорошо знают и друг друга, и своих кандидатов. Рассмотрим с этих позиций округ № 77, который ограничен набережными Невы и Фонтанки и Невским проспектом.

Совершенно очевидно, что на такой территории в лицо люди знать друг друга не могут — и не столько по причине их большого количества, сколько потому, что население, проживающее здесь, располагается очень рассеянно. С другой стороны, на этой территории находится огромное число объектов принципиально не местного значения — Дворцовая площадь, Эрмитаж, Центральный телеграф, Русский музей, Малый оперный театр, Филармония и т. д. Здесь же расположены такие магазины, как Пассаж и ДЛТ, — магазины общегородские и имеющие даже региональное значение для всего Северо-Запада. Школы округа — Петришуле, гимназия при Русском музее, Скандинавский лицей, 666 школа и т. д., посещаются детьми со всего города. Понятно, что все эти объекты в компетенции местных властей находиться не могут.

Подобная ситуация неуникальна — аналогичными объектами перегружены юго-восточная часть Васильевского острова, Адмиралтейский район между Дворцовой и Театральными площадями.

Посмотрим на систему коммуникаций, которая относится к сфере жилищно-коммунального хозяйства — ведь эту сферу в первую очередь предлагается передать в компетенцию местного самоуправления. Границы между округами, проведенные на карте города, часто не соотносятся с системой коммуникаций; это касается водо- и газоснабжения, телефонных сетей и т. д.

Возвращаясь к 77-му округу — например, в последний дом на Миллионной улице (№ 38), примыкающий к Дворцовой площади, тепло идет из Адмиралтейского района — т. е. из другого избирательного округа. Как смогут депутаты 77-го округа решать проблемы теплоснабжения этого дома?

Таким образом, возникает чисто географическая проблема: можно ли такую территорию, как центр города, сплошным образом разбить на округа, в которых будут избираться местные органы власти, способные осмысленно управлять своим округом? Видимо, оптимального решения в рамках существующего положения о выборах предложить невозможно.

Тогда нужно думать о том, по какому принципу должна быть построена избирательная система центрального района города для того, чтобы существовала возможность защиты прав его населения.

Выше речь шла о специфике центра города. Несомненно, что и другие части Петербурга обладают собственной спецификой, а поэтому единообразные правила, регламентирующие какой-либо аспект жизни города, представляются неосмысленными.

Какая власть нужна городу

Посмотрим, какие именно люди считают себя пригодными для осуществления властных полномочий на местном уровне.

Если рассматривать партийный состав кандидатов, то оказывается, что он непропорционален партийным пристрастиям горожан, известным по выборам в Думу по партийным спискам. Доля коммунистов чрезмерно велика, а кандидаты от ДВР в некоторых округах отсутствуют вовсе. Это что-то да означает. Демороссы боятся черной работы? Или полагают деятельность по насильственному выбиванию полномочий, которые невозможно реализовать, не только черной, но и грязной? А коммунистов, наоборот, привлекают полномочия сами по себе — ведь задачи хоть какого-нибудь уровня, хотя бы личностного, они решать все же позволят? Не знаю, не знаю...

Профессиональный состав кандидатов также далеко не отражает соответствующую структуру городского населения. В управленцы стремится большое количество хозяйственников, в том числе и работников жилищных управлений. Они что, рассчитывают, что, управляя фактически самими собой, они будут проще решать проблемы горожан? Но на это у них и сейчас достаточно полномочий, только толку что-то маловато. Очевидно, что никакого доверия этой публике у людей, которые в состоянии разобраться в избирательных бюллетенях с несколькими десятками кандидатов (а доступно это не всем, это надо четко осознавать), быть не может.

С другой стороны, изрядное количество кандидатов — пенсионеры, т. е. люди, которые имеют довольно богатый жизненный опыт, относительно много свободного времени, энергию и желание изменить собственную жизнь и жизнь своих соседей к лучшему, но, как правило, не имеют подготовки, позволяющей ориентироваться в достаточно масштабных проблемах одной стоодиннадцатой части мегаполиса. А вот если бы местная власть строилась по образцу комитетов местного самоуправления, которые спонтанно формировались кое-где в начале 90-х гг., то участие в них пенсионеров оказалось бы вполне уместным.

Но территории, на которые распространяется деятельность таких комитетов, должны состоять из считанного числа домов. Тогда действительно будут использоваться реальные отношения соседства и реальное знание людьми друг друга в лицо. Проблемы, встающие перед органами самоуправления в этом случае, приблизятся к тем проблемам, которые люди все равно вынуждены решать в своей повседневной жизни, а не будут навязанными извне. От таких властных структур, пусть и имеющих невысокий уровень компетенции, можно будет ожидать реальной пользы. Видимо, это и будет оптимальный уровень самоорганизации.

Что же касается проблем общегородского масштаба, то вряд ли целесообразно растаскивать их по округам. Слишком много в жизни города аспектов, которые не делятся на части, какой способ деления не изобретай. Та же проблема коммуникаций едина для города в целом, да еще и жестко связана с интересами Министерства обороны, Министерства связи, Государственной инспекции по охране памятников, Госавтоинспекции и многих других структур.

Кому из горожан нужна местная власть

Когда анализируют итоги выборов 28 сентября, обычно журят жителей города за низкую избирательную активность. Но нельзя исключать возможность того, что достаточно большому числу петербуржцев местная власть ни в каком ее проявлении просто не нужна.

Попробуем рассмотреть население города не как однородную массу, а как некоторую уровневую структуру, упорядоченную по такому непривычному параметру, как объем пространства, в котором реально живет человек, — это одно из измерений реально существующего сейчас расслоения населения.

Не стоит забывать, что Петербург складывался как город для службы. В традиции города входит представление о том, что человек должен серьезно заниматься своей профессиональной деятельностью. Как правило, высокая профессионализация определяет расширение пространства города, освоенного человеком. Возникает необходимость посещения библиотек, встреч с коллегами. Покупки делаются не около дома, а в произвольных местах, или по дороге, или в излюбленных магазинах. Воспитание детей — конечно, в хорошей школе, скорее всего — в центре. Такого человека постепенно начинают интересовать не столько проблемы собственного двора, сколько проблемы города в целом. Он становится как бы совладельцем всего Петербурга, выстраивает осмысленное отношение, допустим, к Адмиралтейству и Эрмитажу, — его личная компетенция распространяется на весь город.

Соответственно проблемы микрорайона отходят на десятый план, и на местные выборы таких людей не удастся загнать никакими силами. Из таких людей формируются не привычные пространственные сообщества, а сообщества фазовые, привязанные к сферам деятельности. Но если достаточное число таких людей пересечется на одном участке пространства — допустим, поселится на одной лестнице, то они легко договорятся между собой о том, как поддерживать на ней порядок. Жаль, что процент этих людей невелик — по крайней мере если судить по состоянию лестниц в домах города.

Но в соседней квартире с таким космополитом могут жить люди, которые практически не покидают пределы своего района в пространственном смысле и пределы своей коммунальной кухни в смысле духовном. Пусть тот же Эрмитаж виден из окна — побывать в нем не тянет. Об ощущении совладения не приходится говорить даже на уровне лестничной клетки. Даже собственные владения — комнаты и квартиры — далеко не все могут содержать в минимальном порядке и не всегда потому, что не по силам, а просто потому, что психологически не способны принять на себя ответственность за этот минимальный кусочек пространства. Таким людям вряд ли помогут самые идеальные органы самоуправления, удерживать их хотя бы внешне в человеческом статусе — задача, решаемая разве что в рамках тоталитарного режима.

Третья, многочисленная, категория населения — люди, ощущающие свое единство с определенной частью городского пространства —

собственной лестничной клеткой, домом, микрорайоном, но, как правило, не больше. Именно они образуют пространственные сообщества, и именно для них осмыслено местное самоуправление. Значит, размышляя о размерах избирательных округов, нужно ориентироваться прежде всего на доступный именно им объем прав и обязанностей.

Исходя из всего вышесказанного, возникает вопрос: а стоит ли городу в январе тратить 20 миллиардов рублей на повторные выборы?

ВЫБОРЫ В ЯБЛОЧНОМ ГОРОДЕ[1]

Прошедшие выборы в ЗакС подтвердили репутацию Санкт-Петербурга как «яблочного» города. Это отрадно, ибо показывает обыденное здравомыслие петербуржцев, отвергнувших экстремистов. Но значительны симпатии и к коммунистам. Что означают эти пристрастия к «Красному яблоку»? Дело только в отсутствии финансовых затруднений или за этим стоит еще что-то?

Популярность «Яблока» закономерна (тем более что борьба за популярность — отдельная задача в программе Явлинского). И в программе «500 дней» Явлинского, и в последующих выступлениях «яблочников» проводится одна и та же мысль: «Возьмем все лучшее от социализма и от капитализма и соединим их». О соединении недостатков речи нет. Нужно соединить всеобщую занятость социализма с производительностью труда капитализма, усиление же конкуренции и необходимость безработицы не обсуждаются, хочется соединить социалистическую доступность товаров с капиталистическим качеством, достаточность заработной платы с возможностями зарубежных путешествий и т. д. Такое соединение выдается за особый — третий — российский путь. На этом основании в Государственной думе «Яблоко» не раз блокировалось с коммунистами.

Популярность подобных идей в Петербурге понятна — это город высококвалифицированных бюджетников — инженеров, конструкторов, учителей, профессоров, ученых, врачей, а также пенсионеров — это самый «старый» город в России. К тому же такие идеи не предполагают, что все должны радикально изменить свою деятельность, начать жить в условиях реального рынка, заботиться о том, как заработать на кусок хлеба.

Откуда же взять на это средства? С помощью каких действий можно достигнуть желаемого состояния? Внятных ответов на эти вопросы в предвыборных, да и других программных материалах «Яблока» нет...

Подобные программы сильной социальной политики и гармоничных реформ годятся для богатых стран с консолидированным обществом.

---

[1] Написано в декабре 1998 г. для «Петербургского Часа Пик». Не опубликовано. Предвыборная кампания «Яблока» была столь разнузданной, что агитаторы останавливали на улице и листовки были положены в почтовый ящик в ночь перед выборами.

Россия же по показателям социально-экономического развития находится во второй полусотне стран, а вместо консолидированного общества имеет разобщенные группы населения (социальные, политические, экономические, национальные, профессиональные), порой вступающие в открытые конфликты. Социально гармоничные реформы, основанные на общенациональном согласии, в таких условиях невозможны.

Эти же условия исключают и возможность постадийных преобразований — непредсказуемость ситуации в России может исключить шаг Б, после того как сделан шаг А. Но и шаг А может быть отменен в процессе реставрации. Значит, нужны одноразовые вмешательства в ситуацию, имеющие характер спусковых крючков, так чтобы начавшийся процесс имел бы разветвленные, долговременные последствия и был бы необратим. Такие шаги всегда радикальны, как, например, приватизация, и в частности ваучерная. Отстаиваемая же «Яблоком» тоже «многостадийная» идея поддержки реального сектора экономики оказалась проигрышной на фоне идеи предыдущей администрации превращения Петербурга в банковскую столицу. В итоге же многие петербургские банки во время кризиса августа 1998 г. устояли, что и смягчило его в Петербурге.

Все сказанное имеет место безотносительно к лицам. Если же говорить о лидерах «Яблока», то ситуация следующая.

Во-первых, уже не один год сторонники питерского «Яблока» подчеркивают, что их не надо отождествлять с московскими лидерами, что странновато. Во-вторых, действия Вл. Лукина все больше похожи на шаги коммунистов. В-третьих, произошел разрыв с Ю. Ю. Болдыревым, но даже после этого «Яблоко» сохранило свое название, и это для всякого знакомого с азами представлений об интеллектуальной собственности, весьма экзотично. По сути же позиции «Яблока» и Болдырева сходны, они борются за один и тот же электорат (по крайней мере в Петербурге). Все это не внушает доверия и надежд на возможность успешного действия их обоих в будущем.

Примечательнее же всего личностные особенности Г. Явлинского. С одной стороны, Явлинский — и «Яблоко» в целом — в российской политике сохраняют невинность, будучи при этом оппозиционерами. Это делает их привлекательными для избирателей. Но за этим, скорее всего, последует разочарование, когда пришедшие к власти оппозиционеры начнут действовать.

С другой стороны, Явлинский — действующий политик. В этом отношении показательно то замешательство, которое возникло у него после распада СССР (в противоположность правым радикалам, таким как ДВР). Потребовалось время, чтобы начать действовать в новых

условиях. Но до сих пор проскакивают нотки сожаления об исчезновении СССР — Явлинскому привычнее, удобнее действовать на всем пространстве бывшего СССР, он продолжает внутренне как бы жить в СССР. Такое сослагательное наклонение, недопустимое для реального политика, свойственно и всем его комментариям к действиям властей с позиции оппозиционера.

Позиция оппозиционера определяет отказ от соучастия во власти, лидер требует только ее полноты. В итоге формируется тип психосоматической организации, известный врачам по скрытым советским диссидентам: организация зрелого мужчины требует участия во власти, отказ же от нее ведет к соматической патологии — язвенной болезни желудочно-кишечного тракта и ранним инфарктам. И именно инфаркт настигает Явлинского после отказа от участия в правительстве Примакова.

И последнее. Явлинский рассуждает так, как будто бы пока он будет осуществлять свои многоходовые реформы все остальные, включая политических оппонентов, будут бездействовать. Хорошо иллюстрирует это программа «500 дней». Для этого ему нужны сильные покровители (каким был Горбачев), иначе как «спеленать» своих противников? А как поведет себя Явлинский, получив полноту власти? Кто тогда будет обеспечивать бездействие оппонентов? Или он сам станет диктатором?

О ЦЕЛЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА[1]

1

В Законодательном Собрании сейчас[2] идет работа над законопроектом о целях Санкт-Петербурга. Для многих непривычно, что можно говорить о целях города, а не человека. Поэтому стоит обсудить, что вообще представляет собой целевой подход и почему он ныне становится актуальным.

Вопрос о целях города возник не случайно. Законодательное Собрание и другие административные структуры города столкнулись с тем, что оказывается невозможным проводить сколько-нибудь осмысленные действия, поскольку не удается договориться между собой о том, к каким результатам эти действия должны привести. Таким образом, нужно определить, к чему мы стремимся, каких целей хотим достигнуть. Поэтому происходит переход к обсуждению метапроблемы: что вообще является целями Санкт-Петербурга.

Логика разработчиков закона понятна, но нужно обратить внимание на те следствия, которые эта логика повлечет. Очевидно, что обсуждать любые метапроблемы — например, выбор целей, а не решения актуальных для города задач — может существенно меньшее число людей: здесь требуется быть профессиональным политиком или государственным деятелем, причем высокого уровня. Таким образом, вынесение на обсуждение любых метапроблем является средством исключения из процессов принятия решений и отправления властных функций не только значительной части населения, но и ныне существующих околовластных функционеров.

Профессионализация имеет позитивные и негативные стороны. Позитивные, говоря шахматным языком: происходит явное упрощение ситуации за счет уменьшения числа участников в сфере политической деятельности. Обсуждения будут проходить быстрее и более

---

[1] Написано в мае 1998 г. в связи с обсуждением в ЗакСе Санкт-Петербурга соответствующего законопроекта. Из-за большого объема опубликовано только после принятия закона: Какая идея нужна Петербургу//Петербургский Час Пик. 1998. № 30 (31). 5 августа. С. 4. Подготовлено к печати при участии Г. В. Руссо.

[2] Весна 1998 г.

квалифицированно, а в некотором роде и более принципиально, если понимать под принципиальностью большие политические игры, где цели и ценности реализуются не прямыми путями. С другой стороны, это приведет к очевидному усложнению процесса отправления власти и вступит тем самым в противоречие с демократическими ценностями, которые предполагают, что процесс принятия решений должен быть доступен для понимания всем гражданам.

Но эта максима демократии является явно утопической: процесс принятия решений и осуществления власти в любом современном демократичном обществе достаточно сложен и заведомо не может быть понятен любому произвольно выбранному избирателю, а только профессионалу.

Вывод обсуждения проблем на метауровень заставляет думать, что это внутреннее противоречие демократии определенными кругами осознано и начинается его легализация. При этом способы легализации избраны довольно мягкие — не вводятся какие-либо цензы, скажем имущественные или образовательные, служащие «допуском» к обсуждению, а просто выбирается такой язык обсуждения, который исключает из него людей с недостаточным уровнем образования, объемом психики и кругозором. Этот путь очень эффективен с точки зрения развития политических институтов, но он приводит к увеличению разрыва между властью и населением, что может быть источником определенного социального напряжения. Нужно думать о превентивных мерах снятия или преодоления такого напряжения или о том, как в условиях подобного напряжения можно организовать стабильное длительное существование.

Так или иначе, переход от обсуждения конкретных проблем к обсуждению целей города является очень серьезным шагом на пути развития как понимания самой ситуации в городе, так и действующих политических институтов.

2

Рассмотрим теперь, чем цель отличается от задачи и проблемы.

В деятельности людей возникают те или иные затруднения, требующие разрешения. Они могут быть разных типов.

Прежде всего можно говорить о затруднении как таковом, несколько неопределенном, когда не сформулировано, что является затруднением, какие средства и ресурсы должны быть использованы для его преодоления и т. д. Такая ситуация может быть преобразована в более определенные ситуации двух других типов.

1. Данные затруднения переформулируются в описание ситуации *с четко определенными* начальными и граничными условиями, схемой действий и неизбежными следствиями. В результате можно получить *задачу*, для которой существует стандартный *метод* решения.

2. Формулируется проблема — по степени определенности и даже жесткости задания условий проблема может быть вполне сопоставима с задачей, однако для нее неизвестны способы решения. Далее требуется специальная методологическая работа, направленная на преобразование проблемы в одну или несколько задач.

Задачи ставятся применительно к конкретной ситуации, они принципиально ситуативны. Проблемы могут быть более глобальными, но они также требуют принятия каких-то граничных и конечных условий. Такие условия формулируются на основании тех или иных целей.

3

Представление о целях относится, с одной стороны, к числу кажущихся интуитивно ясными, а с другой — является одним из наиболее сложных и запутанных. Для рассмотрения понятия цели будут использованы результаты нескольких исследований, в частности работы А. А. Любищева о целесообразности в теории классификации.

В самом узком смысле представление о цели связано с проектной деятельностью. В этой ситуации человек вполне осознанно и рационально описывает мир и указывает в мире некоторые состояния, которых он должен достигнуть в результате деятельности — либо собственной, либо других субъектов, которые будут действовать под его влиянием. Цель абсолютно отрефлексирована, она целиком лежит в области ясного и полного сознания человека. Для обозначения такого типа целей А. А. Любищев предложил понятие эвтелизма — истинного наличия цели.

Возможность существования истинных целей ставится под сомнение психоаналитиками, которые считают, что подлинные цели человека обычно им не осознаются, а то, что формулируется как цели, является рационализациями, призванными оправдать подсознательные влечения человека. Таким образом, статус даже такого предельно ясного и узкого понимания цели весьма проблематичен и может быть предметом очень жестких дискуссий, в том числе и применительно к Петербургу.

Для того чтобы говорить о наличии истинных, эвтелических целей, прежде всего необходимо иметь рациональное — не ценностное, не эмоциональное, не импрессионистическое, а именно рациональное опи-

сание того, что представляет собой Петербург или какой-то аспект его организации — экономический, политический, финансовый, управленческий и т. д. Такое описание должно быть сделано в принципиально нейтральных, неоценочных терминах.

Уже эта задача чрезвычайно сложна, потому что в русском языке, согласно исследованиям лингвистов, значительно более 50% лексики имеет ценностную окраску, причем наиболее сильно она проявляется именно при описании феноменов социальной реальности. Можно с уверенностью утверждать, что отсутствуют нейтральные описания существования Петербурга в каком-либо из его аспектов. Соответственно крайне сложно сформулировать рациональные цели и организовать процедуры рационального выбора.

Отсутствие рационального понимания и описания цели делает практически невозможным решение конкретных проблем. Например, проблемы Балтийского флота не находят разрешения прежде всего потому, что никто не в состоянии рационально сформулировать, в чем состоит сейчас цель существования Балтийского флота как морского и, более того, океанического, притом что Балтика является сугубо внутренним водоемом и свободный выход из нее в океан практически невозможен. Понятно, что 300 лет назад, когда проливы не контролировались в такой степени другими государствами, такая цель имела смысл.

Скептицизм же психоаналитиков подтверждается тем, что субъекты, действующие в политической жизни Петербурга, часто стремятся не к тому, что они декларируют. Многие существующие лозунги — это не формулирование подлинных целей, а средство сохранить привычные ценности той или иной политической группы или отдельного политика.

Второй модус существования целей, по Любищеву, — псевдотелизм. Это ситуация, когда истинная цель в точном смысле отсутствует, однако процессы идут таким образом, что мы видим явную их направленность к определенному состоянию. Большой класс таких ситуаций описывается в физике в связи с экстремальными принципами — стремления к максимуму энтропии, к минимуму энергии и т. д. У неживой системы, конечно, отсутствует предпочтение состояний, которые она рассматривала бы как цели своей деятельности. Тем не менее, феноменологически процессы идут строго направленно (в пределах статистических флюктуаций) и внешне можно говорить о наличии у системы тех или иных целей.

Псевдотелизм, характеризующий цели-направления, характерен для социальных процессов. Например, сейчас можно говорить о том, что существующие граничные условия: законодательство, экономическая

ситуация, положение дел на финансовом рынке Петербурга и т. д. — приводят к резкой социальной дифференциации населения, причем приводят как бы сами по себе, ни один политик не формулирует дифференциацию как действительную цель. Она возникает как результат реализации других установок развития города, однако при оценке тенденций развития Петербурга может восприниматься как итог целенаправленных процессов.

Третий тип целей Любищев называет эврителизмом (от слова «эвристика»). Это цели, которые формулируются ввиду высокой эвристичности такого действия. Например, создается некоторая социальная программа, скажем «Жилье-2000». При внимательном анализе становится понятным, что она нереализуема, но ее принятие все равно может оцениваться как полезное. С одной стороны, такая иллюзорная конструкция позволяет политикам отложить решение жилищной проблемы с текущего момента на политически неопределенное будущее, снять текущие напряжения, организовать социальные процессы и т. д. С другой стороны, такая программа инициирует движение капиталов, кадров, рабочей силы, стимулирует архитектурные разработки и т. д. Социальная реальность начинает изменяться — другое дело, что приводит это часто к решению не тех проблем, которые декларировались, а более частных — проблем некоторых политических или экономических группировок. За последнее время в Петербурге прошло довольно много обсуждений такого рода целей — создание Петербурга как финансовой столицы, как туристического центра, возрождение как культурной столицы России и т. д., но подлинный смысл этих программ с точки зрения их логического статуса далеко не всегда был понятен даже их разработчикам.

Четвертый тип целевых ситуаций, по Любищеву, — ателизм, или действительное отсутствие цели, когда целевой подход вообще никаким способом не «работает». Скажем, ателистичным будет поддержание обыденного состояния города, когда все процессы идут самопроизвольно.

Нужно отметить, что для описания разнообразных целевых ситуаций, возникающих вокруг Петербурга и в нем самом, вовсе не обязательно использовать именно целевой подход. Четырем типам целевых ситуаций Любищева симметричны четыре типа причин Аристотеля. Причинностный же подход применяется сейчас очень широко (хотя и в редуцированном виде).

Таким образом, объективной необходимости перехода к рассмотрению целей города вроде бы не существует. Поскольку такой переход все же намечается, то его смысл может состоять прежде всего в том,

чтобы продемонстрировать смену языка и соответственно обозначить смену политических ориентиров, появление новой идеологии. Внешне она может быть очень эффектна и выгодна, в том числе и для проведения избирательной кампании, притом, что по сути дела ничего не меняет.

4

Все, что сказано ранее о целевом подходе, неявным образом обходило вопрос о том, кто является носителем цели. Очевидно, что основным носителем истинной цели (эвтелизм) является отдельно взятый человек. В этом варианте целевой подход — хорошая штука для описания индивидуального поведения вполне вменяемого, рационально мыслящего человека. Тем не менее сплошь и рядом целевые описания применяются по отношению к группам людей и даже по отношению к большим их массам.

Оказывается, что для описания массовых социальных процессов удобно использовать представления либо о целях-направлениях — когда идут процессы спонтанной самоорганизации, либо о целях как об эвристических конструкциях — когда речь идет о формировании общественного мнения. В создании таких конструкций традиционно велика роль людей, ведущих массы за собой, т. е. демагогов — в точном, античном понимании этого слова. Но если эвристические цели формируются под действием демагогов, то «работают» не демократические механизмы, а механизмы охлократии, власти толпы.

Охлократическая ситуация отличается от демократической прежде всего тем, что основная часть электората полярным образом меняет свои точки зрения. Именно это и происходило в недавнем политическом прошлом Петербурга. В начале 90-х гг. электорат, проявив невиданную активность, привел к власти Собчака; тот же электорат через некоторое время в значительной мере поддерживает Жириновского; в последнее время Петербург получает квалификацию «яблочного» города. В реальном масштабе исторического времени это фактически мгновенная смена массового настроения, что также характерно для охлократии.

5

Помимо подхода А. А. Любищева существуют еще несколько способов описания категории цели.

Когда говорится о цели, то чаще всего имеется в виду достижение желаемого состояния. Но в качестве цели может выступать процесс.

На это обратил внимание в конце 60-х гг. английский генетик и биолог Уоддингтон. Понятие о гомеостазе — устойчивом состоянии — он дополнил понятием о гомеорезе — устойчивом процессе, к которому стремятся все остальные процессы. О таких процессах-гомеорезах как целях в последние годы развивается представление в политике. Типичный пример — заключение конгресса по глобальным проблемам человечества в Рио-де-Жанейро (1992) о переходе от задач охраны природы (т. е. охраны нынешнего состояния) к обеспечению устойчивого развития (процесса).

Для Петербурга гомеостатическими целями являются, например, цель сохранения его в сегодняшнем состоянии либо цель возрождения и сохранения дореволюционного города. Гомеорезными целями будут различные процессы развития.

Интересно, что в истории Петербурга зафиксировано множество своеобразных процессов, которые затем становились образцами для подражания. Санкт-Петербург — один из немногих городов, возникших по плану, причем планы составлялись и реализовывались весьма значительными людьми и служили в дальнейшем фактически нормативными. Это и план регулярной застройки типовыми домами, который принадлежал еще Трезини, и идея планировки Васильевского острова с тремя проспектами, перпендикулярными линиями и кладбищем посередине (которое далее стало осознаваться как парк), послужившая образцом для планировки городов Среднего Запада Соединенных Штатов, и проект, тоже, видимо, принадлежавший Трезини, раскраски штукатурок домов в разные цвета для создания оптимальной колористической гаммы в мрачном северном городе, который потом получил распространение во всей Европе. Таким образом, сформулированные ведущими архитекторами Петербурга цели-гомеостазы города стали целями-гомеорезами развития архитектурной мысли.

А каковы гомеорезные цели Петербурга?

Санкт-Петербург возник как принципиально имперский город, и как у столицы империи у него было совершенно определенное предназначение, он должен был создавать и проецировать на всю Россию некоторый устойчивый путь развития, в частности территориальную экспансию и культурное покорение новых территорий.

Сейчас это предназначение выполнено. Потеряв возможность осуществлять территориальную и культурную экспансию, Петербург оказался во власти гомеостатических целей поддержания и реставрации своего прошлого. Как результат Петербург действительно становится городом провинциальным. Иной статус он может приобрести за счет постановки новых гомеорезных целей. Это может быть цель ликвида-

ции этого города, раз он выполнил свои исторические функции, может быть цель создания культурного центра вне политики и экономики или включение в планетарную структуру мировых городов (имеющих экстерриториальный статус)...

6

Обсуждение проблемы целесообразности, начатое Любищевым, дало толчок для работ в этой области, в том числе для работ Юлия Александровича Шрейдера, итогом которых явилось осознание того, что можно говорить о целях еще по крайней мере в трех разных смыслах.

Процесс может быть направлен к той или иной цели, и тогда можно говорить о *целенаправленности*. Применительно к эврителизму можно говорить о том, что падение всех предметов, обладающих массой, на землю является процессом целенаправленным. Но такой процесс пассивен по отношению к его участникам. Предметы, падающие на землю, не проявляют собственной активности для того, чтобы достигнуть цели.

Существует другой тип цели и отношения к ней — *целеустремленность*. В этом случае тот, кто обладает целеустремленностью, преодолевает какие-то обстоятельства для того, чтобы достигнуть желаемой цели. Естественно, об этом можно говорить только применительно к человеку, причем человеку в достаточной мере разумному либо с сильными страстями. В первом случае целеустремленность будет развиваться по эвтелическому типу (пример — решение задачи математиком), во втором — по псевдотелическому (достижение влюбленным расположения своей возлюбленной).

Различение целенаправленности и целеустремленности восходит еще к Карлу фон Бэру (1876 г.). В дополнение к ним вводится третий тип целей по Ю. А. Шрейдеру — *целеполагание* — цель, сформированная тем, кто к ней стремится. Дело педагогов научить человека — начиная с определенного уровня развития — формировать собственные цели в соответствии с тем, что свойственно природе этого человека, его интересам, склонностям и т. д.

Здесь возникает любопытная психологическая коллизия. Как правило, этот человек (или группа людей) по достижении цели испытывает состояние глубочайшего кризиса. Можно сказать, что этот кризис тем глубже, чем более внешняя цель достигнута. В такой ситуации нередки самоубийства. Когда политические организации исполняют свои программные цели, они зачастую переходят к некоторой форме социального паразитирования. Например, в программе РСДРП в качестве конечной цели рассматривались социалистическая революция и за-

хват власти, а когда это удалось, партия довольно быстро пришла к фактическому самоуничтожению путем истребления своих самых активных членов.

Эту особенность психики учитывал Л. Н. Толстой, когда утверждал, что человек должен ставить перед собой принципиально недостижимые цели, которые удаляются по мере приближения к ним, как звезда или линия горизонта. Скорее всего, такого рода цели могут быть сформулированы только в результате целеполагания, ибо трудно представить себе ситуацию, когда кто-то создает такие цели, по отношению к которым некто другой будет осуществлять целеустремленное движение. Это характерно только для развитых религиозных практик.

Петербург, если рассматривать исторические аспекты его развития, имеет, скорее всего, цели второго типа — целенаправленные. Жесткую целенаправленность некоторых процессов определила организация города Петром I, и они шли так несколько десятилетий, но были прерваны со смертью Екатерины I, за которой последовало возвращение столицы в Москву. Уже в другой редакции эта же целенаправленность была сохранена, начиная со времен Елизаветы. Еще одна редакция этих установок появилась в екатерининское время. Начало XX в. задало совершенно другой спектр внешних целей для Петербурга как города, и, пожалуй, они были исчерпаны только с развалом СССР. Но под новыми социалистическими целями цели петровского типа просматривались постоянно. Так, в городе всегда существовала особая группа людей — высокообразованных, с сильно развитым чувством собственного достоинства, которыми трудно управлять политическими и экономическими средствами. И, возможно, не случайна была блокада Ленинграда, не случайно в городе организовывались «Ленинградские дела». Это можно рассматривать как попытку уничтожения пласта целей города, существовавших с начала XVIII в.

Сейчас же создается впечатление, что с распадом Советского Союза эти цели получили толчок к обновлению, что они вновь становятся жизнеспособными. Но и нынешние власти пытаются завуалировать цели Петербурга как города, включить эти цели в цели новой России, которые сами по себе весьма неопределенны.

7

Итак, рассмотрено несколько различных классификаций целей. Все они не являются полностью независимыми и могут определенным образом взаимодействовать друг с другом. Некоторые сочетания целей в системе возможных целей города могут оказаться под запретом, другие

сочетания будут реализовываться довольно часто. Именно такие устойчивые сочетания и составляют политическую реальность жизни города.

Прежде всего Петербургу в целом свойственна определенная целенаправленность и иногда — целеустремленность. Очевидно, что существует несколько групп, которые представляют разные цели и соперничают между собой. Это военно-промышленные группы, военные разных мастей, политические и хозяйственные функционеры, ученые и представители сферы образования, деятели культуры не как отдельные личности, а как представители таких учреждений, как Эрмитаж, Русский музей, академические театры, которые организуют жизнь Петербурга как центра администрируемой, официозной культуры и через которые протекают весьма значительные финансовые ресурсы. Возникает проблема конфликта целей, причем целей, скорее всего, не истинных, эвтелических, а псевдотелических, относящихся к коллективному бессознательному этих группировок. Нерефлексируемость целей их носителями делает политическую жизнь города предметом группового психоанализа в духе П. Рикера (который, кстати, любит посещать Петербург).

Наличие явно разных групп интересов в городе позволяет вспомнить структуру власти Санкт-Петербурга, введенную Екатериной II, которая предполагала наличие шести сословных групп гласных, выбиравших членов представительных органов. Такой принцип организации власти в городе может быть спроецирован и на самый высокий ее уровень.

Дело в том, что для Петербурга явно неприемлем индивидуальный эвтелизм, поскольку очень трудно представить человека, который может охватить проблемы города в целом. Видимо, с этой точки зрения идеальным градоначальником был только один, а именно Петр I. После него людей такого масштаба на этой должности не было. Отсюда следует, что существующая схема организации власти, когда городом практически единолично управляет губернатор, по меньшей мере неоптимальна. В этом городе необходимо отказаться от принципа простого единоначалия и строить самый верхний этаж городской власти в виде Совета в количестве 8–12 человек (представителей разных групп электората), каждому из которых на один или два месяца будет предоставляться право верховного правителя, т. е. человека, единолично принимающего решения в экстренных ситуациях. Такая организация власти непосредственно вытекает из понимания природы эвтелизма как истинного целеполагания.

Итак, оказывается, что категория цели является весьма сложной, а поэтому она может использоваться весьма многообразно. На этом основании можно с уверенностью утверждать, что если законопроект

о целях Санкт-Петербурга сведется к разговорам просто о целях, без уточнения их статуса, без их конструктивного описания в любом языке — вовсе не обязательно в языке, использованном здесь, то он окажется декорацией, которая в принципе не сможет эффективно «работать», а будет лишь прикрывать истинные устремления заинтересованных лиц. Таким образом, подобный закон будет новым вариантом разработки способов, используемых для политического манипулирования мнениями избирателей.

8

Разговор о целях может быть осмысленным и интересным сам по себе, и выше было сказано о том, какие новые перспективы — и сущностные, и политические — открывает обсуждение целей, а не решение конкретных задач. Но сам по себе целевой подход довольно ограничен. Еще в 70-е гг. Ю. А. Шрейдер показал, что могут существовать два типа сообществ или систем. Поведение одних мотивировано целями, других — ценностями.

Еще шире понимает эту проблему Макс Вебер, который говорит о возможности целерационального выбора, ценностно-рационального выбора, традиционного выбора и аффективного выбора, который производится человеком в сиюминутном состоянии психологического аффекта. Если аффективный выбор становится основанием для принятия политических решений, то запускается механизм формирования охлократии. Цели и ценности различаются прежде всего тем, что цели гораздо более конкретны, более жестко направлены и именно это определяет эффективность целевого подхода. Ценности, наоборот, являются более расплывчатым и неопределенным основанием для деятельности. Но, с другой стороны, ценностный подход более универсален и поэтому дает возможность получать какие-то ориентиры в новых, принципиально непредсказуемых ситуациях.

Для Петербурга вопрос о том, каким городом он является — целеориентированным или ценностноориентированным, — кардинально важен. Для его решения нужно разобраться в существующей мифологии.

Самый распространенный городской миф гласит, что Петербург был основан Петром I для того, чтобы «прорубить окно в Европу», построить флот и т. д. Тогда получается, что это вполне целеориентированный город. Но целые пласты исторического материала (проанализированные, в частности, Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским) указывают на то, что для Петра мотивы основания города были в первую очередь идеологическими. Для него это был Парадиз, в то время как Россия была

болотом. Для него это был город Святого Петра в гораздо большей степени, чем утилитарное окно куда бы то ни было. Не случайно вспоминается в это же время Андрей Первозванный, и через первозванство, через то, что он — первый ученик, призванный Христом, становится актуальным предание о том, что Андрей Первозванный путешествовал в том числе и в русские земли и установил крест на Киевских горах. Этим мотивируется введение ордена Андрея Первозванного как высшей российской награды. Таким образом, ценностные ориентации Петербурга могут оказаться еще выше, чем целевые. Это можно обнаружить и в устройстве Петропавловской крепости.

Но тогда возникает вопрос: почему нужно зацикливаться в городском законопроекте на обсуждении только целей Петербурга? Обсуждение ценностей — вопрос значительно более важный и универсальный.

При этом могут рассматриваться различные типы ценностей. Утилитаризм, которым очень часто сейчас ограничиваются, не является единственной и всеобъемлющей ценностью. Речь можно вести — конечно, предельно аккуратно — об исторических ценностях, о национальных ценностях. Нужно только понимать, что подлинные национальные ценности — это не то, что находится в прошлом, а то, что лежит в будущем. Можно обсуждать и ценности сугубо духовные, но тогда заведомо нужно выходить за пределы утилитаризма.

Ценностная ориентация может вступать в противоречие с целевой. Например, когда колониальные народы получают независимость и свободу (это явно реализация ценностей), они всегда проигрывают в экономическом отношении (сфере проявления преимущественно целей). Лидеры национально-освободительной борьбы это знают, но верят в высшее начало своего народа. Народ же, политически адекватно воспринимая ситуацию, отказывается от определенных целевых выгод ради того, чтобы реализовать свои ценностные установки. Такая позиция, возможно, органична и для Петербурга.

Создается впечатление, что Петербург в критические моменты своей истории спонтанно переходит на ценностную ориентацию. Например, та же самая Блокада. Очевидно, что Петербург существовал тогда как ценность, и сохранение его от вступления фашистских войск внутренне мотивировалось не целями, а ценностными установками. Так почему же сейчас нужно ограничиваться только целями?

Вообще про Петербург, как ни про какой другой город, можно сказать, что его существование ценностно ориентированно, причем значимость системы ценностей зачастую завышается. В результате ценности распадаются на ряд жестких целевых установок. Когда во время войны

декларировалась ценность сохранения города, а не жизней горожан, Ленинград воспринимался как идеологический символ. И для сакрализации этого символа применялись очень жесткие меры обороны города или нейтрализации идеологически важных фигур в нем.

9

Наконец, и цели, и ценности — только один из аспектов синхронических описаний, которые существуют в наше время в европейской культуре. Другими описаниями будут: функциональные, энергетические, программные, структурные и субстратные. Традиционно структурные и субстратные описания объединяются и дают морфологические описания. А морфологией города сейчас достаточно хорошо занимаются градостроители. Функциональные и энергетические картины также уже обсуждаются, прежде всего, с утилитарной точки зрения. И вот сейчас ставится вопрос о рассмотрении ценностно-целевых установок. Примерно 15–20 лет назад большую эффективность показывали программно-целевые проекты. Как тогда воспринимать сегодняшний интерес к ценностно-целевым описаниям? Как шаг к тому, чтобы получить программно-целевое описание города, то описание, идеология которого отработана раньше на более низком структурном уровне? Или это желание выйти из рамок программно-целевого подхода и породить целевые рассмотрения как таковые? Ответы на эти вопросы помогут понять, какие силы стоят за предлагаемым к обсуждению законопроектом.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «РУССКИЕ СТОЛИЦЫ. МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ»

(Составители А. Н. Замятин и Д. Н. Замятин. М.: Мирос, 1993) [1]

Появление первого выпуска Хрестоматии по географии России «Русские столицы. Москва и Петербург» позволяет поздравить многих: составителей — с представлением очень интересной и необходимой работы, издателей — с очередной удачей, читателей — с получением прекрасной книги, содержащей систематизированный свод порой весьма труднодоступных источников.

В целом, рецензируемая книга — безусловно большой успех, столь очевидный, что это не нуждается в специальном обосновании. Вместе с тем какие-то частные вопросы вызывают если не возражения, то по крайней мере размышления.

Обсуждая хрестоматию, естественно говорить в первую очередь о подборе текстов. В связи с этим хотелось бы высказать два соображения.

Прежде всего — и это самая серьезная проблема отбора текстов — в Хрестоматии практически не представлены материалы, отражающие советский период жизни столиц. А это довольно большой отрезок истории (в особенности для Санкт-Петербурга), оставивший очень значительный след в географии столиц. Тексты О. Мандельштама, Р. Габриадзе и С. Довлатова представляют явно не советские столицы, а текст Д. С. Лихачева «Москволенинград» явно «не дотягивает» до того уровня глубины, который свойствен большинству других текстов Хрестоматии. Представляется, что в этом серьезное упущение составителей.

Во-вторых, если даже принять такой временной принцип отбора, то кажется необоснованным включение в Хрестоматию малоинформативных и не вполне достоверных текстов, как, например, текста А. Н. Толстого «День Петра» (см. далее).

---

[1] Написано в 1993 г. для газеты «1 сентября. География». Не опубликовано как текст, не соответствующий жанру газетной рецензии.

Исключительно досадным дефектом Хрестоматии является неприемлемое качество воспроизведения любовно и тщательно подобранных иллюстраций — не говоря о том, что черно-белое их воспроизведение не дает возможности сопоставить колористику двух столиц, невозможно рассмотреть и мелкие детали — ландшафта, растительности, архитектуры, костюма...

Пожалуй, не всегда хватает карт, и прежде всего к разделу «Русские столицы» и к текстам «Между днепровским югом и верхневолжским севером» (особенно к с. 36).

Остальные замечания касаются комментариев составителей, которые, как представляется, не отличаются совершенством.

Прежде всего трудно разобраться с источниками текстов — под приведенным текстом стоит дата его создания, а ссылка часто дается на более позднее издание. Разыскать первоисточник в этом случае без обращения к более поздней перепечатке невозможно. В некоторых случаях не приводятся даты создания текстов — В. О. Ключевского (с. 40, 42), К. Гамсуна (с. 53), Б. Пастернака (с. 81), И. Анненского (с. 86), А. Дюма-отца (с. 94).

Нельзя безусловно согласиться с позицией составителей не давать никаких комментариев к текстам, даже в том случае, если эти тексты содержат явные фактические ошибки и недоразумения. Так, О. Мандельштам (с. 96) пишет об арке «с взвившейся... четверней», в то время как лошадей в колеснице шесть (кстати, это частая ошибка в описаниях Петербурга), Л. Я. Гинзбург (с. 104) пишет о Нептуне у Ростральных колонн, в то время как там «сидят» аллегории Невы, Волхова, Днепра и Волги. Непонятно и то, что имеет в виду А. Н. Толстой, отмечая, что «меньше становилось мазаных... избенок» (так чего — изб или мазанок? — с. 76), что означает выражение «бритые как коты» (там же), как и непонятно, что имеется в виду при упоминании пихты на с. 81. Это же относится и к некоторым утверждениям Е. Н. Перцика (с. 70–73).

Не всегда безупречны и сами комментарии. В некоторых случаях хотелось бы большей точности выражений (например, примеч. 2 на с. 27 квалифицирует именование Москвы Третьим Римом как риторическое, хотя это скорее историософское наименование; на с. 58 (примеч. 3) речь идет о Калининском проспекте, который ныне называется Новым Арбатом). Нельзя согласиться с прямолинейностью политической трактовки фигуры Андрея Первозванного (примеч. 1 на с. 23).

Сомнительна ценность ряда комментариев. Так, в примеч. 1 на с. 34 указаны две даты смерти И. Е. Забелина, а причина такой двойственности не пояснена (то же самое и в сведениях о старце Нектарии на с. 110); небесспорна необходимость рассказа о Кубенском озере

(примеч. 1 на с. 38) — это вполне контекстно-свободная информация, которая может быть почерпнута в разных источниках; неочевидно, что миннезингеры известны потенциальным читателям лучше, чем Тангейзер; непонятно, почему среди других не дано биографической справки о Зиме (с. 53); стилистически неудачно пояснение образа Монблана на с. 54; граничит с неточностью упоминание Ч. Камерона как работавшего в Петербурге, а не в его пригородах (с. 105), как и не ясны причины разночтения в написании фамилии Фальконе (с. 106).

Но, естественно, все эти мелкие недостатки отнюдь не умаляют достоинств Хрестоматии.

В целом, предлагаемая Хрестоматия вводит в школьный оборот принципиально новый круг идей, задает широкий спектр историософских позиций, без опоры на которые практически невозможно осмысленное изучение региональной географии. Еще более возрастает значение рецензируемой работы, если ее рассматривать не как изолированное произведение, а во взаимодействии с другими учебными пособиями. Прежде всего это готовящееся МИРОСом учебное пособие по географии центральной России Б. Б. Родомана. Для меня же, как автора предполагаемого пособия по географии Северо-Запада России, рецензируемая Хрестоматия готовит великолепную почву, задаваемую спектром историософских концепций Г. П. Федотова, М. А. Волошина, А. С. Пушкина, Н. П. Анциферова, Г. Д. Гачева и других представленных авторов.

РОССИЯ

РОССИЯ: ЧТО ДАЛЬШЕ?[1]

Распался СССР. Идет речь о том, что Россия не распадется. Или может распасться. Кому что хочется. А каковы же аргументы?

Рассмотрим один аспект.

До 1917 г. Россия называлась империей. СССР называли Империей зла. Но империя ли это? Это первый вопрос, на который надлежит ответить, пытаясь разобраться в текущей ситуацией в России.

Мне представляется, что — да. Для империи характерно распространение единой политико-административной системы, порожденной на территории метрополии, на разнородные в природном, этническом, религиозном и экономическом отношениях территории. Это было и в Российской империи, и (в существенно большей мере) в СССР, есть и в нынешней России.

Империи бывают по крайней мере двух типов.

1) Империи с дистантными («заморскими») колониями. Развал таких империй наблюдался в этом веке (Британской, Испанской, Португальской, Французской, Голландской).

2) Империи с контактными колониями (Римская, Византийская, Сасанидов, Тимуридов, Александра Македонского, халифаты, Ассирийская, Великих Моголов).

Империя как способ организации государственной жизни обладает своими достоинствами и недостатками, давая возможность решать одни задачи, которые было бы невозможно решить иначе (например, прекращает клановую месть, позволяет осуществлять грандиозные проекты), но порождает и свои специфические задачи (например, построить особым образом колониальную политику, поддерживать престиж метрополии).

---

[1] Опубликовано с небольшими изменениями как «Империя как способ организации государственной жизни» (Час пик. 1995. № 45 (413) 11 марта. С. 3) с замечательным фотоколлажем Михаила Дмитриева (по инициативе редакции). В. А. Дымшиц обратил внимание на то, что рассмотренные типы развития империй не относятся к империям типа Австро-Венгрии. Этот тип может квалифицироваться как **региональные,** в противоположность трансконтинентальным. С учетом этого замечания к региональным империям следует отнести халифаты, империи Сасанидов и Тимуридов. Империи такого типа имеют более короткий цикл развития.

Вместе с тем ни одна империя не вечна. Национальное государство с какого-то момента возвышается над другими и входит в стадию превращения в империю. Империя достигает своего максимального размера, на некоторое время стабилизируется и далее начинает распадаться. Сначала обычно делится на крупные блоки, затем измельчается и полностью «перерабатывается», входя в состав каких-то других государств. Остановить этот процесс никогда никому не удавалось.

Другое дело, что тот или иной политик в зависимости от виртуозности своего искусства может воспользоваться этим процессом, правильно или неправильно определить фазу развития империи, в которой находится данное государство, предпринять шаги, упреждающие развитие событий, или плестись в их хвосте.

Как представляется, ныне имеет место процесс распада Российской империи. Присутствуя при нем, полезно воспользоваться историческим опытом. Такой опыт указывает на разные варианты распада империй.

Империи с дистантными колониями при распаде сохраняют целостность и аутентичность метрополии. При этом они могут как сохранять сложившиеся связи со своими бывшими колониями (вариант Великобритании, упреждавшей развитие жестких форм конфликта со своими колониями), так и попадать в конфронтационные отношения с ними (французский вариант, сопровождавшийся кровопролитными освободительными войнами).

Империи с контактными колониями в процессе своего распада приходили к полной переработке метрополии (почти все указанные выше примеры), иногда с полным диспергированием доминировавшего этноса (например, ассирийцы). Лишь иногда, после длительного периода вторичного «собирания», складывалось государство, близкое к исходному (например, Италия как остаток Римской империи).

Россия принадлежит к контактному типу империй. Ее вступление в имперскую фазу относится примерно к эпохе Ивана III (продвижение в Среднее Поволжье, на Урал), а временем завершения формирования территории империи является присоединение южной части Туркмении и Памира в 80—90 гг. XIX в. Несколько ранее произошла и первая значимая утрата империи — продажа Аляски.

Далее, до Первой мировой войны ситуация стабилизируется. Из войны Россия выходит без Финляндии, Прибалтийского края, Польши, Бессарабии. В ходе Второй мировой войны в ее состав возвращаются часть Финляндии, страны Прибалтики, Бессарабия, Западные Украина и Белоруссия, а также присоединяются Восточная Пруссия, Северная Буковина, Южный Сахалин и Северные Курилы.

Кроме того, с 1924 г., по сути, частью Российской империи являлась Монголия, с 1945 — страны социалистического лагеря в Европе, с 1949 — Китай, и несколько позже Вьетнам, Северная Корея, Куба, некоторые из них — с особым статусом в составе империи.

Предвестниками и составными частями распада соцлагеря как части империи можно считать события в Венгрии 1956 г., в Чехословакии 1968 г., обособление Югославии, Румынии и Китая, изоляционизм Албании, движение «Солидарность» в Польше, роспуск Варшавского договора, «бархатные революции» в Чехословакии и Венгрии, распад Чехословакии, войну в Югославии.

В 1991 г. происходит распад СССР.

Таким образом, можно говорить о прослеживающемся уже около 120 лет режиме колебания размера территории Российской империи. Последние 75 лет скорее преобладают дезинтеграционные тенденции, резко усиливающиеся в последние три десятилетия.

Учитывая опыт распада империй с контактными колониями, можно полагать, что это только начало процесса. Каким же может быть его конец?

Представляется, что наследство Российской империи должно распасться на несколько десятков образований с населением по несколько миллионов — несколько десятков миллионов человек. Далее эти образования будут консолидироваться в группы, возникающие в соответствии с культурно-историческими и религиозно-этническими связями. Такие группы могут состоять как из фрагментов прежней Российской империи, так и из объединения этих фрагментов с какими-то инотерриториальными образованиями, соприродными им. Впоследствии такие группы могут быть преобразованы в новые государственные единства.

Среди таких государственных единств имеют шанс на выживание те, которые соответствуют требованиям, предъявляемым ныне к субъектам межгосударственных отношений. Такие требования включают в себя относительную культурно-политическую однородность территории, сопоставимый уровень промышленно-экономического развития и население порядка нескольких сотен миллионов человек. Подобными субъектами ныне являются Западная Европа (отсюда — тенденции к ее консолидации), США и Канада, Южная Америка (Бразилия, Аргентина, Чили), Китай, Индия. Ныне складывается и Средневосточный мусульманский регион.

Обсуждаемые группы послеимперских образований обречены либо распределиться по перечисленным образованиям (скажем, Белоруссия имеет шанс стать частью Европы, бывшие республики Средней Азии —

войти в Средневосточный регион), либо сформировать новые региональные образования (Прибалтика и Петербург в совокупности со Скандинавскими странами, Финляндией и Данией, — сформировать Северно-Европейское Средиземноморье, возможно складывание единого образования, охватывающего палеоазиатские народы, живущие по обе стороны Берингова пролива, и т. д.).

В зависимости от искусства политиков переход к описанному состоянию может произойти ценой разных по величине потерь.

НАЧАЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ[1]

Предисловие

Настоящий документ подготовлен «Интеллектуальным конгрессом» в начале ноября 1993 г. В силу организационных причин он не был опубликован до референдума по проекту конституции, после чего текст представляет интерес прежде всего как вариант конституционного конструктора с учетом российских условий.

Прошедший год показал актуальность заложенных в документ концепций, в частности идеи фазового общества и государства (события в Чечне, подписание договора об общественном согласии).

Разные авторы, разрабатывавшие этот документ, считали необходимым детализировать его в разной степени, что определило его существование в разных версиях.

Интеллектуальный конгресс

Международный экспертно-аналитический центр «Интеллектуальный конгресс» при АО «Дом Ростовых» создан группой специалистов в сентябре 1993 г. Центр готовит обобщающие исследования деятельности сложных систем с точки зрения экономики, политики, психологии, менеджмента, безопасности и права. В область исследовательских интересов Центра попадают как отдельный человек, фирма, госпредприятие, общественная организация, так и макросистемы типа государства и рынка (по региону, виду товара и т. д.). Соответственно определяется и круг партнеров «Интеллектуального конгресса». Степень конкретности консультаций зависит от интересов заказчика.

Спонсорами «Интеллектуального конгресса» являются Гуманитарный фонд им. А. С. Пушкина и АО «Пеккон» — предприятие, специализирующееся на производстве и торговле мини-пекарнями.

Контактный тел.: 2516158, Жуков Леонид Борисович, вице-президент АО «Дом Ростовых».

---

[1] Опубликовано в Zydroji Baltija, 25 декабря 1995, С. 1–3.

Адрес: 119048, а/я 567, АО «Дом Ростовых», учрежден союзами писателей демократической направленности в марте 1993 г.

Декларация прав и обязанностей субъектов социальной активности

Субъектами социальной активности являются личность, семья, община, коллегия и организация в том случае, если они могут существовать в социальной среде без посторонней помощи (самодостаточны).

Субъекты социальной активности имеют право на все формы легитимной активности, в частности обладают следующими предельными правами:

— Субъект социальной активности сам определяет легитимным образом объем своих декларированных прав из перечисленных далее в любом сочетании.

— Субъект социальной активности наделяется данной декларацией правом легитимного выбора смены модуса своего существования или его поддержания (например, тип жизни, тип смерти, тип посмертного пути).

— Субъект социальной активности имеет право на легитимные формы независимости от чего-то ни было в том объеме, который выберет (в том числе на неприкосновенность тела, жилища, собственности и своего внутреннего мира в их вещественном и энергетическом видах).

— Субъект социальной активности имеет право на легитимное приобретение любых сведений о событиях в общественных и иных местах, получение сведений из которых легитимно.

— Субъект социальной активности имеет право на легитимное приобретение любых сведений о себе, если их сбор им оплачен или произведен на средства налогоплательщиков. Если эти сведения собраны частным образом, то с ними можно ознакомиться, если хотя бы какая-то часть этих сведений собиралась нелегитимным путем.

— Личность имеет право на легитимное выражение своих эмоций и чувств в тех случаях, когда кто-либо, не принадлежащий к тому же фазовому обществу, что и она, вторгся в ее интимную сферу, каковыми вторжениями считаются: принуждение к экспликации своего отношения к чему-либо или переживания чего-либо, навязывание обсуждения ее отношений с кем-либо, принуждение к нежелаемому ею оперированию с личными вещами и приравниваемые к ним.

— Личность имеет право легитимно оградить себя от преследования действиями, эмоциями, чувствами со стороны лиц, не принадлежащих к данному фазовому обществу.

— Личность имеет право легитимно определять или не определять для себя место своего проживания, национальность, религию, тип культуры, пол, возраст, сословие, подвластность той или иной конституции, включенность в ту или иную традицию, причастность к тому или иному общественному движению. Личность вправе определить или не определять, чему или кому она служит. Выбор личности сам по себе не дает права включиться в жизнь соответствующей группы населения.

— Субъект социальной активности имеет право (если это не противоречит нормам фазового общества, к которому он принадлежит) на свободу передвижения вне арендованных и легитимно запрещенных к посещению территорий, свободу заключения сделок, свободу выражения себя без каких-либо ограничений в специально отведенных местах, изданиях или каналах информации, а вне этих мест по просьбе всех присутствующих. Таковые места власти государственного образования Проблемного пространства обязаны предоставить, а специализированные издания и каналы информации разрешить. Субъект социальной активности имеет право оградить себя от преследований высказываниями или убеждениями, внушением, гипнозом и приравниваемыми к ним воздействиями, если они исходят от представителей тех фазовых обществ, к которым он не принадлежит, или если такие воздействия нелегитимны в том фазовом обществе, к которому он принадлежит.

— Субъект социальной активности имеет право легитимно инициировать борьбу за реализацию прав другого, только если этот другой не в состоянии самостоятельно осуществить инициирование.

Обязанности субъектов социальной активности

— Субъект социальной активности обязан не использовать средства и методы массового уничтожения и массового манипулирования.

При взаимодействии субъектов социальной активности, принадлежащих к разным фазовым обществам, или при взаимодействии внутри одного фазового общества — в том случае, если последнее признает провозглашаемые принципы, — субъекты социальной активности руководствуются следующими принципами:

— Субъект социальной активности должен действовать таким образом, чтобы это не привело к ограничению прав других субъектов социальной активности ни непосредственно, ни опосредованно.

— В случае если реализация декларированных прав субъектом социальной активности вызывает недовольство, сильное напряжение у кого-либо, то тот, у кого возникает такая реакция, обязан употребить

все силы, чтобы никак не проявить этого ни деятельностно, ни эмоционально, если только такое сдерживание прямо не ведет к его собственной невменяемости.

— Субъект социальной активности обязан выполнить договор, который был им заключен. Если договор ущемляет право субъектов социальной активности, в том числе и его самого, он может быть расторгнут, как нелегитимный.

— Закон, инструкцию, приказ или распоряжение, ущемляющие декларированные права субъектов социальной активности, направленные субъекту социальной активности как исполнителю, он обязан не выполнять. В случае осуществления последнего деяния должны быть найдены средства его поощрения.

Санкции

Отчуждение любого из декларированных прав субъекта социальной активности или препятствование выполнению перечисленных обязанностей кем бы то ни было, не принадлежащим к данному фазовому обществу, или кем-либо, принадлежащим к данному фазовому обществу, если оно принимает данную норму, является преступлением против человечности.

Если какой-либо субъект социальной активности принужден выступать в качестве ответчика, то он вправе выбирать любой суд, который берется регулировать вменяемое в вину действие, где бы он ни находился, для рассмотрения его дела.

Нелегитимная с позиций государственного образования проблемного пространства деятельность субъекта социальной активности, не ведущая к последствиям, ущемляющим какого-либо субъекта социальной активности, сообщества или государства, может быть осуждена сообществом или государственным образованием, но без социальной изоляции.

Субъект социальной активности, действующий нелегитимно и опасно для другого субъекта социальной активности, принадлежащего к другому фазовому обществу, может быть принужден по судебному решению к уменьшению социальной активности (вплоть до прекращения социальной активности) на срок, через который возникшая опасность минует.

Запредельные права

— Когда соблюдение закона прямо ведет к невменяемости или угрозе жизни, притом что субъект социальной активности намерен продолжать жить, он может не исполнять этот закон.

— Если субъект социальной активности, использовав все перечисленные средства, не смог добиться для себя декларированных здесь прав, то он имеет право на легитимные демонстрацию, забастовку, свержение властей, уход на нелегальное положение или внутреннюю эмиграцию.

Хартия добрососедства

Цель Хартии добрососедства — создать пространство типов взаимодействия людей и иных субъектов социальной активности с тем, чтобы они могли бы реализовать свои права и чаяния, не ущемляющие права других. Это пространство типов взаимодействия реализуется при том условии, что выполняются все пункты Хартии добрососедства.

Формирование фазового единства

— Каждое объединение людей одного склада, одного круга взглядов может создать порядок отправления публичной или общинной жизни и укоренить его любым способом, в том числе и конституционно. Если такое объединение имеет признаки живого существа (социального), то оно является обществом.

— Каждый человек в границах Проблемного пространства или вне его может войти или не войти в общество по его правилам.

Житель Проблемного пространства, не вступивший в какое-либо общество, является неприсоединившимся.

— Каждое общество может породить или не породить специализированную организацию по защите себя извне, а также специализированную организацию по легитимному применению силы для поддержания введенного в обществе порядка. Каждая из этих организаций может иметь вооруженные формирования. Если на территории находится только одно общество, имеющее вооруженные формирования, то организация, в которую они входят, является территориальным государством, а если есть другие такие же общества, то такая организация является фазовым государством. При переходе от территориального государства к фазовому территориальные границы заменяются на правовые.

Силы внутреннего легитимного насилия не могут использовать технические средства и методы массового уничтожения и массового манипулирования.

— Каждое общество имеет самоуправление, тип которого определяет самостоятельно, в том числе и в традиционном разделении на законодательную, судебную и исполнительную власти. Общество управляет своим фазовым государством.

Формирование Общего единства

— На Проблемной территории может быть любое количество обществ. Все общества, а также неприсоединившиеся к обществам лица вместе составляют сообщество. Сообщество может полностью занимать определенную территорию, но может быть и фазовым сообществом.

— Представители всех обществ, которые этого желают, вместе на договорных правах составляют Конгресс сообщества, имеющий следующие задачи:

а. Сформировать порядок отправления жизни для неприсоединившихся лиц сообщества.

б. Поддерживать порядок отправления жизни неприсоединившихся лиц, для чего образовать вооруженные формирования.

в. Осуществлять деятельность, ведущую к непротиворечивости порядков отправления жизни обществ.

г. Образовать или не образовать вооруженные силы для защиты от вторжения внешнего врага и осуществления размежевания фазовых государств.

— Исполнительная власть Общего единства занимается тем, что не входит в обязанности исполнительных властей обществ.

— Представители всех обществ совместно конституируют судебную ветвь власти, разрешающую все споры в сообществе и дающую право на применение вооруженных формирований внутри сообщества.

— Представители всех фазовых государств вместе составляют Синклит представителей фазовых государств, являющийся координирующим центром территориального государства, назначением которого является только защита от внешнего силового воздействия и размежевание противоборств фазовых государств.

— Государственное образование Проблемного пространства отделено от природы, общества (вмешательство органов государственного образования во внутреннюю жизнь обществ недопустимо ни в какой форме и ни при каких условиях), церкви, экономики и культуры.

— Совместимость порядков отправления публичной или общинной жизни обеспечивается, во первых, Декларацией прав личности и иных субъектов социальной активности; во вторых, деятельностью Конгресса сообщества.

— На лицо, оказавшееся в каком-либо из обществ, распространяются уложения и нормы самого этого общества, принятые этим обществом обязательства по отношению к общему единству или к другим обществам сообщества, а также принятые сообществом обязательства по отношению к иным территориальным государствам.

— На неприсоединившееся лицо распространяются законы порядка, сформированного Конгрессом для неприсоединившихся лиц, а также международные соглашения сообщества.

— Каждый член общества обязан вносить определенный самоуправлением общества налог на счет той ветви власти фазового единства, на счет которой он найдет нужным, или частями на счета нескольких ветвей власти (в том же суммарном объеме).

— Каждый член общества и каждое неприсоединившееся к обществам лицо обязаны вносить налог, определенный самоуправлением Общего единства на счет одной из ветвей власти этого единства по своему усмотрению, или частями на счета нескольких ветвей власти.

— На членов общества и неприсоединившихся лиц может быть возложена, а может быть и запрещена самоуправлением общества повинность типа служения при обязательной альтернативности видов выбираемой человеком повинности. На это время на него распространяются не все права личности из Декларации о правах личности и иных субъектов социальной активности.

ЧТО ДЕЛАТЬ С КПСС?[1]

Политическая жизнь России последних лет так и не решила проблемы КПСС (включая события августа 1991 и октября 1993 г.). Поэтому проблема судьбы КПСС остается актуальной и поныне.

Прежде всего, КПСС должна быть признана преступной организацией — на ее счету развернутая нелегальная деятельность (в том числе и международная), организация государственных переворотов в разных государствах, оккупация государств, осуществление политики геноцида, идеология человеконенавистничества, проповедь насилия по классовому признаку, «геноцид» сословий (купечества, большей части дворянства, духовенства, мещанства), отказ от подчинения термоядерного оружия органам ООН и последовавшая за этим «холодная война» и т. д. Деятельность национал-социалистической партии Германии в сравнении с этим — невинные шалости.

Тем не менее, деятельность КПСС так и не стала предметом изучения международного трибунала. До тех же пор, пока это не сделано, II мировую войну нельзя считать оконченной.

В этой ситуации термины «коммунист», «коммуняка», «красно-коричневые», «фашисты» стали политическими джокерами, которыми удостаивают своих противников почти все участники политических дискуссий.

Более того, в обществе налицо раскол, притом не только явный, но и скрытый, так что почти каждый гражданин России хотел бы набить морду или прирезать своего соседа или сослуживца за характер его поведения при коммунистах и без них.

Причина такого положения заключается в том, что до сих пор не дано юридически адекватного заключения о деятельности КПСС, с приобщением к делу всех сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и всех последующих лидеров КПСС, а также сочинений лидеров других коммунистических партий XX в., в которых изложено обоснование этой политической практики (в их — теории и практики — исторической преемственности).

---

[1] Написано в 1993 г. по материалам совместного семинара Гуманитарного фонда и редакции журнала «Знание — сила». Результаты думских выборов 7 декабря 2003 г. показывают актуальность этого вопроса до настоящего времени.

При этом надо отдавать себе отчет в том, что до тех пор, пока не дана юридическая оценка всем этим действиям и документам, невозможно ни преодолеть гражданского недоверия и подозрительности всех ко всем, ни установить меру вины преступников, проходящих по делу об организованной преступности, ни найти формулы гражданского национального примирения в России.

Пока же власти, не решая вопрос о КПСС радикальным образом, используют коммунистов как пугало тогда, когда они попадают в затруднительное положение.

РОЛЬ АРМЕНИИ В ДЕКОМПОЗИЦИИ СССР[1]

Когда стала очевидной необходимость декомпозиции СССР (для автора — в 70—80 гг.) как тоталитарной империи, начался поиск средств такой декомпозиции. В связи с этим обратила на себя внимание Армения.

Армения отличалась мощной социально активной диаспорой, представленной по всему миру и, в частности, имеющей своих влиятельных представителей в Москве и Санкт-Петербурге. В итоге армяне создавали вокруг себя определенное национальное напряжение, притом что диаспора имела связь с исторической родиной. К тому же государство, занимающее часть исторической родины, было такой составляющей СССР, которое открыто заявляло о своих территориальных претензиях (Арарат на флаге Армении). При этом Армения выделялась на фоне СССР своей экономической активностью.

В этой ситуации возвращение Турцией Арарата Армении могло привести к массовой засылке разведывательных кадров (прежде всего представляющих интересы НАТО) на территорию всего СССР, консолидации национального армянского сознания, которое имело бы шанс на восстановление государственной независимости Армении. Эти процессы, в свою очередь, могли бы запустить активизацию становления национального сознания в других республиках СССР, как и процесс государственной суверенизации.

Дополнительным фактором, стимулирующим такой процесс, была запутанность армяно-азербайджанских отношений, прежде всего в Нахичевани и Карабахе. В последнем и начались первые в СССР национальные конфликты, и в известном смысле, с него начался процесс распада СССР.

В ближайшие десятилетия Карабах, вероятно, будет одним из наиболее милитаризованных районов бСССР, а Армения в целом в окружении мусульманских государств будет напоминать Израиль (притом, что весь регион имеет определенные черты типологического сходства с Ближним Востоком).

---

[1] Написано в 1993 г. по материалам совместного семинара Гуманитарного фонда и редакции журнала «Знание — сила».

ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Предисловие

Этот текст задуман осенью 1997 г., когда в средствах массовой информации впервые вылилась ностальгия части населения по советской жизни. Его основа была написана в мае—июне 1998 г. Но тогда помимо прочих причин его завершению препятствовало и то, что невозможно было сказать, а когда же описываемый период закончится. Деятельность правительства Кириенко и события 17 августа 1998 г. явились концом описываемого периода. Реставрация коммунизма стала казаться неизбежной, и российский социум оказался в состоянии клинической смерти. Несколько оживила его натовская операция на Балканах и в особенности жесткое заявление Шаймиева и других лидеров мусульманских автономий России о недопустимости второй раз разыгрывать сараевскую карту. В итоге с отставкой Примакова оказалось, что Российское государство продолжает линию, заданную Ельциным — Гайдаром — Чубайсом — Кириенко. Сам по себе этот итог чрезвычайно важен — он свидетельствует о том, что политическая система страны обладает высокой степенью динамической устойчивости, что позволяет надеяться на необратимость процессов преобразования.

Октябрь 1999

Исходные положения

Итоги последних 10–15 лет истории Советского Союза — России рассматривать в целом еще рано: это время еще не отдалилось от нас настолько, чтобы суметь сохранить абсолютную беспристрастность. Поэтому, не претендуя на истину в последней инстанции, я буду выступать как политический обыватель и постараюсь с этой позиции просто описать то, что происходило на протяжении этого периода, рассматривая и истоки происходящего.

Моя позиция контрастирует с мнением, бытовавшим в диссидентской среде в советское время. Оно заключалось в том, что именно диссиденты знают, как строить Россию, какие реформы ей нужны. Однако

никто из них не утруждал себя задачей построения последовательной концепции таких реформ и скучными проектами того, как они будут зарабатывать деньги или «оспаривать налоги». Очень ярким свидетельством этого является проект сахаровской конституции или манифест Солженицына об обустройстве России.

Исходными для рассмотрения будут три положения.

Во-первых, произошла глобальная и неожиданная для многих, хотя и выношенная предшествующим развитием, смена моделей жизни. Для того чтобы отдать самим себе отчет в том, что же произошло, нужно описать траекторию этих трансформаций.

Во-вторых, мне представляется, что, сравнивая прошлую и нынешнюю модели жизни, бессмысленно рассматривать их с точки зрения «хуже — лучше». Когда смена моделей глобальна, оценочные критерии перестают «работать». Конечно, модели можно сравнивать аспектуально, и это будет сделано, но, поскольку речь идет о многих разных аспектах и разнонаправленных процессах, интегральную оценку подобного типа дать сложно.

В-третьих, происшедшие преобразования явились результатом наложения нескольких тесно переплетенных процессов:

— Терминальной фазы развития России как империи с контактными колониями[1].

— Крушения как государственной структуры, основанной на коммунистической идеологии, так и самой этой идеологии. Вехами на этом пути были волны ревизионизма, призванные решать текущие политические задачи[2].

— Процесса модернизации, которая задержалась в России по сравнению с другими европейскими и североамериканскими странами (в разных сферах от нескольких десятилетий до нескольких столетий). В результате в России так и не укоренились ценности гражданского общества, представления о политической (расовой, национальной, сексуальной) корректности, современные индустриальные (в том числе в сельском хозяйстве) технологии с их высокой степенью стандартизации при не очень высоком качестве продукции и т. д.

— Складывания нового мирового порядка, основанного на балансе глобализации и локализма. «Железный занавес» изолировал СССР от этих процессов, и теперь Россия вынуждена искать свое место в них,

---

[1] Подробнее об этом см. *Чебанов С.* Империя как способ организации государственной жизни // Час пик. 1995. № 45 (413). 11 марта. С. 3; см. наст. изд С. 88–91.

[2] О философской составляющей этого процесса см. *Чебанов С.* Парадигматическая смута постсоветского философствования//Радуга. Таллинн. 1996. № 1. С. 98—108; см. наст. изд. С. 511–523.

притом что все ключевые роли уже распределены, а территории, образующие единые образования с позиций локализма, весьма произвольно пересекают границы Российской Федерации.

— Национального своеобразия страны, которое не исчерпывается уже отмеченными чертами.

Так что же ушло?

Для того чтобы обсуждать, что произошло, нужно ясно осознавать, что же ушло. По-моему, растерянность нынешнего российского социума в большой мере связана как раз с тем, что нет ясного понимания того, с чем же мы расстались. Вместо этого выдаются разного рода мифологические квалификации ушедшего.

Реально в памяти населения зафиксирован советский режим в том виде, в котором он существовал к середине 80-х гг. Но почти всегда, когда говорят о советском режиме, говорят обо всей эпохе правления коммунистов. Тут и появляются мифологемы, некоторые из которых и будут зафиксированы.

Первый и наиболее глубокий пласт мифологизации — это вера в то, что советская действительность 80-х гг. имела какое-то отношение к социалистический идее.

Если понимать социализм как утопический, то все его концепции ориентированы на чрезвычайную простоту общества. К 80-м же гг. советское социальное устройство было одним из самых структурно сложных в истории. Так что утопическим советский социализм явно не был.

Был ли советский социализм социализмом в понимании Маркса или шире — первого Интернационала? Безусловно, некоторые общие черты при этом прослеживаются — достаточно вспомнить не только идею ликвидации частной собственности на средства производства, но и марксовские идеи создания концлагерей или его же военную программу революции и т. д. Сама идеология «чистого» марксизма, в любой ее форме, есть вещь жесткая и агрессивная, ориентированная на воплощение жесткой структурной организации. В СССР это проявлялось последовательно не только в военном строительстве и ГУЛАГе, но и в крайнем атеизме, идеологической нетерпимости.

Но еще во время первого Интернационала и на всем протяжении дальнейшей истории марксовские представления являлись основой для проявления деятельности различного рода ревизионистов. Одним из таких ревизионистов, несомненно, был Ленин. В западной советологической литературе этот вопрос обсуждался достаточно детально. Тем самым ни о каком чистом марксизме говорить не приходится, а нужно

говорить о ленинском переложении марксовских концепций. Это был, безусловно, радикальный ревизионизм, причем произведенный на основе очень бурной политической активности. Ленин под марксовскими знаменами планировал захват власти, глобальный грабеж собственников, интеграцию собственности, уничтожение церкви, и все это — на основе введения военно-политической диктатуры.

Деятельность Сталина в этом отношении была производной и весьма мелкой по сравнению с деятельностью Ленина. В сталинское время были решены две задачи. Первая — массовая ликвидация путем физического уничтожения определенных сословий. И вторая — проблема создания новой идеологии, которая заменила чисто критическую идеологию Маркса—Ленина некоторыми позитивными ценностями. Речь идет о так называемых диамате и истмате[1]. Их совместимость как с марксизмом, так и с ленинизмом является самостоятельной проблемой, причем весьма запутанной.

Следующим этапом становления ревизионизма был провозглашенный в 50-е гг. принцип мирного сосуществования. Начался радикальный пересмотр советской идеологии. В это же время произошло соприкосновение советской системы с мировыми ценностями. Все это привело к размыванию идеологической базы СССР.

Некоторая попытка реанимации и консолидации социалистических идей была сделана на XX и XXII съездах партии, проведенных под эгидой Хрущева. В результате в начале 60-х гг. произошло в определенной степени возрождение социалистических идей якобы в ленинской редакции, и на несколько лет они стали довольно популярными среди разных групп тогдашнего советского населения.

Но при каких-то социально позитивных сторонах такой консолидации имели место и явно негативные явления. Жесткая антирелигиозная пропаганда во времена Хрущева привела к тому, что из системы ценностей выпала духовная жизнь в ее традиционном понимании. Она была заменена жизнью культурной, искусством, поэзией. Такой искусствоцентризм стал характерной чертой образованных людей того времени и полностью вытеснил жизнь религиозную.

Пришедший на смену хрущевской оттепели брежневизм, особенно к 70-м гг., когда он окончательно «созрел», был крайней формой ревизионизма. Перед ним стояла другая задача: интеграция советского государства и населения и создание некоторой стабильной и потенциально бесконечно длящейся модели повседневного поведения. Это крайне

[1] См. об этом: *Чебанов С. В.* Парадигматическая смута постсоветского философствования//Радуга. Таллинн. 1996. № 1. С. 98–108; см. наст. изд. С. 511–523.

важный и в известной мере поворотный пункт в той ситуации, которая является предметом обсуждения.

Тогда впервые де-факто возникла актуальная потребность в том, чтобы отречься от идей социализма и планов его построения, от марксизма-ленинизма, от разнузданной антирелигиозной пропаганды. Необходимость таких изменений хорошо понимала старшая генерация советских идеологов. Поэтому наблюдения за идеологией конца 70-х — начала 80-х гг. можно интерпретировать только одним образом: власти искали способ отказаться от декларируемых социалистических ценностей и перевести идеологическую абракадабру в сферу чисто меркантильных и интеллектуальных задач. Идеология интеллектуализма, в том числе и политического интеллектуализма, стала повседневной реальностью, и было видно, как государственные идеологи приклеивают марксистскую фразеологию к текущей ситуации так, как будто просто решают интеллектуальную головоломку.

Завершил решение этой сложнейшей исторической задачи Горбачев. Можно проследить, как он месяц за месяцем занимался демонтажем базисных ценностей прежней идеологии. Поворотными пунктами на этом пути были выдвижение его идеи о том, что все мы находимся в одной лодке, провозглашение приоритета общечеловеческих ценностей над ценностями классовыми и т. д. Таким образом, был найден способ легального уничтожения советской псевдосоциалистический идеологии.

Здесь, как мне представляется, проходит водораздел. На одной стороне остается доклад Горбачева на юбилее Маркса, в котором шла речь о реанимации марксовских представлений о социалистическом устройстве, что вызвало прилив энтузиазма у просвещенных коммунистических идеологов. На другой — приоритет общечеловеческих ценностей, озвученный тем же Горбачевым. Между ними происходит радикальный слом всей идеологии и переориентация ценностей развития государства. До этого, включая и речь на юбилее Маркса, можно говорить о том, что марксистская фразеология рассматривалась как существенное подспорье в идеологии. После этого происходит отказ от этой идеологии и постепенный, но радикальный поворот. Принципиальная граница между разными историческими эпохами, по крайней мере для Российской империи, проходит здесь. После этого для Горбачева монополия КПСС оказывается просто инструментом для удержания власти и получения корпоративных выгод. Именно поэтому он так рьяно до последнего момента пытался сохранить власть КПСС и не допустить появления многопартийности. Точно так же ныне использует компартию как источник личных выгод и Г. Зюганов.

События 1991 г., непосредственно последовавшие за декларативным отказом от монополии КПСС и введением многопартийности, привели к весьма примечательным результатам. Во-первых, сама КПСС раскололась на большое количество мелких партий олигархического типа и таким образом была реально ликвидирована ее монополия. Во-вторых, возникло какое-то количество независимых новых партий. Тем самым политический ландшафт получил некоторую оформленность, и это явилось стартовым моментом для развития политической системы СССР и, в частности, нынешней России как системы немонопольной.

Последовавшая приватизация рассматривается как обмен власти КПСС на капитал, и такой обмен весьма печалит многих демократически ориентированных россиян. Однако с экономической точки зрения несмотря на то, что основной частью крупных собственников в новой России оказались бывшие партийцы, ситуация также выглядит обнадеживающей. Основания надеяться на лучшее дает то, что нынешние финансовые технологии не позволяют удерживать большие капиталы на протяжении даже двух-трех поколений. Поэтому через два-три поколения практически будут ликвидированы экономические преимущества тех, кто на данный момент оказался наследником средств КПСС. Современные рыночные механизмы могут еще ускорить этот процесс, так что смена собственников может произойти еще в течение жизни нашего поколения.

Исходя из данного представления о том, что являло собой Советское государство, и можно оценивать ту социально-политическую систему, которую мы имеем сейчас. Мне представляется, что ведущими в ней сегодня являются проблемы свободы и права.

Свобода и право

Разговор о правах человека впервые был навязан Советскому Союзу президентом США Дж. Картером, и в этом проявилась гениальность Картера как политика. По сути, Картер явился одним из наиболее значимых персонажей реформ СССР.

При обсуждении прав человека принято различать две группы прав — политические и социально-экономические. Нет и тени сомнения в том, что в нынешнем российском государстве спектр политических прав несоизмеримо шире, чем в СССР, и произошло их сближение с западными стандартами, большую полноту которых признавали даже коммунистические идеологи, в том числе и в дискуссии с Картером.

Тем временем те же идеологи делали ставку на то, что в условиях «реального социализма» в СССР полнее реализуются социально-экономические права. Но нужно ли человеку принудительное счастье, в которое его пытались поместить советские власти? Мне представляется, что принудительность вообще чего бы то ни было, а тем более принудительность счастья, принципиально неприемлема.

Удалось ли все же советским властям привести свой народ хотя бы к этому «социально-экономическому счастью»? Получить аргументированный ответ на этот вопрос сейчас крайне сложно — по наиболее острым проблемам практически нет фактических данных, касающихся периода социализма.

Во-первых, отсутствуют данные по реальной безработице. И это при том, что в советском паспорте до 80-х гг. была графа о месте работы, т. е. человек был де-факто приписан к тому или иному ведомству. Безусловно, имела место скрытая безработица, которая заключалась в том, что человек числился и даже присутствовал на каком-то месте, а реально работой загружен не был. Этот самый настоящий факт скрытой безработицы статистически никак не учитывался. А в тех случаях, когда человек действительно полноценно работал, его зарплата была неадекватна труду, в разных отраслях хозяйства оплата составляла от долей до первых процентов стоимости произведенной работы. Это уже не частичная или скрытая безработица, а проявление неэкономического принуждения к рабскому труду. Необходимо обратить внимание на то, что в советское время совершенно не рассматривалась проблема структурной безработицы — несоответствие квалификации, профессиональной подготовки, желания человека к той работе, которую он выполнял. Поэтому, когда шли ссылки на статистику в капиталистических странах, не упоминалось, что там безработица преимущественно связана не с отсутствием свободных рабочих мест, а с невозможностью для людей заниматься тем, чем они хотят.

Второй проблемой, которую можно обсуждать в этом контексте, является проблема нищенства. Статистика по этому поводу вообще отсутствует. Нищенство, как и благотворительность, были запрещены законом, и нищие автоматически становились обитателями тюрем. То же самое касается и бомжей (человечное слово «бездомный» почти забыто!) — человек, место жительства которого не было зафиксировано, попадал «под статью» и оказывался в местах лишения свободы. Это привело к тому, что в СССР сложилась категория людей (существующая и ныне), для которых нахождение в тюрьмах является привычным и даже желанным состоянием. Сейчас тюрьмы переполнены, и традиционному советскому контингенту обитателей тюрем оказыва-

ется попасть туда значительно сложнее (правозащитные организации обращают внимание на ухудшившиеся условия содержания заключенных в российских тюрьмах по сравнению с советскими). Поэтому леворадикалы, защищая их интересы, даже упрекают нынешние власти за то, что они не предоставляют всем завсегдатаям мест лишения свободы достаточного числа мест в тюрьмах.

Наконец, можно обсуждать такие экономические права, как реальная стоимость предметов потребления и реальная покупательная способность тех зарплат, которые были в советское время. Было бы очень интересно задним числом пересчитать реальную стоимость потребительской корзины и посмотреть, кто на нее мог претендовать. По моим воспоминаниям, очень многим были недоступны не только предметы роскоши, но и такие предметы обихода, как стиральные машины, холодильники или современные пылесосы, не говоря уже о посудомоечных машинах, о которых подавляющее большинство населения и понятия не имело.

Но любые точные расчеты в этой области могут быть только гипотетическими. Существовавшие тогда критерии качества жизни абсолютно несопоставимы с нынешними, поэтому рассчитать реальную стоимость жизни и оценить экономические права советских граждан практически невозможно. Достаточно вспомнить, как определялись курсы валют в сталинское время (об этом подробно рассказано в статьях периода перестройки) — советская шинель приравнивалась по стоимости к американскому зимнему пальто и т. д., что указывало на абсолютную произвольность и подтасованность курса валют.

Эта произвольность хорошо иллюстрируется следующим примером. По данным института, занимающегося бытовым обслуживанием населения, стоимость работ по дому, выполняемых советским человеком, в денежном выражении в несколько раз превышала величину зарплаты, получаемой им по основному месту работы.

Восстановление реальной ретроспективы социалистической экономики невозможно из-за таких макроэкономических явлений, как накопление внутреннего долга, внутренние займы, огромное количество сбережений, которые были исключены из обращения и поэтому не могли стать инструментом экономической деятельности и т. д.

И тем не менее после экономического тумана и безумного дефицита всех возможных средств конца 91 г. (а советское государство по своей сути было государством хронического дефицита), буквально в первые месяцы 92 г. можно было увидеть, как происходит наполнение товарами магазинов и рынка в целом. При этом отсутствовали очереди, которые также являются неотъемлемой частью социализма. Психологический

эффект этого был чрезвычайно велик, потому что оказалось, что в этой стране могут быть доступными вещи, о которых люди могли даже не слышать. Вспоминая это время, можно указать на то, что буквально в первые зимние месяцы после большого перерыва в продаже появились бананы. Это был первый реальный итог начавшихся реформ. Спектр разнообразных товаров, которыми сейчас уже никого не удивишь, показывает, насколько обедненной была даже фантазия советского населения, если до этого можно было испытать острый шок от заполненности прилавков какого-то заштатного западного магазина.

Весьма разительным было и то расширение границ политической и идеологической свободы, которое возникло чуть не мгновенно в начале 1992 г.. До этого с политической точки зрения, несмотря на все заверения Горбачева, долгие разговоры о невозможности реставрации коммунистического режима как тоталитарного, ситуация была обратимой. Недаром в то время стал популярен стишок:

Товарищ, верь, пройдет она,
Так называемая гласность,
Ее рукой госбезопасность
Запишет наши имена.

Именно поэтому думать о каком-либо осмысленном участии в политической деятельности, не опасном для жизни человека, до конца 1991 г. было бесперспективно. И невозможно переоценить ситуацию, возникшую после путча, когда КПСС была запрещена как преступная организация и стала возможной относительно свободная политическая деятельность.

Для оценки итогов прошедшего периода очень важно понимать, что КПСС была настоящей преступной организацией. Об этом свидетельствуют все международные критерии и построенные на их основе правовые нормы. Поэтому расчленение КПСС как сверхмонопольной организации на несколько частей было явным шагом вперед, к свободе. На смену ей пришли сразу несколько мелких и также преступных организаций, включая КПРФ, но монополии более не существовало.

Новые мини-компартии различных оттенков сейчас заняты межпартийными «разборками» и никак не могут урегулировать отношения между собой. Это производит впечатление разгула организованной преступности. В соответствии с теориями, которые исходят из интерпретации государства как «стационарного бандита», ситуация раскрывается как такая, в которой «стационарный бандит» отсутствует. Он сменился значительным числом «нестационарных бандитов». В результате у преступности в России появилось множество центров вместо одного, и между ними осуществляются конкурентные отношения. Значит, име-

ет место не увеличение организованной преступности, а, напротив, снижение уровня ее организации, что само по себе является шагом вперед.

В сфере экономики также произошел отказ от государственной монополии на многие виды деятельности. Именно демонополизация быстро привела к складыванию олигархии. Таким образом, можно зафиксировать провал идеи строительства народного капитализма. Эта упущенная возможность может вызывать некоторое сожаление, но утешиться можно тем, что олигархическая структура является шагом вперед по сравнению с монопольно-тоталитарной.

Деидеологизация

Наиболее интересные изменения, сопровождавшие эрозию и развал КПСС, произошли в сфере идеологии. Мгновенно обнаружилась вся ложь, которой была пропитана социальная жизнь на всех ее уровнях, что и предопределило крах коммунистического режима. Сейчас, казалось бы, мы живем вовсе в отсутствие официальной идеологии. Раздающиеся время от времени призывы к ее созданию звучат как глас вопиющего в пустыне. Но и здесь все сложнее.

Пока политики разыскивают национальную идею, на которой можно было бы основать новую идеологию, ее точный аналог, по крайней мере на уровне повседневной действительности, уже выскочил на свет Божий как чертик из табакерки. Я имею в виду рекламу.

Реклама в том виде, в каком она сейчас функционирует на телевидении, на радио, в метро, на улицах, вполне сопоставима с теми марксистско-ленинскими лозунгами, которыми было насыщено социалистическое пространство СССР. Происходят удивительные вещи, повторяющие глубинные структуры марксизма. Так, Ленин вслед за Марксом обсуждал отличия идеализма от материализма в терминах различия поллюции и зачатия. Понятна рекламная агрессивность такого сравнения. И эта линия рекламной агрессивности является ведущей как в западной, так и в нынешней российской рекламе. Выбираются наиболее чувствительные на уровне подсознания сферы, и именно на них распространяется рекламная деятельность. Например, максимальное количество средств вкладывается в рекламу гигиенических изделий и косметики. В результате вполне закономерно образ советской женщины с крепкими ногами и крепкими мыслями сменяется женщиной с хроническими менструациями и гнилыми зубами.

Бросается в глаза еще одна интересная вещь, которая поражает западных специалистов по рекламе. В России сейчас по сравнению с другими странами расходы на рекламу самые высокие (в относитель-

ных величинах). Российские предприниматели считают рекламу значительно более важным компонентом деятельности, чем их западные коллеги. Очевидно, что это — отражение привычки к «компостированию» мозгов, которая была свойственна марксистской идеологии. При этом даже на социально-психологическом уровне проявляется любопытная деталь. Исследования западных рекламистов показывают, что слишком назойливая реклама приводит к отторжению и поэтому, с их точки зрения, недопустима. А аналогичные обследования по интенсивности идеологической обработки показывают, что в тоталитарном государстве она наиболее эффективно внедряется в подсознание уже за пределами переносимых без вреда для здоровья интенсивностей. Реклама в России сейчас построена преимущественно на использовании именно этого механизма.

Отсутствие официальной идеологической обработки привело к качественному улучшению ситуации, поскольку стало возможным жить не по лжи. Конечно, за это приходится расплачиваться тем, что жизнь стала более обнаженной — перестала существовать очень сложная и запутанная словесная сеть, которая вообще не давала возможности огромному количеству людей составить представление о происходящем. Когда нет вообще никакой идеологии, никакой навязываемой извне информации, то человек оказывается предоставлен самому себе, а значит, получает именно свободу. И дальше от его способностей, ума, индивидуальных особенностей зависит, сможет он сориентироваться в этой ситуации или нет. Поэтому для многих свобода оказалась ненавистной.

Конечно, в чистом виде подобного положения дел нет и быть не может. Всегда был дозированный доступ к информации и дозированная дезинформация. Однако можно говорить о том, что максимум свободы слова был получен в последние годы перестройки и в послеперестроечное время, а сейчас появляются те или иные ограничения. Эти ограничения часто носят функциональный характер, порой они весьма осмысленны, но в их существовании необходимо отдавать себе отчет. Но во времена максимума свободы слова очень многие вещи были названы своими именами.

Мне представляется, что переоценить это просто невозможно, несмотря на то что сейчас уже понятно, что все так называемые независимые источники и средства массовой информации всегда были оплачиваемыми. Видимо, это естественное положение дел и никакой катастрофы здесь в принципе нет. Другое дело, что сейчас ангажированность многих средств массовой информации стала запредельной. В результате заметно изменилась сама структура подачи информации и публикуемые материалы стали менее интересными для читателя и зрителя.

Когда на рынке средств массовой информации начнут реализовываться конкурентные взаимоотношения, излишне послушные хозяевам издания и программы окажутся в проигрыше.

А пока, по-моему, не стоит пугаться ангажированности масс-медиа и впадать от этого в отчаяние. Иного способа организации действительности еще не придумали. Можно вспомнить «Из Пиндемонти» Пушкина:

Не дорого ценю я громкие права
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, *слова, слова, слова*…

Если иметь в виду этот аспект, то необходимым условием выживания окажется независимость и от источников массовой информации, и от коммуникативной среды в целом. Причем в любом обществе, а не только в современной России. А уж что-что, а навыки такого независимого существования в советские времена, особенно в сталинские (для узкого круга) или в позднебрежневские (для большинства населения), закладывались в нашем человеке намертво.

Когда происходили распад СССР и отказ от официальной коммунистической идеологии, начался процесс деидеологизации. Он был призван решить совершенно конкретные политические вопросы: отчасти нужно было предать забвению прошлое людей, которые появились на политической арене в новой ситуации, отчасти — затянуть разрешение принципиальных проблем. Деидеологизация была необходима и для реализации действительно радикальных программ становления либерализма, или, говоря современным языком, либерального неоконсерватизма.

Политическая оппозиция

Деидеологизация привела и к тому, что произошла диверсификация оппозиции. Центральным блоком этой оппозиции стало очень экзотическое образование, появления которого в России было сложно ожидать, хотя определенные предпосылки этого можно было усмотреть в некоторых политических событиях советского периода. Это национал-коммунистическая оппозиция.

Еще в советское время существовали люди, несколько скептически относящиеся к по сути коммунистической идеологии, но воспринимавшие тем не менее КПСС как воплощение русской национальной идеи и считавшие поэтому, что с партией необходимо сотрудничать. Теперь выразителем такой позиции оказалась зюгановская КПРФ и эта позиция последовательно стала «разрабатываться» в духе учения о пассионарности а-ля Гумилев.

Интересно проследить процесс формирования многообразия оппозиции. Вначале, до 1993 г., до разгона Верховного Совета, это был процесс последовательной радикализации. Эта радикализация происходила в два этапа.

Первый этап — до 1991 г., когда целенаправленно изымались из обращения те или иные социалистические и коммунистические ценности, точнее, то, что под ними понималось в СССР. С этим были согласны практически все представители оппозиции. Правда, уже и в конце этого периода появилась некоторая неоднородность внутри оппозиции по некоторым вопросам. К их числу можно отнести заключение нового союзного договора, предоставление независимости странам Прибалтики (особенно после того, как было оглашено, что эта территория была просто оккупирована Советским Союзом), идею деления бывшей Российской империи на самостоятельные субъекты международного права и т. д. И можно было видеть, как те или иные политические силы отпадали от главного оппозиционного движения, того, которое сформировалось на противопоставлении еще властвовавшему коммунистическому режиму. Время оформления новых оппозиционных партий и движений определялось в самом общем виде тем, какие аспекты отказа от национальной государственной идеи они согласны были принимать.

Второй этап формирования диверсифицированной оппозиции начался после 91 г. и стал очевидным после 1993 г. Именно тогда стали выявляться более или менее радикальные различия в позициях бывших союзников, которые прошли вместе по крайней мере до юридического распада СССР. Оказалось, что различия между ними успели зайти довольно далеко и реальная картина политической оппозиции чрезвычайно пестра.

Частично эта пестрота существовала в неявном виде еще в социалистические времена. Так, совершенно очевидно, что и тогда были и западники, и почвенники, были люди, тяготевшие в своей оппозиционности к православию, и были люди, настроенные достаточно последовательно атеистически, были либералы и были сторонники сильной государственности, но какого-то иного, несоциалистического типа и т. д.

Но возникли и совершенно новые, принципиально посткоммунистические основания для дифференциации внутри политической оппозиции. Они касались, в частности, отношения к государству либо как к структуре, в которой нет и не должно быть никаких социальных гарантий, либо как к гаранту серьезных социальных прав населения, в функции которого входит управление экономикой, соотношения государства и церкви в новых условиях и т. д. Некоторая растерянность в рядах приверженцев социально ориентированного государства возникла после того, как проявился кризис шведской модели социализма. Стало понятно, что эта модель не может использоваться в качестве эталона социальной организации, тем более для такой большой страны, как Россия.

Возникло и принципиально новое основание для диверсификации — претензии на представленность в органах власти, конкуренция за электорат и финансовые ресурсы и т. д.

Новым явлением последних лет явилось формирование правой оппозиции во главе с С. В. Кириенко.

Перераспределение власти и денег

Произошедшие за последние годы преобразования в России являют собой пример глобального перераспределения власти и денег. Это перераспределение имеет несколько аспектов.

Аспект первый — территориально-административный. Страна оказалась в ситуации, которой не было еще несколько лет назад, когда не существовало территориально незамкнутых областей деятельности, управляемых де-факто собственными властными структурами. Раньше в СССР только критиковали подобные образования на Западе, называя их транснациональными монополиями. Сейчас на территории бСССР они есть, и можно проследить несколько этапов их становления.

Первый этап связан с деятельностью президента США Дж. Картера и правозащитным движением внутри страны — это обсуждение прав человека, а соответственно и обсуждение международного контроля за соблюдением прав человека. Проблема была поставлена и осознана так: могут ли международные организации вмешиваться во внутренние дела страны, в которой нарушаются гражданские права (вплоть до геноцида)? Сейчас можно сказать совершенно определенно, что такое вмешательство допустимо. Принципиально новый этап такого вмешательства представляет собой операция стран НАТО в Сербии.[1]

Второй шаг на этом пути — либерализация внешнеэкономической деятельности со всеми вытекающими следствиями, в том числе и с так

[1] В самые последние годы и в Ираке.

называемым вывозом капитала, который является классическим показателем определенной экономической ситуации.

Третий шаг — осознание (которое произошло именно в последнее десятилетие) того, что любая территория не замкнута экологически. Еще СССР столкнулся с тем, что его соседи не желают терпеть тех безобразий, которые он творил с окружающей средой на своей территории, что стало особенно актуальным после Чернобыля.

С другой стороны, идет процесс фрагментации территории, который квалифицируется как суверенизация и приводит к возникновению независимых государств и признанию Россией претензий на независимость тех или иных территорий. Но в новых малых государствах остаются такие агенты социальной деятельности, которые могут работать только в условиях международных связей. Таким образом, географическая замкнутость разрушается как через замыкание на глобальные мировые процессы, так и через фрагментацию территорий и интенсивную суверенизацию. Реальное распределение денег и других ресурсов при этом происходит, минуя государственные границы любого типа и уровня.

Мне представляется, что глобально, не только для бСССР, подобный процесс можно описывать, как процесс становления фазовых государств. В этом случае на одной территории существуют разные общественно-политические образования, живущие де-факто по разным законам, регулируемые разными принципами, вовлеченные в разные экономические, политические, этнические процессы. Но эти государства в той или иной мере находят возможность взаимодействовать друг с другом не взаимно уничтожающим образом. Собственно, такие образования и получили название фазовых государств[1].

Второй аспект глобального перераспределения власти заключается в том, что существовавшая на территории бСССР государственная монополия, распавшись, дает не какие-то маленькие фрагменты, а международные олигархии. Очень показательным является пример с РАО Газпром, когда попытки вытребовать у них налоги и разговоры о возможности банкротства обеспокоили нефтяников большей части мира. И тут выяснилось, что примерно четвертая часть нефтяного мирового бизнеса «схвачена» Газпромом. Такое формирование транснациональных олигархий вполне закономерно.

В ситуации фазового государственного устройства возникает совершенно новая стратегия социально-экономического поведения,

[1] Подробнее см.: *Чебанов С. В.* Начала государственного устройства России// Zydroji Baltija. 25 декабря 1995. С. 1–3; см. наст. изд. С. 92–98.

успешно используемая нынешними олигархами. В итоге фактически предоставляется огромная возможность свободы — можешь реализовать любые проекты в любом из фазовых пространств. Это означает, что ты можешь начать реализацию своего проекта с любой территории и при этом подчиняться обычному праву любой из представленных на этой территории человеческих общностей. Более того, есть достаточно большие возможности передвигаться по поверхности Земного шара, минуя государственные границы. Следовательно, к обычным для исходной территории правам могут прилагаться новые права, действующие на вновь освоенных территориях. На взаимодействии и «зазорах» нескольких правовых систем можно достигать немалых успехов. Такова идеология всех свободных зон, офшорных зон, зон международного бизнеса и т. д. Россия, наконец, оказалась частью того пестрого одеяла разного типа подобных образований, которые давно существовали во всем мире, но обходили стороной СССР.

В новых условиях кардинально изменилась стратегия выживания. Если в СССР было небольшое число общедоступных моделей выживания, а за их пределами существовало малое число редких вариантов того, что можно назвать жизнью «на зазорах», то ныне возникает ситуация, когда все государство должно жить «на зазорах». Шансы выжить есть только у той группы людей или отдельного индивида, которые сумеют организовать себе на некоторое время жизнь на том или ином зазоре.

Для того чтобы жить «на зазорах», нужно научиться играть на несоответствии разных правовых систем, которым человек должен подчиняться. Следствием такой модели жизни является тотальная маргинализация населения. Маргиналами в психологическом отношении является большая часть служащих высших государственных структур, включая правительство, Думу, администрацию Президента (что иллюстрируется, к примеру, распространением в июле 1999 г. телевидением психоаналитического портрета Волошина). Не случайно стали нормой драки в Думе или объявление министра о том, что создается правительство Советского Союза. Тем не менее нельзя сказать, что на уровне государства уже сформирована стратегия глобального выживания «на зазорах» — маргиналам такая задача не по силам. По-прежнему всем желающим и умеющим приходится вырабатывать ее самостоятельно.

Выработка такой стратегии осложняется тем, что чрезвычайно значимым оказывается фактор времени. Когда возникает какая-то новая ситуация, выгодной она является только в течение фиксированного и очень короткого времени. После того как на данном зазоре начинается стабилизация, происходит смена правил игры и репродукция данной

модели выживания становится невозможной. Такая смена правил может определяться сменой законодательства или очередной кампанией по совершенствованию какой-либо сферы — рынка недвижимости, валютного обращения или налогообложения. Поэтому для того, чтобы воспользоваться благоприятной ситуацией, нельзя находиться не только в арьергарде, но и в среднем эшелоне, нужно быть только в первых рядах. Так, в финансовых пирамидах выигрывают именно первые.

И наконец, третий аспект перераспределения власти и ресурсов касается того, что в современных условиях жить обычно можно за работу, а не за убеждения. Оказывается, очень сложно организовать ситуацию так, чтобы получать средства к существованию только за то, что ты проявляешь верноподданство или являешься диссидентом.

Это осознано и на Западе, где существуют две генерации эмигрантов из России: советские инакомыслящие — политическая эмиграция, к которой относятся достаточно тепло и сочувственно, и постсоветская «колбасная» эмиграция по экономическим причинам, отношение к которой гораздо более настороженное.

Для экономического выживания стало совершенно необходимым выполнять какую-либо конкретную деятельность, а статус формальной или неформальной структуры, к которой принадлежит человек, больше не является решающим. Другое дело, что эта деятельность может кому-то казаться бессмысленной, ненужной и даже вредной, но тем не менее оплачиваются сейчас только конкретные поступки, шаги и действия. Очень показательной в этом отношении является деятельность специалистов по избирательным технологиям, которые независимо от собственных политических взглядов готовы работать на кого угодно, с одинаковым презрением относясь к своим клиентам.

Этот аспект современной ситуации можно трактовать как показатель окончательного избавления от феодализма, когда статусные отношения более значимы, чем отношения, связанные с осуществлением человеком конкретных действий. Поэтому очень радует одно из выступлений Черномырдина (в его бытность премьер-министром) в Государственной думе. Он говорил, что был крупным советским руководителем, а поэтому совершенно точно знает, что тогда работать было значительно сложнее, чем сейчас, — тогда удавалось зарабатывать меньше. Такие высказывания обнадеживают, поскольку демонстрируют, что олигархи получают от нынешней ситуации больше, чем они извлекали из своего высокого статуса в советское время. И это — одна из гарантий необратимости реформ.

Я вспоминаю открытое письмо Бунича 89 г., в котором он обращался к деятелям теневого бизнеса, к партийным функционерам, к ворам, к

КГБ-шникам, объясняя им, что то, что в Советском Союзе доступно только высшей партийной и государственной элите, на Западе доступно каждому человеку. Сейчас можно говорить о том же самом и по отношению к России: каждый житель может поехать на любой курорт мира, может купить себе любую машину, может пользоваться лекарствами, которые раньше были только в кремлевской аптеке, и т. д. Все это стало доступно всем, только плати. Поэтому совершенно понятно, что психологическое сопротивление активных групп бСССР идущим рыночным реформам определялось своеобразным чувством ревности — то, что было доступно только им, становится доступным всем, кто в состоянии платить.

Несмотря на указанные совершенно очевидные направленные преобразования, связанные с реализацией общемировых тенденций перераспределения денег и власти, нынешнее положение, в особенности в макроэкономике, квалифицируется как национальная катастрофа. Но для того, чтобы выдвигать подобные утверждения, надо напрочь забыть недавнюю историю.

Нужно совершенно забыть о том, что скачок начала 60-х гг., также как и существование Советского Союза, по крайней мере до середины 70-х, нельзя рассматривать как здоровые ни в экономическом, ни в моральном отношении. Очевидно, что относительное благополучие было результатом реализации тех территориальных и политических захватов, которые были осуществлены Советским Союзом в ходе Второй мировой войны, в том числе и контрибуции, полученной в 1945 г. В это же время экономика начинает в большой мере существовать за счет нефтедолларов. Такая экономика не может быть устойчивой, она чрезвычайно сильно зависит от мирового рынка. Именно эта зависимость и вызвала серьезный экономический кризис в СССР в конце 70-х гг., когда резко упали цены на нефть. Некоторыми аналитиками кризис конца 70-х рассматривается как источник последующего развала Советского Союза.

Временный и фрагментарный экономический расцвет СССР в 60-х гг. совпал с началом колоссальной гонки вооружений, способствовавшей тотальному растранжириванию национальных ресурсов. И именно тогда возникла идеология растранжиривания средств, жизни не по средствам — обширных социальных программ, разворачивания массовых жилищного строительства, телефонизации и т. д. Естественно, что такая политика рано или поздно должна была обернуться экономическим крахом.

Мне представляется, что чрезвычайно важно осознавать эти особенности экономического развития Советского Союза и понимать,

что для избавления от их негативных последствий нужно быть последовательными и идти до конца. В этом отношении крайне важны события 1991 г., когда был сделан качественный рывок и невнятные и непоследовательные утверждения Горбачева сменились идеологией нового поколения политиков — Гайдара, Ельцина и Чубайса. Они четко и рационально сформулировали и описали обсуждаемые проблемы и заявили на официальном уровне очень жесткую и радикальную программу выхода из сложившегося положения.

Хотя реализация этой программы идет медленно и сложно, сам факт ее наличия позволяет говорить об исключительном значении Ельцина и Чубайса как ныне действующих политиков. Они прошли через все этапы политических и экономических реформ в России и проводят по сути дела уже десятилетие одну и ту же политическую линию. Таким образом, это действительно люди, которые могут занимать принципиальную позицию и реализовывать ее политическими средствами. Это определяет возможность воспринимать Ельцина и Чубайса как гарантов Конституции и политических ценностей, провозглашенных в 1991 г. в момент становления новой России.

Социокультурные аспекты российских преобразований

Сейчас возникает типичная проблема конца феодализма, когда приходит пора расставаться с наследственной аристократической культурой и создавать в высшей степени низкопробную, рутинную культуру, определяющую повседневные социальные отношения. Таков ответ на вызов времени, попытка разрешить очень серьезную проблему того, как обеспечить социальные гарантии для людей, не способных участвовать в общинной социальной деятельности, с одной стороны, и лишенных наследственной культуры — с другой.

Можно, конечно, выступать в роли социального цербера, но погрузить не готовых к этому людей в серьезную культурную традицию и научить их выживать за счет внутренних резервов вряд ли возможно. Максимум, чего при этом можно добиться, — сохранения внешней социальной организации. Но и при этом люди, лишенные как наследственной культурной традиции, так и социальной активности, окажутся в первых рядах тех, кто реально занимается социальной деструкцией. Недостаток социальной активности у определенной части населения России в какой-то степени предопределяет процесс обнищания этих людей. Хотя, что называть обнищанием?

По официальным данным, которые можно считать тенденциозными и завышенными, в 94–95 гг. уровень жизни в России соответствовал

60–61 гг. Я помню, что как раз 60–61 гг. были годами резкого изменения повседневной жизни, и тогда это воспринималось как явный шаг вперед потому, что происходили изменения на фоне послевоенной нищеты, которая, кстати, тогда воспринималась не как нищета, а всего лишь как достаточно большая ограниченность возможностей. Уже поэтому вряд ли стоит воспринимать падение душевого дохода до уровня 1961 г. как национальную катастрофу.

Поэтому говорить о потерях или приобретениях реформ нужно, четко различая фактическое положение дел и его социокультурную и психологическую рецепцию. А различия эти могут быть весьма значительными. Так, технократы частенько в своих мечтах видели себя и своих коллег общественными лидерами. В условиях же реформ они оказались совершенно беспомощными и неспособными ни к какой самоорганизации, выпрашивая лишь у правительства подачки и льготы. Способность к самоорганизации проявили лишь преступные элементы, которые и до этого должны были сами заботиться о своем выживании. К сожалению, соответствующие выводы из этого урока подавляющим большинством тех, кто претендует быть лидерами, так и не извлечены.

Путь России в мировое сообщество

Первое, что нужно обсуждать в этом контексте, — проблема вестернизации России, т. е вхождение ее в собственно Европу. Здесь речь идет прежде всего о принятии общеевропейских ценностей, что не исключает очень активного влияния России на характер этих ценностей — Россия может принимать эти ценности не пассивно, а активно их преобразовывать.

Вторая линия обсуждений — линия модернизации — заключается в том, что на Западе (в широком смысле слова — в течение последних столетий сюда относится и Северная Америка) существуют эффективные передовые технологии. Подобные технологии получают распространение и в России, и опять же России принадлежит не пассивное, а активное место в процессе их освоения, поскольку она и сама является источником аналогичных технологий, правда, чаще лишь их принципиальных разработок.

С другой стороны, общий уровень организации жизни в России, ее социальных и производственных аспектов начиная с XVIII в., оказывается ниже, чем на Западе. Это касается прежде всего доли живого труда по сравнению с использованием машин в создании промышленной продукции. Корни такого феномена кроются в том, что крепостные

крестьяне использовались в России на правах рабов, а значит, можно было не развивать технологии, т. е. не сводить к обыденному уровню достижения технических революций.

Зафиксировав истоки российской специфики, можно выделить несколько этапов взаимосвязанных процессов вестернизации и модернизации.

Первый этап вестернизации достаточно очевиден — это крещение Руси. С начала II тысячелетия Киевско-Новгородская Русь органически входит в Европу, хотя бы потому, что заметная доля европейских монархов имеет русских родственников. Позже, в татаро-монгольский период русской истории, конечно, можно говорить об известном откате.

Следующим этапом, возвращающим Россию к киевско-новгородскому состоянию, является произошедший в XVII в. не столько церковный, сколько культурный раскол. Он был формой осуществления (в соответствии с российскими культурными обычаями) процессов секуляризации и реформации, которые в России прошли сверху.

Тотальную вестернизацию России осуществил Петр Первый, который непосредственно продолжал дело Алексея Михайловича. При Петре двухсущностное существование России как страны восточной и страны европейской сменилось существованием ее как страны исключительно европейской, по крайней мере на уровне властей и привилегированных сословий.

В качестве следующего этапа можно рассматривать декабристов — но не изолированно, а с учетом тех процессов, которые привели к появлению этого движения. Сюда можно отнести распространение масонства, влияние на российскую жизнь идей французской революции, деятельности Наполеона и т. д.

Затем реформа 1861 г., освободившая крестьянство, далее февральская и октябрьская революции 1917 г. со всеми теми весьма разнонаправленными и разнородными процессами, которые шли вслед за ними.

И уже с большим перерывом — реформы Хрущева и имевшие место в брежневские времена попытки реформ Косыгина, которые совершенно явно шли в сторону вестернизации и модернизации. Последними в этом ряду стоят Горбачев и Ельцин—Чубайс.

Мне представляется, что перечисленные фокальные точки намечают линию секуляризации, вестернизации и модернизации, последствия которых приходится реализовывать сейчас. Если рассматривать это более узко, то очевидно, что ныне имеет место процесс завершения реформ, начатых формально в 1861 году.

Реформы и модернизация

Действительно, после реформы 1861 г. в России сложилась новая социальная структура. Все дальнейшие этапы развития приводили к тому, что те или иные социальные группы просто уничтожались. Например, начало века, в сущности, было временем падения помещичества и, если так можно выразиться, дворянской аристократии как социальных групп, на базе которых сформировалась высокая русская гуманитарная культура — та, которая получила название «классической», с которой связаны Пушкин, Лермонтов, Толстой... Это проблема «Вишневого сада» Чехова.

Революция 1917 г. по сути дела ликвидировала в одночасье буржуазию, духовенство, купечество и дворянство, причем дворянство часто уничтожалось просто физически.

Начиная с коллективизации и заканчивая хрущевскими реформами, уничтожается крестьянство как социальная группа.

Очень сильно размывается статус рабочего, так что к 60–70-м гг. становится бессмысленным различение рабочего и научно-технического работника. Человек, работающий за станком с программным обеспечением, должен иметь высшее образование, но в соответствии с существующими традициями он называется рабочим, а человек, работающий на компьютере, называется служащим. Это показывает неадекватность представлений о социальной структуре уже в 70-е гг.

В 1910-х гг. родились последние русские интеллигенты: люди обеспеченные, обладающие (за счет того, что это сословие было привилегированным) определенной независимостью от государства, получавшие высококачественное образование и транслировавшие это образование на протяжении нескольких поколений. Сейчас их жизнь заканчивается — кстати, не зря, наверное, век тех, кого не уничтожила сталинская мясорубка, оказался некоротким. Вместе с ними уходит не просто поколение, а последнее сословие, сложившееся в России после 1861 г.

Таким образом, на протяжении 20–70-х гг. шло формирование социальной однородности — этого одного из главных показателей осуществленности культурной революции. Но как реакция на это складывалась внутренняя клановость, которая вышла на поверхность уже в постперестроечное время и явилась базой для становления нынешней общественно-политической структуры. Клановость хорошо видна по семейственности в экономике, по тому же принципу устроена политическая власть, это же касается художественной и научной культуры. Сейчас на этом основании идет новая — уже легальная — стратификация социума.

В рассматриваемом контексте показательна позиция Горбачева. Он в своей деятельности сделал ставку на наследников последней социальной группы пореформенного (1861 г.) периода — на научно-технических работников. По советской привычке они продолжают называться интеллигенцией, хотя к собственно интеллигенции никакого отношения не имеют — последние интеллигенты к этому времени почти все умерли. Скорее речь идет о людях, разделяющих ценности интеллигентов, — «образованщине» в понимании Солженицына. Она не может расстаться с уверенностью, что сама ее социальная позиция, принадлежность к определенной социальной страте должны гарантировать определенные экономические и социальные права. Ее представители часто даже не пытаются сохранить свой статус как профессионалов, деятельность которых оплачивается сообразно ее значимости. По сути, эти люди, считающие себя достаточно прогрессивными, не желают отказываться от преимуществ, которые давала им феодальность России. И вряд ли что-либо можно с этим поделать, нужно, видимо, просто дожидаться того времени, когда эта феодальная идея тихо преставится. Сейчас же эти люди в результате реформы Ельцина и Чубайса по большей части оказываются не у дел. Исчезает слой наследников последней социальной группы послереформенной России. Это можно рассматривать как окончание культурной революции, и получается, что культурная революция в России происходила с 20-х до середины 90-х гг. XX в., — ситуация совершенно чудовищная (китайская культурная революция, например, сумела решить аналогичные проблемы за 10–15 лет).

Таким образом, прошедшее бурное десятилетие явилось просто периодом завершения модернизации, которую европейские страны и США осуществили на протяжении последних 200 лет. На этот процесс наложились и некоторые конкретные обстоятельства, которые можно анализировать, — особенности протекания мировых войн, особенности разрушений и т. д.

Поясним это примером.

Вплоть до 70-х гг. нашего века можно было говорить об уникальности географического положения Соединенных Штатов в связи с тем, что на их территории в течение более чем столетия не велось никаких крупных войн. Это рассматривалось как предпосылка экономического лидерства США. Но в течение 80-х и в особенности 90-х гг. лидерами экономического развития оказываются Япония и Германия — государства, полностью разрушенные, в том числе и экономически, во время Второй мировой войны. В чем тут дело?

Дело оказывается довольно простым. Тотальное разрушение экономики привело к тому, что в этих странах была проведена и тотальная

модернизация. А полное отсутствие технического потенциала в странах Юго-Восточной Азии заставило эти страны создавать свою экономику с нуля, и в результате появились так называемые «юго-восточные тигры». Россия же даже во время Второй мировой войны сохранила свой промышленно-технический потенциал и даже укрепила его благодаря контрибуции — и оказалась за счет этого в менее выгодных условиях. Уцелевшая материальная база обусловила торможение процесса технической модернизации. Так что если вернуться к подведению итогов Второй мировой войны, то СССР ее проиграл в том смысле, что сохранил благодаря эвакуации старые, часто дореволюционные предприятия, которые сейчас являются тормозом экономического развития. Тем не менее, хотя производство в России по большей части устарело, многие политики и экономисты современной России продолжают ориентироваться прежде всего на ценности производства и индустриального общества. Тем временем Россия, несмотря на всю своеобразность своего развития, к настоящему времени находится на грани перехода в постиндустриальное общество.

Этот сюжет интересен сам по себе, поскольку проблема постиндустриального общества и соответственно теория конвергенции были сформулированы в 60-е гг. и вплоть до начала 70-х гг. очень активно критиковались в Советском Союзе. Сейчас можно подвести итоги и увидеть, как многое из обсуждаемого оправдалось. Так что ничего неожиданного с СССР не произошло, просто реализовались предложенные 30 лет назад концепции.

В настоящее время можно говорить о том, что Россия переходит к постиндустриальному состоянию, в котором главным лимитирующим фактором оказывается не производство, а финансовый менеджмент. Вопреки существующим представлениям производство в постиндустриальном обществе вовсе не оказывается в загоне. Продолжают развиваться самые разнообразные технологии, имеющие очень высокую эффективность. Но благосостояние постиндустриального общества лимитируется не собственно развитием промышленных технологий, а умением эффективно использовать экономические ресурсы, сконцентрировать финансы в нужное время и в нужном месте.

Если считать, что Россия находится на пороге постиндустриального общества, то не столь значимым оказывается традиционно так любимое в Советском Союзе сельское хозяйство. И не столько потому, что уровень технологий в аграрном секторе в России также традиционно невысок, но прежде всего потому, что уже давно сложился мировой рынок сельскохозяйственной продукции. Поэтому Россия, находившаяся на протяжении последних 70 лет в самоизоляции, просто не в состоянии

отвоевать себе место на этом рынке. Международный же продовольственный рынок, в свою очередь, пребывает в постоянной готовности завалить Россию какой угодно сельскохозяйственной продукцией. Отсюда следует, что, видимо, необходимо отказаться от претензий России быть аграрной страной, а поставлять на западные рынки что-либо более существенное.

В аналогичном состоянии находится и мировой рынок минерального сырья, так что российское сырье на нем не очень-то и востребовано. Можно вспомнить различные аналитические работы 60-х — начала 70-х гг., когда именно на 90-е гг. предсказывалась глобальная война за минеральные ресурсы Сибири и Южной Америки. Но этого, как видим, не произошло, а проблема разрешилась другим образом.

Во-первых, за эти годы возникло много альтернативных технологий, требующих гораздо меньших сырьевых ресурсов. А во-вторых, если какое-то минеральное сырье продолжает требоваться в заметных количествах, то оказалось, что его легче получить не военным, а экономическим путем — не воевать за него, а просто купить к всеобщему удовольствию. Так что глобальных ресурсных войн в будущем, скорее всего, не будет.

В постиндустриальном обществе эффективность финансового менеджмента определяется развитием сферы услуг. Это торговля, сфера обслуживания, появление огромного количества всяческих менеджеров, которые представителями старшего поколения, привыкшими «делать дело», производить материальные ценности, воспринимаются как бездельники. Гипертрофированное по сравнению с советскими временами развитие отношений купли-продажи рассматривается многими как вынужденная ситуация, как временная мера, как ситуация национального унижения. На деле же — это и есть норма для постиндустриального общества, которое производит огромное количество услуг и большая часть населения которого занята именно в сфере производства услуг.

Одной из таких услуг, которая приносит в казну многих государств основную часть дохода, является туризм. В России некоторый всплеск в этой сфере произошел после 91 г., а сейчас наблюдается спад активности российских фирм по организации туризма. Это означает прежде всего, что и власти, и население не способны отрешиться от ценностей индустриального общества и перейти к жизни в постиндустриальной эпохе. Особенно обидно, что и в Петербурге, который мог бы полностью существовать за счет туристического бизнеса, иностранные туристы на улицах встречаются чуть ли не реже, чем в советские времена. А нынеш-

нее руководство города при этом ведет речь о реанимации дореволюционных заводов.

Своеобразие постиндустриального общества в России проявилось и в том, что Россия в последние годы оказалась поставщиком женщин всему миру: жен, с одной стороны, и проституток — с другой. Но это тоже типичная черта, свойственная некоторым странам, например восточноевропейским, стоящим на пороге постиндустриального общества.

В полной мере свойственна России еще одна характерная черта посттоталитарной жизни: низкий уровень регламентации экономической деятельности. Отсутствие культуры деловых отношений проявляется и в несовершенстве правил осуществления тех или иных действий, и в неумении исполнять даже те инструкции, которые существуют.

Психологические аспекты российских реформ

Чрезвычайно важным аспектом успешности любых реформ является степень их понимания и принятия населением. Остановимся поэтому на психологическом аспекте происходящих в России изменений.

Прежде всего в России отсутствует понимание масштабов происходящих изменений. Тем не менее ныне Россия, как и развитые страны мира, оказалась в ситуации, которой нет в исторической памяти ни одного народа. Дело в том, что последние лет двадцать мир существует в ситуации распределенных ценностей: в культуре нет одного доминирующего типа ценностей — религиозных, социальных, экономических и т. д., а каждому из известных типов ценностей люди готовы отдать только должное внимание. Одним из способов осознания такого положения дел является представление о постмодернизме, которое принципиально несовместимо с ценностями традиционной русской культуры. Особенно трудно осознать этот феномен в России на фоне текущих экономических проблем, когда кажется, что экономические ценности, деньги стали стержнем организации жизни.

Кроме того, население России совершенно не готово к осознанию ценностей демократии, не говоря о понимании ее недостатков. Так, не осознано, что уже прошел примерно двухсотлетний период распространения, победы и упадка демократических ценностей, концом чего можно считать французскую «студенческую революцию» 1968 г.

Поколение, получившее название поколения, выбирающего «Пепси», осознавшее это (а это люди родившиеся после 1960-х гг.), совершенно иначе воспринимает эти процессы. В результате оно обладает не только инструментальным отношением к действительности, исключительной персональной целеустремленностью и пониманием ценности

образования, но и умением смотреть на жизнь реально, оценивать, что чего стоит.

Ныне в России за все надо платить в явной и прямой форме, а платить могут далеко не все. Сложнейшая проблема заключается в том, что выживать сейчас могут только люди, обладающие высокой социальной активностью, достаточно высоким уровнем образования и имеющие определенный социально-психологический портрет. Если считать, что по своему психологическому статусу все люди подразделяется на массы, народ, богатырей и аристосов, то надо признать, что нынешняя ситуация ориентирована в сущности только на людей двух последних типов. Только они могут извлечь для себя определенную пользу из ныне сложившейся ситуации. Как быть в этом случае «маленькому человеку», представителю масс или народа? Этот вопрос остается открытым. Проблема осложняется тем, что этому маленькому человеку на протяжении восьмидесяти лет внушалось, что он соль земли, что даже кухарка может управлять государством. Такое внушение неимоверно раздувало претензии этого маленького человека, а на деле оказывается, что он ничего не умеет делать.

Возникают и другие психологические вопросы. Например, как быть умеренным интровертам — людям, для которых значимы внутренние установки, но не настолько, чтобы они полностью перекрывали внешние стимулы. Такой человек должен сначала преобразовать существующие социальные нормы, приспособить их к себе, и только потом он способен жить в них. Но в случае быстрой смены социальных норм он не успевает к ним адаптироваться.

Социальная активность, которой недостает большой части российского населения, в избытке присутствует у представителей относительно новых для психологического ландшафта типов — нуворишей и парвеню — богачей и высокопоставленных лиц в первом поколении. Несмотря на то что высокая активность позволила этим людям достигнуть по крайней мере материального благополучия, окружающие их часто оценивают весьма негативно. Показательная иллюстрация — бесконечные анекдоты про «новых русских», высмеивающие, в частности, соотношение их претензий и реального культурного уровня.

Проблема существования нуворишей и парвеню в России заключается в том, что отсутствуют культурные стереотипы, обеспечивающие нужды людей на протяжении одного поколения, т. е. — отсутствуют стереотипы массовой культуры, буржуазной культуры, культуры, позволяющей регулировать повседневные отношения. В России никогда не было времени, чтобы социальная ситуация, в которой возникает потребность в массовой культуре, могла устояться. Традиционной была

культура наследственной аристократии или культура крестьянства — (суб)культуры, транслируемые из поколения в поколение.

Кроме того, среди тех, кто недоволен переменами и ностальгирует о социалистическом прошлом, оказались люди по крайней мере нескольких примечательных категорий. Во-первых, это те, чьи потери по сравнению с уровнем жизни в советское время оказались значительными. О нравственном аспекте самой системы приобретения благ при социализме можно говорить отдельно, здесь важно понимать, что эти блага и тогда имели определенную цену. Во-вторых, очевидно, что об итогах произошедших реформ, и конкретно об итогах приватизации, горюют те, кому при этой приватизации досталось мало. Вряд ли они столь же пламенно обличали бы приватизацию вкупе с Чубайсом, если бы оказались на месте тех, кому досталось много, или если бы тому же Чубайсу каким-нибудь фантастическим образом удалось сотворить чудо и сделать так, чтобы так много, как некоторым, досталось бы всем. Таким образом, создается впечатление, что в основе недовольства реформами часто лежит элементарная зависть.

При этом интересно обратить внимание вот на какой факт. Далеко не все, чье материальное положение ухудшилось, воспринимают реформы негативно. Достаточно сочувственно к процессам социально-экономических реформ после 91 г. (и к приватизации в том числе) относятся те, кто очень много потерял в 1917 г. Они считают, что действительно начался процесс восстановления тех ценностей, которые существовали до 1917 г. С другой стороны, потеряв столько, сколько потеряли эти люди в 1917 г., расстраиваться по поводу потери каких-то крох, нажитых при социализме, просто не приходится. Снявши голову, по волосам не плачут.

Многие из этих людей, порой весьма скромно, а иногда просто бедственно живущих, недовольны реформами по совершенно другой причине — по причине их недостаточной радикализации. Ныне их интересы выражает правая оппозиция. Совершенно понятно, что необходимо провести действительную реституцию, примерно так, как это осуществляется в Прибалтике, вернув всем ту собственность, которая принадлежала их предкам в 1917 г. Тогда мы будем наблюдать качественно другую картину — собственность будет в руках тех, кто несет ответственность за благополучие своих ближних.

Тем не менее, мне представляется, что реформы начала 90-х гг. оказались удачными и эффективными именно потому, что не была поставлена задача осуществить реституцию. Если бы она была поставлена, то для такой противоречивой страны, как Россия, реформа бы растянулась на многие годы, за это время не было бы сделано вообще ничего, что,

естественно, создавало бы предпосылки для реставрации коммунистического режима.

Такое положение дел было усугублено тем, что (особенно в гайдаровский период реформ) была явно непоследовательно принята американская модель организации социально-экономической жизни, ориентированная на необходимость активного труда до глубокой старости. В этом отношении западноевропейская модель, по сути социал-демократическая, предусматривающая содержание большого числа социальных иждивенцев, больше подходила бы для России. Однако очевидно, что она предполагает наличие больших ресурсов и большего времени на становление такой модели, т. е. является более дорогой. В этом отношении показательно высказывание советского служащего брежневского времени о жизни своих родителей в 20—30-е гг. (до раскулачивания) — жили они хорошо, но врагу не пожелаешь так работать с утра до ночи. Ныне же, только так работая, и можно выживать в России.

Очевидно, что то упрощение социальной и культурной жизни по американским образцам, которое сейчас происходит в России, более всего расстраивает людей достаточно образованных, но не очень квалифицированных и творческих. Здесь есть вина и советского государства — чтобы не произошло той сумятицы в умах, которая имеет место быть, нужно было свободно выпускать людей и в Америку, и в страны Западной Европы, чтобы они имели возможность сравнивать. Тогда слой людей, противостоящих форсированию радикальных реформ, оказался бы более многочисленным и они были бы лучше подготовлены к дискуссиям.

Так или иначе, в силу указанных причин можно только приветствовать реформы Чубайса — их радикализм и в известной мере «узколобость» и жесткая целенаправленность обеспечили те минимальные продвижения, которые защищают сейчас нас всех от коммунистической реставрации.

Хотелось бы отметить еще одну чрезвычайно интересную черту, свойственную психологии российского постперестроечного социума. Люди очень быстро привыкли к положительным сторонам современной жизни и при этом совершенно забыли о тех абсурдных ситуациях, которые были нормой при советской власти. Например, те же самые стонущие, бастующие, провозглашающие какие-то манифесты и обвинения правительству ученые и инженеры забыли о том, как их работа нарушалась бесконечными поездками в колхозы и на овощебазы. Хотя при социализме декларировались идеи планирования и учета рабочего времени, избежать этого было практически невозможно, и, по-моему,

это и было демонстрацией полного презрения к профессиональному статусу специалистов.

Мы поспешили забыть как дурной сон не только поездки в колхоз и на овощебазу. Были еще первомайские и октябрьские демонстрации, ленинские субботники и воскресники, неявка на которые приравнивалась к прогулу. Были и политдни, которые в Ленинграде почему-то совпадали с рыбными днями в столовых (по четвергам, кто помнит, а не в постные у православных среду или пятницу). Зубрежка трудов классиков марксизма-ленинизма и материалов очередных съездов партии. Выходные, проведенные в «колбасных электричках». Ко всему этому мы умели тогда относиться с известной долей юмора — может быть, потому и забыли так скоро.

Были и менее заметные, но куда более серьезные приметы времени «развитого социализма», уход которых в небытие свидетельствует о том, что произошло качественное изменение ситуации. Они касаются базисных, структурообразующих областей. Например, можно вспомнить церковные гонения, которые существовали при советской власти. Сейчас их нет. Но есть явное, хотя в критических ситуациях корректно отрицаемое, огосударствление Русской Православной Церкви.

Приветствовать этот процесс я ни в коем случае не могу, но нужно признать, что по крайней мере с точки зрения развития полиморфизма это явный шаг вперед. Если в советское время изучались и цитировались в качестве обязательных 5–6 авторов, включая Маркса, Энгельса, Ленина, то сейчас только русская православная традиция привнесла в сферу обсуждения несколько десятков авторов с достаточно разными позициями, что привело к значительному повышению содержательности обсуждений мировоззренческих проблем.

Другим интересным примером может быть ситуация с деревнями. Сейчас потеряли свою актуальность очень распространенные в определенной части культурной элиты в 70–80-х гг. переживания, связанные с ликвидацией так называемых неперспективных деревень. Ныне происходит, по существу, возрождение деревень, более того, происходит просто строительный бум, частью которого является и возрождение деревни. Сельский уклад жизни не погиб, он продолжает развиваться. Другое дело, что он оказывается скорее фермерским, и поразительно то, что воспроизводится много черт американского фермерства, скажем, в эстетических пристрастиях, в манере одеваться, в организации дома и т. д. Идет невидимый на первый взгляд процесс реорганизации пространственного архетипа поселения. При этом, так или иначе, возрождаются старые населенные пункты и одновременно частично решается проблема с жильем.

Еще один пример. Советский Союз претендовал на технологическое лидерство, и точкой отсчета здесь были космические полеты. При этом на сельскохозяйственных работах использовались зачастую лопаты и тяпки. Взять город Набережные Челны. Стоит завод-автомат, практически все население города имеет автомобили своего производства. На этих автомобилях люди едут на свои шесть соток, которые обрабатывают с помощью тяпок. Такого теоретически не могло быть даже с точки зрения марксизма — заводы-автоматы производят продукцию, необходимую для обслуживания несоизмеримо более примитивных орудий труда.

Сейчас происходит выравнивание уровней экономического и технологического развития в разных сферах. Естественно, неоднородность сохраняется, но эта неоднородность проявляется внутри каждой сферы производства, а не так, что космическая промышленность развита замечательно, а производство сельхозорудий — безобразно. Сейчас есть какие-то прорехи в космической деятельности, но зато есть и насыщенные техникой сельские хозяйства.

Особым социально-психологическим феноменом современной России является и озабоченность высоким уровнем преступности.

Преступность и терроризм

Преступность и терроризм, пожалуй, сейчас наиболее волнующие население проблемы. Тем не менее это прежде всего проблема массового сознания, а не реальная инструментальная проблема. Это проявляется в самых разных отношениях.

Во-первых, не с чем сравнивать — нет реальной статистики по преступности советского времени и населению недоступна статистика по зарубежным странам, так что люди просто не в состоянии сравнить криминальную ситуацию в Москве или Санкт-Петербурге с ситуацией на юге Италии или в Мадриде.

Во-вторых, имеет место очень яркий феномен сознания — население просто забыло ту атмосферу насилия, которая пронизывала жизнь в советское время. Это постоянные разговоры об угрозе мировой войны, о необходимости классовой борьбы, об искоренении чуждых буржуазных элементов, остракизм по отношению к единоличникам и их потомкам на селе и т. д. Это и атмосфера милитаризма с бесконечными военными фильмами в кинотеатрах и по телевидению, в которых за минуты гибли не десятки или сотни человек, а целые армии. Это и бесконечные занятия гражданской обороной и начальной военной подготовкой, военные игры типа «Зарницы». Наконец можно вспомнить распро-

странение военных игрушек и преследования их противников, как и преследование и высмеивание пацифистов, колоссальные проблемы у религиозных пацифистов со службой в армии при отсутствии альтернативной службы, запрет на благотворительную деятельность, репрессии нищих и т. д. И все это не случайный набор фактов, а система, вытекающая из военной программы социалистической революции: идеология классовой борьбы, требование принципиальности и бескомпромиссности, террор и заложники ленинского правительства и т. д. Все это вдалбливалось в школе, на комсомольских и партийных собраниях и даже на собраниях пионерских организаций и октябрятских звездочек. Уже с детства ребенку внедрялся в сознание образ пионера-отцеубийцы Павлика Морозова. Все это создавало необычайно высокий потенциал скрытой агрессии, который с афганской войны начал вырываться наружу. Было бы очень интересно провести социологическое обследование киллеров и лидеров организованной преступности и посмотреть, какая доля из них была функционерами пионерской и комсомольской организации. Думаю, что существенно больше, чем среди будущих диссидентов. Таким образом, речь идет о том, что ныне мы пожинаем плоды советской идеологии.

В-третьих, вспоминается множество некрологов на последних страницах центральных газет в дни пленумов ЦК КПСС о кончине ответственных работников ЦК. Следы каких методов политической борьбы это были?

Одним словом, о какой преступности можно сокрушаться ныне после 70 лет господства теории и практики коммунистического насилия?

И наконец, надо еще раз подчеркнуть российский юридический нигилизм, благодаря которому политическая целесообразность доминирует над законностью. К чему обсуждать проблематичные преступления Генерального прокурора после сотен миллионов преступлений, связанных с задержками заработной платы? Если уж говорить о борьбе с преступностью, надо либо отменять закон об обязательности выплаты заработной платы, либо проводить массовые увольнения. А что же удивительного после этого в правовом нигилизме, убийствах политических деятелей или взрывах жилых домов в Москве?

Россия на перепутье: новая стагнация?

Вслед за весьма решительными и последовательными преобразованиями 1991–1993 гг. возникает совершенно дурацкая ситуация, которую нельзя квалифицировать иначе, как ситуацию стагнации. Она была очень хорошо проявлена на совещании в министерстве национальностей по поводу Чечни в конце 1996 г. Там было заявлено буквально

следующее. Первое: на отделение Чечни согласиться невозможно. Второе: не отделиться Чечне тоже невозможно. И в том и в другом случае последствия могут быть непредсказуемыми. Поэтому нужно делать все возможное, чтобы не менять статуса Чечни, — а значит не делать ничего. Эта позиция была провозглашена официально. И в сущности, как мне представляется, с момента отставки Гайдара в таком состоянии находится решение всех проблем социальной, экономической и политической жизни в России.

Очевидно, что важным шагом на пути реализации действительных реформ было бы решение вопроса с государственными монополиями. И очень интересно в этом контексте наблюдать, как несколько раз подступались к Газпрому. И ситуация с Газпромом летом 1998 г., которая имела место быть, когда Президент жестко потребовал уплаты налогов, в этом отношении очень показательна. Не вызывает сомнений, что разрушение крупных государственных монополий приведет к новому глобальному переделу власти и ресурсов. В результате еще меньшей окажется значимость государственных границ.

Коммунисты и «патриоты» воспринимают такой вариант развития событий как однозначно негативный. Однако нужно видеть и позитивную сторону такого рода процессов. Если Россия будет владеть большими и очень большими пакетами государственных бумаг новых фирм, если через акции этих новых фирм в стране увеличится присутствие иностранного капитала, то очевидно, что крупные международные корпорации будут заинтересованы в сохранении цивилизованного статуса России, они не допустят процессов глубокой деструкции на ее территории. Поэтому такой процесс является шагом на пути включения России в международное сообщество.

Несмотря на кажущийся анахронизм самой постановки вопроса, стоит задуматься еще об одном аспекте этой ситуации. В последнее время часто поднимается вопрос о том, что Россия становится колонией, что она превращается в источник ресурсов и свалку различного рода отходов со всего мира. Такие процессы действительно имеют место, но это не новость, ведь они же шли в России в начале XX в. Попытка получить полную независимость, изоляция от мирового сообщества на 70–80 «социалистических» лет дала только передышку, но ничего радикально не изменила. Может быть, это указание на внутренние тенденции развития России, может быть, в этом и состоят ее геополитические перспективы, может быть, и правда, России, что называется, на роду написано пребывать в таком состоянии?

Однако статус колониальной державы России не грозит. Эксперты, работавшие в колониальных странах, западные в том числе, отмечают

принципиальное отличие России от всех колониальных стран — чрезвычайно высокий уровень культуры. Это и бытовая культура, которая диктует стереотипы поведения, вплоть до того, как мыться, стричься, принимать лекарства, чистить зубы и т. д. Здесь Россия несопоставима с какой-нибудь Индией или африканскими странами. Очень высок и уровень профессиональной культуры, в известном смысле это единственное, чем Россия может гордиться. И наконец, страна насыщена чрезвычайно дорогой инфраструктурой, которой нигде в мире практически нет. Имея в виду эти три обстоятельства, ни о какой линии развития колониализма (в современном понимании) в России не может идти речь.

Итак, колониальной страной Россия в ближайшее время не станет. Но, действительно, можно говорить о специфических особенностях вхождения России в мировое сообщество на правах младшего партнера. И здесь нужно помнить о двух обсуждавшихся проблемах этого вхождения — вестернизации и модернизации.

О предназначении России

Указанные преобразования оказались менее всего понятны, заметны и приятны для тех, кто более всех способствовал их началу и кто имел шанс в наибольшей мере воспользоваться ими. Речь идет о незавидном и неопределенном положении, в котором оказались те, кто в Советском Союзе назывались инженерно-техническими работниками. Я хочу подчеркнуть, что речь именно о работниках, и именно об инженерно-технических.

Это не крупные ученые, не изобретатели, не организаторы производства, а именно работники, которые, как выяснилось, когда государство стало в достаточной степени открытым, не способны существовать, продавая свой труд, навыки, умения на мировом рынке. Они были хорошо приспособлены к условиям существования в СССР, когда по сути дела находились на положении рантье и им был гарантирован прожиточный минимум. Это давало им возможность размышлять о желательных политических реформах, о духовности, о душе, о свободе и т. д. В этой среде неприличным считалось обсуждать вопрос о том, как зарабатывать деньги, и не существовало представления о том, что всякое дело, которое осуществляется, чего-то стоит. Эти люди, называвшиеся «советской интеллигенцией», отождествлявшие себя с интеллигентами [1], по сути дела не имели практически ничего общего с интеллигенцией в исконном ее понимании. Поэтому неудивительно, что постперестроечные реформы вызвали у них растерянность и неудовлетворенность.

[1] См. наст. изд. С. 282–300.

Очень любопытно то, что даже образованные, умные и индивидуально порядочные люди до сих пор лишены священного отношения к праву частной собственности, что они, несмотря на очевидность противоположного, продолжают относиться к России как к государству[1] и оценивают деятельность политических лидеров и чиновников в нравственных терминах или ностальгически вспоминают свое стабильное сторублевое жалование, называвшееся зарплатой. Очевидно, что при таком разнобое мнений даже в социально однородной среде ни о каком последовательном и целенаправленном социально-политическом развитии не может быть и речи. На фоне отсутствия ресурсов, прежде всего финансовых, дальнейшее развитие будет определяться теми политиками, которые, подобно Чубайсу или Березовскому, способны манипулировать спусковыми крючками, а не «яблочниками» или Солженицыным, разрабатывающими всеохватные программы развития российского общества.

Именно из-за ограниченности ресурсов, вовлеченности России в глобальные процессы здесь рано или поздно все будет современно, хорошо и постиндустриально. Да вот только некому будет тогда размышлять о глобальном будущем человечества. В Советском Союзе, как и в других тоталитарных государствах, где невозможно было законным образом зарабатывать деньги, люди имели неизмеримо большее количество времени для своей внутренней деятельности. Историческое время при этом не шло, его как бы не было вовсе. Сейчас люди чаще думают только о текущих событиях, максимум — о перспективах на несколько лет. А ведь в бесконечных кухонных дискуссиях был не только кайф, но и определенный смысл.

Не стоит ли подумать о том, почему в России испокон веку так популярно обсуждение глобальных проблем? Ведь ни одна нация не тратит столь нерационально свое драгоценное время. Может быть, именно здесь специфическое место России в мировом разделении труда? И имеет смысл создавать какие-то новые социальные структуры, которых пока не знает история? Что-то вроде глобального аналитического центра, задачей которого будет размышлять о том, что ожидает человечество в будущем. Тогда неопределенно долго можно будет продолжать ездить в Россию отдыхать от бездуховности, вести ночные разговоры на кухнях и есть генетически нетрансформированные русские яблоки — все это позитивные стороны отсталости. Только в этом

[1] Государство понимается как институт, осуществляющий легитимное насилие. Ныне в России много нелегитимного насилия, а существующий административный аппарат не в состоянии осуществить легитимное насилие в полном объеме.

кроется одна опасность: такая структура может легко стать тоталитарной и тогда не миновать самых страшных последствий.

Итоги

Подводя итоги, можно говорить о том, что события, произошедшие в России за последние десятилетия, в общем и целом «работают» на нарастание полиморфизма, на увеличение числа легальных возможностей самореализации человека. В СССР таких возможностей было, может быть, и не меньше, но они были скрытыми, запретными.

Легализация части возможностей привела к тому, что сформировался полиморфизм, обладающий не самой оптимальной структурой. Особенно хорошо это видно на примере экономики: распределение богатства, количественное соотношение богатых и бедных, которое мы имеем сейчас, характерны для неоптимально организованных, социально неустойчивых систем. Но хорошо уже то, что произошло глобальное преобразование полиморфизма и существуют предпосылки для того, чтобы заниматься его оптимизацией.

К сожалению, была упущена возможность развития народного капитализма, а стал развиваться капитализм монополистический, а точнее, бюрократический. Окно возможностей ныне закрылось и откроется только в неопределенно далеком будущем.

Кроме того, можно сформулировать ряд более частных выводов.

Во-первых, можно утверждать, что распад СССР относится к числу крупнейших геополитических метаморфоз в истории человечества. Его можно поставить в один ряд с распадом Римской Империи. Тем не менее этот распад произошел очень малой кровью. Благодаря чему? Можно выдвинуть только два предположения — либо речь идет об исключительной богохранимости нашей страны, либо об исключительной гениальности ее руководства.

Во-вторых, за прошедшие годы в России достигнуты значительные успехи в деле строительства новой жизни: насыщение рынка товарами, складывание рынка труда, политические свободы, разгосударствление экономической деятельности, свобода передвижения и т. д. Тем не менее население в значительной степени не способно воспользоваться этими достижениями — из-за неготовности к ним, инертности и иждивенчества, культурного отторжения складывающихся моделей повседневности. В итоге реальные достижения оказываются неоцененными, по отношению к проводящимся реформам (не говоря о допускаемых при этом ошибках) существует негативное отношение, а советское прошлое становится предметом ностальгии. Удивляет практически полное игно-

рирование реформаторами в этой ситуации пропагандистско-идеологической работы.

В-третьих, идущие процессы практически никем не обсуждаются в контексте процессов общемирового развития — глобализации и локализма, модернизации и актуализации национальных традиций. Отсутствие дифференцированного понимания этих процессов не может быть заменено никакими действиями в сфере текущей политики.

Наконец, в-четвертых, только с учетом перечисленных обстоятельств можно серьезно обсуждать проблемы особенностей национального сознания и их влияния на характер политического и экономического поведения. Острота же текущей политической борьбы, которая ведется так, чтобы обойти указанные проблемы, делает ее бессодержательной.

ПОЛУГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОХОРОНЫ[1]

Прошедшие на прошлой неделе похороны екатеринбургских останков вызывают смешанные чувства.

Прежде всего это чувство очищения и надежды, ощущение безусловного торжества справедливости. Для таких чувств есть два основания.

Во-первых, наконец-то в соответствии с православными обычаями погребены останки, скорее всего, действительно православных людей, над которыми, безусловно, совершено то или иное надругательство — имея в виду любую из стадий истории этих останков.

Во-вторых, участие в похоронах Президента Российской Федерации есть форма выражения уважения и почтения (чьи бы останки не были захоронены) к бывшему главе государственной власти. Такое выражение почтения по крайней мере свидетельствует о том, что речь идет о готовности одной из ветвей новой власти вести свои государственные дела цивилизованно и даже претендовать на историческую преемственность.

Соответственно все в происшедшем — начиная от панихиды и церемониала захоронения и кончая тем обилием архивных материалов о последней царской семье, которое появилось в СМИ в эти дни, — вызывает теплое чувство сердечной радости. Видно и то, что еще могло бы дополнить указанные действия и усилить производимое ими действие. Например, если бы действительно от Пулкова до Петропавловской крепости были бы выстроены курсанты военных училищ, это было бы уроком для еще большего числа будущих военных. А ведь, скорее всего, ни один из стоящих в таком почетном карауле не будет в состоянии поднять оружие против представителя законной власти — ему будет очевидно, что за это придется отвечать ему, а если не ему, то его внукам и правнукам.

Но было высказано и в комментариях к репортажам, и в других передачах СМИ и достаточное количество благоглупостей. К сожалению, в связи с нынешней модой на защиту своей чести и достоинства в судебном порядке придется избегать ясного наименования авторов

---

[1] Подготовлено для «Петербургского Часа Пик». Не опубликовано в связи с обилием у редакции материала по этой теме.

некоторых таких сентенций. Но кажется, что необходимо обратить внимание по крайней мере на несколько высказываний, которые вызывают недоумение.

Во-первых, бросается в глаза то, что большинство соотечественников, выросших и проживающих на территории постсоветской России, более всего обращают внимание на убийство *царя*, не говоря вообще или говоря скороговоркой о расстреле слуг — жизнь простого человека для них по-прежнему ничего не стоит. Но чудовищен именно расстрел слуг. Это ясно прежде всего потомкам аристократов, что хорошо выразил один из эмигрантов — член дома Романовых, сказав, что самодержец — профессия опасная, самодержец знает, что может быть убитым, но вот чем же виновата горничная?

Во-вторых, о *цареубийстве* говорилось как о чем-то чудовищном и беспрецедентном. Но ведь сам дом Романовых практиковал такой способ решения проблем — вспомним хотя бы судьбу Петра III или Павла I, не говоря о более сложных вещах, таких как казнь царевича Алексея или акции царевны Софьи против Ивана V и Петра I, да и саму практику заточения неугодных Романовых в монастыри. Либо обо всем этом просто забывается, либо недооценивается то, что суть екатеринбургской трагедии в другом — екатеринбургское убийство было актом прежде всего *идеологическим* и *символическим*, а не направленным персонально. Именно это требует *государственного,* а не народного покаяния. Поэтому было так важно присутствие именно Президента.

Кстати, совершенно непонятно, почему призывают каяться весь народ. Это еще можно было бы понять, если бы речь шла о мононациональном и моноконфессиональном государстве. Совсем странным выглядят такие призывы со стороны тех, кто, принадлежа к княжескому роду и оставаясь при советской власти в непосредственной близости от тиранов, только менял в зависимости от политической ситуации ударение в своей фамилии. В отношении же тех, у кого в каждом поколении (вплоть до нынешних тридцатилетних) есть жертвы политических репрессий, это по крайней мере непонятно. Примечательно то, что зарубежные соотечественники с такими призывами не обращаются...

На этом, пожалуй, и кончается то, что понятно и вызывает чувство умиротворения. Отметим, что основания для такого умиротворения совершенно не зависят ни от заслуг Романовых как монархической династии, ни от личности последнего императора, ни от надежности идентификации екатеринбургских останков. Дальше начинаются вопросы и недоумения...

Прежде всего небесспорна сама по себе, а тем более в условиях нынешней России, идея монархии, в особенности наследственной. Тем

не менее в том, что было наговорено вокруг погребения, было немало такого, что носило явно монархический оттенок. Это совершенно не соответствует умонастроениям как современной России, так и России 1917 или 1918 г. — тогда, как и сейчас, были противники монархии — сторонники демократии, да и теократии тоже, и все они приветствовали Февральскую революцию. Для последних восстановление патриаршества, как и все Предсоборное присутствие, было шагом на пути к желаемому государственному устройству.

Не все было продумано и с точки зрения адекватности используемых государственных церемониалов. Одна из причин в том, что в России практически никогда не вставал вопрос о порядке погребения *бывших* глав государств. Демократия же предполагает существование такой проблемы — не всегда выборное лицо остается до смерти на высшем государственном посту. Какие последние почести подобает отдавать *бывшему* главе государства? На этот вопрос теперь надо отвечать как на регулярно возникающий. Своеобразие его состоит и в том, что такой вопрос встанет и по отношению к *бывшему* главе СССР. Как и в случае с *бывшим* императором, вопрос этот будет непростым. А как быть, если одним из будущих президентов России будет атеист, буддист или мусульманин? Все эти вопросы надо было бы учитывать государственной герольдии и думать не только о данном случае, а создавать регулярные решения, подходящие для всех подобных ситуаций.

Много «интересного» в эти дни было сказано и о династии Романовых в целом. Говорить подробно здесь об ее заслугах неуместно, но можно лишь вспомнить несамостоятельность и зависимость от отца-патриарха Михаила Федоровича, церковный раскол при Алексее Михайловиче, зверства Петра I, фактическое пресечение династии со смертью Петра II и Елизаветы Петровны. Несколько скептическое отношение знатных боярских родов к неродовитым Романовым (которые даже не были Рюриковичами) еще более усилилось по отношению к Гольштейн-Готторпской линии Романовых (начиная с Петра III и его жены Екатерины II), для чего появились и мотивы этнического отторжения. Затем последовали тайные и морганатические браки императоров.

Помимо чисто династических возникают и вопросы, связанные с православным пониманием царской власти. Это относится и к церковным реформам Петра I, и к упомянутой семейной жизни императоров (начиная с женитьбы того же Петра на Марте Скавронской). По существующим представлениям, подобные грехи монархов ложатся на весь народ.

Казалось бы, к неоспоримым заслугам Романовых как верховных правителей можно было бы отнести территориальный рост империи. Однако столь бурный рост империи был, как видно, злокачественным.

Одна из причин этого — в том, что знать включаемых то ли мечом, то ли дипломатией территорий причислялась к русскому дворянству. Конечно, и некоторые старые боярские роды, и остзейские бароны, и кавказские князья, и польская шляхта, и среднеазиатские правители юридически принимали императорскую власть, но к Земскому собору 1613 г. они отношения не имели и Романовых не выбирали. Поэтому понятно, что для них Романовы как род не обладали авторитетом.

В итоге дворянская оппозиция Романовым все более усиливалась. При этом можно говорить о фактическом расколе дворянства, которое разделилось на придворное и «вольное». Очевидно, что подобные процессы не способствовали укреплению государства и при подходящем стечении обстоятельств обернулись его распадом.

Наконец, не все так просто и в отношении последней императорской четы. Не только у потомков, но и у современников эта пара вызывала удивление, недоумение и недоброжелательство. Не будем здесь вспоминать такие чисто политические события, как Ходынку, Русско-японскую войну, Кровавое воскресенье или неудачи в Первой мировой войне, ответственность за которые трудно связывать с одним, хотя и верховным, лицом. Возьмем только жизнь частную. Совершенно несоответствующим положению императора, представлению о дворянской чести и просто безвкусным является роман Николая с Кшесинской (ответственность за который опять же ложится на весь народ). Малодушием отдает от идеи уйти в монастырь после брака с Александрой, поражает духовная неразвитость, граничащая с ересью, допустившая столь большое влияние Распутина на государственную жизнь, совершенно очевидна и зависимость от супруги в государственных делах.

Нынешние почитатели Николая породили замечательную логическую конструкцию — Николай остался в одиночестве и не смог «вытянуть» Россию, потому что, мол, его оставили способные люди, которые должны были бы печься о делах государства. Но именно Николай и отвергал в силу своей предвзятости и несамостоятельности (не будет же уважающий себя интеллигент-аристократ якшаться с Распутиным!) квалифицированнейших профессионалов. И делалось это не без влияния Александры, столь зависимой от Распутина. Получается, что не соглашавшиеся с таким поведением самодержца попадают — теперь, более 80 лет спустя! — в число врагов России.

На фоне этого поражают рассуждения и царственной четы, и некоторых их современников, и современных нам авторов об их семейном счастье. Ну так почему же было не удалиться от дел и не передать власть Михаилу, как было заявлено при вступлении на трон?

Но и семейная жизнь этой четы не вызывает особого энтузиазма — близкородственный брак, как следствие — гомозиготный сын, страдающий гемофилией. Меня поражает и содержание их переписки, фрагменты которой звучали в эти дни: обсуждаются только бытовые проблемы, никаких возвышенных тем и разговоров о внутренней жизни души.

Поразительны и прозвучавшие в эти дни рассуждения о том, что, в сущности, императорская чета — такие же интеллигенты, как и другие граждане соответствующего круга того времени. Но интеллигенты того времени не крутились вокруг Распутина (так же, как ныне трудно назвать интеллигентными людей, которые «кашпируются» по телевизору или ходят в кинотеатры на сеансы бабы Нюры), свободно владели несколькими языками (причем в разных стилевых системах — в отличие от последней царицы) и не позволяли себе проявлять свои национальные пристрастия (отношение же Николая даже к высшим чиновникам-полякам было пристрастным, если не предвзятым).

Создается впечатление, что двусмысленность положения императорской семьи ее члены понимают значительно лучше, чем местные обитатели постсоветского пространства. Показательно и то, что в самом доме Романовых раскол: одни отправились на похороны екатеринбургских останков, панихиду над которыми совершало рядовое духовенство, а другие — в Троице-Сергиеву лавру, на панихиду по Николаю I, которую совершали патриарх и епископы.

Одним словом, возникает ощущение какой-то каши. Почему-то получается, что признание преступлений большевиков оказывается основанием для возвеличивания очень сомнительных заслуг династии Романовых и превращает очень посредственных ее представителей в образцы граждан, личностей, супругов, интеллигентов. Метаморфоза непостижимая!

Необходимо подчеркнуть, что все высказанные сомнения в заслугах Романовых не являются основанием для оправдания расправы над ними — речь идет только о том, что зверства палачей не являются источником добродетелей Романовых и эти два вопроса надо обсуждать раздельно.[1]

Следует обратить внимание и на проблему идентификации екатеринбургских останков. Обращает на себя внимание отсутствие в доступных научных изданиях вразумительной информации по этому поводу, завязанность всех экспертиз в разных странах мира на одного человека — московского профессора судебной генетики Иванова. Сообщения

[1] Поэтому совершенно корректна канонизация в 2000 г. Николая II только как страстотерпца (примечание сентября 2000 г.).

о результатах экспертизы, которые были даны в репортажах о церемонии похорон, генетически просто бессмысленны. Невразумительны даже называемые уровни достоверности заключения о принадлежности останков царской семье — говорят о восьми девятках после запятой, ну а какая цифра идет потом? Дело в том, что без знания этого невозможно оценить правильность округления, понять, о каких величинах статистических показателей идет речь (величине доверительного интервала, показателе точности опыта и т. д., или же об использовании непараметрических статистик). Все это напоминает ситуацию, которая в математике называется «навешиванием кванторов на уши», тем более что ничего не говориться о том, каковы были нулевые гипотезы (а ведь все статистические выкладки строятся на опровержении нулевых гипотез).

Понятно, что, если проблему идентичности рассматривать как чисто научную, разрешать ее можно неопределенно долго. Поэтому выходом могло бы быть принятие каких-либо ответственных правовых решений, вытекающих из такой идентичности. Скажем, если бы удалось сконструировать какую-нибудь юридическую коллизию, когда государство должно выплатить, скажем, одну десятую часть казны какому-нибудь лицу на основании его генетического сходства с екатеринбургскими останками. Стало бы тогда государство отстаивать аутентичность екатеринбургских останков?

Однако пока такой процесс не сконструировать, поскольку в России в отличие от Прибалтики проблема реституции (возврата дореволюционным владельцам собственности) серьезно даже не обсуждается.

На этом фоне, по-моему, становится совершенно понятной и позиция Московской Патриархии по проблеме идентификации останков, которой придается политический статус, причем без всяких правовых последствий, вытекающих из правильности идентификации. Такая позиция не вызывает доверия. Признание же идентичности останков в случае канонизации Николая с его близкими делает их мощами, что требует абсолютной уверенности в их подлинности.

Заметим, что при этом Николай станет вторым русским самодержцем, причисленным к лику святых. Первым был Федор Иоаннович — фигура не менее трагическая и противоречивая, чем Николай II. При этом историософски появление царя Федора было платой за грехи Иоанна Грозного, разнузданность которого вполне сопоставима с деятельностью Романовых-императоров. Всех ли удовлетворит такая перекличка?

Итак, погребение состоялось, покаяние Президента (но не Думы, не государства в целом) произошло, но примирения граждан так и нет. Пожалуй, для активной части населения, напротив, похороны стали еще одной линией противостояния.

В ЗАЩИТУ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ПРЕЗИДЕНТА[1]

В последние недели и в прессе, и в Думе, и со стороны большого числа политиков раздаются разнообразные обвинения в адрес Президента. Часто эти обвинения выходят за рамки приличия и выглядят уже как оскорбление его чести и достоинства.

В качестве направления главного удара выбрано обсуждение состояния здоровья Президента, его истинных или мнимых болезней. Вопрос, конечно, интересный, но тут же возникает встречный вопрос: а где же вы были, господа, когда страной правили Брежнев, Черненко или Андропов? Не является ли сама возможность постановки такого вопроса показателем силы президента? И тех успехов в развитии институтов демократии, которые достигнуты под его руководством? Ведь при Сталине или Брежневе подобные разговорчики не только в средствах массовой информации, но даже на собственной кухне могли закончиться в лагере или в психушке. Или уже успели забыть, что именно этого человека мы сами дважды избрали Президентом, причем оба раза с достаточно явным перевесом?

Ясно, что за такими выступлениями стоит вовсе не забота о делах государства. Просто пошли в ход новые формы политической борьбы, направленной на то, чтобы вывести партнера из игры. Это хорошо видно хотя бы потому, что все подобного рода дискуссии исходят от людей вполне определенной политической ориентации. Настораживает то, что используются совершенно незаконные средства, что называется, удары ниже пояса, которые явно входят в «политическую моду» в последнее время. Не останавливает оппонентов Президента даже такой трагикомический факт, что последний экономический кризис не смог перенести вовсе не «тяжело больной» и «дряхлый» Президент, а относительно здоровый и молодой лидер красного «Яблока».

Реакция на выпады оппозиции со стороны аппарата Президента последовала после долгого, на мой взгляд, недопустимо долгого, молчания. Она была достаточно жесткой и абсолютно уничижительной по

---

[1] Опубликовано: В защиту чести и достоинства Президента//Петербургский Час Пик. 1998. № 44 (45). 11 ноября. С. 2.

отношению ко всем остальным политическим силам, в том числе и облеченным властью (таким, как Дума). Ситуация выходит за пределы политического пространства и начинает напоминать процесс «сдачи» пахана братвой, когда идет торг среди преступных банд. Если допустить в стране продолжение такого торга, то это надолго уничтожит будущее российской политики как таковой, поскольку ни один политик, пришедший на смену ныне действующему Президенту, не сможет рассчитывать на мало-мальское уважение к себе, на то, что кто-то будет думать о его чести и считаться с его достоинством.

В пылу споров о здоровье и дееспособности Президента и обвинений его в бездеятельности, как-то мало внимания уделяется тому, что же в последние месяцы реально делает Президент. А им сделано несколько, как мне представляется, весьма важных и весьма принципиальных шагов.

Первый принципиальный шаг, сделанный Ельциным, — отказ его от принятия закона об освобождении Президента от судебной ответственности в случае отставки. Это мужественный поступок человека и гражданина, поступок, на который не оказался пока способен ни один из российских политиков. А один из оппонентов действующего Президента, Горбачев, просто отказывался являться по повесткам в суд, куда его вызывали в качестве свидетеля.

Во-вторых, было очевидно, что после событий 17 августа должно было произойти перераспределение власти, оформленное каким-то официальным актом. Акт этот должен был быть чрезвычайным. Но именно в чрезвычайных обстоятельствах лучше всего действует наш Президент. Поэтому у меня была уверенность в том, что и теперь Президент найдет какой-то невероятный выход из ситуации. Раньше ему это неоднократно удавалось. Можно вспомнить высказывание Чубайса после избрания Ельцина на второй срок о том, что Президент обладает невероятно высоким и не только еще не исчерпанным, но даже и не осознанным до конца политическим потенциалом.

И такой шаг со стороны Президента последовал. Было дано согласие на перераспределение власти, при котором повышается роль Федерального собрания и уменьшается роль Президента. Это блестящий политический ход, поскольку он накладывает определенные ограничения на политику следующего Президента. А это очень актуально, потому что правые политики не имеют столь же сильного политического лидера, каким является ныне действующий Президент. Левая же оппозиция в случае прихода ее представителя на должность первого лица государства будет проводить ярко выраженную левую политику. Эта левая политика представляется неприемлемой, особенно сейчас. Насколько

можно понять, именно такой точки зрения придерживается Президент. Соглашаясь на ограничение своих реальных прав и отдавая их Федеральному собранию, Президент, безусловно, учитывает, что Федеральное собрание зарекомендовало себя как институт, который не в состоянии проводить последовательную политику. Поэтому если к власти придет «левый Президент», руки у него будут связаны Федеральным собранием, не имеющим однозначной политической ориентации, а значит, политика государства не сможет в целом сильно продвинуться в левом направлении. Реализация этой идеи — показатель блестящей политической активности Президента.

Даже только эти действия Президента являются достаточным основанием для отказа от политики травли президента, которая совершенно определенно имеет место. Если отказаться от такой политики не хватает разума и мужества, то необходимо по крайней мере отдавать себе отчет в том, что это политика разрушения государства. Это политика безумия.

Примечательно, что аналогичное безумие, только в других формах, проскальзывает ныне и в американском обществе, допустившем злоупотребление (возможно, выходящее за пределы закона) демократическими свободами в отношении частной жизни своего Президента. А о единых тенденциях и направлениях развития российской и американской политики говорилось неоднократно.

Это еще один повод для оппонентов нашего Президента задуматься о том, что же представляет собой собственная, национальная политика России, — в данном случае проявляются чисто западные тенденции поведения. Обладая определенной фантазией, можно в логике «патриотов» даже ставить вопрос о том, не является ли нынешняя травля Ельцина, активно проводимая левыми, исполнением американского заказа. Оппозиция должна быть готова к предъявлению ей такого обвинения — не все же ей предъявлять подобные обвинения либералам. Так что прекратить играть в дурно пахнущие политические игры — в интересах всех.

ФЕЛИКС КАК ЯНУС: К ПЕРИОДИЗАЦИИ НОВЕЙШЕЙ РУССКИЙ ИСТОРИИ[1]

Одной из проблем нынешней России, постоянно вызывающих дискуссии, является вопрос о периодизации новейшей отечественной истории. Наиболее сложным является фиксация начала и конца периода. И вот оказывается, что в России история течет не через ворота, охраняемые римским Янусом, а мимо железного (в прямом и переносном смысле) Феликса. С его свержения при подавлении августовского путча 1991 г. началась новейшая история России, а представленный Государственной думой к возврату на прежнее место, он призван стать символом конца либеральных реформ.

Приходит время подводить грустные итоги.

«Восставший раб устанет от свободы...» Устал. И, видимо, действительно раб. Так или иначе, надо серьезно думать о судьбе либерализма в России.

Дума, а точнее ее левые фракции, показали свое подлинное лицо. Известное шокировавшее выступление А. Козырева оказывается пророческим — в России реставрируется весь антураж коммунистического времени.

Стоит вспомнить и другие решения Думы — отказ от Беловежских соглашений, постоянные популистские решения о повышении социальных выплат с последующими их задержками, отказ принимать Земельный кодекс... А еще в выступлениях членов Думы появились открытые антисемитские высказывания, призывы к воссозданию каторги как формы длительных пыток. И все это по инициативе думских коммунистов.

В итоге коммунисты обнаружили свое истинное лицо — это не европейские социал-демократы (о популярности которых рассуждал в ответ на вопрос о перспективах коммунизма еще М. Горбачев), а те самые ленинско-сталинские коммунисты, на совести которых лежат красный террор и ГУЛАГ. Об этом же говорят и время от времени всплывающие сведения о создании нелегальных боевых коммунистических бригад.

---

[1] Написано в начале декабря 1998 г. для «Петербургского Часа Пик». После нескольких переделок статья отклонена как «не представляющая интереса для широкого круга читателей».

Можно долго рассуждать о том, отражает состав Думы настроения общества или нет. Ответ на этот вопрос требует изощренных социологических исследований. Ну а уж то, что народ достоин той власти, которую имеет, сомнений не вызывает. Но всегда ли нужно следовать воле народа, пусть даже выраженной законным путем? Ведь именно таким законным путем пришли к власти в Германии национал-социалисты. Они хорошо наладили дело с железными дорогами, но ненадолго. Без ограничения политического экстремизма с помощью закона демократия беззащитна. Не случайно поэтому левая Дума уже столько времени не может сформулировать понятие экстремизма.

Но ответственность за происходящее не только на коммунистах. Так, демократы, когда они были еще в силе, не приняли принципиального решения о коммунистическом наследии. Не было сделано ничего подобного программе денацификации в Германии. В итоге не только стал фарсом суд над КПСС, но и произошла девальвация Нюрнбергского процесса. Вспомним, что государственным обвинителем от СССР на нем был Руденко, который несколькими годами позже начал репрессии против первого поколения диссидентов.

Понятно, что последовательного поведения от демократов ждать трудно — многие из них (за исключением правозащитников) вышли из КПСС. Понятно и то, что речь идет о более глубоких вещах.

Дело в том, что еще в последней четверти XIX в. в России сложилась полярная политическая система. С одной стороны, была сформирована весьма либеральная политическая система с удивительной свободой слова и веротерпимостью, предопределившая всплеск развития образования (земского и университетского), становление эстетики Серебряного века, становление политических партий и т. д. С другой — отчетливо оформилась линия политического экстремизма: от терроризма народников и антисемитизма национал-патриотов (на фоне отмены черты оседлости) до открытого политического бандитизма большевиков. Особо опасными своей бескомпромиссностью оказываются экстремисты — в чем-то ущемленные, подобные младшему Ульянову или Дзержинскому (как и его духовному вдохновителю — Кампанелле). При этом очевидно, что именно общелиберальная ориентация российского (и не только российского!) общества делает его беззащитным перед лицом экстремизма.

Когда же большевики приходят к власти, ни о каком либерализме говорить не приходится. Более того, пропаганда на протяжении семи десятилетий навязывает всему населению идеологию поиска врага и бескомпромиссного его уничтожения. Уничтожения любыми средствами — с помощью ЧК, захвата заложников, террористических актов,

насильственного уничтожения классов, ограничения политических свобод («лишенцы» из «бывших»), уничтожения детей врагов (примеры — стихотворение «Убей его», написанное в начале Отечественной войны, специальные лагеря для детей «врагов народа»). И эта идеология экстремизма глубоко пронизывает сознание нескольких поколений людей, выросших на территории бывшего СССР.

Поэтому в конце концов меня не очень волнует то, что в итоге деньги как собственно КПСС, так и лакомые куски бывшей государственной собственности оказались в руках у бывших функционеров — как они не смогли удержать в руках государство, так потеряют и капиталы (тем более при современных финансовых технологиях, когда собственность часто меняет хозяина). Серьезнее другое — у демократов так и отсутствует умение противостоять экстремистам, не используя их же методы (упрек, бросавшийся правительству Гайдара).

Отказ же демократов от радикализма сразу развязывает руки их оппонентам там, где ослабевает контроль над ситуацией. Особенно тревожно положение с системой образования, которая и должна подготовить поколение либералов-реалистов. Но реформа образования проваливается. Так и не введен запрет на профессии, и бывшие коммунистические функционеры пошли в школы и вузы развращать детей и студентов.

А делают они это хорошо еще с советских времен. Уверен, что среди бандитов и киллеров больше бывших примерных комсомольцев, чем среди нынешних правых политиков. Они оказались хорошими учениками, шагающими под «Левый марш»: «Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер!» И убивают неугодных депутатов. А уж лучшему ученику железного Феликса, который ввел в политический обиход захват заложников, Шамилю Басаеву, нужно поставить памятник рядом с учителем. Только зачем тогда было кликушествовать в Думе во время событий в Буденновске?

К ПОЛОЖЕНИЮ НА РЫНКЕ ТРУДА В РОССИИ[1]

Положение на рынке труда в России определяется ныне следующими своеобразными чертами:

1) Информационной неопределенностью — официальная информация по этому вопросу на разных уровнях власти имеет очень косвенное отношение к действительному положению вещей. Причина этого — как в отсутствии средств оценки положения с негосударственной и теневой экономикой, так и в целенаправленном искажении информации; в частности:

— в России до сих пор практически не учитывается вклад частного, а тем более теневого сектора в развитие производства и экономики в целом;

— широко распространены методы экономической деятельности, исключающие возможность учета экономических операций (бартер, внебанковские и бескассовые расчеты, контрабанда, черный нал, частные деньги — последние, в частности, обеспечили возможность выживания некоторых структур в 1992—1994 гг.);

— несбалансированная налоговая система стимулирует искажение отчетности;

— статус дотационного региона или предприятия является престижным — это дает льготы и государственную поддержку. Россия же в целом старается стать дотационным регионом для мира.

2) Особыми аспектами информационной неопределенности являются:

— наличие полной и частичной скрытой безработицы (предприятия, полностью или частично не производящие продукцию и/или не выплачивающие зарплату или дивиденды);

— наличие нелегальной занятости населения[2] (временной, почасовой, занятости в незарегистрированных предприятиях, регистрировать которые, в особенности малые, невыгодно из-за соответствующей законодательной базы — власти стараются сократить число субъектов хозяйственной деятельности за счет уменьшения числа малых предприя-

---

[1] Написано в конце августа 1997 г. в связи с подготовкой к визиту Генерального секретаря МОТ в Санкт-Петербург. Опубликовано в журнале Посев. 1997. № 8. С. 20–23.

[2] По сообщениям СМИ (зима 1997–1998 г.), около половины населения России было вовлечено в нелегальную трудовую деятельность.

тий, приема на работу без оформления — с тем, чтобы не предоставлять социальных гарантий, и т. д.).

Оценить соотношение этих двух тенденций крайне сложно из-за того, что подавляющая часть населения (в особенности в городах) работает на 2–8 работах.

3) Существует разрыв между формальным статусом работника, его трудовыми притязаниями и фактической квалификацией, в особенности с учетом новых для современной России форм организации труда. В частности:

— в бывшем СССР было произведено несметное количество «специалистов» с дипломом о высшем образовании, которые фактически не способны осуществлять деятельность, к которой их готовили. В их числе:

- инженеры (ср. число инженеров в СССР и во всем мире с соответствующим количеством патентов);
- врачи (которые фактически работали как медицинские регистраторы, лаборанты или фельдшеры; поэтому-то их дипломы и не признаются на Западе);
- учителя (получавшие взамен психологической идеологическую подготовку, а к тому же частенько представленные женщинами, компенсирующими неудачи своей личной жизни властью над детьми);

— ориентация на социалистический коллективизм определяет неспособность людей работать вне коллектива, заниматься индивидуально профессиональной деятельностью, существенно затрудняет их работу в условиях, когда отсутствует непрофессиональное общение с коллегами в рабочее время, определяет их неоправданный интерес к условиям трудовых соглашений своих коллег и т. д. В этом же одна из причин неумения работать в условиях только дистантной (например, компьютерной) профессиональной коммуникации. Некоторые отечественные аналитики считают, что характерной чертой русского национального менталитета вообще является неспособность к участию в анонимных коммуникациях;

— отсутствует навык точного исполнения инструкций, осуществления формализованных служебных отношений. Это проявляется как в неумении работать на конвейере (вследствие чего в последние годы существования СССР производилось до 50% брака), так и в излишней «изобретательности» лиц, работающих на руководящих должностях (которые, в числе прочего, все время изобретают новые виды незаконной деятельности);

— в сознании советского человека отсутствует представление о социальных технологиях, их заменяли репрессивные акции. Способности и навык организационной деятельности не воспринимаются значитель-

ной частью населения как трудовой ресурс, существует национальное презрение к организаторам труда;

— в стране отсутствуют профессионалы в области социальных технологий. Их отсутствие компенсируется ныне либо старыми номенклатурными кадрами (если не преступными по существу, то по крайней мере отличающимися крайней деформацией сознания), либо физиками и «технарями» (которые привносят заведомо обесчеловеченные подходы в работу с людьми). Гуманистическое отношение к процессам социальной организации управления практически отсутствует;

— практически все зрелые специалисты нуждаются в переподготовке с целью овладения иностранными языками, компьютером, основами рыночной экономики, социальных технологий, психологии.

4) В стране, как у руководителей, так и у рядовых граждан, отсутствует представление о реальных потребностях и стоимости различных видов труда. Так,

— еще в советское время цена работы, осуществляемой населением внутри дома, в 4–5 раз превышала их доходы от профессиональной деятельности. Однако этот труд нигде не учитывался, а потребность в нем не анализировалась с точки зрения перспектив развития сферы обслуживания;

— значительный объем домашней и бытовой работы осуществляется в семье, в особенности представителями старших поколений (пенсионерами), что делает хозяйство в большой мере натуральным. Особенно велика эта доля в случае наличия садового участка (даже у горожан) и ухода за детьми, больными, немощными стариками. При распаде профессиональной деятельности или ее имитации (в конструкторских бюро, проектных институтах, совхозах) доля натурализации домашнего хозяйства еще более возрастает. Яркое проявление этого — широкое распространение частного жилищного строительства в России (прежде всего в сельской местности);

— в сельском хозяйстве, рыболовстве, охоте, сборе грибов и ягод, заготовке трав и природного сырья даже в советское время был значительно представлен негосударственный сектор. Ныне эти сферы принимают в себя (легально или нелегально) большое количество безработных. Наличие у некоторых из них смежной профессиональной подготовки (географической, биологической, химической) может делать их деятельность порой очень эффективной.

5) В стране отсутствуют представления о соотношении групп с разным трудовым потенциалом. В частности:

— руководством страны с 1992 г. задана утопическая ориентация на то, чтобы всех сделать предпринимателями;

— отсутствует представление о неизбежном уровне безработицы, определяемом количеством населения, конституционально склонного к бродяжничеству, попрошайничеству (хотя теперь они и выпущены из тюрем и не преследуются в уголовном порядке), асоциальному и деструктивному поведению;

— не осознаны разные социальные стратегии, пригодные для интровертов и экстравертов;

— не оценено количество лиц, склонных к социальному иждивенчеству, нуждающихся в психологической и социальной опеке (в числе которых оказались такие разные категории, как инвалиды, матери-одиночки, генералы, профессора[1], художники, золотодобытчики, бывшие государственные и партийные руководители, некоторые предприниматели и т. д.), и не выработано программ работы с ними.

6) Трудовая занятость для значительной доли населения России до сих пор является не источником средств к существованию (и осуществляемая, и не осуществляемая ими работа может одинаково не оплачиваться или оплачиваться крайне низко, ниже прожиточного минимума), а средством сохранения своего социального статуса. Разрушение даже абсурдных и убыточных рабочих мест является для многих путем к люмпенизации и к глобальной маргинализации социума.

7) Внеэкономическая заинтересованность в рабочем месте, большая экономическая значимость деятельности внутри дома, традиции социалистического общежития, низкий уровень потребительской культуры и требовательности клиентов, ограниченность финансовых ресурсов мелких торговых и обслуживающих фирм, социальная апатия исключают возможность эффективного влияния на качество труда сотрудников (например, в сфере торговли и обслуживания) посредством величины денежного вознаграждения за труд или даже угрозы увольнения при высоком уровне официальной безработицы. В результате даже в частном секторе (как и на государственных предприятиях-монополистах) накапливается большое количество хронических бездельников.

8) Трудовые притязания части населения беспочвенны ввиду отсутствия понимания реальностей современной экономики. Так, распространение станков-автоматов в большой мере обесценило труд высококвалифицированных станочников, шахтеры совершенно незнакомы с опы-

[1] Проблема занятости ученых в государственной и частной науке рассмотрена автором и его коллегами в ряде публикаций: *Прусс И.* Фундаментальная наука жива. По какому адресу она живет?//Знание—сила. 1997. № 2; *Прусс И.* Научные коллекции: продать, отдать, сохранить?//Знание-сила. 1997. № 4; *Чебанов С.* Фундаментальная наука: уничтожение или очищение//Час пик. 1997. № 96 (825). 2 июля; *Чебанов С.* Фундаментальная наука: положение и финансирование//Посев. 1997. № 4; см. наст. изд. С. 376–415, 703–706.

том сворачивания угольной отрасли в странах Запада, производители сельскохозяйственной продукции не готовы к конкуренции с иностранными продуктами и т. д.

9) Сложившаяся в России экономическая ситуация приводит к сохранению только тех сфер хозяйства, которые ориентированы на удовлетворение лишь текущих первоочередных потребностей. Вложений в долгосрочные проекты или проекты с косвенной отдачей (в области искусства, литературы, фундаментальной науки) практически нет. Таким образом, непомерное количество вложений в долгосрочные программы в бСССР, которое привело к его развалу, обернулось вообще отсутствием долгосрочных вложений. Это приводит к ряду существенных последствий:

— началось разрушение системы фундаментального (гимназического, а не реального типа) образования (среднего и высшего), которая обеспечивала лидерство СССР в ряде областей культуры. Отчасти это компенсируется созданием учебных заведений нового типа, ориентированных на западные образовательные стандарты. Старая же профессура оказывается невостребованной и невоспроизводящейся;

— произошла резкая поляризация деятелей науки и культуры по степени экономической обеспеченности. Дифференциация по экономическим основаниям оказалась сильнее профессиональных связей;

— высокий уровень финансирования в культуре и науке обеспечивается практически только за счет западного финансирования или отечественного финансирования, осуществляемого для обеспечения соответствия западным стандартам (чтобы доказать, что «наше», российское не хуже заграничного), что ведет к разрушению национальных образцов профессиональной деятельности (см. далее о маргинализации).

10) Лица с высоким уровнем социальных притязаний, желающие воспользоваться новыми возможностями, вынуждены становиться на один из возможных путей маргинализации. Например:

— участие в органах власти стало одним из привлекательных путей решения финансовых и социальных проблем. В результате во власть идут непрофессионалы в социальных технологиях, а профессиональные сферы деятельности порой теряют специалистов;

— значительной становится трудовая эмиграция, прежде всего высококвалифицированных кадров. Особая проблема — эмиграция военных специалистов, ядерщиков, прежде всего — в агрессивные государства. Другой путь — работа в России в иностранных компаниях или в компаниях со смешанным капиталом. В итоге на международном рынке труда оказывается значительное количество трудовых ресурсов по демпинговым ценам (в том числе очень высококвалифицированных);

— преступная деятельность оказывается притягательной для наиболее образованных лиц, не имеющих возможности реализовать свои притязания в легальной профессиональной деятельности. Ныне международная организованная преступность российского происхождения — наиболее высокообразованная в мире: большинство имеет высшее образование, а многие и ученые степени (о неизбежности этого автор говорил еще на совещании по подготовке Указа Президента № 1 весной 1991 г.[1]).

11) В организации социальной жизни в России значительная роль принадлежит уголовным элементам: уголовный мир в советское время обладал высокой степенью самоорганизации и именно поэтому вышел на первые роли, когда ставка в социальной жизни была сделана на самоорганизацию.

12) Ныне в России имеет место крайняя гетерогенность и поляризованность организации трудовых отношений — сосуществуют старые советские и совершенно новые структуры, существует резкая поляризованность гиперактивных и абсолютно инертных. В частности, существуют

— прежние (иногда несколько реформированные) очень крепкие крупные организационные формы — министерства, главки, тресты, крупные производственные объединения и т. д., ставшие или не ставшие юридически акционерными обществами. Часть из них продолжает быть монополистами. Руководители и высшие чиновники этих структур обеспечены работой или ее имитацией и имеют хорошие регулярные доходы, порой значительно превышающие таковые советских времен. К их числу нужно отнести и общенациональные, и региональные организации официальных профсоюзов. При этом последние обирают трудящихся посредством компьютерных форм удержания членских взносов из зарплаты, в том числе и с не членов профсоюзов;

— большое количество легальных коммерческих структур, унаследовавших непропорционально большую часть государственного и партийного имущества, которые относительно успешно действуют (частенько за счет в большей или меньшей степени оправданных льгот — налоговых, таможенных и т. д.);

— значительная доля населения, вовлеченного в легальный или нелегальный мелкий бизнес — челночную торговлю, кустарное производство, сферу услуг и т. д.;

— значительная доля сельского населения фактически перешла к натуральному хозяйству. В итоге это приводит к ощутимому повыше-

[1] См. «Начала современного российского образования» — наст. изд. С. 454–461.

нию уровня жизни, но требует непривычно больших для среднего и молодого поколений трудовых затрат;

— некоторые крупные хозяйства нашли адекватное место в международном разделении труда (в основном за счет тех сфер сельскохозяйственной деятельности, которые находились на периферии внимания в советское время);

— идет формирование сословия батраков;

— большое количество рабочих и служащих, лишенных социальной активности, для которых работа — только способ сохранения образа жизни, которые находятся на грани или за гранью голодного существования;

— значительная доля люмпенизированного населения, для которого безработица — действительная реальность;

— развитые криминальные структуры, в том числе международные;

— очень резко различается ситуация в разных географических регионах России — Москве, Петербурге и других городах, городах и сельской местности, дотационных и донорских регионах, в чисто территориальных и национально-территориальных образованиях.

13) Многомерность сложившейся ситуации приводит к тому, что можно утверждать, что практически для любого квалифицированного работника существует работодатель (покупатель его труда), и наоборот, что почти каждый заинтересованный работодатель может найти специалиста с требуемой ему квалификацией. Проблема заключается в том, чтобы обеспечить им встречу друг с другом. Ныне же можно констатировать неэффективность существующих каналов поиска работодателей и необходимых кадров.

14) В создавшейся ситуации иностранная помощь государственным и крупным псевдочастным организациям бессмысленна — средства оседают в центральном и региональном аппаратах и не доходят до тех, кто в ней реально нуждается. Часть нуждающихся при этом столь пассивна (это относится и к руководителям, и к исполнителям), что даже непонятно, чем им можно помочь.

15) Ныне существует вопиющий дефицит квалифицированных, работоспособных и ответственных кадров для обслуживания производств, представляющих глобальную опасность, — на территории России находится несколько сот производств и хранилищ, которые могут быть источником катастроф (ядерных, химических, эпидемиологических), сопоставимых с Чернобыльской. На всех этих объектах работают полуголодные, деморализованные сотрудники, порой с недостаточным профессиональным пониманием последствий своей деятельности или бездеятельности. Поэтому необходима замена этих кадров иностранными

(возможно, путем формирования смешанных коллективов, с тем чтобы сохранить российских специалистов, привыкших работать в нештатных ситуациях — на случай их возникновения). Особая проблема — обеспечение безопасности информационных систем, терминалы которых находятся на территории России (например, значительная доля компьютерных вирусов — российского происхождения; в России огромное количество хакеров: это проявление криминализации в области информационных технологий).

16) Ныне трудовая ситуация в России сказывается на положении остального мира, потому что

— Россия является поставщиком дешевых кадров для всего мира, которые:

— тотально маргинализированы, и поэтому, если не криминализованы, то готовы к этому (это относится и к военным специалистам);

— незнакомы с западной трудовой этикой;

— обладают очень высокой социальной активностью, в том числе криминальной (те, у кого она низка, остаются в России);

— воспитаны в совершенно иной этнокультурной и языковой традиции.

— Россия обладает колоссальной внутренней емкостью, которая без отдачи может поглотить любые средства.

— Россия является очень большим рынком сбыта, прежде всего ширпотреба.

В итоге можно утверждать, что:

1) Текущая ситуация с занятостью в России не так плоха, как это часто представляется (хотя она требует внимательного текущего контроля, чтобы предотвратить массовые стихийные выступления с их деструктивностью), в то время как существует явное недопонимание глобальных долгосрочных проблем.

2) Серьезно осложняет положение отсутствие принципиальных оценок ситуации (как правительством, так и отдельными политическими силами). В итоге стратегические проблемы вступления России в постиндустриальное общество не отделены от тактических задач переходного периода, а те, в свою очередь, от вопросов оперативного управления страной. Поэтому, а также в силу активности политической оппозиции в России существует достаточное число лиц, которые надеются либо переждать нынешнюю ситуацию, рассчитывая на возврат к советскому порядку, либо просто деморализованы и исключены из экономической деятельности.

3) Сложившаяся ситуация на рынке труда требует коренной реорганизации и укрепления системы социального обеспечения. Последняя

может принять на себя большую часть социальных напряжений, связанных с модернизацией, и создать условия для формирования здорового рынка труда.

4) Необходимая модернизация должна осуществляться с учетом национального своеобразия — как особенностей национального менталитета, так и при условии сохранения неоспоримых национальных достижений, представляющих общемировой интерес (отраслей промышленности, научных и художественных школ и т. д.).

5) Проблемы рынка труда требуют от правительства и других политических сил не только непрерывного предупреждения неконтролируемых массовых выступлений, но и являются предметом политического торга — прежде всего внутрироссийского, но иногда и международного. Поэтому иностранная помощь осмыслена только по отношению к частным лицам или низовым организациям.

6) Проблемы рынка труда в России влияют на глобальную ситуацию: это проблемы не только России, но и всего мирового сообщества. Однако отношения рынка труда в России и мирового сообщества не могут быть описаны простыми схемами. Еще в большей мере недопустимы какие-либо простые рецепты урегулирования этих отношений — они могут только навредить как России, так и миру.

КОГО ВЫСАДЯТ «НА ПИРЕНЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ» ВСЛЕД ЗА ШАХТЕРАМИ?[1]

На прошедшей неделе[2] мы были свидетелями апофеоза проявления группового эгоизма. У правительства появились соответчики за неудачи экономических реформ. Шахтеры на минувшей неделе начали прямотаки грабить страну. Конечно, появляются возможности использования шахтерской акции как повода для перекладывания на них ответственности за происходящее, но нужно говорить и о том колоссальном уроне, который нанесен системным основаниям российской экономики.

Подобным событиям следует давать принципиальную оценку. Но я думаю, что такая оценка будет отсутствовать. Нерешительность действий Генерального прокурора и самого Президента показывают, что власти боятся не только принимать соответствующие решения, но и просто действовать в соответствии с существующим законодательством.

Ситуация, обострившаяся в шахтерских регионах, не нова — еще в конце 80-х гг. было понятно, что она неизбежна. Видимо, властям стоило бы жестко обозначить свою позицию после шахтерских выступлений 91 г., но они предпочли отложить это неприятное дело в долгий ящик. Правительство тогда следовало логике ребенка: большие неприятности потом лучше, чем маленькие сейчас. Так что проходящие сейчас в прессе издевательские сравнения правительства с детским садом нужно отнести к Черномырдину и отчасти (поскольку он был только и. о.) Гайдару — именно они не смогли за семь лет решить проблемы с шахтерами.

Задержка конструктивного обсуждения шахтерских проблем продлила жизнь иллюзорного представления о необходимости для страны угольной отрасли в старом ее виде. Сейчас совершенно ясно, что угольная отрасль в России должна быть свернута — хотя бы потому, что средние цены на ее продукцию значительно превышают мировые, а цены на

---

[1] Текст подготовлен при участии Г. В. Руссо. Название предложено редакцией «Петербургского Часа пик». Опубликовано: Петербургский Час Пик. 1998. № 22 (23). 10 июня. С. 4. По сути это прелюдия к событиям 17 августа 1998 г. Однако тогда ни власти, ни простые граждане не пытались оценить вклад в них шахтерских забастовок.

[2] Первая неделя июня 1998 г.

уголь из той же бастовавшей Инты в три раза ниже его себестоимости. В этой ситуации имеет смысл оставить только угольные разрезы, снабжающие топливом близлежащие области, а также те, которые специализируются на добыче угля для химических производств и при этом элементарно рентабельны.

Примеры сворачивания угольной отрасли можно было наблюдать в последние десятилетия в США, Германии и Англии. Когда это происходило там, то коммунистическая печать СССР нагнетала апокалиптический ужас, показывая опустевшие города и шахты. А позитивно этот опыт остался неосмысленным.

Тем временем общественным сознанием не замечено, что сворачивание угольной отрасли и переход к использованию нефти и газа привели к улучшению экологической ситуации. В частности, уменьшение потребления угля для отопления является одной из причин снижения распространенности в Европе форм легочного туберкулеза.

Не осознано и то, что сворачивание угольной отрасли по существу есть ликвидация определенного уклада жизни как особого культурного феномена. Должны уйти в прошлое маленькие городки с терриконами, специфическим запахом, характерными отношениями людей… Представляется, что шахтерами движет во многом именно ностальгия, нежелание расставаться с привычным образом жизни. Но совсем недавно мы были свидетелями исчезновения другого социального уклада — крестьянско-деревенского быта, который сложился в России после реформ 1861 г. Тогда процессы шли медленнее, поэтому ностальгия по уходящему была зафиксирована, например, писателями-деревенщиками. Ныне же проблема исчезновения шахтерского уклада жизни не воспринята общественным сознанием как культурная, а не экономическая проблема.

Правительства Гайдара и Черномырдина сокращению шахт предпочли их приватизацию. Значительная часть угольных предприятий сейчас являются частными фирмами, акционерными обществами. Тем самым по своему юридическому статусу они аналогичны знаменитой «МММ». Именно по стопам Мавроди и идет руководство угольных компаний, а шахтеры ведут себя вполне сравнимо с вкладчиками финансовых пирамид. Любопытно, что появилась та же аргументация объяснения шахтерского поведения: люди не разобрались в происходящем, не в полной мере осознали особенности рыночной экономики, им ничего не объяснили, и поэтому они в очередной раз попались.

Но это не что иное, как оправдание группового паразитизма и принятие правомерности того, что группы населения, которые отличаются особым рвачеством и особой алчностью, могут выживать за счет других групп. Групповой паразитизм шахтеров, воспитанный еще при соци-

ализме, заключается в *привычке* к благосостоянию, которое человек не обеспечивает себе сам, а требует от других.

Благосостояние шахтеров не было экономически мотивировано в советское время, а тем более сейчас, когда они показали себя никудышными хозяевами приватизированных шахт. Или зря говорят о том, что посреднические фирмы имеют на угле до 200% прибыли? А шахтеры по прежнему ведут речь только о производстве, хотя весь мир давно делает ставку на маркетинг. В итоге, например, после забастовки на одной из шахт, начавших ее, новым директором назначен прежний главный инженер, а не специалист по сбыту.

Шахтеры, как, впрочем, и ученые, инженеры, педагоги, оказались крайне инертными и не способными к адекватной социальной активности в новых условиях. Они не хотят смириться с неизбежностью сворачивания отрасли, не желают понять, что при нынешней ситуации в государстве спасение является делом рук самих утопающих. Прошедшие 7 лет они позволили себе бездействовать. Видимо, это чисто русский феномен — адекватная социальная активность конструктивного типа отсутствует, а когда ситуация допекает, возникает готовность к бунту.

Сейчас шахтеры фактически решили пойти на самоуничтожение, прихватив в бездну государство, разрушив его до основания. Это вполне ожидаемая идеология, она проповедовалась в СССР десятилетиями и приобрела особенно жуткие черты после появления ядерного оружия. Тогда классовая борьба служила оправданием возможного применения оружия массового уничтожения. Но если коммунизм неизбежен, неужели нельзя было на время уступить капиталистам во имя сохранения человечества? Именно в логике ядерного противостояния, готовности уничтожить противника в случае своего проигрыша и действуют шахтеры. Неудивительно, что их акции вызывают сочувствие у нынешних коммунистов.

На события можно посмотреть и с другой стороны. Сейчас все крупные частные компании начинают использовать многоотраслевой принцип, который является условием устойчивости, и превращаются в холдинги. Они оказываются местами концентрации денег, а значит, развиваются в логике чисто финансовой деятельности, которая в России, как правило, не соответствует текущему законодательству. Штрафные санкции, накладываемые на них, — один из источников пополнения бюджета, который правительство начинает использовать почему-то только в самое последнее время.

Процесс развития холдингов с неизбежностью будет приводить к смене форм их деятельности. Например, угольные компании, проявляя активность преимущественно в области финансов, теряют интерес к нерентабельной угледобыче, поскольку она оказывается всего лишь бес-

платным приложением к угольной компании как к финансовому институту. Шахты исключаются из сферы их интересов — вместе с людьми, инфраструктурой, городами…

Механизм «выбрасывания» людей, как это ни неожиданно, имеет исторический прецедент. В процессе распада Римской империи римские легионеры были высажены на Пиренейском полуострове, и про них просто забыли. Эти забытые легионы, которым тоже не выплачивали денежное содержание, о которых государство перестало заботиться, явились основой для формирования романских народов. Так что ситуация вполне органична для определенной стадии распада империи.

Но тогда возникает резонный вопрос: кто окажется следующим легионом?

Очевидно, что в этой очереди стоит нефтегазовая отрасль. Нефть, добываемая в России, по российским технологиям, по российской себестоимости, никому в мире не нужна. Поэтому, хотя сейчас нефтегазовые компании и процветают, но процветание основано на той инфраструктуре, которая была создана в предшествующие десятилетия, за счет в большой мере экономически немотивированной производственной деятельности социалистического периода. При этом значительный вклад в отрасль был внесен фактически бесплатным трудом заключенных. Сейчас с заключенными возникли некоторые проблемы, поэтому перспективы для развития газовой отрасли не самые радужные. Если же будут попытки развивать эту отрасль, то одна только необходимость оплачивать труд газовиков по мировым стандартам приведет к разорению нефтегазового комплекса. Проще «кинуть» нефтяников, как уже «кинули» 14-ю армию в Приднестровье и шахтеров.

Подобное же положение дел может в обозримом будущем возникнуть и на Норильском никелевом комбинате, хотя его акции пока высоко котируются даже на Лондонской бирже цветных металлов. Комбинат полностью создан трудом заключенных, и, как только придет необходимость крупных амортизационных вложений или оплаты труда по мировым ценам, его инвестиционная привлекательность окажется исчерпанной.

Более хронической, но абсолютно такой же по сути, является ситуация во всем военно-промышленном комплексе.

Так что отраслей, где могут происходить аналогичные процессы, достаточно много, и со временем они начнут «вылезать на поверхность» [1]. Поэтому правительство должно учесть опыт произошедшего и перестать наконец откладывать принятие непопулярных решений. А народонаселению, видимо, пора учиться пониманию ситуации, поскольку «каждый, по мере понимания, работает на себя и свою страну, а по мере непонимания — на того, кто понимает больше».

[1] События с ЮКОСом 2003–2004 гг. тоже из этой серии.

ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА[1]

Проблема пожилых людей в современной России может рассматриваться как:

1) общемировая демографическая проблема;
2) наследие бывшего СССР;
3) проявление перекоса европейских демократических ценностей;
4) некоторое явление текущей политики.

Нынешняя ситуация складывается как результат нарастания доли стариков вследствие увеличения продолжительности жизни и снижения рождаемости. Поэтому ныне становятся реальностью те проблемы, которые еще недавно обсуждались как отнесенные в неопределенное будущее социальные проблемы геронтологии. Но уже сегодня накопление пожилых людей приводит к изменениям реалий общественной жизни, а увеличивать продолжительность жизни и активности пожилых людей можно уже сейчас.

Тем не менее не только общественное мнение, но даже люди, профессионально близкие к данной сфере, слабо в ней разбираются. Скажем, академик А. В. Яблоков — замечательный биолог-эволюционист, бывший министр окружающей среды и экологии — в своем публичном выступлении говорил о плохом психологическом самочувствии в нашей стране, поскольку он знает, что уже пересек границу средней продолжительности жизни. Это заявление бессмысленно, поскольку для демографии разными характеристиками являются средняя продолжительность жизни и кривые доживания. Вместе с тем известно, что для российского населения старше 60 лет кривые доживания до почтенных возрастов достаточно благоприятны (а для 80-летних практически не отличаются от развитых стран — проявляется чисто биологический потенциал).

Изменение соотношения возрастных групп населения — проблема не только пенсионеров, но и работоспособного населения, на которое возрастает нагрузка иждивенцев.

---

[1] Подготовлено к публикации при участи Г. В. Руссо. Опубликовано: Почему пожилые люди оказались особой политической силой?//Петербургский Час Пик. 1998. № 36 (37). 16 сентября. С. 10.

Современная Россия попала в неизвестную демографам ситуацию, в которой имеет место падение рождаемости, большая смертность в молодых возрастах и накопление стариков. Не исключено, что за этим последует быстрый переход к модели воспроизводства скандинавского типа (малое число детей в семьях достаточно зрелого возраста), которая ведет к стабилизации или медленному сокращению населения. Для России же традиционна схема воспроизводства, при которой в семье рождается большое количество детей, эти дети довольно интенсивно вымирают, но в целом численность населения медленно логарифмически растет. При резком переходе от такой модели к скандинавской будет скачкообразное сокращение популяции, которое, возможно, и наблюдается ныне. Таким образом, нужно разобраться, не происходит ли переход к модели воспроизводства развитых стран, а не разжигать политические страсти, пытаясь втянуть в эту игру пожилых людей.

Пожилые же люди выступают как реальная политическая сила по крайней мере в двух аспектах.

Во-первых, это значительная часть электората, причем активная и аккуратная. Тем самым пожилые люди могут эффективно влиять на электоральные процессы. Но сомнительно при этом, что они могут нести ответственность за последствия своего выбора. Поэтому возникает вопрос об ограничении электоральной активности пожилых людей (за счет возрастного или какого-то другого более сложного ценза). Такая постановка вопроса не есть нонсенс — такова реальная проблема политической культуры западного мира.

Во-вторых, пожилые люди могут устраивать социальные волнения, и стоит вопрос об эффективной профилактике каких-либо деструктивных выступлений.

Для обсуждения реального положения пожилых людей и понимания того, где имеют место действительные социальные сложности, а что является феноменом сознания, нужно сравнить разные модели отношения к старикам, например, такие:

- в традиционных обществах, как то, которое существовало и в России до 1917 г.:
- в богатых западных странах;
- в бедных зарубежных странах;
- в Советском Союзе до Второй мировой войны;
- во времена брежневского СССР.

Раскрывая политические мотивы поведения пожилых людей (хотя это и может показаться чересчур резким), мне кажется уместным говорить по крайней мере о семи аспектах их развращенности. Иначе эту ситуацию, к сожалению, не проанализировать.

Первый аспект развращенности можно определить как **романтический антиэкономизм понимания семьи** у Маркса и его последователей. Достаточно вспомнить «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса и его последовательную *критику семьи как экономической ячейки* общества, которая должна быть преодолена в условиях социализма. Маркс подчеркивает, что семья должна формироваться на основе *романтической любви*. Не касаясь этических и духовных проблем, порождаемых таким подходом, экономически эта идея является утопичной и в какой-то степени может быть реализована только в очень и очень богатых обществах.

Идеи Маркса и Энгельса реализовались во время культурной революции в советской России, когда открыто говорилось о *ликвидации стыда* со всеми вытекающими отсюда последствиями — *деструкцией семьи и ее ценностной девальвацией*. Разрушение семьи проявилось и в обычной практике 20-х гг. (описанной в советской литературе), когда вслед за комсомольскими собраниями осуществлялись коллективные половые акты, что было пропагандируемой партийными организациями нормой.

Отрицанием семьи стала и семейная политика 30–80-х гг. В это время нормальным считалось *тоталитарное вмешательство* государства и партийных органов *в индивидуальную половую жизнь* людей в виде отдельных репрессивных акций по отношению к конкретным людям. Нужно подчеркнуть, что речь шла о непосредственном вмешательстве государства в индивидуальную половую жизнь, а не об опосредованном законодательными актами, касающимися, например, налогообложения, проституции, свода законов о браке и т. д., как это принято в демократических странах.

Существенное влияние на формирование у людей представлений о любви и семейной жизни оказала *диспропорция мужского и женского населения*, возникшая в результате репрессий 30–50-х гг. и Второй мировой войны, в результате чего женщины оказались принужденными взять на себя важные формы социальной и экономической активности. Отражением этого явилась получившая распространение в послевоенное время практика *дискриминации мужчин* при бракоразводных процессах, прежде всего по отношению к праву проживания с детьми.

В итоге фактически институт брака был разрушен, хотя государство не уставало декларировать его важность.

Как следствие сформировалось представление о том, что *человек любого пола может прожить один* и в чем-то это даже легче и проще, чем строить отношения в семье. Сама эта сугубо некротическая идея после войны становится все более привлекательной, что приводит к разруше-

нию не только конкретных семей, но и самой идеи семьи как экономической силы.

Тем не менее очевидно, что с экономической точки зрения *семья — чрезвычайно мощный институт и по своей экономической мощности с семьей не может сравниться даже государство*. Так, обычным сроком планирования в семье является период в 20–25 лет, который необходим, чтобы поставить ребенка на ноги, и люди, организуя семью и собираясь рожать детей, обсуждают свои перспективы в таких масштабах. Государство же, советское и постсоветское, практически не обсуждает планов такой продолжительности.

Последствия экономической активности семьи сказываются *на протяжении нескольких поколений*. Так, семье хорошо известно, что наибольшую отдачу дают вложения в образование. То же самое заявляется государством, но голословно, забота об образовании детей перекладывается на родителей, а хорошее образование всегда было недешевым.

Так, автору известно, что даже для товарищей (заместителей) министров царского правительства вложения в гимназическое образование детей и их обучение с помощью гувернанток и домашних учителей порой требовали ощутимых ограничений в расходах на питание и одежду. Тем не менее для этих людей значимость образования была очевидна, они ограничивали другие расходы семьи, но занимались обучением детей, а не проеданием и пронашиванием вещей, которые в этом случае уходят в никуда. А вложения в образование, сделанные в семьях в 80–90-х гг. прошлого столетия и в начале XX в., позволяют продержаться на плаву их потомкам даже в условиях современных достаточно жестких экономических реформ. Правда, это происходит только в том случае, если срабатывает механизм культурных эстафет, действие которого требует материальных вложений в каждом из поколений.

Начавшаяся в 1992 г. экономическая либерализация *поляризовала людей во всем, в том числе и по отношению к семье*. Часть семей распадается, но те семьи, которые сохраняются, становятся стабильнее. Наблюдается и формирование семей нового типа, которые держатся на отношениях экономической зависимости супругов. Конечно, в таких семьях возникают определенные психологические напряжения, но это та цена, которую приходится платить за экономическую устойчивость.

Говоря же о проблеме пожилых людей, зафиксируем, что именно идея отрицания семьи как экономической силы привела к тому, что сейчас многие старики оказалось в ситуации бедствия — им не удалось или по социальным причинам создать семью, или сохранить ее, или их характерологические особенности не позволяют им жить в существовавшей семье. В итоге они оказались без того финансирования, которое

осуществляет семья в течение десятилетий и выражается в том, что *в старости родителей содержат дети*.[1]

Вторая линия развращения, вытекающая из снижения значимости семьи, — это идея **гарантированного государственного пенсионного обеспечения**. Здесь существует своя история; в ней можно рассмотреть только положение после 60-х гг., которое будет обозначено как брежневское пенсионное обеспечение. Оно базируется на нескольких фундаментальных, причем не только экономических, идеях.

Первой из них является идея *безделья* стариков, представление о том, что, дойдя до пенсионного возраста, можно и нужно отдыхать и ничего не делать. И действительно, те, кому удавалось заработать хорошие пенсии, становились бездельниками (положение само по себе сомнительное, и к тому же оказывающее развращающее действие на всех окружающих).

Одной из важных причин того, что стариков начали воспринимать как бездельников, и того, что они и сами себя в известной мере так осознавали, является то, что в марксистской теории *не развито представление о сложных формах труда*, об интеллектуальном труде в частности, и совершенно отсутствует представление о духовном труде, которое наиболее последовательно развивается в различных религиозных представлениях. Эти формы труда последовательно уничтожались или дискредитировались. Постоянно существовало и высмеивание, снижение уважения к интеллектуальному труду, а само понятие «интеллигент» практически стало ругательством. Специалисты же, которые были организаторами производства или занимались другими сложными формами деятельности, публично характеризовались как бездельники, дармоеды и эксплуататоры. Преследовались религиозные организации, которые только и могли транслировать формы духовной деятельности. В результате у населения разрушилось представление о сложных формах труда, участие в которых доступно людям любого возраста.

При таком подходе к пожилым людям вообще *не формируется представление о том, что такое правильная смерть* (см. далее о четвертой утопии). Если обратиться к этой стороне дела, то оказывается, что человек может адекватно трудиться до последних дней жизни. Только последние 3–4 недели перед такой смертью человек действительно теряет способность к труду. Ситуации, когда люди не в состоянии трудиться, должны восприниматься как исключения, таким людям действительно нужно помогать. На практике таких людей не так уж мно-

[1] Ср. отсутствие пенсий в Китае.

го. Но если из безделья создается социальная практика и это считается нормальным, то доля этих людей возрастает с первых процентов до многих десятков процентов — точно так же, как возрастает до десятков процентов число разводов в странах, где вводится институт разводов. А когда человек в конце жизни годами ничего не делает и это рассматривается как норма, то это развращает и его самого, и окружающих. Поэтому следует думать о *специальных программах по вовлечению пожилых людей в трудовую деятельность*.

Апофеозом обсуждаемой ситуации являлся советский фактический запрет на работу многих категорий пенсионеров. Наряду с декларативным ограничением на использование труда несовершеннолетних это было мощнейшим средством подрыва трудового потенциала населения, для которого труд оказывался принадлежностью относительно небольшого периода жизни. Такая установка и обеспечивала тот низкий уровень производительности труда, который определил падение СССР.

Отказ от возможного социально полезного труда стариков экономически невыгоден. Очевидно, что это явление порождено прежде всего социальной леностью организаторов производства. Напротив, Генри Форд точно знал, сколько и каких именно инвалидов (одноногих, одноруких, слепых, глухих) нужно на его производстве. Точно так же можно обсуждать, какое количество людей пенсионного возраста можно эффективно использовать на том или ином производстве в России.

Идеология пенсионного обеспечения порочна и тем, что *пожилые люди исключаются из механизмов культурной трансляции*. Но это именно то амплуа, которое им органично, та реализация, которая должна адекватно оплачиваться обществом. Однако в существующей сейчас модели пенсионного обеспечения такая возможность не предусмотрена.

Можно возразить по сути — а *вообще нужен ли сейчас молодым опыт старших поколений?* Этот вопрос весьма актуален, потому что по крайней мере с 60–70-х гг. люди сталкиваются с совершенно новыми реалиями в предметной жизни (новые синтетические материалы, продукты питания, информационные и социальные технологии). У старшего поколения нет опыта взаимодействия с этими предметами и понимания их природы. Что при этом они могут передать? В такие эпохи необходимо принципиальное изменение природы педагогической деятельности. Педагог начинает выступать не как передатчик какого-то опыта, который заведомо устарел, а как человек, помогающий молодому человеку формировать свой собственный опыт в мире с новыми, принципиально не известными свойствами.

Особо выделяются лица 1915–1940 гг. рождения — им вообще нечего передать своим потомкам, это поколение вообще лишено возможности трансляции своего опыта. Ядром его социальной памяти остаются события, связанные (различным образом — в зависимости от их возраста) со Второй мировой войной. Но этот опыт в основном сейчас совершенно не нужен (технология войны, в том числе социальная, в корне изменилась). Поэтому политическая активность многочисленных ветеранских организаций ныне является просто абсурдной. Лишь один из его компонентов чрезвычайно актуален — опыт, связанный с жизнью в условиях тоталитаризма и преодолением такой жизни. Но именно этот компонент Второй мировой войны населением бывшего СССР не осознается (при этом уже родившиеся в самом начале 40-х гг. и пребывающие ныне в солидном возрасте обладают опытом социальной трансляции этого социально значимого опыта).

Безделье пенсионеров бывает разрушительно для них самих. Так, проходным сюжетом литературы и кинематографа брежневского времени был сюжет смерти работника, вышедшего на пенсию, — он не в состоянии найти себе места в жизни.

Особенно велико развращающее действие пенсионного обеспечения потому, что это гарантированные, а не накопленные пенсии. Не всегда адекватно оценивались реальный вклад человека, эффективность его труда. Многие люди просто ходили в свое учреждение и отбывали там время. Просидев так, ничего не делая, несколько десятилетий, они якобы зарабатывали себе приличную пенсию. Такая ситуация заведомо безнравственна.

Как только общество начинает реально оценивать свои экономические возможности, оказывается, что *гарантированное пенсионное обеспечение экономически утопично*. Даже советские власти оказались перед лицом этого. Так, попытавшись создать систему пенсионного обеспечения, они не в состоянии были осуществить следующий шаг — *обеспечить переселение пенсионеров из крупных городов*. Поэтому можно только приветствовать идею накопленных пенсий, которая предусмотрена в нынешних планах создания новой пенсионной системы.

Чрезвычайно изощренной в этом контексте является ситуация с *компенсаций обесценившихся вкладов*. Общеизвестно, что с конца 70-х гг. одной из головных болей экономистов был вопрос о неудовлетворенном спросе, который был воплощен в огромных вкладах населения в сберкассы и государственные займы. Для социализма, который получил квалификацию общества хронического дефицита, это было естественным состоянием, и только этот фактор сделал возможным накопление огромных сбережений. И я хорошо помню восторг экономистов

буквально в первые дни реформы 92 г, когда эти накопления стали уходить со счетов сберкасс, когда пошел процесс, которого они ожидали в течение двух десятилетий. И вот теперь ставится вопрос о том, что эти вклады нужно компенсировать. Но такой популистский шаг возродит экономический абсурд и пустые магазины 80-х гг. Сейчас это моделируется в Белоруссии.

Поддержание *размеров пенсий, превышающих средний заработок молодых людей*, в том числе молодых людей высшей квалификации, было одним из механизмов поддержания власти в геронтократическом обществе брежневского периода — молодые люди при этом оказывались объектом социального управления через своих родителей. Можно вспомнить анекдот того времени, как отец приводит на завод своего неудавшегося, никчемного сына и просит, чтобы ему дали какую-нибудь работу рублей на сто, чтобы не зазнавался, на что начальник ему отвечает, что для того, чтобы получать сто рублей, нужно сначала получить высшее образование. Так удерживалась в политическом повиновении значительная часть высокообразованного — а поэтому и активного — населения СССР, что было необходимо геронтократам для сохранения власти. Сейчас в определенной мере эта тенденция воспроизводится, и доцент или научный сотрудник может получать меньше денег, чем заслуженный пенсионер. Такое положение дел представляется ненормальным работающим людям, но часто приветствуется пенсионерами. Крайне редко пенсионер испытывает чувство неловкости, удивляясь, за что государство ему платит столь высокую пенсию. Автору известны всего две дамы, придерживающиеся подобных взглядов, причем одна из них (1905 года рождения) продолжает работать до сих пор.

Вместе с тем гарантированное пенсионное обеспечение (как и другие виды социальных гарантий) может быть и способом исключения социально неадаптированных людей из сферы социальной активности. Это хорошо осознается в обществах с развитой социальной инфраструктурой западного типа, например в Германии. Там кроме пенсионной системы эта задача решается с помощью жесткого трудового законодательства, которое ограничивает рабочий день восемью часами. Но ограничение это относится только к работающим по найму, а предприниматели, государственные чиновники, крупные политические деятели и т. д. работают ненормированно, до 10–12 часов в день. Таким образом, образованные слои населения регулируют социальную активность малообразованных людей и предотвращают их деструктивные выступления, предпочитая просто дать им денег, чтобы они не мешали заниматься делом.

Нужно отметить, что у пожилых людей, получавших в советское время достаточно высокие пенсии, существовала иллюзия независимости от детей. Планируя старость, они предполагали нанять себе сиделок, врачей, медсестер, которые будут за ними ухаживать. Но когда дело доходило до старости, то даже состоятельные люди выясняли, что организовать все это невозможно — не развита соответствующая инфраструктура. Эффективная работа домов престарелых свойственна богатым государствам. В бедных странах (а именно к ним относится Россия) обычной является ситуация, когда старики доживают (по крайней мере свои последние годы) в семьях детей. Для того чтобы такое житье было не в тягость и той, и другой стороне, нужно выстраивать нормальные взаимоотношения с детьми, представление о чем совершенно не поощрялось советским государством. Поэтому уход за умирающими людьми часто ложился не на детей, которые из-за деструктивного отношения к ним родителей отказывались помогать, а на других, порой посторонних людей. Обесценивание сбережений еще более обострило эту ситуацию.

В брежневский период истории России бытовала идея о том, что каждый человек, в том числе пенсионер, **должен иметь отдельную квартиру или дом** и это ему должно гарантировать государство. Эта идея служила *третьим* источником развращенности. Ее экономический утопизм виден на практике. Но соответствующие программы, начиная от раздела в программе КПСС и заканчивая программой «Жилье-2000», являлись еще и политической утопией, популистски ориентированной, показавшей свою несостоятельность и подорвавшей доверие к властям.

Вопрос о целесообразности отдельного жилья для пожилых людей требует специального обсуждения. Всем связанным с жилищным хозяйством хорошо известно, как сильно старики загаживают квартиры перед смертью. У более зажиточных то же самое распространяется и на загородный дом. Требуются колоссальные вложения, чтобы после смерти одиноко живущего старика привести жилье в порядок.

Как результат такой советской политики сложилась структура жилого фонда, не соответствующая платежеобеспеченному спросу. Эта структура формировалась на протяжении жизни нескольких поколений, и можно зафиксировать по крайней мере несколько процессов, которые привели к ее извращению. Во-первых, это «искалечивание» больших дорогих дореволюционных квартир, которые в советское время стали коммуналками, заселенными ныне в основном пожилыми людьми. Сейчас они восстанавливаются «новыми русскими». Во-вторых, в последние десятилетия существования СССР число одноком-

натных квартир в новых домах не соответствовало спросу на них. В-третьих, в таких городах, как Петербург и Москва, накопилось большое число крупногабаритных отдельных квартир или комнат в коммуналках, в которых жили до недавнего времени заслуженные люди, имеющие льготы на оплату жилплощади, а сейчас остались их вдовы или вдовцы, которые не в состоянии оплачивать эти помещения. Поэтому в конце 80-х — начале 90-х гг. существовали залихватские программы расселения и перестройки такого жилья в Петербурге, но оказалось, что в условиях дефицита финансов это нереально, да и спрос на высококачественное жилье ограничен.

Так или иначе, жилищные условия сейчас крайне неравноценны. Тем не менее можно высказать следующее жесткое утверждение: несмотря на репрессии, социальные преобразования и криминальные смены социального строя в 1917 и 1991 гг., люди, которые не меняли места своего жительства и чьи семьи на протяжении нескольких поколений прожили без разводов и повторных браков и обладали минимальной социальной активностью, в итоге оказываются в достаточно приличных жилищных условиях. Активность таких людей выражалась в умелом использовании либерализированного в 60-х гг. жилищного права, что позволяло им вернуть ранее утраченные наследственные квартиры. Такая деятельность требовала иногда десятилетий судебных процессов и административных разбирательств. Ясно что, заниматься этим была в состоянии только семья и здесь опять видно, что именно семья является мощнейшим экономическим механизмом.

Четвертой утопией старшего поколения является **отказ от самого феномена старости**. Эта утопия имеет общеевропейские истоки и выражается в том, что начиная с эпохи Возрождения формируется скептическое отношение к старости, разрушается уважение к ней, свойственное Средневековью, а пожилым людям рекомендуются и навязываются ценности молодежной и даже подростковой жизни.

У данной проблемы множество аспектов, но основной состоит в том, что люди не умеют работать с собственной психикой так, чтобы становиться взрослыми, зрелыми, а значит, и старыми — развитие их нервных процессов фиксируется в подростковом возрасте. Соответственно выбираются не свойственные возрасту социальные роли. Показательным является использование молодежной одежды или организация молодежного обихода. На первый взгляд образ жизни — личное дело каждого, так же как то, умеет или не умеет человек стареть. Но молодежный образ жизни, когда он реализуется независимо от возраста, связан с глобальным разрушением повседневной культуры и формированием безбытной жизни, в которой можно обойтись такими вещами,

как домовая кухня, прокат бытовой техники и т. д. Но безбытная жизнь расточительна и требует большого объема государственного финансирования. Она воплощает представление о жизни как о постоянно длящейся городской сказке, перманентном карнавале. Подобную жизнь для своих граждан, в том числе и для стариков, могут обеспечивать такие государства, как Канада, Австралия, Соединенные Штаты, Германия. В России такие установки привели к краху аристократических кругов в 1917 г., а социальные траты на поддержание несвойственного образа жизни являются одним из компонентов экономического кризиса, охватившего низшие и средние слои в 90-х гг.

Пятая линия разврата — развращ **идеологией и легендами о прошлом**. Очень многое здесь забыто или непонято. Забыто, что Советское государство с самого начала *отказалось от всех обязательств* царской России и поставило значительную часть пожилого чиновничества, дворянства и т. д. в безвыходное положение. Российская Федерация в этом отношении неизмеримо гуманнее, чем Советский Союз, поскольку продолжает выплачивать пенсии, заработанные в условиях СССР, — налицо значительный нравственный прогресс. Затем нужно помнить, что *пенсии колхозникам* были введены только в 50–60 гг., а до этого они не имели не только пенсий, но даже паспортов. Забыто о существовании вплоть до 80-х гг. пенсий по 15–20 рублей в месяц.

Совершенно не обсуждается реальная покупательная способность тех пенсий, которые получали советские пенсионеры. Если говорить о повседневных продуктах питания и минимуме одежды, то эти деньги реализовать было можно. А потратить их на более изысканные продукты питания, бытовую технику, посещение театра или путешествие по железным дорогам было чрезвычайно сложно, поскольку все население страны часть такого рода потребностей реализовывало через механизм блата. Если у тебя не было блата, но были деньги, то деть их практически было некуда.

Есть и другая проблема. Даже в ностальгическое брежневское время был значительный разрыв в размерах пенсий. Помимо этого, существовали разные категории персональных пенсий. Существовал и доступ в распределители, и специальное медицинское обслуживание для определенных категорий пенсионеров. В итоге между разными категориями пенсионеров существовали социальные напряжения (не говоря о тех, кто вообще был лишен нормальной социальной защиты, например спортсменах). В нынешней ситуации положение разных категорий пенсионеров изменилось в разной степени. Наибольшую оппозиционную активность сейчас проявляют военные и партийные пенсионеры, хотя до сих пор их положение не самое плохое. Но именно они часто являются лидерами

ветеранских организаций. Очевидно, что специфические интересы пенсионеров такие организации выражать не могут.

Наконец, забыто о том, что со второй половины 70-х гг. началось интенсивное развитие садовых участков — советского аналога феномена второго дома. В 80-х гг. группой Аганбегяна и Заславской был сделан прогноз о возможности выживания в ближайшем будущем только семей, имеющих земельные участки, — на них выращивалась значительная часть сельскохозяйственной продукции; эффективность частного производства была намного выше, чем государственного и колхозного сельского хозяйства, и в результате создавалась изрядная прибавка к питанию населения. Львиная доля работы на этих участках осуществлялась именно пожилыми людьми.

Таким образом, фактически имела место девальвация идеи пенсионного обеспечения, — государство предписало населению более тяжелые, непривычные для горожан формы экономической активности. Противоречивость отношения государства к старикам — обеспечение пенсиями и квартирами, с одной стороны, и фактическое принуждение к работе на приусадебных участках — с другой, привели к деструкции всей системы ценностей пожилых людей.

Мощнейшим механизмом развращения являлась и коммунистическая идеология. До сих пор сходство коммунистической и фашистской идеологий не стало достоянием общественного сознания. Существует разительная асимметрия в отношении к гитлеровцам в Германии и к коммунистам в России. Гитлеризм получил официальное юридическое осуждение на Нюрнбергском процессе, а ничего подобного по отношению к коммунистической идеологии сделано не было, и за это сейчас приходится расплачиваться. Люди, заслужившие почет коммунистической деятельностью, сейчас требуют почестей, а почести для членов СС запрещены и о них никому не приходит в голову думать. Глубочайшим лицемерием является то, что в одних и тех же выпусках новостей по телевидению показывают сначала марш ветеранов СС в Риге и соответствующую реакцию части российского населения (при том, что официальные лица Латвии подчеркивают свою непричастность к этой акции), а затем — интервью Зюганова, которое он дает в Государственной думе под бюстом Ленина. Если бы бюст Гитлера поставили в латвийском Парламенте, можно себе представить, какой бы разгорелся скандал! Проблема двойного стандарта здесь налицо.

Шестая проблема — **изменение пенсионного возраста** и изменение механизма пенсионного обеспечения в целом. Здесь нельзя сказать, что это аспект развращенности, скорее — иллюзии и неадекватности понимания. Можно утверждать, что государство сейчас заинтересовано в

снижении пенсионного возраста — в этом случае изменится ситуация с безработицей: пожилое население претендует сейчас на большое число рабочих мест, причем на места с высокой оплатой. С другой стороны, обсуждается вопрос о повышении пенсионного возраста — так государство снимает с себя обязанность выплачивать соответствующее количество пенсий. Трудно сказать, каким окажется баланс двух этих тенденций, поскольку речь идет о разных линиях финансирования, разных социальных программах, разных секторах экономики и соответственно о разных козырях в политической игре.

Так или иначе, нужно понимать, что коль скоро происходит изменение системы пенсионного обеспечения и создаются разного рода пенсионные фонды, то в условиях реальной экономической жизни они начинают действовать как экономические институты, т. е. попадают в сферу так называемого «третьего сектора», который не связан ни с государством, ни с предпринимательской деятельностью, внутри которого реализуются различного рода бесприбыльные, прежде всего социальные, проекты и который существует за счет благотворительных фондов. На практике оказывается (и это совершенно естественно), что как только возникает какой-то механизм концентрации финансов, то появляется новый финансовый инструмент, который должен как-то работать. С этой точки зрения то, что называется «прокручиванием средств» в коммерческих структурах, нецелевое расходование средств и т. д., есть вещи совершенно нормальные. Поэтому пенсионное обеспечение — одна из сфер финансовой деятельности, которая может оказываться локально очень доходной. Вследствие этого необходимо думать о создании жестких законодательных механизмов контроля за функционированием пенсионных фондов, направленных на повышение эффективности выполнения ими своих первоначальных функций. Выдвигать какие-то иные требования к государству здесь бессмысленно, а целенаправленно требовать создания системы тотального контроля и законодательного регулирования пенсионных фондов — это задача вполне конкретная и выполнимая. В этом есть определенная доля реализма, а требование повышения размера пенсий является чисто популистским, так как увеличение пенсий приводит к очередному накапливанию внутреннего национального долга. Но на борьбу за первое «поднять» пожилых людей очень трудно, а организовать политическую игру на вовлечении пенсионеров в баталии за повышение пенсий — очень легко. По отношению к этому можно оценивать чистоплотность тех или иных политических сил.

Седьмой корень развращенности в том, что нынешние **пожилые люди неоднократно поддавались на провокации государства** — советского

и не только советского. Кто должен платить за это — государство или сами эти люди? Теперь совершенно ясно, что большевистская программа революции 1917 г. была обманом. И люди позволили себя обмануть. А кто теперь должен платить за отказ Советского Союза от участия в плане Маршалла? Причем был не просто отказ от участия, а стимулирование на этом фоне воспроизводства населения, что привело к неадекватно высокой рождаемости в конце 40-х — начале 50-х гг. со всеми негативными демографическими последствиями, с которыми мы сейчас имеем дело.

А кто должен платить за миграцию в Прибалтику и Восточную Пруссию и те проблемы, которые там сейчас возникли? Кто должен платить за то, что люди позволили увезти себя на Целину? Или на БАМ? Кто должен платить за то, что определенная часть населения позволила переселить себя на Север и Дальний Восток? Причем если говорить о Севере, Дальнем Востоке или БАМе, то нужно отметить, что наиболее серьезные проблемы встают сейчас там в результате распада СССР. А ведь все эти переселения происходили в то время, когда существовала Конституция, в которой ясно было написано, что союзные республики имеют право выхода из СССР. О чем думали люди, ехавшие с Украины на Дальний Восток, или, скажем, из Белоруссии на БАМ? Относились ли эти люди серьезно к своему гражданскому статусу? Почему же и здесь нужно перекладывать всю ответственность на государство?

Тот же стереотип мышления воспроизвелся в коллизии с финансовыми пирамидами начала 90-х гг. Почему государство должно брать на себя ответственность за произошедшее, когда четко и ясно объяснялось, что это частные организации, которые отвечают за себя сами? Нужно ли научиться спрашивать с себя, и если нет, то могут ли тогда пожилые люди достаточно осознанно отвечать за себя самих и в других сферах жизни?

Подводя итоги, нужно поставить три очень серьезных вопроса.

Вопрос первый. Совершенно очевидно, что пожилые люди, живущие перечисленными представлениями, не могут адекватно оценивать социальную действительность. Не могут они и отвечать за свое существование адекватно их экономическому положению. Вместе с тем именно сейчас идет становление России как страны с рыночной экономикой, и выборные органы решают не вопросы о том, как перераспределить бюджет по разным статьям на десятые доли процента, а создают нормативную базу для становления рыночной экономики, которая окажет влияние на несколько десятилетий вперед. Пожилые же люди в своем подавляющем большинстве не только не думают, но и не хотят

думать об этом. Тем не менее они являются значительной и активной частью электората. Бесспорно, что эта активность может быть полезной при решении проблем местного самоуправления, которые действительно касаются прежде всего *ныне живущих, а не идущих на смену*. Плодотворность же участия пожилых людей в формировании базы будущих макроэкономических преобразований очень сомнительна. Как с этим быть?

Вопрос второй. Так или иначе, на основании опыта развития демократических институтов России последнего десятилетия приходится серьезно задумываться о каких-то механизмах ограничения избирательного права. При этом приходится считаться с:

— органическими пороками демократии;

— особенностями российского менталитета в целом и со специфическими чертами ныне живущих поколений;

— мировым общественным мнением и международным правом.

С учетом этого ограничение избирательного права пожилых людей должно рассматриваться не изолированно, а в контексте возможных и существующих в мировой практике ограничений (и самоограничений, в том числе корпоративных) избирательного права. Речь идет в пределе обо всех, кто не участвует в свободной экономической и общественно-политической деятельности, а существует за счет гарантированного финансирования определенных социальных институтов — студентах, государственных служащих (и прежде всего военнослужащих), священнослужителях (в первую очередь о монашествующих), инвалидах-иждивенцах и, наконец, пенсионерах, т. е. обо всех тех, кто не платят налогов с результатов проявления своей свободной активности на рынке труда.

Вопрос третий. Как оценивать сейчас активность участия в коммунистической деятельности? Например, можно в ряду притязаний пенсионеров вспомнить претензию Раисы Горбачевой, утверждающей, что она проработала всю жизнь на государство, а ей не дают персональную пенсию. Как относиться к этому, когда до сих пор не дано никакой принципиальной оценки предшествующему периоду истории? Как относиться к тем, кто назывался ветераном или ударником коммунистического труда? Что делал такой человек — укреплял своим трудом эту абсурдную систему, или эффективно ее разрушал, или, например, его деятельность заключалась в том, что он сохранял осмысленные устои еще дореволюционной России и тем самым спасал какие-то фрагменты этого государства для новой страны?

Эти вопросы требуют принципиального ответа. Я боюсь, что время сейчас упущено, на них нужно было отвечать в начале 90-х гг. В на-

стоящее время сделать это очень сложно, и поэтому оказывается, что в создавшейся ситуации основная задача властей — предотвращение стихийных бунтов пенсионеров и аккуратное их выведение с помощью сложных опосредованных механизмов за пределы избирательных процессов.

Важно то, что ограничение избирательного права не означает исключения пожилых людей из политической жизни. Так, не обладая правом избирать, можно обладать правом быть избранным, не включаясь в избирательные процессы, можно быть действительным национальным лидером (ср., например, влияние Л. Н. Толстого на русское общество начала XX в. или современное решение Московской патриархии о неучастии духовенства в органах государственной власти), очень весомым может быть профессиональное (а часто и должностное) положение пожилых людей, да и просто то, что, будучи авторитетом в крепкой семье, пожилой человек может влиять на электоральные пристрастия десятков своих младших родственников. Примечательно, что все подобные пути влияния пожилых людей на ситуацию действительно подобают их почтенному статусу, а не втягивают их в такие подростково-юношеские игры, как избирательные кампании.

* * *

Сказанное не означает игнорирования существования пожилых людей и их интересов. Конечно, пожилые люди как особая группа населения имеют свои специфические интересы и потребность отстаивать их. Это могут быть проблемы экономические, социальные, медицинские, и с целью их разрешения могут создаваться те или иные организации. Вопрос в другом — всем, в том числе и самим пожилым людям, должны быть ясны особенности этой группы как политической силы. К сожалению, не всех это устраивает. Кто-то не хочет обсуждать эту проблему, боясь потерять возможность осуществлять манипулирование этой значимой политической силой. Не случайно частенько уставы ветеранских организаций напоминают программы политических партий.[1] В этом случае нужно выяснять, о чем же речь идет на самом деле? Возможно, деятельность таких организаций должна регулироваться другим законодательством (о политических партиях). Необходимо прояснить и вопрос о возможности участия ветеранских организаций в выборах от общественных организаций (вопрос, который должен быть разрешен сейчас и в отношении других организаций). Но независимо от решения этих вопросов, бесспорно то, что пожилые люди достойны элементарного сострадания...

[1]Показательно в связи с этим создание партии пенсионеров.

ПОЧЕМУ ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ ОБИДЕЛИСЬ?[1]

Моя статья «*Почему пожилые люди оказались особой политической силой?»*, опубликованная 16 сентября 1998 г. в «Петербургском Часе Пик» (№ 36 (37), с. 10), вызвала оживленную реакцию, и прежде всего со стороны пожилых людей. Всем откликнувшимся читателям я глубоко признателен за внимание!

Тем не менее, как в некоторых письменных откликах, так и в телефонных звонках в редакцию, присутствует резко негативное отношение к статье. При этом некоторые из этих откликов имеют откровенно оскорбительный характер, что делает ведение содержательной дискуссии невозможным.

По существу же я хочу обратить внимание только на одно принципиальное обстоятельство. Моя статья посвящена не всем пожилым людям, а тем из них, которые выступают в качестве *особой политической силы*. Те из пожилых людей, кто не отождествляют себя с теми, о ком речь идет в статье, могут быть членами и «Демократического выбора России», и «Партии экономической свободы», и «Христианско-демократического союза». В последних случаях пожилые люди проявляются как личности с четко выраженными политическими взглядами безотносительно к своему возрасту.

Я же писал о тех, кто вовлечен в процесс консолидации части пожилых людей именно как политической силы под заведомо утопичными и античеловеческими лозунгами коммунистической идеологии, пропагандирующими классовую ненависть, лозунгами, которые направлены на реставрацию тоталитарного режима. Иные *политические* объединения пожилых людей мне неизвестны. За время, прошедшее с момента написания статьи, эта тенденция четко проявилась как в политической активности «Партии пенсионеров» в Чехии, так и в появлении такой же партии в Санкт-Петербурге. Заняли эти партии в политическом спектре крайне левое положение…

Таким образом, речь не идет о том, что эти организации объединяют наиболее мудрую, наиболее богатую жизненным опытом часть населе-

---

[1] Опубликовано: Почему пожилые люди обиделись?//Петербургский Час Пик. 1998. № 44 (45). 11 ноября. С. 4.

ния. Речь идет о политических объединениях части пожилых людей левых взглядов, которые, выражая вполне определенные политические взгляды, претендуют на то, чтобы быть выразителем интересов данной возрастной группы. Судя по тем отзывам, которые поступили на статью, именно такие глашатаи «интересов» своего поколения и являются авторами наиболее жестких высказываний, в то время как граждане того же возраста, но с иными политическими ориентациями отрицательных оценок не выразили.

Очень показательно в связи с этим то, что ни одна ветеранская организация не вступилась за честь и достоинство Президента России, который ныне подвергается нападкам со стороны Думы и многих средств массовой информации. За его достоинство как пожилого человека никто не вступился, а вместо этого раздувают вопрос о недостатках его здоровья.

В претензиях части поколения представлять интересы всех сверстников нет ничего нового. Мы все еще хорошо помним, как комсомольские организации вещали от имени всей молодежи, а пионерская организация претендовала на то, чтобы быть объединением всех «хороших» детей. А дети и молодежь тайком посещали храмы, слушали зарубежные «Голоса», изучали иностранные языки и изыскивали лазейки для иммиграции. Именно скрытые оппозиционеры из числа молодежи и стали движущей силой проходящих реформ (что бы о них ни говорили).

Таким образом, ни одна политическая организация того или иного поколения не может претендовать на то, чтобы выражать интересы *всего* своего поколения. Подобные же притязания обычно прикрывают амбициозные притязания тоталитарной идеологии. При этом те, на кого делают ставку идеологи, оказываются вовлечены в неприглядные политические игры без понимания их смысла, а порой и против своей воли. Именно поэтому пожилые люди не столько виноваты в том, что они таковы, сколько являются жертвами политических манипуляций. Именно о том, как удалось втянуть большую часть пожилых людей в ту идеологию, которую пытаются возродить амнистированные ГКЧПисты, и шла речь в моей статье.

И еще об одном вопросе. Большинство откликнувшихся отозвались по вопросу об ограничении избирательных прав пенсионеров. Поразительно при этом то, что, как можно понять, даже при отрицательном отношении к нынешним демократическим преобразованиям, мои оппоненты призывают обратиться к соответствующему опыту западных стран. Но тут-то они оказываются моими единомышленниками. Я то как раз и считаю, что западный опыт мало применимым в России —

ориентация на западный стандарт жизни и привела СССР к экономическому краху. Так же не надо копировать и западную политическую систему. Именно поэтому мне по-прежнему кажется, что надо серьезно думать об ограничении избирательных прав (а не гражданских прав вообще!) некоторых категорий населения, в частности тех, кто не платят налоги (именно за счет налогов и существуют институты гражданского общества). Примечательно то, что другие категории граждан, обсуждавшиеся мной в этом контексте (студенты, инвалиды), таких негодующих отзывов не прислали, а некоторые группы населения (как, например, священнослужители) от активного избирательного права отказались сами.

Бросается в глаза то, что во многих самых негативных отзывах проскакивает одна и та же мысль о том, что излагаемые мною соображения являются проявлением фашизма. Это нелепо.

Сам по себе вопрос о фашизме весьма сложный, так что высшие юридические инстанции России уже не один год не могут сформулировать определения «фашизма», необходимого для эффективного судебного преследования фашизма и экстремизма. Если будет сочтено уместным уважаемой редакцией «Петербургского Часа Пик», я готов выступить на ее страницах со специальной статьей о фашизме как форме тоталитаризма.

Можно было бы обсуждать и корректность других суждений об истории и обществоведении, приводимых моими оппонентами, не ограничиваясь сведениями о социальных процессах только из советских школьных учебников.

Наконец, об одном примечательном обстоятельстве. Часть откликнувшихся считают меня несуществующим, а мое имя — псевдонимом. Они ошибаются. Я существую, пишу научные работы и диссертации, работаю в академическом и частном экономическом институтах, читаю лекции и выступаю по телевидению (так, в октябре по Региональному телевидению дважды шла передача «Французский коктейль» с моим участием). У меня, как и у многих моих соотечественников, есть проблемы с невыплатой заработной платы, есть пожилые родственники, да и сам я отношусь далеко не к молодежи. Так что проблемы, о которых я пишу, мне известны не понаслышке. Но я помню и то, как бедствовали некоторые близкие мне пожилые люди в советское время…

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ДОРОГОГО ЖИЛЬЯ[1]

Предварительные замечания

Речь пойдет о жилье, которого в России нет или почти нет (исключая, быть может, некоторые правительственные резиденции и новые дома-коттеджи), хотя часть имеющегося жилья и может быть превращена в таковое путем более или менее значительных доделок (переделок) — прежде всего дома в стиле модерн начала века в Москве и Петербурге. Оценки качества такого жилья не имеют никакого отношения к увеличению числа комнат в квартире, количеству метров, приходящихся на одного человека, или жесткости следования СНиПам (так, какой-то заказчик может захотеть иметь в квартире помещение для любительской киностудии — и тогда оно не должно иметь окон — или комнату-сейф). Эксплуатационные расходы на содержание такого жилья в России составляют от нескольких сотен до первых тысяч американских долларов в месяц (на одну единицу — квартиру или дом).

Сама природа такого жилья предполагает, что универсальный, массовый подход к критериям его качества бессмыслен. Для этого необходим типологический подход, учитывающий специфические запросы определенных слоев населения, причем каждый из этих слоев населения составляет заведомо менее 40% от общей его численности (а фактически исчисляется первыми процентами). Особого качество жилье может быть описано в полуиндивидуальном подходе, в котором типологические характеристики используются для описания индивидуальных потребностей конкретного лица. Таковы могут быть требования к жилью заместителей (а в некоторых бедных регионах и их самих) мэров городов, губернаторов, командующих военными округами и т. д. Скорее всего, подобное жилье должно быть ведомственным.

Как следует из сказанного, данное рассмотрение не относится к жилью дворцового типа, которое существенно дороже, предполагает наличие как в городе, так и в сельской местности значительных прилегающих земельных участков (для садов и хозяйственных служб), подчинено — независимо от размеров — жизни и интересам только одной семьи, обладает значительной архитектурно-художественной ценностью и выполнено в логике индивидуального подхода.

---

[1] Написано в 1995–1997 гг.

Описать подобное жилье через набор независимых параметров невозможно — с одной стороны, некоторые явные преимущества могут компенсировать или просто сводить на нет какие-то дефекты, а с другой — одна и та же характеристика может раскрываться через несколько групп параметров (так, экологическое благополучие будет оцениваться через положение в пространстве, этажность, характер отделки и степень герметизации жилья). Поэтому приводимая ниже система характеристик не является взаимонезависимой.

Следует различать также потенциальную стоимость жилья и затраты на введение его в адекватную эксплуатацию. Так, практически весь упоминавшийся старый фонд требует кардинальной реконструкции, средств на которую его владельцы не имеют. Такое потенциально элитное жилье оказывается разорительным для своих владельцев. Поэтому далее будет различаться стоимость жилья (СЖ) и затраты на введение его в адекватную эксплуатацию (ЗВАЭ). При высоком спросе цена данного типа жилья будет приближаться к СЖ, понижение спроса будет уменьшать его цену на величину, которая может достигать ЗВАЭ. Как разновидность ЗВАЭ может рассматриваться и стоимость строительства жилья de novo. Обычно эта величина существенно меньше величины стоимости реконструкции, однако при этом теряются некоторые из аспектов привлекательности жилья (например, в таком доме уже не побывают знаменитости прошлого).

Критерии оценки подобной недвижимости как места проживания конкретного человека и его семьи, как потенциального жилья для определенной группы людей и как объекта рыночного манипулирования, вообще говоря, вещи разные. Однако здесь они обсуждаются вместе, и лишь в некоторых случаях оговаривается их различие.

Позиционные критерии

Положение в пространстве — единственное практически неизменяемое свойство недвижимости (случаи перевозки старых построек из Европы в Америку и т. п. пока не в счет, поскольку в России нет на это легальных капиталов; однако перевозки крестьянских усадеб ныне уже реальность). Поэтому основной вклад в качество и стоимость жилья определяется именно его положением в пространстве. Существует несколько уровней описания такого положения.

Географическое положение

Существуют географические области, в разной степени привлекательные для проживания и строительства комфортного жилья, что определяется следующими критериями:

а) **зональный** (так, зоны арктических или горных пустынь явно менее привлекательны, чем зоны лесов или степей);

б) **климатический** — умеренно сухой, континентальный климат обычно предпочтительнее влажного, в засушливых районах более привлекательны местности вблизи источников воды;

в) **сейсмический** — любая недвижимость в сейсмически активных зонах менее привлекательна, чем в сейсмически спокойных; вместе с тем из всего имеющегося в них жилья наиболее привлекательным будет сейсмостойкое;

г) **экономический** — недвижимость будет совершенно по-разному цениться в депрессивных и развивающихся регионах;

д) **транспортный** — судьба недвижимости будет особой в приграничных зонах, через которые идет интенсивный торговый обмен;

е) **исторический** — стоимость недвижимости будет разной в культурно освоенных регионах и в осваиваемых, новых;

ж) **геополитический —** цена недвижимости может резко колебаться на спорных территориях нескольких государств или территориях, динамика развития которых допускает их отхождение к другим государствам (ныне — Калининградская область, Карельский перешеек, Курилы);

з) **катастрофический** — удаленность зон экологических (Аральское море), ядерных (Кыштым, Чернобыль, Семипалатинск), технологических (Урал, Кузбасс) катастроф;

и) **военный** — возможность ведения на территории, на которой располагается недвижимость, военных действий войсками как России, так и иных государств.

Суммарно: на основании этих критериев территория России может быть разделена на несколько десятков регионов как с разными шкалами цен на недвижимость и разными региональными критериями его качества, так и с разными архитектурно-строительными традициями. Перенесение достижений одной строительной традиции в другую часто приводит к бессмысленным решениям (например, претендующее на высококачественность жилье оказывается холодным или требует необоснованно больших затрат на отопление).

Ландшафтная приуроченность

В данном рассмотрении целесообразно различать разные типы ландшафта — ландшафт *города, пригорода, дачного поселка, сельскохозяйственного поселения* или *хутора*, — которые при этом могут быть приурочены к близлежащему *лесу, полю, долине реки, возвышенности* и т. п.

С точки зрения критериев комфортности жилища при рассматриваемом уровне вложений в недвижимость все эти ландшафты равноценны, хотя каждый требует определенных вложений в те или иные элементы инфраструктуры (скажем, в центре города потребуются системы очистки воздуха, воды, почвы, средства защиты от шума и т. д., в пригороде или сельской местности необходимо наличие надежного, быстроходного и высокопроходимого личного автотранспорта и т. д.).

Выбор ландшафта будет определяться не комфортностью жилья, а другими обстоятельствами:

а) **Профессионально-групповым статусом** (так, очевидно, что для адекватного выполнения представительских и оперативно-управленческих функций мэр города, ректоры вузов, начальники военных округов, главы радио, телевидения крупных городов, начальники вокзалов, транспортных узлов и т. д. должны жить в городе. При этом часть из них должна жить в непосредственной близости или на территории возглавляемых ими учреждений — ректоры, директора крупных музеев, комендантты военных объектов, главы агрофирм, заповедников и т. п., причем значительная часть подобного жилья должна быть служебной).

б) **Личными пристрастиями живущего** (воспитанием, легкостью перенесения суточных миграций, стремлением к разной степени доступности для окружающих и т. д.).

в) **Величиной затрат на поддержание избранного образа жизни** (так, поддержание в центре большого города стандартов среды, свойственных дремучим лесам, возможно, но весьма дорого стоит, необходимость несколько раз в день бывать в центре города делает неудобным проживание в сельской местности и т. п.).

Выбор урочища

В избранном ландшафте данной территории выделяются относительно небольшие (от первых сотен метров до первых километров) достаточно целостные и однородные участки, которые легко различаются местным населением и наделяются им определенным смыслом. Традиционно речь идет об урочищах в сельской местности, но можно говорить и о городских урочищах (в понимании В. Н. Топорова[1]), таких как Таганка, Стрелка Васильевского острова, «Дворянское гнездо» в Орле и т. д. Все подобные урочища поименованы, с ними связаны плотные коннотативные поля, и в них предписаны определенные нормы поведения, нарушение которых порождает значительные столкновения

[1] *Топоров В. Н.* Аптекарский остров как городское урочище (общий взгляд)// Ноосфера и художественное творчество. М.: Наука, 1991. С. 200–279.

с системой существующих неформальных нормативов обыденного поведения, которые маркируют принадлежность человека к какой-то социальной группе, указывают на знание ее внутренних кодов. Поэтому, к примеру, разместить обсуждаемого типа жилье в петербургской Коломне практически невозможно, а если это и пытаться сделать, то необходима весьма нетривиальная подача этого как особой пикантности владельца, после чего Коломна может стать остро модной.

Выбор урочища непрост тем, что каждое урочище вмещает в себя реально очень небольшое число объектов недвижимости (1–3 усадьбы в сельской местности, несколько десятков достойных квартир в многомиллионном городе), причем подавляющее большинство мест в нем уже занято. Поэтому конкуренция за конкретное урочище оказывается сильной, и она в первую очередь определяет стоимость жилья.

Освоение новых урочищ — дело непростое, причем с непредсказуемым результатом, прежде всего в отношении того, будет ли это жилье по позиционным соображениям считаться высококачественным (например, очень трудно будет придать высокий статус позиционной значимости участку на месте недавно сведенного ельника в экологически безупречном месте с удобным сообщением и прочими коммуникациями — на быстрое освоение подобных территорий у славян несколько тысячелетий существует запрет — ср. почти три столетия не застроенное Марсово поле в Петербурге, на котором похоронены неотпетые жертвы революции, вблизи которого убиты два царя).

Практически непригодны для жилья данного типа урочища на месте бывших кладбищ, инфекционных больниц, родильных домов, скотобоен, свалок, капищ, тюрем, концлагерей, мест крупных сражений, токсичных производств, залежей радиоактивных и токсичных минералов и т. д. Так, у некоторых жителей престижного ныне в Москве района станции метро «Площадь Ильича» возникают проблемы в связи с соседством с бывшей Бутырской тюрьмой, а район востока Шпалерной улицы в Санкт-Петербурге пересыщен ртутью на месте работ по серебрению в XVIII в.

Важным аспектом характеристики урочища являются его инженерно-геологические особенности: характер грунтов, возможность их подвижки и просадки, размыва и затопления, оползней и т. д. Но их оценка — вопрос неоднозначный. Так, издревле в русских населенных пунктах противостояние таким наступлениям на жилище является не делом отдельного человека, а всего мира. При этом, даже если часть жилья и находящегося в нем добра регулярно гибнет из-за оползней, наводнений, обвалов и т. д., но соответствующее урочище является культурно значимым, в нем будут вновь и вновь возрождаться лучшие постройки

города, а недвижимость соответственно имеет высокую цену. Примерами являются некоторые поволжские города (например, Ульяновск с его знаменитой Симбирской горой) или Петербург с его наводнениями, притом что незатопляемая часть города высоко ценится по сравнению с затопляемой только при наличии ряда дополнительных обстоятельств (ср. чрезвычайно высокую цену на недвижимость на берегах каналов в Гамбурге или Венеции — местах, довольно сильно отталкивающих своей сыростью и затхлостью).

Позиция в урочище

Внутри урочища расположение реальных и потенциальных объектов недвижимости также неравноценно — некоторые позиции выделенные, доминирующие, другие — подчиненные (например, пристройки, остатки старой застройки, существовавшие до возникновения ансамбля, и т. д.), третьи — периферические (дворовые, внутриквартальные, внутриусадебные и т. д.). Центральность позиции может определяться местом в архитектурном ансамбле, вписанностью в пейзаж, развернутостью к выделенным историко-культурным и природным объектам (храмам, водоемам, горам), открывающимся видом из большинства помещений и т. д. Цена объектов недвижимости в зависимости от положения в урочище может различаться на несколько порядков.

Универсальной характеристикой качества жилья по положению в урочище или позиции в нем является наличие хорошей подводящей второстепенной дороги, быстро выводящей на скоростную магистраль (в городе этому соответствует представление о «тихом центре», в сельской местности — «рекреационные поселения» поляризованного ландшафта в понимании Б. Б. Родомана[1]).

Положение в строении

И для городского многоквартирного дома рассматриваемого класса, и для индивидуального сельского дома характерна многоярусная многомодульная организация. При этом затраты на поддержание коммуникационных сетей, инженерных служб, охраны, систем жизнеобеспечения и т. п. создают, вообще говоря, предпосылки для концентрирования подобных объектов недвижимости в одном строении или дворе. Даже в том случае, если владельцем строения является одна семья, в доме проживает или длительное время находится какой-то обслуживающий

[1] *Родоман Б. Б.* Поляризация ландшафта как средство сохранения биосферы и рекреационных ресурсов//Ресурсы, среда, расселение. М.: Наука, 1974. С. 150–162.

персонал и члены их семей. Поэтому реально каждый индивидуальный дом рассматриваемого класса является многоквартирным, и семья домовладельца (если этот дом не является доходным) занимает лучшую «квартиру» в нем.

Кроме того, жилое помещение не может существовать в отрыве от подсобных, хозяйственных, складских и прочих помещений, которые в идеале должны быть вынесены из собственно жилого помещения (см. далее). Для таких вспомогательных помещений могут быть сформулированы собственные позиционные критерии (по положению в строении, дворе; на более высоких уровнях они совпадают с ранее рассмотренными).

Тогда оказываются значимыми следующие позиционные критерии качества жилья:

а) **Этажность.** Подземный и первый этажи практически полностью исключаются (за исключением каких-то экзотических индивидуальных запросов, связанных, например, с использованием определенных аскетических практик). Однако иногда выбор первого этажа позволяет присоединить к квартире подвал и/или часть двора. Нижние этажи в крупных городах также непригодны для проживания без специальной системы очистки воздуха и герметической изоляции внутриквартирного воздуха от атмосферного (высокие ЗВАЭ) из-за смоговой подушки (поднимающейся, например, в Петербурге до четвертого этажа)[1]. Нижние этажи (начиная с бельэтажа и выше), однако, привлекательны возможностью вписания в интерьер вида из окна, что отчасти восполняется своеобразием вида города с высоких этажей. Последний этаж декларативно квалифицируется как малоценный, однако, будучи избранным, получает дополнительную привлекательность вследствие возможности преобразования чердака в мансарду.

б) **Ориентация окон по сторонам света.** В целом, отношение к избытку солнца более спокойное там, где его недостает (например, на севере), и более напряженное там, где его избыток (пустыни, степи). Это определяет региональные варианты предпочтительной ориентации окон по сторонам света. Точно так же избыток солнца менее навязчив зимой, чем летом, что, в числе прочего, может быть основанием деления жилья на зимнюю и летнюю часть. По каким-то частным вопросам вкусы могут довольно быстро меняться. Так, в Петербурге с его климатом еще в начале XX в. было невозможно представить спальню южной экспозиции, притом что ныне для значительного числа людей такие

[1] Это интересный пример того, как изменившаяся ситуация делает неприемлемыми старые — дореволюционные — критерии качества жилья.

спальни привлекательны. Привлекательна и умеренная доступность солнца в жилье в разное время суток, что определяет желательность того, чтобы разные комнаты в квартире выходили на разные части света. Особенно привлекателен свет зорь (утренней и вечерней), причем он наименее навязчив. Культурные предпосылки (например, петербургская традиция любования закатами) могут предопределить выбор окон определенной ориентации. При этом вроде бы очевидна нежелательность присутствия прямого солнечного света в кабинете, библиотеке, классной комнате, в столовой во время трапезы и т. п.

Вместе с тем всегда имеется возможность использовать тонированные стекла, портьеры, жалюзи и т. д., источники искусственного освещения для создания нужного освещения. Но тогда теряется значение положения жилища в ландшафте, вписанность пейзажа в интерьер и т. д., а жилье превращается в своего рода космический корабль.

в) **Ориентация относительно розы ветров** актуальна в случае наличия резко выделенных направлений ветра, особенно таких, которые приносят холод, осадки, жару, песок и т. д. Сам по себе этот факт не всегда учитывается, хотя влияние его вполне очевидно. Так, петербуржцы XVIII — первой половины XX в. значительно меньше страдали бы от своеобразия погоды, если бы магистрали Адмиралтейской и Литейной части, проспекты, линии Васильевского острова и некоторые другие магистрали были бы развернуты на 45 градусов по отношению к существующим. Однако в конце XX в. эти магистрали наряду с крупными водотоками, оказались желобами, по которым продувается смог. Очевиден и бо2льший износ строения со стороны преобладающего ветра, в особенности если он приносит осадки, копоть, пыль или песок.

Знание розы ветров важно и для оценки того, сколь значимы могут быть в сельской местности (а иногда и в городе) воздействия каких-то источников шума (работающие двигатели, птицефермы, дороги), запахов (фермы, компостные и силосные ямы), пыли (карьеры, отвалы), копоти (котельные, заводы).

г) **Ориентированность окон на улицу или во двор.** Еще до начала XX в. практически однозначно жилье, выходящее на улицу, ценилось выше, чем выходящее во двор (за исключением некоторых регионов, например ряда сибирских губерний). Развитие автомоторного и электрического транспорта изменило отношение к ориентации на магистраль — из-за шума, пыли, выхлопных газов. Поэтому для организации спальни или рабочего кабинета могут оказываться привлекательными помещения, выходящие во двор, в том числе даже в печально знаменитые петербургские дворы-колодцы, которые оказались удивительными хранителями тишины. Развитие уличного освещения также понизило комфортность

жилья ниже уличных фонарей. Однако чем более высоким оказывается этаж, тем менее значимы недостатки его ориентации на улицу.

* * *

Помимо перечисленных позиционных критериев качества жилья нужно отметить непосредственную (от нескольких сотен метров до первых километров) близость магистралей, железных дорог, заводов, ЛЭП и т. п., что в целом можно обозначить как близость катастрофических урочищ. Влияние большей части из них на качество жилья будет подробно рассмотрено далее.

Очевидно, что вклад рассмотренных факторов в стоимость жилья как высококачественного будет существенно разным. Так, сколь угодно совершенное жилье в зоне военных действий будет иметь практически нулевую привлекательность как жилье, но может быть интересным объектом на рынке недвижимости (если рассчитывать на умелое его использование после войны). Отличная же во всех отношениях, но продуваемая с одной стороны квартира может быть защищена именно с этой стороны и практически не иметь дефектов. По такому принципу перечисленные факторы можно было бы проранжировать. Однако некоторые из них принципиально меняют свой вес на фоне других. Так, транспортный критерий может резко повышать комфортность жилья в мирное время и резко понижать его в случае войны. Это не дает возможности ввести универсальную шкалу ранжирования веса факторов.

Кроме того, позиционная привлекательность жилья может резко измениться в результате каких-то других форм хозяйственной деятельности — строительство завода или крупной магистрали может перевернуть оценку места. Так, возможно, Северо-Западной России предстоит пережить переоценку значительной доли недвижимости в связи с прокладыванием скоростной магистрали Санкт-Петербург—Москва.

Историко-культурный критерий

Сущность данного критерия заключается в том, что если в данном жилище или в непосредственной близости от него **жили какие-то знаменитости или происходили известные исторические события** (или предание приписывает им данное место происшествия), то такое жилье получает дополнительную привлекательность.

Очевидно, что такая привлекательность не будет универсальной — кого-то его предшественник будет вдохновлять, кого-то, напротив, угнетать, вплоть до необходимости сменить жилье. Тем не менее в нор-

мальном обществе всегда находится достаточное число людей, которые будут обладать повышенными притязаниями на такое жилье.

В западном мире этот фактор может изменять стоимость жилья на порядки, в советское же время на это не обращалось внимания как на аспект оценки недвижимости. Дело в том, что, обнародуя связь своего жилища с персоной, неугодной режиму, можно было оказаться репрессированным, выявление же проживания в нем фаворита режима могло окончиться выселением вследствие организации очередного мемориального музея. Некоторые махинации, относящиеся к сути рассматриваемого вопроса, осуществлялись на этом основании, однако они имели явно третьестепенное значение.

Укрепление права частной собственности на недвижимость, расширение круга объектов недвижимости, которые могут быть частным владением (усадеб, парков, земель, лесов), подлинная деидеологизация истории, которая необозримо расширяет круг выдающихся деятелей истории и культуры, могут привести со временем к оформлению самостоятельного сектора рынка недвижимости, столь дорогого, что каждый подобный объект недвижимости практически независимо от прочих своих характеристик будет переходить именно в этот сектор дорогой недвижимости, который сам по себе сможет задавать стандарт качества жилья (ср. дизайнерские стили, обозначаемые по фамилиям владельцев соответствующих объектов недвижимости).

Учитывая 1000-летнюю русскую историю и богатую культуру, есть все основания считать, что со временем на рынке могут появиться баснословно дорогие как подлинные, так и мнимые объекты недвижимости, которые смогут привести к подвижкам в оценке качества жилья.

Ныне, однако, всерьез принимать этот фактор не приходится как в силу плохого знания истории нынешними «новыми русскими», так и в силу того, что знающие эту историю не очень ее афишируют, поскольку есть шанс, что обсуждаемая недвижимость окажется в нечистых руках, будет изъята у нынешних владельцев или национализирована (ср. проблемы с приватизацией жилья в зданиях, являющихся памятниками архитектуры), однако последние тенденции развития рынка недвижимости обнаруживают формирование интереса к таким объектам недвижимости.

Как особое измерение этого критерия можно рассматривать **топонимическую нагруженность адреса** недвижимости. Так, в Петербурге, если окажется, что директор Лесопромышленного банка проживает на Нижней Полевой улице (гипотетический пример), то это еще более усилит оторопь от расположения банка в Крапивном переулке (реальный адрес), притом, что в Москве подобные названия могли бы иметь совер-

шенно иную окраску (ср. престижные улицы Полянки), а в другом городе — быть нейтральными. При этом дело оказывается не только в самой структуре топонима, но и в связанных с конкретным названием коннотациях. Поэтому в том же Петербурге адрес на Марсовом *поле* будет очень привлекательным. Очевидно, что странно будет нуворишу жить в переулке Крестьянской бедноты или на улице Ленина. Поэтому от потребителя дорогого жилья есть основания ожидать инициативы и в вопросах топонимики.

Архитектурный критерий

Суть этого критерия очень проста — постройка может быть результатом как только строительной, так и строительной и архитектурной деятельности одновременно. Качество и стоимость этих типов жилья несопоставимы, причем стоимость однотипных архитектурных сооружений, в свою очередь, в зависимости от мастерства автора может колебаться до десятков и сотен тысяч раз. Если действительно отдавать себе отчет в том, что такое высококачественное жилье, то в качестве такого может рассматриваться только результат деятельности архитектора.

При этом жилье обсуждаемого класса для того, чтобы быть таковым, должно быть стилистически совместимым с окружающим архитектурным пейзажем и ландшафтом (и наоборот, жилье еще более высокого класса может задавать новые архитектурные стили и способы поведения в среде, в то время как жилье более низкого класса вообще может не иметь архитектурного измерения, тем более типологически определенного — не говоря уж об индивидуальной определенности).

Однако эксплицировать сформулированное утверждение и обосновать его весьма непросто.

Прежде всего речь идет о том, что необходимо определить природу и характер архитектурной деятельности. Ее отличительной чертой будет то, что она характеризуется присутствием **культурной определенности**, а не только утилитарной целесообразностью. Такая определенность может:

— отражать существующие традиции;

— формировать новые типы социального поведения;

— иметь стилистическую определенность;

— определенным образом организовывать ландшафт и взаимодействие с ним и т. д.

С этой точки зрения архитектурное сооружение сохраняет свою индивидуальность, даже если мультиплицируется (ср., например, судьбу трезиниевских типовых проектов при застройке Петербурга), суще-

ствует дольше, чем технологии, бытовавшие при его создании (как строительные, так и эксплуатационные, например, замена печного отопления водяным, свечного освещения электрическим и т. д.), обычно переживает несколько исторических эпох и меняет свое назначение (ср. превращение крестьянской усадьбы в дачи горожан).

Тем не менее архитектурное мастерство обеспечивает **оптимальное решение ряда задач:**

— выбор урочища и позиции в урочище, максимально раскрывающей потенциал ландшафта;

— избегание геопатогенных зон;

— выбор выигрышного положения относительно красной линии улицы;

— фиксация капитальных стен, высота этажей, проемов окон и их ритм, характеристики лестничных клеток, маршей и ступеней, соотношение основных объемов сооружения.

Решение всех этих задач хорошо известно и в народной, и по крайней мере в старой профессиональной архитектуре. Архитектор при этом как бы доорганизует, раскрывает потенциал ландшафта, дополняет его недостающими компонентами.

Для архитекторов же в отличие от строителей указанные элементы конструкции здания оказываются чрезвычайно важными психофизиологически.

Так, приверженность архитекторов к технологически необусловленному золотому сечению обеспечивает психофизиологическую комфортность человека, как и принятые характеристики лестничных маршей или расположения окон. Существуют данные о том, что ГОСТированная частота расположения окон в нынешних многоквартирных домах является фактором, травмирующим психику. С этим согласуются и выборочные статистические исследования по Москве 1970-х гг., показавшие концентрацию психической патологии в районах новостроек (в которых отсутствует архитектура).

Говоря об архитектурном аспекте качества жилья, нужно иметь в виду его **стилевую** природу[1]. Это означает, что между стилями как устойчивыми сочетаниями определенных архитектурных элементов существуют неустойчивые сочетания элементов, свойственные невыраженности стиля массового жилья. Именно в этом случае архитектурная ценность жилья оказывается минимальной (в отличие от нулевой, свойственной строительству). Поэтому неравнозначными, но равноцен-

[1] *Мартыненко Г. Я., Чебанов С. В.* Классификационные задачи стилеметрии//Acta et commentationes universitatis tartuensis. Вып. 827. Tartu, 1988. С. 119–136.

ными будут дворец в стиле барокко или хорошо поставленная крестьянская усадьба.[1] Очевидно, что как место проживания ныне они будут начиненными совершенно иным оборудованием и приспособлены к совершенно иной жизни.

В ряду стилей следует отметить модерн как вероятно наиболее подходящий для современной городской жизни архитектурный стиль, представленный на территории России. Есть основания полагать, что именно к нему в первую очередь будут относиться модернизируемые жилые здания. С другой стороны, большая часть даже первоклассного ампира обеих столиц воспринимается как нечто уже безнадежно провинциальное именно из-за другого способа работы с объемом жилого помещения, которое, по сути, приближается к хрущевской коробке.

Важными, но менее долговечными архитектурными элементами являются **декор и отделка интерьеров**. Особым вопросом является проблема их аутентичности. Вместе с тем такие элементы декора, как арки, колонны, балюстрады, хоры и т. д. в том случае, если они сохранили что-то в аутентичном виде, значительно повышают привлекательность жилья. Подобные элементы архитектурной конструкции сохраняют вспоминаемые элементы таких забытых ныне реалий обихода, как домашние концертные залы, бальные залы, домашние музеи, домовые церкви и/или молельные комнаты и т. п.

Следует отметить, что ныне архитектурные достоинства жилья, как и его историко-культурная значимость, не всегда адекватно представляются хозяевами, покупателями и риелтерами и по тем же причинам. Поэтому же люди мало что знают об архитекторах, которые создавали помещения, в которых они живут. Как только на рынке сложатся упоминавшиеся условия, владельцы будут активно **интересоваться и архитектурной историей своей недвижимости**, собирать документы, и при смене собственников это будет значительным фактором оценки стоимости. Учитывая, что первоклассные русские архитекторы от Растрелли до Щусева много работали и в провинции, причем не всегда известно, где, на рынке недвижимости возможно появление уникаль-

[1] В этой области сложилась парадоксальная ситуация. Дело в том, что в советское время изучалась и преподавалась как история архитектуры практически только архитектура дворцов, в последние десятилетия большее внимание привлекала и церковная архитектура, а также архитектура крестьянской усадьбы. Архитектуре же городской застройки, маленьким особнякам и т. д., т. е. именно той архитектуре, которая наиболее интересна для среднего класса, внимания практически не уделялось. В этом во многом причина того, что появившиеся состоятельные люди ориентированы именно на дворцовое жилище, а не на добротное жилище состоятельного человека, не претендующего на исключительность.

ных и неожиданных и в этом отношении объектов.[1] Значительно повлиять на состояние этого сектора рынка недвижимости может принятое в мае 1997 г. решение о понижении статуса ряда памятников архитектуры и предложения в апреле 2004 г. о приватизации памятников архитектуры. В частности, создается впечатление, что в первую очередь понижается статус тех памятников, которые можно отнести к архитектурному кичу. Но именно кич (а не высокое искусство) в наибольшей степени привлекает иностранцев. Обретут известность имена и современных архитекторов, способных решать соответствующий тип задач.

Существует еще одна комплексная проблема, относящаяся прежде всего к сельскому дому. Помимо того что эта проблема имеет отношение к проблеме безопасности, организации отношений с соседями, она имеет и чисто архитектурное измерение, связанное с **планировкой населенного пункта**. Дело в том, что одиноко стоящий дорогой дом оказывается незащищенным, а подобный дом среди бедного жилья и не защищен, и стилистически дисгармоничен. Ныне вопрос решается путем строительства дорогих поселков, которые превращаются в своего рода резервации для богатых. В дореволюционной России эта проблема была решена через определенную композицию барской усадьбы и деревни. Сейчас же даже там, где сохранилось и то и другое, использование их по прямому назначению будет не только анахронизмом, но и социальным вызовом — модернизация должна осуществляться каким-то другим способом. Западные образцы, основанные на других архитектурно-планировочных традициях и реализуемые при другой плотности застройки, другом уровне безопасности, здесь неприменимы. Таким образом, так или иначе, можно зафиксировать появление новой архитектурной проблемы, которую предстоит решать.

Художественный критерий

Собственно архитектурный критерий является одним из аспектов художественного. Однако выделение последнего в качестве самостоятельного диктуется и тем, что элементами архитектурной отделки, интерьера могут быть и относительно самостоятельные художественные произведения, приспособленные, однако, именно для данного сооружения. Таковыми будут элементы фурнитуры (дверные и оконные

[1] При этом в первую очередь это будет относиться к их ранним и второстепенным работам (прежде всего недворцового типа).

ручки, шпингалеты, петли, кнопки звонков, дверные молотки, засовы, замки и т. д.), мебель, изготовленная по специальным заказам для данного интерьера, посуда и т. д. Так, к примеру, даже в начале XX в. было создано несколько подобных комплектов домов, посуды, мебели, утвари и сантехники А. Н. Бенуа и М. А. Врубелем, причем не только в столицах, но и в провинции. Ценность этих предметов многократно возрастает, если они находятся в предназначенном для них помещении, и, в свою очередь, недвижимость приобретает дополнительную привлекательность, если в ней есть указанные предметы. В этом еще одна неожиданность российского рынка недвижимости.[1]

Очевидно, что создание подобных комплектов — непреложное условие создания высококачественного жилья и ныне.

Художественные оценки могут быть отнесены и к значительно более сложно перемещаемым элементам строения — паркетам, витражам, плафонам, фрескам и т. д.

* * *

Создается впечатление, что при выборе недвижимости рассмотренные критерии определяют **привлечение внимания** к тому или иному объекту недвижимости. При этом оказывается, что если один из участников обмена недвижимостью познакомился с объектом возможной сделки и он ему понравился, то второй участник, знакомясь с недвижимостью (обсуждаемого класса) первого, также отмечает симпатию к ней. Подобное положение дел говорит о том, что существует некая весьма **нетривиальная и трудно эксплицируемая, не вербализируемая типология недвижимости**, которая в конечном счете и определяет ее реальное движение. Возможно, описание подобной типологии могло бы быть предметом специального исследования. Но, так или иначе, можно говорить, что каждый объект недвижимости соответствует своему *genius loci*, который и определяет его реальную привлекательность.

Следующие критерии скорее носят **сортирующе-отрицающий характер** и должны выявлять утилитарную пригодность привлекающего объекта, величину ЗВАЭ и эксплуатационных затрат.

[1] Продолжая тему примечаний с. 195–196, следует заметить, что живопись, скульптура, мелкая пластика для рассматриваемого типа интерьеров это не произведения изобразительного искусства, свойственные дворцам или даже создаваемые специально для музеев, а более камерные произведения. Как и архитектура второго ряда, они практически не исследовались в советское время. Именно они составляют костяки частных собраний. В 70–80-е гг. с ними можно было ознакомиться на нескольких больших выставках из частных коллекций. Сейчас они не выставляются опять, теперь — из соображений безопасности, но их можно увидеть в антикварных магазинах.

Критерий планировки

Для того чтобы выбранная недвижимость превратилась в жилье для семьи, ее дом, должна существовать возможность осуществления всех отправлений семьи на избранной территории.

Эта территория включает в себя помимо жилых и какие-то подсобные помещения: в городских многоквартирных домах — части подвалов, чердаков, лестничных клеток, дворов, помещений инженерных и прочих служб, личных мастерских и гаражей и т. д., в доме, организованном по усадебному типу, — хозяйственный двор со всеми его вспомогательными постройками, гаражами и т. д. Наличие, размеры и качество таких **нежилых помещений** — важная характеристика качества жилья. Некоторые из этих помещений высоко специализированы и требуют **специальной инженерно-строительно-архитектурной характеристики** их качества (бассейны, гаражи, оранжереи, зимние сады, караульные помещения, спортивные залы, корты), но само их наличие является показателем качества жилья.

Собственно жилое помещение строится по **модульному типу**.

Каждый **жилой модуль** включает спальню, комнату, уборную и душ на одного взрослого (старше 10–12 лет) человека (ср. западную традицию указания размера квартиры в количестве спален). Подобная организация жилого пространства освобождает человека от необходимости опубликовывать свои физиологические отправления.

Размер спальни и комнат могут колебаться от 6 до 40 кв. м. (в зависимости от типологических и индивидуальных особенностей человека, характера его деятельности в доме). Указанные размеры помещения, если они соответствуют типу и индивидуальности человека, не являются ни недостаточными (даже для взрослого), ни избыточными.

Для взрослого человека избыток помещения может порождать чувство дискомфорта, а недостаток — понижать продуктивность деятельности. **Дети** менее чувствительны к соответствию объема, так как обладают множеством способов корректировать его (например, «раскидывая» игрушки или устраивая «норы»), хотя хроническое его несоответствие может привести к крайне сложно компенсируемым формам девиантного поведения. При этом избыток объема менее страшен, поскольку в этом случае ребенок начинает строительство собственного жилища внутри большого помещения.

Наличие проживающей в доме **прислуги** предполагает прибавление еще одного блока на каждое лицо, а желание комфортно разместить **гостей** равного с хозяевами статуса предполагает наличие и соответствующего числа дополнительных модулей.

В зависимости от стиля отношений в семье, финансовых и организационных возможностей, длительности особых состояний и т. д. возможны те или иные модификации жилых блоков и их комбинации. Так, супруги могут иметь блоки, соединяющиеся спальнями или имеющие общую спальню, детские спальни соединяются со спальней матери, отца или няни и т. д. Особый блок, сдвоенный с родительским или няниным, предполагается для каждого ребенка, хотя некоторые дети могут иметь общую комнату для тех или иных занятий (спортивных, учебных, игровых и т. д.).

При наличии ресурсов могут быть предусмотрены специальные блоки, учитывающие **особые состояния** членов семьи: организация лечебного стационара на дому, прием на дому родов, уход за паралитиком, жизнь инвалида и т. д. (примечательно, что в нашей стране труднее всего представить себе организацию жизни человека, обладающего крупным состоянием, являющегося инвалидом и заметным общественным деятелем или дельцом, — ср. президента Рузвельта).

В каждом блоке его хозяина сопровождает минимальное количество личных вещей — книг, бумаг, одежды, постельного белья, бытовых приборов и т. д., находящихся в постоянном пользовании, — все остальное имущество хранится в специализированных помещениях, вынесенных за пределы собственно личной зоны (в гардеробной, буфетной, библиотеке и архиве, игровой, кладовках и т. д.). Несколько увеличен объем вещей для детей и подростков — для самых маленьких значителен запас сменного белья, для более старших — игрушек, для совсем больших — значительна доля оперативной части личного архива. Благодаря подобной минимизации оперативно используемых личных вещей могут быть значительно минимизированы размеры жилой зоны и сокращена ее меблировка.

Характер личных пристрастий, хобби и увлечений и степень их постоянства, так же как и характер учебной или профессиональной деятельности, осуществляемой внутри дома, определяют возможность их осуществления в жилой части дома (в своей комнате) или выделения для этого **специализированного помещения в доме** за пределами жилой зоны в виде лаборатории, мастерской, кабинета, ателье, киностудии и т. п.

С помощью инженерных и/или архитектурных средств должна быть обеспечена **психолого-гигиеническая безопасность и изолированность разных видов активности** в доме — пылевая (прежде всего относящаяся к разным хранилищам), акустическая (относящаяся к музыкальным инструментам, громкоговорителям, телевизорам, акустическим устройствам), запаховая (касающаяся кухни, животных, химической

кладовой, а если таковые есть, то фотографической, химической или биологической лабораторий) и т. д.

Состав семьи, вынесенность занятий ее членов в отдельные помещения, характер расположения сантехнических стояков и приуроченность к ним блоков позволяют или не позволяют организовать деление дома на более или менее выраженную **приватную** и **публичную** части. В последней тогда вместо кабинета появится приемная, может оказаться дополнительная (или дополнительные) малая гостиная для приема гостей и посетителей отдельными членами семьи и т. д. Значительные возможности при этом обеспечиваются анфиладным расположением смежно-изолированных помещений.

Напротив, недостаток средств, временные трудности, непредвиденное разрастание семьи и т. д. могут привести к тому, что каждый **жилой блок сворачивается** в одну комнату, как-то делящуюся на две и более функциональные части, а число специализированных помещений для кабинетов, мастерских, лабораторий будет сокращаться.

При прочих равных условиях будет более удачным такое расположение жилых блоков, при котором блоки женатых (замужних) членов семьи несколько разнесены от остальных (вплоть до наличия отдельного коридора с особым выходом) точно так же, как и жилые блоки обслуживающего персонала, не занимающегося малыми детьми, или гостевые блоки.

При этом размеры и сложность организации жилого блока домашнего учителя, врача, эксперта, ответственного секретаря или мажордома могут не отличаться от таковых хозяина дома.

За пределами жилых блоков остаются (помимо специализированных помещения для занятий отдельных членов семьи) помещения, используемые всей семьей: гостиные, столовые, зал (может часто совмещаться с классом для музыкальных занятий), библиотека, гимнастический зал и т. д. В среднем, для семьи, состоящей из 3–5 человек, размер каждого из этих помещений может колебаться от 30 до 50 кв. м. Часть этих помещений используется для публичных приемов.

Во всех подобных помещениях находится минимум оборудования для мелкого текущего обслуживания помещения (уборок, кондиционирования воздуха, обеспечения безопасности, связи и т. д.), так что наличие мест для такого хранения (например, стенных шкафов) относится к числу достоинств жилья.

Этими помещениями исчерпывается часть жилища, которая так или иначе приближается по своим стандартам к собственно жилым помещениям.

Нежилые помещения, прежде всего особенно сложные в инженерном отношении, могут быть разделены на несколько групп.

Первая группа включает помещения, в которых осуществляется **повседневное удовлетворение ежедневных потребностей** человека.

Кухня на семью от 3 человек составляет не менее 12–15 кв. м, примерно такими же являются большая ванная комната, баня и/или бассейн, к которым может примыкать гимнастический зал и/или помещения с тренажерами.

Вторая группа представляет собой **места обработки и хранения различных предметов обихода**: для чистки и обработки одежды, обуви, их хранения, хранения реактивов, запасов провизии, разнообразных вещей, не используемых ежедневно в обиходе, домашней утвари, инструментов и т. д. При определенном типе организации хозяйства и потребностях детей могут существовать самостоятельные **мастерские** (столярная, слесарная, электротехническая, сантехническая и т. д.).

Третья группа — **склады** резервного, сезонного или как-то иначе периодически используемого оборудования, значительных запасов провианта, упаковочных материалов, тары эксплуатируемого оборудования и запасных частей и т. д.

Четвертая группа — **помещения охраны, контроля и управления** домашним хозяйством (караульные помещения, терминалы каналов связи, блоки систем автономного жизнеобеспечения, пультовые приборов контроля и управления и т. д.).

Пятая группа — **гаражи, ангары, конюшни** и т. д.

В зависимости от типа жилища (городское, сельское, в виде отдельной усадьбы или как часть многоквартирного дома) распределение этих помещений по этажам, подземным и наземным частям строений, территории двора или усадьбы и т. д. может быть весьма разнообразным и в большой мере диктуется инженерными соображениями.

Удовлетворительным в планировочном отношении признается то жилое (в широком смысле) помещение, которое позволяет с учетом сформулированных принципов разместиться в нем данной семье.

Описанный планировочный стандарт не является умозрительным.

Во-первых, он приблизительно соответствует стандарту служебной квартиры предреволюционного военного или штатского генерала, к нему приближается и известная автору петербургская квартира Оболенских. Петербург располагал, вероятно, несколькими десятками тысяч подобных квартир, такие квартиры были также в губернских и уездных городах, им соответствовали по качеству жилья и некоторые усадьбы. В целом по России к революции число таких объектов жилья можно оценить в не одну сотню тысяч. К настоящему времени из них (обычно в плохом, очень плохом и даже аварийном состоянии) могла сохраниться десятая часть, некоторая доля которой может быть объек-

том модернизации (как квартиры в городах, так и усадьбы в сельской местности).

Во-вторых, это примерно соответствует жилищному стандарту среднего класса в Европе и Америке. Однако при этом там распространены столь миниатюрные и компактные варианты и в столь простом архитектурном и художественном оформлении, что выходцев из России такое жилье практически не привлекает. К таким образцам приближаются и коттеджи в некоторых академических городках бывшего СССР (например, коттеджи академиков и части профессуры в Новосибирском Академгородке), которые производят также весьма скромное впечатление. Таким образом, планировочному критерию может отвечать и весьма низкокачественное жилье.

В-третьих, подобный стандарт в упрощенных вариантах может быть использован и используется ныне в Петербурге одинокими состоятельными иностранцами, которые, по сути, имеют квартиру с одним жилым блоком при большой упрощенности остальной части квартиры (после ее ремонта по европейским стандартам). При этом оказывается, что Россия обладает большим количеством жилья, которое может расцениваться как потенциально высококачественное.

В-четвертых, по сути, эта же идеология использована в ленинском принципе того, что число комнат в отдельной квартире равно числу членов семьи плюс одна. При этом подразумевается наличие кухни и подсобных помещений, а инженерное оборудование специально не обсуждается.

Ныне же сформулированный стандарт недоступен даже экс-мэру Петербурга.

Следует особо подчеркнуть, что представления о достоинствах и недочетах планировки особенно сильно меняются со временем — это зависит и от моды, и от смены художественных стилей, и от изменения социальных условий. Тем не менее планировочное решение жилища — специальная задача для профессионала-архитектора, а не просто реализация желаний владельца. В противном случае почти всегда речь идет о **деградации** качества жилья. Поэтому получившая ныне распространение практика приобретения старой недвижимости и полной ее перепланировки с передвижением стен, изменением дверных и оконных проемов, изготовлением подвесных потолков, начинением новым оборудованием очень часто представляет собой фактически **способ понижения качества жилища.** В частности, при этом практически неизбежна утрата его художественного убранства. В известной мере описанная ситуация сложилась под влиянием западной практики, в соответствии с которой приемлемым жильем считается в сущности очень простое и дешевое архитектурное сооружение, начинен-

ное высококачественными оборудованием и мебелью (ср. эстетику рококо).

Инженерный критерий

Инженерный критерий — один из самых многоаспектных, и его компетентное использование требует привлечения целой бригады специалистов. При этом предполагается оценка:

— **правильности** (в том числе и соответствия стандартам) **монтажа** здания и оборудования;

— **степени** морального и физического **износа** элементов и конструкций самого архитектурного сооружения и размещенного в нем встроенного инженерного оборудования (сантехнического, электрического, газового и т. д.);

— **степени надежности и безопасности** функционирования имеющихся сооружений и конструкций;

— **достаточности имеющегося разнообразия** технического оборудования;

— **целесообразности установки дополнительного оборудования** и надежности его работы.

В итоге надо сопоставлять представление об инженерном состоянии объекта, величинах ЗВАЭ и эксплуатационных затрат.

При этом надо иметь в виду, что необходим здравый подход к имеющимся техническим нормативам — невыдержанность каких-то показателей может быть просто фактом отклонения от стандарта, затрудняющим его ремонт, нахождение же других в пределах подобных норм может тем не менее внушать опасение опытным практикам. Кроме того, нормативы установлены частично с избытком, а произведенный с учетом этих норм ремонт может только ухудшить ситуацию по существу (например, желание избавиться от патины может привести к замене действительно художественной отделки ширпотребом).

Особой проблемой является наличие достаточности имеющегося **разнообразия технических систем**. Так, например, имея подвод только электроэнергии, можно обойтись без специальных систем отопления и подачи горячей воды. Однако на практике они увеличивают надежность работы друг друга путем частичной компенсации последствий аварий. С другой стороны, подогрев воды на месте обеспечивает значительно большую ее чистоту. Одним словом, необходимо серьезное взвешивание последствий отсутствия каких-то систем жизнеобеспечения как действительно серьезного отрицательного фактора.

Вместе с тем, учитывая соображения экономии, целесообразно думать о раздельных системах подачи технической и питьевой воды, независи-

мой подаче электроэнергии разного напряжения и разной фазности и т. д. (необходимой для работы лифта, общеинженерного оборудования и т. д.).

Специально надо рассматривать вопрос о степени дублирования подачи каждого ресурса и автономного его источника (см. критерии безопасности).

Целесообразно отдельно провести и экспертизу качества использованных материалов с тем, чтобы оценить долговечность существующих конструкций и оборудования. Это особо значимо при наличии в сооружении значительной доли новодела, поскольку даже претендующие на солидность фирмы пользуются плохо просушенным лесом, мало известными материалами с непривычными свойствами или, напротив, в сооружении могут присутствовать материалы, не используемые ныне, свойства которых надо четко представлять, и т. д.

При многих обстоятельствах, делающих привлекательным новое строительство, а не реконструкцию и реставрацию, следует иметь в виду, что жилье — такой объект, который требует по сути дела **многолетнего пуско-наладочного периода**, с тем чтобы составить представление о поведении оборудования в разные времена года, притом, что каждое из них может быть или не быть теплым или необычно ветреным или дождливым. Поэтому, реконструируя жилье, нужно очень серьезно относиться к опыту его предшествующей эксплуатации, что может дать значительный выигрыш.

Говоря об инженерном критерии, надо иметь в виду, что установление соответствия ему — дело весьма непростое, причем расплачиваться здесь приходится не просто изрядными потерями средств, но и безопасностью (см. об этом далее). Критерии же проверки качества доступны только **профессионалам**, причем порой весьма узким. В результате даже один из трех домов в Петербурге, вызывающих наибольший интерес у иностранцев (в котором живет экс-мэр города), находится в технически плачевном состоянии, несмотря на его многочисленные ремонты, при которых просто переводятся средства.

Экологический критерий

В значительной мере экологический критерий может рассматриваться как **аспект позиционного**. С другой стороны, он может интерпретироваться как **составляющая критерия безопасности**. Однако обыденным сознанием он воспринимается как самостоятельный аспект ценности жилья, причем в отличие от инженерного состояния жилья, которое можно улучшать, или криминогенной ситуации, которой можно противостоять, экологический фактор истеризованным сознанием

частенько воспринимается как сугубо фатальный. Поэтому надо четко уяснить, о чем идет речь.

Прежде всего следует заметить, что сам термин не очень удачен. Тем не менее целесообразно обсуждать соответствующую реальность предельно широко, включая практически все смыслы, вкладываемые в представления об экологии человека и экологии культуры.

Ниже дается многоаспектная (но не исчерпывающая) классификация таких факторов.

Они могут быть:

— **по фазовому составу:**
  — твердые,
  — жидкие,
  — газообразные,
  — полевые;
— **по природе:**
  — физические,
  — электромагнитные,
  — акустические,
  — радиоактивные,
  — химические:
    • яды,
    • канцерогены;
  — биологические,
  — болезнетворные организмы,
  — организмы, продуцирующие:
    • пахучие вещества,
    • фитонциды (сосняки),
    • токсины,
    • аллергены (продукты питания, домовый гриб),
    • разрушители сооружений (грибы, насекомые),
    • переносчики болезней (насекомые, клещи, позвоночные);
  — климатические (суховеи, цунами, ураганы, наводнения);
  — психические (недоброжелатели, враги, акцентуированные и психически больные люди, экстрасенсы, места, в которых доминируют инстинкты толпы);
  — социокультурные (наличие чужеродного или враждебного окружения — социального, этнического, языкового, культурного);
  — духовные (языческие капища и храмы, молельни сектантов, жилища колдунов, магов);
— **по характеру концентрации:**
  — рассеянные по всему региону;

— приуроченные к отдельным объектам;
— сосредоточенные в отдельных предметах, веществах;
— **по характеру противостояния:**
— изолируемые (в том числе путем дезактивации — радиоактивные вещества, испражнения, неорганические яды);
— уничтожаемые (переносчики болезней, сложная неустойчивая органика);
— очищаемые (воздушная пыль, взвесь в воде).

В зависимости от характера неблагоприятного экологического фактора и готовности изменить его с учетом образа жизни как пригодные могут рассматриваться практически все территории, однако проживание на них будет требовать разных организационных и технических мероприятий, разных затрат.

Так, если речь идет о факторе, который рассеян по всему региону, то противостоять ему можно, только **выехав за пределы** этого региона либо смирившись с ним и **живя, не очень обращая на него внимание и лишь отчасти изменив какие-то особенности повседневного образа жизни**. Таким фактором может быть распространение вредоносных животных (малярийного комара, энцефалитного клеща — так, энцефалит можно получить в петербургском парке), чрезмерное количество пыли (по соседству с пустыней), техногенные загрязнения. Однако если на такой территории располагается очень большое количество высокопривлекательного жилья, то эвакуация не принимает значительных размеров (ср. Хиросиму и Нагасаки, Чернобыльскую зону и Киев, сохраняющий высокую привлекательность на региональном рынке жилья, и бывший Ленинград в 1977 г. после аналогичной аварии на АЭС в Сосновом Бору). На такой территории складывается свой **региональный рынок недвижимости**, который весьма сложным образом соотносится с рынками иных регионов. Тем не менее вопрос о герметизации жилых помещений, влажных уборках, других подобных мероприятиях теперь оказывается имеющим особое значение.

Мероприятия регионального масштаба могут привести к **ликвидации подобных факторов**. Так, например, осушение Колхидской низменности привело к ликвидации малярии. Осуществляя подобного размаха мероприятия, можно было бы решить и вопрос Чернобыля, перенеся туда сразу же столицу СССР.

Приуроченность негативных экологических факторов к отдельным объектам определяет стратегию выбора высококачественного жилья вдалеке от них. Сама такая идея проста и эффективна, однако с ее учетом надо забираться в какую-то невообразимую глушь. Самыми обычными побочными результатами этого является потребность в

автомобиле и асфальтированных дорогах, которые сами по себе являются негативными экологическими факторами.

Борьба с первыми (автомобилями) требует введения новых стандартов эксплуатации, вторые должны повсеместно сокращаться. Тем не менее в ряде областей РФ ныне медицинская помощь имеет право не выезжать по вызову, если подъезд к дому не заасфальтирован. Это приводит к загрязнению огромного количества площадей, в том числе сельскохозяйственных, невозможности ходить босиком и т. д. Необходим **пересмотр стандартов** и нормативное закрепление типов экологически безвредных покрытий, которые рассматриваются как эквивалентные асфальтовому.

Так или иначе, но на ряде территорий, прежде всего в городах, концентрация подобных объектов столь велика, что вести борьбу с ними подобным образом — дело невозможное, и тогда речь идет об **изоляции** — герметизации жилья, его экранировании от электромагнитных излучений, дезинфекции входов и т. д.

Связанность загрязняющего фактора с определенными веществами требует специфической очистки от этого вещества (фильтрация, адсорбция и т. д.) либо недопущения его в жилище.

При этом проще всего бороться с загрязняющими субстанциями в твердой фазе (если они не порошкообразные), сложнее всего — с газообразными. Поэтому, так или иначе, очистка воздуха — одна из самых актуальных задач.

Говоря об отдельных веществах как негативных экологических факторах, надо иметь в виду, что эти вещества могут быть как *компонентами необходимого в доме вещества, так и совершенно посторонними веществами*; во втором случае речь идет о недопущении их в жилище, куда они, однако, могут проникать по тем же каналам, что и необходимые вещества.

С этой точки зрения все каналы связи — двери, окна, водопровод, воздухозаборники и т. д. — являются каналами, через которые попадают подобные вещества. Поэтому **вводы** их должны быть оснащены какими-то **средствами защиты** и **сортировки**. То же относится и к информационным каналам (см. далее). Иногда решение вопроса может быть иным — канал доставки из местного источника вообще перекрывается и осуществляется **завоз данного вещества из другой местности** (например, питьевой воды).

В целом, нужно иметь в виду, что экологически благоприятными является ныне небольшое число территорий — те, которые были благоприятными, давно освоены и стали поэтому проблемными; не осваивались же имевшие изначально проблемы, в том числе и экологические.

Удаленность же от крупных центров экологически благоприятных территорий обесценивает их, поскольку при этом теряются какие-то не менее важные компоненты качества жилья (например, становится недоступной необходимая образовательная или профессиональная среда, оперативная квалифицированная медицинская помощь, какие-то виды связи и т. д.).

Восприятие некоторых факторов среды ныне проявляется как специфическая разновидность *фобии* (например, радиофобия), что исключает порождение осмысленной программы противостояния негативным эффектам.

Особо следует отметить, что негативными факторами могут быть сами **используемые строительные материалы**. Поэтому необходима их соответствующая экспертиза. При этом надо иметь в виду то, что западные представления о качестве материалов предусматривают указание срока, в течение которого материалы экологически не опасны, не говоря о том, как свойства этих материалов будут меняться после указанного срока. В некоторых же случаях предполагается использование какого-либо обсуждаемого материала в сочетании со специальным покрытием, разрушение которого делает материал токсичным. Ввиду того что следить за сроком гарантии качества материалов или цельности покрытия при их внешней потребительской удовлетворительности не в традиции российского менталитета, возможность использования подобных материалов на территории России вызывает большие сомнения, а соответствующее жилье должно рассматриваться как имеющее серьезные недостатки.[1]

При оценке качества материалов и строения крайне важно производить адекватные задаче измерения. Так, очень часто измерения радиоактивности производятся на высоте груди от поверхности земли, в то время как наиболее уязвимы ею гениталии или дети, играющие на земле.

Очень сложно ныне оценить сравнительное **благополучие среды внутри квартиры и на улице** — так называемый «свежий воздух» частенько может оказаться более загрязненным.

Особая проблема — **городские сады**. Общеизвестная способность растений связывать токсины приводит к аккумуляции последних на

[1] В настоящее время в Санкт-Петербурге существует специализированная фирма, занимающаяся этим аспектом экологической безопасности жилища. Стоимость обследования ею одной квартиры на предмет использования в ее отделке экологически опасных материалов измеряется несколькими сотнями американских долларов. По утверждению сотрудников фирмы, есть перспективы уменьшения стоимости такой услуги. Это естественная часть ЗВАЭ.

территории садов. О том, как далее происходит обмен и разложение таких связанных токсинов, какова их судьба при сжигании или вывозе осенней листвы, в какой мере они могут переходить в воздушную среду, существуют лишь отрывочные данные. Поэтому не исключено, что посещение городских садов представляет собой известную опасность. По крайней мере все, выращенное на территории большого города, однозначно рассматривается как явно ядовитое.

Тем не менее в центре больших городов (в том числе Москвы и Санкт-Петербурга) есть обширные внутриквартальные и внутридворовые зеленые массивы, по площади сравнимые с общеизвестными садами, которые придают дополнительную комфортность или по крайней мере визуальную привлекательность жилью. Некоторые из этих массивов столь велики, что на их территории возможно строительство нового жилья (иногда за счет частичного сноса старого), имеющего значительную приусадебную территорию, располагающую к сельскохозяйственной деятельности (например, Парк XXX-летия ВЛКСМ в Москве).

Тем не менее порой можно говорить о том, что подобные зеленые массивы являются своего рода внешней ловушкой, заслоняющей суть дела. Так, один из наиболее престижных новых зеленых районов Петербурга — район Сосновки — по сути является весьма неблагополучным: это место сосредоточения ядерных реакторов и других ядерных установок.

В итоге, учитывая экологическую ситуацию, внутри одного и того же крупного населенного пункта могут быть выделены участки территории, очень сильно различающиеся по степени экологического благополучия — так, весьма контрастными будут, скажем, район Обводного канала вблизи завода «Красный треугольник» (место, непригодное для жилья) и район Таврического сада, приближающийся по своим экологическим показателям к пригородам.

Транспортный критерий

Говоря о транспортном критерии, *транспорт* будет рассматриваться как средство обеспечения повседневных запросов жильцов. Его значение с точки зрения безопасности будет рассмотрено отдельно.

Для того чтобы поселение сохраняло свое единство, не распадаясь на несколько, необходимо чтобы время суточных миграций в нем в одном направлении не превышало двух часов. Это предел того, что может тратиться на транспортные расходы. Желательно его всемерное сокращение, причем время менее 40–50 минут является комфортным. Этому времени будет соответствовать расстояние, зависящее от вида транс-

порта — от 1–2 км при ходьбе пешком до первых сотен километров при использовании вертолета. Таким будет расстояние от жилья до центра населенного пункта, на включенность в жизнь которого претендует владелец.

При этом надо принимать во внимание движение минимум по **двум маршрутам** — к месту узко профессиональной деятельности и к месту социальной презентации, которые часто могут совпадать. Но возможна и их разнесенность. Если речь идет о единичных случаях, то вопрос решается индивидуально, если же это относится к определенной категории жителей, то такое рассогласование приводит к направленным социальным процессам. Так, например, большое число манипуляций с недвижимостью в 70-е гг. было связано с тем, что профессура Петербургского университета стала получать жилье в Старом Петергофе, где осуществлялась ее профессиональная деятельность, притом, что социальная презентация происходила в Санкт-Петербурге, что и привело к ее уходу из университета, обмену жилья (в результате чего университетские дома заселялись совершенно посторонними людьми) и разрушению всей идеи создания университетского городка.

По каждому направлению (к месту профессиональной и к месту социальной активности) должно существовать по крайней мере два транспортно независимых пути. В противном случае иногда возможны непреднамеренные опоздания и неявки, которые приемлемы только в случае их крайней редкости и незначительности. Постоянные маршруты к общественно значимым местам, посещение которых действительно важно для проживающего, должны быть продублированными.

Жилье рассматривается как удобное в транспортном отношении, когда перечисленные условия выполняются для всех членов семьи. В условиях города решения могут быть многообразны. Загородный вариант практически однозначно предполагает наличие личного автотранспорта, включая и автомобиль с шофером для развозки детей.

Качество жилья при этом определяется и **дорожной сетью**. В среднем активной зоной оказывается территория в радиусе 70–80 км. Низкое качество дорог соответственно сужает эту зону и увеличивает время, в итоге понижая качество жилья.

Как говорилось, жилье является высококачественным, если соединено со скоростной магистралью второстепенной небольшой, но высококачественной дорогой. Приближенность к магистрали — фактор, существенно портящий жилье (так испорчено практически все сельское жилье, существовавшее в России до середины XX в., которое в соответствии с обычаями времени должно было выходить на главную дорогу).

Поскольку жилье обсуждаемого класса предполагает наличие личного автотранспорта и автотранспорта для обслуживания такого дома, то вопрос о близком расположении *элементов инфраструктуры* (магазинов, почты, парикмахерской, бытовых ателье, ресторанов и т. п.) не является актуальным. Но даже при самом отлаженном режиме поддержания дома время от времени возникают те или иные отклонения в режиме функционирования его служб, и тогда эти элементы могут оказаться полезными. Поэтому при прочих равных условиях близость подобных элементов является *дополнительным достоинством*. Однако при этом могут возникать и побочные последствия, например понижающие безопасность за счет скопления людей.

Тем не менее существуют некоторые проблемы с доставкой посетителей, не имеющих своего автотранспорта, тогда, когда это нужно (родственников, коллег, друзей), так что может оказаться актуальной близость остановок общественного транспорта или станет необходимой дежурная машина, специально предназначенная для встречи гостей.

Самостоятельной транспортной проблемой является **обеспечение оперативного доступа в дом** лиц, присутствие которых необходимо в экстренных ситуациях. Помимо хорошо известных в этом контексте врача, пожарника и милиционера для жильцов домов обсуждаемого качества это адвокат, нотариус, представитель банка, прокурор, представитель местной администрации и др. Для нормального существования в доме должны быть понятны транспортные возможности каждого из этих лиц или транспортные обязательства жильцов дома перед ними с тем, чтобы обеспечить их прибытие в дом за время от нескольких минут до нескольких десятков минут.

Кроме того, существующие транспортные пути должны обеспечивать и доставку необходимых грузов.

Коммуникационный критерий

Его можно было бы рассматривать и как компонент **инженерного** критерия, и как **транспортного**, однако значимость информационных каналов требует выделить его в отдельный критерий.

Нынешнее положение дел таково, что разделять **каналы общего, профессионального и рекреационного назначения** нецелесообразно (в особенности при обсуждении пользователей рассматриваемого круга), и все они работают в смешанном режиме.

Речь идет о таких каналах, как городская радиотрансляционная сеть, кабельное, антенное и спутниковое телевидение, телефон (включая факсимильную и факсмодемную связь), связь с международными си-

стемами компьютерных коммуникаций, а также телеграфная и телетайпная связи.

Принципиально подключение ко всем этим видам связи не вызывает затруднений, однако некоторые виды связи могут быть в той или иной местности мало доступными или ненадежными. Так, например, существуют неэлектрифицированные районы России, и там возникают проблемы источников энергии; в некоторых районах даже вблизи Петербурга крайне сложно получить возможность телефонной связи, а имеющаяся является ненадежной и низкокачественной. Существуют и большие проблемы надежности и качества передачи сообщений по электронной почте и факсу. Таким образом, в каждом конкретном месте выбор удовлетворительного набора способов связи представляет собой самостоятельную проблему. При этом все оборудование может и быть в наличии, а реальная связь будет неудовлетворительной.

Нужно отметить и связи внутри дома — домофоны, между охраной и жильцами, переговорные устройства между охранными помещениями, которые образуют локальную сеть разного качества, и т. д.

В результате система связи внутри добротного дома может быть довольно сложной (тем более если она включает и приборы контроля и/или охраны) и может потребовать оборудования и отдельного помещения.

Самостоятельными являются проблемы **коммуникативно-информационной безопасности** — с одной стороны, надежность функционирования каналов связи, с другой — защита их от несанкционированного вмешательства. Кроме того, именно **каналы информации** в первую очередь призваны обеспечить наиболее **оперативную защиту жилища.**

Особо должны быть обеспечены средства **оперативной связи со службами жизнеобеспечения** (врачом, пожарниками, милицией, прокурором, юристом, нотариусом и т. д.).

Критерий безопасности

Угрозы безопасности человеку в его доме могут быть самые разнообразные. Почти всегда некоторые из них оцениваются при оценке качества жилья, другие же не вспоминаются. Однако систематическое рассмотрение проблемы безопасности в доме — задача весьма нетривиальная. Вместе с тем здесь уместно рассматривать именно **специфические проблемы безопасности жилища**, когда источником опасности является либо само жилище и его оборудование, либо, когда речь идет об умышленном и целенаправленном нанесении вреда человеку, находящемуся в этом доме, или самому дому.

Тем не менее при обсуждении безопасности почти всегда вопрос ограничивается проблемами охраны тела и информации, более тонкие аспекты безопасности не рассматривают. Мало того, практически каждый человек с девиантным поведением сам может рассматриваться как источник опасности, а обычные службы безопасности не могут разрабатывать концепцию охраны лица, являющегося виктимной личностью, и т. д. В результате получается, что не охрана подстраивается под человека, а **человек должен приспосабливаться к разрабатываемой схеме охраны**, что нивелирует его личность и существенно понижает творческий потенциал. С особой силой все это проявляется, когда речь идет об охране жилища.

Существующие ситуации угрозы можно описывать в разных аспектах:

— по **прицельности** угрозы, которая может быть *фоновой* и существовать для всех людей, и *прицельной*, когда угроза действительна по отношению к людям определенного типа (например, владеющих какой-то информацией) или же персонально направлена на конкретное лицо;

— по **преднамеренности** угроза может быть *случайной* (техническая неполадка, дорожное происшествие) и *преднамеренной* (специально организованная авария);

— по **времени** угроза может быть *постоянной* (радиация, излучение), *циклической* (сезонные факторы погоды, суточные колебания напряжения) и *временной*;

— по **результатам** угроза может *создавать неудобства* (прекращение подачи воды или электричества на минуты и часы, разрыв связи на то же время — хотя за это время могут пытаться сообщить о готовящемся террористическом акте), *наносить вред* (отключения отопления на часы в холодное время, воды или электричества на сутки), *создавать угрозу жилью и его обитателям* (короткие замыкания);

— по **характеру повреждений** — может существовать *угроза нарушения функционирования* каких-либо систем: они выводятся из строя и разрушаются (водопровод, перегорание проводов), *разрушение других систем* (размыв штукатурки, замыкание электропроводов, сигнализации, телефона из-за протечек), конструкции и части сооружений (размывы, обвалы), возникновение *возможности проникновения посторонних лиц* в жилище, его части или каналы информации.

Средствами противостояния угрозе являются:

— **Ограничение доступа посторонних лиц.** Помимо специализированной охраны этим могут заниматься дворники и местные жители.

— **Ограничение проникновения опасных предметов и веществ** в большой мере может быть автоматизировано специальными датчиками и ап-

паратами. Сюда же следует отнести и средства экологической защиты, очистки, нейтрализации.

— **Обеспечение правил эксплуатации** помещений и отдельных технических систем. При этом актуальна как защита от прекращения функционирования этих систем, так и от вредоносных последствий таких аварий.

Для решения первой задачи важно создание дублирующих и резервных систем жизнеобеспечения, для решения второй задачи нужно умело использовать оптимальное сочетание негорючих, бездымных, тугоплавких, огненераспространяющих и т. д. материалов, контрольного и сигнального оборудования и т. д. Особенно целесообразно использование систем с близкими, но несколько различающимися функциями (силового и бытового электроснабжения, питьевого и технического водоснабжения и т. д.), которые позволяют в экстремальной ситуации использовать какую-то другую систему для обеспечения решения первоочередных задач.

— **Обеспечение удаления отходов деятельности**, в первую очередь пищевых, фекальных, медицинских, ветеринарных и т. п. Отчасти может решаться за счет применения систем регенерации жизненных ресурсов.

Особой проблемой является **защита каналов коммуникации**, их дублированность, возможность использования беспроволочной связи, возможность передачи шифрованной информации и т. д.

Такие же требования должны предъявляться и к **транспорту**, так что наличие резервных дорог и транспортных средств — важный показатель комфортности жилья. При этом для критических ситуаций важно наличие собственной авиации (вертолета), взлетно-посадочных площадок и полос, некоторых средств аэронавигации и ПВО (кстати, всем этим обладали эксперты и консультанты правительства РФ во время августовского путча 1991 г.).

В идеале рассмотренные и подобные им мероприятия должны обеспечить **автономность жизнеобеспечения** рассматриваемого типа жилья.

Вообще, каждый из рассмотренных аспектов качества жилья должен быть проанализирован с точки зрения безопасности.

Так, с позиционной точки зрения опасность представляют места концентрации неизвестных и криминальных элементов (вокзалы, рынки, бани, тюрьмы, отделения милиции), густонаселенные районы города, многоквартирные дома и т. д. Планировочный критерий также очень важен в отношении безопасности — вынесение части инженерных служб за пределы собственно жилой части повышает степень безопасности жилья, наличие черного хода кроме утилитарного удобства повышает

при надлежащей защите и степень безопасности; запутанность планировки помещения может иметь значение для безопасности, как осложняя поиск конкретного лица, так и затрудняя экстренную эвакуацию, и т. д. Оценка степени безопасности жилья — специальная и нетривиальная задача службы безопасности.

При этом с точки зрения безопасности должны рассматриваться и прилегающие к жилищу **территории**, в особенности являющиеся собственностью других проживающих поблизости лиц.

В целом уровень безопасности рассматриваемого типа жилья должен быть таким, чтобы иметь возможность противостоять даже небольшим вооруженным формированиям — бандитским, милицейским, воинским. Последнее может оказаться необходимым для того, чтобы продержаться несколько часов или дней до прибытия войсковых формирований, прокурора или представителей какой-либо другой ветви власти. Все это оказывается нелишним ныне, когда частенько разные ветви власти действуют несогласованно и превышают уровень своих полномочий.

Некоторые же задачи охраны могут решаться только регулярными **войсковыми формированиями**, так что близость охраняемых ими объектов к интересующему объекту недвижимости может при некоторых обстоятельствах придавать последним дополнительную привлекательность.

Критерий автономности

И рассмотренные выше соображения безопасности, и архетипические представления о доме как микрокосме, в котором отображается макрокосм, являются основанием для оценивания жилища и прилегающей территории (включая пейзаж, видимый в окна) как **автономного образования**.[1]

Технически это предусматривает наличие автономных систем жизнеобеспечения (водо-, электро-, теплоснабжения), автономных каналов коммуникации и транспортных систем или по крайней мере авто-

[1] Под автономностью понимается возможность неопределенно долгого осуществления всего цикла повседневной деятельности на фиксированной территории — дома, усадьбы, урочища, населенного пункта, региона, страны и т. д. Чем выше территориальный ранг объекта, тем реже появляется необходимость пересекать его границы, тем более приемлемой оказывается такая необходимость. У каждого человека существует свой набор допустимых частот пересечения границ дома: кто-то не согласен выходить ежедневно даже за пределы своей комнаты, а кто-то раза два в неделю готов бывать в другой стране.

номных систем аварийного дублирования этих элементов инфраструктуры.

Позиционный, архитектурный, художественный аспекты организации жилья и прилегающей территории должны обеспечить существование достаточных для автономного существования эстетических ресурсов. От планировки будет зависеть возможность осуществления всех форм активности в доме.

Критерий автономности должен рассматриваться на нескольких уровнях организации жилья:

— достаточно автономным должен быть каждый жилой блок;

— жилье в целом должно обладать еще более высоким уровнем автономности;

— жилье со всеми хозяйственными помещениями должно иметь еще более высокую автономность;

— зона повседневной активности (в «радиусе» 40 минут) должна обеспечивать полную автономность существования. Потеря автономности на этой территории должна рассматриваться как чрезвычайное обстоятельство, а возможность длительного отсутствия автономности должна рассматриваться как серьезный изъян жилья и значительная угроза безопасности.

С этой точки зрения должен рассматриваться вопрос о персонале, необходимом для поддержания дома, в частности необходимости наличия в штате врача, юриста, педагога и т. д.

Соседи

Отношения соседства — факт, определяющий как высокую привлекательность жилья, так и ограничивающий его пригодность.

Сильным стимулом в выборе жилья является желание иметь определенных соседей:

— **родственников,** проживание которых наиболее привлекательно на «расстоянии» в 15–20 минут;

— **сотрудников** по постоянно выполняемому делу (на сопоставимом расстоянии);

— **лиц**, к соседству с которыми стремятся **из соображений престижности** (это расстояние может быть самым маленьким, вплоть до примыкания владений).

В этих случаях возможны какие-то формы кооперирования соседей.

Обстоятельствами, при которых соседи являются фактором, понижающим качество жилья, являются:

— высокая концентрация соседей;

— наличие у соседей заразных заболеваний;

— низкий или маргинальный социальный статус, делающий поведение таких соседей непредсказуемым или антисоциальным;

— наличие у соседей психических дефектов, увеличивающих опасность их жизнедеятельности для соседей;

— резкое различие представлений о социальных нормативах, определяющее затруднения координации деятельности (вследствие различия национальных, социальных, культурных, профессиональных, сословных и иных нормативов), порождающее конфликты;

— психологическая несовместимость (в особенности женщин);

— несоответствие материальных или иных возможностей статусу занимаемого жилья, приводящее к разрушению инфраструктуры, которой пользуются их соседи.

Реализация отношений соседства в сельском поселении и многоквартирном доме различна, хотя и подчиняется общим закономерностям. В сельском поселении может быть допущена **большая степень варьирования стандартных параметров частной жизни** (например, количества потребляемого тепла или цвета крыши дома), в городском есть больше возможностей проявлять **индивидуальный стиль жизни** (индивидуальные черты суточной активности, количество посетителей дома и особенности поведения членов семьи и т. д.).

В любом случае контингент, живущий в жилье рассматриваемого класса, устанавливает достаточно **большую психологическую дистанцию общения**, не интересуется без специальных (возвышенных или низменных) причин частной жизнью своих соседей и не допускает их в свою жизнь, готов к выполнению бесспорных социальных нормативов и высоко конфликтен при отстаивании своих интересов. Реализации этих установок должна способствовать планировка, звукоизоляция, пространственная организация жилья, организация инфраструктуры.

Вместе с тем прежде всего экономические соображения и соображения безопасности являются основой для **кооперирования с соседями**.

Экономические соображения делают выгодным совместное поддержание большинства инженерных сооружений и каналов коммуникации (кабелей, систем теплоснабжения, дорог и т. д.). Огромные затраты на безопасность могут быть сокращены за счет совместного их покрытия. Однако частой является и ситуация социального паразитизма, когда под прикрытием охраны одного лица, проживающего в данном доме, или организации на прилегающей территории могут существовать и другие лица, не вносящие своей доли расходов на охрану. В этом же источник увеличения некоторых форм риска для обладателя охраны, например, от политического или экономического терроризма. С этой

точки зрения проживание высокопоставленного лица в многоквартирном доме, заселенном лицами иного социального статуса, нецелесообразно.

Наиболее разумным оказывается заселение многоквартирных домов или смежных участков людьми **сопоставимого общественного положения**, причем относящимися к противоборствующим группировкам. В этом случае степень безопасности будет наибольшей — противники будут вынуждены заботиться о безопасности друг друга как части собственной безопасности (эффект кооперативного выживания) и думать об автономности тех систем, которые могут и должны быть изолированными (например, каналах связи). Наибольшую опасность представляют соседи, притязания которых не соответствуют их фактическому статусу (возможность терроризма или вредительства из-за зависти). С другой стороны, размещение в хорошо охраняемом многоквартирном доме не очень состоятельных соседей с удовлетворенными притязаниями может рассматриваться как фактор, повышающий стабильность (например, проживание семьи дворника, сантехника и т. д., для которых это будет эквивалентно очень высокому статусу в своем социальном круге).

Другие критерии. Проблема выбора

Итак, были рассмотрены критерии оценки высококачественного жилья, которые так или иначе используются на рынке недвижимости. Они дают возможность описать, что такое есть высококачественное жилье. Однако это совершенно не означает, что тем самым описано, сколько может стоить конкретный объект недвижимости, за сколько он может быть продан или куплен.

Последнее будет определяться не только ситуацией на рынке недвижимости, но и

— какими-то **особыми свойствами как самого объекта** недвижимости (например, то, что дом полностью построен из немагнитных материалов), так и

— **особыми чертами покупателя** (например, в этом доме могла жить его первая любовь или у покупателя имеется непреодолимая любовь к болотам со стрелолистом, а именно такое болото имеется по соседству).

При этом часть из таких характеристик явно носит типологический характер, хотя конкретный покупатель с соответствующим свойством и может быть большой редкостью (например, сродство к болоту определенного типа), а другие быть сугубо индивидуальными (например, биографическая значимость дома). Могут возникать и какие-то иные обстоятельства, влияющие на притягательность недвижимости или

на ее цену. Оценивать это приходится каждый раз и покупателю, и продавцу, и участвующим в сделке посредникам. Для того чтобы такую оценку сделать достаточно адекватно, нужно достаточно подробно и адекватно описывать каждый конкретный объект недвижимости, для чего необходимо иметь возможность посмотреть на ценностно- и ценообразующие факторы достаточно полно и систематически.

С этой целью можно воспользоваться табл. 1, в которой учтены как вышерассмотренные, так и некоторые другие факторы.

При этом можно отметить следующее.

Наиболее сильны мотивы, определяющие выбор недвижимости индивидуального уровня (хотя за ними при внимательном анализе могут крыться какие-то нетривиальные типологические основания[1]). При этом (если речь не идет о патологии того или иного типа) в наибольшей степени люди готовы добровольно оплачивать свои душевные пристрастия. Именно душевные характеристики недвижимости будут тем, за что в первую очередь готовы платить люди, — будь то действительно особая душевная атмосфера жилища, способствующая творческому процессу, или просто соответствие представлениям о престижном жилье, которые могут быть деструктивными по существу. Если речь не идет о религиозных экстремистах, то духовная выделенность (даже позитивная) жилища будет скорее настораживающим фактором[2], причем для конфессионально определенных лиц осквернённость, нечистота жилища может быть фактором, однозначно определяющим отказ от него. Напротив, разного рода сектантов может привлекать именно мистически выделенное жилье, а если среди них окажутся колдуны или сатанисты, то их могут привлечь наиболее опоганенные места.

С другой стороны, говоря об этом, можно выделить еще одно измерение привлекательности жилья — не только историко-культурная, но и *историко-духовная* его привлекательность. Число высоко привлекательных в этом отношении объектов недвижимости может резко увеличиться ныне на фоне происходящей канонизации российских ново-

[1] Вообще в обсуждаемом контексте очень многие неуниверсальные особенности людей стоит рассматривать как индивидуальные. Как типологические удобно рассматривать только те характеристики (биологические, психические и др.), которые можно отнести к какой-то социальной группе, или по крайней мере к устойчивой группе потребителей недвижимости.

[2] Этому соответствует наличие в жилище, а не в храме, чудотворных или больших богатых *храмовых* икон (ср. проблему смешения дворцовой и домашней живописи — примеч. 1, с. 197).

Таблица 1

Некоторые характеристики высококачественного жилья

Природа характеристики	Уровень рассмотрения		
	универсальный	**типологический**	**индивидуальный**
физико-химическое	фоновая радиоактивность местности, жилища, воды, продуктов, низкие концентрации вредных веществ, и т. д., достаточная защищенность от климатических факторов	жесткость воды, климат, роза ветров, подстилающие горные породы	наличие любимой горной породы, минерала, определенного вида инея и т. п.
биологическое	отсутствие в жилище и среде болезнетворных организмов и их переносчиков, организмов — разрушителей жилья, резервуаров инфекций, неизлечимых болезней и т. д., наличие плодородных почв	отсутствие продуцентов аллергенов, нелюбимых растений и животных, бальнеологический эффект растительности, наличие целебных растений	индивидуальные пристрастия к организмам (как к сирени у Рахманинова) и их отторжения
душевное	отсутствие излишней скученности населения, наличие индивидуальных зон деятельности для каждого из проживающих (включая место для сна, туалета и оправления), коммуникативная оптимальность	социальная, культурная, этническая нормативность жилища и архитектуры, проживание родственных предшественников и соседей	индивидуальные пристрастия к интерьеру, архитектуре и урочищу, ощущение психологического комфорта, совместимости, биографическая значимость
духовное	чистота, святость места	конфессиональная определенность места, наличие знаменательных духовных событий	приуроченность к местам деятельности твоего духовного наставника, любимого святого, место явления любимой чудотворной иконы

мучеников, многие из которых, по обстоятельствам времени, подвизались не только в монастырях.

Так же могут резко отличаться от универсальных и типологических требований к высококачественному жилью запросы больных людей или их родственников. Это может относиться к определенному типу климата и ландшафта, наличию/присутствию водоемов, каких-то ветров, растений, животных и т. д., наличию источников каких-то экзотических продуктов, особой воды. Специфическое значение таких особенностей здоровья может определять очень экзотические требования к характеристикам жилья, причем тяжесть болезненного состояния может диктовать высокую степень исчерпания финансовых ресурсов для его получения.

Наконец, следует отметить и просто факт существования состоятельных **извращенцев**. Тогда при выраженной некрофилии даже высокий радиоактивный фон или отравленность канцерогенами могут оказываться обстоятельством привлекающим, и в таком ландшафте захочется создать дворец. Сюда же можно отнести и дополнительную привлекательность жилья, в котором водятся привидения (на Западе это обычная ситуация). Тогда дома по соседству с бывшей Бутырской тюрьмой (см. раздел «Выбор урочища») могут приобрести дополнительную притягательность.

Рассмотренные и им подобные обстоятельства определяют уже не столько **стоимость жилья**, которая может быть учтена в риелтерских расчетах, сколько мотивировку к приобретению того или иного объекта недвижимости конкретным лицом и степень его готовности оплачивать желаемую или необходимую покупку.

Динамика качества жилья

Как уже упоминалось, качество жилья изменяется со временем. Наиболее очевидно его ухудшение с инженерной точки зрения. Однако такое ухудшение идет не монотонно, и после ремонта или модернизации инженерные качества жилища могут резко повышаться. Точно так же довольно резко меняются и иные характеристики жилья, предсказать характер которых, однако, значительно сложнее. Так, развитие транспорта в последнее столетие резко понизило качество жилья, расположенного непосредственно вблизи дорог, сделав более привлекательным жилье, выходящее во дворы-колодцы. Подобным же образом продуваемость Петербурга, бывшая его недостатком на протяжение двух столетий, обернулась достоинством, когда развитие промышленности в подобных городах стало источником постоянного смога, и т. д. Существу-

ют и еще более сложные влияния общекультурных процессов на представления о качестве жилья. Так, в течение XX в. произошла смена отношения к загару, обнажению тела. Это определило повышение привлекательности жилых помещений разного назначения южной экспозиции.

С другой стороны, есть какие-то мелкие по существу, но оказывающиеся очень значительными на практике изменения отношения к тем или иным факторам жилья. Так, на фоне упоминавшегося предпочтительного отношения к жилью, выходящему на улицу, уже с конца XIX в. в России начинает очень высоко цениться новое жилье в дворовых флигелях, построенных в стиле модерн. Его качество порой значительно выше выходящих на улицу «парадных» уличных корпусов XVIII или первой половины XIX в. В советское время этому долгое время не уделялось вообще внимания, а с 60-х гг. вход со двора стал рассматриваться как существенный дефект по соображениям безопасности. Особую актуальность эта характеристика получила ныне. Однако в случае нормальной работы дворника, наличия хотя бы консьержки, не говоря уже о специальной охране, эта характеристика оказывается вообще не имеющей значения, т. е. эта характеристика нерелевантна при оценке высококачественного жилья (в особенности если как-то дизайнерски обыграть вход в великолепную квартиру с черной лестницы), а если она принимается во внимание, то это является указанием на то, что речь идет о жилье низкого качества. Другое дело, что имеющееся жилье может быть потенциально перестроено в высококачественное, но это потребует ощутимых ЗВАЭ. Но если планку поднимать еще выше, тогда вообще все жилье, в которое имеется вход с непарадной лестницы, со двора и т. д., должно быть признано неудовлетворительным. Далее можно обсуждать наличие парадного и черного ходов (и соответственно лестниц) как непременную характеристику высококачественного жилья и т. д. Но уже в этом случае окажется, что (в особенности имея в виду размер, количество и состояние квартир с двумя входами в российских столицах) платежеспособного спроса на такое жилье нет. Однако со временем все может измениться. Время, необходимое для таких изменений, может измеряться от нескольких лет до нескольких десятков или даже сотен лет. Точно так же дефектность с течением времени может квалифицироваться от небольшого недостатка (отсутствие входа с традиционной парадной лестницы) до практически полного обесценивания жилья (например, бельэтаж на современном Невском проспекте вблизи Московского вокзала).

От умения хозяев и риелтеров предвидеть подобные изменения будет зависеть характер деятельности на рынке недвижимости. Умение предугадать тенденции в целом, предсказать положение на рынке недвижи-

мости через какое-то время чрезвычайно важно в политическом отношении — от этого будет зависеть уровень социальной напряженности, представление о том, какое распределение недвижимости является справедливым, а какое — нет, представление о легитимности владения тем или иным жильем и т. д.

Некоторые итоги

Прежде всего сформулированные критерии в большой мере являются **взаимопротиворечивыми**, что позволяет утверждать, что в России жилья очень высокого качества (не говоря уже о дворцовых вариантах) практически не существует, хотя существует большое разнообразие жилья, привлекательного в тех или иных отношениях. Складывание **рынка высококачественного жилья** в настоящее время выглядит как **относящееся к далекому будущему**.

Высокопривлекательное, более или менее интегрально дорогостоящее жилье в России в десятки и сотни раз отличается по реальной цене от того, которое создается для массового потребителя. По мере стабилизации общественно-политической ситуации в России этот разрыв в стоимости высококачественного и массового жилья будет возрастать. При этом надо иметь в виду, что оценка качества относится к жилью в целом, безотносительно к плотности его заселения (по крайней мере введение таких нормативов для высококачественного жилья бессмысленно).[1]

Тем не менее ныне существует фактически непрерывная шкала перехода от высококачественного к массовому жилью через различные компромиссные варианты — адаптацию жилья с дефектами планировки к жизни одиноких состоятельных людей, в том числе к временному их проживанию, использование высококачественного жилья в неудовлетворительном инженерном состоянии и т. д. Есть основания ожидать, что в дальнейшем эта шкала окажется более дискретной за счет более четкой социальной маркированности жилья определенного качества.

Далее надо зафиксировать существование большого количества жилья с резко различной оценкой по разным критериям.

Прежде всего будет выделяться жилье с очень высокими позиционными и архитектурно-художественными (которые в прошлом практически всегда совпадали) и низкими инженерными характеристиками. Такое жилье нуждается в срочном серьезном ремонте и модернизации.

[1] Такое жилье может быть перенаселенным, что не понижает его качества. Однако начиная с какого-то уровня перенаселенности оно становится просто неприемлемым для потребителей высококачественного жилья.

Предоставив решение этих проблем рынку, в ближайшее время можно ожидать, что эти объекты недвижимости вовсе могут исчезнуть или же они будут принадлежать иностранным гражданам (ср. ситуацию с обширной иностранной собственностью в Иерусалиме, возникшую в силу сходных причин). Это уже важная проблема национальной безопасности (из чего не следует способ ее разрешения).

Отсутствие государственной помощи и регулирования в этой области может создать большие проблемы в будущем, в условиях стабилизации, когда отечественные политики, предприниматели, деятели науки и культуры окажутся не имеющими доступа к такому жилью (мировой же опыт показывает, что именно эти социальные группы претендуют на него).

Далее следует отметить отсутствие межрегионального рынка жилья, несоизмеримость региональных и межнациональных критериев его качества. Вместе с тем единичные наиболее привлекательные объекты жилья ныне являются достоянием не национального (которого нет), а мирового рынка, что нельзя считать нормальным. Через собственно рыночные механизмы такая ситуация отрегулирована быть не может, а складывающееся положение дел характерно для неоколониализма.

Наконец, надо отметить нецивилизованность рынка жилья — отсутствие ныне дифференцированной системы оценки качества жилья, неквалифицированность покупателей, да и продавцов (если последние не являются просто жуликами). Так, часть высококачественного жилья расположена в области экологических бедствий, плачевна в инженерном отношении, находится на спорных территориях и т. д. Неквалифицированные покупатели практически наверняка неадекватно оценят подобное жилье.

Отчасти это является следствием отсутствия в советское время представлений о том, что значит «жить по средствам», что каждая вещь предполагает включение в определенный образ жизни. Поэтому возможны ситуации, когда высоко будет оцениваться аляповатый особняк с большим количеством золота и не пользоваться спросом дом в уникальном урочище. Переоценка таких объектов в не очень отдаленном будущем неизбежна.

Другой стороной незрелости рынка недвижимости является отсутствие у потребителей представлений о том, что чего стоит. Так, нынешний удачливый предприниматель с бешеными деньгами с трудом может оценить, что ему дешевле и удобнее — иметь приходящий обслуживающий персонал (шоферов, домработницу, кухарку и т. д.) или живущий в доме, и тогда планировать для них жилое помещение, иметь штат домработниц или обзавестись большим количеством домашней техники и свести штат до минимума и т. д. Точно так же мало кто

может оценить, что чего стоит — стоит с учетом стоимости покупки, ЗВАЭ, эксплуатационных затрат, не могут оценить, в какой мере они смогут этим воспользоваться, став немощными, разорившись, занявшись другой деятельностью. Практически не оценивается жилье с точки зрения возможности передачи его по наследству.

Мало кто в итоге может сказать, что стоит каждый компонент комфортности жилья, еще меньше тех, кто представляет, за счет каких средств он собирается оплачивать каждый из них в ближайшие несколько десятков лет. О судьбе «вишневых садов» или послевоенных генеральских дач в связи с этим мало кто задумывается...

Нет теперь и устоявшихся групповых представлений о том, как рационально осуществлять выбор в подобных ситуациях, нет и руководств по выбору жилья с учетом этих соображений. Наконец, совершенно социально не осмыслено, что для определенной категории состоятельных людей вообще целесообразно арендовать недвижимость или же постоянно жить в гостиницах.

Поэтому смело можно утверждать, что из того, что сейчас будет скуплено и построено, определенное количество объектов недвижимости вновь окажется на рынке после того, как положение дел с использованием высококачественного жилья окажется более реалистичным. Так или иначе, осознание критериев оценки высококачественного жилья ныне в России только начинается, а без него каждый объект оценивается штучно, всегда ad hoc и очень часто абсолютно неосновательно.

При этом можно утверждать, что в итоге должна сложиться приблизительно следующая иерархия критериев оценки жилья в рамках типологического подхода (в порядке убывания значимости):

1. Позиционный критерий (включая позицию в урочище и положение в строении).
2. Историко-культурный критерий.

Это те две характеристики жилья, которые нельзя компенсировать никакими деньгами, если только в рассматриваемых отношениях недвижимость не является малоценной.

3. Архитектурный критерий.
4. Художественный критерий.

Эти характеристики жилья могут быть существенно улучшены посредством разумного вложения весьма значительных средств.

5. Экологический критерий.

Ныне потребители жилья явно недооценивают роль состояния окружающей среды в оценке качества жилья. Со временем неизбежно она будет оценена адекватно, что приведет к резкому падению стоимости недвижимости.

К этой же группе по актуальности следует отнести и критерий безопасности (если речь идет не просто о состоятельном человеке, а о человеке, занимающемся редкими видами деятельности, притом, что безопасность не сводится к телохранительству) и соседей.

Остальные критерии, в сущности, к оценке качества *дорогого* жилья как объекта недвижимости отношения не имеют — все оцениваемые на их основании характеристики могут быть изменены, причем обычно на основании стандартных приемов. В конечном счете все это влияет только на величину ЗВАЭ, хотя в итоге и может ощутимо влиять на рыночную СЖ (в случае низкого спроса на жилье данного класса). Тем не менее ныне на третье место — после позиционного и историко-культурного — выдвигается инженерный критерий, что свидетельствует об отношении к дорогому жилью как к дешевому (указывает на неквалифицированность покупателей).

Заключение. Некоторые эмпирические наблюдения

На первый взгляд кажется, что описываемая ситуация плохо согласуется с ныне складывающейся реальной ситуацией на рынке недвижимости. Однако представляется, что так и должно быть.

Прежде всего следует отметить, что в начале 90-х гг. были **сняты только «сливки» на рынке недвижимости**. Конечно, лучшие объекты ушли, но лишь те, ценность которых тривиальна. Некоторые нетривиальные объекты даже не попали в поле зрения риелтеров.

С другой стороны, некоторые объекты недвижимости были приобретены как претендующие на то, чтобы являться дорогостоящим жильем (по соответствующим ценам), а по сути таковым не являются и перестанут быть таковыми в ближайшее время (попадут в зоны военных действий, окажутся на спорных территориях или в зонах экологических бедствий, окажутся труднодоступными в транспортном отношении или, наоборот, в непосредственной близости от оживленных магистралей, окажутся изолированными центрами притяжения криминальных элементов и т. д.). Все подобные сделки были сделаны «с кондачка», без внимательного анализа ценообразующих факторов. В результате некоторые владельцы очень дорогой недвижимости уже хотят от нее избавиться, но не могут сделать это по достойной цене.

Во-вторых, представляется **совершенно неизбежной смена собственников дорогой недвижимости**, более того, такие собственники в ближайшие годы должны смениться два-три раза.

Этот процесс впереди, и к нему нужно быть концептуально готовыми. Иначе неизбежно повторение ситуаций, характерных для начала операций с недвижимостью:

— приобретение недвижимости лицом, которое не имеет средств на:
  - ЗВАЭ, что ведет к деградации недвижимости (начатые, но незаконченные капитальные ремонты, в особенности приводящие только к тому, что стены сооружений длительное время стоят под снегом и дождем, ремонты интерьеров с понижением их художественной ценности или с использованием экологически опасных материалов);
  - эксплуатационные расходы, в результате чего сначала жилье запускается, теряет свои инженерные и художественные достоинства, а потом продается по низкой цене;
— приобретение недвижимости лицом, которое не в состоянии — в силу необразованности или ввиду особенностей личности — адекватно воспользоваться приобретенным жильем, в итоге чего оно начинает либо использовать жилье или его части не по назначению (попадая в глупое положение и становясь объектом насмешек), либо избавляется от этого жилья.

В итоге подобного рода процессов может даже сформироваться особая группа объектов дорогой недвижимости, которые будут постоянно фигурировать на рынке жилья, но жильем[1] по сути не являться, будучи лишь ценностью на рынке.

Поэтому и нужен принципиальный разговор о стоимости жилья. В чем-то даже лучше вести принципиальный разговор о стоимости жилья на фоне нынешней пересыщенности рынка недвижимости. Если произойдет прояснение политической ситуации и будут приняты соответствую-

[1] В связи с этим следует заметить, что вообще понимается под домом и жилищем. *Дом* — место, которое позволяет организовать *быт* человека, обычно — семьи. *Жилище* (жилье) принципиально ориентировано на *обиход*, в котором отсутствуют духовные, а иногда и какие-то душевные компоненты. Обиход характерен для одинокого человека или какой-то профессиональной или социальной общины. *Жилая площадь*, кров дают возможность удовлетворять только социальные и биологические потребности человека, отношение к нему полностью лежит в логике услуги. Еще более бедны, по сути, *пристанище* или *приют*, которые решают еще более узкий класс жизненных задач. Очевидно, что дорогостоящее жилье может использоваться только для создания дома или жилища (второе может потребоваться, например, для жизни ролевой семьи со значительной социально-психологической дистанцией между ее членами). Вместе с тем дом, жилище требуют значительного времени для своего создания, которое ощутимо больше, чем время создания жилой площади или пристанища. В связи с этим сакраментально то, что все время существования в России легального рынка недвижимости меньше, чем время, необходимое на создание дома. Вместе с тем за это время недвижимость, подходящая для создания дома, успела порой несколько раз сменить своего владельца.

щие законодательные акты, положение дел может довольно быстро измениться и к нему надо быть лучше готовым с принципиальной точки зрения.

В-третьих, очень важно зафиксировать факт **отсутствия достаточного числа квалифицированных и реалистичных потребителей подобного жилья** (которые не будут заменять лепку подвесными потолками, действительно будут работать в кабинете и уметь обедать в столовой, а не на кухне, не рассуждая о том, что русской традицией является тяга к разговорам на кухне). В этом источник и неизбежности смены собственников, и того, что значительная часть новостроя не введена в эксплуатацию, и того, что не закончены грандиозные реконструкции квартир в старом фонде. Отчасти прорыву в этой области опять же может содействовать изменение законодательной базы, которое может быть осуществлено довольно быстро.

В-четвертых, одним из проявлений неквалифицированности потребителей является то, что они **ориентируются на устаревшие критерии качества жилья**. Так, эпизодические наблюдения автора над строительством домов в сельской местности обнаруживают, что строительство обсуждаемого жилья действительно идет в тех местах, которые были чрезвычайно привлекательны лет 20–40 назад, но сейчас эти места не удовлетворяют критериям безопасности, административной стабильности, экологического благополучия, транспортному критерию. Это определяет то, что не только старое жилье резко противоречиво оценивается по разным критериям, но и создается новое подобное жилье. В этом еще одна причина предстоящей динамизации рынка недвижимости.

В-пятых, к числу недостатков рынка недвижимости нужно отнести и то, что **малое число риелтеров, работающих с данным сектором рынка, занимается игрой на понижение**, что в создавшейся ситуации было бы осмысленно. Но для этого опять же нужны принципиальные подходы к оценке качества жилья.

В-шестых, практически **риелтеры ориентируются на стабильность геополитической ситуации**. Вместе с тем она меняется. Наиболее динамичными ныне в этом отношении являются Карельский перешеек, Кавказ и Прикавказье, Калининградская область, Приморский край, Камчатка и Курилы, Тува. При этом судьбы недвижимости будут определяться в том числе и политической волей центральных властей — будут ли они намерены оставлять после себя цветущий край или позволят отделяться только предварительно разрушенным территориям.

Все это позволяет утверждать, что **расхождение предлагаемого здесь принципиального рассмотрения ситуации и текущей практики является неизбежным**. Принципиальная оценка необходима для долгосрочной игры на рынке, формирования культуры собственников и риелтеров, развития архитектурной мысли.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСЕЛЕНИЯ[1]

Пространственная организация города и поселений других типов характеризуется весьма высокой и разнокачественной многомерностью. Некоторые локусы этого пространства вообще таковыми считаться не могут, так как лишены метрической структуры, хотя и обладают смысловой определенностью, т. е. они являются местами в точном смысле слова и их отношения задаются иными типами порядка (Чебанов, 1984).

Географическое пространство — один из многих ныне существующих образов пространства (наряду с математическим, физическим, психологическим и т. д.).

Географическое пространство характеризуется тем, что свойства его участка (локуса) зависят от положения участка на поверхности Земли (позиционный принцип как база географии). Все закономерности, которые связаны с положением объекта на поверхности Земли, могут быть предметом географии.

Не вдаваясь в более детальное рассмотрение, можно выделить три типа географических пространств.

Пространство научной географии (географическое пространство в узком смысле) строится на строгих научных основаниях, оно объективно и имеет один и тот же смысл для разных географически образованных людей независимо от места их рождения, проживания и имеющегося опыта. Географическое пространство представляется как сплошное, т. е. оно заполняет всю рассматриваемую территорию.

Постижение такого пространства предполагает длительное погружение в профессионально организованное мышление, что доступно, вообще говоря, только человеку, имеющему необходимую для этого предварительную подготовку.

---

[1] Подготовлено по предложению Л. Ф. Чертова в 1996 г. (Географические типы пространственной организации поселения. Человек и город. Пространства, формы, смысл. СПб, Женева, Салоники, Екатеринбург: Архитектон, 1998. Т. II. С. 89—98) на основании Материалов к книге «География Северо-Запада России и Санкт-Петербурга. Учебное пособие для 9 класса общеобразовательной школы» (см. Прил. к данному тому).

По своему онтологическому статусу пространству научной географии соответствует временная организация научной истории. Именно события такой истории имеют привязку к пространству научной географии. Поэтому когда далее будет идти речь о пространстве научной географии, то под этим будет пониматься пространственно-временная организация, описываемая научной географией и историей.

Пространство культурного сознания заполнено географическими объектами, факт существования которых очевиден носителям данной культуры. Таковы будут легендарные град Китеж, страна Шамбала, страна Швамбрания или страна Оз. Это пространство всегда фрагментарно, поскольку культура наполняет смыслом только лишь определенные фрагменты территории, а между ними находится нечто нейтральное или не освоенное в культурном отношении.

Компонентом культурного сознания является и культурный образ истории, который может довольно сильно отличаться от истории научной. Показательным примером может служить историческая география Иерусалима, созданная во времена крестоносцев и практически никак не соотносящаяся с научными представлениями о ней.

Освоение такой географии предполагает обязательную включенность в соответствующую традицию, причем достаточно глубокую. Поэтому это пространство осваивается относительно долго, иногда на протяжении многих поколений.

Существенно, что под культурой здесь понимается общность людей, обладающих общими представлениями о мире. В этом смысле можно говорить о русской культуре, культуре христианского мира, культуре читателей книг Кассиля или Волкова.

Наконец, можно говорить об индивидуальном пространстве обыденной жизни человека. Это будет то пространство, в котором человек осуществляет свои обыденные, повседневные действия, — место, где находится его дом, магазин, школа, автобусная остановка, почта и т. д. Человек отлично ориентируется в этом пространстве, хотя может не знать, как определить стороны света, на какой высоте над уровнем моря он живет, какие тут преобладающие направления ветра и т. д.

Обыденное пространство, как и пространство культуры, пятнисто, однако между отдельными его фрагментами существуют траектории движения, которые также освоены индивидом. Вместе с тем наряду с неосвоенной территорией существуют и неосвоенные связи между известными фрагментами.

Таким образом, пространство обыденной жизни явно не совпадает с пространством географическим. Это становится очевидным, когда нужно рассказать о том, как ориентироваться в этом пространстве другому

человеку. При этом оказывается, что рассказать о том, как и в какой магазин нужно пойти, очень легко домочадцу (хотя он может и не знать географии) причем такому, который даже может не уметь читать, но очень трудно приезжему географу. Тем самым обнаруживается, что ориентация в этом обыденном пространстве определяется объемом опыта совместной деятельности, а не знанием пространства как такового. Поэтому-то представления о пространстве обыденной жизни человека практически не могут передаваться другому человеку.

С перечисленными типами географического пространства в чистом виде приходится сталкиваться довольно редко. Обычно в сознании каждого человека (не географа! У географа то же самое представлено несколько иначе) эти три типа пространства как-то перемешаны.

Так, устройство пространства научной географии предполагает принятие таких элементов культурного пространства Новой Европы, как признание шарообразности Земли, географических полюсов, выделения сторон света и т. д.

Пространство культурного сознания, в свою очередь, привязывается к пространству географическому: град Китеж находится на Руси, маршрут яхты «Дункан» иллюстрируется географическими картами, а место действия произведений А. Грина мы можем представить по используемым в них именам собственным (за что в свое время он подвергался гонениям советскими властями).

По характеру соотношения пространства научной географии и культурного сознания можно выделить несколько типов компонентов.

Во-первых, это могут быть заведомо придуманные объекты типа страны Оз или Швамбрании.

Во-вторых, это легендарные объекты с характеристиками, позволяющими их отнести к определенному классу объектов научной географии (например, «Остров Сокровищ» Стивенсона).

В-третьих, это легендарные объекты с правдоподобной легендой (например, множество деревьев — прежде всего дубов и сосен, посаженных Петром I на территории России). В этом случае в пространстве научной географии имеется объект, существование которого не подлежит сомнению, а вот его свойства могут быть поставлены под вопрос.

В-четвертых, можно говорить о культурно значимых двойниках географических объектов, таких как Небесный Иерусалим или Святая Русь (в священном — сакральном — пространстве, которое по своей сути географически алокативно). Характер соотношения культурного и географического пространства в этом случае весьма сложен.

Можно выделить и другие типы подобного соотношения.

Обыденное пространство еще более причудливо соотносится с географическим и культурным. Так, в традиционной культуре человек обычно хорошо знает стороны света, поскольку они являются элементом сакрального пространства, в котором он осуществляет построение своей духовной жизни. Однако выделение сторон света или выделенных направлений (на Иерусалим, Мекку) может сильно отличаться от географических и сильно различаться от местности к местности.

С другой стороны, коренное население обычно знает направление дорог, причем последние часто даже именуются по городам, в которые они ведут (например, Шлиссельбургский тракт, Нарвское шоссе, Выборгское шоссе и т. д.). Таким образом, люди знают, как ориентированы относительно их места жительства большие, но, подчас сильно удаленные населенные пункты. Относительное же расположение близлежащих мест может быть им неизвестно. Итак, зная, как расположены части его дома относительно сторон света, Иерусалима или крупных городов, человек может не уметь соотнести расположение соседних улиц или деревень.

Поэтому можно сказать, что, ориентируясь в своем крае, человек все время так или иначе соотносит или не соотносит разные пространства, причем характер этого соотношения оказывается разным в зависимости от места и культурно-исторического времени.

Так, в сельской местности индивидуальное пространство теснее привязано к таким элементам географического пространства, как части света, близлежащие моря, крупные озера, пустыни и устойчивые ветры, и т. д. Однако зачастую это направления не собственно географического, а культурного (обычно сакрального) пространства, поэтому они значимы и для города, где имеют чисто символическое, а не практическое (как для сельского хозяйства) значение.

С другой стороны, для целей навигации значимо собственно географическое пространство, и в индивидуальное сознание рыбака могут вписываться какие-то элементы собственно географического пространства (сезонное и суточное расположение светил, особенности рельефа, очертания возвышенностей и т. д.).

Обычно чем более культурно освоена местность, чем дольше в ней жили люди и чем глубже историческая память населения, тем более причудливо и сложно переплетаются три разных аспекта пространственной организации. Поэтому, к примеру, весьма запутанной будет пространственная организация Северо-Запада России, на котором находятся центр формирования Древнерусского государства (Новгородская Русь), несколько крупных культурных центров (Новгород, Псков, Вологда, Архангельск, Мурманск) и Санкт-Петербург — один из крупнейших городов мира.

Коль скоро оказывается возможным говорить о разных типах пространства и способах их соединения, то возникает вопрос о том, в каком же из этих пространств живет конкретный человеческий индивид. Такая постановка вопроса требует разговора о пространственном сознании индивида или их общности.

В таком случае можно говорить о структуре пространственного сознания. Очевидно, что в разных его типах будут доминировать те или иные из рассмотренных типов пространств. Тогда можно говорить соответственно о научно-географическом, культурном (в том числе сакральном) и обыденном типе пространственного сознания.

Естественно, что профессиональным географам и академически образованным жителям крупных населенных пунктов свойственно географическое пространственное сознание, в которое тем не менее вплетаются элементы культурного и обыденного сознания.

Стабильность географического пространственного сознания поддерживается профессиональным сообществом географов. Его может поддерживать и отдельно взятый академически образованный человек, способный удерживать заданный культурный стандарт.

Большинство носителей обыденного географического сознания, как говорилось, удерживают его в определенном смысле не благодаря индивидуальным усилиям, а благодаря совместному практическому опыту. Эти структуры пространственного сознания свойственны большинству населения данной местности, и они постоянно используются в повседневной практической деятельности.

Это сознание может включать в себя и такие элементы, как Поповы залоги, участок купца Поцелуева, Бежин луг и т. д. Эти элементы его обыденного географического сознания могут стать элементами культурного пространства, причем разными путями. Так, участок мотивирует название Поцелуева моста, с которым связывается мощная ассоциативная область в поэтике Петербурга, Бежин луг входит в общенациональное культурное сознание благодаря рассказу Тургенева, а Поповы залоги превращаются в один из участков сенокоса, имеющий особый топоним.

Крайне существенно то, что как географическое сознание, так и его носители являются компонентами каждого из географических пространств, население которого представлено этими носителями.

Обыденное географическое сознание местного населения с легкостью выделяет в освоенном им пространстве отдельные участки, отличающиеся от окружающих, — урочища. Это может быть роща среди луга, долина ручья, берег омута и т. д. Выделение подобных урочищ в природном ландшафте вполне традиционно.

Ныне же становится понятным, что и выделение отдельных местностей в городе есть то же выделение урочищ, но городских. Такими урочищами являются кремль в древнерусских городах, торговая или привокзальная площадь, московские Сокольники или Стрелка Васильевского острова в Санкт-Петербурге (Топоров, 1991).

Будучи выделенным в пространстве обыденном, урочище может быть различено и в сознании географов. Однако последние смогут увидеть урочище в окружающей местности, включить его в какие-то более крупные пространственные образования. Оно же — географическое сознание — сможет вычленить в урочище и какие-то специфические участки и обозначить их. Обыденное же сознание воспринимает урочище как отдельность, не подлежащую более дробному рассмотрению.

Последнее обстоятельство связано с тем, что урочище является единством природной неоднородности местности и ее культурного освоения. Культурное же пространство, как говорилось, характеризуется фрагментарностью, «пятнистостью», что и понятно, поскольку каждый фрагмент культурного пространства должен быть обозначен конкретным названием.

Поэтому деление пространства на урочища не может идти множеством разных способов, которые будут определяться позицией исследователя, а рождаются небольшим числом способов, зафиксированных в сознании местного населения.

Ясно также и то, почему при опоре на обыденное сознание большое внимание уделяется топонимам — в том числе микротопонимам — названиям отдельных камней, деревьев, перекрестков улиц, проходных дворов и т. д. (ср. Пять углов в Петербурге — один из подобных микротопонимов, получивший широкую известность).

Итак, урочища выступают как соединение культурного и природного в обыденных географических представлениях. Именно поэтому урочища могут как быть предметом изучения в научной географии, так и быть значимыми для освоения культурного пространства. Именно поэтому урочища должны быть основной единицей при краеведчески ориентированном изучении региональной географией, причем в тем большей степени, чем более культурно освоена изучаемая местность.

Некоторая совокупность соседствующих урочищ образует то, что представители местного населения обозначают как «родные места», «свои места», «родимая сторонка», наконец, «малая родина». Последнее обстоятельство делает этот крайне неясный объект чрезвычайно важным для воспитания гражданских чувств. Со стороны же эта территория видна как особый уголок страны.

Это та территория, жители которой знакомы с ее основными урочищами и могут оперировать ими на уровне обыденного сознания в повседневной жизни (т. е. без специального инструктажа, проводника, обращения к справочникам и т. д.).

С географической точки зрения это в высшей степени неопределенное образование.

В сельской местности — это территория диаметром 1–2 десятка километров, ограниченная крупными лесными и болотными массивами, реками, дорогами.

В городе это может быть один или несколько кварталов, отделенных от других реками, транспортными магистралями — крупными автострадами, железными дорогами, наземными теплопроводами или линиями метро, пустырями, свалками и т. д., однако абсолютный размер их может быть существенно меньше (до долей километра).

Существенно то, что, будучи нечетким для географа, рассматриваемый тип пространственных образований хорошо различим для обыденного и культурного сознания, коль скоро речь идет об обыденном оперировании с урочищами.

Рассматриваемая пространственная структура может стать очень четко очерченной, если ее границам (чаще — каким-то ее частям) придается административный статус. Так, реки часто бывают границами государств, областей, районов, железные дороги — границами городских районов и т. д.

При этом следует иметь в виду, что правовая и экономическая ситуации, организация транспорта, снабжения и т. п. по разные стороны границы могут весьма различаться и надо помнить, что на территории России в ближайшее время эта тенденция будет только усиливаться.

Важно и то, что малая родина может быть общей для представителей разных этнических групп. При этом обычно разные этнические группы различают одни и те же урочища, но по-разному относятся к ним.

Так, как специфические, в высшей степени священно значимые урочища выступают кладбища. Очевидно, что они хорошо различимы для представителей разных вероисповеданий. Очевидно, что до тех пор, пока представители одного этноса относятся к ним как к святыням, как к тому, осквернение чего недопустимо, на одной и той же территории гармонически существуют представители разных этносов и культур.

Конфликты же начинаются тогда, когда представители одной из этнических групп начинают игнорировать урочища, выделяемые пред-

ставителями другой группы. Чаще всего такое отношение возникает со стороны пришлого населения, которое не желает считаться с существованием сложившихся на данной территории урочищ, начинает разрушать или осквернять их.

Особенно глубокими подобные проблемы оказываются тогда, когда за короткое время происходит полная замена населения и пришлое население начинает игнорировать структуру урочищ, различаемую бывшим местным населением. Это порождает особое этнокультурное состояние всей территории. Таково, к примеру, ныне положение на финских землях Карельского перешейка, завоеванных во время Советско-финской войны. Таковы и механизмы межнациональных конфликтов на территории бСССР, что и порождает проблему наделения особыми правами местного населения. При этом на территории бСССР оконтуриваются пространственные образования, существовавшие еще до включения в состав Московской Руси, каждый уголок страны включается в какое-то более крупное пространственное образование.

Сознание географа может по-разному расчленять то или иное пространство, вычленяя физико-географические, экономо-географические, демографические, этнические или какие-либо иные районы.

Обыденному сознанию, вообще говоря, районирование не свойственно. Тем не менее, путешествуя, его носители какие-то области пространства, прилегающие к их месту жительства, определяют как «уже (еще) дома», а другие — как «не дома». При этом если кто-то из них или их ближайших родственников жил или живет в другой местности, то такое расчленение может касаться нескольких местностей. Наблюдая за такими путевыми замечаниями, и в обыденном сознании можно наметить зачатки выделения районов.

Достаточно определенно районы выделяются в пространстве культурного сознания. Они определяются его историей, характером трудовых навыков населения, его этнической консолидированностью (здесь можно вспомнить и о рассматриваемых Л. Н. Гумилевым (1990) явлениях этнической самоидентификации). Так, местное население Северо-Запада России достаточно определенно самоопределяют себя как поморов, архангелогородцев, вологжан, новгородцев...

Единицами подобного членения пространства являются земли — вологодская земля, архангельская земля, новгородская земля, псковская земля и т. д.

В основе выделения земель лежит прежде всего исторический принцип, хотя фольклор и литература увязывают историю данной земли и склада характера ее жителей и с окружающей природой. Каждой земле свойственны и свои ремесла.

Таким образом, о землях можно говорить как о комплексных районах с определенными природными условиями, населением, его трудовыми навыками и обычаями.

Представление о земле оказывается достаточно плодотворным для решения как исследовательских, так и практических задач. Так, земли лежат в основе формирования политической структуры ФРГ, при разработке конституции 1993 г. активно обсуждался вопрос о том, чтобы земля была основной единицей Российской Федерации (предложение не было принято).

Конечно, определить границы земель не очень просто, хотя даже попытка сделать это оказывается весьма эвристически ценной, так как заставляет человека ответить на многие вопросы, над которыми он обычно не задумывается, принимая существующее положение как нечто само собой разумеющееся. В результате одно размышление над такими сюжетами может снять те или иные геополитические проблемы, преодолеть этнические конфликты, избавить от давления местных авторитетов и т. д.

Характер взаимодействия разных структур географического пространства может быть основой типологии местностей.

Так, для города в целом будет характерно существенное различение указанных трех типов географического пространства. С этой точки зрения Петербург или Киев могут рассматриваться как города в полной мере, притом что они будут различаться довольно сильно по характеру культурного пространства (сакральное пространство Киева более мифологично, в то время как в Петербурге переполнено миражами, идолами и фантомами[1]).

Для сельской местности, напротив, характерно слияние обыденного и культурного пространств, причем компоненты культурного пространства используются для разметки обыденного («он пошел косить на Бесовский бережок»). С пространством научной географии эти пространства не соотносятся вовсе, да и местным населением обычно в принципе не могут быть соотнесены. Подобное соотнесение производится посторонним для местной общины лицом — географом. Последний и может обнаружить при этом стоящие на соседних улицах синагоги, ориентированные на Иерусалим, но смотрящие на разные стороны света. Таким образом, сельскую местность можно довольно полно описать через два типа пространств — нерасчлененное сакрально-обыденное и географическое. Таким образом, различение города и сельской местности можно проводить по числу пространств, необходимых для их представления.

[1] О модулях мнимости см.: *Чебанов С. В.* Социальное воображение и мир мнимости//Социальное воображение. СПб., 2000. С. 63–68; Явь как тип мнимости// ¨. Психотворец. Обыватель. Филозуф. М., 2002. С. 185–199.

Слияние обыденного и сакрального пространств при резком доминировании сакрального характерно для мест, в которых приходится длительное время пребывать людям, ведущим интенсивную, по преимуществу духовную жизнь. Тогда сакральное пространство — то, в котором они пребывают по своей сути, а обыденное — то, в которое они погружены по неизбежности своего телесного естества. Таким будет, к примеру, монастырь. Не случайно поэтому бросается в глаза соседство аскетических наставлений и хозяйственных записей или указаний по врачеванию в монастырских книгах. Примечательна и организация обихода в таких ситуациях — он принципиально завязан на суточный и годовой циклы, что позволяет говорить о наличии явно сельских черт обихода в местах концентрации духовной жизни.

Тем самым такие поселения в еще большей мере наделяются атрибутами сельской жизни. Более того, в заупокойном каноне также говорится об упокоении в небесных **селениях**, а не в небесном **граде** (а может ли вообще существовать городской тип духовности?). В этом контексте вполне естественно замечание В. А. Дымшица (устное сообщение) о том, что Иерусалим, в котором сакральное пространство совпадает с обыденным, представляет собой, по сути, сельское поселение, жители которого возделывают особую сельскохозяйственную культуру — духовность.

Напротив, различенность этих трех пространств в упоминавшихся Петербурге или Киеве поддерживается благодаря наличию большого числа людей, являющихся носителями сознания научного типа. Но это обстоятельство не означает отсутствия в них пространства сакрализованного. Было бы, вообще говоря, очень интересно выявить такие поселения, в которых бы доминировало пространство научной географии. Казалось бы, его можно ожидать в новых научных городках. Но богатство преданий, местных обычаев, к примеру в Новосибирском Академгородке, опровергает такую гипотезу, что и понятно, поскольку творческие натуры проявляются всегда разносторонне, в том числе и порождая фантоматичное пространство.

Резкое же преобладание обыденного географического сознания над другими его типами — ситуация довольно обычная для новых индустриальных поселений на голом месте или при полном забвении его предшествующей истории. Таково характерное состояние провинциального захолустья.

Литература

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990.

Топоров В. Н. Аптекарский остров как городское урочище (общий взгляд)// Ноосфера и художественное творчество. М.: Наука, 1991. С. 200–279.

Чебанов С. В. Представление о форме в естествознании и основания общей морфологии//Orgaanilise vormi teoria. Tartu: TRU, 1984. С. 25–40.

Резюме

Среди многообразия ныне различаемых пространств поселения выделяются географические пространства, свойства конкретных локусов которого определяются их положением. Географическое пространство представлено тремя типами: пространствами научной географии, обыденным и культурным или сакральным. Эти пространства переплетаются и определенным образом взаимодействуют друг с другом. Для городского пространства характерна различенность всех трех пространств (Петербург, Киев), в сельской местности обыденное и сакральное пространство сливаются. На этом основании священные города (Иерусалим) должны рассматриваться как сельские поселения, в которых культивируется духовность.

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МЕСТА В ТЕКСТЕ[1]

Характер представления места в тексте определяется типом используемых семиотических средств (языков в широком смысле).

Смысловые отношения соседств мест в чередах (топосов) передаются в текстах на естественных языках, не содержащих специальных геометрических и метрических характеристик (сакральные, поэтические, беллетристические тексты). Таковы также атласы морфологии (не анатомии) в биологии, схемы морфологических осей, диаграммы цветков, картоиды теоретической географии, детские рисунки без заполнения красками листа, иконы. Все такие способы представления передают места фрагментарно.

Пространственные отношения передаются на всех фотографиях, картах (в том числе апоморфных), в живописи, т. е. изображениях, полностью заполняющих лист и передающих пространство сплошным образом.

Метрические отношения, отражающие геометрию, передаются специальными текстами, неапоморфными картами, специальными типами фотографии. При этом «иконические» языки передают их сплошным образом, а «естественные» — либо фрагментарно, либо гомогенизируя.

Изменение масштаба изображения и подробности описания меняют характер представления топологических отношений (в указанных отношениях).

Идея единства исторического, метафорического, морального и анагогического смыслов сакральных текстов предполагает совпадение топологических, пространственных и геометрических отношений мест.

---

[1] Тезисы, написанные в 1997 г. для конференции по архитектурному пространству в Италии.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОРОДСКИХ ПРОГРАММ[1]

Спецификой принятия городских программ ныне является то, что их утверждение и реализация происходят в условиях жесткого столкновения противоборствующих сил, что делает невозможным использование сложных процедур согласования, достижения компромисса и утверждения решений. Вместе с тем именно такие процедуры необходимы сейчас, так что их разработка и внедрение является актуальнейшей задачей.

Второй проблемой является отсутствие долгосрочной (на 20–50–100 и более лет) экспертизы принимаемых программ (ср. коробовский проект создания площадей при пересечении магистралей города и рек, которые серьезно начали «работать» только в XX в. и ресурс которых исчерпался только в последние 5 лет).

Третьей проблемой является то, что до сих пор программы принимаются как альтернативные, анализируются по одиночке без анализа всего спектра возможностей, взвешивания их достоинств и недостатков и реализации пучка конфликтующих программ, которые, таким образом, способны к автокоррекции.

Четвертой актуальной проблемой является отсутствие анализа предельных вариантов, пределов развития той или иной тенденции — программы по-прежнему принимаются исходя из того, что реально на данный момент, а не исходя из того, что необходимо с учетом имеющихся тенденций развития. Реальные же программы должны формироваться как адаптация предельного варианта к реальным условиям.

Важнейшими дефектами существующей практики формирования программ являются отсутствие рассмотрения бифуркаций и использования техники экстраполяций для описания ситуации за точками фазовых катастроф.

Наконец, программы принимаются в чисто технократической логике, без учета психологического и культурного измерений, что делает необходимым введение гуманитарной экспертизы программ.

Разработка всех этих проблем может быть предметом деятельности группы методологического обеспечения городских программ.

---

[1] Написано в августе 1996 г. для Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЯЗЫКА АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МЕСТНОЙ ВЛАСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА[1]

Язык управленческих документов — традиционный объект злословия людей, обладающих гуманитарной культурой, причем для этого есть серьезные основания. Вместе с тем необходимо и чисто технологическое его совершенствование. Новым для России является и становление публичной политики, которое требует развития и кодификации форм речевого этикета и санкций за его нарушения.

В этих условиях основой кодификации языка управленческих документов является рассмотрение использования языка в типовых ситуациях человеко-машинной коммуникации.

Работа над стандартизацией языка при современном техническом обеспечении (использование сложных программ распознавания образов, программ автоматической обработки текста) отличается тем, что становится актуальной не максимально *возможная*, а оптимально *необходимая* степень стандартизации при вариабельности той части, которую стандартизировать нет необходимости. Более того, наличие неформализованной части документа является предпосылкой для гуманизации управленческого общения.

Гиперсинтаксическое членение документов целесообразно организовывать таким образом, чтобы оно вычленяло те части документа, которые могут быть превращены в бланк с фиксированной формой заполнения, бланк со свободной формой заполнения и неформализованную часть текста. Для обработки каждого из разделов текста могут быть предложены разные типы технологий и разные языковые стандарты.

Оптимальная унификация языка частей документов первого и отчасти второго типов требует изучения структуры и интенсивности их потока. Использование более мощных программ обработки текста позволяет большую часть документов превратить в части второго типа (как грамматически, так и графически).

---

[1] Написано в августе 1996 г. для Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

Широкое использование компьютеров при создании и обработке управленческих документов позволяет сделать эффективный пакет лингвистической обработки документа своего рода программой, обучающей принятому стандарту управленческого языка за счет акцентирования подобной программой отклонений от принятого стандарта обсуждаемого подъязка.

Введение в обсуждаемый стандарт петербургских фразеологизмов, учет особенностей лексики и стиля речевого поведения позволяют использовать предлагаемый стандарт как средство формирования петербургского стиля управленческих документов.

Особое внимание должно быть уделено речевому этикету, который должен как обеспечить формирование чувства собственного достоинства у всех участников коммуникации (которое необходимо для формирования сознательных граждан), так и учитывать статусные, половозрастные, профессиональные и прочие особенности коммуникантов (что возможно обеспечить программными средствами), лишая тем самым документацию удручающего однообразия.

Отдельной проблемой является вопрос квалификации лексики как этикетно неприемлемой и градации степени отклонения от допустимых норм, что является существенным для судопроизводства.

Формирование стилистических и этикетных нормативов языка будет полезным и для становления норм устного публичного общения.

РЕЧЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ С НЕОПРЕДЕЛЕННО-ПЕРЕМЕННЫМ СМЫСЛОМ[1]

В политических, идеологических, пропагандистских, педагогических текстах регулярно используется особый класс фразеологизмов, характеризующихся неопределенным значением, которое жестко приписывается контекстом. Семантически такие слова де-факто пусты, но наличие их в предложении или синтагме как бы придает им дополнительный смысл. При этом прагматика накладывает жесткие запреты на рефлексию такого смысла.

Такие слова являются своего рода *словами-паразитами*, однако если обычные слова-паразиты либо абсолютно бессмысленны, либо придают какие-то дополнительные оттенки эмоциональной окраски (это своего рода междометия), то рассматриваемые слова — это своего рода концептуально-идеологические междометия — с их помощью осуществляется попытка придать тексту содержательную и идейную значительность.

По сути же обычно дело сводится к своего рода неявным тавтологиям, поскольку смысл единиц с неопределенно-переменным значением задается смыслами окружающих их слов. Наиболее простой пример этого клише — «целый ряд». Скажем, если речь идет о ребенке, который пришел в незнакомый ему дом и нашел там сначала одного солдатика, потом другого, потом третьего и т. д. и выстроил их, то он может воскликнуть: «Как их тут много! Ведь это уже целый ряд!» — это будет ситуативно мотивировано. Если же речь идет о каком-нибудь нудном перечислении оправдывающих обстоятельств, то это же выражение будет клишированной тавтологией (ряд не может быть не целым!), призванной подавить адресата значительностью сообщаемого.

Речь идет о выражениях типа: «наша *великая* Родина», «*звериная* жестокость», «*субъективная* точка зрения», «*непредсказуемые* последствия» и т. д.

Характерной чертой выделенных слов является неясность их смысла, неопределенность того, что именно привносится в смысл всего

---

[1] Написано по материалам выступления в Институте национальной модели экономики (декабрь 1997 г.). Опубликовано: ЯЛИК. 1998. № 30. Декабрь. С. 5–6.

выражения данным словом, притом что контекст достаточно точно определяет смысл выражения в целом. Само же такое слово используется не для привнесения в высказывания некоторого дополнительного смысла, а для придания значимости того, что уже выражено другими словами. Однако нет никаких средств уточнить смысл выделенных слов, причем даже в том случае, если они входят в высокоспециализированные или профессиональные терминосистемы. Существование же социокультурного запрета на рефлексию и экспликацию смысла таких лексем приводит к полной неопределенности их значения в подобных ситуациях. Вероятно, можно сказать, что такая лексика не может быть предметом изысканий по семантике, но является предметом только риторики.

Чаще всего подобные единицы входят в состав клишированных выражений, каждое из которых приписывает определенный смысл выделенным словам. Однако смысл этот очень бедный, причем даже в тех случаях, когда речь идет о весьма специализированных выражениях, которые используются как ярлыки (таких, как «субъективный», «социал-дарвинизм», «клерикальный» и т. д.). По сути дела, почти всегда имеет место явная десемантизация слова, в результате которой фиксируется его функция в качестве особого прагматического маркера.

Вместе с тем в некоторых случаях подобные лексемы могут выполнять сходную функцию и в изолированном виде, но в ситуациях, когда ясно их прагматическое значение, когда они являются элементами своего рода культурных кодов (выражения типа «сексизм», «западничество», «фундаментализм» и т. д.).

По-видимому, в любом случае с таким прагматическим маркером связана та или иная, но достаточно сильная эмоциональная оценка.

Функционирование подобного рода единиц характеризуется тем, что лежащая на них риторическая функция может осуществиться только при условии отсутствия экспликации смысла лексемы в соответствующем выражении. Обычно, правда, такая экспликация осуществляется, но не прямыми (например, через описание концептуального значения, определения типа дефиниции), а косвенными средствами — скажем, через явное или неявное помещение в сильно нагруженные коннотативные ряды.

Очень редко по инициативе автора или реципиента может даваться и толкование термина, но обычно крайне расплывчатое и частенько основанное на использовании народных этимологий. Однако в ходе такого дискурса, в особенности если он осуществляется в форме диалога, в любой момент можно нарваться на резкое и грубое прерывание рефлексии с ламентациями на тему о разрушительном ее действии на обсуждаемые смыслы или о недостойном поведении вопрошающего.

Обычно это сопровождается обвинениями вопрошающего во враждебном отношении к группе, использующей это выражение. Такие обвинения могут быть обвинениями в национальной, сословной, профессиональной инородности, измене группе, к которой человек, казалось бы, должен принадлежать. Наоборот, понимание таких речений, умение ими пользоваться, рассматривается как показатель принадлежности к данной группе, а иногда даже как критерий благонадежности. Таковы общие особенности этого класса речевых единиц и их использования.

Теперь можно рассмотреть несколько групп таких единиц.

Первую группу представляют слова ядерной лексики, весьма древние и высокочастотные. Таковыми будут слова типа «великий (-ая, -ое, -ые)», «русский», «материнский», «женский», «отчий», «хороший», «добрый» и т. д. Характерной чертой семантики этой лексики является полная, почти мифологическая неопределенность их семантики. Порой такая семантика находится в прямом противоречии с позитивным знанием. Так, например, любят поговорить о *женской доброте*. Вместе с тем психологические исследования показывают значительно более высокую жестокость женских коллективов по сравнению с мужскими и смешанными. Тем не менее такое позитивное знание *практически никак* не влияет на семантику подобных высказываний.

Иногда разрыв коннотативной сферы подобной лексики и позитивного знания бывает необычайно большим. Так, например, выражение «*звериный*» вообще не эксплицируется, хотя имеет устойчивые отрицательные коннотации. Тем не менее минимальное знакомство с поведением млекопитающих обнаруживает наличие строго регламентированного, в высшей степени «конвенционального» и ритуализированного поведения зверей. Таким образом, поведение зверей значительно менее жестоко, чем поведение человека.

В отношении этой группы лексики можно поставить вопрос — рассматриваемая неопределенность семантики — изначальная ее особенность или же это феномен вторичного семиозиса, когда обычность трафаретных метонимических переносов полностью выхолостило концептуальное значение? Существуют ли среди данной группы лексемы, которые вообще *никогда* не имели фиксированного концептуального значения?

Особо осложняет ответ на этот вопрос то, что значительная часть рассматриваемой лексики связана с универсальными архетипами, а именно им свойственны как неопределенность, так и амбивалентность значений.

Мифологическая, архетипическая фиксация коннотативной сферы определяет положительную окраску лексем, связанных с материнством,

отцовством, женственностью и т. д. Но и здесь возможны, прежде всего когда речь идет о дериватах, семантические прорывы.

Так, современная политическая оппозиция «запускает» выражение «домушники» по отношению к представителям движения «Наш дом Россия». Архетипически позитивно окрашенный корень «*дом*» вводится в негативное коннотативное поле жаргонизма «(вор)-домушник». При этом, однако, срабатывает мифологический по своей природе механизм инверсии двоичных оппозиций, за счет чего негативные коннотации оказываются довольно плотными. Тем не менее никакой экспликации *плохости* «домушников» не дается — это явно слово рассматриваемого типа.

Второй группой таких лексем являются лексемы, прошедшие через период своей истории, когда они имели определенное значение, которое, однако, в той или иной степени ныне утеряно.

Среди таких лексем можно отметить те, которые представляют остатки ныне во многом забытых феноменов культуры. К числу таких лексем можно отнести *юродивый*, *юродство*, *блаженный, оглашенный* (кричит как оглашенный) и т. д. Показательно, что уже в русской культуре XIX в. эти слова имели разный смысл в разных слоях населения — явно осуждающий в образованных и сочувственно-уважительный среди простонародья. Ныне их смысл не ясен почти никому. Тем не менее, окрестив своего оппонента *юродивым*, квалифицировав его поведение как *юродство*, можно эффективно вывести его из общественно значимой деятельности.

Другую группу подобных лексем составляют слова, имеющие (имевшие) на определенном этапе развития своего лексического значения очень специализированные смыслы. Таковы, например, философские категории. Однако в силу возникновения в советское время феномена народного марксизма[1] в обыденной речи появилось множество таких слов — *объективный, субъективный, метафизика, диалектика* и т. д. Такие слова практически лишены какого-то смысла и приобретают его только в зависимости от контекста, ничего не прибавляя к смыслу, а только придавая ему видимость дополнительной основательности. Рассмотрим один такой пример.

Категория *субъекта*, *субъективности* очень дифференцирована в немецкой классической философии. Достаточно явно она представлена и в марксизме (не народном!). При этом диалектика субъективного и объективного предполагает, что объективное всегда дано только в субъективной форме. С этой точки зрения такие квалификации (в полемике), как «Это Ваша субъективная точка зрения!» являются просто тавтологией —

[1] См. наст. изд. С. 511–523.

все точки зрения субъективны, на то они и точки зрения. Другое дело, что субъект — конструкция довольно сложная и надо выяснить, является или нет данный говорящий действительным субъектом.

Но у этой ситуации существует и другая сторона. В посткритической философии стала понятна роль личного опыта, индивидуальных особенностей человека. Для обозначения этого стало использоваться, вслед за М. Полани, понятие «личностного знания». При этом такому знанию дается явно позитивная оценка.

Таким образом, эффект использования описанного типа лексики основан на том, что говорящий, а часто и слушающий — на этом и основан эффект их использования — не понимают *произносимых* слов, а реагируют на них как на указание использовать предписанные модели поведения по отношению к реалиям, обозначенным с помощью этих лексем.

Такое невнимание к смыслу лексем делает возможными разного рода манипуляции с сознанием. В итоге подобным образом можно говорить о чем угодно и оказывается, что при этом совершенно не важен референтный аспект смысла. Так, например, можно устроить кампанию против того, чтобы отдать Японии когда-то принадлежавшие ей «Кукорякские острова», которые ныне стали неотъемлемой частью России. В 70-е гг. автор был свидетелем того, как преподаватель военной подготовки (полковник) на вопрос о том, имеет ли Советский Союз новый вид оружия массового поражения, который получил широкое распространение в странах НАТО, — фенолфталеиновые бомбы, ответил, что Советский Союз, как всякое высокоразвитое государство, такие бомбы имеет. Еще более показателен пример ходившего тогда текста, содержавшего подробное описание купрофитов — организмов, от которых не осталось *никаких* следов. Таким образом, референциальный аспект смысла такой лексики является исчезающе малым.

Наконец, надо внести еще одно уточнение и сказать, чем отличается данный тип лексем от другой лексики с трудно проверяемым смыслом.

Особенность смысла данного типа лексики не в том, что он крайне размыт, не в том, что способы проверки истинности конструируемых с их помощью высказываний чрезвычайно сложны. Такую лексику отличают две черты.

1. Для нее *вообще не существует* когнитивных способов экспликации смысла.

К числу таких способов могли бы относиться:

— экспликация концептуального значения или хотя бы сигнификата;

— требование предварительного изучения фиксированного корпуса текстов или изучения какой-то науки;

— требование пройти через определенное аскетическое послушание;

— требование организовать каким-то определенным образом свою повседневную жизнь (питание, сон, отношения с близкими и т. д.).

Но ничего подобного не делается.

Так или иначе, это такая лексика, для прояснения смысла которой и корректности ее использования вообще не предлагается *никаких оснований.* Вероятно, смысловая нагрузка такой лексики может быть выявлена только путем психолингвистического исследования, когда соответствующие семы будут сконструированы по результатам ассоциативных экспериментов, стилистического анализа и т. д.

Показательна в связи с этим попытка автора прояснить некоторые категории марксизма. Когда у него возникли вопросы в курсе истории КПСС, то преподаватели указали ему, что ответы на свои вопросы он получит в курсе философии, при изучении философии отсылали его к будущим курсам политэкономии, когда же он изучал политэкономию, ему обещали это же объяснить в курсе научного коммунизма. Когда же дело дошло до научного коммунизма, и он повторял свои вопросы, то ответом было: «А что Вы делали раньше? Почему Вы до сих пор этого не знаете? Это все объясняется еще на первом курсе!» Естественно, при этом идет речь о разных преподавателях, но это тем интереснее, поскольку показывает, что такого рода нарушение семантизации применительно к обсуждаемой лексике есть эффект не индивидуального, а *коллективного* сознания.

2. З*апрет на постановку вопроса об экспликации смысла* лексики такого типа — смысл не только не эксплицирован, но запрещено пытаться его эксплицировать.

Обычно же попытки рефлексии смысла такой лексики строго дозированы, а после прохождения какого-то шага рефлексии дискуссия грубо прерывается одним из участников.

Механизмы такого прерывания разнообразны. Если речь идет о попытках прорваться к смыслу такой лексики в обыденной жизни, то можно приобрести репутацию зануды или быть избитым ночным горшком собственной женой (такая история известна в Петербурге в 1960-е гг.). Часто с попытки прояснить, что имеется в виду представителями разных точек зрения, начинаются ссоры во время застолья.

В сфере практической политики довольно часто существует жесткая зависимость между позицией человека в политической иерархии и числом шагов рефлексии, которые ему разрешается сделать в прояснении указанных слов.

Аналогичная ситуация имеет место и в научной иерархии. В науке считается, что самым высоким классом работы является именно про-

яснение смысла фундаментальных понятий, и ученый экстра-класса оставляет после себя не теории и концепции, а вновь проясненные понятия. Именно поэтому считается неприличным обсуждать физикам такие вопросы, как что такое вещество, энергия, пространство, биологу негоже задаваться вопросом, что означает «в процессе эволюции», и т. д. Совсем неприлично обсуждать такие вопросы новичку или даже пожилому младшему научному сотруднику.

При этом оказывается, что один, даже самый крупный ученый в состоянии эксплицировать смысл лишь 2–3 подобных терминов, оставляя вокруг неопределенное число других, не проясненных.

Очень примечательна недавняя история подобной работы с терминами на территории Российской Федерации. Так, в брежневское время какая-либо рефлексия была вообще табуирована. Горбачев попытался прояснить смысл исходных понятий (вспомним его выступление по поводу юбилея Маркса). Началось восхождение к изначально правильным истокам.

Адекватной формой рефлексии для этого оказалась пресс-конференция — но генсеку разрешался только один шаг рефлексии. При этом, отвечая, Горбачев регулярно подменял понятия (например, на вопрос об отношении к коммунизму, рассказывал про социализм), фактически прерывал рефлексию, формально приглашая к ней (например, отказавшись обсуждать пример Финляндии как модели развития какой-либо части СССР, получившей независимость).

Механизм перехода к следующему уровню рефлексии такой лексики дал Съезд народных депутатов. При этом, оказавшись не в состоянии справиться со многими уровнями рефлексии базовых понятий, Горбачев изобрел способ его прерывания путем ссылок на то, что какие-то проекты могут привести к «непредсказуемым последствиям» (новая лексема данного типа). Мастерски прерывал высокие уровни рефлексии процедурными средствами А. Лукьянов.

Образование Российской Федерации привело к распространению высоких уровней рефлексии «государственной» лексики. Это явилось частью процесса деидеологизации. Однако ныне наблюдается тенденция к ограничению подобной рефлексии в областях, связанных с государственной идеей, в особенности в связи с обсуждением того, что может стать национальной идеей. Хорошо то, что пока это осуществляется не полицейскими, а морально-психологическими средствами (обращаться к высоким уровням рефлексии, иметь проясненное сознание и, к примеру, открыто призывать к военному противостоянию с другими культурными регионами в этой сфере считается неприличным). В итоге же использование подобной лексики в общественной жизни ощутимо сократилось.

ПСИХОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОСЛОВНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГЕРМЕНЕВТИК[1]

Герменевтика в том или ином ее варианте — наиболее полное единство теории и практики интерпретационной деятельности, которую интересуют в числе прочего биологические, психологические, социальные, мистические аспекты интерпретации (соответствующие детерминанты порождения *интерпретируемого* и механизмы деятельности *интерпретирующего*).

В зависимости от понимания герменевтики, преобладающего в то или иное время, могут различаться Hermeneutica Sacra, занимающаяся интерпретацией священных текстов, историко-филологическая герменевтика, герменевтика обыденной речи, философская герменевтика, герменевтика конкретных форм деятельности — герменевтика non-fiction.

В поле интересов герменевтики non-fiction оказываются процессы интерпретации деятельности и ее продуктов, в частности текстов (в широком, семиотическом понимании), принятые в той или иной профессиональной, а иногда и сословной среде. Профессиональная сфера может расширяться до сословной или (квази)этической в том случае, если профессиональная деятельность определяет широкий круг особенностей повседневной жизни (ср. крестьяне, чиновники не только как профессиональное, но и как сословное образование; особенности обихода ученых или музыкантов, которые позволяют описывать их в квазиэтнических терминах, и т. д.).

В настоящее время в этнометодологии, психо- и нейролингвистике, этнолингвистике, когнитивной лингвистике, наукометрии, методологии и социологии науки (включая такие направления, как учение о парадигме, представления о методологическом анархизме и множественности онтологий), психологии и исторической психологии (принимая во внимание психологическую типологию, метаблетику или биоисторию) накопился богатый и разнообразный материал, позволяющий говорить о внепрофессиональных детерминантах профессиональной деятельности

---

[1] Материалы к семинарам по герменевтике в Тверском университете и Институте национальной модели экономики в 1998—2001 гг.

(прежде всего науки, философии) и обыденного поведения. Весь этот материал может быть переосмыслен и ассимилирован герменевтикой.

В ряду всех детерминаций автора интересуют психобиологические детерминации: универсальные, типологические и индивидуальные механизмы рецепции и перцепции, характер осмысления мира в зависимости от психосоматической организации человека, типологические особенности восприятия действительности и деятельности в ней и т. д.

Черты психобиологической организации человека детерминируют особенности интерпретационного процесса двумя путями: прямым, влияя на характер протекающих интерпретационных процессов, и косвенным, определяя те или иные черты рецепции, которая предоставляет интерпретатору разный материал для осмысления.

Основным интересом автора является психобиологическая детерминация познавательной деятельности, в первую очередь в биологии.

Очерчиваемая область научных исследований занимается такими проблемами, как влияние принадлежности к тому или иному психологическому типу на характер и результативность профессиональной деятельности, особенности такой деятельности, зависящие от известных психофизиологических механизмов (скажем, влияние развития бифокального зрения и вкусовой рецепции на деятельность картографа в биогеографии), использование субсенсорного восприятия в экспертной деятельности ученых высокого класса и способы ее презентации и трансляции в научном сообществе и т. д.

Особенно примечательны такие ситуации, когда само протекание психобиологических процессов в человеке как исследователе влияет на изучаемые им биологические процессы (ср. историю изучения митогенетических лучей). В широком смысле к этой области относится любое изучение биологии и психологии человека, что требует особых интерпретационных техник.

СОЦИУМ

ПРОГРАММА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕМИНАРА ПО ПРОЕКТУ «ИДЕОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО КОНСОЛИДАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК СОСЛОВИЯ»[1]

В настоящее время в России идет бурный процесс развития предпринимательства. При этом во многом предпринимательские круги имеют криминальную окраску, практически вся предпринимательская деятельность носит сиюминутный характер. Прочно забыты традиции русского предпринимательства, неизвестна его бытовая культура. У большой части предпринимателей существуют серьезные проблемы взаимоотношений со своими близкими, в первую очередь — с детьми.

Представляется, что разрешение всех этих проблем может быть осуществлено только через культурную, идеологическую и бытовую консолидацию предпринимателей как сословия.

Подобная консолидация возможна на основе осознания единства своих групповых интересов — не только профессиональных, но и политических, нравственных, бытовых. Отчасти эти задачи решаются путем создания профессиональных объединений (профсоюзов), отчасти — за счет формирования предпринимательского лобби во властных структурах, отчасти — за счет формирования политических партий.

Вместе с тем все эти образования не решают бытовых и идеологических задач. Среди таковых можно выделить следующие (перечисляются не в порядке их значимости):

— формирование профессиональных достоинства и чести;

— поиск подходящих форм духовной жизни и деятельности (в частности, установление отношений с традиционными религиями и конфессиями);

— формирование специфических сословных эстетических норм;

— оформление сословных представлений о стандарте здоровья и развитие специфических форм рекреационной деятельности, включающей в себя в том числе и специфические формы снятия последствий хронических стрессов;

---

[1] Написано в 1993 г. в процессе работы Философского семинара Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина.

— формирование особого уклада семейной жизни, обеспечивающего в числе прочего возможность передачи дела по наследству и становление династий;

— «отмывание» совести, связанное с преодолением моральных проблем, порождаемых непрестижными способами приобретения начального капитала;

— формирование психологической установки на лидерство в общественно-политическом развитии;

— поиск подобающей сословию формы патриотизма и способа отношения к коллективному прошлому.

Представляется, что в нынешней ситуации, ориентированной на решение только текущих задач, не делается практически никакого вклада в разрешение обсуждаемых проблем. Более того, отчасти вследствие последнего можно утверждать, что практически все нынешние субъекты предпринимательской деятельности уйдут с арены в ближайшее десятилетие.

Таким образом, сформулированные проблемы допустимо осмыслять и решать по крайней мере в масштабе 15–20 лет, а более основательно — на протяжении жизни двух-трех поколений. Поэтому речь идет о том, с чем из последствий нынешней деятельности придется столкнуться внукам и правнукам, и встает вопрос о том, какие способы оказания влияния на состояние сословного сознания этого периода имеются в распоряжении сейчас.

Подобная постановка вопроса предполагает следующее:

1. Описание нынешнего положения дел — социального, экономического, политического, экологического, географического, духовного.

2. Описание того состояния общества и среды его обитания, которое может быть через несколько десятилетий.

3. Знание опыта идеологической консолидации предпринимателей и практики их идеологии — как национального, так и зарубежного.

4. Выявление тех компонентов в современной ситуации, которые имеют шанс сохраниться к обсуждаемому периоду.

5. Описание тех фундаментальных преобразований (катастроф, бифуркаций), которые предстоит пережить обществу на пути рассматриваемых преобразований.

6. Проектное описание желаемого положения дел.

7. Выявление средств воздействия на процессы, пригодных для достижения целей, сформулированных в п. 6.

Работа по осуществлению программы предполагает:

— по п. 1 — аналитические и экспертные исследования или получение (покупку) их результатов у других организаций;

— по п. 2, 4, 6, 7 — деятельность по социальному проектированию, опирающаяся на анализ исторических прецедентов и того в современной ситуации, что может рассматриваться как зародыш проектируемой ситуации;

— по п. 3, отчасти п. 4, — исторические изыскания, в том числе исследования быта и идеологии национального предпринимательства, конкретных родов, их культурной, политической и религиозной активности;

— по п. 5–7 — создание долгосрочных прогнозов (экспертного или интерполяционного типа).

Разработка и реализация данной программы призваны поддержать те процессы современного развития, которые имеют шанс на длительное существование в будущем, помогут избежать хождения по эффективным в настоящем, но бесперспективным путям, а также избежать или цивилизованно преодолеть конфликты, происходящие в процессе преобразования общественно-экономических структур (например, сократить длительность и интенсивность ныне идущих клановых войн за передел собственности).

Программа предполагает экспертизу рассматриваемых тенденций развития с экономической, политической, юридической, военной, экологической, географической, социологической позиций.

ПР И ОРГАНИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ МЕЖДУ ЛИДЕРОМ И РЯДОВЫМИ ЧЛЕНАМИ ГРУППЫ[1]

Идеи данного подхода к ПР были сформированы в начале 2002 г., когда на семинаре «Искусство ПР» директором Российского института ПР Л. Б. Жуковым был поставлен вопрос о том, что происходит в социальном пространстве между политиком и массой. Такая постановка вопроса требует рассмотрения и описания всех тех процессов и вовлеченных в них лиц, которые находятся между политическим лидером и рядовым избирателем. Подобный подход сразу же делает очевидной возможность рассмотрения других примеров коммуникативных сред между лидером и рядовыми членами группы (табл. 2).

Каждая из выделенных коммуникативных сред имеет те или иные особенности и отличается от других тем, какие именно из ее компонентов отрефлективаны. Благодаря разной изученности разных компонентов в разных коммуникативных средах их сопоставление позволяет очертить общую картину их организации.

В ПР-активности во всех коммуникативных средах различимы два компонента:

Первый компонент ПР-активности неотделим от предметно-технологического компонента и органически включен в профессиональную деятельность (активность лидеров в любой сфере деятельности направлена на решение целевой задачи — получение и удержание власти политиком, коммерческий успех в бизнесе, создание новых эстетических эталонов в искусстве, достижение новых результатов в спорте, культивирование почитания определенных качеств в духовной жизни и т. д.). Сам факт достижения/недостижения таких результатов, путь их достижения и личные качества деятеля формируют его репутацию, которая определяет взаимоотношения с коллегами и компетентными партнерами. С точки зрения лингвистической прагматики все это будут прагматические маркеры, не имеющие собственного плана выражения (Чебанов, Мартыненко, 1999).

Владение ценностями соответствующей группы предполагает умение отделять значимое от незначимого. Формируя такой навык у ученика, учитель пропагандирует свои ценности, критикуя или замалчивая цен-

[1] Написано в начале 2004 г. в связи со школой по ПР.

ностную систему своих оппонентов. Еще ярче проявляется подобная сортировка при преподавании курсов истории той или иной деятельности (военного дела, коммерции, церкви, науки и т. д.).

Профессиональная репутация может быть результатом как спонтанного поведения, так и результатом преднамеренного поведения с целью произвести определенный эффект. В первом случае профессиональная репутация и другие компоненты персонального ПР функционируют помимо должностных отношений.

Существует возможность выбора «быть» и «казаться» как основы ПР. Ориентация на «быть» предъявляет более сложные требования к субъекту ПР, однако подобная ПР-активность имеет более длительный отклик.

Ориентация на «казаться» и преднамеренное формирование имиджа допускает возможность привлечения консультантов по ПР, что является предпосылкой институализации ПР как особой деятельности.

Реализация этого компонента ПР предполагает использование оптимально организованных каналов профессиональной коммуникации, оптимизация которых — задача сама по себе в высшей степени нетривиальная.

Второй компонент представляет собой специализированную ПР-активность, которая может осуществляется как смежная деятельность профессионалом в какой-то другой области, но чаще является предметом деятельности профессионалов по ПР. При этом ПР деятельность разворачивается как специализированная институализированная деятельность с собственными должностными отношениями, нарисованная (в смысле В. А. Лефевра) на целевой деятельности обслуживаемой организации.

Этот компонент ПР-активности ориентирован на тех, кто заведомо не обладают полнотой компетенции в области популяризируемой деятельности. Поэтому первой и обязательной задачей этого компонента ПР-активности является представление деятельности в тезаурусе респондента — не только в его языке, но и в его понятийном ряду.

Представление деятельности в тезаурусе респондента является необходимым компонентов любого сколь угодно добросовестного и нейтрального ни к чему не побуждающего ПР. Такой в идеале является любая активность по популяризации всякой деятельности (производства, политики, науки и т. д.). Уже такая ПР-активность обычно требует привлечения профессионалов-коммуникологов — пиарщиков, журналистов, психологов, педагогов и т.д.

Подобный добросовестный и нейтральный ПР необходим для вербовки кадров для возобновления профессионалов (набора в учебные заведения), концентрации средств (финансовых, материальных, технических и т. д.) для осуществления профильной деятельности, представительства интересов профессиональных корпораций в общественных организациях и государственных органах и т. д.

Этот второй компонент ПР-активности может модифицироваться в двух направлениях:

— Ориентация не на «быть», а на «казаться». Презумпцией такой ориентации является расчет на то, что никогда не «вынесут сор из избы» или этого не произойдет по крайней мере до прекращения контакта с партнером.

— Внесение в ПР-активность не только информационных, но и побудительных составляющих, которые, в свою очередь, могут быть построены по типу «быть» и «казаться». Последнему соответствует формирование потребностей, для того чтобы затем предложить средство их удовлетворения.

Конечно, существуют составляющие ПР-активности, которые имеют характер промежуточный между **первым** и **вторым компонентами**. Но эти же компоненты могут быть и неразрывно объединены в тех или иных специализированных формах деятельности.

Так, например, соответствие научной парадигме (в понимании Т. Куна) является тем, что релевантно для ПР-активности как в профессиональной, так и в непрофессиональной среде. При этом сама концепция Т. Куна и его последователей (например, методологический анархизм П. Фейерабенда) вводит компоненты ПР-активности в число широко понимаемых критериев истинности. Также первый и второй компоненты ПР-активности неразделимы в догмате о непогрешимости Папы Римского в делах веры, в представлении о диаконическом служении мирян или в понятии апостольского служения.

При этом:

— Обнаруживается, что практически отсутствуют сколько-либо полные и артикулированные описания подобных взаимодействий.

— В отношении разных сфер деятельности такой подход применим в разной степени (так, из череды примеров табл. 2 выделяются духовная деятельность, наука и техника).

— При рассмотрении и описании выделенных сфер деятельности надо учитывать частое неразличение и ложное представление о науке и технике, рекламе и информации, ПР и рекламе и т. д.

Предложенный материал позволяет сформулировать ряд положений:

— Все указанные типы деятельности могут интерпретироваться как ПР в широком смысле.

— Только деятельность в третьем секторе может рассматриваться как сфера ПР в узком смысле. При этом возникает вопрос о том, как назвать все перечисленные сферы деятельности вместе (найти гипероним).

В любом случае необходимо в исследовательских, учебных и практических целях:

— Артикулировано описать каждый из перечисленных видов деятельности.

— Выявить сходства и различия между выделенными и другими подобными видами деятельности.

— Дать обобщенное описание и категоризацию отдельных блоков этих деятельностей.

Таблица 2

Структура коммуникативных сред

Сфера жизни	**Ведущий**	**Ведомые**	**Ситуации**	**Участники**
Политика	Политический лидер	Электорат	Выборы	Идеологи, имиджмейкеры, финансисты, СМИ, активисты, политиканы, любители, избирательные комиссии, политические партии, профсоюзы, группы поддержки, спонсоры, суды
Бизнес	Хозяин-производитель	Покупатели	Потребление товаров и услуг	Рекламисты, посредники, продавцы — опта и розницы, аналитики рынка, общество потребителей, органы стандартизации, СМИ, банки, склады, логисты, перевозчики, арбитраж
Искусство	Творец (артист, художник, писатель)	Зрители, читатели, слушатели	Посещение концертов, выставок, приобретение произведений искусства, репродукций, аудио- и видеозаписей	Антрепренер, продюсер, банки, спонсоры, меценаты, критики, СМИ, издательства, музеи, театры, выставочные и концертные залы, галерейщики, поклонники, «фанаты», профессиональные гильдии, учебные заведения, торговцы произведениями искусств, книгами, книгоиздатели
Спорт	Спортсмен	Болельщики	Посещение соревнований, покупка символики, клубные мероприятия	Судьи, тренеры, спонсоры, менеджеры, фанаты, спорт. клубы и федерации, политики, бизнесмены, меценаты, производители спортинвентаря, рекламисты, пиарщики, СМИ

Окончание табл. 2

Сфера жизни	**Ведущий**	**Ведомые**	**Ситуации**	**Участники**
Духовная жизнь	Духовный лидер	Последователи	Встречи с лидером, выполнение его воли, создание организаций, жизнь и работа в них	Активисты, молва, СМИ, скептики, иерархи, ересиархи
Наука	Ученый	Научное сообщество	Представление результатов коллегам	Менеджеры, издатели, редакторы, СМИ, политики, меценаты, учебные заведения, военные, промышленность, банки, бизнесмены
Техника	Инженер	Производство	Создание технологий, конструкций, производство, монтаж, эксплуатация, ремонт и демонтаж оборудования	Менеджеры, издатели, бизнесмены, банки, поставщики, смежники, рабочие, техники, хозяева, рекламисты
Общественная детельность (третий сектор)	Активист	Целевая группа	Совместная деятельность	Пиарщики, банки, меценаты, политики, СМИ, группы поддержки, рекламные акции

ПРИВАТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ КАК МЕРОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА[1]

Мне представляется, что одной из чрезвычайно актуальных проблем является проблема того, что люди не умеют выбирать форму общения и дистанцию. В результате получается одно из двух — либо возникает ситуация принципиального разобщения людей и атомизация даже не общества, потому что его давно нет, а каких-то более неопределенных человеческих общностей, а с другой стороны, возникает ситуация «налезания» людей (во внутреннем, психологическом смысле) один на другого и становится невозможным индивидуальное существование. Как мне представляется, решение чрезвычайно многих вопросов сейчас предполагает разрешение вопроса об этой дистанции и проведение четких границ между тем, что является публичным и приватным. Как мне кажется, в начале этого века в нашей стране, как ни в какой другой, эта граница была найдена. В большой мере примером и демонстратором носительства этой границы является Сергей Викторович Мейен.

Я попробую рассмотреть как некоторые вопросы приватности и публичности, так и некоторые проблемы мерономии. Совершенно очевидно, что проведение границы приватности и публичности есть проблема мерономическая, но нетривиально то, что здесь является меронами и какие мероны можно выделять.

Как об исходных и несомненных я буду говорить о тех меронах, которые выделяются в традиционной христианской антропологии (т. е. человеческая плоть как единство души и собственно тела и Дух). Возникает совершенно очевидный вопрос о том, что все это есть некие морфологические мероны, а вот нужно ли вводить мероны функциональные? Это и есть серьезная проблема.

Если действительно следовать тем способам выделения меронов, которые являются матрицей для построения мерономии (т. е. выделять только морфологические гетовские мероны), то тогда и возникают

---

[1] Доклад на совместном заседании Философского семинара Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина и Чтений памяти С. В. Мейена 18.12.1993 в редакции журнала «Знание — сила». Текст подготовлен О. В. Беляковым. Редакция автора. Текст, подготовленный М. Курячей, опубликован: Где граница между публичным и приватным?//Знание — сила. 1994. № 10. С. 31.

потребность и надобность в меронах функциональных или экологических. Но вопрос может быть поставлен и иначе: а может быть, достаточно чистых морфологических меронов, с которыми будут связаны определенные функциональные состояния, т. е. некоторые эпифеномены, и тогда никакие функциональные мероны не нужны?

Вообще говоря, если брать то, что делается в синергетике, то мы имеем дело как раз с такой ситуацией, когда за счет синергетических эффектов порождаются такие эпифеномены, которые невыводимы простыми мерономическими процедурами из этих базовых меронов. Соответственно тогда мерономизировать такие архетипы нужно некоторым антисинергетическим способом, который будет давать принципиально негетовские мероны.

Одна из традиций такого рода подхода связана с Я. фон Икскюллем и его представлениями об умвельтах. Тогда надо мыслить каждый мерон в умвельте. Если мы обращаемся к человеку, то очень точным аналогом и продолжением идеи умвельта будет представление о жизненном мире в понимании Гуссерля. Можно говорить (что будет особенно интересно присутствующему Илье Аркадьевичу Аршавскому) и о близости этого понятия к представлению о хронотопе А. А. Ухтомского.

Тогда можно говорить и о том, что эти антисинергетические мероны предполагают в качестве своей неотъемлемой части и существование соответствующего умвельта мерона, а в качестве последнего соответственно выступает и сам человек. Тогда вопрос сводится к тому, что мы должны на основе этих синергетических подходов искать такие пути, такие ситуации, при которых будут возникать обобщенные умвельты некоторых композиций индивидов.

В соответствии с вышеизложенным проблему приватности и публичности следует корректно определить следующим образом. Существуют: во-первых, сугубо индивидуальный мир, в котором умвельты необобществлены совершенно, во-вторых, приватный мир, в котором происходит обобществление умвельтов с теми людьми, которые рассматриваются как относящиеся к этому кругу, и в-третьих, некий публичный умвельт, который является по крайней мере субкультурой или (чаще) культурой, которая представлена публичной жизнью.

Тогда совершенно очевидным становится то, что в зависимости от масштаба личности человека границы между этими тремя типами умвельтов подвижны, причем можно их так двигать, что индивидуальным станет весь мир, он реально включит в себя всю культуру, а можно, наоборот, сдвигать эту границу так, что все время будет идти процесс опубличивания приватной и индивидуальной жизни.

И здесь возникает одна замечательно интересная проблема, на которую никто не обращает внимание, а точнее, из-за которой, мне кажется, и возникает некоторая путаница.

Освоение внешнего мира, вообще говоря, возможно двумя путями.

Во-первых, путем экстенсиолизации, когда все большая часть мира втягивается в деятельность конкретной персоны, но при этом такой мир начинает экстенсионально описываться, в результате чего те две границы, о которых шла речь (т. е. граница индивидуального и приватного, приватного и публичного), просто распадаются.

Может быть и другой путь, путь проблематизации, который наполняет эти новые втягиваемые сферы проблемами и, наоборот, все время ставит проблему, в том числе и проблему границ между индивидуальным и приватным и приватным и публичным. Таким образом, оказывается возможным удержать эти границы, хотя они оказываются и подвижны.

Мне представляется, что такой путь проблематизации, порождаемый необходимостью рассмотрения разных суперпозиций умвельтов и получаемых в результате этих взаимодействий меронов (в качестве которых выступают личности отдельных людей или какие-то их социальные роли), и является средством удержания этих границ.

Образцы такой проблематизации и демонстрировал Сергей Викторович, о чем, например, рассказывал сегодня Юрий Викторович Чайковский, говоря о его педагогической практике.

К ПРИЧИНАМ АКТУАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ[1]

XX в., в особенности с его середины, ознаменовался сосредоточением внимания самых разных людей на проблеме этнической идентичности, что привело к идее сохранения (там, где он еще есть) или даже возрождения (там, где он исчез) традиционного образа жизни.

Такое положение стало возможным вследствие того, что в этом веке сошлись в одно и то же время некоторые процессы, протекавшие на протяжении предшествующих веков.

Прежде всего такое положение дел является реакцией на игнорирование этнической определенности, которое свойственно новоевропейским гуманизму и научной методологии.

Гуманизм в стиле Ф. Рабле под знаменем освобождения от жесткости канонической организации повседневной жизни и обретения человеком ощущения радости своей телесности, по сути, разрушил вообще какие-либо не зоологические принципы организации человеческого тела (ср. аналогичные процессы в России петровского времени и после социалистической революции, в Средней Азии и русской деревне в 20-е гг. XX в., в Китае времен Культурной революции и т. д.).

Соответственно были уничтожены и традиционные основы организации быта, замененные соображениями здоровья, гигиены, экономии. Однако встал вопрос о том, на какой основе их выбирать. Отсутствие удовлетворительного ответа на этот вопрос запускает моду как механизм временного доминирования какой-то точки зрения (закаливания и борьбы с ним как переохлаждением, худобы и упитанности, полногрудости и плоскогрудости женщин, белокожести и загара, избегания родинок и распространения мушек и т. д.).

Другим последствием активности гуманистов явилась категориальная путаница антропологических представлений. Исключение (концептуальное и/или практическое) из трихотомической схемы христианской антропологии духа привело к торжеству дихотомической схемы, в которой, однако, под именем духа устойчиво стала фигурировать

---

[1] Написано летом 1995 г. в качестве приложения к статье «Рисование как метод преподавания традиции в школе-клубе “Бейт”».

душа. В итоге в секуляризованной культуре место духовной жизни занимает искусство, становящееся идолом. Искусство же конца XIX и XX в. оказывается создаваемым преимущественно маргиналами или даже людьми с психическими расстройствами, становясь тем самым средством распространения психических эпидемий.

Возрождение в числе прочего возрождает и античную оппозицию материального и духовного при безусловной отрицательной оценке первого и положительной второго (притом, что вторым оказывается душевное), что в сочетании с вольно истолкованной христианской аскетикой (которая сама по себе весьма своеобразно преломляет идею преображения плоти через Боговоплощение) формирует идею безбытности, получающую массовое распространение среди интеллектуалов и художников XIX и в особенности XX в. В итоге начинается последовательная борьба с бытом как таковым как с проявлением мещанства и дурновкусия.

Все это приводит к торжеству человеческой гордыни творца, его самочинности. Какие-либо ориентиры, обеспечивающие консолидацию людей, отсутствуют, происходит полная атомизация социума.

Еще в большей мере этому способствует осознание фундаментальности типологических и индивидуальных различий людей, что ярко выражено в мысли Честертона о том, что люди научились не находить общий язык, а разбираться в том, что их различает.

При этом, однако, обнаруживается, что груз монадного существования в состоянии нести лишь немногие — богатыри и светочи, подобные титанам Кватроченто, большинство же погибает от неопределенности такой ситуации, оказывается «без руля и без ветрил», нуждается в каких-либо формах коллективной ответственности.

Такими формами, характерными для XX в., оказались тоталитарные режимы. Однако при этом обнаружилось, что они не оставляют вообще места для какого-либо разнообразия, уничтожая тем самым источники внутреннего развития. Подобный экстремизм и определил скоротечность их существования.

Антиподом подобных гуманистических тенденций явилось декартовское учение о методе. Практически осуществляясь также в рамках дихотомии, оно призвано обнаружить основания выбора из спектра возможных вариантов действия «освобожденного» человека, обеспечить получение аподиктически достоверного универсального, инвариантного к отдельным людям, их группам и целым народам знания. При этом возникает следующая коллизия.

Декартовский метод создавался как инструмент для науки. Последняя, по замыслу ее создателей, имеет довольно узкую сферу примене-

ния и, по сути, базируется на методе моделирования, результаты которого часто онтологизируются. Моделирование же как таковое в силу своей природы несовместимо со сферой обыденности.

Тем не менее становящаяся наука пыталась освоить с помощью научного метода и повседневную жизнь, включая, например, политику и/или этику в духе Спинозы. В лингвистике это привело к созданию универсальных рациональных грамматик в духе грамматики Пор-Рояль. Но рационализм барокко XVII в. уже ограничивает приложения научного метода к сфере обыденности.

Однако Просвещение XVIII в., в большой мере обеспечившее комфортность века XIX, определило проникновение научного метода в сферу обыденного через технику, в том числе бытовую и медицинскую.

В итоге оказалось, что частная жизнь, быт, традиционно бывшие сферой индивидуального творчества в рамках канона, стали областью работы профессионалов. Еще более усугубилась эта ситуация в веке XX, когда получило распространение профессиональное вмешательство в поддержание настроения человека, его психику (прежде всего под влиянием фрейдизма) и сексуальную жизнь, не говоря о психоделической революции последних десятилетий.

Результатом явилось то, что человек оказался полностью погружен в мир безличных технологий — интеллектуальных, промышленных, психологических, сексуальных, а ныне — информационных. Подобное положение дел породило глубокое чувство отчуждения человека от самого себя.

Описанный трагизм человека привел к тому, что уже с конца XIX в. время от времени возникают общественные движения, базирующиеся на мистицизме и иррационализме, за которыми часто следуют идеи шовинизма и национализма, основанные на постулировании существования непостижимой души народа. Во второй половине XX в. получает выраженное распространение антисциентизм.

Подобный антисциентизм, идущий из бытового сознания, вполне понятен — наука ориентирована, «науськана» на новизну, в то время как бытовое сознание принципиально консервативно и бытовой опыт тем ценнее, чем более древняя традиция за ним стоит.

Сама научная методология и история науки тем временем тоже не стоят на месте.

Граница XIX и XX вв. ознаменовалась распространением в физико-математических науках эстетических критериев красоты математического вывода и уравнений, которые оцениваются экспертно, интуитивно, а не алгоритмически. В результате к таким сферам, как обыденность, искусство, политика и экономика (не говоря об области религиозной

жизни, в которой экспертный подход всегда сохранял свое ведущее значение), прибавилась и математика (да и математическое естествознание), выступающая как «царица наук», в которых должен господствовать рациональный научный метод.

Следующий шаг в этом направлении был сделан Геделем, обнаружившим неполноту аксиоматических систем и логическим позитивизмом, показавшим невозможность создания идеального языка науки (исчерпав тем самым пафос грамматики Пор-Рояль). В итоге оказалось, что логически равноценны разные представления о действительности. Это хорошо согласовывается с выработанным физиками принципом дополнительности Бора (официально оформившем капитуляцию науки перед природой, еще ранее выраженную в принципе конкурирующих гипотез Чемберлена) или принципом неопределенности Гейзенберга (в особенности в его копенгагенской трактовке).

В связи с этим возникла проблема поиска иных, вненаучных критериев обоснованности знания. За такими обоснованиями методологи обратились к самим исследователям и их сообществам.

Прежде всего в методологии физики это привело к формированию представлений о научной парадигме как образце профессионального поведения и мышления, который до поры до времени устраивает ученых, а потом надоедает и требует введения новых фундаментальных принципов (в сущности, это экспликация феномена моды в науке) и научных эстафет (в понимании М. А. Розова) как средства трансляции таких представлений через поколения.

Методологический анархизм Фейерабенда отрицает значимость образцов поведения, принятых в научном сообществе или его части, и, по существу, атомизирует это сообщество. Опора на личностное знание (в духе Полани), связанное или с субсенсорным восприятием, или с опытом реализации сложных многопроцедурных манипуляций (неявное знание), укрепляет ту же ориентацию атомизации познавательной деятельности.

На этом фоне метания между универсальным рационализмом, присущим по крайней мере определенным профессиональным группам, и индивидуальным анархизмом выделяются методологические течения, ориентирующиеся на поиск обоснованности знания в этнической определенности.

К их числу относится французская медиевистика, сформировавшая представление о менталитете как нерефлектируемом компоненте мыслительной деятельности, присущей данному народу, или этнометодология Гарфинкеля, пытающаяся выявить особенности познавательной деятельности, свойственные разным национальностям. Аналогичные

задачи решает и лейденовская метаблетика, выявляющая основания научных, философских, политических воззрений в таких явлениях повседневной жизни, как организация семьи, режим дня, питание и т. д.

Таким образом, универсализм инвариантного подхода обернулся осознанием его ограниченности, с одной стороны, и атомизацией общества — с другой, обнаружив полную свою неприменимость в сфере организации обыденной жизни. Это потребовало поиска основания для осуществления повседневной жизни в других сферах, одной из которых оказалось национальное самосознание.

XX в. ознаменовался не только осознанием ограниченности инвариантного подхода, но и осознанием актуальности подхода типологического.

Суть последнего заключается в том, что изменчивость, многообразие начинают рассматриваться как фундаментальные свойства мира, причем они начинает выступать не как нечто мешающее познанию или организации технологии (как это имеет место в подходе инвариантном), а как то, что является дополнительным ресурсом — люди овладевают искусством извлечения пользы из разнообразия.

Этот подход существовал в европейской культуре издавна, хорошо представлен в Средневековье, а в новоевропейскую культуру вошел через описательное естествознание, образцом которого является система животных, растений и минералов К. Линнея, ставшая образцом для подобной деятельности в разных областях вплоть до настоящего времени.

Неприемлемость простых способов упорядочивания больших многообразий определила интерес к историко-генетическим построениям как средству организации материала. Эта тенденция проявилась в создании филогенетических деревьев в биологии и языкознании (в духе Шлейхера), которые повторяют принцип библейских родословий. Издержки такого подхода (такие, как принижение флективными европейцами народов с корнеизолирующими языками или борьба за восстановление исторической справедливости в сфере социальных отношений) в понимании человеческого общества и неразрешимые проблемы, возникающие в познании, определили признание многообразия как фундаментального свойства мира, а соответственно распространение типологического мышления.

Предпосылкой формирования типологического мышления явилось выявление Виндельбандом и Риккертом номотетических и идеографических компонентов знания. Для постижения последних и необходима типология.

Фундаментальность типологии как тотального методологического принципа явно представлена у Вебера. Идеографическое естествозна-

ние XX в., прежде всего биология и геология, другими путями, но тоже приходит к этому выводу. При этом история начинает мыслиться как смена многообразий (Мейен), а вопрос о происхождении многообразия из единообразия заменяется противоположным — о вырождении многообразия в единообразие вследствие каких-то чрезвычайных обстоятельств. При этом как естественнонаучные знания, так и трагический опыт тоталитарных режимов показывают, что с течением времени разнообразие с неизбежностью восстанавливается.

Типологический подход становится необходим там, где приходится сталкиваться с популятивным объектом (в смысле Щедровицкого) — группой сходных индивидуальностей, представляющих собой варианты одного типа.

Особый смысл приобретает типологический подход в области психологии. Осознание многообразия типов психики людей (в духе Юнга) делает очевидным, в частности, необходимость существования субкультур, ориентированных на разные психические способности, а соответственно и существование разных типов экспертной деятельности.

При этом существенно, что речь идет именно о типологическом, а не индивидуальном подходе (который обычно воспринимается как единственный антипод инвариантному). Именно разновидностью типологической определенности и является определенность национальная.

Таким образом, с методологической точки зрения именно типологический подход является адекватным средством когнитивной рефлексии национальной определенности.

В типологическом мышлении находят подобающее место и важные достижения предыдущих эпох.

Так, обнаруживается принципиальное значение представлений Гердера о духе народа, В. фон Гумбольдта о значении языка в формировании культурно-этнической определенности мышления, а в XX в. — этнолингвистики в стиле Боаса и Сепира, включая и гипотезу лингвистической относительности Сепира–Уорфа.

Развитие этнологии, изучение языков американских индейцев и языков народов Африки привели к осознанию самоценности картин мира разных народов. Это способствовало осознанию ограниченности европоцентризма.

Подобные этнолингвистические исследования показали ценность каждого языка, а соответственно и хранящего его этноса как средства представления неповторимой картины мира, каждая из которых не исчерпывает мира, а лишь дополняет другие подобные картины мира. Особо значимыми такие этнические картины мира стали ныне, когда стало понятно, что в число ресурсов, ограничивающих развитие чело-

вечества, входят ресурсы инноваций и разнообразия, в частности разнообразия представлений.

Семиотическая концепция языка и изучение вторичных семиотических систем вскрыли природу культуры как перевода непереводимого (Лотман), что в еще большей мере обнажает ценность картин мира разных народов, базирующихся на многообразии языков.

Указанная ценностная переориентация по отношению к традиционным неевропейским культурам базируется на колоссальном материале, полученном этнологами и лингвистами. Эти же исследования привели к осознанию реальной стоимости кустарных изделий в национальных традициях, что привело как к стимулированию расширения их производства, так и к вовлечению национальных чувств в сферу бизнеса, что, в свою очередь, ведет к усилению национализма.

В итоге казавшиеся универсальными ценности рациональной европейской культуры превратились только в один из вариантов ценностей культур в ряду множества культур неевропейских, что повлекло размывание традиционной европейской иерархии ценностей.

Все это происходило на фоне осознания заката Европы и фактического перемещения основных событий мировой истории в наиболее населенный в мире Азиатско-Тихоокеанский регион. Естественно, что подобное размывание европейских ценностей привело к обнажению традиционных национальных ценностей как в самой Европе, так и в других частях света.

Помимо социокультурной ценности этносов нужно отметить значимость существования этносов как средства сохранения генофонда, поскольку обычное предпочтение внутриэтнических браков приводит к тому, что каждая локальная популяция содержит своеобразный генетический материал.

Осознавшие себя этнические общности в большой мере отождествляют себя с определенной территорией, сохранность которой выступает для них как условие выживания. Умение жить на этой земле порой оказывается средством предотвращения локальных экологических катастроф, хотя иногда именно деятельность местного населения вызывает такие катастрофы (хотя оно в отличие от пришлого готово взять на себя ответственность за это). Тем не менее именно местное население в своем столкновении с пришельцами является той силой, которая сохраняет своеобразие местного ландшафта. Географическое же разнообразие ныне также оказывается дополнительным резервом, специфическим ресурсом.

Все перечисленные обстоятельства являются проявлением того, как в сознании людей происходит переориентация на типологическое от-

ношение к действительности, которое и обнаруживает значимость этнической определенности человеческих единств, пробуждает интерес к традиционным формам жизни.

Но для этого же есть и более простые, историко-политические предпосылки.

Развал колониальных империй поставил вопрос о том, что будет точками кристаллизации местных и региональных политических и экономических элит. Очень часто таким центром оказывается национальный вопрос, что приводит к появлению национальных государств или значительных националистических движений.

В свою очередь, это сопровождалось возрождением национального сознания.

Национальная идея является движущей силой и при переделе мира (включая военный), в том числе и при перераспределении зон национальных интересов.

Акцентуация национального сознания определяется и тем, что его становление происходит в условиях жесткого противостояния европейской культуре по крайней мере в трех ее агрессивных версиях — собственно европейской, российско-советской и североамериканской. Развал стран СЭВ и СССР отчасти ослабил влияние второй из них, обнажив существовавшие на их территории национальные проблемы.

При этом, хотя европейским интеллектуалам понятна необходимость переориентации на типологическое мышление, мировые финансы, экономика, промышленность продолжают развиваться на основе инвариантной идеологии, что создает атмосферу безвыходности. Одной из реакций на нее является актуализация национальных ценностей.

В этом аспекте можно говорить о проявлении национального самосознания как реакции на кажущиеся обывателю неразрешимыми глобальные проблемы, притом что хотя таким людям хочется жить в довольно маленьком мирке, способы организации современной жизни вынуждают их жить на Земле в целом. Реакцией на это и является стремление окунуться в национальную идентичность, резко упростив тем самым структуру окружающего мира, и найти форму коллективной ответственности взамен индивидуальной.

Современный высоко технологизированный мир создает и предпосылки для этого — ныне человечество находится в такой фазе своего развития, когда производство перестает лимитировать социальную жизнь и требует все меньше трудовых ресурсов. Возникает серьезнейшая проблема: чем заниматься высвобождающимся людям? В обсуждаемом контексте одним из ответов может быть: «Реализовывать свой национальный потенциал», тем более что исполнение всех национальных

обычаев дело довольно хлопотное, с трудом подчиняющееся технологизации. Поэтому оно будет занимать заметную долю высвобождающегося времени (ср. ситуацию в Арабских Эмиратах — см. далее).

Стимулируют развитие национального самосознания и нормы международного права — такие, как право наций на самоопределение. Правда, в столкновении с принципом нерушимости границ это создает прецеденты безвыходных международных конфликтов.

Представляется, что такое положение дел связано с одним из характерных типов ложных отождествлений национального сознания.

Этнос характеризуется ощущением этнической идентичности, национальным характером, территорией проживания, языком, религиозной принадлежностью, бытовым укладом, генофондом, культурой. Однако ни один из этих признаков не является необходимым, а этническая определенность детерминируется сочетанием критического числа таких признаков. Миграции, моды, новые технологии и явления культуры могут существенно менять перечисленные характеристики, хотя этническая определенность может сохраняться.

Более того, допустимо, что какой-то признак ныне нерелевантен, однако его релевантность в прошлом оставляет след на состоянии этноса ныне, консолидирует его. Так, западноевропейский суперэтнос консолидируется своим античным и христианским прошлым, что не мешает распространению элементов тюркской культуры или атеизма; для многих народов характерно владение несколькими неродственными языками, соотношение сфер употребления которых различается в разных частях ареала; формы организации проживания лиц разных национальностей на Ближнем Востоке, в Лондоне или США дают примеры того, как национальная жизнь может отправляться не в форме традиционных территориальных государств, а в форме фазовых образований квазигосударственного типа, несколько которых могут сосуществовать на одной территории.

Наконец, в числе факторов становления национального сознания надо выделить и распространение в XX в. геноцида, а точнее этноцида. При этом очевидно, что актуализация национальной идентичности является реакцией на этноцид, выражает стремление противостоять групповому уничтожению.

Эта проблема тесно переплетается с геополитикой в частности с ее демографическими аспектами. Ввиду того что поверхность Земли заселена весьма неравномерно, у народов с растущей численностью появляется желание занять малонаселенные территории, население которых видит в растущих народах своих врагов. Этническое отождествление при этом оказывается наиболее подходящим, что порождает развитие ксенофобии.

При этом надо отметить, однако, что в большой мере национальная идентичность актуализируется в случае физического этноцида, но менее выражена при добровольной или насильственной ассимиляции. Такое положение свидетельствует о том, что этнические процессы не предполагают опоры на рафинированные средства рефлексии.

Итак, можно утверждать, что современный рост национального самосознания, интерес к традиционной культуре определяются тем, что во второй половине XX в. сошлись в одном времени несколько рассмотренных выше процессов:

— распространение гуманизма с его издержками;

— распространение дихотомии в антропологии и подмена духовной жизни душевной;

— тотальная технологизация и деперсонализация жизни, включая бытовую;

— исчерпание плодотворности инвариантного подхода и научного метода и переориентация на подход типологический;

— осознание этнического разнообразия как специфического ресурса;

— кризис европоцентризма;

— региональные экологические катастрофы, инициированные пришлым населением;

— развал колониальных империй;

— необходимость организации жизни большого числа людей «малого объема психики» в глобально организованном мире при высвобождении их из сферы производства;

— становление права на самоопределение;

— развитие массовых коммуникаций, которые способствуют распространению ложных этнических отождествлений;

— распространение этноцида в XX в.

Подобное обострение интереса к традиционной национальной жизни может привести к стремлению сохранить или возродить ее.

Безусловно, это возможно для некоторой части населения. Если речь идет о небольшой его доле, тем более распределенной среди большого числа людей, живущих в соответствии с современным образом жизни массового общества, то особых проблем не возникает (исключая, быть может, только некоторую профанацию традиционных правил — см. далее).

Серьезные же проблемы возникают тогда, когда такой традиционный образ жизни становится свойствен значительной части населения. Примером подобного положения дел могут быть, пожалуй, только Арабские Эмираты с их уникальными условиями.

Более реалистично обсуждать ныне, в условиях массовых миграций и их последствий, сохранение (реставрацию) традиционного национального образа жизни в условиях относительно небольших общин, существующих по соседству с другими подобными общинами.

Поэтому так или иначе надо обсуждать сосуществование национальных общин в условиях мира, который оказался маленьким (идет ли речь о Земном шаре, где должны сосуществовать разные народы, геополитические интересы которых оказались взаимнопересекающимися, или о селе, в котором должны сосуществовать разные национальные общины).

В таком маленьком мире, по-видимому, неизбежен отказ от мононациональных государств, атрибутом которых является территориальная целостность. Национальные государства если и могут существовать, то только как фазовые — всемирные или региональные национальные объединения людей, которые путем той или иной процедуры манифестируют свою принадлежность к такому объединению и считаются с осуществляемым этим объединением легитимным насилием.

По-видимому, в современном мире любое государство, в том числе и государство мононациональное — территориальное или фазовое, может быть только светским, иначе оно оказывается просто церковной организацией (ср. сосуществование Ватикана как теократического государства и Римско-католической церкви).

Согласившись с таким положением дел, приходится признать, что ключевой проблемой оказывается ксенофобия. Дилемма при этом такова — либо национальная замкнутость, чреватая серьезными межнациональными конфликтами, возникновение которых возможно даже из-за случайных обстоятельств, либо высокая этническая толерантность, которая при взаимодействии с соседями всегда чревата фактическим размыванием национальной идентичности. В итоге удержаться на золотой середине могут опять же только титаны, а отнюдь не простые люди, которые более всего и нуждаются в национальной идентичности.

История дает прецеденты такого существования (мусульманские врачи при дворах западноевропейских монархов, христианские чиновники при дворах восточных правителей, татары в России и т. п.). Но история показывает, что

1) такие «равновесные» отношения складываются за несколько столетий и

2) спонтанно развивающийся этнос усваивает все новые фрагменты культуры, так что по прошествии нескольких тысячелетий может не иметь ни одного исходного элемента.

Если этническая идентичность для общества не является самоцелью, вторая ситуация не вызывает никаких напряжений. В противном случае

начинаются фундаменталистские националистические движения, степень абсурдности которых зависит от глубины исторических фантазий. Так, русофилы могут ориентироваться на российский уклад жизни дореволюционного времени, допетровскую Россию или вовсе на Русь до Крещения, возрождая языческие традиции.

В настоящее время проблемы сосуществования разных этносов приходится решать целенаправленно в масштабе десятилетий.

Дополнительным осложняющим обстоятельством является то, что традиционные национальные способы организации дела оказываются лишенными прежнего смысла, поскольку людей окружают совершенно иные вещи, с принципиально иными, порой неизвестными свойствами.

Так, если есть надежда на то, что хороший хозяин может починить телегу или сбрую, то рассчитывать на то, что нынешний глава семьи может разбираться в электронике современного автомобиля, оснований нет. Точно так же если привлечение мужчин к приготовлению пищи у очага ограничивается перегревом гениталий, то при работе с газовой или микроволновой плитой таких ограничений нет.

Подобное изменение свойств вещей не освоено и в сакральном аспекте — так, колбаса, сделанная из продуктов переработки нефти, должна рассматриваться как постная или скоромная пища? Выполнение же традиционных предписаний без учета подобных изменений вещей оказывается просто профанацией этих предписаний. В то же время некоторые свойства вещей, используемых в обиходе, могут быть понятны только профессионалам, причем еще не все из этих свойств изучены (в особенности в отношении отдаленных последствий их использования, что, вообще говоря, находится на грани возможностей науки).

В итоге ситуация оказывается парадоксальной — национальная идентичность, призванная обеспечить групповое выживание обычных людей, может быть ныне адекватно (в том числе без ксенофобии, межнациональных конфликтов и войн) освоена в условиях сосуществования с другими национальными общинами только людьми титанического сознания. Такого же сознания требует и включение в современные глобальные процессы. Ценность национальной идентификации при этом оказывается совершенно иной, и она очевидна только для лиц, чья активность не выходит за пределы национальной общины.

Поэтому и возникает мысль о том, что для обычных людей, вовлеченных в межэтнические взаимодействия, более адекватными могут оказаться какие-то иные способы групповой идентификации — профессиональные (тем более что некоторые профессии приобретают квазиэтнические черты — например, ученые, компьютерщики, деятели кино), социальные, семейные (родовые).

ЛИШЬ ЗВЕНЬЯ В ЦЕПИ, ВЕДУЩЕЙ К КОНЦУ ДЕМОКРАТИИ[1]

Тоталитаризм — неизбежное продолжение демократии, что обесценивает саму демократию; в олигархическом обществе с жесткой социальной структурой тоталитаризм невозможен.

Конечно, демократия оборачивается тоталитаризмом не с механической неизбежностью. Это как с больными кровеносными сосудами: можно погибнуть при малейшей неприятности, но неприятность может и не произойти ни разу в жизни.

В аристократическом обществе статусы в принципе неизменны: можно стать богатым человеком, но аристократом надо только родиться; крестьянин может быть недоволен величиной подати или несправедливостью (жестокостью, не предусмотренной традицией) феодала, но ему в голову не приходит возмущаться тем, что он сам — не феодал. Существует четкая иерархия ценностей, освященная церковью и традицией. Культура ориентирована на воспроизведение, а не на изменение сложившихся социальных форм, что абсолютно не противоречит богатым возможностям внутреннего, личностного развития и самосовершенствования.

Демократия не предполагает жесткого закрепления статуса; его всегда можно изменить. Это порождает релятивизм во всем, представление об относительности любых систем, в том числе и ценностных. Постмодернизм, одно из идеологических выражений демократии, объявляет все ценности, какие только есть на свете, равными, рядоположенными. Разнообразие осознается как фундаментальное явление, меняется представление о происхождении разнообразия и единства, что, в свою очередь, делает тоталитаризм возможным и даже в каком-то смысле неизбежным. То, что он в какой-то стране не случился, — вот это исторический казус, а не наоборот.

Освенцим подорвал веру в иерархию и порядок, заодно и в демократию. Но началось это намного раньше.

Можно вспомнить о том, что с середины XVIII в. центром ориенталистики становится Германия, где есть буддологи, изучается даосизм.

---

[1] Интервью, записанное И. В. Прусс в начале июня 1997 г. Фрагмент опубликован: Знание — сила. 1997. С. 11, 35–36.

На этом материале, по-видимому, европейская мысль начинает осваивать отношение к человеку не на личностном уровне, а как к проявлению коллективного бессознательного, которое в весьма малой степени определяется его личностным, индивидуальным началом.

Демократия ломает социальные перегородки, перемешивает слои и страты, лишает общество ясно выраженной структуры. Возникают довольно большие сгустки аморфной, нестратифицированной человеческой массы. Коллективное бессознательное становится актуальным и выраженным. Возникает потребность его осмыслить и научиться манипулировать им.

Собственно, с этого и начинается тоталитаризм. Почву для его идей, как мне представляется, готовили прежде всего антропософия и теософия. Они возможны только в глубоко секуляризованном обществе, каковым оно и стало благодаря демократии. Достаточно значимой фигурой становится Гурджиев: его рассуждения о психической энергии и сгустках человеческой массы попадают в секуляризованное сознание, и начинается их «расфасовывание» для массовой культуры...

Чем на этом пути Освенцим и ГУЛАГ хуже или лучше хмельнитчины — еврейского геноцида при Богдане Хмельницком? Погромы ожидались и планировались во времена Возрождения, как и геноцид в XX в.: посмотрите на архитектуру еврейских домов — там бывает система подземных ходов как раз на случай погромов.

Община в каждом местечке имела фиксированное число дворов, больше никого поселять нельзя. Но кто-то приезжал, община подавала прошение о расширении, и расширялись таким способом и масштабы погромов. Так что Освенцим и ГУЛАГ не кажутся мне предельной точкой, переломным моментом в истории нашей цивилизации. Люди в состоянии «скушать» и не такое — и жить дальше.

Мне представляется, что самое ужасное в демократии — ее ложь. Нельзя сказать вслух, что молодые люди, отправленные во Вьетнам или в Чечню, — просто пушечное мясо, но можно разрабатывать оружие все большей и большей убойной силы. И так было с самого начала.

У нас есть на эту тему одна семейная история. Моему прадеду известный и почтенный российский политический деятель рассказывал, как теми же методами, какими организовывалось переселение крестьян в Сибирь, можно организовать переселение евреев в Израиль и утопить их там в Мертвом море. Была у него такая мечта. И это было задолго до Освенцима.

А с другой стороны, Германию бомбила Америка, и впечатление это производило ужасающее. Демократическая Америка сделала все последовательнее и методичнее, чем Гитлер и Сталин, вместе взятые.

Любопытное продолжение этого военного искусства — «Война в Заливе», в которой американцы просто закопали в пески целую армию. Это было сделано значительно методичнее и гигиеничнее, чем все, что предпринималось прежде. Хиросима была не так гигиенична, слишком много было технических отходов. С этой точки зрения фашистская и коммунистическая системы оказываются более мягкими, чем демократическая.

Мне представляется, не Освенцим и ГУЛАГ, а студенческая революция 1968 г. стала концом очень важного примерно двухсотлетнего исторического периода. Это точка, в которой утвердились и откуда стали распространяться разочарование в демократических ценностях, идея, что демократия неизбежно порождает фашизм, что тоталитаризм есть оборотная сторона демократии.

Для осознания ограниченности демократии очень важно осознать опыт тоталитаризма. К шестидесятым же годам разговоры о демократии просто потеряли смысл. Началась другая жизнь. Причем это сдвиг даже не в масштабе века-двух, а, на мой взгляд, в масштабе тысячелетий, потому что началась жизнь без определенной системы ценностей. Теперь нельзя сказать, что для людей нашего времени более значимо: семья или богатство, богатство или национальная идентичность, национальная идентичность или политический статус. Все это сопоставимо значимо, и каждый человек, если он только способен выбирать, выбирает для себя сам то, что для него важно, и это, что бы там ни говорили, мало зависит от окружающих обстоятельств.

Мне представляется, что ответом на Освенцим и ГУЛАГ стал постмодернизм и что Освенцим и ГУЛАГ показали, что все новоевропейские ценности — это барахло.

Средневековое сознание уподобляло старость младенчеству, и достичь этого второго младенчества было очень важно, без этого нельзя было и умирать. Человек является в этот мир как ангел; младенец — ангел. Только человек в отличие от животных и от ангелов обладает свободой. Свободой по действиям и свободой по сущности. Он должен проделать некоторый путь, чтобы реализовать эту свободу волеизъявления, для этого он и приходит в мир. Но уйти он должен таким же безгрешным, как пришел, — как младенец, как ангел. К старости он должен был в некотором смысле изжить свою свободу и свой грех. И тогда включается механизм поколенческой трансляции, он становится воспитателем, учителем.

Возрождение делает резкую ставку на молодость. Ставка на молодость была ставкой на самоценность свободы. В христианстве такого рода свобода уже называется самочинностью, своеволием. В результате даже зрелость уходит на задний план, не говоря уж о старости.

Соответственно нарушается вся структура трансляции традиции. Поэтому, например, начинает развиваться свойственный подростку страстный интерес ко всему сексуально-генитальному, что обычно трактуется так: человек начал открывать свое тело. Между тем известны древние тропари, посвященные, например, чреву Богородицы, так что на самом деле открывать тут было нечего. Возрождение — травестирование, карнавализация этого средневекового знания. Вся новая европейская культура — это хронический городской карнавал. Больше ничего.

После Возрождения, на следующей стадии, начинается соскальзывание с юношеских ориентаций и идеалов на отроческие. В конце 70-х — начале 80-х гг. исследование, проведенное в Москве, обнаружило нечто совершенно поразительное: по строению энцефалограммы 60% всего населения — отроки, еще 30 — молодежь, 5–6% зрелые люди. При такой тотальной инфантилизации общества о каких уроках из прошлого и недавнего опыта можно говорить?

Ковровая бомбардировка Чечни — типичный геноцид. А какие уроки?!

Германия проиграла войну, была оккупирована, началась последовательная денацификация страны — так что там вынуждены были хотя бы сделать вид, что уроки из прошлого извлечены. Я считаю, для того чтобы наше население осознало, что ГУЛАГ вообще имел место, должна произойти оккупация России. Иначе не доходит. Заметьте: в сознании потомков участие их дедов-прадедов в коммунистических акциях — вполне хорошее дело. Немцы, собирая свидетельства о жизни своих дедов-прадедов, стремятся найти хоть что-нибудь хорошее, антитоталитарное: спас еврея, кому-то помог, кого-то не убил, хотя должен был убить. Наши с гордостью собирают (если собирают) свидетельства об участии прадеда в раскулачивании, подавлении антоновщины, в комиссарских подвигах — с гордостью!

Я думаю, если бы все делалось разумно, в конце 1991 — начале 1992 гг. должна была появиться некая декларация, подписанная первыми людьми государства. Она должна была констатировать следующее. Россия примерно во времена Ивана III, освоив социальные технологии монгольской империи и адаптировав их к местным условиям, вошла в стадию имперского роста. Осознавая плодотворность имперского пути развития, Россия вместе с тем должна принести покаяние перед народами своих колоний. Следует признать также, что последняя стадия развития империи оказалась осложнена коммунизмом — одной из самых бесчеловечных идеологий в истории. За этот отдельный период необходимо отдельное покаяние. В нынешней ситуации России не остается ничего иного, кроме как принять ценности мирового сообщества и стараться жить этими ценностями.

Полагаю, необходимы судебные процессы, отделяющие, по опыту Германии, тех, кто должен нести ответственность за преступления режима, от тех, кто такую ответственность нести не должен. На основании этого возможен запрет на профессии и т. д. Но вообще-то есть и тотальное соучастие в преступлении, в чем люди все-таки должны отдавать себе отчет и жить исходя из этого.

Есть точка зрения, что война так и не закончена; вот это была бы попытка ее закончить.

ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ — ЗНАНИЕ АЛФАВИТА[1]

Обсудение того, что представляет собой интеллигенция, продолжает разговор, спровоцированный, с одной стороны, статьей Г. В. Руссо (Руссо, 1999), а с другой — еще более хлесткой и более спорной статьей С. Г. Кордонского, опубликованной несколько лет назад в журнале «Век XX и мир» и воспроизведенной им в его книге (Кордонский, 1996, глава «Интеллигентность как административно-рыночный товар»), где интеллигенция подверглась уничтожающей критике.

Мне представляется, что в обеих статьях интеллигенция в строгом понимании подменяется тем особым феноменом, который можно назвать советской интеллигенцией, или, если следовать различению, введенному А. И. Солженицыным, образованщиной. Поэтому здесь речь пойдет о том, что же представляет собой русская интеллигенция как особый, свойственный только России феномен.

Моей задачей является именно описание феномена интеллигенции, отличного, в частности, от феномена советской интеллигенции. Как любое описание, оно будет максимально безоценочным. При этом важно сразу же принять как само собой разумеющееся то обстоятельство, что быть интеллигентом — это не значит быть хорошим человеком, это не значит иметь хороший характер, это не значит быть полезным членом общества и т. д.

Кто такие интеллигенты

Прежде всего об определении. Явных определений того, что есть интеллигенция, не существует. Автором самого термина является Петр Дмитриевич Боборыкин. По-видимому, впервые этот термин используется им в рассказе «В чужом поле» 1866 г. П. Д. Боборыкин указывает, что «интеллигенция — разумная, образованная, умственно развитая часть жителей». «Русская интеллигенция состояла и состоит из людей высшей умственной и этической культуры», — добавляет он.

---

[1] Написано в 1998 г. Текст подготовлен при участии Г. В. Руссо, которой и предложено настоящее название.

Однако такое определение очень широко и под него подойдут очень разные культурно-исторические типы образованных людей. Поэтому придется пользоваться некоторыми более или менее общепринятыми и осмысленными соображениями по этому поводу.

Во-первых, утверждается, что интеллигентом нельзя стать, им можно только родиться, причем родиться только в интеллигентной семье, поскольку усвоение культуры интеллигенции непосредственно связано с ранним детством и даже младенчеством. Таким образом, интеллигентом можно стать по крайней мере только в третьем поколении. По некоторым оценкам, необходимо еще большее число поколений.

Во-вторых, требуется иметь высокий уровень общего — не специального! — образования. Это относится ко всем, в том числе и к женщинам. В связи с этим можно вспомнить дискуссии середины XIX в. о том, нужно ли женское образование и для чего. Одним из аргументов был такой: женщине образование нужно потому, что на ее руках будут сидеть дети и от степени ее образованности будет зависеть их будущее. Отсюда, отчасти, и утверждение о том, что интеллигентом можно быть только в 3–4 поколении.

Третья явная черта интеллигента — его принадлежность к секулярной культуре. Это обстоятельство может восприниматься как тривиальное. Однако оно становится нетривиальным, если вспомнить, что интеллигенция — явление сугубо российское и принять во внимание существование государственной церкви в России. Здесь есть над чем задуматься, принимая во внимание сюжеты, которые сейчас любят обсуждать национал-патриоты, толкуя православие как панацею. Тем не менее высшие слои духовенства и представители церковной науки органично входили в состав интеллигенции, но только в той мере, в которой они способны были участвовать в секулярных способах коммуникации по поводу духовных предметов.

И наконец, еще одна черта — это независимость от властей. Она имеет несколько аспектов. Аспект экономический — для того, чтобы быть интеллигентом, нужно обладать независимыми источниками доходов, а не зарабатывать себе на хлеб трудом. Независимость правовая дальше будет специально обсуждаться в связи с проблемами дуэли и физических наказаний. Независимость культурная позволяет интеллигенту находиться в оппозиции.

Нужно сказать, что независимость как свойство интеллигенции сформировалась еще до появления интеллигенции. Она оформилась еще в XVIII в. во вполне феодальном контексте — в екатерининские или павловские времена сановник мог заявить о своей позиции, уйти в отставку и уехать жить в деревню: реальный пример — А. В. Суворов

или литературный — старый Болконский из «Войны и мира». Независимость как фундаментальное свойство интеллигенции позволяла ей выполнять функции, которые ныне призваны выполнять институты независимой экспертизы.

Когда появилась интеллигенция

Исходя из приведенного понимания интеллигенции очевидно, что первым поколением интеллигентов могло быть поколение детей-внуков Пушкина. Круг пушкинских лицеистов и поэтов пушкинской плеяды задает как раз такое отношение к действительности, которое становится характерным значительно позже для интеллигенции. Их можно считать поколением, с которого началось формирование феномена интеллигенции. Их внуки входят в социальную жизнь в 1870-е гг. Это примерно то время, когда появляется сам термин «интеллигенция», отсутствующий в других языках мира.

В определенном смысле можно говорить о том, что дворянская интеллигенция — это продукт крепостничества, хотя она и появляется уже в посткрепостническое время. Важнейшей предпосылкой возникновения интеллигенции стала Жалованная грамота дворянству 1785 г., обеспечившая экономическую независимость дворянству и освободившая его от обязательной государственной службы. В результате в России появилось сословие, способное позволить себе заниматься свободными искусствами, науками, коллекционированием и т. д., не думая о хлебе насущном.

И многое в особенностях поведения интеллигенции объясняется просто сословной принадлежностью этой группы людей. Тем не менее совершенно очевидно, что к интеллигенции принадлежала и очень узкая прослойка из городского купечества европейского образца или состоятельного слоя мещанства крупных городов. К концу XIX в., когда сословные различия потеряли свое значение, приобщенность к культуре на протяжении нескольких поколений представителей этих сословий обеспечивала им статус интеллигентов.

Если отводить на поколение 25 лет, то русская интеллигенция дала всего 3–4 поколения, так как последнее ее поколение рождается в середине 20-х гг. XX в. Из этого поколения действительно интеллигентами смогли стать лишь те, кому кроме родителей-интеллигентов досталась еще и достаточно счастливая жизнь, т. е. им удалось сохранить определенную материальную базу и при этом не попасть под репрессии советского периода. Есть и такие показательные исключения нашего времени, как Сергей Сергеевич Аверинцев. Но и ему, сумевшему сохраниться

в советское время, несмотря на его очень сложный общественный статус, в нынешнее время пришлось эмигрировать, потому что, будучи серьезным религиозным мыслителем, он оказывается не в состоянии существовать в условиях агрессивного поведения Русской Православной церкви постсоветского периода.

Особо следует сказать о так называемой разночинной интеллигенции, которая сразу была воспринята интеллигенцией как «ненастоящая». Представители разночинцев легко опознавались по пластике, речи, языку, произношению, манере одеваться — по тому, что формируется у человека с рождения. Они были как бы интеллигентами в первом поколении, но интеллигенция уже существовала и в определенной мере отгораживалась от тех, кто нес на себе следы неинтеллигентного происхождения.

Кем представлена интеллигенция

Интеллигенция России конца XIX — начала XX в. — это учителя, врачи, инженеры-путейцы, юристы, дипломаты, высшие чиновники, горные инженеры и офицеры, причем прежде всего офицеры гвардии и особенно офицеры флота. Очевидно, что казачество по определению не может быть отнесено к интеллигенции, это другой круг людей. Не случайно поэтому, что когда в начале XX в. возникают студенческие волнения, для их подавления привлекаются именно казачьи части. Офицер-интеллигент выступать против студенчества не может в принципе. Студенты в Российской империи — будущий костяк интеллигенции — обладали телесной неприкосновенностью, эмблемой чего было ношение формы; полицейским, городовым и военным полагалось отдавать им честь.

Характерные черты интеллигенции

Одним из главных, если не решающим, компонентом формирования интеллигента была гимназия. Получение высшего образования было доступно человеку любого сословия, который мог пройти через соответствующие фильтры. А вот институт гимназии был специально сконструирован для того, чтобы из «заготовок», которые созданы в семье в раннем детстве, готовить действительно интеллигентов. Это было общее образование с жестким стандартом, причем весьма недифференцированное. Оно базировалось на изучении элементарных, но фундаментальных вещей, а не каких-то специализированных курсов. В результате формировались общие элементарные навыки интеллектуальной деятельности, но без профессиональной дифференциации. Готовились профес-

сионалы мысли, обладающие недифференцированным состоянием сознания.

Наличие таких людей чрезвычайно важно для гармоничного существования общества. Они сохраняют целостность, особенно необходимую женщинам для исполнения своих функций. Неудивительно поэтому, что образование для женщин обыкновенно завершалось гимназией, тогда как мужчины, как правило, получали какое-то дополнительное специальное образование (наряду с теми, кто заканчивали реальные училища и, строго говоря, к интеллигенции не относились, несмотря даже на университетское образование).

Очевидно, что подобная модель интеллигентности держится на рафинированных и рафинированнейших формах социальности, которые включают в себя ряд характерных черт.

Прежде всего это полное игнорирование собственной телесности, приводящее к ориентации на безбытность. Аспекты игнорирования телесности самые разнообразные. Если речь идет не о специальной военной подготовке, то это некоторое снисходительное отношение к физический культуре (за исключением осанки); это совершенно очевидная с позиций второй половины XX в. неоптимальность (хотя и изысканность, в том числе этикетная) питания, которая существовала в интеллигентных семьях; это неумение интеллигента в нормальной ситуации самостоятельно обслуживать себя — мыться, одеваться, расчесываться, не говоря уже о том, чтобы готовить пищу и покупать продукты.

Вся эта сфера жизни была построена (как и у всего дворянства) на симбиозе с прислугой: горничными (от которых молодые женщины могли порой узнать и о своей беременности), кухарками, нянями. Ориентация на преодоление телесности, которое необходимо для реализации духовной свободы, порождала распространение таких институтов, как, например, институт кормилиц.

Представляется, что именно это симбиотическое существование с прислугой, которое было свойственно интеллигенции, в конечном счете привело к тому, что интеллигенция не сумела удержать власть в стране в 1917 г. При этом показательно то, что часть прислуги — те, кто не предал своих хозяев, — прожила с ними вплоть до 50–60-х гг. и работали они зачастую не за плату, а просто по совести.

Бестелесность имела самые разнообразные проявления. Например, в этой среде было совершенно понятно, что важно не биологическое происхождение ребенка, а его социальное положение. Поэтому получило распространение такое явление, как побочные дети, которые обладали всеми правами и соответствующим статусом. Нужно иметь в виду, что значительная полоса истории интеллигенции пришлась на эпиде-

мию сифилиса начала XX в. со всеми проблемами, которые из этого проистекали, в частности с сифилитическим бесплодием. Это наряду с бытовавшей до того идеей обновления крови привело к широкому распространению феномена побочных детей и мезальянсов.

Существенной чертой интеллигенции была четко выраженная традиция табуирования всего плотского. Тезис, что люди едят для того, чтобы жить, а не живут для того, чтобы есть, являлся просто трюизмом, а той сферы, которую сейчас можно назвать половой культурой, половым воспитанием, не существовало вовсе. То же самое относилось и к естественным актам дефекации и мочеиспускания. Показательно, что попытка даже сейчас обсуждать это в контексте проблем воспитания, вызвала совершенно истерический припадок агрессии у Алексея Алексеевича Леонтьева, принадлежащего как раз к традиции русской интеллигенции. Не случайно, что сами эти акты обозначались исключительно по-французски. Это было способом ввести их в культурный контекст, разрушив их грубую натуралистичность.

Гиперсоциализация интеллигента определяла и то, что его жизнь не просто была подчинена социальным нормативам, а это была сверхнормативная жизнь. Существовала жесткая система социальных стандартов, касающаяся возраста, когда человек должен был овладевать теми или иными навыками поведения, интеллектуального, психического или физического развития, времени вступления в брак, рождения детей и т. д. Существовала очень жесткая регламентация режима дня для людей определенного возраста, семейного положения и социального круга. Совершенно игнорировались индивидуальные особенности, касающиеся нормативно значимых культурных ценностей. Например, наличие орфографических ошибок или незначительных ошибок произношения, а также заикание или картавость рассматривались как тяжелейшие дефекты. Они ставили человека в совершенно особое положение, которое внешне ничем не обозначалось. Не случайно поэтому все люди с такого рода дефектами обладали очень сложной системой психических комплексов неполноценности.

Эта же сверхнормативность предполагала высочайшую семиотичность поведения, причем семиотичность должна была обеспечиваться сложной системой социальных гарантий. Такое поведение могло иметь место только за счет наличия жесткого государственного аппарата с полицией, жандармерией, тюрьмой, ссылкой — такими органами производства правосудия, которые могли гарантировать, что в ответ на высокосемиотическое поведение человек не получит пощечину или палкой по спине. Однако эта зависимость от государственной машины интеллигенцией совершенно не рефлексировалась.

Один из компонентов, который можно рассматривать как проявление и безбытности, и бестелесности, — неприкосновенность тела интеллигента, абсолютность тела как персональной собственности, которая не может быть деприватизирована. Отсюда неприемлемость для взрослых людей физических наказаний или наказаний голодом. Такие установки связаны с представлением о том, что статус человека определялся не его телесными особенностями, а его социально-культурными функциями.

Полное освобождение от физической детерминации проявляется во всем: и в отказе от кормления грудью собственного ребенка, и в появлении у супругов разных спален — феномена, широко обсуждавшегося в желтой прессе и бульварной литературе 60—70-х гг. XIX в. Эта традиция крайне настороженного восприятия интимных отношений даже в семье имеет глубокую связь с рыцарской средой, с христианскими представлениями о чисто прокреативном назначении брака.

Такая своеобразная десоматизация и принципиальная ограниченность неформальных и близких контактов с людьми приводит к распространению такого явления, как романы с кузинами. Узость круга интеллигенции того времени обусловливало то, что романы с кузинами нередко перерастали в близкородственные браки, что можно проследить по архивам Синода (в таком случае требовалось получение его специального разрешения на брак).

В результате оказывалось, что вся жизнь людей была направлена именно на то, чтобы обеспечить культурную трансляцию некоторого культурного наследия, притом что биологическая, физическая, генетическая трансляции считались малозначительными.

На отрицание биологических аспектов жизни «работало» и то, что гимназическое образование, обеспечивающее принадлежность к интеллигенции, завершалось в отроческом возрасте, а дальше в известной мере происходила фиксация психического онтогенеза. Таким образом, высшей точкой социопсихического развития человека оставалось состояние, соответствующее ранней юности.

На этом фоне формировалась хотя и несколько противоположная, но вполне внутренне закономерная вещь. Отдаленность супругов друг от друга, супругов от детей, порождала и поддерживала ориентацию на представление о родовой чести как на единственный фактор объединения семьи. И родовая честь была тем, ради чего можно было пожертвовать своей жизнью, здоровьем, какими-то материальными благами и т. д. Именно поэтому институт отставки был одним из немногих средств, когда можно было отказаться от публичной деятельности, не прибегая к самоубийству, а сохранив возможность для продолжения своего существования.

Еще одним аспектом бестелесности и гиперсоциальности интеллигента была его бесстрастность, стремление руководствоваться холодным умом. Для него были реальностью и античная максима «Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав», и ориентация на разрешение проблем с помощью права (ср. А. А. Каренин, воспринимаемый его женой Анной как хорошо отлаженная машина), и христианское смирение, и монашеская аскетика — все требовало властвовать над своими чувствами.

Чрезвычайно характерным для интеллигенции было наличие авторитетов и невозможность обсуждать эти авторитеты. Например, авторитетом для интеллигенции всегда был Пушкин, и смысл того скандала, когда Пушкина попытался обсуждать Абрам Терц (1992), заключался как раз в том, что это была попытка рефлексии Пушкина неавторитарным образом. Интеллигенция ломалась на попытках обсуждения Пушкина еще с конца XIX в.

Считалось, что все интеллигенты имели музыкальное образование, но по сути большей частью оно было довольно примитивным. Огромное количество произведений, широко известных сейчас, на границе XIX и XX вв. не игралось и практически было забыто просто из-за их технической сложности. При своеобразном интеллигентском отношении к действительности сложные вещи исполняться не могли.

Есть подозрение, что то же самое можно сказать и о владении иностранными языками. Скорее всего, интеллигенты владели только определенными стилями языков, разговорным и беллетристическим, а понимание специальных, религиозных, философских текстов вызывало сложности.

Все это в известной мере дает возможность говорить о том, что интеллигентская образованность была образованностью дилетантов. Идеи дилетантизма действительно глубоко присущи интеллигентам и проявляются как в наличии у них большого числа хобби, так и в том, что они позволяют себе судить абсолютно обо всем, в том числе и о том, в чем не являются профессионалами.

Нарисованная картина представляет собой довольно странный портрет, и встает вопрос, почему же появилась такая социальная группа?

Для чего существует интеллигенция?

Можно утверждать, что феномен интеллигенции нужен для решения определенного круга вопросов. Эти вопросы можно рассматривать с двух точек зрения: структурной, мало кем осознаваемой, и утилитарной.

А. Структурная позиция

Она основывается на утверждении о том, что феномен интеллигенции обеспечивает возможность существования человека в *полионтоло-*

гиях. Суть его заключается в том, что один человек, личность, существует одновременно в нескольких онтологических картинах, которые в принципе никак не соотносятся друг с другом. Это разные семантические вселенные, которые предполагают, что в них нужно жить совершенно по-разному. Вместе с тем существуют культурно детерминированные, но не всегда явно сформулированные правила перехода из одной онтологии в другую.

Люди, обладающие достаточно большим объемом личности, объемом психики, могут владеть техниками такого перехода и не зная этих правил. Если же объем психики человека мал, а инструкций ему не дали, то в его сознании появляются разрывы.

«Советская интеллигенция», или «образованщина», как раз и демонстрирует собою феномены разрывного сознания, поскольку отказ от гимназического классического (связанного с классическими языками) образования и от образования вообще приводит к тому, что сложные правила обращения с полионтологиями образованщине неизвестны.

Полионтологии могут порождаться в самых разных сферах. Например, их формирует оппозиция обыденного и сакрального. Российская же обыденная жизнь представляла собой довольно сложный конгломерат европейских традиций, наследия куртуазной морали, замысловатой социальной структуры традиционной культуры.

В ней не шло реально речи о том, что нужно всех любить, что царь является духовным воителем общества, что барин должен заботиться о своих крестьянах и т. д. Но существовало сакральное сознание, где все это было ясно артикулировано, проговорено, осознано.

Другое измерение, на котором выстраивались полионтологии, — оппозиция русского и европейского. Например, необходимость для человека определенного уровня существовать по европейским канонам, занимаясь профессиональной деятельностью в контакте с иностранцами, и одновременно жить в русской семье. Наиболее напряженной в этом отношении была жизнь в Петербурге, где со времени основания сосуществовали разные христианские конфессии и вероисповедания. В этом была насущная необходимость, ибо даже ближайшие родственники царской семьи принадлежали к неправославным вероисповеданиям.

Аналогичная оппозиция — оппозиция народного и городского. Она была актуальна для тех, кто по долгу службы, во время отдыха или жизни в своей усадьбе соприкасался с народной жизнью.

Особой линией такого напряжения, особенно для военных, инженеров-путейцев, исследователей, было существование в двух мирах: в мире христианском и в мире иноверческом, среди иноверцев, которые составляли местное население, будь то традиционные язычники, мусульмане, буддисты или кто-нибудь еще.

Еще одна линия — это оппозиция семья — любовники, притом что прелюбодеяние для христианина — смертный грех. Нужно иметь в виду, что именно во время существования интеллигенции в России развивается система публичных домов и идут процессы, связанные с институтом любовников, порождаемым куртуазной моралью XVIII в.

Возможность контактировать с другими людьми требует не только полионтологичности, но и полипозициональности, когда человек сам может выбирать позицию, с которой он будет реализовывать ту или иную ситуацию с разными контрагентами. Если же говорить о национальных окраинах, то каждый специалист, человек, живущий там, должен был вступать в очень сложные взаимодействия такого рода — ведь это было время культурного и технологического освоения территорий, ранее включенных в состав Российской империи.

Крайне интересно то, что эта полионтологичность не рефлексируется принципиально, а задаются сложные поведенческие образцы того, как работать с полионтологиями. Таким образом, эта культура не рефлексирует себя, как и всякая развитая культура, потому что, когда появляется рефлексия, это грозит развалом культуры. Тем временем существует (на протяжении, как говорилось, по крайней мере четырех поколений) механизм трансляции этой полионтологичности. Механизм этот не осознается его носителями, им самим непонятно, для чего он существует.

Интеллигенция, судя по всему, вообще не обладает органичной способностью к рефлексии. У нее развита не рефлексия, а способность следования образцам, прежде всего связанным с представлениями о чести и достоинстве. Интеллигенты — это одиночки, которые умеют работать с образцами, но не рефлектировать их. Поэтому порождается феномен, известный с конца XIX в. в соответствующей среде: феномен самоедства, когда требования совести заставляют то заботиться о крестьянах и идти в народ, то спасать Россию, включаясь в какую-то политическую деятельность, т. е. заниматься тем, что не имеет отношения к сути амплуа, присущего интеллигенции.

Утилитарная позиция

Что же могли делать и сделать интеллигенты, обладающие всеми этими свойствами?

Во-первых, они были вовлечены в трансляцию специализированных форм деятельности, связанных, например, с образованием, с функционированием государственных институтов, с осуществлением разного рода переводов, причем не только текстовых, но и культурных. Работа в библиотеках, развитие системы библиотек, медицина — все это в ши-

роком смысле можно назвать просвещением, которое и является уделом деятельности интеллигенции.

Может быть, самым характерным итогом деятельности интеллигенции является порождение такого явления, как русский городской модерн, который не только оптимально предназначен к отправлению культурных функций в некотором бестелесном пространстве города, но и чрезвычайно артикулирован в художественном, эстетическом и утилитарном отношениях.

Вместе с тем сознание интеллигента принципиально разрывно, потому что мир семантически размечен и некоторые сферы отданы в другие руки. Сложная и достаточно стабильная организация общества, в частности, обеспечивает заполнение этих разрывов, поддерживает указанную семантическую разметку и основанное на ней общественное распределение труда. Так, интеллигент может совершенно замечательно подобрать носки по цвету к костюму, но не имеет представления о том, как мыть ноги — это дело горничной или врача.

Разрывность сознания, опирающегося на существование сложной социальной организации, проявляется и в ситуациях, когда этикет оказывается выше нравственности, а честь выше добра. Так, в частности, неотъемлемым институтом интеллигенции оказывается институт дуэли, который был запрещен юридически, но функционировал де-факто (причем отдельные случаи дуэли имели место и в советское время; ср. недавнее предложение Д. С. Лихачева ввести дуэли для офицеров), потому что именно он позволял отстаивать честь и долг, причем честь и долг, понимаемые по-своему.

В итоге для русского интеллигента совершенно естественно, что лучше быть мертвым, чем обесчещенным. Здесь есть и сословные корни сознания феодального типа, и христианские корни, имея в виду, что дуэль выступает как случай разрешения неразрешимой проблемы, которая может быть разрешена только с помощью Божьего промысла. Поэтому к дуэли не нужно было готовиться, несущественным был и выбор оружия — ведь правоту определял Господь.

Ориентация на честь обеспечивает и чрезвычайную стойкость интеллигенции. Если интеллигент принял на себя какие-то обязательства, то он будет их отстаивать до конца. Замечательно эти черты интеллигенции проявились и в эмиграции, и в том, как ее представители переживали тоталитарный режим в СССР. Однако не всегда очевидно, что ценности, ради которых интеллигент идет на гибель, стоят того.

Одной из сторон этой стойкости и ориентации на честь является пренебрежение к деньгам. Ради денег интеллигент не делает практически ничего. Но нужно понимать, что это презрение к деньгам бази-

ровалось на наличии достаточно ощутимого достатка. Безделушки, которые были в семьях интеллигенции и которым не придавалось никакого значения, в современном мире стоят квартир и автомашин. Таким образом, у интеллигенции на несколько поколений вперед был шанс скачкообразно изменять свое материальное благополучие.

Центром, стержнем всей жизни интеллигента оказывается так или иначе по-своему понимаемый общественный долг. Это понимание могло оборачиваться оппозицией к государству, причем весьма жесткой. Общественный долг следовал из личного разумения, поэтому мог выполняться в одиночку. При этом сложность работы с общественным долгом заключалась в том, что он практически не рефлексировался, не рефлексировались его истоки, то, ради чего он существует, какие скрытые ценности в нем заложены. Разговор с интеллигенцией об обоснованиях ценностей — это очень сложный, мучительный и в большой степени даже оскорбительный для нее разговор. Интеллигент чаще всего ведет себя как богатырь, как рыцарь, который является, если перефразировать Мандельштама, фехтовальщиком за честь своего понимания действительности.

Видимо, до сих пор остается неясным, что же было такого в интеллигенции, что позволяло ее представителям занимать достаточно высокие места в общественных организациях. Дело в том, что тот набор навыков и умений, которыми обладала интеллигенция, был в определенной степени уникален. Видно это на таком примере.

С вымиранием старой интеллигенции — а произошло это не так давно, в 70-е гг., мы потеряли один из секторов культуры — библиографию. Ныне практически не существует людей, которые в состоянии расставить карточки в алфавитном порядке. Так оказалось, что расстановка в алфавитном порядке чего бы то ни было — это процедура, к которой в наибольшей степени были приспособлены интеллигенты. И эта элементарная, казалось бы, операция сейчас практически никем выполнена быть не может. Какой угодно интеллектуал, академик, почти всегда наврет, выстраивая алфавитную последовательность. Конечно, можно сказать: кому это нужно в эпоху компьютеров? Но интеллигенция возникла тогда, когда компьютеров не было и такого рода процедуры нужно было уметь осуществлять. Подобных процедур и в государственной деятельности, и в обыденной жизни горожанина всегда было немало.

Этот пример чрезвычайно интересен еще и потому, что он показывает технологическое значение азов и задов. Нужно понимать, что чрезвычайно консервативное гимназическое образование было ориентировано именно на азы и зады. Виртуозное владение азами и задами приводило к принципиальным прорывам в сфере интеллектуальных

технологий (кстати, именно эта идея была положена марксистами в основу концепции политехнического образования как строящегося из элементов труда — правда, физического, а не умственного). Одновременно при этом возможно сохранение недифференцированности, столь важной для повседневности.

Истоки специфичности интеллигенции

Интеллигентская образованность, даже на уровне азов, вполне исторически детерминирована. Гимназическая система образования сложилась на основе идеалов историко-филологического подхода, историко-филологической культуры и историко-филологической герменевтики, которые сложились в Германии в самом начале XIX в. Тогда была порождена новая модель отношения к действительности, согласно которой все должно получить некоторую исторически адекватную интерпретацию и только через историческую адекватность можно прийти к истинному пониманию какого-то предмета. В России историко-филологическое отношение к действительности укоренилось начиная с Царскосельского лицея пушкинского времени.

Совершенно очевидно, что у такого отношения есть много сильных сторон, и не случайно некоторые его элементы были целенаправленно внедрены в США в конце 50-х гг., когда Соединенные Штаты испытали шок от запуска советского спутника. Но тем не менее нужно многосторонне осознавать, что же это была за культура.

Во-первых, как это характерно для всего XIX в., это была европоцентрическая культура. В известной мере она строилась даже на презрении к Востоку, не говоря уже об Африке, Индии, Австралии. Это был своего рода культурный европейский интернационализм, жестко определявший традиционный для интеллигенции круг чтения. Интересно, что именно по этому вопросу произошло столкновение образованной части поколения, родившегося в начале 50-х гг. XX в., с остатками русской интеллигенции. Для поколения XX в. восточная культура оказалась равнозначной западной, а старая интеллигенция восточных традиций не знала и относилась к увлечению Востоком либо презрительно, либо как к некоторому чудачеству.

Европейская культура, согласно представлениям Шпенглера, была культурой истории, а не культурой психологии. Это означает, что психологическое измерение в ней практически отсутствует, а все рассматривается через призму истории, сквозь призму смены социальных нормативов. Такой перекос в историзм и гуманитаризм определили то, что у представителей русской интеллигенции всегда были большие пробле-

мы с математикой и техникой. Именно с тех пор идут пренебрежительно-уважительные разговоры о математике, о том, как она сложна, хотя в том, что изучали интеллигенты в гимназии, ничего сложного нет. Примерно таково же отношение к технике. Показательно, что некоторые из этих людей, живя десятки лет с электричеством и газом, не научились ими пользоваться. Они их просто боялись.

Интересно, что гуманитарность русской интеллигенции — это в большой мере историческая случайность. Если бы образец образования был задан в конце XVIII в., когда работали философы и естествоиспытатели екатерининского времени, то такого разрыва гуманитарной и естественно-научной позиций просто не существовало бы. А если бы в качестве образца для подражания было выбрано начало XX в., то «канонической» была бы техническая или научная интеллигенция.

Любопытно, что при этом естествоиспытатели-интеллигенты владели основами гуманитарной культуры, тогда как естественнонаучная безграмотность гуманитариев была совершенно обычной. Они, по сути, не знали ни математику, ни физику, ни астрономию, притом что математика была одним из краеугольных камней гимназического образования. Но техника преподавания математики была такова, что у подавляющего большинства людей формировалось стойкое отвращение к ней. Очень примечательно, что наряду с этим лучшие учебники по математике начала XX в. — учебники Киселева и Рыбкина или учебник логики Челпанова используются в математических школах до настоящего момента.

Результаты деятельности русской интеллигенции

Видимо, можно выделить два главных результата деятельности интеллигенции.

Заслугой русской интеллигенции следует считать выработку механизмов культурной трансляции на основе базовых ценностей европейской культуры XIX в. — гуманитарного образования, становления ценностей гражданского общества, распространения секулярной культуры и веротерпимости и т. д.

При этом она не продемонстрировала высот креативности. Создание принципиально новых концепций — не сильная сторона интеллигенции. Отчасти это даже понятно.

Так, раннее двуязычие, обычное в интеллигентных семьях, как показывают, в частности, исследования тартуского университета последних десятилетий, приводит к стереотипизации мышления. Поэтому интеллигенты были замечательными трансляторами, но не создателями. Люди

типа Попова и Менделеева к интеллигенции отнесены быть не могут. Они находились в известном смысле в оппозиции к интеллигенции, представляя собой тип новых людей, которые чаще всего приходят из другой социальной среды.

Забавно, что так называемая великая русская литература не является плодом деятельности интеллигенции. Пушкин к интеллигенции не принадлежит исторически. Достоевский не принадлежит по социальному статусу. Толстой не принадлежит, с одной стороны, по возрасту (он начинает работать существенно раньше), а с другой — потому что, когда интеллигенция уже есть, он откровенно над ней издевается. Грибоедов, будучи ровесником Пушкина, тоже не может быть отнесен к интеллигенции. Но его «Горе от ума» становится книгой, пророческой для интеллигенции, поскольку в ней описываются все коллизии, происходящие с интеллигентом. И главное — не столько с интеллигентом как таковым, сколько с интеллигентским диссидентом, который появляется в среде интеллигенции.

Каждое поколение интеллигенции дает внутри себя таких диссидентов, которые пытаются заниматься срыванием масок. Но срывание масок — это и есть уничтожение самой сути феномена интеллигенции, изничтожение той полионтологии, в которой и ради которой интеллигенция существует, которая определяет потребность в интеллигенции как в особом социальном институте.

Художественные и интеллектуальные плоды деятельности интеллигенции в основном связаны с декадансом. Интересно, что интеллигенция декаданса находится на периферии интеллигенции как сословия, а те, кто составляют его ядро, к декадансу относятся скорее негативно.

Второй крупнейшей заслугой русской интеллигенции является осознание и в известной мере навязывание российскому обществу ценностей представления о неприкосновенности частной жизни, того, что в западных демократиях хорошо известно как прайвеси.

Безбытность и бестелесность при обеспечении неприкосновенности тела, раздельные спальни супругов и кормилицы, сверхсемиотичность поведения и культ чести, сложнейшие этикетные нормы и простота дружеского общения, веротерпимость и готовность к дуэлям, презрение к сплетням и представление об общественном долге — все это разные составляющие механизма, обеспечивающего неприкосновенность частной жизни отдельно взятого человека. Именно интеллигенция порождает такой уклад жизни, при котором подобная неприкосновенность становится необходимой как воздух. Не случайно поэтому, что уничтожение частной жизни было одним из направлений создания и поддержания тоталитарного государства.

А сделать это было не так сложно потому, что идея приватности не очень характерна для российского сознания в его московской (а не новгородской, киевской или петербургской) редакции и для огромных масс населения — прежде всего крестьянства, городских и провинциальных низов — национальная идея преломляется через идею общины. Особенно изощренной спекуляцией является отождествление идеи общины и идеи соборности, которое, в том числе у современных национал-патриотических идеологов, ведет к сакрализации неиндивидуального существования человека. Без индивидуальности же ни о каком гражданском обществе не может быть и речи.

Если роль интеллигенции в культурной эстафете ныне очевидна всем, то эта вторая важнейшая заслуга интеллигенции, казалось бы, канула в Лету. Но это не совсем так. Дело в том, что аристократия не раз порождала фундаментальные для демократии социальные конструкции, а молодая демократия начинала с их разрушения. Но сама идея отрицаемого социального конструкта оказывалась необходимой для нового общества. Так, буржуазные демократии Запада также отвергли многие достижения аристократической мысли, однако становление буржуазных элит потребовало их восстановления (культ родовой чести, сложные формы этикета, заинтересованность в развитой культуре, хорошем образовании и т. д.).

Интеллигент в экстремальных условиях

Интересно отметить очень характерную реакцию интеллигентов на лишения. Интеллигент в связи с его безбытностью, его ориентацией на абсолютную личную свободу, потребностью в существовании механизмов, которые будут обеспечивать эти безбытность и свободу, в связи с его гуманитарной образованностью и некоторым невежеством в области естествознания и точных наук, в связи с его ориентацией на возвышенное и нежелание заниматься утилитарным очень интересным образом реагирует на лишения.

В условиях лишений отчетливо появляется тенденция к исключению себя из социальной действительности — когда человек отказывается от того, что ему обеспечивают в нормальных условиях социальные институты. Он перестает мыться, одеваться, бриться, стричься и т. д. Возникает феномен бича — бывшего интеллигентного человека. Он не может себя обслуживать, если нет всей обслуги, начиная от домработницы (горничной) и кончая социальными институтами, которые поддерживают его существование. Для интеллигента мировой трагедией может явиться отсутствие кухарки, в то время когда стоят заводы и

железные дороги, последнего он просто не заметит. Поэтому классический интеллигент не отказался бы в отличие от Пушкина от поручения Воронцова разобраться в ситуации с саранчой. Он непременно включился бы в борьбу с насекомыми, если бы ему гарантировали при этом полный набор привычных удобств.

С другой стороны, отказываясь от отправления повседневных функций, интеллигент продолжает последовательно выполнять свою работу, свою миссию, причем так долго, как только возможно, именно до последнего вздоха. Но при этом у него возникают чрезвычайно агрессивные отношения с окружающими.

Он привык участвовать в социальных коммуникациях, соблюдая определенную дистанцию. Если же ему приходится функционировать в чужеродной среде, то интеллигент включает чрезвычайно жестко работающий механизм уничтожения в самых разных вариантах. На оппонента, не принадлежащего к его социальному слою, не распространяются те формы этикетного поведения, которые существуют среди своих. Перед своими детьми нельзя появляться в ночном белье, а перед своей горничной — можно. Нельзя сидеть в присутствии равной по социальному статусу дамы, но можно лежать в присутствии домработницы. Этот механизм работает безотказно. И это понятно, ибо созерцание исподнего горничной оплачено деньгами, в то время как соблюдение этикета — плата за пребывание в клубе равных.

Интеллигент находит утонченные способы словесно уничтожить другого человека, растереть его так, что от того ничего не останется. В условиях жизни в советское время это проявлялось довольно активно. Например, один из известных в Петербурге в первой половине века людей, доживший до 60-х гг., всю жизнь называл свою невестку из другой социальной среды «эта женщина». И никогда — по имени. Подобный стиль поведения характерен для интеллигенции потому, что только с помощью таких механизмов можно удержать мир, существующий в полионтологиях. Можно быть готовым к коммуникации с самыми разными людьми — если выполнены правила этой коммуникации, но если правила нарушены или они не твои, то начинается резкая и глубокая работа на уничтожение. Другое дело, что со своими интеллигент может быть бесконечно сердечным, простым и добрым.

Интересна судьба интеллигенции в СССР. Когда все эти правила оказались сломанными и интеллигенты оказались на грани физического выживания, им пришлось консолидироваться по признаку принадлежности к определенному социальному слою. Внутри своих они допускали очень большую степень доверительности и поддержки, не характерную в обычных условиях. Но из них же шло рекрутирование доносчиков, стукачей, партийных работников, которые рассматрива-

лись как изменники. Начиная, например, с Карпинского, возглавившего Академию наук в условиях тоталитарного режима.

О советской (и не только) интеллигенции

Советская интеллигенция, конечно же, интеллигенцией в полном смысле слова не является — это абсолютно понятно из всего предыдущего. Основное отличие — отсутствие наследственной преемственности, социальных гарантий и сохранения телесного достоинства: тебя могут посадить в холодную, избить в милиции, милиционер в университете будет смотреть на тебя как на потенциального преступника, а не отдавать тебе честь.

Это формирует механизмы продажности и конъюнктурной борьбы с властями. И уж совсем смешно выглядят попытки возродить какие-то традиции интеллигенции в постсоветское время, когда, например, в Петербурге, директор гимназии, чтобы сохранить деньги, отказывается от своего слова. Нормальный интеллигент пойдет по миру, но выполнит контрактные обязательства.

Интеллигенция как феномен кончилась. Интеллигенция кончилась, а сейчас мы имеем дело с иными, в том числе и достаточно новыми, феноменами — «образованщиной», ныне в основном обозленной гайдаровскими реформами, специалистами (порой высочайшего класса, которых называют иногда «технической интеллигенцией», «творческой интеллигенцией» и т. п.), которые еще не в полной мере осознали свое место в новой России, интеллектуалами, сопоставимыми с интеллектуалами западного типа, которые начали формироваться в бывшем СССР с 70-х гг., и поэтому находящими место на мировом интеллектуальном рынке. Все они заслуживают особого анализа (как например, анализ С. Г. Кордонским «образованщины» под именем «интеллигенции»).

* * *

Все сказанное может вызвать возражения, которые могут быть отнесены к нескольким группам.

1. Можно начать развивать мысль о том, что интеллигенция была всегда (везде), но в разных исторических формах. Тогда начнутся разговоры не только о разночинной или советской интеллигенции, но и об интеллигенции русского Средневековья или интеллигентности крестьян. С тем чтобы снять такие дискуссии, я готов утверждать, что обсуждаю только один вид интеллигенции, ограниченной определенными социальными и временными рамками. Существенно при этом то, что именно этот вид интеллигента стал основой ныне бытующей социальной мифологии.

2. Могут вызвать возражения трактовки конкретных черт интеллигенции. Так, например, ее литературоцентризм может связываться не с историко-филологической культурой XIX в., а с историческими корнями сверхценности литературы в русской культуре, подобно тому как созерцание исподнего своего работодателя может трактоваться не как часть служебных обязанностей горничной, а пережиток барства. Учитывая существование подобного рода обстоятельств, автор тем не менее не в состоянии обсуждать их — это предмет другой работы.

3. Тот, кто несомненно представлял описываемую интеллигенцию, вполне возможно, не согласился бы с некоторыми приводимыми характеристиками и примерами, сочтя их несправедливыми, нехарактерными или вообще относящимися к исключениям. На это можно ответить следующее.

Во-первых, подобная оценка вполне закономерна, потому что интеллигенция характеризуется вообще очень высокой самооценкой.

Во-вторых, даже то, что нехарактерно, носит оттенок исключительности, может отражать как раз существенные скрытые черты. Это может быть отнесено, например, ко всей линии обсуждения бестелесности интеллигенции.

В-третьих, напротив, некоторые ценности декларировались, но на деле не исполнялись. Поэтому различие трактовок может проистекать из того, чему уделяется большее внимание — идеалу или его реализации.

4. Особые дискуссии могут вызывать структурно-культурные характеристики интеллигенции, такие как ее роль в трансляции культуры или отсутствие у интеллигенции средств авторефлексии. Такие проблемы действительно могут быть предметом длительных дискуссий. Другие подобные утверждения могут быть проверены в итоге специальных исследований (например, возможна наукометрическая проверка наблюдения о низкой креативности интеллигенции).

Литература

Кордонский С. Г. Административные рынки СССР и России. М., 1996 (глава «Интеллигентность как административно-рыночный товар»).

Руссо Г. Феномен питерской интеллигенции//«Петербургский Час Пик от 26.05.1999». С. 11.

Терц А. (Синявский Андрей) Прогулки с Пушкиным//Терц Абрам (Синявский Андрей). Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1992.

ПОЛОЖЕНИЕ С ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ И ЗАДАЧИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОЗАЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ[1]

1. В настоящее время в России сложилась ситуация, в которой власти разных уровней вынуждены признать существующие международные стандарты прав человека. Среди мотивов этого можно указать:

— действительное стремление к построению правового государства (во многом романтическое);

— желание властей повысить собственную самооценку и получить самоуважение любыми средствами;

— игра определенной части политиков на демократических чувствах избирателей;

— стремление войти в международные огранизации, условием членства в которых является соблюдение прав человека.

В итоге к настоящему моменту на первый взгляд ситуация выглядит весьма радужно — в стране создана правовая база, провозглашающая верховенство прав человека. Однако на деле ситуация обстоит совершенно иначе.

2. Значительная часть принятых правовых актов относится к числу декларативных. При этом оказываются неразработанными ни сами принципы реализации этих прав, ни процессуальное законодательство, обеспечивающее их реализацию, а к тому же отсутствует соответствующая юридическая практика. В результате декларативная часть прав оказывается нереализуемой, что еще более усиливает распространения правового нигилизма.

3. Вопиющим фактом неэффективности юридической системы является неэффективность работы судов. Такая ситуация определяется катастрофической нехваткой самих судов, их плачевным материально-техническим состоянием (от аварийно-опасных зданий судов до задержки нищенских зарплат судебным служащим), отсутствием культуры разрешения конфликтов в судебном порядке. В результате значительная часть конфликтов разрешается криминальными способами.

---

[1] Написано в 2000 г. по заказу экспертов Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

4. Важным фактором, способствующим распространению правового нигилизма, является порочность существующего законодательства и законодательной практики. Проблема в том, что многие существующие и создаваемые законы не содержат указания на санкции. Таким образом, значительная часть законов оказывается де-факто законами непрямого действия. При этом предполагается, что санкции содержатся в других законах прямого действия (что не всегда бывает) или регулируются подзаконными актами (что является источником чиновничьего произвола).

5. В итоге сложившаяся практика регулируется нормами обычного права советского времени обращения властей с социально-инертными низами населения — отсутствует представление о неприкосновенности тела человека, нет норм реализации общечеловеческого этикета чиновниками по отношению к гражданам при проверке документов, задержании, следственных и судебных действиях с подозреваемыми и т. д. Правоохранительные органы при этом не ограничивают обывателей в реализации соответствующих норм обычного права, а даже фактически поощряют их, прежде всего в публицистических выступлениях в средствах массовой информации по поводу преступлений, «совершенных» подозреваемыми, выражая сомнения в оправданности международных правовых норм (например, сожаления о моратории на смертную казнь) и т. д.

6. Правовой нигилизм, доходя до апатии, обращается социально деструктивным поведением, базирующимся на ощущении безвыходности и безнадежности.

7. Наиболее важным источником правового нигилизма, реализуемым в том числе и через отсутствие санкций за невыполнение фундаментального права на жизнь, является такое поведение, при котором законодательно устанавливаемые значения минимальной заработной платы и минимальной пенсии оказываются ниже прожиточного минимума. В этом случае государство законодательно обрекает людей на смерть, не объявляя себя субъектом убийства и соответственно не неся ответственности за это. Точно так же, декларируя право на альтернативную службу, но не реализуя его, государство обрекает пацифистов на самокалечение, которому способствуют и их близкие (прежде всего родители).

8. Сложившаяся ситуация не имеет простого и быстрого решения, ибо предлагаемые решения ломают национальные стереотипы, чреваты раскруткой инфляции, непонятны значительной части населения и рядовым (и не только!) сотрудникам органов правопорядка.

9. Для преодоления сложившегося положения дел требуется целенаправленная работа (в том числе с участием иностранных и международных организаций) по нескольким направлениям:

— разъяснение, пропаганда и разработка истинно секулярных форм повседневного поведения людей и развитие институтов его регуляции;

— воспитание представления о священности прав личности и прав собственности, принципиальной их неподчиненности интересам и правам государства;

— повышение благосостояния людей, достойная оплата труда работников правоохранительных органов, а в целом — построение богатого общества, в котором только и может эффективно функционировать право;

— разработка процессуальных норм реализации соответствующих прав и формирование положительной правозащитной практики;

— всеобщее массовое правовое просвещение населения (начиная с детского сада), создание государственных, международных и общественных институтов защиты гражданских прав;

— фиксация и анализ всех случаев как несовершенства законодательства, так и неправомерной практики правоохранительной деятельности с широким международным обсуждением таких случаев.

ЭКОЛОГИЯ И ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ[1]

Проблема борьбы за права человека на постсоветском пространстве приобрела своеобразные черты в каждом из фрагментов, оставшихся от СССР. Такое впечатление, что в России одной из основных линий правозащитной деятельности, получающей широкий общественный резонанс, является охрана окружающей среды. Обычными стали процессы, возбуждаемые ФСБ против людей, занимающихся экологическими исследованиями и пытающихся опубликовать их результаты. Такая ситуация имеет место, несмотря на то что в российском законодательстве существует специальное положение об открытости экологических данных. Иллюстрацией к сказанному служит предъявление на прошлой неделе Генеральной прокуратурой (уже в седьмой раз) обвинения в шпионаже Александру Никитину за его экологическую деятельность. Несмотря на широкое обсуждение этой ситуации в печати, непроясненными остаются ее принципиальные истоки, которые мы здесь и обсудим.

Можно выделить три аспекта рассмотрения ситуации.

1. Проблема соотношения экологии и государственной тайны. Возникают серьезные сомнения в том, что идея открытости экологической информации и какой бы то ни было государственной тайны вообще совместимы. И вот почему.

Имея полные экологические данные, можно реконструировать абсолютно все. Зная распределение абиогенных компонентов, нехарактерных для исходного состояния среды, — тяжелых металлов, стойких органических соединений и т. д., можно установить, какие технологические процессы протекают в конкретном ландшафте. Расшифровке поддаются все процессы, связанные с добычей полезных ископаемых, со всеми циклами их переработки, с технологиями производства изделий, с испытаниями этих изделий, с утилизацией отходов... Таким образом, вся хозяйственная деятельность человека при достаточно хорошем экологическом контроле становится прозрачной.

То же самое относится и к понятию военной тайны. Как можно о ней говорить, если по экологическим данным можно установить не только

---

[1] Опубликовано: *Экология* и правозащитная деятельность//Петербургский Час пик. 1998. № 23 (24). 17 июня. С. 4.

род и место дислокации войск, но и получить информацию о заболеваемости личного состава, пищевом рационе... Что же тогда могут представлять собой государственная и военная тайны, если предполагается, что не существует тайны экологической? На этот вопрос ответа не видно, ситуация представляется безвыходной.

Эта ситуация на нашем Семинаре по биогерменевтике была проанализирована еще в начале 80-х гг., и именно поэтому экологическая проблематика в дальнейшем рассматривалась в минимальной степени. Получается, таким образом, что экологическая деятельность может быть исключительно государственной. Ситуация сходна с геологией, являющейся сферой деятельности государства, которое может выдавать частным лицам лицензии лишь на частные виды геологической деятельности. Эта параллель тем значительнее, что геоэкология входит в экологию в качестве составной части.

Необходимо отметить, что законодательные акты, регламентирующие предмет государственной тайны, порой носят несистемный характер. Например, обычным является положение дел, когда запреты касаются обобщенных экологических данных — по отрасли, по России в целом, по крупным регионам. Но эти запреты не распространяются на конкретные проблемы и небольшие территории, и такая информация свободно публикуется в провинциальной печати. Если с такими материалами начинает работать аналитик, который сводит все это в единое целое, используя, например, реки как источники информации о регионах, данные о территориях которых отсутствуют, то оказывается, что это целое является предметом государственной тайны, а аналитик подлежит аресту. Ситуация абсурдная, но вполне узнаваемая.

Таким образом, получается, что информация, не засекреченная в процессе ее сбора, после обработки, которую может провести и частное лицо, оказывается подлежащей засекречиванию. Как можно выйти из этого абсурдного положения?

2. Из сказанного выше с очевидностью следует, что адекватные экологические разработки дают возможность глобального контроля и над состоянием Земли в целом, и над хозяйственной деятельностью человека. Тем самым оказывается, что если признается целесообразность занятий экологией, то рано или поздно придется говорить о том, что вся жизнь всех людей становится экологически прозрачной, из чего вытекает и идеологическая, и духовная, и экономическая прозрачность. Значит, экология может существовать только как форма тотальной деятельности, а эколог может быть только агентом такой тотальной активности, например государственным служащим, работа-

ющим в соответствии с программами этого государства. Такая точка зрения заставляет распрощаться с мыслью о частной работе экологов и о независимой экологической экспертизе. Государство, содержащее в своем штате такого рода экологов, будет государством тоталитарным.

Легко представить себе ситуацию, когда тоталитарный контроль необходим. Это ситуация недостатка ресурсов, как, например, в блокадном Ленинграде. В современных условиях идет конкуренция не за ресурс вообще, а за высококачественный ресурс — натуральную пищу, чистые воду и воздух. Очевидно, что и в том и в другом случае создается необычайная напряженность отношений между людьми.

Это обстоятельство провоцирует жесткие и даже бандитские действия экологических организаций, например того же «Гринпис». Появилось даже представление об «экофашизме», или «зеленом фашизме». К сожалению, обсуждение проблемы экофашизма в России наталкивается на серьезные сложности. Мне кажется, что это вытекает из незнания реальной политической жизни современной западной Европы. Тоталитарная и даже экофашистская организация общества видится тем не менее неизбежной, когда человек рассматривается исключительно как биологическое существо и сохранение его биологической жизни трактуется как необходимое условие сохранения его жизни как таковой.

3. Еще один аспект проблемы соотношения экологии и правозащитной деятельности заключается в появлении феномена, который можно обозначить как «зеленое язычество». Это социальный феномен, при котором сохранение природы, сохранение окружающей среды, каких-то живых организмов начинает рассматриваться как высшая ценность, причем не только утилитарная, но и духовная. Тогда оказывается, что ради этого могут быть принесены в жертву или просто проигнорированы какие-то другие ценности. Так, сохранение природы может ставиться выше идеи спасения души или сохранения христианской культуры. Совершенно очевидно, что это формы жесткого экологического редукционизма, которые разрушают культурные и духовные основания жизни других людей. Но такова не только культурная, но уже и политическая реальность: республика Башкортостан, например, восстановила языческие праздники, построенные на почитании местных растений и животных. Создается экологическая псевдорелигия, которая навязывается населению. Обсуждение этого вопроса необходимо вести в контексте правозащитной деятельности, поскольку здесь явно ущемляются права жителей, не являющихся язычниками, и нарушается принцип свободы совести.

До тех пор пока не будет внесена ясность во все рассмотренные вопросы, будут продолжаться экологические судебные процессы, а борьба за свободу публикаций экологических данных останется делом чести и личного героизма отдельных людей, а не будет результатом принципиального ответа на ключевые вопросы, существующие в этой области.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ РЕГУЛЯРНОСТЕЙ: АНТИЧНОЕ И ИУДЕЙСКОЕ ПОНИМАНИЕ ЗАКОНА[1]

В работах по номологии (изучению закономерностей и их типов) общим местом стало противопоставление эллинского закона — закона природы и ветхозаветного закона-завета, в большой мере морального по своей сути. Их контрастность является основой далеко идущих культурологических интерпретаций. Вместе с тем очевидно, что такое противопоставление заведомо является грубой схематизацией и для более глубоких заключений необходима более дифференцированная типология закономерностей.

С этой целью прежде всего можно различать два весьма обобщенных типа закономерностей, во многом близких к указанному различению, — имманентные субстрату и трансцендентные ему регулярности.

Соотношение подтипов трансцендентных и имманентных регулярностей

ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЕ РЕГУЛЯРНОСТИ

Узуальные нормы	Правила	Обычаи	Юридические законы
УН	Пр.	Об.	ЮЗ

→ нарастание неотвратимости проявления регулярности

ДТ	Те	СЗ	ДЗ
Доминирующие тенденции	Тенденции	Статистические законы	Детерминистические законы

ИММАНЕНТНЫЕ РЕГУЛЯРНОСТИ

Первые из них — имманентны субстрату, задаются им. Таковы законы гравитации, электромагнитных взаимодействий, взаимодействия

[1] Доложено в январе 1995 г. на международной конференции «Греки и евреи» (Санкт-Петербург). Опубликовано (с сокращениями): К проблеме типологии регулярностей: античное и иудейское понимание закона. Греки и евреи. Диалог в поколениях. Труды по иудаике. Философия, герменевтика, культурология. Вып. 1. СПб.: Петербургский еврейский университет. Институт исследований еврейской диаспоры, 1999. С. 178–187.

элементарных частиц и т. д. В этом случае если тела (частицы) обладают массой или зарядом, то уже в силу этого обладания они с необходимостью взаимодействуют друг с другом по определенному закону.

Вторые — характеризуют такие взаимосвязи компонентов, которые не следуют с необходимостью из их субстрата, а установлены какими-то внешними по отношении к субстрату источниками. Так, запрещающая функция красного сигнала семафора вытекает не из свойств излучения с определенной длиной волны, а из наличия соответствующей конвенции. Подобно этому соответствие адаптора и акцептора в т-РНК определяется не физическими свойствами триплета т-РНК и соответствующей аминокислоты, а исторически сложившимся соответствием определенных структур-доменов в данной т-РНК. За счет действия таких внешних сил вследствие проявления трансцендентных регулярностей возможно существование как правильных, но бессмысленных конструкций (например, словосочетание «жареные теоремы»), так и неправильных, но осмысленных высказываний («розовощекий девушка»).

Регулярности обоих типов представлены несколькими разновидностями. Так, имманентные регулярности представлены детерминистическими законами, статистическими законами, тенденциями и т. д., трансцендентные — юридическими законами, обычаями, правилами, узуальными нормами и пр.

Как следует из приведенных примеров, имманентные и трансцендентные регулярности достаточно часто выступают не изолированно, а совокупно.

Типичным примером соединения имманентных и трансцендентных регулярностей являются семиотические средства в широком смысле, т. е. знаки, символы, эмблемы, тропы и т. д. Пользуясь терминологией глоссематики Л. Ельмслева (Ельмслев, 1960), можно утверждать, что у семиотических средств материал плана выражения организован в соответствии с имманентными акустическими законами (например, ассимиляции), материал же плана содержания — в соответствии с имманентными тенденциями семантики (организация психики); форма плана выражения и форма плана содержания организованы в соответствии с трансцендентными соответствующему субстрату нормами соответственно фонологии и грамматики языка.

В массовых структурах (популяции, общества) возможно рассогласование, практически автономное проявление имманентных и трансцендентных регулярностей. Так, при поведении людей в очереди, в особенности в ситуации какого-либо конфликта, законы очереди начинают действовать практически с необходимостью, проявляются как имманентные очереди и не зависящие от воли отдельно взятых людей.

«Бывшие» трансцендентные регулярности при этом оказываются жесткими и однозначными как законы природы, причем становятся значимыми влияния однажды происшедших событий на последующие процессы (действует принцип основателя), т. е. возникает, в сущности, имманентный — но имманентный семиотическому средству, а не его субстрату — тип регулярности социально-психологических процессов, сопряжений с состоянием отчужденности.

В итоге действия подобных механизмов может происходить рассогласование устойчивых связок регулярностей, в частности в семиотических образованиях накапливается определенное число элементов, в которых рассогласованы проявления имманентных и трансцендентных регулярностей (проявляющихся, например, в языке, в сочетаниях типа «черное белье», «красные чернила»). Однако, когда число таких случаев переходит через критическое значение, опять же происходит полная «имманентизация» семиотических средств и они становятся неадекватными задачам, решению которых призваны служить.

Поэтому особое значение имеют семиотические средства, организация плана выражения которых не безразлична для выполнения семиотического назначения, — семантофоры. Семантофоры, которые проявляют свойства, имеющие синергические действия с соответствующим планом содержания, в единстве с последним образуют символы как одну из разновидностей семиотических средств. В символах нет рассогласованности действия трансцендентных и имманентных регулярностей. Символы наиболее характерны для малых ансамблей — небольших совокупностей индивидов, вклад которых в эмержентные свойства целого не допускает замены индивидов друг другом.

Ныне символы вызывает значительный интерес. Это проявляется в весьма разных формах.

Во-первых, становление прагмалингвистики (Сусов, 1983) втягивает в свою сферу разнообразные представления о символических функциях языка и других семиотических средств (Чебанов, Мартыненко, 1990а, б).

Во-вторых, ныне широко распространяется интерес к духовности как в форме возрождения общественного интереса к традиционным религиям и конфессиям, так и в виде возникновения множества мистических сект, прежде всего псевдовосточного толка.

В-третьих, возрождающиеся ныне консервативные, национальные, семейные и бытовые ценности актуализируют и сложную систему примет, поверий, действий, имеющих ритуальное значение, что делает повседневную культурную действительность в высшей степени символичной.

Подобная концентрация интереса человечества к символам определяется тем, что два других логически возможных пути завели в тупик.

Первый, более древний и традиционный путь связан с абсолютизацией трансцендентных регулярностей. Проявляться он может в разнообразных формах: это и классический в его античном и новоевропейском вариантах идеал полного обуздания волей и разумом чувств человека, и гиперсемантизация всего окружающего, проявляющаяся в суевериях как в том, во что верят как в чисто трансцендентные регулярности безотносительно к тому, с какими имманентными регулярностями они сопряжены. В сущности, именно трансцендентные регулярности и абсолютизируют в существующем ныне атеистическом обожествлении культуры, последовательно реализующемся в современной гуманитарной идеологии.

В традиционном варианте этот тип культурной ориентации оказывается очень хрупким. Он не в состоянии противостоять инокультурным вторжениям, прежде всего современного евро-североамериканского типа, в силу того, что соответствующие регулярности имеют чисто трансцендентную природу и, не будучи укорененными в имманентных свойствах субстрата, могут быть просто проигнорированы теми, кто ориентированы не на ценности, а на возможности эффективного манипулирования.

Второй путь связан с европейскими технологическими революциями и построен на абсолютизации имманентных регулярностей. Человек при этом начинает трактоваться просто как особое живое существо, нравственные нормативы которого должны вытекать из естественных нужд, а не преодолевать их или противопоставляться им.

Пороком подобного отношения к действительности является то, что абсолютизация имманентных регулярностей ведет к евро-североамериканской индустриализации, что ставит общество под угрозу самоуничтожения вследствие разрушения своего жизненного мира путем его отравления продуктами технологической деятельности. Это сопровождается замещением трансцендентных регулярностей культуры имманентными регулярностями социально-психологических процессов (законами массового сознания), что порождает вторичные физико-химические процессы, когда люди предстают как сложные перцептроны (Розенблатт, 1965).

Формирующийся на таком фоне интерес к символам проявляется не только в упомянутых общекультурных движениях, но и в таких специализированных исследовательских программах, как метаблетика, изучающая общекультурные предпосылки научной онтологии (Jacobs, 1980), основанная Ф. Фердорном биоистория, рассматривающая эти

проблемы применительно к биологии (Verdoorn, 1944), этнометодология, например этноботаника, выявляющая этническо-культурные и лингвистические различия разных традиционных культур (Ethnomethodology, 1975), когнитивная лингвистика, решающая те же проблемы лингвистическими средствами (Новое.., 1988), гносеологическая герменевтика биологии, выявляющая культурогенные компоненты биологических онтологий (Chebanov, 1993), и т. д. Все эти исследования дают крайне интересный, иногда парадоксальный материал.

Такого же типа интерес к символу свойствен неоплатоникам и гностикам, богоборческому титанизму Возрождения, теософии и антропософии. Однако подобные движения сопряжены с тем, что нарушаются как сопряжение разных сфер и образований (в оговоренном выше смысле), так и жизнеутверждающие установки разных категорий людей. Так, например, и неоплатонизм, и гностицизм, и титанизм рождают определенное пренебрежение к обыденной жизни людей. Это оказывается вполне допустимым, когда речь идет о людях соответствующего «объема», для которых повседневный быт действительно тесноват и его изъяны могут компенсироваться напряженной внутренней жизнью. В крайнем же варианте, который становится массовым, это чревато смешением добра и зла, противопоставлением душевного и телесного, в результате чего порождается как неуравновешенное, болезненное по сути витийство, так и быто- и телоненавистничество, приводящее к развалу бытового уклада. В итоге деформируются и сами не подлежащие релятивизации сверхценности, которые, приходя в противоречие с эмпирической данностью жизни, ослабляют волю людей, гипертрофируют волю человека или разрушают ценностные структуры, фактически ликвидируя некоторые сферы жизни.

Центральной проблемой отношения к символам оказывается выявление их надлежащего места в жизненном мире человека. Эта задача положена в основу осуществляемого автором в средних школах Санкт-Петербурга курса «Умвельт и ойкумена», включающего в себя материалы по экологии, биологии, географии, краеведению, локальным культурам.

Ныне существующие прецеденты решения проблемы соотнесения компонентов символосферы построены на признании примата духовности и различения разных компонентов в символосфере по характеру проявления этой духовности (традиция, восходящая к Григорию Паламе).

Однако практическое осуществление этого весьма непросто. Еще более это осложняется тем, что на фоне усталости нынешних людей от механицизма и социализма (репрезентирующих абсолютизацию имманентных и трансцендентных регулярностей) имеется искушение «огоньками» (в понимании Франциска Ассизского), которые являются челове-

ку, только что соприкоснувшемуся с духовной жизнью, и закрывают ему путь к духовным высотам. Достаточно сильным помощником на этом пути оказываются именно символы.

Обращаясь к символам, необходимо отрешиться от признания существования смысла как чего-то статичного, а не процессуального, существующего при этом в символе и других семиотических средствах безотносительно к тому, что с этими средствами происходит. Иначе придется говорить о смысле того или иного слова и произведения, причем в последнем случае надо будет отличать этот смысл от того, который «вчитывается» в текст тем или иным «некорректным» интерпретатором (а чем же тогда занимается интерпретатор?). Надо заметить, что процессуальное понимание смысла заполняет пропасть между семантикой и нейропсихологией, изолирующую семиотику от психобиологии, которую порождает его статическая трактовка.

Таким образом, предлагаемое рассмотрение имеет интенцию герменевтики текста в противоположность герменевтике логоса в том их понимании, какое задано в докладе И. Дворкина.

Эксплицировать зафиксированные интенции можно с помощью модифицированной терминологии глоссематики (Ельмслев,1960; рис. 2) и включения в нее представлений теории речевых актов (Новое..., 1986):

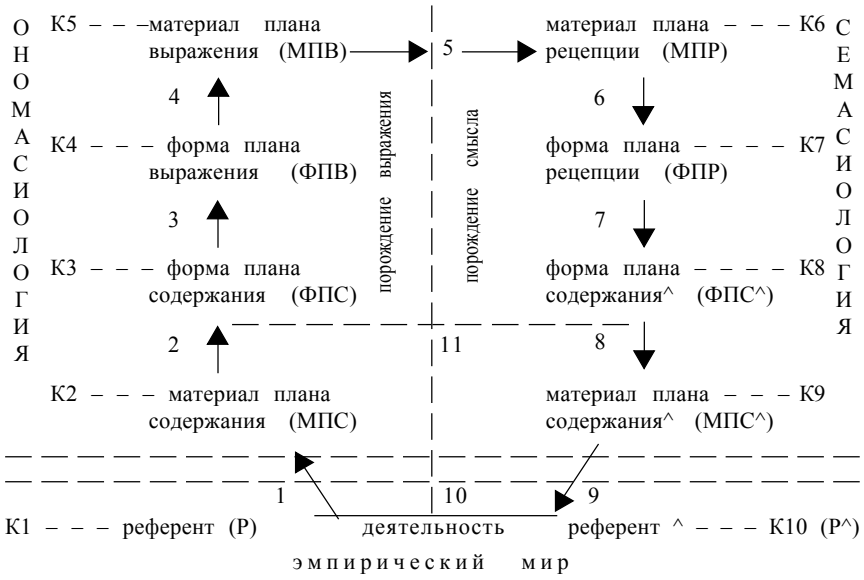

Рис. 2. Строение семиотических средств

В соответствии со схемой под семиотическим средством (далее СС) понимается процесс, представленный планом содержания (ПС) и планом выражения (ПВ), между компонентами которых нет одно-однозначного соответствия (что позволяет строить правильные, но бессмысленные и неправильные, но осмысленные синтагмы) и разворачивающийся в телах по крайней мере двух партиципантов (или в разных частях тела одного партиципанта — автокоммуникация) — автора и реципиента семиотического взаимодействия, осуществляемого параллельно взаимодействию партиципантов в мире эмпирических референтов.

Развиваемая концепция СС объединяет представления семиологической теории глоссематики и лингвистической прагматики, шире — семиологии и прагмалингвистики (Чебанов, Мартыненко, 1990 а, б), что позволяет рассматривать с этих позиций достаточно широкий круг герменевтических задач.

Переходя к описанию компонентов СС и связанным с ними регулярностями, следует иметь в виду, что с каждым компонентом СС связаны определенные коннотации (К1-К10).

Среди коннотаций можно различить синтагматические (с — связанные по смежности — временной, пространственной, функциональной и т. д.) и парадигматические (п — основанные на отношениях сходства и противопоставленности) коннотации. Каждый из типов коннотаций может быть охарактеризован своей степенью обилия.

Компонентам СС свойственны следующие типы регулярностей:

1. Для референтного мира Р—Р^ (включая их связи с коннотациями К1 и К10) свойственны все типы регулярностей. При этом, однако, мир выглядит таким, как если бы в нем преобладали регулярности имманентного типа, так как в этом случае у человека появляется возможность в большой мере не отвечать за свои поступки, полагая, что они зависят от неких «объективных обстоятельств».

2. Отношение 1 референтного мира и МПС. Реализация этого отношения обеспечивается действием большого числа регулярностей разного типа, связывающих отношения разнородных компонентов механизма осмысления референтного мира. Среди составляющих этого механизма можно указать следующие:

— физиологическая рецепция референта или каких-то его свойств (веса, геометрической формы, цвета и т. д.) основана на имманентных биофизических и биохимических регулярностях кинестетических и оптических рецепторов типа ДЗ, которые могут осложняться в рефрактерную фазу, обретая черты Те;

— наличие подобных рецепторов, однако, может трактоваться как трансцендентная референтному миру регулярность (Пр), ибо если

определенные рецепторы не «предусмотрены» конструкцией организма (например, рецепторы электростатической и магнитной составляющих электромагнитного поля, плоскости поляризации света и т. д.), то соответствующие свойства и не рецептируются;

— постулирование формирования данного набора рецепторов в ходе эволюции превращает эти регулярности в имманентные (ДЗ, СЗ, Те), представление же о том, что существа сотворены такими, укрепляет понимание их как трансцендентных (Пр или даже ЮЗ), однако в этом случае и сам субстрат, и свойственные ему регулярности оказываются трансцендентными Творцу, установившему для них закон (закон в ветхозаветном смысле типа ЮЗ);

— рецептированный референт и его свойства являются основой перцепции, в результате которой формируется МПС, МПС представлен признаками, вычленяемыми на базе рецептируемых свойств. Среди этих признаков выделяются значимые для того или иного дискурса. Такое выделение происходит посредством:

- согласования с внутренним миром человека, регулярности организации которого в целом трансцендентны по отношению к миру референтов, но локально могут быть изоморфны ему (что позволяет говорить об определенных аспектах имманентности), притом что некоторые из регулярностей внутреннего мира оказываются имманентными самому этому миру (акцентуации значимости некоторых образов, тематизмов, ассоциаций цветов, звуков и т. д.);
- культурно детерминированной эмоционально-ценностной маркированности некоторых фрагментов МПС, имеющих прототип в имманентных регулярностях референтного мира, допускающих разнообразие связей образа данного референта с образами других в МПС, что позволяет квалифицировать эти регулярности как Те и ДТ;

Такое ранжирование значимости (когнитивно-дискурсивной, эмоционально-оценочной и т. д.) начинает процесс оформления плана содержания.

В частности, могут быть выделены какие-то признаки, которые мотивируют лексемы, обозначающие соответствующие референты (голубой цвет ягод голубики, пятиугольность здания Пентагона, ножной привод велосипеда и т. д.). Слова с соответствующими референтами связаны имманентными связями типа ДЗ, определенно указывая на их признаки, сформированные в плане содержания. Референты же соотносятся с обозначающими их словами трансцендентными связями типа ЮЗ, поскольку для обозначения могут быть выбраны и другие мотивирующие признаки.

3. Поскольку отношение МПС и К2с (аналогичные отношению МПС^ и К9с) имеет прообраз в референтном мире, в котором связь Р и К1с

полагается регулярностью имманентной, то независимо от природы отношения 1 есть основания рассматривать отношение МПС-К2с как имманентную регулярность. Таковой оно будет (но уже регулярностью имманентной МПС) и с учетом того, что МПС и К2с — определенные фрагменты семантических полей сознания, которое организовано в соответствии со своими собственными регулярностями, которые, однако, чаще представлены Те и ДТ (реже — СЗ). Отношение МПС-К2п (так же, как и МПС^-К9п) имеет природу, аналогичную отношению МПС-К2с (МПС^-К9с), однако роль парадигматики семантических полей значительно больше, чем парадигматических коннотаций референтов.

4. Отношение 2 — почти чистый пример регулярности трансцендентного по отношению к референтному миру типа (Об в данном случае культурно-этнические типы мышления) если только не рассматривать предельно обобщенные универсальные регулярности, свойственные вообще всему сущему. Вместе с тем для хорошо тренированного и оформленного сознания, следующего принятым нормативам, это отношение реализуется практически автоматически и может трактоваться как имманентное соответствующему типу мышления (типа ДТ).

5. Отношение ФПС-К3 (аналогичное отношению ФПС^-К8) реализуется за счет следующих регулярностей:

— устойчивых К3с (сходных для людей одной культуры с К8с)

— семантических валентностей полнозначных лексем, отражающих имманентные синтаксические связи (представленные ДЗ, СЗ, Те и ДТ) соответствующих референтов;

— семантических валентностей лексем с грамматическим значением, отражающие регулярности типа Пр, трансцендентные по отношению к референтному миру, но могущие имманентизироваться до ДЗ (рефлекторных механизмов), когда семиотическая реальность заслоняет этот мир;

— индивидуальных и ситуативных К3с, возникающих в результате импринтинга, фиксации, аффектации и т. д. у отдельных персон, которым свойственны трансцендентные по отношению к референтному миру регулярности типа Пр, имманентные к индивидуальному психическому онтогенезу (типа Те, ДТ, СЗ или ДЗ);

— культурно-нормативных связей ФПС-К3п (аналогичные К8п), представляющих собой Об, трансцендентные референтам, но не очень сильно не изоморфные связям Р-К1п, представленным какими-либо регулярностями, имманентными референтному миру. При автоматизме обращения с культурными нормами связи ФПС-К3п (ФПС^-К8п) выступают как имманентные миру представлений;

— индивидуальных связей — ФПС-К3п, которые формируют индивидуальный образ мира; при этом они являются Об, трансцендентными референтному миру, но могут иметь в нем изоморфный прообраз (тогда это является предчувствием того, что квалифицируется как открытие) либо же полностью имманентными истории персонального самосознания (будут Те, ДТ, С3 или Д3), за счет импринтинга, фиксаций, ассоциаций и т. д.), и являются достоянием внутреннего мира человека.

6. Отношение 3, обычно интерпретируемое как мотивированность / немотивированность СС. При этом очевидно то, что необходимо различать несколько модусов мотивированности / немотивированности.

Элементы ФПС и ФПВ, принадлежащие сфере психической действительности, могут находиться в разных отношениях. С позиций фоносемантики и морфоносемики между ними существует имманентная связь типа Те или ДТ (С3), обеспечивающая иконичность ФПВ.

Если же полагается отсутствие какой-либо мотивированности или она недоступна для коммуниканта, то эти разные элементы психической действительности связаны отношением Об коррелятивного типа (ср., например, сочетаемость акцептора и адаптора в молекуле т-РНК, которая репрезентирует это отношение в генетическом языке).

ФПВ производных лексем находятся с ФПВ производящих в отношениях Д3, поскольку ФПВ должна быть при этом изоморфна ФПС (которая в данном случае тождественна имманентным регулярностям общезначимых К3с).

В некоторых случаях отношение 3 нельзя непосредственно связать с элементами ФПС и ФПВ. Тогда возможны разные варианты опосредованной связи. Так, ПСс и ПВс можно рассматривать по отношению к некоторым элементам МПС и МПВ, например, когда автор сам оценивает степень иконичности используемого им СС, — скажем, оценивая, как ему удалось передать свое восприятие скрипа дерева или цвета неба, что основано на установлении между ними регулярности типа Об. Иногда соотносится степень сходства референта и его изображения в МПВ, также устанавливая регулярность типа Об, или необходимо нерасчлененно рассматривать отношение ПС и ПВ, которое наиболее наглядно в случае внесистемных СС, передающих эмоциональное состояние (звукоподражательные междометия, звуковые эффекты ударных инструментов), при этом формируя регулярности типа Об с некоторыми ограничения типа Д3 (например, не использование звуков речи для звукоподражания ультразвукам).

7. Отношение ФПВ-К4 (аналогичное отношению ФПР-К7) трансцендентно миру референтов и носит характер Пр. Устойчивые К4с выступают при этом как грамматические валентности, определяющие

актантную структуру, а связь ФПВ-К4с отчасти изоморфна референтному миру. Степень же изоморфности связи ФПВ-К4п референтному миру существенно ниже ввиду большей вариантности лексической синтактики, чем синтактики грамматической.

8. Отношение 4 определяет характер формирования сигнального референта из того или иного МПВ. Это отношение в большой мере произвольно — МПВ может быть звук, мел, чернила, углубление в песке и т. п.

Некоторые ограничения накладываются в случае достижения иконичности (см. выше). Однако наиболее обычным ограничением является привычность использования определенного МПВ в данной коммуникативной ситуации. Для определенного типа людей только такой культурно нормативный вариант является единственно возможным, и в этом случае отношение 4 приобретает характер ДЗ (стереотипное поведение).

9. Отношение МПВ-К5 — это отношение сигнального референта с его коннотациями (т. е. принципиально такого же типа, как и отношение Р-К1) и сигнального референта с тем, что ассоциировано с ним в сознании автора. Последнее имманентно сознанию автора, но трансцендентно референтному миру.

Кроме того, К5с связаны прежде всего с физиологически детерминированными реакциями автора на МПВ (опирающимися на имманентные регулярности типа ДЗ, СЗ, Те или ДТ) и различаются для разных типов индивидов, хотя определенная эмоциональная окраска МПВ имеет статистически достоверное значение, детерминированная как универсалиями восприятия (т. е. имеющими природу ДТ), так и культурными нормами (трансцендентными по отношению к соматической организации людей — типа УН, но могущими имманентизироваться при культурной стереотипизации восприятия, приобретая черты СЗ).

Связи МПВ-К5п определяются местом данного МПВ и системе оппозиций возможных МПВ (например, проявляющаяся в стилистической или исторической маркированности используемого способа начертания графем) и детерминирована Об культурных норм, притом что некоторые из членов парадигмы имеют индивидуальную маркированность, определяемую имманентными регулярностями (типа СЗ, Те. ДТ) индивидуального онтогенеза.

10. Отношение 5 представляет собой способ преобразования ПВ в ПР. Иногда ПВ и ПР совпадают (чтение рукописи, слушание тут же присутствующего говорящего), чаще же имеет место то или иное преобразование одного в другой (чтение вслух письменного текста, запись устного текста, передача по проводам или по радио и т. д.). Возможны

разные варианты реализации отношения 5. Так, это могут быть ДЗ (например, при передаче устной речи по телефону) или ЮЗ (при переписывании рукописного текста) преобразования МПВ в МПР, или преобразования ПВ в ПР, сопровождающиеся переработкой и ФПВ, и МПВ (например, при преобразовании устного текста в письменный в соответствии с правилами типа ЮЗ).

11. СС обладает двумя частями, симметричными относительно оси 5—11–10, связанными с адресантом и адресатом. Характер этой симметрии определяется регулярностями типа Об, причем тексты по математике, приказы, инструкции и т. д. допускают высокую степень симметрии СС, поэтические же предполагают высокую степень асимметрии СС.

12. Отношение МПР-К6 аналогично отношению МПВ-К5, однако относится не к автору, а к реципиенту. При этом существенно, что для актуализации коннотации существенна пресуппозиция того, что это не шум, не трещины на стене, не дефекты бумаги и т. д. Данная пресуппозиция и наличие К6 жестко связаны между собой и в сознании связаны отношением ДЗ.

13. Отношение 6 (ср. отношение 4) соответствует механизмам выделения герменевтически релевантных компонентов ПР (выделение зрительных, звуковых, тактильных и т. п. инвариантов восприятия). Помимо механизмов рецепции (типа ДЗ, СЗ или Те — ср. п. 2), отношение 6 предполагает и наличие сложных перцептивных процессов (типа и Те, и Пр). Кроме того, здесь действуют и механизмы распознавания стилистики адресанта, его замысла, подобные механизмам узнавания образов загадочной картинки, выделение которых предполагает их опознание, (т. е. включает и обращение к ПС^), распознавание других герменевтически релевантных элементов ПР благодаря погруженности адресата в соответствующую культурную традицию — трансцендентную референтному миру, но формирующую собственные Пр, подвергающиеся имманентизации по типу СЗ или Те в результате овладения ею (воспитания).

14. Отношение ФПР-К7 аналогично отношению ФПВ-К4 (см. п. 7).

15. Характер подобия ФПВ и ФПР зависит от соотношения компетенции адресата и адресанта, степени сходства К5 и К6, характера отношения 5. Существенно при этом то, что адресат может различать те внутренние формы, которые не различает адресант, что порождает серьезные расхождения ФПВ и ФПР. Так, многие адресанты не различают в слове «прелесть» внутренней формы, указывающей на связь с прельщением как путем к греху; даже церковные иерархи ныне говорят «Большое спасибо» и т. д., в то время как адресат может не только актуализировать эти внутренние формы, но и смоделировать такое

поведение адресанта, при котором эти формы оказываются нерелевантными. Для адресата это становится важными компонентами смысла, которые могут оказаться значимыми для творческого процесса. Таким образом, СС может функционировать одновременно и как ЭС, если, однако, не предполагать, что соответствующие компоненты смысла не были заложены адресантом в СС бессознательно. Подобная поливариантность интерпретации определяется тем, что отношение подобия ФПВ и ФПР — трансцендентная регулярность типа УН.

16. Отношение 7, противоположное отношению 3, можно обозначить как иконичность или изобразительность. Иконичность понимается при этом как распознавание каких-то черт ПС или Р по ПР (ПВ) на основании их сходства. При этом ввиду того, что все в каком-то отношении сходно, а в каком-то различно, иконичность присутствует всегда, но вопрос в том, релевантные ли эти сходства для коммуникативной ситуации и способен ли актуализировать эти сходства реципиент. Таким образом, отн. 7 трансцендентно референтному миру, однако имеет в нем некоторый прообраз. При автоматическом восприятии отношение 7, связывающие два фрагмента когнитивной реальности, может выступать как СЗ, соответствующий психически зафиксированной коррелятивной связи.

17. Наличие иконичности предполагает определенное отношение сходства (типа Пр или Об) коммуникативных компетенций адресанта и адресата (при тождестве или большой степени сходства ПВ и ПР) и преобразование ПВ в ПР по типу Пр (при значительном их различии — например, глагола «скрипеть», произнесенного скрипучим голосом, записанного в фонетической транскрипции или буквами).

18. Отношения подобия (типа Пр или Об) ФПС и ФПС^, их связей с К3 и К8, подобия самих К3 и К8 определяются различием тезаурусов коммуникантов и наличием преобразования ПВ — ПР. Результатом является то, что в ФПС^ могут отсутствовать фрагменты смысла, аналогичные таковым ФПС, и, наоборот, появляться те, которых нет в ФПС.

19. Отношение 8, обратное отнношению 2, в случае понимания СС имманентно организации сознания (типа Те, СЗ), но трансцедентно по отношению к референтному миру (типа Пр или Об). Поэтому необходимая коррекция осуществляется посредством отношений 9 и 10.

20. Отношения подобия МПС^ и МПС, К2 и К9 и отношений МПС-К2 и МПС^-К9 трансцендентны и по отношению к референтному миру, и по отношению к сознанию. Обеспечивается оно всем функционированием СС в процессе деятельности.

21. Отношение 9, подобно отношению 1, весьма многокомпонентно. При этом в нем есть как процессы, регулируемые имманентными ре-

ферентному миру регулярностями, так и такие, которые детерминированы культурой и воспитанием, исходно трансцендентными референтному миру, но в результате тренинга и стереотипизации имманентизирующиеся по отношению к сознанию.

22. Референтному миру принадлежат регулярности, связанные с референтами Р^, их связями Р^-К10, которые могут несколько отличаться от таковых, связанных с Р в ситуациях другого набора приписываемых им трансцендентных регулярностей. Референтному же миру принадлежит отношение 10 — вписанности данного референта в практику.

23. Описанная организация СС позволяет ему обладать перформативностью. Характер перформативности — интегральная характеристика СС (включающая это СС в деятельность коммуникантов —отношение 10 — наряду с другими референтами), которая складывается из перформативного потенциала других компонентов СС.

В частности:

А. ПС представлен психическим субстратом, состояние которого влияет на свойства окружающего мира и тем самым преобразует его.

В. МПВ и МПР оказывают непосредственное физическое воздействие на мир, а преобразование отношения 5 может иметь и существенные экологические последствия.

Совместный перформативный эффект ПС и МПВ свойствен креативным средствам. Более того, именно этим определяется статус КС. Однако, подобный креативный эффект свойствен не только КС, но и СС, но у КС этот эффект особенно силен, притом что у него отсутствует правая половина СС, связанная с адресатом.

Перформативный эффект ПС^ (см. отношение 11) аналогичен таковому ПС, причем, проявляясь, они могут действовать кооперативно.

Перформативный эффект отношения 9, заключающийся как в изменении состояния адресата, так и порождающей изменения активности адресата в мире референтов.

Благодаря этому можно говорить о СС как об инструменте преодоления имманентных регулярностей субстрата, т. е. как о КС, которое распространяет регулярности сознания на остальной мир. При этом сознание в полном смысле слова, сознание как рефлексия, есть в числе прочего и преодоление имманентных регулярностей нервно-психической деятельности.

В связи со сказанным весьма примечательно то, что натуралистическое сознание естествоиспытателя, анализируя механизмы, в том числе и функционирования СС, удовлетворяется только тогда, когда в этих механизмах ему удается распознать регулярности, имманентные субстрату. Сознание же гуманитарное всеми возможными способами

старается уйти от имманентных регулярностей субстрата даже там, где очевидно их влияние на характер сложного поведения человека, стремится постулировать действие трансцендентных регулярностей, обнаружить сферу свободы воли.

Для теологического же сознания различие этих форм регулярностей в большой мере теряет значение и их различие оказывается лишь показателем степени пассивности человека в его сотворчестве. Последовательный монотеизм иудейского мира открывает широкие возможности такой активности, политеизм же античности готов придать довольно поверхностным закономерностям, возникающим при определенном уровне покорности человека внешним обстоятельствам, характер несомненной данности.

Литература

Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка//Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 264–389.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988.

Розенблатт Ф. Принципы нейродинамики. Перцептроны и теория механизмов мозга. М.: Мир, 1965.

Сусов И. П. К предмету прагмалингвистики//Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин: КГУ, 1983.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Основные типы представлений о природе языка//Уч. зап. Тартус. ун-та, вып. 911, Тарту: ТУ, 1990а. С. 112–133.

Чебанов С. В. Мартыненко Г. Я. Идеи герменевтики в прикладной лингвистике//Уч. зап. Тартус. ун-та, вып. 912, Тарту: ТУ, 1990б. С. 92–111.

Chebanov S. V. Biology and humanitarian culture: the problem of interpretation in biohermeneutics and hermeneutics of biology//Lectures in theoretical biology, 2nd stage. Tallinn, 1993. P. 219–248.

Ethnomethodology. Selected readings. Ed. E. Terner. London, 1975.

Jacobs M. Revolution in plant description//Miscellaneous papers. 1980. № 19. P. 155–181.

Verdoorn F. On the Aim and Methods of Biological History and Biography with some Notes for the Colloboreters of Index Botanicorum//Chronica botanica, 1944. Vol. 8. №. 4.

ЛЕЧЕБНЫЕ ПРАКТИКИ: ТИПОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ[1,2]

Введение. Общая ситуация и ее основные черты

Озабоченность людей своим здоровьем, повышенное внимание к нему и даже *мода на здоровый образ жизни* являются характерной чертой всего современного западного мира, а также России и бывшего СССР, в той мере, в которой они принадлежат этому западному миру. Такой интерес естественно переплетается с современными экологическими («зелеными») движениями, и все вместе это относится к довольно поверхностному проявлению культуры и подвержено действию *моды* и других механизмов массовой культуры со всеми вытекающими отсюда последствиями[3].

Показательным примером такого поверхностного отношения к действительности является следующая ситуация. Немецкие экологисты, показывая автору рыбный рынок во Франкфурте, демонстрировали разнообразные породы рыб, доставляемые на этот рынок со всех концов мира, и часто оказывалось, что рыба была доставлена из мест экологических катастроф (что не было известно этим экологистам). Подобные парадоксальные ситуации являются типичными, закономерными для современного мира, несмотря на то что в нем здоровье воспринимается как некоторая значимая ценность.

Аналогичная картина наблюдалась и в бывшем СССР примерно со второй половины 70-х г. Тогда, в 70–80-х гг. шел интенсивный процесс сосредоточения жизненных интересов людей на частной жизни, *в сфере приватного*, поскольку осмысленная социальная жизнь становилась

---

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту «Социальные факторы здоровья населения» (грант № 96-06-80910).

[2] Статья закончена в декабре 1997 г. Написана по материалам обсуждения на Семинаре по теоретической биологии (ныне — Семинар по биогерменевтике Санкт-Петербургского союза ученых) в начале 80-х гг. при активном участии И. С. Дворкина, М. В. Крестовского, Е. М. Крупицкого, О. Т. Шевченко, А. С. Шерстобитова (Мурманск). Подготовлено к печати при участии Г. В. Руссо.

[3] *Каганский В. Л.* Экологический кризис: феномен культуры?//Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. М., 1994. № 6.

практически невозможной из-за абсолютного абсурда, который существовал в социальных институтах.

Интерес к своему здоровью, к лечебной деятельности самого разного типа, естественно, не обходился без своих собственных гримас и без хаотического смешения фундаментальных понятий. Символом такого смешения для автора явилась встреча молодых университетских йогов с православным священником. Йоги желали поговорить о том, чья вера лучше, кто здоровее чувствует себя, а батюшка начал и одновременно завершил разговор тем, что продемонстрировал свои гнилые зубы и сказал, что если вас интересует здоровье физическое, то у нас нет предмета для беседы. Этот пример показывает, что часто отсутствуют осознание и различение фундаментальных ценностных установок, разных культурных традиций, оснований и корней, на которых зиждутся те или иные лечебные практики. Задача настоящего текста — разобраться в этих корнях и основаниях.

Медикализация повседневности

Необходимо отметить, что в качестве рамочной конструкции для описания всей рассматриваемой сферы помимо интереса к лечебной деятельности и здоровью как таковым имеет место еще один феномен, начало которому было положено декартовским «Рассуждением о методе»[1] и который, как это совершенно очевидно, является завершением всего движения новоевропейской мысли. Речь идет о том процессе, который можно назвать *медикализацией* жизни или даже ее *клиницизацией*.

Основой этого процесса послужило декартовское учение о методе, из принятия которого вытекает, что личный опыт может быть заменен некой методой — безличной и абсолютной. Подобные представления, порожденные в естественно-научной сфере, распространились постепенно и на отношение к здоровью человека, к его частной жизни.

Именно поэтому возникает представление о том, что можно в соответствии с какой-то методикой профессионально рожать или что родовспоможение может быть высококачественно осуществлено только в условиях клиники. По той же причине распространяется практика, в соответствии с которой люди умирают преимущественно в клиниках. Вершиной этого процесса является желание людей организовывать свою половую жизнь в соответствии с рекомендациями специалистов[2].

---

[1] *Декарт Р.* Рассуждение о методе//*Декарт Р.* Избранные произведения. М., 1950.

[2] Об этом см., например, *Лев-Старович З.* Секс в культурах мира. М.: 1991; *Либих С. С., Фридкин В. И.* Сексуальные дисгармонии. Ташкент, 1990.

Безусловно, такое отношение к себе является вершиной отчуждения. Однако оказалось, что есть такие сферы, в которых подобный подход является оправданным и единственно возможным. С одной стороны, речь идет о каких-то особых формах профессиональной деятельности, например о космонавтике. Возможно, что длительные космические полеты в будущем и сделают такое отношение к телесной жизни человека нормой. С другой стороны, медикализация повседневной жизни нужна для выживания в земных условиях в областях бедствий, например — в зонах ядерных катастроф.

Такая медикализация жизни является некоторой особенностью повседневного поведения и повседневного отношения к своей соматической организации. Но, естественно, эта тенденция проявляется не только в повседневных отправлениях, таких как организация питания, сна, одежды и т. д., но и в особых ситуациях, которые можно назвать болезнями или болезненными состояниями. Именно эти ситуации порождают необходимость в том, что в общем определяется как *лечебная деятельность.*

Лечебная деятельность как *техне*

Прежде чем рассматривать лечебные практики, нужно сказать несколько слов о самом статусе лечебной деятельности.

Ныне существует смешение категорий, причем совершенно неспецифическое для медицины, которое затуманивает суть лечебной деятельности как таковой. Дело в том, что в соответствии опять же с новоевропейскими тенденциями в культуре происходит глобальная подделка разных форм деятельности под деятельность познавательную и, более узко, под научную. Соответственно трансляцию практического опыта пытаются осуществлять в тех же формах, что и трансляцию научного знания.

Тем не менее фундаментальным и хорошо понятным еще древними грекам различением было различение *гнозиса* и *техне*. Одним из образцов *гнозиса* действительно является наука. Но очевидно, что лечебная деятельность есть деятельность не познавательная, а чистое *техне*, поскольку она приводит к достижению некоторого нового состояния, допускающего, вообще говоря, и неполное понимание механизма достижения успеха[1]. Соответственно и образование в этой области, и

[1] Подробно это рассматривается в статьях: 1) *Чебанов С. В.* Комплексность в биостратиграфии//Системный подход в геологии (Теоретические и прикладные аспекты). Часть 1. М., 1986; 2) *Чебанов С. В.* Основания философии техники//Онтология и гносеология технической реальности. М.: Центр системных исследований, 1998. С. 113–116; 3) *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М., 1995.

организация социальных институтов должны быть построены в соответствии с принципами технической, а не познавательной практики.

Рассматривая эту ситуацию более пристально, можно говорить о том, что в сфере *гнозиса* существует собственная дифференциация познавательных практик: наука — один способ структурализации познавательной деятельности, учения — другой и т. д. Существует и большая сфера того, что можно назвать дисциплинами, которые являются способами оформления опыта практик, но эти способы на протяжении по крайней мере последнего века вынужденно мимикрируют под познавательную деятельность. Они формируют то, что старается назвать себя наукой или в крайнем случае научной дисциплиной, а по сути представляет собой просто способ организации учебных предметов, не связанный с тем, какова природа опыта, являющегося предметом передачи. Здесь, таким образом, происходит путаница основных понятий.

Поскольку имеет место такого рода мимикрия, то структура этих дисциплин не отражает ничего как в той реальности, которая является предметом познания, так и в той, в которой осуществляется *техне*.

Это чисто техническое замечание нужно иметь в виду в связи с тем, что в настоящее время в сознании обывателя, а порой не только обывателя, но и профессионального медика, бытует мнение о том, что медицина является наукой или по крайней мере базируется на научном знании. Обоснование неверности этого тезиса — отдельная задача, заниматься которой здесь неуместно. Нужно лишь отметить, что развитие науки, научного знания, в частности биологического и психологического, является подспорьем для медицины в той мере, в какой эти науки дают новое поле для выдвижения некоторых технических эвристик и способов деятельности в лечебной практике.

О синкретизме лечебных практик как особенности *техне* и его пределах

Для дальнейшего описания ситуации предстоит ввести некоторые фундаментальные различения, но вначале необходимо сделать несколько замечаний о самой природе таких различений.

Поскольку лечебная деятельность является *практикой*, то для нее в отличие от теории, от *гнозиса* как такового, в особенности от гнозиса глобального, такого как философия, характерно смешение разных компонентов, заимствованных из различных традиций. Поэтому, по-видимому, не может существовать *чистых практик,* будь то практики художественные, музыкальные, медицинские или технические. Но очевидно и то, что в разных практиках существуют и несовместимые

компоненты. Возникает серьезный вопрос о том, заимствование каких компонентов допустимо, а каких нет. Например, если взять практику строительную, то, скажем, ручная работа по производству кирпичей и индустриальное строительство — это явно несовместимые компоненты. Допустим, можно даже в блочном доме предусмотреть использование каких-то компонентов отделки, выполненных вручную, например резных наличников, но такая практика будет экономическим абсурдом и непонятно, кого сможет заинтересовать результат ее осуществления.

Такая же несовместимость существует и в сфере лечения. Например, несовместимо ведение больного и аллопатом, и гомеопатом (за исключением отдельных процедур). Точно так же возникает несовместимость и отдельных аллопатических лекарств.

Таким образом, можно ввести некоторый более общий принцип совместимости или несовместимости разных компонентов внутри одной практики. Для того чтобы практика существовала, ее компоненты должны быть «сыграны», они должны быть как бы настроены на один, а не на несколько разных камертонов. Когда появляются второй и третий камертоны, может возникнуть ситуация какофонии и разрушения.

Поэтому, понимая, что чистых практик не существует, можно в эмпирически данной лечебной деятельности выявить некоторые идеальные типы, которые совершенно явно имеют дело с разными реалиями, поразному обращаются с ними, причем удается проследить истоки каждого такого типа деятельности, можно постараться найти их идеальных представителей, а далее уже говорить о том, как эти типы взаимодействуют в современной жизни. Но необходимо подчеркнуть, что такого рода работа с идеальными типами является принципиально не исторической, это не история медицины, не история лечебных практик, а попытка описать нынешнюю ситуацию с помощью идеальных типов. Другое дело, что эти идеальные типы могут быть связаны с теми или иными историческими прецедентами, могут быть выявлены идеи, способствовавшие их становлению, эпохи преобладания той или иной практики и т. д.

Пять типов лечебных практик

Сфера, в сущности, бытовых отношений, которые складываются между людьми и касаются их телесной организации, по предложению А. В. Баранова была обозначена в 80-е гг. С. Г. Кордонским как сфера *социовитальных отношений*[1]. Она включает в себя отношения между

[1] См. *Баранов А. В.* Социальные аспекты экологии человека//Проблемы экологии человека. М., 1986.

ближайшими членами семьи (супругами, родителями и детьми) и отношения людей по поводу соматических аспектов их жизни (в частности, здоровья) как с членами семьи, так и с теми, кто специально занимается лечебной практикой.

Можно говорить по крайней мере о пяти разных типах лечебных практик — *медицине*, *социальной гигиене*, *целительстве*, *ветеринарии Homo sapiens* и *народной медицине*. Медицина при этом целостно занимается здоровьем индивидуального человека на протяжении его земной жизни, социальная гигиена ориентирована на лечение и профилактику заболеваний отдельных органов и их систем (но не человека в целом!) в популяции, целительство пытается нормализовать состояние здоровья человека (не только в земной жизни) путем духовных воздействий, ветеринария Homo sapiens подходит к человеку в краткосрочной перспективе как к обычному домашнему животному, не принимая в расчет его душевные, социальные и духовные проявления, а также отдаленные последствия, а народная медицина представляет собой недифференцированный комплекс лечебных приемов, отстоявшийся в низовой народной практике.

Медицина

Медицина — такая деятельность, которая направлена на человека, причем допускает индивидуальный подход к этому человеку и стремится достичь для него состояния здоровья[1]. В определенном смысле медицина в этом понимании будет соотноситься с тем, что многие из нас ожидают от деятельности «настоящего» врача. С другой стороны, есть и последовательное изложение того, что предполагает медицинская деятельность, например, «Канон врачебной науки» Ибн Сины[2]. Эта лечебная практика ориентирована именно на поддержание индивидуального варианта здоровья человека (так, будут разными критерии здоровья для людей с пяти- или шестипалой рукой, другие — для одноногого или двуногого и т. д.).

Говоря о медицине, нужно сделать еще одно крайне важное замечание о ее морфологической (в аристотелевском понимании) природе. Больным для медицины является человек, и это означает, что нарушена его целостность именно как человека, т. е. целостность его тела, души и духа, и задача заключается в том, чтобы найти их правильное соотношение.

---

[1] Что понимается под здоровьем будет определено дальше.

[2] *Ибн Сина*. Канон врачебной науки. Кн. 1–5. Ташкент, 1954–1960.

Важно иметь в виду, что хотя та традиция, которая сейчас обсуждается, идет из античности, но в христианскую Европу она пришла через средневековый мусульманский мир, конкретно — через мусульманских придворных врачей. В Европе медицина всегда существовала как некоторое инокультурное явление. В Новое время носителями секулярной медицинской традиции являлись евреи, а врачи-евреи в числе прочих внесли свой вклад в разработку программы интеграции еврейства в европейскую жизнь в конце XIX в. Можно вспомнить и всплеск интереса к восточной (тибетской) медицине (аюрведической) на рубеже XIX—XX вв.[1].

Будучи этим инокультурным явлением, медицина существовала в контексте периферийных для культуры Европы представлений, которые имели общие корни с представлениями других культур: общими как для европейской учености, так и для учености восточного Средневековья: была еще ученость античная, и в частности аристотелевский морфологический подход.

В Европе рецепция медицинской практики осуществлялась вместе с алхимической[2] и астрологической традициями, которые основаны на одних и тех же представлениях о первоэлементах. В мусульманской практике учение о первоэлементах также было ключевым. На его основе разрабатывается учение о мезоджах как о разных сочетаниях первоэлементов. В тех или иных мезоджах первоэлементы становятся наблюдаемыми, видимыми только тогда, когда существуют отклонения от гармонии. Если же они находятся в гармонии, то они как первоэлементы не видны[3].

Замечательно, что в мусульмано-арабской медицине существовали как абсолютный запрет на какие-либо манипуляции, связанные с расчленением человеческого тела, так и значительные ограничения на подобного рода расчленения животных. Поэтому восточная традиция породила особый тип изображения человеческого тела (да и тела животных), так что «анатомические атласы» арабского Востока принципиально отличались от нынешних атласов анатомии человека. Их особенностью является то, что они составлялись без практики анатомических вскрытий (с этой точки зрения можно обсуждать оправданность такого рода вскрытий в европейской медицине — по крайней мере до

[1] Материалы по изучению источников традиционной системы индо-тибетской медицины. Новосибирск, 1982; «Дзэйцхар Мигчжан» — памятник тибетской медицины. Новосибирск, 1985.

[2] См., например, Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века. М., 1983.

[3] *Нуралиев Ю. Н.* Медицина эпохи Авиценны. Кн. 1. Душанбе, 1981.

конца XIX — начала XX в., когда в медицине появились специфические приемы клеточной терапии). Можно утверждать, что так называемые анатомические атласы мусульманской медицины — это атласы именно *морфологии* человека. Органы в них изображаются как морфологические образования, а не как анатомические структуры, т. е. как совокупность различенных частей, а не сумма фрагментов, имеющих только геометрическую определенность. В результате в такой традиции топографическая анатомия вообще отсутствует как таковая, а идентификация органов идет за счет пальпации, перкуссии и, по-видимому, субсенсорных ощущений. С такими атласами сопоставимы изображения чакр в индуистской традиции или меридианов в дальневосточной.

Эта медицинская традиция «работает» именно с морфологическими образованиями и способами их гармонизации. Способы такого рода гармонизации зиждятся на натурфилософской традиции и основаны на оперировании с гармоническими и негармоническими сочетаниями первоэлементов.

По-видимому, переброс античной медицинской традиции на Восток произошел через сирийских христианских врачей IV–VI вв., а затем христианство от этой традиции отстранилось вплоть до XVIII–XIX в., так что мусульманский мир явился посредником между античной и ново-европейской медициной (как и посредником в передаче аристотелианства). Возник феномен культурного симбиоза: христиане были учителями и словесниками при мусульманских дворах, а мусульмане служили врачами при дворах христианских правителей Европы.

В практике медицинской деятельности предполагается существование достаточно детальных типологий, чаще всего связанных с первоэлементами и основными жидкостями организма — кровью, желчью, лимфой и слизью. На этом основании строится и психосоматическая типология — выделяются сангвиники, меланхолики и т. д., которые для медицины в рассматриваемом смысле являются именно психосоматическими типами.

В получившей сейчас распространение аллопатической традиции подобные представления уходят на задний план. В гомеопатической традиции им до сих пор придается несоизмеримо большее значение, хотя в массовой гомеопатической практике также существует определенная утрата культуры типологического подхода. Ныне традиция, делающая упор на типологию и учитывающая фазовость состояния человека, возрождается в так называемой методике Фоля, которая «работает» и с точками акупунктуры, но уже в современном инженерном варианте.

Медицина как лечебная практика ориентирована на рассмотрение отдаленных последствий лечения и поэтому весьма консервативна. Однако интерес к таким последствиям и ответственность за лечебные

манипуляции распространяются для медицины только на земную жизнь человека, загробной жизнью она не занимается. Вместе с тем врач считает своим долгом привести больного к достойной смерти, не вмешиваясь в нее саму, — желательно, чтобы пациент не умер очень молодым, его жизнь и умирание не должны сопровождаться чрезмерными страданиями, в частности сильной болью, и т. п.

Реализация такой медицинской идеологии требует индивидуального подхода к пациенту, лечения именно человека, а не оперирования с симптомами болезни. Поэтому естественно постоянное нахождение врача в семье больного. Но поскольку врач хорошего уровня для осуществления своей деятельности должен иметь соответствующий образ жизни, такая семья как минимум должна быть небедной. Так, Ибн Сина для того, чтобы реализовать свой идеал лечебной деятельности, около 35 лет жил при правителях (например, в Хамадане — в должности визиря). Он пользовался всеми благами, которыми пользовался правитель — вместе с ним жил, ел, спал, гулял, развлекался и т. д., но не мог напрямую вторгаться в сферу принятия властных решений.

В этом понимании медицины, единственно осмысленном с точки зрения автора, врач становится особым членом семьи (ср. идеологию семейного врача), входит в индивидуальные отношения со своим пациентом. Только таким образом он может осуществить свою задачу — понять место пациента в мироздании и откорректировать отклонения пациента от его индивидуального места в Космосе. В этом отношении медицина раскрывается как сфера прикладной философии. Рассчитываться за такую работу просто деньгами становится невозможным — с врачом нужно разделить определенную часть своей жизни, прожить вместе с ним какую-то ее часть.

Другой, более дешевый вариант реализации практики медицины в понимании Ибн Сины — в том, что не врач живет в семье, а если кто-то в семье заболевает и становится необходимым его пребывание в стационаре, то в больницу помещается вся семья больного, причем все здоровые члены семьи продолжают заниматься своими делами, больным же занимается врач. Больной при этом не вырван из контекста повседневной жизни.

Очевидно, что в существующей лечебной практике ни то, ни другое для большинства пациентов обеспечить невозможно. В некоторой мере приближением к этому идеалу является получающая сейчас распространение практика организации стационаров на дому. В этом явный ресурс для реализации установок медицины по Ибн-Сине.

Таким образом, именно медицина в понимании Ибн-Сины является по сути глубоко морфологичной. Такое понимание медицины находит-

ся если не в противоречии, то в разительном контрасте с интересом к тонкой анатомии, который свойствен ныне существующей лечебной практике, получившей широкое распространение в Европе и на которой в большой мере основана социальная гигиена[1].

Весь описанный комплекс обстоятельств характеризует медицину как особый вид лечебной практики. Понятно, что эта практика «штучная», доступная весьма малой части населения, хотя у некоторых врачей время от времени появляется внутренняя нравственная потребность в том, чтобы сделать такую практику широко распространенной. Они, будучи совестливыми людьми, стараются это делать начиная с Гиппократа, с которым традиционно связывается клятва Гиппократа, согласно которой врач должен быть совершенно бескорыстным и приходить на помощь человеку в любых ситуациях. Но в действительности оказывается, что по социально-экономическим причинам это возможно далеко не всегда.

Социальная гигиена

Второй большой практикой, которая сейчас явно доминирует, является *социальная гигиена*.

Перед социальной гигиеной стоят в целом такие задачи, как предотвращение последствий несчастных случаев, прежде всего массовых — крупных стихийных бедствий, аварий, катастроф; оказание помощи пострадавшим в ходе военных действий; предупреждение или же срочная помощь во время эпидемий. К этой же области будет относиться формирование разумных диет, борьба с алкоголизмом и наркоманией. В сущности, вся идеология социальной гигиены построена на том, чтобы достичь эффективного решения подобных задач.

Вторым эшелоном деятельности для социального гигиениста будет обеспечение увеличения общей продолжительности жизни человека, уменьшения смертности в ранних возрастах, поддержания социального стандарта жизни, способности людей к жизнедеятельности.

Сложность осознания социальной гигиены как особой лечебной практики связана с тем, что она в большой мере сама не осознает себя как что-то особое, отдельное, исторически она зарождается в недрах медицины (у того же Ибн Сины есть значимые суждения о ней). Сложность осознания социальной гигиеной самой себя не уникальна — си-

[1] О соотношении и противоречиях анатомии и морфологии см.: *Чебанов С. В.* Представления о форме в естествознании и основания общей морфологии//Orgaanilise vormi teoria. X teoreetilise bioloogia kevadkool. Tartu, 1984; *Мартыненко Г. Я.*, *Чебанов С. В.* Семиотика описательных текстов. СПб., 1998. 422 с.

туация абсолютно аналогична тому, когда собственно *популяционные* представления в биологии с трудом осваиваются как нечто отдельное от знания единичных особей[1].

С точки зрения социальной гигиены существенны такие показатели, как продолжительность жизни, число дней нетрудоспособности, численность пациентов с хроническими заболеваниями и т. д. На периферии социальной гигиены будут находиться доля лиц с различными вялотекущими хроническими заболеваниями, степень допустимых отклонений от физиологически оптимального режима функционирования организма человека и пр.

Существующую практику социальной гигиены совершенно не интересует индивидуальный подход; вообще говоря, для социальной гигиены сейчас реально не существует и типологического подхода. Принципиальная возможность создания *биоморфной* (с развитой типологией, реальным популяционным подходом) социальной гигиены следует из возможности ее сверхбыстрой исторической динамики. Если вспомнить бывший Советский Союз, то можно увидеть, как могут изменяться стандарты социальной гигиены за несколько лет, буквально на глазах у изумленной публики. Если в брежневские времена ее конечной целью было обеспечить явку человека на неинтенсивную и малоэффективную работу у станка или в конторе, то сейчас, когда от человека требуется высокая работоспособность, перед социальной гигиеной встают новые задачи — быстро поднять человека на ноги в случае болезни, иногда дать возможность перенести болезнь на ногах, провести профилактику острых состояний, снять стресс и усталость. Индивидуальный подход как в первом, так и во втором варианте не предусмотрен, очень редко упоминают и о типологических особенностях человека, но появляются все новые практики ведения пациента, нуждающегося в какой-либо помощи или в каких-то профилактических мероприятиях.

Социальная гигиена занимается таким обеспечением существования больших масс людей, которое позволяет этим людям отправлять социальные функции, предписанные им ситуацией. Социальная гигиена работает с социальными нормами здоровья, задавая некоторый эталон, который ориентирован на возможность исполнения человеком своих социальных функций.

Такая позиция отличается от позиции медицины и от медицинского понимания культурной нормы следующими обстоятельствами.

Прежде всего для социальной гигиены существует де-факто только один стандарт здорового существования. Теоретически можно ввести

[1] См. об этом, например, *Шмальгаузен И. И.* Проблемы дарвинизма. Л., 1969.

несколько стандартов здоровья и соответственно несколько социальных нормативов, но реально таких социальных практик не существует. Все люди, не подпадающие под единственный стандарт здоровья, объявляются нездоровыми, квалифицируются как инвалиды, и далее начинаются самые разные и неожиданные социальные игры. В зависимости от состояния общества и существующей в нем морали с этими инвалидами могут поступать по-разному: или оказывать им некоторую социальную поддержку, или стараться изолировать их и вообще исключить из социальной жизни. Во втором случае те, кто объявлены инвалидами, подпадают под действие ветеринарии Homo sapiens. Практически чистый вариант такой ситуации мы наблюдали в бывшем Советском Союзе по отношению к психическим больным и к больным с обширными параличами, в особенности с детским церебральным параличом. В рамках такой идеологии считается, что инвалиды не должны мозолить глаза другим, якобы здоровым людям. Богатые общества, напротив, могут создавать для инвалидов условия весьма благоприятные и даже делать их некоторым привилегированным сословием. Но при этом начинается выяснение вопроса о том, что есть норма и патология, и возникают совершенно разные социальные практики в зависимости от морального состояния общества, его экономических ресурсов и т. д. При этом для некоторых социальных обществ уже сейчас наличие большого количества инвалидов становится весьма ощутимым для определенных социальных групп (например, Англия, особенно ее состоятельные слои населения, внутри которых действительно удается сохранять довольно большое количество людей с серьезными физическими дефектами, адаптированными к обществу). С другой стороны, нарастание числа пожилых людей, которое является достижением социальной гигиены, приведет к необходимости колоссальных инвестиций для поддержания их жизни.

Характер решаемых социальной гигиеной задач определяет то, что она оперирует только ближайшими последствиями и абстрагируется от отдаленных. Подобная логика приводит к такого рода явлениям, как массовая аллергизация как последствие применения антибиотиков или необходимость смены поколений антибиотиков как средство преодоления реакции микробных популяций на их применение.

Социальная гигиена вписывается в такую социальную реальность, в которой индивидуальная смерть является некоторым досадным недоразумением, которое лучше всего вообще не замечать. Реализацией такой установки является стремление к максимальному увеличению продолжительности жизни, широкое распространение реанимации, желание видеть хорошие статистические показатели — низкий уро-

вень смертности[1], большую среднюю продолжительность жизни, длительное сохранение трудоспособности, низкий процент инвалидизации и т. д.

Одним из важнейших критериев качества работы в социальной гигиене является технологичность проводимых процедур — лечение в числе прочего должно быть технологичным. Показательным примером является работа Федоровского центра микрохирургии глаза и его филиалов. В частности, практикуется оперирование катаракты только на определенной стадии ее созревания, что делает процесс операции высокотехнологичным ввиду стандартности осуществляемых процедур. При этом, однако, ожидание определенной стадии зрелости катаракты может обернуться слепотой для больного — скажем, в момент, когда он будет удобен для оперирования, он может заболеть чем-то другим и поэтому быть неоперабельным. Когда же он поправится, может оказаться, что оперировать катаракту уже поздно, и он потеряет зрение. Так технологичность социальной гигиены оборачивается бедой для конкретного человека. К тому же налицо ситуация, когда лечится не больной, а болезнь, что указывает на выход за пределы медицинской практики.

Подобное отношение к человеческому здоровью оборачивается некоторыми неожиданными последствиями. Например, приближенность социального гигиениста к смертям, в том числе массовым, широкое распространение состояний клинической смерти и множественных реанимаций и т. д. приводят к тому, что в этой сфере лечебной практики концентрируется большое количество лиц с некрофильскими наклонностями.

Технологическое удобство ведет к созданию крупных клиник, в которых концентрируются больные, в том числе и в терминальных состояниях. Это создает совершенно новые эффекты, в том числе и в таких игнорируемых социальными гигиенистами сферах, как душевная и духовная. В подобных случаях создаются условия для того, что на бытовом уровне обозначается как вампиризм, в частности вампиризм некротического типа. Но оказывается реальностью и другое — концентрация в клиниках беременных и рожениц. Это создает в клиниках особую душевно-духовную атмосферу. Совершенно очевидно, что для части персонала эта атмосфера является решающим обстоятельством, определяющим их выбор профессионального занятия[2]. Видимо, здесь имеют место какие-то процессы, сопоставимые с некрофилией. Имен-

[1] На популяционном уровне это оборачивается тяжелыми демографическими проблемами.

[2] Часто акушерки выглядят значительно моложе своих лет и практически никогда без особых причин не меняют своей работы.

но поэтому можно говорить о том, что социальная гигиена создает предпосылки для реализации своих задатков некрофилам и «вампирам».

Социальная гигиена порождает еще один круг проблем — проблемы трансплантологии. Самим по себе искушением является принятие решения о безнадежности состояния того, кто является источником трансплантата. Еще большим искушением является желание воспользоваться здоровым человеком как таким источником. Криминальные и экономические аспекты таких действий не входят в обсуждаемый предмет, с точки же зрения анализа лечебных практик такая возможность явно указывает на то, что речь идет не о медицинской деятельности. Вместе с тем все достижения и собственно медицины необходимы для реализации подобной практики (прежде всего уход после операции трансплантации).

Суммировать и дополнить некоторыми деталями соотношение двух развитых систем лечебной деятельности, претендующих на научность и обладающих определенным потенциалом авторефлексии, — медицины и социальной гигиены — можно с помощью прилагаемой табл. 3.

Таблица 3

Сопоставление медицины и социальной гигиены как социальных практик лечебной деятельности

Аспект различия	**Форма лечебной деятельности**	
сфера деятельности	**медицина**	**социальная гигиена**
ценность	конкретный человек	человеческая популяция
единица оперирования	организм	симптом
сфера деятельности	психика в теле (плоть)	тело
образ тела	живое	физико-химическое образование
природа болящего	уникальная плоть	заменимое тело
центральная точка	правильная смерть	длинная жизнь
деятель	врач	страховой врач, социальный гигиенист
связь с опытом	авторитет традиций	ориентация на новизну
отношение больного	преклонение перед тайной	страх полузнания, ятрогения
организация дела	дело жизни	служба
расплата	жизнью	деньгами
отношение к пациенту	индивидуальная совместимость	универсальный подход
источник	родиться врачом	образование
кого лечит	кого хочет	кого надо
отношение к этносу	внутри этноса или порождая этнос	безразличие
отношение лечащего	отдает жизнь	питается смертью

Нужно заметить, что распространение социальной гигиены как лечебной практики приводит к разнообразным последствиям, таким как:

— размывание границ нозологических единиц, стирание типичных форм течения болезней (прежде всего инфекционных);

— распространение психосоматических хронических расстройств как следствие того, что каждым органом или их системой занимается отдельный специалист, а «сыгровкой» организма как целого заниматься некому;

— распространение психосоматических расстройств как следствие того, что отсутствует деятельность врача как того, кто ищет подобающее место пациента в мире, в результате чего пациент не в состоянии найти подходящей для себя формы социальной реализации (проблемы профпригодности и профзаболеваний).

В итоге пациент оказывается наедине с соматическими проблемами своей социальной реализации. Весьма актуальными при этом оказываются такие состояния, как генерализованный адаптационный синдром (стресс по Г. Селье[1]) и синдром хронической усталости. То, что регулярно не доделывают социальные гигиенисты по сравнению с врачами — восстановление целостности, — становится главной проблемой поддержания здоровья. Восстановление целостности — целительство[2] — оказывается тем, в чем так нуждаются пациенты и на чем так удобно наживаться шарлатанам.

Целительство

Третья социальная практика — целительство, врачевание — крайне неоднородна и вместе с тем воспринимается как нечто единое (например, почти все далее рассматриваемые ее типы представлены в Петербургском центре «нетрадиционной» медицины «Антикос»). Особенностью этой практики является ее гиперхолистическая ориентация, на фоне которой дифференцированные знание или манипулятивная практика кажутся почти ненужными. Образцами такой терапии являются заговор, наложение рук, употребление «намагниченной» воды и т. д. Целительство как социальная практика в своих простейших проявлениях плавно перетекает в народную медицину[3].

---

[1] См. например, *Селье Г.* На уровне целого организма. М., 1972; *Селье Г.* Стресс без дистресса. Л., 1979.

[2] Ср. первоначальное значение общеславянского (имеющего соответствия в германских и балтийских языках) «целый» — здоровый.

[3] Так, можно высказать соображения как в пользу того, что Джуна Давиташвили целитель, так и того, что она знахарка. В отношении же Ванги вроде бы не возникает сомнений в том, что она знахарка.

В целительстве можно выделить по крайней мере следующие весьма неоднородные составляющие.

1) Прежде всего, речь идет о таких воздействиях, как разного рода поглаживания, наложение рук, исцеляющие беседы, заговоры. Все эти формы воздействия весьма разнородны, поскольку содержат разные (гетерогенные) компоненты воздействия в каждом конкретном акте, и эти акты могут быть весьма разными по своей природе (полиморфными). В первую очередь во всех этих воздействиях присутствует обычный, природный компонент, свойственный каждому человеку. Эффект воздействия заключается в том, что просто с человеком никогда так не говорили, он не чувствовал внимания к себе и человеческого участия, наконец, он просто не обласкан — его недостаточно гладили, ласкали как ребенка или как супруга. Сама по себе такая забота очень сильно воздействуют, в особенности на одинокого и потерявшегося человека. Но, безусловно, в таком воздействии есть и компонент того, что называется естественной, или натуральной, магией — всякий человек, являясь существом духовным, оказывает такое неспецифическое воздействие на все (всех), что (кто) их окружает. У сильного целителя такое воздействие может быть весьма сильным.

2) К такому совершенно неспецифическому воздействию может присоединяться какое-то малоспецифическое, но все же профессиональное воздействие, например массаж у костоправа, какой-нибудь травяной сбор у знахаря, работающего с травами, и т. д. Для таких воздействий характерна высокая степень неспецифичности, порой явно присутствует идея панацеи[1]. Но иногда подобная деятельность сочетается и с довольно дифференцированными типологиями, например астрологическими или алхимическими. В последних случаях деятельность начинает уже пересекаться с гипернатуральной магией.

3) Такого рода воздействия являются значительно более действенными, если они включают в себя хотя бы элементы сверхъестественной (гипернатуральной) магии. В эту деятельность вовлечены весьма разные персоны. Но главная проблема для всех одна — оправданно ли привлечение сверхъестественных сил в том или ином случае для решения конкретных проблем и чем за это придется расплачиваться и целителю, и пациенту? Кроме того, обращение к сверхъестественному предполагает и то, что сферой терапевтического воздействия оказывается не только земная, но и загробная жизнь. Более того, порой созда-

[1] В некоторых случаях такое отношение заложено в самой традиции — ср. отношение к вьетнамскому бальзаму «Золотая звезда» или корейской «Золотой таблетке».

ется впечатление, что привлечение таких методов может иногда приводить к исчерпанию ресурса посмертной жизни человека. Поэтому отношение ко всей этой сфере должно быть в высшей степени настороженным.

Соразмерность средств и целей лечения — главный критерий допустимости такой практики. Так, если за избавление от гнойника нужно продать — повредить — свою душу, то очевидна абсурдность такого действия. Но если очень болит, то находятся готовые пойти и на это (как маленькие дети — лучше маленькое удовольствие сейчас, чем большое потом). Сомнительность многих предлагаемых процедур заключается в том, что предлагающие их даже не готовы к обсуждению вопроса о том, как это повлияет на то, как будет умирать человек, и на будущее его посмертие[1]. Поэтому принципиальный критерий различения допустимого и недопустимого в этой сфере прост — если цели и средства сопоставимы по значимости, то ситуацию можно по крайней мере рассматривать серьезно, если же нет и для решения каких-то ерундовских задач предлагается использовать сверхъестественные силы, то ситуация заведомо нечиста.

Однако на практике все обстоит сложнее. Так, Христос, терпя крестные муки, не помогал себе. Поэтому бессилие целителя помочь самому себе не может рассматриваться как свидетельство того, что он шарлатан.

С реализацией этой практики в первую очередь связано понимание Христа как врача. В Евангелиях содержится несколько сюжетов, в которых Христос выступает как исцелитель, — скажем, воскрешение дочери Иаира, избавление женщины, страдавшей кровотечением, или исцеление расслабленного и т. д., которые должны рассматриваться как духовное целительство. «Второй эшелон» будет представлять непосредственно апостол и евангелист Лука, который рассматривается в христианской традиции как первый христианский врач и к которому восходят традиции христианской медицины. Ярким представителем такой медицины в XX в. является профессор, специалист по гнойной хирургии митрополит Лука (Войно-Ясенецкий), который оставил и развернутые сочинения по богословским аспектам медицины[2].

[1] Ср. в связи с этим тезис одного из хороших современных врачей о том, что вся жизнь в юности и зрелом возрасте — подготовка к хорошему климаксу. Удачно же перейдя через климакс, человек получает возможность полноценно прожить после него значительную часть жизни. В такой позиции — ответственное отношение к своему делу в границах своей компетенции.

[2] Наиболее значительные рукописи хранятся в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии.

Естественно, что подобные лечебные практики могут существовать не только в христианской традиции, но и в традициях мусульманской или буддистской. При этом в известных — достаточно широких пределах — представители разных вероисповеданий признают достижения духовного врачевания друг друга. Однако предел этот есть, и за ним начинаются уже сугубо духовные проблемы.

Одним из подводных камней духовного врачевания является то, что, как и врачевание телесное, оно может быть правильным и неправильным, в данном случае — чистым и нечистым. Вполне возможно, что тебя будут исцелять духовно не Духом Святым, а демонами. Демоническое начало у многих современных целителей проскальзывает совершенно определенным образом. Нелишне вспомнить, что для христианской традиции, восходящей к Евангелию, совершенно недопустима торговля дарами Духа Святого. Дары Духа Святого являются **дарами**, они предоставляются безвозмездно. Если какой-то целитель делает из этого сферу бизнеса, то вполне возможно, что он и очень сильный целитель, но то, что его дар является даром Духа Святого, весьма сомнительно. Скорее всего, пациент здесь может вступить во взаимодействие с демонизированным магом[1].

Ужас заключается в том, что осознать это можно, уже находясь на грани жизни и смерти, когда искупление становится невозможным. Поэтому весьма большое количество людей, сознательно относящихся к жизни и миру, вполне последовательно отказываются от услуг целителей («лучше быть мертвым, но чистым»). Вместе с тем сами целители предпочитают такого рода сюжеты не обсуждать, и само по себе такое нежелание является некоторым компасом, позволяющим ориентироваться в отношениях с этими людьми.

Серьезной проблемой духовного целительства в России ныне является отсутствие осознанной организации духовной жизни. Так, у большинства населения нет никаких средств отличить духовных пастырей от магов, целителей, авантюристов, а самородков от дельцов. Это тем более серьезно, что в духовной сфере вообще нет простых способов отличить реальное духовное действие от его обманной имитации.

В заключение стоит обратить внимание на то, что в очень разных направлениях целительства (от мануальной терапии до духовного целительства в христианстве) используется наложение рук целителя. В христианстве же хиротония является способом передачи Духа Святого.

---

[1] Ср. евангельское повествование о Симоне-маге.

Ветеринария *Homo sapiens*

Следующая социальная практика, которую необходимо выделить, может быть обозначена как *ветеринария Homo sapiens*. Это относительно молодая в своих массовых проявлениях, но имеющая глубокие корни практика лечебной деятельности. В данном случае подразумевается, что человек рассматривается именно как представитель биологического вида Homo sapiens, и упор делается на то, что необходимо реализовать его зоологический потенциал. При этом отношение к его душевной и духовной практикам, к его социальной жизни, социальным функциям и т. д. остается абсолютно безразличным.

Для ветеринарии Homo sapiens идеальным является пациент без сознания — медику не надо вступать с ним в личностные отношения, учитывать его персональные особенности. Именно поэтому ветеринария Homo sapiens особенно популярна среди реаниматологов (у которых, к тому же может быть выражена некрофилия). При этом бессознательные больные оказываются наиболее технологичными (в этом же и суть использования общей анестезии при хирургических манипуляциях), что позволяет отрабатывать на них новые методики.

Обычно такая лечебная практика применяется по отношению к лицам, свобода и гражданские права которых как-то ограничены — юридически или фактически. Здесь нужно указать по крайней мере три разные сферы, где такого рода практика является значимой.

Во-первых, это область, которая существовала всегда и особенно актуальна сейчас, — содержание больших публичных домов. Надо подчеркнуть, что здесь речь не идет о выдающихся проститутках, которые работают уже по сути как гетеры и гейши, а именно о рядовых, массовых проститутках, от которых требуется только физическое удовлетворение, но которые тем не менее должны соответствовать существующим нормам. В этом смысле мы имеем дело с некоторой ветеринарной практикой, в рамках которой нужно просто предотвращать социальные эпидемии и поддерживать заданный социальный стандарт достаточно долго.

Во-вторых, такой социальной практикой является поддержание способности к функционированию больших масс рядового состава в армии. Рядовой состав рассматривается не только с точки зрения принятой в армии иерархии, но и с точки зрения тех задач, которые на них возлагаются. Например, рядовые спецназовцы или разведчики рядовыми в этом смысле не будут, а вот когда для выполнения достаточно простых и однообразных задач необходимо просто большое количество пушечного мяса (например, курсантов, даже имеющих офицерские погоны), ветеринарный подход становится актуальным.

Сюда же, в-третьих, примыкает содержание людей в концлагерях с целью использования их как дешевой рабочей силы. В советских концлагерях, судя по имеющейся информации, этот вопрос насущным не был, хотя там существовала соответствующая медицинская служба, а вот в концлагерях фашистской Германии хорошо просчитывались и экономическая эффективность содержания заключенных, и минимальный рацион для поддержания их в трудоспособном состоянии.

И наконец, четвертая сфера — это воспитание массовых спортсменов — не тех, которые выступают за сборные в крупных чемпионатах мира и стран, а таких, для которых нужно просто поддерживать хороший уровень физической подготовки, не делая при этом особой ставки на реализацию душевного и духовного потенциала данного человека.

Кроме того, время от времени в рассматриваемую практику начинают впадать плохие и/или бедные детские заведения (ясли, детские сады, санатории, лагеря), плохие больницы (прежде всего для хроников), дома престарелых.

Нужно заметить, что в нашей стране с конца брежневского периода, т. е. примерно с конца 70-х гг. и по настоящий момент, встречается еще одна практика, при которой ветеринария Homo sapiens становится актуальной. Речь идет об одном варианте очень специфического отношения родителей к детям. Оно заключается в том, что часть родителей занимает по отношению к своим детям пассивную позицию, считая, что они должны обеспечить их только материально, обеспечить их физическое здоровье и в общем не очень думает об их социализации, об их практической деятельности, о роли трагедии в их жизни и т. д. Такая родительская установка, нечастая вплоть до начала 90-х гг., сейчас становится распространенной в связи по крайней мере с двумя обстоятельствами.

Во-первых, многие родители не видят путей для своей адекватной социальной реализации в новых условиях постсоветского общества, а во-вторых, конечно, современное общество живет под страхом СПИДа, и поэтому взрослые ориентированы на жесткий контроль сферы молодежного общения своих детей. Тотальный контроль приводит к формированию юношей и девушек с «телячьими» глазами, которые напрочь лишены чувства ответственности даже за самих себя, и родители вынуждены будут до старости заботиться о том, чтобы они были чистыми, сытыми, не имели хронических телесных заболеваний и т. д.

Все эти практики можно отнести к ветеринарии Homo sapiens, которая не предполагает никакой актуализации душевных и духовных сил человека, и применительно к ней вообще неосмысленно обсуждение того, как душевная и духовная жизнь могут влиять на соматический

статус человека[1]. В этом контексте стоит упомянуть о крайне сомнительном предложении одной из медицинских дам еще советского времени о публикации результатов «медицинских» исследований в фашистских концлагерях как работах, проведенных на свиньях. Совершенно ясно, что в условиях концлагеря могла быть активизирована биология-2 (см. далее) и тогда чисто ветеринарный подход не проходит (а именно в его рамках есть сходство физиологии Homo sapiens и Sus scrofa).

В заключение надо отметить, что хотя как самостоятельная цельная практика ветеринария Homo sapiens выглядит чем-то не очень обычным, тем не менее по сути ветеринарные рекомендации даются врачами довольно часто.

Скажем, как ветеринарные надо расценивать рекомендации постельного режима бухгалтеру в конце финансового года или докторанту в день защиты. Точно так же по сути дела ветеринарными будут рекомендации дорогого лечения для неимущего, и тогда в логике ветеринарного подхода ничего не остается, как пустить его в ситуации отсутствия денег «под нож» — именно такие рекомендации подталкивают бедняков на суициды или являются толчком к формированию депрессии. Истинный же врач должен в подобных случаях не только назначать лекарства, но и подсказывать стратегии прохождения критических точек.

Аналогичные рекомендации могут касаться и общекультурной или этнической определенности. Так, рекомендация для некоторых народов Крайнего Севера отказаться от китового промысла или восточным славянам от пшеничного хлеба будет разрушением стержневых структур соответствующих культур.

Такого рода положение дел чрезвычайно показательно и принципиально. Дело в том, что речь идет о разрушении одного из основополагающих разделов медицины — медицинской деонтологии. Нынешние врачи вообще не понимают, что это такое, а некоторые даже не слышали о ее существовании. Вместе с тем интенсивно обсуждаются такие вопросы медицинской этики, как допустимость эвтаназии, допустимость утаивания смертельного диагноза и т. д. Такая смена тематизмов и содержания врачебной этики и свидетельствует о том, что лечебная практика вышла за пределы медицины. Об этом свидетельствует и положение со смежными вопросами.

[1] Нужно, однако, иметь в виду, что дело обстоит несколько сложнее. Наличие хотя бы следов сознания и приобщенность к простейшим формам цивилизованности, судя по всему, понижают чисто биологические резервы Homo sapiens как одного из видов гоминид (биологию-1). С другой стороны, неразвитость сознания не позволяет реализовать и биологический потенциал человека (биологию-2 — см. подробнее: *Чебанов С. В.* Спекулятивная биология человека//Спекулятивная биология человека. Vilnius, 1996).

Прежде всего ушла (как первоочередная) проблема врачебной тайны — ныне в социуме функционирует множество документов, связанных со здоровьем пациента. Более того, состояние здоровья влиятельных пациентов влияет на положение на биржах, ведение военных действий и т. д. С медицинской точки зрения такое положение дел — бессмыслица, но это вполне последовательно вписывается в логику социальной гигиены (о ветеринарии Homo sapiens, правда, в этом случае говорить не приходится, поскольку речь идет о весьма высокопоставленных особах, по отношению к которым приходится все же соблюдать некоторые нормы приличия, но, конечно, не для столь опустившихся особ, как Г. А. Зюганов).

В связи с этим приходится говорить и о том, в какой мере медицина вообще совместима с гражданским обществом, — ведь очевидно, что забастовки как форма борьбы за свои права не совместимы с основными принципами гиппократовской медицины.

Народная медицина

На фоне этих четырех практик существует еще одна.

Дело в том, что все эти выделенные основные четыре практики лечебной деятельности столкнулись с одной и той же проблемой — в разное время, в разных ситуациях, при разных обстоятельствах: лечебной деятельности, организованной каким-либо из перечисленных образов, не хватает на всех желающих, т. е. все эти типы лечебной деятельности лимитированы экономически.

Коль скоро такое обстоятельство имеет место, то некоторое число людей остается без лечебной помощи. Они либо по разным причинам выпадают из структур социального обеспечения и оказания медицинской помощи, либо не могут оплатить деятельность хорошего врача, либо им не встретиться с хорошим духовником, который может помочь их душевному здоровью, либо у них нет родителей, которые готовы их содержать в качестве «телят» до старости. Таких людей оказывается довольно много, они страдают какими-либо болезнями и вынуждены самостоятельно искать выход. Здесь на помощь приходят советы ближних, некоторые из которых оказываются более осведомленными в такого рода деятельности, чем остальные, возникает феномен того, что называют народной медициной.

Поскольку ни одна социальная система не в состоянии обеспечить поддержание социовитальных отношений с помощью профессиональных институтов — медицинских, церковных или каких-то других, то, как на это обратил внимание С. Г. Кордонский, спонтанно возникают

институты, эффективно решающие эти проблемы, — институты локальных общин. В таких общинах существует некоторая социовитальная практика, которая позволяет любому члену общины поддерживать себя в работоспособном состоянии, по крайней мере он может сам себя обслуживать, а не находится в состоянии, требующем пребывания в клинике. С. Г. Кордонским на практике было продемонстрировано, что возрождение этих социовитальных отношений в малых общинах приводит к тому, что люди, которые страдали какими-то психическими нарушениями и нуждались в полной медицинской поддержке (вплоть до того, что их приходилось сажать на горшок), могут жить самостоятельно под присмотром какого-либо человека, навещающего их несколько раз в неделю.

Этот сектор социовитальных отношений в традиционном обществе обеспечивался тем, что сейчас называется народной медициной.

Нужно заметить, что тут произошла инверсия всех понятий и представлений, и как раз то, что было наполнением народной медицины как *традиционного* феномена, называется сейчас *нетрадиционной* медициной, хотя она-то по сути и есть самая традиционная. Все организации, занимающиеся ныне нетрадиционной медициной, в сущности являются современной формой существования народной медицины, что иногда осознается и адекватным образом называется.

Народная медицина чрезвычайно неоднородна. В ней есть такие приемы (если рассматривать разных знахарей или используемые ими практики), которые соответствуют занятиям медициной, социальной гигиеной[1], целительством или ветеринарией Homo sapiens; среди них есть народные врачи, народные фитотерапевты, но можно встретить и «народных» магов.

Вообще, возникает мысль о том, что народная медицина не имеет собственных специфических традиций — все отрасли народной медицины, как распространенные, скажем, в XV в., так и современные, имеют вполне конкретный источник в сфере профессиональной медицины (скажем, видны профессиональные корни «Голубиной книги» или народной медицины Средней Азии). Более подробно это прослежено

[1] Весьма примечательно, что, получившие в последние годы распространение в России всякого рода массовые сеансы (в кинотеатрах, на стадионах, по телевидению, не говоря уже о бесчисленном количестве предлагаемых индивидуальных и коллективных консультаций и приемов) разнообразных целителей и экстрасенсов не повлияли видимым образом на состояние здоровья населения. При этом очень изощренной является практика подачи ими своих услуг — сам «сеанс», в особенности коллективный, бесплатный, зато «лекарства», книги, необходимое оборудование, специфические продукты питания стоят очень дорого.

автором на примере фитотерапии, и обнаружено, к примеру, что корни соответствующих практик описания растений, в каком бы регионе они ни развивались — в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Индии, Тибете, на Дальнем Востоке, — «пересекаются» в VI в. н. э. в Центральной Азии и, возможно, имеют единые истоки, причем вполне профессиональные[1]. Все эти медицинские практики далее существуют в формах разных народных медицин, время от времени «подкармливаясь» профессиональными медицинскими практиками, но постоянно как бы «дичают» и превращаются в народные медицины.

Таким образом, говорить о лечебной традиции народной медицины не представляется возможным, но можно говорить, что народная медицина является такой зоной, где фрагменты разных лечебных практик существуют в изолированном виде и взаимодействуют друг с другом, но не со своими источниками, не с концепцией в целом.

При этом, однако, если говорить об отдельных небольших течениях народной медицины, связанных с отдельными знахарями, их семейной или территориальной группой, то не всегда удается проследить конкретные корни подобных практик (каждая из которых может продержаться не более 3–4 поколений, после чего довольно резко меняется или исчезает).

Сейчас характерной чертой народной медицины является то, что в нее перекочевывает большое количество научных понятий и мимикрия под научность стала обычным явлением, причем носители народной медицины не в состоянии объяснить, что же эти понятия означают. Например, большая часть народных целителей может рассуждать о том, что организму необходимы витамины, но никто из них не в состоянии объяснить, что же это такое. А обсуждать с ними ситуацию гипервитаминоза просто бессмысленно.

Учитывая реалии нашего мира, в частности его экономические ограничения, приходится признать, что существование народной медицины неизбежно. Проблемой является то, что народная медицина попала ныне в совершенно новый контекст.

---

[1] *Чебанов С. В.* Язык описания таксонов. Дисс. ... к. филол. н. Л. 1987. Т. 1–2; *Мартыненко Г. Я., Чебанов С. В.* Семиотика описательных текстов (типологический аспект). СПб., 1999; ср. *Асеева Т. А., Блинова К. Ф., Яковлев Г. П.* Лекарственные растения тибетской медицины. Новосибирск, 1985; *Пронников В.* Икэбана или Вселенная, запечатленная в цветке. М., 1985; *Флоринский В. М.* Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1879; *Шретер А. И., Асеева Т. А.* Методика установления научных названий растений по описаниям, приводимым в древних рукописях//Растительные ресурсы. 1976. Т. 12. № 12; *Jacobs N.* Revolution in plant description//Miscellanceus papers. 1980. N 19; *Stearn W. T.* Botanical Latin: History, grammar, syntax, terminology and vocabulary. Newton Abbot. 1973.

Этим контекстом является ее включенность в структуру массовых коммуникаций. Раньше народная медицина существовала как принадлежность социальных низов, она была четко географически привязана — все целители были весьма определенно локализованы в пространстве[1]. Сейчас они попадают в неограниченное информационное пространство, вплоть до того, что помещают свою страницу в Интернет и т. д. Они оказываются вовлечены в коммуникативные потоки формально на равных правах с профессионалами и с людьми, четко понимающими свою приуроченность к той или иной традиции, умеющими ее назвать и не боящимися обнародовать свою принадлежность к определенной традиции.

Ориентироваться в столь неоднородном информационном пространстве становится чрезвычайно сложно. Парадоксально то, что если народная медицина обслуживала доселе преимущественно социальные низы, то в своем новом качестве она начинает претендовать и на обслуживание социальных верхов — в России это феномен получил распространение, начиная с Григория Распутина. К сожалению, это характерное состояние всех государств бывшего СССР — духовная слепота, отсутствие духовной культуры и соответствующего образования даже у людей, формально обладающих очень высоким социальным, общественным и профессиональным статусом, что лишает их возможности ориентироваться в подобных ситуациях.

Соотношение лечебных практик

Рассмотрев существующие лечебные практики, можно указать на характер их соотношения.

Профессиональные практики, пользуясь терминологией христианской антропологии, будут характеризоваться тем, что ветеринария Homo sapiens имеет дело только с растительной (печеночной) душой, это ее натуральная магия, или, в научной терминологии, работа только с биологической природой. Такая работа осмыслена только по отношению к земной жизни, а на практике сводится к оперированию только с краткосрочными последствиями. Социальная гигиена добавляет к этому работу с головной душой или сознательными процессами. Для этой сферы телесная смерть оказывается событием несущественным и в каком-то отношении просто досадным недоразумением. Медицина обраща-

[1] Это весьма существенное обстоятельство, ибо, по мысли Г. С. Лебедева, в каждой местности существует свой набор оптимальных стереотипов адаптационного поведения (независимый от этнической принадлежности группы) — устное сообщение.

ется к сердечной душе, индивидуальности человека, и ее задача — достойно подвести человека к его земной смерти. Духовное врачевание обращается к духовному существованию человека и призвано помочь и его загробной жизни.

Народная медицина существует как непрофессиональная лечебная практика, высоко синкретичная по своей природе, включающая изолированные фрагменты всех профессиональных практик.

Схематически области, с которыми оперирует каждая из практик, представлены на рис. 3.

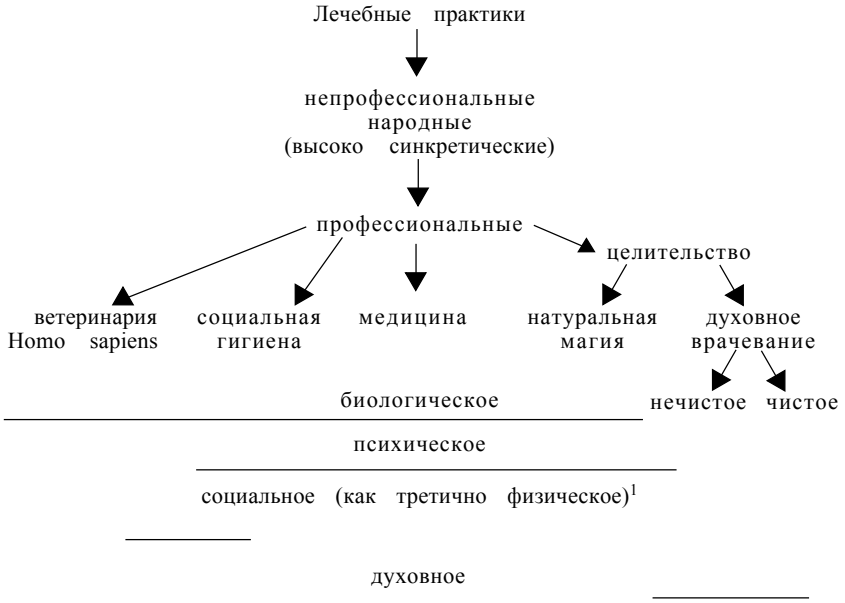

Рис. 3. Характер соотношения лечебных практик

Здоровье в понимании ВОЗ

С изложенной точки зрения чрезвычайно показательно и интересно определение здоровья, которое дается в уставе Всемирной организации здравоохранения: «Здоровье — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болез-

[1] О природе социального как третично физического см. подробнее: *Чебанов С. В.* 1) Статус социального бытия//Материалы конференции «Социальное бытие. Человеческое бытие». СПб.: СПБГУ, 1993; 2) Биологические основания социального бытия//Очерки социальной философии. Очерк 8. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 201–227.

ней или физических дефектов». Это абсолютно справедливое медицинское понимание здоровья, но из этого определения следуют разнообразные выводы.

Первый вывод будет таким: представление о том, что является физическим, душевным и социальным благополучием, будет различаться в разных культурах, поэтому совершенно очевидно, что разные культуры обладают и разными типами здоровья. Именно с этим столкнулась сегодня ВОЗ и оказалась не в состоянии найти способ поведения в этой ситуации, что и определило ее тотальный кризис. Действительно, для традиционной китаянки нормой физического здоровья является деформация костей ноги, а, скажем, для одного из племен Индии — обязательная слепота людей к сорока годам.

Последняя ситуация связана с тем, что в рационе этого племени отсутствует витамин А. Это традиционное племя с очень жесткой системой религиозных запретов, и анализ его жизни показывает, что источник витамина А у них есть — морковь. Но дело в том, что морковь они едят только после многочасовой варки, когда витамин А полностью разрушается. Поедание сырой или недопереваренной моркови в этой жесткой системе религиозных запретов является нарушением фундаментальных табу. Тот же самый механизм табу запрещает и некоторые виды хозяйственной деятельности, которые, будучи реализованы, привели бы, как показывает анализ экологов, к гибели лесов южного склона Гималаев и сползанию всего осадочного чехла Гималаев в Индийский океан. Когда стало понятно, что ситуация именно такова, европейским врачам ничего не оставалось делать, как согласиться с тем, чтобы члены этого племени слепли к сорока годам.

Таким образом, культурные нормы «работают» на чрезвычайно глубоком уровне, а здоровье связано с этой культурной нормой тоже чрезвычайно сильно.

Если затронуть другую сферу — сферу, связанную с духовным врачеванием, с целительством, то будет очень показательна ситуация с буддизмом. Для буддизма фундаментальным является представление об ахимсе — непричинении вреда другому, именно оно является основанием для жесткой ориентации на вегетарианство. Тем не менее когда стал развиваться тибетский буддизм, то выяснилось, что в горных условиях Тибета вегетарианская диета принципиально невозможна. Выход был найден совершенно блестящий: буддистские монахи могут есть мясо, им это позволено, но они не могут убивать животных, мясо которых они будут употреблять в пищу. Убивать животных и готовить монахам пищу должны те люди, которые не претендуют на спасение в загробном мире.

Вот такого рода коллизии, связанные с культурными нормами, будут все время встречаться, когда речь будет идти о социальном и душевном благополучии. Более того, может быть поставлен очень принципиальный вопрос о том, что благополучие предполагает различный образ жизни в разных возрастах и смерть в определенном возрасте. С этой точки зрения существенное увеличение продолжительности жизни будет разрушением здоровья в ВОЗовском его понимании, потому что это будет приводить к социальной дисгармонии пожилых людей. И действительно, эта проблема встала для западного мира и обсуждается сейчас уже на уровне глобальной демографии, потому что порождаются принципиально новые экономические, демографические и психологические проблемы.

Находясь на позициях целительства и «духовной» медицины, можно поставить и более принципиальный вопрос: а может ли человек вообще умереть, не зная, что он смертен? То есть если бы человек не знал, что он смертен, умирал ли бы он? Этот вопрос самым серьезным образом обсуждается в определенных духовных практиках.

Для нашей страны он стал очень актуальным в связи с тем, что он в том или ином виде встает для социально активных людей, вступающих в полосу климакса. Те изменения, которые происходят с ними в этот период, порождают мысль о том, что они вот-вот должны умереть. Им кажется, что это очень легко сделать, что для этого не нужно приложить никакого труда. Они впадают в состояние ожидания смерти. Но проходит несколько лет, они не умирают, происходит их стабилизация в новом физиологическом статусе, и они начинают разворачивать какие-то новые социальные и профессиональные программы. Определенный период, однако, оказывается для них вычеркнутым из жизни. Часто при этом люди оказываются в психиатрической клинике или проходят через какие-то испытания подобного рода.

Далее, если говорить о ВОЗовском понимании здоровья, нужно иметь в виду, что душевное и социальное благополучие в пределе не только типологично, но и индивидуально. Совершенно очевидно, что с этой точки зрения достижение ВОЗовского стандарта здоровья требует неограниченных ресурсов. При этом нужно понимать, что, вообще говоря, индивидуальный стандарт или индивидуальный подход к больному, пациенту — это понимание его индивидуальных особенностей и признание существования у него индивидуальной картины мира, под которую должны быть организованы все социальные практики.

В связи с этим сюжетом можно сделать еще одно замечание. Оно связано с ВОЗовским пониманием здоровья и заключается в том, что коль скоро в разных культурах существуют разные представления о

душевном и социальном благополучии, то соответственно должны существовать и очень глубокие ограничения на трансляцию разных медицинских практик. В этом смысле можно даже говорить о том, что телесность человека различна в разных культурах, и можно найти большое количество отличительных черт в телах людей, принадлежащих к разным культурам[1]. Это касается и таких поверхностных вещей, как изменение анатомии человека за счет прокола ноздрей, мочек уха, обрезания крайней плоти, малых срамных губ, вырезания аппендикса, и более глубоких — того влияния на устройство человека, которое проистекает из перечисленных преобразований плоти. Например, и нос, и мочки уха являются зонами проекции всего тела и соответственно если происходит изменение их геометрии, то меняется вся акупунктурная система человека. Точно так же в культурах, где распространены татуировки, организация человека должна быть совершенно особой. Не случайно татуировки свойственны жителям Полинезии, других островов Тихого океана и Африки и в значительно меньшей степени заимствуются европейской и азиатской культурами.

Другими способами изменения биологии человека являются: ношение каблуков, манжет, воротников, корсетов, повязок и т. д., обеспечивающих неспецифический массаж, употребление пищи, содержащей яды (например, соланина в картофеле, томатах), или наркотиков (кофе, чай), употребление табака, алкоголя и т. д.

Биология (-1) и биология-2

Еще одной проблемой социальной гигиены является следующее нетривиальное обстоятельство. Коль скоро социальная гигиена, как и всякая социальная деятельность, ориентирована на массовые процессы, то ее вполне устраивает работа с подавляющей частью населения, составляющей приблизительно 95%. Принято считать, что если с этой задачей она справляется, то ее деятельность является оптимальной, тем более что 95% — это примерно та доля людей, к которым применимы современные представления о физиологии и анатомии человека. Для оставшихся нескольких процентов населения не работают существующие представления о здоровье. Биологию этих людей в противоположность биологии остальных (биологии-1) можно назвать биологией-2[2].

[1] Ср. *Дымшиц В. А.* «Лечебник на иноземцев»/ Спекулятивная биология человека. Vilnius, 1996.

[2] См. подробнее: *Чебанов С. В.* Спекулятивная биология человека//Спекулятивная биология человека. Vilnius, 1996.

Это будет в значительной степени биология человека в отличие от биологии Homo sapiens. К биологии-2 можно отнести субсенсорные способности человека, те его способности, которые обнаруживаются, когда у человека открывается «второе дыхание», ситуации, связанные с тем, что врачи относят к казуистике, и т. д. Этот ресурс социальной гигиеной не охватывается вообще. Но это именно ресурс, потому что, апеллируя к биологии-2, оказывается возможным осуществить реабилитацию огромного количества инвалидов (при соответствующей поддержке социальных служб). В частности, именно через биологию-2 можно реабилитировать и вполне социализовать людей с последствиями церебральных параличей. Обращение к биологии-2 позволяет людям, которые по медицинским показаниям не могут служить в армии, становиться выдающимися спортсменами. Например, один из известных южноамериканских футболистов был признан негодным к службе в армии из-за плоскостопия. Спортивных успехов он добился, выработав иную, не соответствующую стандарту биомеханику движения.

С другой стороны, для части населения с другим вариантом биологии-2 характерно совсем другое поведение. Это астеники с очень низким уровнем физической активности, быстрой утомляемостью, эмоциональной неуравновешенностью, на фоне которых проявляется очень высокий креативный потенциал и исключительная аккордная выносливость во время выполнения своего гражданского, профессионального или иного долга, за чем следует неопределенно долгий период глубокой релаксации с выпадением из какой-либо социальной жизни и множественными неспецифическими дисфункциями. При осмысленной медицинской поддержке и особом классе социальных гарантий такие персоны оказываются необычайно полезными для общества.

Все подобные возможности человека социальная гигиена вынуждена выкидывать за свои пределы, работать с ними она не может. В то же время у медицины резерв для такого рода работы имеется.

Говоря о медицине, нужно обратить внимание на то, что когда мы сравниваем медицинскую деятельность и целительство как таковое, то разница заключается в том, что Христос и вообще духовный врачеватель дает некоторое абсолютное решение проблемы, прежде всего в ее духовном аспекте, а врач в идеале должен, говоря на морфологическом языке, реализовать полностью форму больного, лишив его в максимальной степени всех стерезисов[1], которые у него есть. Он должен дать

[1] Стерезис — лишенность, свое иное формы у Аристотеля — см. *Аристотель.* Метафизика//*Аристотель*. Соч. в 4-х т. Т. 1. М., 1976

возможность больному максимально полно реализовать собственный потенциал.

Поскольку способности человека к компенсаторике в высшей степени велики, он обладает очень большим количеством возможностей жить, невзирая на наличие соматических недугов. Для людей, принадлежащих к биологии-2, способность к компенсации практически неограниченна, и здесь происходит смыкание компенсаторики биологии-2 и собственно целительства. Духовное врачевание, однако, «работает» с тем, что у человека находится в центре распределения, с некоторым идеальным состоянием, приводит к нему какую-то экстравагантную модель жизни.

Таким образом, реализуется вариант выдающийся, но лежащий вблизи нормы как статистически среднего состояния; это будет максимальная степень — уже в эстетическом смысле — лишения индивидуальности. Компенсаторика же биологии-2 может, напротив, приводить к очень высокой степени индивидуализации. При этом от человека уже будут требоваться духовные усилия, чтобы от состояния компенсации своего физического состояния прийти к состоянию отсутствия индивидуализации, которое дается через духовное просветление. В этом и заключается отличие практики духовного врачевания от крайних форм компенсаторики.

Коллизии столкновения разных лечебных практик

Духовное врачевание в отличие от медицины возможно только тогда, когда речь идет о человеке, включенном в ту или иную духовную, религиозную практику, — иначе это будет магическое насилие, ограничение свобод другого человека, грубое ущемление гражданских прав[1]. С этой точки зрения обязательно абсолютное ограничение на использование духовного врачевания по отношению к человеку неверующему, не принадлежащему к определенной религиозной среде[2]. Духовное врачевание в отличие от медицины интересуется не только земным существованием человека, но и тем, каково будет его существование после смерти, а значит, не важно когда умирать, главное — быть готовым к смерти, а готовым к ней можно быть (или не быть) и в пять, и в восемьдесят лет.

[1] В связи с этим предлагаемое некоторыми организациями и частными лицами лечение (не только духовное) от алкоголизма без ведома пьющих (в особенности дистантное, по фотографии) должно рассматриваться как серьезное нарушение прав человека и быть в поле зрения правозащитных организаций.

[2] Нарушение этого запрета может рассматриваться как один из признаков того, что речь идет о деятельности тоталитарных сект.

Проблемой современного западного человека (не связанного с традиционной культурой) является то, что исчезла старость как психологический феномен и в иной мир переходят просто одряхлевшие отроки или, в лучшем случае, постаревшие юноши[1].

Они не в состоянии отнестись осмысленно к тому делу, которое называется умиранием (а именно смерть — а не рождение — рассматривается в христианской традиции как то, что зависит от воли человека, является делом его рук, а в известном смысле и венцом жизни; именно поэтому для праведников указывается не дата рождения, а дата преставления). С духовной точки зрения человек свое духовное предназначение в земной жизни может исчерпать уже в детстве, а может не исчерпать его и до самой старости, и в некотором смысле это будет самое страшное состояние. Способом помочь преодолеть такую неисчерпанность своего духовного предназначения является исповедь, и именно поэтому страшнее умереть неисповеданным, чем, скажем, умереть молодым.

Другой особенностью современного состояния является то, что по обетованию некоторых пророков и духовных людей прошлого наступают времена, когда разрушение человека будет столь большим, что он в силу своей телесной организации не будет способен к Спасению. Путь к Спасению станет значительно сложнее, хотя по тем же свидетельствам Спасение может быть более полным. Здесь возникает очень сложная проблема взаимоотношений целительства с врачеванием в медицинском смысле. Если мы будем практиковать некоторую ибн-синовскую медицину, то человек имеет шанс оказаться здоровым, т. е. он полностью реализует свою форму. С одной стороны, возникнут предпосылки для того, чтобы полностью реализовать и свою духовную жизнь, а с другой — форма может обернуться клеткой, темницей и человеку покажется, что достаточно только существования его как формы. При этом духовная жизнь и соответственно жизнь после распада телесной оболочки для него может оказаться неинтересной или несущественной. Тогда ради своих морфологичной жизни и здоровья, полной реализации собственных потенциалов человек может пожертвовать жизнью вечной, которая обетована ему Христом после окончания жизни земной.

---

[1] Об этом свидетельствуют не только наблюдения экспертов, но и инструментально фиксируемая остановка развития электроэнцефалограммы — см., например, *Чебанов С. В., Сопиков А. П., Ковалева М. К.* Предпроектное изучение возрастных особенностей учащихся 6–17 лет с целью оптимизации учебного процесса в массовой средней школе. Отчет по договору для Московского института развития образовательных систем. 1992.

Совершенно очевидно, что по этой линии идет противостояние буддизма и христианства, притом что несомненны духовные истоки и того и другого. Рассмотренное выше положение будет являться ключом к разрешению того противостояния между беззубым православным священником и молодыми йогами, о котором говорилось в начале текста.

Особой проблемой, с которой столкнулась социальная гигиена и перед которой она в известной мере оказалась бессильна концептуально, а не технически, являются два связанных вопроса — о продолжительности жизни и о реанимации. Очевидно, что для медицины это вопросы периферические, так как центр медицинской практики лежит в других областях. Социальная же гигиена не смогла выработать своего отношения к этим проблемам.

В логике социальной гигиены начало распространяться представление о допустимости эвтаназии. Эта ситуация очень показательна: с одной стороны, деятельность социальных гигиенистов направлена на увеличение продолжительности жизни и часто приводит к тому, что человек не может умереть, поскольку его существование бесконечно долго поддерживается с помощью разных технических средств, а с другой — принципиального ответа на вопрос, как же здесь поступать, именно социальная гигиена дать не может. В этом отношении можно говорить о контрасте ее по отношению к медицине, потому что в медицине (если рассматривать ее в понимании Ибн Сины) существует однозначное представление о том, что врач не может содействовать смерти больного. Видимо, полностью понять такую точку изнутри современной медицинской практики невозможно, речь идет об очень серьезных мировоззренческих и религиозных проблемах, но представление о недопустимости эвтаназии в ней зафиксировано четко.

Еще более категоричное мнение по этому поводу существует в той сфере, которую можно назвать сферой врачевания, целительства. Духовная традиция отношения к здоровью однозначно отрицает возможность содействовать человеку в его смерти, хотя прекращение земной жизни и рассматривается как освобождение от страданий. Позиция здесь становится очень жесткой, поскольку допущение страданий является проявлением какого-то особого отношения к данному человеку со стороны Бога и в этом контексте в религиозном сознании существует представление о том, что предсмертными страданиями праведник может даже искупить свой первородный грех. Поэтому страха перед страданиями, желания их избежать у людей, духовно ориентированных, совершенно определенно нет.

С другой стороны, очень проблематичным является отношение к реанимации. Для медицины реанимация — это нечто исключительно

редкое, а для социальной гигиены она становится частым событием, особенно в случаях военных действий, массовых катастроф и т. д. De facto случаи реанимации регулируются либо экономическими отношениями — она осуществляется, когда за нее платят, либо социальными правилами, когда врач смотрит, грозят ли ему, в зависимости от того, как он себя поведет, какие-то уголовные статьи, или нет. Принимать принципиальные решения ему приходится относительно редко, и тогда врач выступает, по сути, в роли социального гигиениста. С чисто медицинских позиций принципиальный ответ на этот вопрос врачами не дается.

Любопытной является высказываемая сейчас некоторыми религиозными деятелями позиция, связанная с тем, что после реанимации человек, ранее не веровавший, не познавший Бога, получает шанс и время для того, чтобы прийти к Богу. Действительно, практически у всех людей, переживших состояние клинической смерти и подвергнутых реанимации, причем независимо от их возраста — от младенчества до старости, — жизнь складывается некоторым особым образом. Часто, особенно если это произошло в сознательном возрасте, переживание этого события является толчком к какому-то глобальному переосмыслению человеком мира. Подобные последствия реанимации являются выходом далеко за пределы чисто телесного реагирования и открывают некоторые новые горизонты для человека.

Еще одна проблема — отношение к хирургии и протезированию. Безусловно то, что эти дисциплины имеют периферическое, если не косвенное, отношение к медицине (правда, их эффективность в очень большой мере зависит от терапевтической стратегии ведения больного в послеоперационный период). Для социальной гигиены, в особенности для военной «медицины» и «медицины катастроф», это одни из центральных дисциплин. Приемлемы они и для ветеринарии Homo sapiens (однако неплохо бы здесь оценивать реальную стоимость соответствующих мероприятий). А вот с духовным врачеванием тут возникают серьезные проблемы.

Во-первых, здесь совершенно очевидно вмешательство в судьбу, карму человека, причем часто помимо его воли (большое количество таких вмешательств, в особенности экстемпоральных, происходит по отношению к людям, находящимся в бессознательном состоянии).

Во-вторых, для верующего человека ясно, что болезненное состояние или несчастный случай является расплатой за предшествующие грехи и попытка преодолеть негативные последствия такой расплаты является просто формой богоборчества. Это непосредственно следует из таких библейских повествований, как истории о Всемирном потопе

или судьбе Содома и Гоморры. На подобные размышления наводит и современная социальная действительность (например, политические события и землетрясение в Армении).

В-третьих, острое или хроническое страдание может быть источником более вдумчивого отношения к миру, толчком к осознанию того, что проходит незамеченным в здоровом состоянии. Более того, это может быть просто земной формой искупления греха и подготовкой к посмертному спасению. Именно эти идеи были привнесены в светскую культуру Ф. М. Достоевским, что и определяет его особое место в истории литературы.

Более того, под этим существует и определенная физиологическая подоплека, поскольку именно отрицательные факторы обеспечивают большую дифференцированность как рецепции, так и перцепции. С этим связаны и предупреждения врачей (в некоторых случаях) о том, что, избавившись от того или иного недуга, можно утерять и свой творческий потенциал[1].

Так или иначе, но с изложенной точки зрения отношение к таким вещам, как коронарное шунтирование, гемодиализ или аутогемотерапия, по крайней мере напряженное — это желание механически расплатиться за свои грехи, за издержки своего образа жизни, не беря на себя труда духовного искупления.

С другой стороны, и с духовной точки зрения врач должен сделать все возможное для того, чтобы спасти больного. Более того, он не имеет права способствовать его смерти. Таким образом, реальной проблемой оказывается способность врача реально оценить ситуацию, реально оценить свои возможности, понять, какие его действия еще не будут дурной магией, и действовать на основе такой оценки ситуации. При этом, в частности, нужно иметь в виду, что множественная реанимация является особого рода пыткой больного. Можно задуматься и о том, где проходит граница между реанимацией и некромантией (вызыванием покойников), которая однозначно осуждается христианством.

Особенность нынешней ситуации в России

В условиях современной России очень удобно работать ловцам душ человеческих. Но есть надежда, что со временем это положение дел както нормализуется, по крайней мере на Западе уже произошла четкая

[1] Это один из мотивов — в данном случае возвышенный — того, что врач порою стремится не к излечению больного, а к переводу его болезни в хроническое состояние (другой мотив — низменный — постоянно иметь гарантированного пациента).

дифференциация населения на тех, кто пользуется услугами магов, и тех, кто пользуется услугами профессионалов-медиков. Естественно, и среди социально благополучных групп есть некоторое количество маргиналов, которые взаимодействуют со всякого рода целителями и шарлатанами, но в общем в социальной практике существуют относительно адекватные ориентиры того, как с ними обращаться. В современной российской жизни такие ориентиры пока отсутствуют, и остается надеяться на то, что это лишь вопрос времени.

Но совершено очевидно, что это приводит к страшному «зашумлению» всего информационного пространства, связанного с лечебной деятельностью. Россия после 70-летней истории Советского Союза оказывается в особо сложном положении именно в связи с этой — мистической — линией современной народной медицины, потому что лечебные практики в нынешней России совершенно не структурированы.

Оптимальным в настоящее время, видимо, нужно считать следующий вариант структурирования лечебных практик.

Во-первых, должны существовать социально гарантированные услуги по поддержанию здоровья. Сейчас их начинает оказывать страховая медицина, которая могла бы решить многие проблемы.

Во-вторых, широкое распространение должны получить частные практики. К сожалению, уже становится понятно, что, как и на Западе, частно практикующие врачи более других заинтересованы в существовании хроников и предпочитают доводить людей до состояния пациентов с вялотекущими хроническими болезнями, а не заботиться об их здоровье.

Однако ни первая, ни вторая лечебные практики не пригодны для человека, нуждающегося в поддержании здоровья в ибн-синовском или ВОЗовском понимании — такой человек в известной мере может рассчитывать только на себя и вынужден становиться врачом себе самому (если не ждать чуда встречи с подлинным врачом).

Итоги

Подводя окончательный итог, необходимо разделить существующую лечебную деятельность на несколько принципиально разных практик, которые занимаются решением различных задач: медицину, социальную гигиену, так или иначе дифференцирующуюся ветеринарию Homo sapiens и сферу целительства, объединяющую совершенно разные вещи. Кроме того, существует народная медицина, которая не может заниматься осознанием своих исторических корней и в этом смысле не в состоянии поддержать целостные каноны своей деятельности. В сущности, она

представляет собой некий сплав всего, что угодно. Внутри народной медицины присутствуют отдельные личности, которые осознают эклектичность сферы своей деятельности, но совершенно сознательно используют неопределенность ситуации для того, чтобы заниматься манипуляцией общественным сознанием и извлекать определенную выгоду лично для себя.

РЕЦЕНЗИЯ НА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ А. В. БАРАНОВА «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СМЕРТНОСТИ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ»[1]

Предложенный Проект отличает удивительная, почти гротескная устремленность мысли автора к реализации поставленной им задачи — устремленность, позволяющая преподносить предложения как сами собой разумеющиеся истины, игнорировать явления, делающие представляемую картину менее четкой, превращать ходячие мнения в постулаты, но вместе с тем дающая основания и поверить в реализуемость предложенного Проекта автором с одним постоянным помощником, поверить в то, что для реализации этого проекта он сможет найти и привлечь фонды, организации, талантливых сотрудников…

Содержательно Проект представляет несколько уровней исследования единой проблемы:

1) социологический анализ демографических данных по современным Санкт-Петербургу и России;

2) социологию смерти, одна из версий которой создается автором;

3) конструирование жизненного пути как объекта социологического исследования и обоснование правомочности его существования в таком статусе. Последняя проблема лишь намечается автором и не формулируется явно как цель работы.

Предполагаемые Проектом конкретные исследования и планируемое обсуждение ожидаемых конкретных результатов представляют собой лишь надводную часть айсберга.

Подводная — и, как представляется, наиболее важная и интересная часть — заключается в том, что проведение подобного исследования, по сути дела, требует конструирования нового объекта социологического исследования и разработки методологии исследования подобного объекта. Конструирование такого объекта в Проекте лишь предугадывается — в рассуждениях о рождаемости во вводной части Проекта, в обследовании именно мужчин допенсионного возраста, в рассуждении о нисходящем периоде жизни, изучении долгожителей; намечает-

[1] Написано в феврале 1998 г.

ся именно жизненный путь как объект исследования, и тогда совершенно естественным оказывается изучение смерти как конечной точки жизненного пути. При такой постановке задачи, само собой, актуализируется христианское представление о смерти как венце, наиболее значимой точке жизненного пути, к которому люди в меру своего разумения сознательно идут в течение всей своей жизни.

Такая постановка вопроса естественным образом предполагает двойную типологию:

1) конституциональную (духовно-психо-биологическую) типологию людей по характеру онтогенеза;

2) социокультурную типологию жизненных путей как особого рода нормативов социально адекватного поведения в диахронии.

Очевидно, что число классов в каждой типологии не будет очень малым, а соответственно окажется и значительным (порядка десятков) число классов в типологии реализуемых (различающихся характером смерти) жизненных путей как социально допустимых (оправданно или неоправданно) вариантов актуализации потенций индивида. Естественно в этом направлении лежит путь и к социологическому изучению индивидуальной смерти человека. Точно так же очевидно, что это потребует применения (а иногда и разработки) весьма изощренного статистического аппарата, скорее всего, связанного с использованием распределений с неопределенными центральными моментами всех порядков (типа распределения Ципфа–Мандельбродта–Лотки–Парето).

Не менее интригующими являются и надводные части айсберга — итогом исследования будет публикация статистических материалов по социологии смертности в один из самых интересных периодов истории такой своеобразной страны, как Россия.

Указанные обстоятельства:

целеустремленность автора и имеющийся у него задел в работе,
принципиальная новизна концептуальной части работы и
исключительный интерес фактологического материала

— позволяют однозначно говорить о необходимости поддержки данного Исследовательского проекта.

ЛЕЧЕБНАЯ ПОМОЩЬ В РОССИИ. ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ[1]

Хотя я не профессиональный медик, но квалифицированным потребителем медицинских услуг себя считать смею, и именно находясь на этой позиции, хочу проанализировать положение с лечебной медицинской помощью в современной России.

Мою квалификацию потребителя формально определяет близость образования к медицинскому, но прежде всего — целостное отношение к действительности. Целостность восприятия приводит к выстраиванию такой системы ценностей, в рамках которой оказывается возможным соотносить различные ценности — здоровья и материального благополучия, здоровья и профессиональной деятельности, профессиональной деятельности и социальной активности по отношению к здоровью и т. д. Это позволяет мне как потребителю выдвигать вполне конкретные требования к системе лечебной помощи.

Начнем с экскурса в историю вопроса.

Та медицина, с которой мы сейчас преимущественно имеем дело и которую можно называть научной, начала формироваться в эпоху Петра I. Но люди болели и раньше, поэтому лечебные практики существовали с незапамятных времен. Традиции народной медицины, которые у нас сейчас ассоциируются прежде всего со знахарями, колдунами, заговорами и т. д., прослеживаются еще со времени дохристианской Руси.

Именно с народной медициной до середины XIX в. повседневно соприкасалось подавляющее большинство населения России, и еще век она была более или менее актуальным фактором, определяющим состояние здоровья людей.

В дореволюционной России большую роль играло и духовное целительство, которое было связано с врачевательскими практиками церкви, прежде всего православной, но также и с сохранившимися языческими культами. Между народной медициной и религиозным цели-

---

[1] Написано летом 1998 г. по заказу «Петербургского Часа Пик». Статья не опубликована из-за радикализма ряда положений. Текст подготовлен при участии Г. В. Руссо.

тельством существовали и определенная оппозиция, и некоторое взаимодействие.

Также существовала и особая дворцовая медицина, обслуживающая сначала князей, а потом русских царей. В ней вначале реализовывались античные, мусульманские, среднеазиатские, западноевропейские традиции, но к XVII в. она приблизилась вплотную к западноевропейской медицине и послужила тем субстратом, на основе которого сформировалась медицина послепетровского времени.

Петровское время характеризовалось тем, что в России были созданы медицинские организации по типу европейских. Это прежде всего Медико-хирургическая военная школа — нынешняя Военно-медицинская академия. Она, как следует из названия, была ориентирована именно на решение армейских задач, и в ней развивалась преимущественно хирургия. Также по европейским образцам строилось снабжение населения лекарственными препаратами. В целом закладывались основы медицинского обеспечения служивых людей, которое всплыло на поверхность в советские времена в виде скандально известного 4-го управления.

В XVIII в. создается новая государственная система родовспоможения. Это осознается как государственная задача, и повивальные бабки зачастую имеют минимальное специальное образование. Формируются основы эпидемиологической службы — во многом стараниями Екатерины II, которая для популяризации процедуры вакцинации прививала себе оспу. Появляются первые венерические клиники. Введение регулярной военной службы приводит к созданию призывных комиссий для рекрутов — прообраза современных.

Все медицинские преобразования XVIII в. показывают их государственный статус, с одной стороны, и их преимущественную ориентацию на решение военных задач — с другой. И до сих пор школы военно-полевой хирургии и специальной хирургии остаются наиболее «продвинутыми» в России, чему немало способствовали многочисленные локальные войны в советское и постсоветское время.

Новым явлением общественной государственной медицины после реформ 1861 г. было становление земской медицины. Именно с ней связано распространение феномена семейного врача — врача, который лечит всю семью, — вполне в соответствии с принципами Ибн Сины. Земские врачи сталкивались с самыми различными болезнями и для того, чтобы адекватно на них реагировать, были вынуждены использовать самые разные лечебные практики. Современный образ семейного врача или врача просто «хорошего» (как он воспринимается массовым сознанием), который готов работать с кем угодно, решать все пробле-

мы, относиться к пациенту целостно и все время думать, как лучше вписать лечебное вмешательство в реальную жизнь, — пошел от земских врачей.

Во второй половине XIX в. в больших городах — Москве, Петербурге, Харькове, Иркутске, Томске — возникают крупные медицинские институты. Медицина в значительной степени становится физиологичной и подчеркивает свою связь с биологией человека. На этой ниве появляются такие фигуры, как Мечников, Сеченов, которые не столько занимаются врачебной практикой, сколько разрабатывают основы научной медицины. Происходит отделение научной медицины от той медицинской практики, с которой продолжает иметь дело большинство населения. Пациентами новых медицинских школ оказывается небольшое число жителей, преимущественно столичных, а до провинции эти достижения не доходят вовсе.

В начале XX в., во многом «с подачи» двора происходит всплеск интереса к восточной медицине, в частности к тибетской, что приводит к становлению Бадмаевской клиники. Представляется, что именно на фоне интереса к мистицизму, Востоку могла появиться такая фигура, как Распутин.

Советское время приводит к изменению системы здравоохранения. Медицине предписывается быть социально ориентированной, причем декларируется социальное единообразие. Игнорируются географические, культурные, религиозные, национальные различия. Система организации здравоохранения формализуется, она берет числом, а не умением, для чего готовит огромное количество медицинских работников не слишком высокой квалификации. И задачи соответственно перед ней ставятся достаточно простые.

Прежде всего нужно бороться с инфекционными болезнями, причем именно со смертельными — вопрос профилактики гриппа при советской власти никогда серьезно не стоял. Затем обеспечить создание более или менее удачной системы родовспоможения. И, наконец, развивать и совершенствовать военную медицину. Фактически возрождаются приоритеты, сформированные в XVIII в.

В послереволюционное время появляются новые области медицины, связанные прежде всего с наиболее актуальными для страны сферами деятельности — например, авиационная и космическая медицина. Но, к сожалению, вся полученная там информация носила закрытый характер, ее достижения не внедрялись в повседневную лечебную практику. Уровень космической медицины декларировался как очень высокий, а так ли это на самом деле, можно судить только по «косвенным уликам». Так, недавно по радио прозвучало, что в первое десятилетие советской

космонавтики считалось нормальным, когда космонавты от страха испытывали непроизвольные дефекацию и мочеиспускание, в то время как американские космонавты ни с чем подобным не сталкивались, поскольку в США существовали специальные медицинские службы психологической подготовки.

Точно так же недоступным для населения было большинство результатов и других медицинских исследований. Эффективность новых методик лечения, разработанных медиками, могли прочувствовать на себе только представители партийно-хозяйственной элиты. В 40-е гг. от властных щедрот начало перепадать и ученым — была введена программа специального обслуживания ученых высокого ранга, которая действовала до 70-х гг., причем реализовывалась она вполне осмысленно. Например, в штате московской поликлиники АН в отличие от всех остальных был гериатр. При этом на территориях, далеких от научных столиц, в деревнях Нечерноземья или русского Севера часто невозможно было получить сколько-нибудь квалифицированную медицинскую помощь даже в совсем несложных случаях. Медицина была территориально и социально стратифицированной.

Таковой она остается и сегодня. Отличие только в том, что если раньше число таких своеобразных каст было невелико и принадлежность к ним фиксировалась достаточно четко, то сейчас их больше, а формальные критерии отнесения к той или иной касте отсутствуют. Скажем, возможность получения неотложной медицинской помощи определялась и определяется возрастом больного. Но если раньше существовало негласное указание не выезжать к пациентам старше 70 лет, то сейчас «неотложка» неохотно посещает и молодежь и вообще позволяет себе выбирать контингент, пользуясь некоторыми собственными размытыми критериями.

Один из них на селе — наличие твердого дорожного покрытия вплоть до дома больного. Вот и тянут асфальтированные дороги по всей территории России, притом что асфальт известен как сильнейший канцероген и во всем мире от его использования отказываются.

Географически медицинское обслуживание тоже кастово — качество государственной помощи в Москве и, например, в Якутии или Ленинградской области несопоставимо. Но зато в некоторых регионах, например в Бурятии, сохранились собственные традиции народной медицины, помогающие выживанию людей и при слабом развитии научной медицины.

Появился и новый фактор, определяющий качество обслуживания. Зачастую получается, что человек активный, умеющий добиться того, чтобы медики добросовестно исполняли свои обязанности, может полу-

чить гораздо больше, чем пассивный или просто деликатный. И именно таким людям наряду с теми, кто может оплачивать лечение, а также с государственными чиновниками оказываются доступными новейшие методы лечения, основанные на высокотехнологичных разработках ученых.

Советская медицина всегда вела жесткую принципиальную войну с религией, религиозными предрассудками, народной медициной, в том числе и национальной. Постоянно велись разговоры о борьбе с самолечением. То есть система медицинского обслуживания мыслила себя в качестве тотальной, универсальной, единственно возможной, безальтернативной. Но очень часто она оказывалась абсолютно не имеющей отношения к конкретному человеку, которому приходилось решать проблемы здоровья самостоятельно.

Еще с 70-х гг. существует множество разнообразных движений, ратующих за здоровый образ жизни. Но — в полном соответствии с материалистической идеологией — все они игнорируют душевный и духовный факторы состояния здоровья человека, а реализуют исключительно его телесный аспект. Они нивелируют психические и духовные начала человека, его социальные и профессиональные роли как средства поддержания здоровья. И лишь некоторые подобные объединения затрагивали и духовные аспекты здоровья, но при этом обычно экзотические, не «домашние» — какие-нибудь йога, кун-фу или цигун. Именно такие объединения получили распространение и ныне.

Примерно в то же время стало проясняться то, что сейчас стало очевидным: существующая система медицинского обеспечения государству финансово непосильна. Начинается развитие платных услуг, в первую очередь гомеопатов, дантистов, далее возникает необходимость оплачивать серьезные хирургические операции и т. д. Здесь-то в идеологической броне появляется первая брешь, в которую проникают альтернативные лечебные практики, еще лет десять назад почитавшиеся антинаучными. Всплывает кое-что из духовно-мистических областей, выходят на арену те, кого сейчас называют магами, целителями и т. д. Начинает идти речь о необходимости принятия лекарственных препаратов в соответствии с биоритмами человека. В хороших поликлиниках и стационарах в штате появляются квалифицированные иглотерапевты. Но таким лечением пользуется довольно узкий круг избранных, преимущественно жители крупных городов.

Но и платная медицина явно несвободна от недостатков. Например, для увеличения доходности она часто ориентируется на лечение хронических больных, а частично и способствует приобретению больным статуса хроника. Для того чтобы сделать такую практику массовой,

обеспечить загрузку врачей, ныне говорят о необходимости введения страховой медицины, которая, скорее всего, в будущем обеспечит доступность платных лечебных услуг. А сейчас нередко нарушается клятва Гиппократа, в которой сказано, что врач должен оказывать помощь страждущим вне зависимости от того, есть ли у них возможность эту помощь оплатить.

В провинции имеют место совершенно другие процессы. От деревенской медицины не остается практически ничего, она становится почти дореволюционной: глобальное проведение прививок, родовспоможение и прохождение призывной военной комиссии. Идет серьезная дегенерация населения России вследствие алкоголизма, горбачевская антиалкогольная компания дала скачок токсикомании, начинает распространяться наркомания, наблюдается небольшой, но устойчивый рост числа венерических заболеваний. Квалифицированных врачей не хватает, как не хватает квалифицированных учителей и инженеров, притом что доля людей с высшим образованием у нас была чуть ли не самой высокой в мире. Становится понятным, что массовая система подготовки якобы высококвалифицированных кадров, которая была принята в Советском Союзе, работает неэффективно. И на этом фоне упадка научной медицины в провинции также возрождается медицина народная, но в менее рафинированном варианте.

В настоящее время государственная медицина и медицина платная (как сама по себе, так и опосредованная через страховую) существуют как факт. Но потребители медицинских услуг этим не удовлетворяются. Коллективная память, в которой зафиксировано воспоминание о земской медицине, ожидает от врачей служения, самоотверженного исполнения клятвы Гиппократа. Очевидно, что сегодня это остается некоторым социальным прожектерством.

Но попытки такие делаются. Речь идет о так называемых врачах общей практики, которые в порядке эксперимента работают в некоторых районах Петербурга. Хочется поделиться своими впечатлениями от взаимодействия с кабинетом врачей общей практики в поликлинике № 35, о котором много говорят и пишут в последнее время.

Что касается отношения таких врачей к пациентам — отличия от привычного поликлинического равнодушия видны невооруженным глазом. Они довольно глубоко входят в семью и семейную ситуацию, демонстрируют владение этикетом. Но заложенные в процессе образования (смыслового реформирования которого не произошло) привычка реагировать прежде всего на симптомы конкретного заболевания и стремление излечить именно болезнь, а не человека в целом, попрежнему преобладают. Тем более это заметно потому, что семейные

врачи — молодые люди, у которых, с одной стороны, мала профессиональная практика, а с другой — отсутствует зрелость в общечеловеческом смысле. Зрелые же врачи на такую работу не идут — для специалиста это деквалификация, а для неумехи слишком велика степень риска. О том, что такие врачи могут принять на себя ответственность за больного в духе Гиппократа или Авиценны, говорить не приходится. А сложность координации их действий с врачами-специалистами, которые семейных врачей не любят, приводит к тому, что интеграцию усилий медиков все равно должен производить сам пациент — как и раньше.

Но способен на это только квалифицированный потребитель медицинских услуг, владеющий холистическими подходами, собирающими человека в единое целое. А неквалифицированным остается надеяться на таких странных представителей квазимедицинской активности, как Чумак или Кашпировский. Таких парамедицинских вмешательств в сферу здоровья человека за последнее десятилетие было предостаточно, можно говорить, что практически все население России прошло через массовые сеансы по телевидению либо в больших залах. Состояние здоровья населения при этом практически не изменилось. Либо действительно все это чистое шарлатанство, либо формы организации научной медицины практически обанкротились и положительный эффект от таких сеансов был как бы «съеден» ухудшением государственной лечебной помощи.

Интересно отметить, что такие целители реализуют эффективный экономический механизм. Свои прямые медицинские услуги они осуществляют бесплатно, но для того, чтобы выполнять их рекомендации, нужны книги, травы, лекарства, талисманы, что уже продается за достаточно большие деньги.

Помимо смысловой интеграции усилий медиков нужно говорить и о территориальной интеграции медицины. Сейчас у нас пространственно разнесены терапевты, дантисты, психиатры, гинекологи, дерматологи, наркологи. Их нужно собирать под одной крышей. Рядом должна находиться аптека, чтобы врачи имели возможность взаимодействовать с фармацевтами. Более глубокой хочется видеть связь клинических центров с санаториями.

Традиционные институты, свойственные советской медицине, сегодня претерпели некоторые изменения. В значительной степени развалена венерическая помощь. Она, как и наркологическая помощь, как и насильственное лечение алкоголизма, оказалась несовместимой с правами человека, на которые стали обращать внимание в результате демократизации общества. В связи с нечетким функционированием института

прописки (регистрации) можно говорить о малой эффективности работы женских консультаций и родильных домов. С другой стороны, они начали предоставлять целый спектр новых услуг — рождение на дому, рождение в присутствии отца, режим, при котором ребенок с первых минут содержится вместе с матерью, что хорошо для здоровья и матери, и ребенка, и для их психического состояния.

Произошли значительные изменения в практике ведения детей до трех лет. Крупный научный прорыв последних десятилетий в этой области позволил выявлять множество мелких детских патологий, однако им стали придавать чрезмерно высокое значение. Патологией сейчас считают малейший дефект — асимметрию лица, несогласованность движений глаз, асимметрию движения рта. На основании подобных симптомов дается неблагоприятный прогноз на будущее, что часто довольно серьезно запугивает родителей. Родители проецируют свои страхи на детей, и дети действительно могут заболеть. Но ведь как раз такие асимметрии лица часто определяют индивидуальность человека, служат поводом для влюбленности в него. Чем люди будут отличаться друг от друга, если все лица будут абсолютно симметричными? Очевидно, что эти отклонения — следствия родовых травм, но очевидно ли, что нужно добиваться их полного истребления? Это уже не только медицинская, но и культурологическая проблема. В эстетике этому соответствуют проблема соотношения манеры и стиля.

Наличествует определенный разрыв медицинского взгляда на ребенка и позиции системы образования. Последняя ориентирована на подготовку ребенка к выживанию, но поскольку оптимально она этого делать не умеет, то старается взять количеством, «впихнуть» как можно больше знаний. Начало обучения переносится на более ранний возраст, что часто мешает нормальному психическому онтогенезу ребенка. Для части детей посещение школы должно начинаться не ранее 10–12 лет, но таким детям потом чрезвычайно сложно адаптироваться к социальной жизни. Очевидно, что врачи должны и здесь сказать свое слово.

Актуальными становятся определенные этические проблемы.

Так, например, возможностей медицины часто достаточно для выхаживания детей с очень тяжелыми патологиями, но ни медицина, ни общество не думают о том, что делать с этими людьми после смерти любящих родителей. Этот вопрос также шире, чем собственно медицинский, но поднимать его должны врачи.

Существует множество организаций, которые занимаются медицинскими проблемами асоциальных категорий населения — бомжей, алкоголиков, наркоманов. Их пытаются вылечить и приспособить к «нормальной» жизни. Но из мирового опыта известно, что примерно 11%

человечества имеет психологическую склонность к бродяжничеству и асоциальным действиям и никакое перевоспитание их невозможно. Мы тратим колоссальные средства на профилактику туберкулеза, на исследование вируса иммунодефицита и при этом не находим денег на лечение тех людей, которые реально поддерживают свой социальный статус и хотят этого. Эта проблема не обсуждается, все сводится к социальной помощи. Никакого осмысления ситуации пока нет.

На фоне развития платных медицинских услуг становится невозможным определить, какая плата взимается собственно за медицинскую помощь, а какая — за многочисленные сопутствующие услуги. Следовательно, нет критериев оценки качества лечения. Это приводит к полной безответственности врача.

По-прежнему существует дискриминация определенных направлений как научной медицины, например гомеопатии, так и народной, которую официальная медицина именует нетрадиционной. Не исключено, что стоило бы подумать о системе медицинского страхования в форме ваучеров, которые в пределах отпущенной суммы можно использовать для оплаты любого вида лечебных услуг. Тогда полнее реализовалась бы возможность выбора пациентом тактики лечения, а различные типы лечебных практик сравнялись бы если не по юридическому, то по фактическому финансовому статусу.

Но при этом растут требования к самому пациенту: он обязан стать квалифицированным потребителем. Хорошо знать свои соматические и психические особенности, воспринимать их целостно. Правильно ощущать свой социальный, профессиональный, финансовый статус. Быть достаточно информированным о возможностях различных лечебных практик.

Решения всех этих вопросов в комплексе для конкретного человека ни от государственной, ни от платной медицины ожидать не приходится, так что другого выхода у нас на сегодня нет.

ПСИХИЧЕСКИЕ БОЛЕЗНИ И ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА[1]

Когда в России заходит речь о психических болезнях, у всех возникает ощущение ужаса. У тех, кого начинают подозревать в психических болезнях, из-за того, что это может обернуться для человека огромным количеством проблем — за ним начинает тянуться шлейф слухов, которые могут реально ограничивать не только отношения с друзьями или коллегами, но и гражданские права (даже до установления диагноза!), у окружающих — из-за чувства страха общения с невменяемым человеком и опасения за свою жизнь, у близких — из-за тревоги за судьбу близкого, беззащитного и безнадежного в своей болезни. Особенно усиливаются эти чувства у возможного больного и его близких, если они хотя бы понаслышке знакомы с советской практикой карательной психиатрии. Огромное беспокойство возникает и у тех, кто знает о положении в психиатрических больницах, злоупотреблениях в них, некорректном обращении персонала с больными, об отсутствии или стоимости лекарств. Ну а если уж «подозреваемый» является мало-мальски заметной фигурой в общественной жизни, то сразу тревожит подозрение, что, может быть, этот вопрос — не забота о здоровье человека, а путь к расправе с ним. Одним словом, психическая болезнь в России не столько диагноз, сколько приговор.

В чем причины такого положения дел? Конечно, одна из причин такого положения дел — злоупотребления в психиатрии. Но сами злоупотребления — это не просто выдумка злонамеренных властей, а отражение некоторых культурных стереотипов.

Совершенно очевидно, что в России всегда, даже в высокообразованных слоях общества, было непонимание того, что такое психическая болезнь. Непонятно прежде всего потому, что непонятно, что такое психика. В национальном сознании есть представление о душе как Божьем даре и Божьем достоянии. Отсюда и идет представление о психической болезни как одержимости бесами. Строго говоря, такой вопрос ставить правомерно, но даже в этом случае с точки зрения профессионального верующего психиатра остается область собственно медицинского вме-

---

[1] Написано в 2000 г. в качестве подготовительных материалов к статье: *Чебанов С., Оскольский А.* . Диагноз или приговор?//Пчела. 2000. № 30. С. 7–11.

шательства. Какого именно — это уже специальный профессиональный вопрос.

С культурологической точки зрения подобное положение дел имеет общекультурные истоки. О. Шпенглер различал два типа культур — культуры, ориентированные на историю, и культуры, ориентированные на психологию. Примером второй культуры являются США. Недаром это страна массового распространения психоанализа, развитой психотерапии, с 1960-х гг. отбор кадров базируется там на психологическом понимании лидерства и т. д. Россия — типичная страна с исторически ориентированной культурой. В этом случае представление о психике, а соответственно и психических заболеваниях, оказывается весьма второстепенным и неразвитым.

Каковы последствия этого? Прежде всего приходится говорить о том, что в общественном сознании совершенно неразличимы психические и нервные болезни. Показательно в этом отношении то, что в повседневной жизни несдержанного, неуравновешенного человека с приступами гнева и т. д. называют «психом» — если в этом случае и есть основания говорить о каких-то медицинских проблемах, а не просто о дефектах характера, то речь обычно идет о неврозах. Различие невроза и психоза совершенно не существует в сознании обычного гражданина. Из высказываний интервьюеров это хорошо видно — раздражительность, плаксивость, неумение владеть собой, скорее всего, являются симптомами невроза. При этом, кстати, нужно идти на прием к невропатологу, а не к психиатру, что, вообще-то говоря, социально совсем не страшно — помимо этого, к невропатологу идут при радикулите, ишиасе или невралгии тройничного нерва.

Нужно иметь в виду и еще одно принципиальное различие. Наличие неврологических заболеваний не является основой для ограничения дееспособности. Напротив, наличие некоторых психических заболеваний является основанием для ограничения дееспособности.

В условиях же, когда в сознании окружающих нервные болезни перепутаны с психическими, наличие какой-то невротической реакции может быть основой для распускания сплетен, слухов и т. д. и их опорочивающее значение будет тем больше, чем меньше уровень медицинской культуры населения. Никаких ограничений дееспособности из этого не следует. Если поведение невротика оказывается несоответствующим социальным нормам, то он вменяем и может быть осужден за хулиганство или какое-либо другое преступление, совершенное в аффективном состоянии (которое, однако, может рассматриваться как смягчающее или отягчающее обстоятельство). Если же речь идет о психически больном, признанном недееспособным, то он оказывается

неподсуден и по усмотрению врачей подлежит той или иной форме изоляции.

Характерной чертой психической болезни является стойкое нарушение адекватности миру. Это не просто беспокойство, озабоченность и т. д., а изменение картины мира. Например, человека начинают преследовать семиголовые чудища или ему мерещатся чертики. При этом психически больной может не обращать на себя внимания окружающих (в отличие от аффективных невротиков). Поэтому, прежде чем судить о том, с кем ты имеешь дело, надо иметь в виду «стирание» характерных особенностей облика «психа», причем порой сразу в нескольких аспектах.

Во-первых, принято различать так называемую «большую» и «малую» психиатрии. Большая психиатрия занимается «наполеонами», охотниками за жуками размером с быка или буйными. Сюда относится шизофрения или маниакально-депрессивный психоз. Но есть и «малая» психиатрия. На первом месте здесь старческие слабоумие и депрессия, постклимактерические расстройства психики. Очень мало кто, думая о том, псих он или нет, принимает во внимание «малую» психиатрию.

Во-вторых, есть большое число «пограничников» — тех, кто находится на грани нормы и патологии. Прежде всего это пограничность с «малой психиатрией». Но есть пограничность и с «большой психиатрией» — скажем, истерия может граничить с буйным помешательством.

В-третьих, надо помнить, что все заведомо здоровые люди — разные. Именно поэтому уже больше века психологи говорят о психологических типах, а об их существовании люди догадывались очень давно. Таковы типы по темпераментам — знаменитые флегматики, сангвиники, меланхолики, по характеру мыслительных процессов — мыслители, интуитивисты, художники и т. д. Крайние проявления особенностей каждого типа позволяют говорить об акцентуациях. Акцентуированный мыслитель-рационал будет невыносимым занудой, эмоционал-художник — крайне экспрессивным и т. д. Для непосвященного ситуация еще более запутывается названиями типологического статуса и акцентуации: шизотимики, циклотимики — это звучит как психиатрический диагноз. Поведение, в особенности в экстремальных ситуациях, будет у них очень своеобразным, так что будет возникать вопрос о соответствующих личностях как «пограничниках».

Наконец, в-четвертых, есть и те, чье поведение исключительно своеобразно и резко отличается от значительного большинства. У них есть полная адекватность поведения, сохранены интеллектуальные функции, но представления и мотивы поведения в некоторых областях не-

обычны. В таком случае речь идет о людях с девиантным поведением. Лечить их практически невозможно, да и бессмысленно. Примерами девиантного поведения являются гомосексуализм и некоторые другие отклонения полового поведения.

Все сказанное имеет не только академическое, но и важное практическое значение — для того, чтобы максимально большее число людей разных типов чувствовали себя полноценными гражданами и могли при этом эффективно отстаивать свои гражданские права. Речь при этом идет не только о том, чтобы отстаивать свои права в судебном порядке, но и о том, чтобы преодолевать атмосферу остракизма, окружающего почти каждого незаурядного человека (тем более если при своем своеобразии он еще и социально неудачлив и поэтому не в состоянии обернуть свои слабости в преимущества). Для этого крайне необходимо, чтобы население уловило различие нервных и психических заболеваний, имело представление о том, что такое акцентуации и пограничные состояния, знало о девиантном поведении (тем более что лица с подобным поведением сейчас занимают весьма заметное положение в российском обществе).

НАУКА

НЕГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУКА[1]

В октябре 1996 г. в подмосковном Зеленом Бору проходил семинар, посвященный негосударственной науке в современной России. Организаторами его выступали Институт национальной модели экономики и Семинар по биогерменевтике Санкт-Петнербургского союза ученых. Работа совещания отражена в статьях И. В. Прусс, но заключительное выступление автора оказалось только проанонсировано[2]. Данным текстом восполняется этот пробел.

Как показал семинар, для разных его участников актуальны разные оппозиции, касающиеся науки. Для одних наиболее значимо противопоставление парадигматической и непарадигматической науки, для других основными являются понятия официальной и неофициальной науки, для третьих — доминирующей и недоминирующей, теневой, науки. Поскольку всех занимали разные вопросы, потребовалось некоторое время, чтобы выяснить, о чем вообще пойдет речь, очертить смысл противопоставления государственной и негосударственной науки.

Сначала о статусе государственности и негосударственности. Нужно различать государственную и негосударственную собственность на сами научные учреждения, их здания, оборудование, библиотеки и пр. и государственные и негосударственные источники финансирования как государственных, так и негосударственных учреждений. В свою очередь, в финансировании выделяются два различных типа: финансирование фондовое, которое требуется для создания научных организаций, строительства зданий и т. д. и связано с очень большими объемами кредитования, и финансирование текущее — на покрытие расходов на заработную плату, расходные материалы, командировки и т. д. Чаще

---

[1] По материалам заключительного выступления 7 октября 1996 г. на Семинаре «Негосударственная наука как форма легализации свободной науки» (см. Приложение наст. изд.: *Каганский В. Л., Чебанов С. В.* Семинар о негосударственной институализации свободной науки. С. 703–706). Текст подготовлен Г. В. Руссо. Редакция автора. См. также*: Плискевич Н.* Негосударственная фундаментальная наука / / Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 25—36.

[2] *Прусс* И. Фундаментальная наука жива. По какому адресу она живет?//Знание — сила. 1997. № 2; *Прусс И.* Научные коллекции: продать, отдать, сохранить?//Знание — сила, 1997. № 4.

всего это текущее финансирование может, в принципе, идти за счет частных организаций, в то время когда даже при создании частных структур фондовое финансирование, как правило, тем или иным способом имеет место.

Наиболее интересным для участников семинара оказалось обсуждение оппозиции свободной и несвободной науки. При этом было получено несколько промежуточных результатов.

Прежде всего мне представляется, что ключевым является понятие ленной науки, предложенное В. А. Дымшицем. Под ленной наукой понимается следующее. Ученый или группа ученых, находящиеся на государственной службе, вступают с представителями власти любого уровня (от завлаба и выше) в некоторые неформальные отношения. Эти неформальные отношения включают в себя заключение какого-то договора (устного или письменного), который определяет, что будет являться действительной сферой деятельности данного работника внутри данной организации. Соотношения формального и неформального статусов сотрудника могут быть при этом самыми разными.

Например, человека принимают на ставку научного сотрудника, а на самом деле по договоренности он никакой наукой не занимается, а, допустим, занимается ремонтом яхты своего начальника. Или наоборот, его принимают на какую-то техническую должность, но по договоренности ему предоставлена возможность заниматься любыми исследованиями, какими он захочет.

Уровни ленной организации могут существенно различаться. Ленными могут быть:

— *время*, и тогда стороны договариваются только о том, какой частью рабочего времени человек имеет право распоряжаться в соответствии со своими желаниями;

— *тематика*, например, оговаривается, что данное лицо является монополистом в какой-то области исследования, он может заниматься только ею;

— *целая отрасль науки*, что частенько бывало в бывшем Советском Союзе, когда какой-нибудь академик получал в такое ленное владение целую науку. В известной мере это является наследием сталинской идеологии главных специалистов.

Существует принципиальный вопрос о моральной оценке ленной науки, потому что в сущности она является некоторой скрытой формой коррупции и ее можно квалифицировать как измену моральным принципам. Например, стоит подумать, что двигало создателями АН СССР. Многие ли из них задумывались о том, что та власть, которой они позволяют ублажать себя, является преступной и разрушительной?

Не определялась ли их деятельность тотальным желанием создать себе комфортабельный лен и спокойно заниматься научными изысканиями, не замечая, что, хотя бы отчасти, они существует за счет происходящего вокруг жертвоприношения? В конечном счете ту же ядерную физику можно рассматривать в качестве ленной науки со всеми вытекающими отсюда моральными проблемами.

Оказалось, что многие ученые, в том числе и среди присутствовавших на Семинаре, как раз связаны с такой ленной наукой, но при этом они по-разному квалифицировали свое положение. Те, для кого существенным являлся юридический статус, считали, что всю жизнь они проработали в государственной науке, те, кому удалось стать совершенно независимым и делать то, что хотелось, собственную деятельность воспринимают при этом как негосударственную. В действительности и те и другие занимаются как раз ленной наукой, для которой юридический и фактический статусы практически всегда не совпадают.

Разнообразие форм организации государственной науки с позиций их статуса, вообще говоря, невелико. Прежде всего это собственно государственная наука. Далее в этом ряду можно говорить о науке каких-то крупных корпораций. Например, вполне подходит под статус государственной науки (и даже юридически) Папская академия наук, хотя она негосударственная по своей сути, поскольку принадлежит некоторой религиозно-профессиональной корпорации. Видимо, к этому же разряду можно отнести крупные монастыри и библиотеки с соответствующими исследовательскими центрами, принадлежащие тем или иным монашеским орденам.

Юридически государственной часто является и ленная наука, в сущности же она обладает некоторым смешанным статусом.

Существует несколько полностью частных форм организации науки.

Первая — самофинансирование исследователя, например за счет наследственного богатства, дворянского положения, продажи имений и т. д. Действительно, вплоть до начала XX в. нередко бывало, что крупные ученые тратили на свою научную работу собственные средства.

Сейчас чаще реализуется другой источник самофинансирования — продажа результатов научной работы. При этом нужно отдавать себе отчет в том, что фундаментальная наука, о которой и идет речь, очень мало что может предложить на продажу.

Во-первых, это собственно знания, причем нужно подчеркнуть — безотносительно к той форме, в которой эти знания существуют (как только эта форма обретается, она становится предметом авторского права и становится возможным организация некоторого рынка).

Как особые результаты собственно научной деятельности могут рассматриваться такие формы, как представления итогов исследовательской работы в таблицах, номограммах, рисунках, схемах и т. д.

И наконец, ученые занимаются трансляцией культуры, а иногда и транскультурной трансляцией своего опыта. Издание журналов, организация книжных издательств, написание монографий — все это относится к трансляции опыта и порождает (осознается это или нет), например, такие феномены, как невидимые колледжи или научные школы. Невидимые же колледж или научная школа могут быть (явным или неявным образом) объектом торгов на научном рынке, точнее, рынке политическом или административно-государственном.

Вместе с тем ученые производят по крайней мере три или четыре типа продуктов, которые уже могут поступать на самый настоящий рынок и там продаваться. Ученые достаточно часто являются одновременно и

— преподавателями и могут получать деньги за педагогическую деятельность;

— авторами текстов, которые могут продаваться;

— консультантами и экспертами, и этот их труд может быть оплачен.

Это уже не сама фундаментальная наука, а ее приложения. Такие компоненты деятельности могут быть предметом организации некоторых смешанных структур, которые, с одной стороны, будут заниматься фундаментальной наукой, а с другой — будут участниками рынка образования, производства научных текстов, консультирования и экспертизы. Подобный рынок организуется сейчас с помощью различных инновационных компаний, но пока такой рынок не получил своего распространения в России.

Как особую форму организации деятельности по реализации итогов научной работы, но несколько иначе оформленную и построенную по другому принципу, можно рассматривать научно-технические объединения. Научно-технические объединения занимаются некоторой технической деятельностью, за счет чего имеют прибыль. Это и есть их основная форма экономический активности. За счет прибыли они могут содержать исследовательские отделы, причем совсем не обязательно, чтобы технические разработки такой фирмы базировались на научных исследованиях, осуществляемых в ней. Примером является квантовая физика, которая развивалась за счет финансирования пивными компаниями — между этими сферами деятельности уже нет никакой связи. Это пример финансирования из некоторой несмежной области, в которой существует ясное понимание того, что фундаментальная наука сама по себе представляет некоторую ценность, из которой могут вытекать

некоторые полезные следствия (может быть, даже и косвенные) для развития той или иной технической сферы.

Кроме того, может быть и частная наука, существующая за счет частного финансирования — различных грантов, фондов и т. д. Финансировать ее может и некоторое отдельное лицо, и фирма, и корпорация, когда затраты осуществляет некоторое землячество, религиозная община, профессиональное сообщество или кто-то еще.

Итак, рассмотрены все существующие организационные формы научной деятельности. Интересно, что полученная картина вроде бы является абсолютно универсальной — все исторически известные формы реализации научных исследований за последние четыре-шесть тысяч лет укладываются в эту схему и никаких других, судя по всему, не было. Естественно, назывались они в разные времена совершенно поразному, но суть не менялась. Было бы интересно просмотреть исторические границы применимости этой схемы и попробовать, хотя бы теоретически, ввести какие-то новые формы организации, деятельности и финансирования фундаментальной науки.

Анализ предложенной схемы показывает, что ни одна из перечисленных форм организации науки не является хорошей или плохой, и даже нельзя сказать, что та или иная является лучше или хуже. Все эти формы могут использоваться как парадигмальной, так и непарадигмальной наукой, как официальной, так и неофициальной. Более того, оказывается, что по степени свободы, отпускаемой исследователю, они не будут существенно различаться.

Можно, например, работать в государственной науке, но если при этом научные интересы исследователя совпадают с государственными, а исследователь еще и имеет какие-то заслуги, то он будет иметь чрезвычайно высокую степень свободы. Обычно такого рода ситуации складывались в военно-промышленном комплексе, и многие нынешние стенания ученых ВПК связаны именно с тем, что при советской власти они могли себе позволить практически все что угодно. Подобный эффект известен и по воспоминаниям физиков, работавших в рамках американского ядерного проекта. А можно и работая в режиме самофинансирования, иметь высшую степень несвободы, организуя самотеррор за счет жесткой внутренней дисциплины, распорядка дня, идеи служения высшим интересам и т. д. Естественно, и в любых других перечисленных формах деятельности могут иметь место различные комбинации свободы и несвободы.

Возвращаясь к источникам финансирования, нужно отметить, что и государство, и крупные корпорации типа монашеских орденов способны именно осуществлять капиталовложения, тогда как текущее фи-

нансирование может время от времени прерываться по тем или иным причинам. Как раз в такие периоды и бывают нужны частные фонды. По такой схеме и развивалась российская наука. С XVIII в., с момента создания Академии наук как организации сугубо государственной, в нее было вложено колоссальное количество средств, т. е. государственное финансирование было для нее на протяжении двух столетий основным. То, что происходит сейчас, — это некоторое временное состояние, когда для государственной науки необходимо текущее финансирование, которому может способствовать частный капитал. Очень любопытно, что именно такая ситуация была во время становления советской власти, когда Академия наук подчеркивала свой частный статус, притом, что до этого она существовала более столетия как один из жестких государственных институтов. Поэтому нужно четко оценивать, что можно сделать в рамках частной науки, не имея предварительного государственного финансирования.

Таким оказался итог этого трехдневного обсуждения и нескольких месяцев подготовки. Он абсолютно тривиален, хотя в течение длительного времени никто не мог заметить этого и определить, что же именно людей волнует. Реально интересовала собравшихся ученых проблема соотношения свободы и несвободы науки, но почему-то она осознавалась как проблема соотношения государственной и негосударственной науки. Наличие такой жесткой «склейки» представлений о свободе и несвободе с понятием государственности, в свою очередь, тривиально, если вспомнить, что все участвующие в дискуссии люди сформировались в условиях Советского Союза.

Однако результаты обсуждения позволяют сформулировать две вполне реальные и актуальные на нынешнем этапе развития проблемы.

Первая проблема — какие новые возможности у свободной науки, существовавшей в бывшем СССР, возникли с появлением негосударственной науки? Вопрос, требующий детального рассмотрения, хотя очевидно, что эти возможности приводят по меньшей мере к расширению тематики исследований, к появлению новых связей между профессионалами и т. д., но также и к формированию некоторых скрытых ограничений.

Вторая реальная проблема — как быть с действительно ощутимым сейчас сокращением ленной науки, в которой работали очень многие исследователи и которая поставляла основные результаты в большинстве научных дисциплин в течение последних 20–25 лет?

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОЛОЖЕНИЕ И ФИНАНСИРОВАНИЕ[1]

Предварительные замечания

Этот текст — прежде всего ответ на то беспрерывное нытье, в которое погружены нынешние ученые, живущие и работающие в Российской Федерации (РФ). Он основан на личном опыте и опыте коллег из ближайшего окружения. Аргументировать статистически высказываемые суждения в настоящее время не представляется возможным — это должно стать предметом специального исследования. Специального исследования заслуживает и достоверность официальной статистики советского времени по обсуждаемым вопросам (для того, чтобы сделать обоснованное заключение о характере изменений в настоящее время).

Важной категорией этого личного опыта является представление о настоящем ученом. Так или иначе эксплицировать его, ввести в инструментально определимые рамки крайне сложно. Тем не менее опять же общение с коллегами показывает, что ученым понятно, что такое настоящий ученый[2]. С учетом этой оговорки можно сказать, что мне неизвестно ни одного случая, когда бы серьезный ученый в РФ ушел из науки. Это относится к биологам, математикам, лингвистам, философам, социологам, историкам, в несколько меньшей степени это известно мне в отношении физиков, геологов, географов, кристаллографов. На основании опыта общения с ними и написан данный текст.

Проблема

Для того чтобы оценить положение дел в науке, надо поместить ее проблемы в общий контекст социально-экономического развития РФ.

---

[1] Написано весной 1997 г. и сразу же представлено в несколько изданий. Опубликовано: Фундаментальная наука: уничтожение или очищение?//Час Пик. 1997. № 96 (825). 2 июля. С. 10 (текст сокращен и значительно стилистически переделан редакцией в сторону обострения: проиллюстрирован удачным коллажем И. Архипова); Фундаментальная наука: положение и финансирование//Посев. 1997. № 4. С. 34–39 (с некоторыми сокращениями).

[2] Ср. наст. изд. С. 531.

При этом представляется необходимым принять во внимание по крайней мере следующие обстоятельства:

1. Советский Союз, а ныне РФ, являются малоразвитыми и достаточно бедными странами с некоторым своеобразием (прежде всего отличаясь сосредоточением в прошлом огромных материальных богатств, таких как недвижимость, городская инфраструктура и т. п., и культурным уровнем, превышающим ныне бедствующие страны Африки и Южной Азии), которые за счет идеологической обработки населения и манипулирования со статистикой создавали как внутри страны, так и во внешнеполитических отношениях образ передовой страны мира. Этому мнимому образу соответствовал и избранный путь развития науки. В итоге с началом реформ Советский Союз начал обнаруживать свою суть как Берег Слоновой Кости с ядерными ракетами. Сейчас необходимо привести положение дел в РФ, включая науку, в соответствие с ее уровнем социально-экономического развития в середине первой сотни стран мира, а не в первом десятке развитых стран.

2. Для осуществления указанных реформ был выбран жесткий вариант с чрезвычайно высокой социальной ценой. По сути, имеет место отказ от каких-либо социальных гарантий на фоне тотального разрушения системы социального обеспечения. По этому поводу и правительству, и идеологам реформ высказываются соответствующие претензии. При этом, однако, не принимаются во внимание по крайней мере два обстоятельства:

1) Советский Союз шел к неминуемому краху за счет общего системного кризиса. Показателем этого является и то, как легко отдала власть КПСС, которая до этого более 70 лет держалась за нее звериной хваткой. Страна была на грани хаоса, но новой власти удалось его избежать. Этой жесткостью ситуации власть и пытается оправдать жесткость своих действий. К сожалению, собрать информацию, необходимую для проверки этого положения, чрезвычайно трудно.

2) Внешнее благополучие Советского Союза имитировалось десятком-другим крупных городов с особым статусом, остальная же страна бедствовала, включая сюда и поселки многочисленных заключенных. Показателем такого положения дел были «колбасные электрички» вокруг больших городов. Сейчас же о них забыли, в то время как жители закрытых военных городков (в которых дольше поддерживалось прежнее благополучие) сопротивляются тому, чтобы их открыли.

3. Значительная часть трудностей, испытываемых ныне наукой в РФ, являются общими для страны, а не трудностями науки. К их числу относятся отсутствие нормального финансирования, систематические

невыплаты заработной платы, исключительная жесткость стоящего перед конкретным человеком выбора — либо найти вариант выживания, либо погибнуть, длительное существование на гране физического выживания, требующее работы на износ без отдыха и лечения, и т. д. К специфическим проблемам ученых относится то, что наука как форма деятельности и социальный институт предполагает высокий уровень социальной стабильности, а идеалом работы для ученых, реализация творческого потенциала которых оборачивается социальной дизадаптивностью, является «социальный термостат». Ни одно же бедное общество не способно сохранять социально дизадаптивных индивидов, даже ценных для этого общества, на больших интервалах времени. Поэтому нынешнее поведение властей РФ в отношении науки вполне типично для администрации бедных стран.

Но ученые обладают при этом и некоторыми преимуществами: высоким образовательным уровнем, обеспечивающим целостное видение ситуации, оплаченным государством изучением иностранных языков, которые оказались ныне столь важными для выживания; характером деятельности, позволяющим вписываться в международные структуры; личными связями с иностранцами и т. д. Отсутствие такого рода преимуществ у того или иного ученого заставляет задуматься об адекватности его профессионального статуса в прежнее время.

4. В описанной ситуации проблема предстает как рассмотрение преобразования одной структуры науки в другую и анализ эффективности таких преобразований в тех или иных отношениях. При этом очевидно то, что как прошлая структура науки была не хороша для кого-то, так она может быть плохой для кого-то сейчас, и соответственно как старая структура науки давала возможность процветать одним, так теперь новая дает дополнительные возможности для других. При этом естественно то, что как есть те, кто находил тепленькое местечко и в прошлом, и находит его сейчас, так есть и те, кто бедствовал и в прошлом, и бедствует в настоящем. Построить интегральную модель оценки для сравнения положения дел весьма трудно. Следует отметить, однако, что не вписывающийся в существующие структуры ученый ныне оказывается на грани выживания, в то время как в старой структуре существовало достаточно много «зазоров», в которых могли выживать (иногда совсем неплохо) самого разного рода девиантные личности (включая особо ценных для науки глубоких интровертов). К тому же принятая ныне в РФ модель науки является полностью заимствованной и не имеет корней в национальной традиции (примечательно, что идея государственной академии наук — изобретение России XVIII в.).

Критерии оценки

Так или иначе, оценка положения дел производится через сравнение. Богатство сравнений определяет богатство оценки ситуации. Для данной задачи целесообразно использовать хотя бы следующие линии сравнения:

1. Сравнение с положением в СССР. Прежде всего возьмем
конец 70-х — начало 80-х гг., и выборочно —
20–30-е гг. и
40–60-е гг.

Первый интервал соответствует тому, что хорошо понятно нынешним ученым и от чего они психологически отсчитывают нынешнее состояние.

Второй интервал характеризуется полным игнорированием личности ученого и неограниченным присвоением результатов его труда государством без какой-либо компенсации и учета мнения ученого.

Третий является периодом действительного расцвета некоторых направлений науки в СССР, когда и общественный, и экономический статус ученого был действительно очень высок (при жесткости идеологического прессинга).

2. Сравнение с положением в современном западном мире, причем иногда раздельно — с Европой и Северной Америкой.

3. Сравнение с гипотетическим положением науки в России при более благоприятных сценариях современного развития.

4. Сравнение положения ученого в нынешней России с положением в России до революции 1917 г. и того положения, которое может быть реконструировано путем экстраполяции общественно-экономического развития 1913–1914 гг.

Проблемы науки и не науки

Принимаясь за обсуждение данной темы, надо очень четко очертить обсуждаемый предмет, а именно то, что будет рассматриваться как область науки.

Первой проблемой является представление о науке.

Дело в том, что очень часто под наукой понимаются все виды деятельности, в которых значительное место принадлежит научным компонентам. С этим категорически нельзя согласиться (обоснование этого тезиса — не предмет данной работы). Поэтому научно-техническую деятельность, представленную научно-техническими школами, вообще не следует принимать во внимание при обсуждении данной пробле-

мы. В еще большей мере то же самое относится и к области техники. Таким образом речь идет о фундаментальной академической науке, что не исключает в некоторых случаях (об этом речь будет идти отдельно) и рассмотрения ее сложнейшего технического и промышленного обеспечения. Но и здесь проблемы создания научного оборудования не надо путать с наукой — иначе теоремы математики окажутся неотделимы от песка, на котором чертились иллюстрирующие их чертежи[1].

Второй проблемой является то, что вопросы собственно науки и ее финансирования надо отделить от смежных вопросов — социальной реабилитации лиц, до недавнего времени социализовавшихся как ученые, но к науке, по существу, не имеющих отношения, проблем пенсионного обеспечения ученых и их социальной защиты и т. д. В этом контексте надо рассматривать и защиту интересов лиц, ныне выпадающих из науки по разным причинам — невозможность финансировать отдельные, даже значимые направления науки, структурная реорганизация научных учреждений, обнаружение того, что «король голый» (выяснение того, что положение бывшего светила было мнимым), и т. д. При этом даже тогда, когда деятельность мнимого или подлинного ученого была аморальной, нужно реально оценивать его ситуацию как человека, в особенности пожилого, и уметь проявлять «милость к падшим». Это проблемы различных социальных служб, а отнюдь не научных организаций. С этой точки зрения надо последовательно отделить научные учреждения от профсоюзов ученых, осознать принципиальное различие их задач. То же относится и к проблемам образования — воспроизводство научного потенциала не является проблемой науки, это проблема образования (конечно же, связанная с рассматриваемой проблемой, но по сути другая).

С учетом этих ограничений наука занимает относительно скромное место в организации общества.

Конверсия и деидеологизация

Внешними и околонаучными являются проблемы приведения социальной организации науки в соответствие с сегодняшними социальными реалиями. Важнейшие из них — конверсия и деидеологизация, которые затрагивают два главных куста советской науки.

Значительная доля развивавшихся в СССР направлений науки была прямо или косвенно подчинена интересам агрессивной военной докт-

[1] Под учеными в данном тексте понимаются все представители исследовательской деятельности, так что к ним отнесены философы, богословы, методологи и т. д.

рины. Такая ориентация аморальна по существу, экономически разорительна и к тому же неэффективна в имевшемся варианте ее использования.

Аморализм этой позиции проявлялся как в декларируемых военно-политических установках, так и, например, в том, что человек не из идейных или патриотических соображений, а на чисто меркантильном основании решал вопрос о том, какое — военное или гражданское — образование ему получать. Если человек приходил на работу в режимную организацию, то решал вопрос о том, надевать или не надевать ему погоны в зависимости от величины жалованья, социальных выплат и т. д. При этом значительная часть якобы военных исследований была чистым надувательством и средством выманивания денег из государства.

Экономическая разорительность проявилась и в том, что вся деятельность страны оказалась милитаризованной при крайне низком уровне развития технологической и бытовой культуры, дикости санитарно-бытовых условий. В результате военное бремя оказалось стране просто не по карману (на фоне первобытных условий жизни значительной части сельского и провинциального населения).

Безнравственность развития военного комплекса в СССР проявлялась и в том, что не только не были созданы технологии двойного назначения, но постепенно сворачивались все гражданские производства и там, где была малейшая возможность, гражданская продукция замещалась военной (например, вместо отсутствующих пассажирских самолетов использовались военно-транспортные).

Поэтому сворачивание науки, работающей на оборону, — задача крайне необходимая, морально оправданная и по сути мало затрагивающая фундаментальную науку. Поэтому же осуществляемое, например, сокращение ассигнований на космические исследования вполне морально допустимо на фоне массовой нищеты народа (ср. ракеты с тяпками крестьян и горожан, которыми они обрабатывают свои 6 соток ради добавки к скудному столу) как в советский период, так и ныне.

С этой точки зрения для РФ важно найти место в кругу других стран с аналогичным уровнем развития и, умерив свои геополитические притязания, думать о разумном месте ВПК и науки, работающей на войну, в национальном хозяйстве. Формулирование военной доктрины РФ позволило бы сделать такие поиски более эффективными. На этом фоне очень показательно самоубийство директора ядерного центра в Снежинске Нечая, который страдал от невозможности реализовать свой творческий потенциал при создании очередной ядерной бомбы. Тем не менее и ныне финансирование науки, работающей на войну, оказывается лучше, чем гражданской науки (хотя и в первой

есть проблемы с недостатком представителей среднего и молодого поколений).

Важной областью, которая должна подвергнуться коренной реорганизации и, видимо, существенному сокращению, является обществоведение. Очевидно, что все общественные науки, группирующиеся вокруг марксизма-ленинизма, а также разных форм его ревизионизма, не имеют ни малейшей ценности для общества в целом, а представляют специфический продукт внутрипартийной активности. В результате те, кто способны заниматься только этим, будь то отдельные лица или целые организации, должны быть просто сняты с «довольствия» и ими должна заняться служба социального обеспечения или они, подобно доктору философских наук Г. Зюганову, должны найти себе другие источники к существованию. Однако принципиальных решений по этому поводу так и не принято.

Вместе с тем в среде марксистской общественной науки было много явных и скрытых диссидентов. Их существование как профессионалов и должно быть обеспечено в современной ситуации. Очевидно, что доля их не очень велика. Кроме того, часть из них способна к вполне доходной профессиональной деятельности, к конкретным социологическим исследованиям, социальному и психологическому консультированию, профотбору, обучению психологическим, общественным и филологическим наукам, организации туризма и т. д. В итоге большая часть таких специалистов оказалась ныне хорошо обеспеченной и государство может о них не думать. Доля исследователей-обществоведов, способных к фундаментальным изысканиям, исчезающе мала. Их-то и надо выискивать для бюджетного финансирования.

После вычета этих двух категорий исследователей наука в РФ оказывается довольно малочисленным социальным феноменом.

Прикладные исследования

С конца 60-х гг. в СССР получили распространение хозрасчетные научно-исследовательские работы, которые по замыслу должны были давать результаты, непосредственно внедряемые в практику. Реально ситуация складывалась несколько иначе, и как хоздоговорные фигурировали любые работы, которые оплачивал конкретный заказчик. Однако составлялись соответствующие акты передачи результатов работ, практического внедрения и т. д.

Если такие работы имели ранее лишь какое-то мало-мальски осмысленное зерно, то ныне исполнители хоздоговорных работ в принципе должны оказаться очень богатыми людьми, так как результаты

подобной работы теперь получают действительную оценку. Другое дело, что в связи с кризисом неплатежей (а точнее, вообще кризисом невыполнения контрактных обязательств), дефицитом денег и т. д. реальные оплаты таких работ могут быть ныне смехотворными. Но это не проблемы финансирования науки, а вопрос общего оздоровления экономики.

Если же авторы подобных хоздоговорных работ на протяжении десятилетий гнали «липу», то нынешние их затруднения должны восприниматься как расплата за ранее расхищенные средства. Реальные же их проблемы опять же далеко не научные, а социокультурные или даже подлежащие рассмотрению правоохранительными службами. Объем собственно научных проблем оказывается с учетом этого совсем небольшим.

Так или иначе, но некоторыми лицами высказывается компетентное мнение о развале прикладной науки. Возможно, что дело обстоит именно таким образом. Но тогда надо обратить внимание на то, что это не есть качественно новое положение.

Еще в СССР положение прикладной науки было хуже по сравнению с Западом на фоне процветания фундаментальной, которая тем не менее финансировалась скромнее прикладной. Но положение, конечно, отличалось от нынешнего.

Исключение составляли лишь выделенные отрасли — космическая, военная, энергетическая и т. п. Фундаментальная же наука как поражала иностранцев своим уровнем во времена СССР, так продолжает поражать и ныне (причем не только старыми, но и новыми разработками).

Советское наследие

В наследство от СССР в фундаментальной науке осталась сложная многоуровневая иерархизированная система институциональной организации с дифференцированной системой статусной маркированности, которая позволяла как безбедно пребывать в ней бездельникам, так и относительно беззаботно, но почти на голом энтузиазме заниматься своей деятельностью увлеченным исследователям. Такая система организации дела в дефицитном обществе не является жизнеспособной и имеет тенденцию к саморазрушению. Ныне это осуществляется через поток кадров из науки в другие сферы деятельности и за пределы РФ.

В результате сейчас имеет место процесс саморегуляции численности лиц, вовлеченных в сферу государственной науки. Среди них есть как люди действительно органически приспособленные к научной дея-

тельности и порой только к ней, так и еще некоторая доля бесцветных, социально неактивных лиц, претендующих на сравнительно высокий социальный статус. Есть и определенная доля вообще ни к чему более не способных людей, просто стремящихся в научную среду. Очевидно, что соотношение этих категорий будет со временем как-то меняться.

Однако надо отдавать себе отчет в том, что в обществе всегда есть некоторая доля населения, которая не способна ни к какой результативной деятельности. Исключение этих людей из сферы социальной жизни порождает изгоев, увеличение числа которых чревато социальными взрывами. Поэтому целесообразно их как-то распределять по разным социальным нишам. Вероятно, и наука должна взять на себя некоторую долю таких безобидных, но в сущности никчемных людей.

Альтернативой является создание всех рабочих мест в науке под конкретные кандидатуры — институализированных образований под конкретные персоны с их ликвидацией после ухода этих персон на пенсию, их смертью, сменой ими профессиональной деятельности или страны проживания (за исключением ситуаций, связанных с обслуживанием коллекций — кстати, учреждения Российской императорской академии наук создавались именно при коллекциях — зоологической, гербарной, книжной, этнографической и т. д.).

Современная ситуация

а) Очищение

Первым очевидным результатом не только постсоветских, но еще горбачевских реформ явилось то, что научная среда de facto начала освобождаться от людей, в сущности чуждых ей.

Это, во-первых, всякого рода карьеристы, стяжатели, властолюбцы, для которых наука была сферой реализации их амбициозных притязаний. Они стали перемещаться в коммерческие структуры, иногда — в государственные органы, за границу. Часть же научных работников ушла в криминальные структуры, так что, к примеру, российская организованная преступность сейчас самая высокообразованная в мире — большинство имеет высшее образование, а значительная часть — ученые степени.

Во-вторых, заметная часть маргинализованной научной общественности ринулась в публичную политику, причем этот процесс начался раньше, чем политический бизнес стал доходнее научной деятельности.

В итоге научное сообщество значительно оздоровилось, а наносное, инородное стало расползаться — начался процесс самоочищения: одер-

жимых похотью власти и психопатов в нем стало заметно меньше, что явно положительно сказалось на плодотворности научных семинаров, конференций, стиле научных публикаций, повседневном общении...

б) Денационализация науки

Нынешние проблемы науки в РФ имеют очень глубокие и относительно давние (с конца Второй мировой войны) корни.

Первая проблема из этой области — структурная. Государство, являясь всего лишь одним из уровней социальной организации, взяло на себя с какого-то момента непомерно большое число органически не присущих ему функций. В условиях СССР эта тенденция была доведена до своего логического конца. При этом государство не только активно вмешивалось в научную жизнь, но и объявило свою монополию на науку — по определению частное лицо не могло представлять науку. Наиболее наглядно это проявилось в СССР в шельмовании тех или иных научных направлений в конце 40-х — начале 50-х гг.

После достижения максимума выясняется, что такой способ государственной организации жизни оказывается неэффективным, и начинается процесс разгосударствления — государство начинает избавляться от становящихся для него обременительными функций. Так, в СССР в конце 50-х — начале 60-х гг. государство отказывается от контроля над типом одежды своих жителей и, отчасти, над их эстетическими вкусами, в 60-е гг. освобождается от необходимости обеспечивать их жильем, поощряя развитие ЖСК, с 70-х — начинается массовое развитие огородничества на дачных участках, что позже кладется в основу аганбегяновской программы решения продовольственной проблемы, в это же время отменяется графа о месте работы в паспорте и трудоустройство становится частным делом и т. д. Рано или поздно дело должно было дойти и до науки...

Аналогичные процессы шли и за границей. Теоретически они осмысливались в либеральном неоконсерватизме, а практически выражались в тэтчеризме и рейганомике. Трудно представить, что аналогичные процессы могли не затронуть и СССР, его науку.

Вехами на этом пути были разные попытки перевода науки на хозрасчет, борьба за повышение практической значимости фундаментальных исследований и научно-технический прогресс и т. д. Кончилось все это горбачевскими программами ускорения и интенсификации, проектами развития машиностроительного комплекса. Провалы этих государственных начинаний не только наносили ущерб науке, но и дискредитировали ее в глазах общественного мнения. Крах же государства явился и крахом государственной науки.

«Расползание» государственного уровня не исключает существования более низкого и более высокого уровней организации — открываются возможности для развития как частной, так и интернациональной науки. В этом и заключаются две возможности развития науки в РФ. Оба направления процесса денационализации предполагают отказ от идеи того, что научные достижения, школы, учреждения являются достоянием государства — нет, ученые и научные школы выступают при этом как частные субъекты, которые свободно путешествуют по земному шару, занимаясь решением своих задач. Это не исключает заинтересованности в них политиков или участия ученых в политической жизни, но политическая успешность той или иной группы ученых не является показателем успешности состояния науки.

Вторая проблема — организационно-геополитическая. Нонсенсом является ситуация, при которой на территории одного государства находится такое число научных объектов (циклотронов, реакторов, физических лабораторий), которое сопоставимо с числом таких объектов во всем остальном мире. Очевидно, что это является экономическим абсурдом и требует исключительных затрат. Они и были осуществлены в послевоенное время, в большой мере в связи с военными задачами. Это было одно из действий, из-за которых надорвалась страна. Именно поэтому подобные исследования и могут быть только интернациональными.

в) Гранты

Практически подавляющее большинство лиц, сохраняющих свой статус как ученых, ныне научились более или менее стабильно получать гранты, обеспечивающие их сносное существование. Такие гранты могут быть как национальными (например, РФФИ), так и международными. Получение грантов обеспечивает приемлемое существование практически всем достойным специалистам и работающим вместе с ними помощникам и молодежи.

При получении грантов, однако, существуют обычные проблемы, присущие таким формам организации: мнение конкретного эксперта, иногда находящегося в персональном конфликте с грантозаявителем, влияет на принятие решения, иногда эксперт и заявитель относятся к разным научным направлениям и т. д. Поэтому почти каждый исследователь знает, в какие именно фонды ему имеет смысл обращаться, а в какие — нет, какой именно рецензент будет ставить ему палки в колеса и как этому можно противостоять и т. д.

Безусловно, сложившаяся система распределения грантов не может рассматриваться как безупречная, но она довольно полно охватывает

устоявшиеся научные направления. При этом уже есть прецеденты конкурентоспособности грантодателей из РФ с западными. Системы распределения грантов в РФ и на Западе обладают сходными недостатками, но так или иначе сложилась система финансирования, сопоставимая по мощности и дифференцированности со средним государственным финансированием, однако с несколько иными административными играми.

Сложившаяся система финансирования науки порождает и новые формы нервотрепки, интриг, волнения и т. д., однако вроде бы ученые из РФ еще не тратят на это около 30% времени, как их западные коллеги, на написание заявок на гранты. Тем не менее эта деятельность позволяет обеспечить выживание значительной части ученых из РФ.

Отдельно можно обсуждать при этом вопрос, каков же должен быть адекватный доход ученого. Очевидно, что этот доход должен быть достаточно высоким, ощутимо выше, чем у среднего рабочего, и может быть сопоставим с доходами очень высококвалифицированного рабочего, но уж заведомо значительно ниже доходов предпринимателя, тем более такого, который организует рабочие места. С этой точки зрения финансирование науки в РФ ныне недостаточно и создает реальную угрозу для национальной безопасности — как текущую (полуголодный ученый не может консультировать работы на АЭС), так и перспективную — поскольку страна может естественно лишиться интеллектуального потенциала (проблема его воспроизводства — проблема образования, а не науки, а поэтому и должна обсуждаться отдельно).

Так или иначе, система грантов позволяет финансировать большое число научных разработок.

г) Плоды открытого общества

Международное финансирование, участие в международных проектах вообще открывают перспективы, которые было невозможно представить в СССР.

Во-первых, это относится к исследованиям по молекулярной биологии, биохимии, некоторым направлениям электронной микроскопии, микрофизики. Однако при этом пришлось практически оставить идею создания национальных центров подобных исследований и перенести их в международные научные центры (находящиеся в том числе и на территории РФ). Тем не менее даже в этих условиях ощутимо возрастает насыщенность по крайней мере некоторых лабораторий современным оборудованием, причем кое-где в РФ создаются и уникальные в мировом масштабе исследовательские центры с первоклассным оборудованием.

Во-вторых, ученые РФ получили возможность пользоваться всеми благами открытого общества — они могут самостоятельно представлять свои работы в иностранные журналы, издавать за границей свои книги и получать гонорары за них, участвовать по своему усмотрению (а не по разрешению начальства) в международных конференциях, использовать Интернет. Несоизмеримо упростился и выезд ученых за границу, причем теперь это можно делать помимо учреждения, в котором служишь, и вообще не входить по этому поводу в общение с вышестоящим начальством.

Одним из проявлений рассматриваемых тенденций является и широкое распространение компьютеров в РФ — создается впечатление, что обеспеченность компьютерами ученых РФ за пределами учреждений оказывается выше, чем у их коллег в Польше или Германии: пусть класс этих компьютеров невысок, но их наличие является одним из компонентов повышения производительности труда ученых. Таким образом, хотя, как утверждают национал-патриотические круги, РФ и стала свалкой для устаревшей второсортной продукции Запада, но ученых РФ это в итоге поставило в хорошие условия, в чем-то лучшие, чем их зарубежных коллег.

д) Частный капитал и приватизация науки

С 1991 г. в РФ началось становление частных научных учреждений, и некоторое время казалось, что они вытеснят государственные. Возникло несколько типов частных научных заведений: работающие на самоокупаемости, существующие как подразделения производственных организаций, являющиеся частями финансовых структур (фонды), спонсируемые частным капиталом. В подобных условиях, в том числе и благодаря привлечению частного капитала, открылись принципиально новые возможности в теоретических исследованиях. Крайне небольшой объем необходимых капиталовложений, отсутствие идеологического прессинга позволяют получать при этом ощутимые результаты. Основной проблемой оказывается их публикация или другие формы обнародования. Бессмысленна при этом ориентация на столь широкое издание и распространение научной литературы и периодики, как в советский период. Само издание подобных работ при надлежащей организации дела может оказаться даже прибыльной сферой вложения средств. Положительный опыт подобной деятельности частного московского издательства «КМК», издающего несколько журналов по разным разделам фундаментальной биологии и первоклассные монографии, отмечался даже руководителями РАН.

е) Направления, получающие развитие

Примечательно то, что в результате даже в государственных научных учреждениях наблюдается рост научной продуктивности, измеряемый числом публикаций. Это определяется как усилением конкуренции за рабочие места среди ученых, так и тем, что они, не имея возможности вести опытные и полевые исследования, сели за обработку и осмысление ранее полученных результатов. Само по себе это неплохо, потому что современная наука в целом поражает степенью концептуальной неосвоенности полученных эмпирических данных.

Приведенные соображения отнюдь не означают, что сейчас в РФ могут развиваться преимущественно теоретические исследования. Ситуация оказывается более сложной.

С одной стороны, казалось бы, действительно наиболее благоприятные условия существуют для развития теоретических дисциплин. В этом отношении идеалом могла бы быть математика. И действительно, российская математическая школа сейчас путешествует по всему миру и имеет высокий статус. Однако собственно международное профессиональное математическое сообщество по-прежнему не принимает российские разработки, непосредственно обслуживающие интересы военных. Некоторые же направления не принимаются ввиду значительного отличия стилистики мышления.

С другой стороны, РФ предоставила миру уникальный фактический материал — биологический, географический, геологический, минералогический, этнографический, лингвистический. Мировое научное сообщество получило доступ к совершенно новым пластам фактуры, причем порой настольно непривычной, что для ее освоения нужен опыт компетентных коллег из РФ. Именно поэтому на Западе не вызывает сомнения целесообразность развития национальных научных школ, чего порой недооценивают центральные власти РФ в отношении научных школ автономных образований внутри РФ.

Кроме того, надо иметь в виду, что именно за постсоветский период в РФ появились вообще новые отрасли науки: позитивная (а не критическая, не марксистская) философия, советология и кремлеведение. За это же время введено в оборот необозримое количество недоступных прежде архивных источников (не только по истории советского периода), начато исследование истории ГУЛАГа, заградотрядов, диссидентского движения и т. д. Началась публикация богословских работ, написанных ранее как богословами, так и представителями других специальностей, которые занимались этим тайно. Стало возможным проводить и совместные исследования богословов и ученых.

Произошли и частные, но порой очень интересные в структурном отношении изменения. Так, например, стало возможным говорить, как о единой дисциплине об иудаике, в которой преодолевается разрыв изучения секулярных и духовных дисциплин или языковых процессов в идише и иврите, которые в СССР изучались раздельно в германистике и гебраистике. Другим примером является возвышение географии, бывшей в советское время на обочине и науки, и общественной жизни, — ныне именно географы являются носителями актуальной идеи извлечения выгоды из пространственного разнообразия, геополитика стала реальным инструментом политической и профессиональной деятельности, а представленность географов в высшем руководстве страны оказалась непропорционально высокой.

Совершенно особая ситуации у представителей общественных наук и всех, кто занимается общими проблемами развития, — события последнего десятилетия в РФ дают исключительно интересный материал для их работы. За то, чтобы иметь такой материал в других условиях, в другие эпохи исследователи готовы приплачивать большие деньги. Хочется подчеркнуть, что это относится не только к обществоведам. Примером могут быть работы сотрудников Палеонтологического института РАН под руководством В. В. Жерихина и А. С. Раутиана по механизмам мелового кризиса (и вообще кризисов в геологическом прошлом), понимание которых стало возможным благодаря и наблюдениям над процессами суверенизации блоков в процессе распада СССР. Эти же работы интересны как еще один пример переструктурализации науки.

Все это свидетельствует скорее о расцвете науки в РФ в настоящее время.

ж) Проблема развития новых национальных школ

Серьезные же проблемы существуют ныне со становлением и финансированием разработок во вновь складывающихся областях науки, междисциплинарных изысканиях, принципиально пионерских работах, а также в направлениях науки, имеющих принципиально только российские национальные традиции. Ныне они финансируются либо за счет включения в пакет стандартных научных программ, либо на их осуществление исследователи зарабатывают себе средства, осуществляя рутинную работу, либо они финансируются частным капиталом, частично оплачиваясь предоставляемыми консультациями, и т. д. Поэтому для нормального развития этих направлений науки опять же нужны не какие-то специальные программы развития науки, а нормализация общеэкономической ситуации.

Тем не менее, конечно, некоторые типы исследований, требующие обширных фактологических изысканий, сложного лабораторного оборудования, дающие хотя и фундаментальные, но не эффектные для их широкого представления результаты, практически не могут быть так профинансированы (например, систематические электронно-микроскопические исследования тканей, необходимые для детализации теоретико-симметрийного их описания, приближающего нас к построению чего-то вроде групп симметрии тканей). Они в идеале и должны бы поддерживаться государством.

Пока же представители таких оригинальных направлений находятся в бедственном положении, по сути обречены либо на прекращение исследований и переключение на рутинные занятия (частенько вообще вне науки), либо на вымирание. Так страна теряет свой наиболее ценный капитал — тех, кто в другой стране сохранялись бы как национальное достояние.

з) Методологическая критика науки и переструктурирование исследований

Говоря о проблемах науки, надо отметить еще одно обстоятельство. В 70–80-е гг. в бывшем СССР не редкостью была довольно резкая методологическая критика науки и научного метода. Антисциентистская критика осуществлялась порой весьма заметными представителями науки, философии и методологии, перекликаясь с аналогичными западными работами (идеологов постмодернизма, критиков рационализма, генетика Стента и т. д.). В частности, получила признание трактовка АН СССР как «института по охране парадигмы», а не учреждения, обеспечивающего развитие науки. Похоже, что руководство новой РФ следует сделанным тогда выводам, по крайней мере можно ответственно заявить, что большая часть гайдаровского правительства была знакома с этими работами. Таким образом, идеи обернулись явью, и то, что обсуждалось последние 20–25 лет, осуществилось. При этом надо обратить внимание на то, что некоторые из тех, кто развивали подобные идеи, сейчас имеют реальные доходы с них и процветают (например, наследники Московского методологического кружка в лице Школы культурной политики и родственных учреждений).

Итак, имеет место не просто обнищание науки, а перераспределение финансирования исследовательских работ. Примечательно при этом и то, что процветающие учреждения, в том числе и нового типа, не стараются привлекать к себе внимание. Более того, по-видимому, произошла последовательная системная смена приоритетов в области исследовательских разработок, но она никак не декларировалась и публично не обсуждалась.

и) Проблема научных коллекций

Хотелось бы остановиться и на одном частном вопросе, который представляется действительно сложным, — вопросе о коллекциях. Уже упоминалось, что именно коллекции были тем ядром, вокруг которого формировались институты Императорской академии наук. В нынешнем состоянии эти коллекции можно разделить на три группы.

1. Коллекции, которые могут быть преобразованы полноценным образом в базы данных на современных носителях. К их числу относятся типографским образом изданные книги последних двух-трех веков, фото- и киноархивы и т. д. Их сохранение в нынешнем виде — только проблема техники и времени, необходимого на их перевод на электронные носители. До тех же пор, пока этого не сделано, гибель этих музеев может стать утратой для науки.

2. Коллекции, которые представляют историко-культурный и художественный интерес (например, анатомическая коллекция XVII в. Кунсткамеры, коллекция Лесгафта, коллекции мемориальных музеев ученых и т. д.). К ним примыкают и научные коллекции художественных произведений, такие как коллекции Эрмитажа. Такие коллекции отличает то, что они в числе прочего находятся в сфере музейного, антикварного, ювелирного бизнеса. В этом качестве практически все сокровища музеев РФ попали в них на протяжении неполных последних 300 лет, а до этого они были частями других коллекций, принадлежали иным владельцам и т. д. Скорее всего, лет через 500 или 1000 эти предметы (представляющие несомненный научный интерес), типа древнеегипетских саркофагов, скифского золота или римских стел, окажутся у других владельцев. В этом качестве они явно переживут современную научную парадигму, и об их утрате ученым расстраиваться не стоит — это действительно наследие и достояние человечества в целом. Главная же научная ценность таких коллекций не в самих предметах, а в документации, содержащей сведения о происхождении этих предметов.

3. Коллекции массового подлинного материала — зоологического, ботанического (гербарии), минералогического, этнографического (одежды, утвари) и т. д., которые не представляют антикварной ценности для непрофессионалов. Эти собственно научные коллекции и являются наиболее ценными в научном отношении. Ботанические и зоологические коллекции являются при этом обязательным и необходимым инструментом всей таксономической деятельности (обосновывать необходимость этих коллекций здесь неуместно, следует только принять такую необходимость за данность). Утрата таких коллекций приво-

дит к развалу соответствующих разделов науки (как, например, ныне произошло с палеонтологическим материалом по докембрию — область, в которой бывший СССР был впереди лет на сорок по отношению к остальному миру). Сохранение таких коллекций — непременное условие сохранения областей знания.

Коллекции всех трех типов ныне гибнут в РФ, например, от пожаров — пожары в Библиотеке Академии наук и Пулковской обсерватории, пожар музея кафедры зоологии Санкт-Петербургского университета, чудом удалось потушить начинавшиеся пожары в других крупнейших научных коллекциях РФ. Такие пожары, видимо, сейчас в РФ неизбежны — так, недавно в Петербурге сгорела даже Высшая пожарно-техническая школа.

Еще сложнее обстоит дело с коллекциями живого материала — микроорганизмов или семян. Уникальная коллекция живых семян Института растениеводства в Санкт-Петербурге ныне находится под угрозой гибели из-за несоблюдения условий хранения.

Как быть во всех этих случаях?

Пример пожара в Библиотеке Академии наук подсказывает решение — временная приватизация: обгоревшие книги были розданы читателям для приведения в порядок и потом почти все они были возвращены. Никаких документов при этом не составлялось. Так, может быть, не дожидаясь катастрофических событий, начать превентивную приватизацию коллекций? Понятно, что могут быть высказаны и контраргументы, но de facto коллекции находятся в ведении соответствующих специалистов, а с их смертью (если нет учеников или влиятельных защитников оставшейся коллекции) они бросаются на произвол судьбы до тех пор, пока не появится следующий толковый специалист в этой области (которому придется начинать с возрождения соответствующей коллекции).

Кроме того, такие коллекции обычно являются достоянием империй, обеспечивающих как получение материала для этих коллекций, так и их сохранность и необходимую для коллекций социальную стабильность. Так, может быть, попробовать продать существующие коллекции из РФ в более стабильные страны с тем, чтобы сохранить то, что, как утверждается, имеет общемировую ценность? Понятно, что при этом придется отказаться от притязаний на государственный статус таких коллекций, они будут действительно достоянием человечества (пусть и принадлежащим конкретному лицу), а не какого-либо государства. В этом контексте вполне понятно, почему самый большой грант Фонда Сороса был выделен на поддержание Ботанического института, в котором сосредоточены крупнейшие коллекции — гербарий, дендрарий и коллекция живых растений в оранжереях.

Вопрос о коллекциях позволяет обсудить и один более общий вопрос. Как обнаружилось на совместном семинаре по негосударственной науке Семинара по биогерменевтике СПб Союза ученых и Института национальной модели экономики (октябрь 1996, Зеленый Бор), есть относительно простая модель финансирования частным капиталом таких коллекций. Проблема, однако, заключается в том, что не ясна процедура того, как отбирать коллекции, которые требуют финансирования. При этом понятно, что профинансировать по такой схеме, к примеру, сто гербариев нереально — речь может идти о 5–10 (таких, как гербарии Ботанического института РАН, Главного ботанического сада, Московского и Петербургского университетов). При этом понятно, что в нынешней ситуации большая часть коллекций будет утрачена. Получается, что нежелание согласиться с неизбежностью таких потерь, а тем более нежелание согласиться с тем, что твоя коллекция менее значима, чем другая, парализует всякую деятельность в этой области и обрекает все коллекции на гибель.

Этот пример показателен и в значительно более широком смысле — мне не известно ни одного сообщества специалистов в какой-либо области, которые бы сказали, что их область менее значима, чем какая-то другая, а поэтому финансирование собственной области должно быть прекращено ради поддержания существования более важной. До тех пор пока такое сообщество или хотя бы отдельные личности не появятся, вообще непонятно, как можно решать эту проблему.

к) Сохранение уникальных кадров

Говоря о бесспорной и непреходящей ценности, к примеру, коллекций, не стоит забывать о ценности самих ученых. Особенно уместно задуматься об этом в Санкт-Петербурге. Во время Блокады Ленинграда люди гибли сотнями тысяч, а коллекции сохранялись. Показательны в связи с этим и воспоминания Б. Б. Пиотровского о том, что во время Блокады для работников Эрмитажа было очевидно, что надо эвакуировать коллекции Эрмитажа, а не людей — сотрудников музея, жителей города. Подобное может произойти и сейчас, если пересосредоточиться на сохранении коллекций.

Выводы и перспективы

Таким образом, можно констатировать, что в РФ сейчас идет интенсивный процесс встраивания в мировую науку с неизвестными при этом издержками. Принципиально ситуация может нормализоваться лет за 15–20. Можно только удивляться, как быстро ученые РФ встраи-

ваются в мировую систему распределения интеллектуального труда. При этом оказывается, что на деле богатый Запад гораздо беднее нынешней РФ: там невозможно даже помыслить о столь фундаментальных исследованиях, как в РФ. Проблемы же науки в РФ в большой мере неспецифичны для науки, а касаются перестройки жизни РФ в целом, и они будут разрешаться по мере нормализации общей ситуации.

К тому же пока что оказывается, что в практических сферах деятельности потребность в консультациях ученых довольно высока. В этом источник их дополнительных заработков, которые могут быть довольно высокими и давать средства для инвестирования в чисто исследовательские проекты.

В итоге квалифицировать имеющееся положение науки как катастрофическое нет оснований. Способные к науке в ней остаются и выживают, причем порой совсем неплохо. Другое дело, что и они порой жалуются на имеющиеся проблемы. Но каковы теперь эти проблемы: не хватает средств на издание книги (частенько написанной не по плановой теме), не на все зарубежные конференции удается съездить, нет хорошей оргтехники для работы и т. п. Разве можно это сравнивать с ситуацией, когда текущая научная работа срывалась из-за того, что надо было выращивать урожай в пригородном совхозе, да еще так, чтобы твой бригадир стал Героем Социалистического труда, ходить на демонстрации из-за боязни лишиться работы или перебирать гнилую картошку на овощебазе? Примечательно при этом то, что среди самых громких крикунов о кризисе науки в РФ редко встретишь тех, с кем сидел в борозде или рылся в гнилых овощах.

Конечно, необходимость активно работать весьма обременительна для тех, кто привык к безынициативному существованию и имел в советское время гарантированное статусное благополучие, но это не показатель катастрофы. Ныне же существующий поток кадров за пределы РФ, наличие которого порой интерпретируется как показатель неблагополучия науки в РФ, нужно сопоставлять для получения подлинной картины не с таковым в условиях существовавшего в СССР страха, а с числом лиц, которые хотели бы тогда уехать работать за границу, но не могли сделать этого (существовала очень жесткая конкуренция за подобные вакансии) или боялись даже заикнуться об этом.

Тем не менее еще раз нужно отметить, что даже добросовестно работающие ученые, и члены их семей в особенности, ныне находятся в довольно сложном положении, а положение представителей поисковых направлений оказывается просто катастрофическим.

При этом видны по крайней мере две проблемы, не имеющие простого очевидного решения, — сохранение научных коллекций и под-

держка оригинальных национальных научных школ. Последние могут исчезнуть не только из-за того, что государство не будет поддерживать их, но и потому, что в целом РФ в результате встраивания в мировое сообщество может утратить свое национальное своеобразие. В итоге окажется, что РФ лишится того, что Запад уже потерял (и теперь кажется духовной пустыней) и ради чего наиболее тонко организованные люди с Запада приезжают в РФ как в санаторий для души. Заплачено же за такую науку затянувшимся в России Средневековьем и необузданным тоталитаризмом. Каких же усилий и денег стоит поддержание культурного своеобразия в современном мире, можно представить по стоимости программ противостояния Франции напору англосаксонской цивилизации, размерам финансирования Израилем поддержания этнической идентичности евреев во всем мире или затратам Исландии на сохранение чистоты своего языка.

НОВЫЕ НЕПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[1]

Введение

Эта статья является продолжением текста, опубликованного в двух вариантах: в «Часе Пик» и в «Посеве»[2]. На статью практически не поступило принципиальных возражений.

Не принципиальных было высказано два:

— во-первых, ставился под сомнение тезис о бесплодности советской науки как фундаментальной, которая развивалась в связи с военными программами;

— во-вторых, высказывались соображения о необходимости государственного финансирования фундаментальной науки.

Что касается первого возражения, то нужно отметить, что речь в статье шла не о технических решениях (относящихся не только к технике как отрасли человеческой практики, но и к технике научных исследований, технике расчетов и т. д., которых в рамках военных разработок действительно было множество), а о фундаментальных результатах, которых там просто не было.

Второе возражение имеет смысл обсуждать только в таких условиях, когда государство в состоянии нести ответственность за свои декларации и обязательства, чего сейчас в России не наблюдается. В противном случае придется заниматься государственным строительством, а не наукой.

Проблема

Одна значимая проблема — о судьбах коллекций — обсуждаться здесь не будет, так как на эту тему появилась публикация И. В. Прусс[3], которая хотя и слишком лапидарно и, может быть, даже гротескно, но,

---

[1] Написано в начале 1998 г. Текст подготовлен Г. В. Руссо. Редакция автора.

[2] *Чебанов С.* Фундаментальная наука: уничтожение или очищение?//Час Пик. 1997. № 96 (825) от 2 июля. С. 10; *Чебанов С.* Фундаментальная наука: положение и финансирование//Посев. 1997. № 4. С. 34–39; наст. изд. С. 382–402.

[3] *Прусс И. В.* Научные коллекции: продать, отдать, сохранить?//Знание — сила. 1997. № 4. С. 84–85.

тем не менее исчерпывающе рассматривает все важные аспекты проблемы.

Была отмечена и еще одна проблема, которая чрезвычайно волнует автора, о чем говорилось и в первой статье, — создавшаяся в России ситуация, в которой не могут возникать и развиваться как школы новые оригинальные научные направления, а их представители должны либо коллективно выезжать за пределы России, либо вырабатывать другие стратегии выживания. Шансов на международное финансирование у них нет, поскольку такие научные направления лежат за пределами принятой научной парадигмы. Об этой проблеме и пойдет речь.

Под парадигмой Т. Кун понимал механизм бессознательного действия нормативов научной работы, который распространяется на большое количество ученых и существует на протяжении длительного времени. С. В. Мейен обратил внимание на то, что механизм парадигмы работает по отношению к тому, что можно назвать большой наукой. Верно и обратное — если существует парадигма, то мы имеем дело с большой наукой.

Но помимо больших наук есть и достаточно много малых наук, в которые вовлечены десятки и первые сотни людей и которые развиваются по совершенно другим принципам. Эти малые науки не являются частями, на которые распадаются большие науки, как может показаться на первый взгляд.

Показательный пример — палеонтология. Она существует на пересечении биологии и геологии, но ее не затрагивают парадигмальные представления ни одной из этих дисциплин, она обладает собственной линией становления и жизни.

Определяющим для малых наук часто является не парадигматический образец, неосознанно принимаемый научным сообществом, а конкретный ученый, известный, как правило, в лицо тем, кто принадлежат к этому сообществу, и с которым у них складываются персональные отношения. Такие школы сильно зависят от личности их лидера, который существует в этом качестве от нескольких лет до нескольких десятков лет.

Можно говорить о малых науках разных типов. Один из них характеризуется междисциплинарным статусом. Другой тип — это, напротив, очень специализированные области, которые лежат как бы в стороне от главных линий развития науки. Показательный пример — вспомогательные исторические дисциплины типа нумизматики или археологии.

В разговоре о научных школах чрезвычайно важен еще один аспект. Дело в том, что школа может восприниматься как состоявшаяся и плодотворная только в том случае, если результаты ее работы признаны

общезначимыми на уровне мирового научного сообщества. Но при этом научное направление может потерять свой национальный статус. Напротив, возможна и ситуация, когда специфические национальные направления научной деятельности не находят понимания и поддержки в мировой науке.

Далее речь, по сути, пойдет о тех научных направлениях, которые находятся на грани национальной и мировой науки, в которых, с одной стороны, национальные традиции достаточно существенны, а с другой — получены общезначимые результаты, делающие возможным интеграцию таких направлений в мировую науку.

Заявленный предмет разговора может показаться расплывчатым и даже не очень понятным, поэтому он будет проиллюстрирован рядом примеров национальных научных школ.

Примеры

А) Примеры российские

Один из характерных — развитие представлений о классификации и типологии. В химии, например, важные классификации, получившие признание, исходят из России — скажем, учение о строении химических веществ А. М. Бутлерова, на котором построены классификационные гомологические ряды в органической химии, и таблица Д. И. Менделеева (которой, конечно, занимались не только русские химики).

В кристаллографии — это группы симметрии Е. Федорова как классификация кристаллических структур, которая послужила базой для развития учения о симметрии.

Развитие классификационного движения несомненно можно связать с деятельностью таких заметных фигур, как А. А. Любищев и Б. С. Кузин и их окружение в 20-е гг., а затем, уже в 70-е гг. —С. В. Мейен и Ю. А. Шрейдер.

Чрезвычайно характерный пример — палеонтология докембрия, которая стала развиваться в России лет на двадцать, а то и на тридцать раньше, чем за границей. Она конкретно связана с деятельностью очень небольшого количества людей: С. Н. Наумовой и Б. В. Тимофеева.

Интересен также пример Московского методологического кружка, собравшегося вокруг Г. П. Щедровицкого, В. А. Лефевра, В. В. Давыдова, А. А. Зиновьева и М. Мамардашвили.

Сложившаяся в России в последние два десятилетия область изучения распределений с неопределенными центральными моментами всех порядков — так называемая ципфиада — связана с Ю. К. Орловым, Ю. А. Шрейдером, А. А. Левичем, Б. И. Кудриным, Ю. К. Крыловым.

Сюда же относится кристаллогенетическая школа Т. Г. Петрова.

Еще один пример национальной научной школы — школа А. А. Еленкина — петербургская школа низших растений, имеющая очень показательную судьбу. Она явно работала в двух направлениях: создавалась непосредственно ботаника низших растений — водорослей и лишайников, и одновременно сам А. А. Еленкин работал как теоретик биологии. В последней области он практически не смог оставить школы, хотя, особенно в первый период его работы, в 1900–1920 гг. вокруг него были крупные мыслители-ботаники, такие как А. Н. Данилов. Разгром этой школы в 1936–1938 гг. привел к тому, что направление прервалось и вплоть до 70-х гг. проделанная теоретическая работа даже не вспоминалась. Это пример того, как разные компоненты деятельности научной школы могут переживать своих основателей в разной степени. Противоположный пример — школа А. А. Любищева, теоретическая линия работы которого получает последователей, а его конкретные эмпирические исследования гораздо менее известны, их продолжают буквально 3–4 человека, хотя они и получили серьезное признание западных исследователей (например, английских).

Все это — явные примеры того, что связано с российским менталитетом и традициями, с одной стороны, и имеет выход в мировую науку — с другой.

Б) Примеры западные

Можно указать западные аналоги подобного явления. Это биоистория, сформировавшаяся в Соединенных Штатах, а потом «приехавшая» вместе с Х. Фердорном из эмиграции в Утрехт; алгебра таксономии (Альварадо, Пирейро), сформировавшаяся в Испании, хотя первые работы появились в США (Грегг); Институт философских исследований П. Козловского в Ганновере и некоторые аналогичные движения.

Из совсем новых образований такого типа интересен российский Институт национальной модели экономики В. А. Найшуля, который и организационно построен по типу небольших западных институтов. Подобная структура могла появиться в России только в последние годы, в связи с теми социальными преобразованиями, которые сейчас происходят.

Характеристика

Отличительной чертой всех таких школ является участие их лидеров в работе по меньшей мере одного стандартного научного направления. Кроме того, они создают какую-то линию исследования, которая ими формируется в виде нового научного направления. Еще один ти-

пичный для них вид деятельности — экспансия своего подхода или метода в совершенно разные области. Казалось бы, это должно разрушать определенность такой школы, но на деле перенос методов и подходов на другой материал, как правило, дает новые плодотворные приложения, которые и показывают значимость школы. При этом с внешней стороны — например, если делается попытка уложить такое новое направление в существующий классификатор научных дисциплин, — происходит размывание предметной определенности, а по внутреннему смыслу, по методической, методологической и идейной направленности, цельность сохраняется.

Это можно проиллюстрировать примерами. Скажем, основатель метаблетики ван ден Берг занимается психиатрией и, кроме того, исторический психологией и в ней получает самые интересные результаты. Менделеев занимался вполне стандартными в сопоставлении с Авенариусом работами по растворам, и вместе с тем — в растворах выбирает такую экзотическую тему, связанную с его личными пристрастиями и национальными чертами, как смешивание воды и спирта.

Так или иначе, но обычно удается проследить целостность работ конкретного ученого, хотя на первый взгляд его деятельность может восприниматься как несвязанная.

Типы

Говоря о непарадигмальных научных направлениях, можно выделить два их типа.

Первый — это группа людей, в центре которой находятся один, реже два-три человека, вокруг которых существует какое-то количество их учеников и последователей и более широкое окружение. Такие школы чаще всего можно назвать по имени лидеров.

Второй — это собрание единомышленников, обсуждающих единый круг проблем, к которым они пришли независимо и часто с разных сторон. Например, классификационное движение сформировалось именно таким образом.

Школы, представляющие собой собрание единомышленников, работают, по сути, в форме невидимых колледжей. В них идет соединение людей не только по предмету работы, но и по тем идейным, а иногда и нравственным ценностям, которые разделяют все участники. Сейчас в различных науках сложилось достаточное число таких образований, и именно с ними существуют серьезные проблемы.

Дело в том, что эти направления принципиально не могут финансироваться Западом, поскольку они, как правило, являются непарадиг-

мальными, а международное сотрудничество строится прежде всего по принципу единства парадигматических подходов.

Условия функционирования

Ведя речь о функционировании таких национальных научных школ в современных условиях, можно сформулировать по крайней мере три условия их выживания.

1. Участники таких школ должны иметь работу, причем такую, которая дает возможность зарабатывать деньги на выживание.

2. Эта работа должна в достаточной мере соответствовать тематике деятельности данной школы. Если такого соответствия нет, каждый отдельный человек ищет себе средства выживания в одиночку, совместные же работы часто прекращаются. Школа перестает существовать, и этой потери не могут возместить даже яркие и интересные исследователи, работающие индивидуально.

3. Необходимо иметь какие-то организационные формы для совместной работы, которые позволяли бы встречаться друг с другом, совместно обсуждать проблемы, публиковать результаты обсуждений и т. д.

Для того чтобы школа сохраняла свою целостность, по-видимому, каждый ее участник как минимум одну пятую часть работы должен осуществлять по тематике школы. При этом, чтобы не очень замыкаться, не очень отрываться от научных сообществ, хотя бы на одну пятую времени он должен быть был вовлечен во внешкольную научную деятельность. Вероятно, оптимально, если совместно осуществляется примерно треть работы каждым из участников, за исключением тех, для кого этого оказывается маловато и кто будут работать только по одной тематике.

Выполнение этих условий абсолютно необходимо для того, чтобы можно было ожидать сохранения научных школ как национального явления.

Нужно оценить, чего это реально стоит.

Школы в новой, непарадигмальной науке насчитывают от одного (в редких случаях) до 15 человек. Понятно, что такая школа может финансироваться частным капиталом.

Но здесь возникает парадоксальная ситуация — частный капитал может это делать, но финансирование малой научной школы не дает рекламных возможностей. В отличие от Запада, где финансирование научных коллективов — признак основательности фирмы, наши предприниматели хотят поддерживать что-то великое и многозначительное, допустим, оптическую промышленность или оптоволоконную связь

в целом, на что ни одна промышленно-финансовая группа не способна. Поэтому сейчас имеет место состояние ступора, и нужно выжидать, пока обе стороны возможного диалога определятся в том, чего они, собственно, хотят и что они могут. Вместе с тем уже есть конкретные примеры того, как происходит становление сотрудничества между представителями частного капитала и научными коллективами, и некоторые школы как раз за счет этого и выживают.

Пока же о своем сохранении непарадигмальные научные школы обычно вынуждены заботиться самостоятельно. Существуют разные тактики выживания в данных условиях.

Тактики выживания

Универсальная тактика (безотносительно к конкретному времени и стране проживания) была использована В. И. Вернадским. Она состоит в том, что исследователь получает свой официальный статус, финансирование, доходы и т. д. в какой-то достаточно стандартной парадигматической области, тем самым как бы подчеркивая свою вписанность в социальную структуру, а на этом фоне может заниматься самыми нетривиальными исследованиями и публиковать их результаты большими порциями раз в несколько лет, а то и в несколько десятилетий. Но такой подход ориентирован прежде всего на работу одиночки, и этот пример иллюстрирует как раз неизбежность происходящего ныне в России распада части научных школ. К тому же такая тактика, при сложности чисто бытового выживания, требует определенной виртуозности, а поэтому доступна не всем.

Вторая тактика заключается в приобщении к западному капиталу. Но здесь ситуация оказывается парадоксальной. Западный капитал часто политически ангажирован, и тогда он направляется прежде всего в парадигматические области, что совершенно явно делают соросовский и другие подобные фонды.

С другой стороны, западный капитал привлекает экзотика, но Россия на первый взгляд некоторых наблюдателей страна не экзотическая, она воспринимается как страна европейской культуры. Поэтому те, кто хотят финансировать экзотические области, в первую очередь будут вкладывать капитал в какие-нибудь индийские или иранские проекты. Здесь Россия оказывается в незавидном положении явно по ошибке, так как совершенно очевидно, что строй восточно-христианского мышления и культуры на Западе мало известен и не менее экзотичен для него, чем, скажем, таитянская или индийская культура. Однако в силу того, что такое явление имеет место быть, российская наука лишается

значительной части потенциальных вложений в нее иностранного капитала.

Другой вариант выживания нашли палеонтологи. Одна из самых интересных палеонтологических школ России, которая представлена такими палеоэкологами, как А. П. Расницын, В. В. Жерихин, А. С. Раутиан, выживает (и не очень плохо) за счет того, что Институт занимается экспонированием коллекций палеонтологического музея за рубежом, даже на других континентах, например в Австралии. Деньги у института есть, что позволяет сотрудникам продуктивно работать, но нужно понимать, что это действительно растрата невосполнимого национального достояния, потому что экспонирование, особенно за океаном, уникальных коллекций есть некоторая форма хронического вялотекущего вандализма. Но в результате сохраняются люди, сохраняются идеи, и не только сохраняются, но и имеют возможность развиваться.

Еще одной моделью становления национальной школы в современных условиях является Московский методологический кружок, который представлен прежде всего Школой культурной политики. Мне доводилось писать о том, что Школа культурной политики и связанные с ней структуры начали заниматься рэкетом в точном, а не в привычном сейчас в России смысле, конкретно — методологическим рэкетом. Они фактически вынуждают профессионалов работать именно по их схеме, а если это не удается, перекрывают доступ к заказам на работу и отсекается финансирование, которое направляется на решение междисциплинарных проблем. Сама эта школа замечательно выживает, хотя определенная утрата морального облика и харизмы, связанной с отцами-основателями, совершенно явно происходит и у многих это вызывает не лучшие чувства.

Превращение в мировую школу

Следующий механизм, позволяющий достаточно хорошо существовать научной школе в России, заключается в том, что она должна занять ведущее положение в какой-то области и это должно стать фактом мировой науки. Тогда возможна поддержка ее как парадигматического мирового направления, но национальные истоки школы при этом сохраняются.

Например, это относится к школе И. А. Бодуэна де Куртене и его ученика Л. В. Щербы. Эта школа успешно развивается за счет международного сотрудничества. Точно так же можно говорить о российской математической школе. Более того, она столь плодовита, продуктивна

и авторитетна, что фактически навязывает свое поведение всему миру, существуя в состоянии хронических путешествий по разным странам.

Необходимость и полезность подобной тактики выживания российских ученых для мира в целом хорошо осознана, например, правительством Германии. Пытаясь управлять перемещениями россиян, для того, в частности, чтобы они не выезжали в страны третьего мира, где могут стать инициаторами неких экстремистских движений, немцы считают необходимым осуществлять ротацию российских ученых, так чтобы за несколько месяцев работы в Германии они зарабатывали себе на жизнь в России в течение года.

Еще один пример — школа эволюционной физиологии, созданная Л. А. Орбели. Ситуация здесь своеобразная. Идеи эволюционизма были некоторым общим местом для всего XIX в., но как раз в области физиологии они были не очень плодотворны. Поэтому на Западе место эволюционной физиологии было занято сравнительной физиологией. В России же после революции, когда нужно было укоренять идеи диалектического материализма и исторического метода, эволюционная физиология получила государственную поддержку и стала, будучи сугубо национальной по своему происхождению, государственной научной школой. Это позволило ей сохраниться и до сих пор, естественно, с потерями и сложностями, с содержательными, а ныне и финансовыми ограничениями. Однако ни у кого не вызывает сомнения, что она существовать должна, определенное финансирование она доныне получает и может существовать в привычных для нее формах.

Выезд школы за границу

Возможен вариант выезда всей научной школы за границу. Исторический прецедент есть — это пражский лингвистический кружок, костяк которого составили как раз эмигранты из России — Р. О. Якобсон и Н. С. Трубецкой.

Но далеко не всегда научная школа может вписаться в формат западной науки. Скажем, за время существования Советского Союза в нем, а сейчас в России, сформировалась очень оригинальная линия марксистской философии, которая государством никак не поощряется, распадается и исчезает на глазах. Мировая наука, изрядно напуганная марксистской идеологией, не будет разбираться в ее тонкостях и вряд ли захочет принять ее представителей с свою среду. И никаких перспектив для выживания в этом случае не просматривается.

Научные школы, национальное достояние и национальная безопасность

Следует отметить, что проблема сохранения новых научных школ является проблемой национальной безопасности, чего, к сожалению, Совет национальной безопасности при президенте России совершенно не понимает. Дело в том что Россия — и до революции, и в советское время, и сейчас — обладала и обладает большим числом людей, которые довольно однозначно могут быть объявлены живым национальным сокровищем. Когда же это национальное сокровище начинает массово эмигрировать, позиции государства ослабляются по всем направлениям и во всех смыслах. Естественно, что это прямая проблема охраны национальной безопасности.

Запад также должен осознавать положение дел в современной российской науке, заботясь хотя бы о собственном благополучии, — ведь с по сути бесплатного, но очень плодотворного творческого труда российских исследователей последних двух веков он все время снимает сливки. Если здесь все разрушится, разрушатся национальные научные школы, то Россия превратится в интеллектуальном отношении в стандартную европейскую страну, ее эвристический потенциал заметно снизится и Запад потеряет очень многое. Поэтому нужно признать ошибочной ориентацию Запада на состоявшиеся научные школы, а не на поддержку школ становящихся. Такая стратегия, хотя и позволяющая решать некоторые сиюминутные задачи, «работает» против будущего мира в целом.

Своеобразие российской науки

Особенности российской науки начали складываться с XVIII в. и явно сформировались при Екатерине Великой, когда возникла первая в истории государственная Академия наук, куда были приглашены люди уровня Эйлера и Франклина. Уже тогда российскую национальную традицию отличал аристократизм — и поведенческий, и интеллектуальный. Отчасти он сохранился и до недавнего прошлого.

Скажем, в России в XIX — начале XX в. сложился образец ученого как человека, который является профессионалом в интеллектуальной сфере деятельности, аристократом по поведению, владеющим этикетом не хуже профессионального дипломата, обязательно знакомым (вне зависимости от его специальности) с основами гуманитарной культуры (живописью, музыкой, архитектурой и т. д.), знающим несколько иностранных языков и имеющим высокий уровень бытовой культуры.

Такого высокого стандарта научного работника больше не было ни в одной стране. Перед революцией в Российской академии наук работало 5–6 тысяч ученых подобного ранга.

Если спроецировать этот стандарт на специфику современных реалий, то получим примерно такой портрет ученого 80–90 гг. XX столетия. Это человек, который признан специалистами в своей узкой области, причем, как правило, он работает минимум в двух достаточно контрастных областях. Например, если это биолог, то он может заниматься молекулярной биологией и изучением пения птиц, геолог может быть профессиональным палеонтологом и исследователем дрейфа континентов и т. д. Но чаще такой человек работает в нескольких различных науках, скажем, в биологии и геологии, химии и математике и т. д. Затем, обязательным для такого рода людей является интерес к методологическим и междисциплинарным исследованиям. Такой ученый в силу своей подготовки и образования ориентирован и открыт для диалога со всем миром, а не только со своей национальной культурой. Уровень подготовки и открытости позволяет ему активно заниматься любой проблематикой, которая ему предлагается. Такой человек часто является заметным общественным деятелем. Его общественная деятельность может иметь по крайней мере две основные формы — либо это работа на уровне региона, обычно — исполнение консультационных или экспертных функций при региональных администрациях, либо это деятельность, связанная с его профессиональной сферой, но в объеме всей России, при каких-либо центральных структурах и надрегиональных образованиях. Общеизвестным примером такого ученого может служить Андрей Дмитриевич Сахаров.

Таких людей в России в 80-е гг.было примерно 5–6 тысяч человек. Эта цифра следует из анализа коммуникаций на соответствующих междисциплинарных конференциях и анализа структуры цитирования.

Речь, таким образом, идет о том, что за почти столетие очень жесткой истории количество людей подобного уровня практически не изменилось. Именно о них можно говорить как об ученых — в противоположность научным работникам.

Если пафосом первой статьи было то, что с наукой в России все хорошо, потому что она сейчас максимально приближена к западным стандартам и выдерживает международную конкуренцию, то сейчас можно сформулировать другой вывод: да, конечно, с наукой все хорошо в западном понимании, но именно с национальными непарадигмальными научными школами дело обстоит весьма плохо. При этом речь идет не только о национальных школах как таковых, но и об ином, специфически российском типе интеллектуального деятеля.

Стандартная наука, которая рассматривалась в первой статье, относится к научным работникам — именно этим словосочетанием характеризовались ученые в бывшем Советском Союзе. Это люди, владеющие профессиональными знаниями и общей подготовкой в объеме так называемого государственного стандарта. Стандарт этот достаточно высок и включает знание иностранных языков и активное владение ими, а также мировоззренческую подготовку, начиная от истории КПСС и кончая философией, которая давала при освоении даже только государственных программ очень серьезное образование, существенно превышающее таковое в западном мире. Поэтому люди, которые действительно овладели и профессиональными навыками, и иностранными языками, и подготовкой в сфере социальных, философских и мировоззренческих дисциплин, сейчас в состоянии активно конкурировать и сотрудничать с западными научными работниками.

Серьезные проблемы возникают именно с теми, кого можно назвать учеными. Совершенно очевидно, что государство их финансировать сейчас не в состоянии. В западный формат науки они не очень вписываются и поэтому в полном объеме не финансируются и оттуда. Каждый из них, как правило, имеет какой-либо международный грант, но грант обычно охватывает лишь маленький кусочек работы такого человека и не дает ему экономической, моральной и организационной поддержки, соответствующей его уровню деятельности. Поэтому в отношении ученых можно действительно сказать, что нынешнее их положение в России практически безвыходно.

Им нужно либо коллективно, как это в свое время сделали структуралисты, куда-то эмигрировать, либо искать какие-то другие, совершенно новые способы выживания.

Ситуация с непарадигмальными научными школами ныне разрушает российскую науку как таковую. Ее положение чрезвычайно трагично и в некотором смысле даже безысходно, потому что тип аристократического ученого, который сформировался благодаря и русскому крепостничеству, и существованию здесь тоталитарного режима, и совершенно сознательной поддержке Сталина, курировавшего ученых — кого на воле, кого в ГУЛАГе, — уходит в прошлое.

Утрата этого типа ученого началась с середины 60-х гг., когда практически прекратилось воспроизводство этого очень интересного и плодотворного культурного образца. Именно эта проблема должна прежде всего интересовать меценатов и различные частные фонды.

Проблема в том, что для потенциальных спонсоров оказывается чрезвычайно сложно найти таких ученых, потому что на их статус претендуют многие, а являются ими далеко не все. Помочь ученым

найти спонсоров, а спонсорам отличить ученых от научных сотрудников — вот та реальная проблема, которую сейчас нужно оперативно решать. Не хочется думать, что российская наука может быть в ближайшем будущем представлена только научными работниками — при этом она фактически потеряет свою национальную определенность.

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ ЩЕДРОВИЦКИЙ. ЗАМЕТКИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[1]

В последние годы, после смерти Георгия Петровича, появились публикации, посвященные ему, обычно восторженные. Но одновременно люди более жесткие и более открытые начали высказывать свое крайне негативное мнение о нем как о социально значимой фигуре и как о человеке. Пока публикации таких материалов мне неизвестны, но в устной передаче они встречаются довольно часто. Мне кажется, что и то и другое несправедливо, несправедливо взятое одно в отрыве от другого, и обе крайние позиции искажают прежде всего ту очень специфическую атмосферу, в которой Щедровицкий сформировался и в которой осуществлял свою деятельность.

Так или иначе, существуют очень разные образы Георгия Петровича. Естественно, что в кратких заметках невозможно сколько-либо полно обрисовать такую фигуру. Поэтому я не ставлю перед собой задачу анализа его жизненного пути и тем более рассказа об этом пути. Об этом говорится в предисловии к его избранным произведениям, и заинтересованный читатель может обратиться к нему[2]. Я же хочу обратить внимание на те обстоятельства, которые мне кажутся важными, но выпадают из принятой манеры обсуждения этой персоны. При этом я сознательно ограничиваю себя только личным опытом контактов с Георгием Петровичем, с тем чтобы иметь возможность полностью отвечать за сказанное. Более того, мне представляется необходимым подчеркнуть (в особенности после обсуждения этого текста с людьми, в разной степени близкими с Георгием Петровичем), что такое самоограничение определяет отсутствие в этом тексте рассказа о многих сторонах и эпизодах его деятельности, обращение к которым было бы отказом от жанра документального свидетельства. При этом очевидно, что раз так много еще не сказано о Георгии Петровиче, то это значит, что о нем как раз надо серьезно говорить — масштаб фигуры свидетельствует об этом, а

---

[1] Написано весной 1998 г. для журнала «Посев». Текст подготовлен при участии Г. В. Руссо.

[2] *Пископпель А.* К творческой биографии Г. П. Щедровицкого//*Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М., 1995. С. XIII–XXXVII.

время стирает не только какие-то детали, но и уносит людей, которые эти детали сохраняют.[1]

Обсуждение этой персоны интересно не только как личности, но и как чрезвычайно яркой фигуры последних десятилетий советской власти, как в некотором смысле памятника этой советской власти, как идеолога, обосновавшего сталинизм (идею человека-винтика) уже после его кончины, как человека, который выступал в качестве защитника ценностей европейской культуры и понимал как теоретик неизбежность формирования внутри ценностей европейской культуры такого явления, как социализм, даже в таких жестких формах, как сталинский режим. Такая принципиальная постановка вопроса о тупиках европейской культуры весьма редка, и поэтому вспоминается (при всей одиозности и статьи, и ее автора) статья И. Шафаревича «Две дороги к одному обрыву», опубликованная в «Новом мире» (1989), в которой речь идет о том, что как западная цивилизация, так и сталинский режим в одинаковой мере показали несостоятельность возрожденческого пути и новоевропейских ценностей. Деятельность Георгия Петровича также является яркой иллюстрацией этого.

Прежде всего необходимо пояснить, в какой мере я знаком с Георгием Петровичем, чтобы можно было оценить основательность приводимых наблюдений и выводов. О Георгии Петровиче я услышал впервые в 1976–1978 гг. и тогда же общался со множеством людей, которые были с ним знакомы и в некоторой степени были даже его учениками. Не позже, чем в 1979 г., я впервые с ним встретился, имея перед этим достаточно длительную организационную переписку с ним о Первой всесоюзной школе по теории классификаций в Борке и опыт обработки документов, которые поступали от него. Затем я и мои ближайшие коллеги участвовали в нескольких семинарах, которые проводились Георгием Петровичем. В 80-м г. я пригласил Георгия Петровича на очередную школу по теоретической биологии в Рыбном вблизи Дмитрова (под Москвой), на которой было несколько достаточно откровенных разговоров с ним. Далее были одна или две встречи у него дома по сугубо техническим вопросам, которые позволили немного представить атмосферу в его семье. После этого на протяжении 80-х гг. имели место чисто эпизодические контакты, которые сводились к кратким телефонным разговорам, очень скудной деловой переписке и нескольким встречам на ходу. Последний разговор с ним был примерно за год до его

[1] Нужно отметить, что любезно предоставленная Г. Г. Копыловым автобиографическая книга Г. П. Щедровицкого «Я всегда был идеалистом» (М., 2001) позволяет гораздо более категорично формулировать приводимые здесь положения.

смерти по поводу публикации его работы о функционировании человека в структуре вида Homo sapiens. Соответственно данный текст — это некоторые мои впечатления от общения с Георгием Петровичем, которые базируются на фактических данных и отражают значимые не только для меня представления о нем.

Конечно же, Георгий Петрович относился к наиболее ярким из людей, с которыми можно было вступить в контакт с 60-х по 90-е гг. И мне легко представить, что на подавляющее большинство людей встреча с ним производила потрясающее впечатление, это было видно по тому, что происходило с людьми. Но нужно очень четко ощутить специфичность таких людей. Конечно же, это были люди, обладающие определенным уровнем образования и культуры, определенным уровнем притязаний на понимание смысла и даже на определенный социальный статус (хотя бы неформальный). Для подобной среды неудивителен такой феномен, как мода на кого-либо или что-либо. И точно так же, как в других кругах принято было читать Сартра или носить солдатские сапоги, рассуждая о своих национальных корнях, здесь было модно быть знакомым с Щедровицким. Совершенно очевидно, что до того, как люди первый раз с ним встречались, происходила эмоциональная и психологическая накачка, они заранее начинали воспринимать его как личность харизматическую.

Чисто внешне персона эта была достаточно своеобразна тем, что частенько отличалась от принятого для данной среды стандарта даже по характеру одежды. Далеко не всегда на нем был костюм с галстуком, примета официоза того времени, одежда могла иметь какие-то более свободные формы. Затем — очень раскованная жестикуляция, совершенно явно выходящая за пределы того, что воспринималось как комильфо соответствующим кругом общения. Некоторая вызывающая дерзость присутствовала в поведении и в характере ведения дискуссий. В том, что им произносилось, было много шокирующих и парадоксальных утверждений, но наряду с этим и большое количество фактического материала, исторических аналогий, упоминались персоналии, которые тогда не были введены в повседневный научный обиход какими-то другими научными школами или отдельными исследователями. Безусловно, это производило впечатление.

А вот дальше происходили вещи весьма разнообразные. Какую-то часть людей эта фигура сразу же отталкивала от себя, потому что публичное поведение Георгия Петровича однозначно можно было обозначить как поведение хамское. Он мог в публичной дискуссии назвать Поппера дураком (что привело к известному скандалу в Новосибирске), мог прервать своего собеседника на полуслове и сказать, что он его

выключает или даже вырубает, и усилить слова соответствующим жестом — все это иначе как хамство квалифицировать нельзя.

Но в этом хамстве отчасти проявлялось глубокое понимание той социальной реальности, в которой все это происходило. Он хорошо знал социальную реальность, в которой находился, и понимал, что людей с чувством собственного достоинства, да еще имеющих право на это чувство, чрезвычайно мало вокруг него. А уж если говорить принципиально, то нужно признать, что раб любит плетку. Этому рабскому населению Советского Союза он и старался при любом удобном случае хорошенько влепить. Я не знаю, делал ли он это осознанно, но внешнее впечатление складывалось именно такое и, видимо, оно было адекватным. Действительно, большое количество людей, присутствовавших на его публичных выступлениях, как бы нуждалось в том, чтобы их унизили, их поведение часто демонстрировало ожидание унижения.

Какое-то количество людей, естественно, после первого же проявления подобного хамства полностью разрывало с ним всякие контакты. Но были и другие. Некоторые подпадали под его влияние, как это всегда бывает с людьми определенного типа, оказавшимися в сфере притяжения сильной личности. Такие люди начинали воспроизводить формы поведения Георгия Петровича, его манеру говорить, двигаться, причем до такой степени, что становились рядом с ним живыми карикатурами. Те, кто проработал с ним, не поссорившись, несколько десятилетий, производили просто впечатление посмешища, в особенности когда они находились в одном с ним помещении — та же пластика, те же ужимки, та же манера говорить, но гораздо меньшая концентрация смысла и явная вторичность того, что произносилось. Особенно ужасно выглядят женщины, прошедшие через школу Щедровицкого. Они напоминают самых настоящих роботов, в которых вложена программа и которые повторяют заученные конструкции, не ощущая их смысла и не умея встраивать произносимые тезисы ни в какой новый контекст. Отсюда понятна более жесткая, чем моя (но разделяемая многими, знавшими Георгия Петровича), оценка последствий его деятельности. Она заключается в том, что его квалифицируют как индивидуума, занимавшегося убийством человеческих душ, причем ставился вопрос о том, что он должен нести за это не только моральную, но и судебную ответственность — в том случае, если бы у нас существовали соответствующие статьи Уголовного или Гражданского кодекса.

Как мне представляется, трагедией этой фигуры было то, что он воспринимал свою деятельность чрезвычайно серьезно. Он не мог отнестись к ней с каким-то юмором, иронией, отнестись просто весело к тому, что он делает. Веселье было почти ненаблюдаемым, если оно и

существовало. Определялась эта серьезность тем, что Георгий Петрович рассматривал себя как продолжателя европейской традиции мышления, и, на мой взгляд, он действительно был таковым. Более того, в каком-то смысле его можно назвать «лебединой песней» европейского рационализма в целом. Все, что было связано с какими-либо проявлениями иррационализма или мистицизма, вызывало у него глубокое беспокойство, неприятие, отторжение, за исключением, может быть, последних лет жизни, когда он сам стал порождать совершенно невообразимые рефлексивные конструкции Бога. Примером такого построения является идея, изложенная во время нашей встречи у него дома, о том, что Бог — это особая форма коллективной рефлексии. Было это в начале 80-х гг., а в конце 80-х подобные конструкции излагались им публично, и на меня производили несколько жутковатое впечатление своей сложностью и безблагодатностью. Вообще же манера изложения Щедровицким его представлений, которая характеризовалась наличием большого количества схем и особым стилем когнитивной графики, некоторыми ироничными его оппонентами сравнивалась с пересказыванием Гегеля на языке радиосхем.

Чрезвычайная жесткость публичного поведения Георгия Петровича была органически связана не только с его личностными структурами, не только с тем, что он воспитывался в недрах военно-промышленного комплекса — его отец был крупным военным деятелем, но и с ортодоксальностью, свойственной европейской культуре, ценности которой были для него весьма значимыми. Он видел большую угрозу им со стороны тех движений мысли, которые существуют сейчас и которые стали получать распространение в последние два десятилетия на территории бывшего Советского Союза.

Георгий Петрович все время весьма амбициозно настаивал на том, что его деятельность чрезвычайно важна для решения конкретных жизненных задач человека. Но, несмотря на действительно колоссальное количество произведенной им примерно за четыре десятка лет работы, несмотря на безумный объем архивов и желание издать эти архивы, на безусловную интересность этого материала как плода деятельности мысли, у меня возникают очень серьезные сомнения в ценности этой деятельности. Сомнения эти проистекают, как мне кажется, по крайней мере из двух обстоятельств.

Первое заключается в том, что Георгий Петрович, внедряясь в разные области, практически не интересовался тем, что в них делается, что делают специалисты в этой области, хотя и декларировал замечательность того, что они делают. В любой новой для него области он мог формулировать свои задачи, исследовательские программы, представ-

ления о том, как должна эта область существовать и на какие вопросы кто должен ответить, кто и что должен делать, и т. д. При такой постановке работы у него практически не оставалось времени и возможности выслушать, что же там делается, и дать людям сказать, что же они по этому поводу думают. Для меня в итоге очень сомнительна ценность того (с точки зрения сознания профессионалов), что было сделано Георгием Петровичем для какой-либо сферы профессиональной деятельности.

Второй источник сомнений заключается в том, что априорно налагаемые ограничения на то, как должна быть организована профессиональная деятельность, по-моему, просто перечеркивали соответствующую деятельность, делали в принципе неприложимым к ней все, что для нее предлагалось и конструировалось. Это я покажу на очень трагическом примере.

На Школе по теоретической биологии (1980), где Георгий Петрович излагал свою концепцию теоретической биологии со всеми специфическими чертами, которые следуют из того, что было только что сказано, во время дискуссии зашел разговор о том, что он умеет делать и что он конкретно делает. Он рассказывал довольно подробно, как занимается методологией остановки ядерных реакторов. Я ему задал очень простой вопрос: как будет работать его методология, если оператор атомной станции будет пьян или заснет на работе или если начальство заставит его делать что-то, не соответствующее его должностным обязанностям. Три или четыре вариации этого вопроса кончались одним и тем же: такого быть не может, потому что такого не может быть никогда, должен делать, как предписано. В сущности, за шесть лет до Чернобыльской катастрофы в нашей полемике была полностью промоделирована аварийная ситуация (хотя и существуют предания о том, как полезна была его деятельность на Белоярской АЭС). Мне представляется, что в Чернобыльской аварии есть интеллектуальная вина и Щедровицкого тоже, потому что та идеология, на которой была построена вся атомная отрасль, создавалась и с его «подачи». Стратегия такого управления совершенно не учитывала реальности советской жизни, особенностей советского менталитета; может быть, это российский менталитет, или русский, или какой-то другой, я сейчас этого обсуждать не буду, но все эти реальности совершенно исключались, и все обязано было существовать в полном соответствии с теми схемами, которые нормативно предписывались, навязывались действительности методологическими концепциями.

Здесь интересно упомянуть о том, в какой мере Георгий Петрович сам был в состоянии выполнять инструкции. К Школе-семинару по

теории классификаций была разработана довольно сложная анкета, которую заполняли все участники, и предполагалось, что она будет обрабатываться формализованно или даже автоматизированно. Так вот, Георгий Петрович был одним из немногих, кто заполнил ее не по правилам. Анкета сейчас хранится у меня.

Еще один пример, очень ярко иллюстрирующий примерно такую же ситуацию, относится к жизни самого Георгия Петровича. Во время одного из двух наших длительных разговоров с глазу на глаз я был в его гостиничном номере. Меня поразили две вещи, тем более что одной из них как раз коснулся наш разговор.

Первое — то, что Георгий Петрович совершенно не понимал, как действует его организм. Он производил впечатление медицински, биологически и даже психологически абсолютно безграмотного человека. Казалось, он просто не знает, как себя вести и как жить при некотором соматическом неблагополучии — у него уже были в то время проблемы с сердечно-сосудистой системой. При этом он не мог представить себе, что люди замечают проявления его хворей и то, как он с ними борется. А некоторые из этих проявлений находились на грани этикетно допустимого поведения. Скажем, излагая какие-то идеи, он очень любил резко напрягать круглую мышцу рта, как бы впечатывая звук в собеседника; любил вытягивать вверх голову, так, что при этом становились видны мышцы шеи и характер напряжения сосудов и по ним легко считывался его сосудистый статус. Похоже, что он сам воспринимал это как определенные ораторские приемы, но иногда было видно, что делается это для компенсации и снятия соответствующих соматических неудобств. Такая манера поведения понимающим людям очень хорошо рассказывала о его соматических особенностях. Когда я ему объяснил, что с ним происходит, он очень удивился тому, что это вообще можно увидеть.

И закономерным дополнением ко всему была вторая поразившая меня вещь — подоконник в его номере, полностью уставленный бутылочками с лекарствами. Такая вот механическая модель отношения к самому себе, полное непонимание биологии собственного организма наряду с рассуждениями о том, что такое биология и как нужно заниматься биологией. Это очень характерные черты для Щедровицкого в целом. Правда, нужно отметить некоторую нестрогость этого примера, поскольку вообще сфера биологии и индивидуальной психологии, именно индивидуальной, внутренней, а не социальной, не была, конечно, его коньком, и на эти сюжеты он выходил только эпизодически.

Конечно же, Георгий Петрович вызывал симпатию, потому что было видно, как человек вкладывает огромное количество труда в то, что он

делает, притом что делает это добросовестно, квалифицированно и как бессребреник. Мне хотелось бы подчеркнуть, что именно как бессребреник, хотя бессребреник в данном случае не есть человек бескорыстный. Для него были важны ценности семьи — я считаю себя вполне вправе говорить об этом, поскольку Георгий Петрович всегда старался организовать свою жизнь полностью публичной, прозрачной и сделать не только из своей профессиональной деятельности, но и из своей семейной жизни некоторый социальный норматив. При этом он думал о том, как позаботиться о своих детях, о своих сыновьях, и явно было видно, что здесь он терял способность адекватно оценивать ситуацию. Его деятельность совершенно отчетливо была направлена на то, чтобы если не деньгами, то по крайней мере статусно обеспечить их будущее, что ему в большой степени и удалось.

Нужно сказать, что Георгий Петрович выстраивал свою деятельность весьма мудро, но вместе с тем очень специфично. Через какое-то время он расходился практически со всеми значимыми и яркими своими учениками. Рядом с ним в течение долгого времени оставались люди явно вторичные и второстепенные. Его это мало волновало, он считал, что дела его ярких учеников есть продолжение его дела, это и есть его школа и его заслуга. В известной степени такая позиция имела право на существование, поскольку распространение неформальных семинаров в Советском Союзе действительно происходило под влиянием семинара Щедровицкого. Тем самым, теоретически обосновывая концепцию человека-винтика, практически Георгий Петрович работал на разрушение тоталитаризма.

Показательно при этом его поведение в «нештатных» для его ожиданий ситуациях. Так, например, в дискуссиях Георгий Петрович часто просил оппонента изложить оспариваемые утверждения и, как правило, оказывалось, что оппонент перевирает изложенную Щедровицким мысль. Далее начиналось полемическое выяснение отношений. Но вот когда оказывалось, что мысль изложена верно, то возникало некоторое замешательство, сопровождаемое словами типа: «Но если Вы это правильно понимаете, почему же Вы не согласны с этим?» Еще ярче эти ситуации замешательства были видны, когда какая-то нетривиальная мысль Георгия Петровича принималась в совместную интеллектуальную работу. Например, заявив, что природа является мифом XIX в., далее он рассуждал о ней как о всегда бывшей и спотыкался о напоминание ее мифологической сути.

Нельзя однозначно утверждать, что ученики должны морально отвечать за своего учителя, а учитель за учеников, но то, что произошло со школой Щедровицкого уже после падения Советского Союза, очень

показательно. Некоторые ученики и последователи Георгия Петровича явно превратили результаты его деятельности в средство для извлечения дохода, немало преуспев в этом. Они активно вошли в государственные структуры разного уровня, как в центральные управляющие органы, так и в органы на местах. В особенности это было характерно для гайдаровского правительства и его аппарата. И более того, не просто вошли, но и создали известную систему претензий на монополию в методологических исследованиях, да так удачно, что, мне кажется, сейчас есть некоторые основания говорить о существовании методологического рэкета со стороны Школы культурной политики и других наследников Московского методологического кружка[1]. Например, эти люди в качестве экспертов фонда Сороса последовательно применяют свои методологические установки для лишения не устраивающих их направлений исследований или неугодных им лиц финансовой поддержки. Один из экспертов, давнишний ученик Георгия Петровича, говорит, что он полностью истребляет междисциплинарные исследования, и прибавляет при этом, что лучше быть транссексуалом, чем трансдисциплинаром. За такой манерой социального поведения хорошо просматривается Георгий Петрович.

Упомяну еще один вариант проецирования личности Щедровицкого на его учеников. Георгий Петрович обычно так начинал разговор с кем-либо: «Изложите, против кого вы выступаете, тогда все будет понятно, существенно не то, что вы говорите, а против кого». Эта очень характерная для него реактивность, а не продуктивность, имеет, мне кажется, очень тяжелые последствия, потому что так же действуют и его ученики и они поэтому не могут выйти на собственную проблематику. Они всегда против кого-то, а не за что-то. Вообще говоря, такое движение по накатанной колее было характерно для всей общественной и философской жизни Советского Союза, и, по-моему, в этом проявлялась государственная политика — заставить двигаться (в частности, человеческую мысль), например, в рамках дихотомии материализма и идеализма, так, чтобы ни в коем случае люди не пришли к заключению, что эта проблема вообще нерелевантна и неинтересна, и не перешли на другой уровень понимания. Это тоже один из аспектов, который позволяет говорить о Георгии Петровиче как о «лебединой песне» европейской культурно-философской традиции, поскольку такова вся она.

Нужно отдавать себе отчет в том, что Щедровицкий явно жил в нескольких слоях жизни, и то, что он делал, особенно напоказ, не всегда и не полностью совпадало с тем, что он действительно думал. Поэтому

[1] См. об этом *Чебанов С. В.* Парадигматическая смута постсоветского философствования//«Радуга» (Таллинн). 1996. № 1. С. 98–108. В наст. изд. С. 511—523.

существуют разные образы Георгия Петровича у разных людей, существуют разные Георгии Петровичи и в памяти одних и тех же людей. Это даже позволяет говорить В. М. Розину о Г. П. Щедровицком как об эзотерике особого типа. Например, совершенно четко можно говорить о том, что было два Георгия Петровича — Георгий Петрович как некоторый публичный социальный боец и Георгий Петрович как мыслитель, как человек, пытающийся в чем-то разобраться. И эти два Георгия Петровича вели себя совершенно по-разному.

Первый — жесткий, стремительный, не терпящий пауз, не дающий возможности молчать и задумываться, имеющий готовые ответы на все вопросы, вплоть до полного автоматизма, не позволяющий включить в дискуссию новый для него материал и готовый интеллектуально «отшлепать» своего собеседника, как непутевого ребенка. Говорить в присутствии такого Щедровицкого, который вел себя как трибун даже среди 3–4 вместе с ним ситуативно оказавшихся слушателей, бывало чрезвычайно тяжело. Выносить это можно было, только мысленно надевая на себя белый халат и понимая, что иного пути к пониманию нет.

Второй — в частном общении, когда имели место некоторые усилия со стороны собеседника, а иногда и по его инициативе — человек, желающий в чем-то разобраться, перед которым можно было поставить серьезные вопросы и увидеть, как он думает. Видимо, поэтому и есть люди, которые, зная существующее мнение об обсуждаемой особенности Георгия Петровича, отмечают, что в отношении их Георгий Петрович был очень внимательным и уважительным слушателем.

Публичное поведение явно находилось под контролем первого Щедровицкого и доходило часто почти до шутовства. Его излюбленное амплуа — человек, на которого дело в КГБ не пролезает через окошечко, и его поэтому выносят из-за стойки на руках. Разыгрывание такого образа было довольно смешным и становилось все нелепее по мере распада советской идеологии и государства.

А вот как сам Георгий Петрович относился к этой идеологии, кем он был по существу? Публично он представлял себя последователем Маркса и с точки зрения деятельностного подхода, и с точки зрения сохранения ценностей европейского рационализма и ценностей европейской культуры. Когда в советское время речь заходила об этом и о моральной оценке марксизма, то дискуссии не получалось, потому что Георгий Петрович преимущественно анонсировал свою марксистскую позицию и занимался апологетикой коммунистической идеологии. Для человека, не принимавшего эту идеологию, он практически отрубал возможности для плодотворного обсуждения, поскольку антикоммунистическую аргументацию публично излагать было невозможно. В пост-

советское время, когда быть марксистом стало почти неприлично, он так же, как раньше бравировал особым отношением к нему КГБ-шников, начал бравировать тем, что он является последователем Маркса. Вопрос остается для меня по существу открытым, хотя я думаю, что определенная степень откровенности за этой бравадой стояла. Но это тот вопрос, который существен для оценки всего наследия Щедровицкого, его значения для культуры. Если «щедровитизм» органично связан с марксизмом, то в нем может таиться серьезная опасность и для современной России, и для человечества в целом.

При всем том, достаточно печальном, о чем пришлось говорить, хочется еще раз подчеркнуть, что, конечно же, это был человек очень яркий. От него человек, в принципе умеющий думать, мог получить некоторый толчок для самостоятельного развития и становления. В эпоху застоя таких публичных людей было сравнительно мало. Но требовалось некоторое противоядие против специфичности его влияния, и им служило соприкосновение с другими крупными людьми, которые были лишены той ходульности, той нарочитой гротескности поведения, которая была характерна для Георгия Петровича. Я думаю, что гротескность и нарочитость свойственны были и всей его жизни, мироощущению в целом. Поэтому он однозначно был хорош только рядом с другими, не менее крупными людьми. И все же значение его совершенно исключительно, потому что, в сущности, им создана в наше время, когда новая философская школа является редкостью, методологическая школа, по сути философско-методологическая (хотя сам Георгий Петрович этого слова и не любил), и насчитывает эта школа несколько тысяч последователей.

КУЛЬТУРА

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, БИОСФЕРА КАК КОМПОНЕНТЫ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА[1]

Статус тройки-триады «язык — культура — экология»

Прежде всего надо сказать несколько слов о теме и названии как проекта «Язык — культура — экология», так и данного сообщения.

На первый взгляд, соединение трех понятий «язык», «культура», «экология» является произвольным. Конечно, при этом всплывают в сознании некоторые общие тематизмы, связывающие эти понятия, например понимание культуры как метаязыка или представление о живом организме как суперзнаке.

Но даже несмотря на это, если не отождествлять экологию с охраной природы, а относиться к экологии (как считает автор) как к разделу академической науки, остается едва ли не единственная возможность рассмотрения темы с позиций структуралистского анализа триады (как это делает В. П. Григорьев).

Тем не менее, обсуждая с организаторами тему предлагаемого сообщения, удалось выявить другой академический аспект темы — рассмотрение этих реалий как компонента умвельта, а точнее, жизненного мира человека. При этом, однако, экология как научная дисциплина должна быть замещена предметом своего исследования — биосферой. В итоге предлагаемая тема настораживает уже не соединением разнородных реалий, а отсутствием в перечне других реалий того же ряда, например Духа, тем более что проект ставит перед собой определенные духовные задачи. И все же данная формулировка темы представляется заслуживающей обсуждения. При этом для определения понятий будет использован метод категориальной когеренции, предложенный Н. Гартманом (Hartmann, 1940).

---

[1] Доклад на Русской сессии Международной академии наук Сан-Марино «Язык — культура — экология». 2 января 1992 г., Москва. Ведутся длительные обсуждения возможности публикации трудов сессии.

Умвельт и жизненный мир

Понятие умвельта было предложено остзейским бароном, жившим в Эстонии, — Якобом фон Икскюллем (Uexkull, 1909). Под умвельтом понимается тот мир, в котором живет конкретный организм, который преобразуется этим организмом и на который в соответствии с особенностями своего устройства этот организм реагирует. Любые две особи, находящиеся рядом друг с другом, живут в разных умвельтах, отражающих индивидуальные черты особей.

Чем более различны организмы, тем более различаются их умвельты.

В том случае, если в качестве живого организма выступает человек, умвельт проявляется как жизненный мир — Lebenswelt (Husserl, 1954). При этом можно говорить об умвельте (жизненном мире) как отдельных индивидов, так и их популяции. Для человека культуры жизненный мир выступает как ойкумена. Характерной особенностью умвельта человека, его жизненного мира является то, что обыденному, в особенности мифо-поэтическому, сознанию несвойственно различение перечисленных компонентов, так что атрибуты языка, культуры и биосферы «слипаются» друг с другом (Некрасова, 1983). Наиболее ярко это проявляется в лексике, связанной с обозначением отношений родства или цветообозначением (Фрумкина, 1984). Так или иначе, но оказывается, что умвельт, жизненный мир, непосредственно дан человеку (через язык и культуру), в то время как факт его существования и различения в нем отдельных компонентов лежит на грани разрешающих возможностей обыденной рефлексии (ср. в связи с этим идеи априоризма пространства-времени, онтологизацию категорий языка и т. д.).

Сферы жизненного мира

Тем не менее существуют разнообразные попытки аналитического описания умвельта через различные онтологические картины. Так, в рамках новоевропейской научной картины мира принято описывать жизненный мир как физический, в котором в дополнение существуют биологические, социальные, психические и прочие составляющие. В то же время в Средневековой европейской картине мира существует прежде всего духовная организация, которая в зависимости от полноты своей реализации представлена ангелами, людьми, живыми существами или безжизненным прахом. Наряду с этим в индуизме рассматриваются взаимопреобразования праны (энергии) и аказы (материи), соотношение которых оказывается различным в разные кальпы (отрезке космического цикла). На основании сопоставления таких картин описания

умвельта можно выделить универсальные различения и на этом основании говорить о различении сфер неживого (физико-химического — Ф-х), живого (биологического — Б), душевного (психического — П) и духовного (Д), насыщающего в разной степени первые три сферы.

Типы образований в мире

В указанных сферах существуют три типа образований.

Во-первых, это единичные образования (Е), которые существуют в условиях практически пренебрежимого взаимодействия с себе подобными и свойства которых в связи с этим соотносимы с данными отдельно взятых индивидов (например, отдельный кристалл, планета, животное, человек и т. д.).

Во-вторых, это малые ансамбли (А) единичных образований, которые мыслимы только как совокупности единичных — такие, для формирования свойств которых важны свойства входящих единичных образований. Таковы не очень большие (по числу атомов) молекулы, сростки кристаллов, паразиты одного хозяина, малые группы людей, квартет или квинтет по отношению к отдельным музыкантам и т. д.

В-третьих, это массовые структуры (С), состоящие из сравнительно большого количества единичных образований, состав которых практически не влияет на свойства целого. Так, свойства газов (как физического тела) будут практически независимы от природы его частиц; поведение очереди обывателей и интеллектуалов будет одинаковым; характер движения людей на оживленной улице не будет зависеть от намерений каждого из них и т. д.

Границы вторых и третьих образований определяются не столько числом входящих компонентов, сколько характером организации. Так, за счет структур ближнего порядка в кристалле по типу малых ансамблей будет организована существенно большая доля частиц, чем число частиц в газе, при котором он начинает проявлять свойства массового образования. Подобным образом наличие лож в зале позволяет сохранить организацию людей как малого ансамбля при большей суммарной численности людей, чем при их размещении на однотипных скамьях.

При этом в малых ансамблях полнее, чем в единичных образованиях, проявляется духовное начало (ср. эффект коллективного творчества, генерации). Массовым структурам свойственны вторичные формы проявления более простых сфер (например, популяции живых организмов описываются уравнениями статистической механики, идеология составления которых применима к описанию поведения очереди).

Реализация каждого из трех типов образований в разных сферах дает подтипы, соотношение которых представлено на рис. 4.

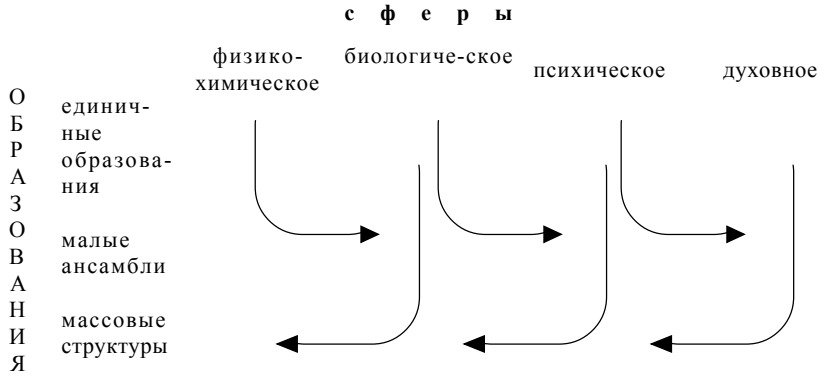

Рис. 4. Типы регулярностей в мире

Выделенным подтипам образований свойственны регулярности двух элементарных типов: имманентные (внутренние) и трансцендентные (внешние).

Первые из них имманентны субстрату, задаются им. Таковы законы гравитации, электромагнитных взаимодействий, взаимодействия элементарных частиц и т. д. В этом случае если тела (частицы) обладают массой или зарядом, то уже в силу этого обладания они с необходимостью взаимодействуют друг с другом по определенному закону.

Вторые — характеризуют такие взаимосвязи компонентов, которые не обусловлены их субстратом, а установлены какими-то внешними по отношению к субстрату источниками. Так, запрещающая функция красного сигнала семафора вытекает не из свойств излучения с определенной длиной волны, а из наличия соответствующей конвенции. Подобно этому присутствие определенных адаптера и акцептора в молекуле транспортной рибонуклеиновой кислоты т-РНК определяется не физическими свойствами ее триплетов и кодируемой аминокислоты, а исторически сложившимся сочетанием определенных доменов в данной m-РНК.

За счет действия внешних трансцендентных регулярностей возможно существование как правильных, но бессмысленных конструкций (например, словосочетание «жареные теоремы»), так и неправильных, но осмысленных («розовощекий девушка»).

Регулярности обоих типов представлены несколькими подтипами (рис. 5). Так, имманентные регулярности представлены детерминистическими законами, статистическими законами, тенденциями и т. д., трансцендентные — юридическими законами, обычаями, правилами, узуальными нормами и пр. Эти подтипы регулярности образуют два аналогичных ряда.

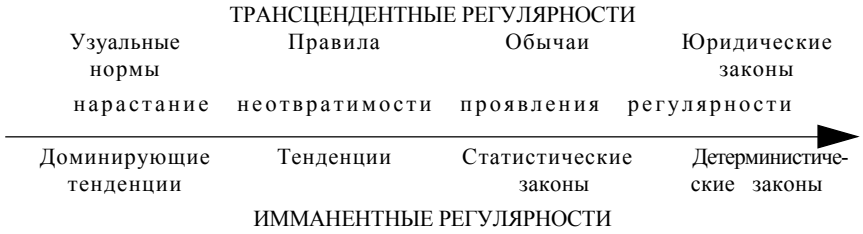

Рис. 5. Соотношение трансцендентных и имманентных регулярностей

Как следует из приведенных примеров, имманентные и трансцендентные регулярности достаточно часто выступают не изолированно, а совокупно.

Семиотические средства

Типичным примером соединения имманентных и трансцендентных регулярностей являются семиотические средства в широком смысле, т. е. знаки, символы, эмблемы, тропы и т. д. Пользуясь терминологией глоссематики (Ельмслев, 1960), можно утверждать, что у семиотических средств материал плана выражения организован в соответствии с имманентными акустическими законами (например, ассимиляции), материал плана содержания подчиняется имманентным тенденциям семантики (организация мышления); сами же формы планов выражения и содержания отвечают трансцендентным нормам языка, прежде всего фонологии и грамматики.

В массовых структурах (популяции, общества) возможно рассогласованное, практически автономное проявление имманентных и трансцендентных регулярностей.

Так, активность человека как единичного образования определяется действием имманентных законов физики и химии, биологических и психических тенденций. Владение языком предполагает опору на правила

и нормы. Имманентные биопсихические регулярности включают в том числе и тенденцию к экспансии. Трансцендентные нормы поведения ограничивают эту экспансию, причем особенно эффективно в малых ансамблях. Оказываясь же в очереди, человек начинает подчиняться узуальным нормам социального поведения. При этом если очередь достаточно велика, то он оказывается втянутым в массовую структуру. В этом случае если возникает какая-то эмоционально окрашенная конфликтная ситуация, то начинает явно проявляться коллективное бессознательное, свойственное очереди как массовой структуре. Начинают действовать имманентные очереди законы социального поведения, по отношению к которым трансцендентные нормы индивидуального поведения оказываются незначимыми, хотя именно их реализация порождает очередь как таковую. Таким образом имеет место имманентизация трансцендентных регулярностей, порождающая состояние отчужденности.

В итоге действия подобных механизмов в семиотических образованиях накапливается определенное число элементов, в которых рассогласованы проявления имманентных и трансцендентных регулярностей (слова «великанчик», «малышище», словосочетания «черное белье», «красные чернила»). Когда этих элементов становится слишком много, происходит полная «имманентизация» всего семиотического средства и оно перестает выполнять свою функцию. Это свойственно математическим текстам, что делает их недоступными для обыденного восприятия.

Семантофоры и символы

Особо значимы семиотические средства, материал плана выражения которых организован не безразлично для выполнения семиотического назначения — семантофоры.

Семантофоры, которые проявляют свойства, имеющие синергические действия с соответствующим планом содержания, в единстве с последним образуют символы как одну из разновидностей семиотических средств. В символах нет рассогласованности действия трансцендентных и имманентных регулярностей. Символы наиболее характерны для малых ансамблей живых существ (консорции, синузии) и людей (семьи, малые группы), иерархически организованной биосферы.

Правильно иерархически организованная биосфера является малым ансамблем биогеографических провинций как таких целостностей, которые представляют собой малые ансамбли природных областей, которые, в свою очередь, представлены малыми ансамблями биогеоценозов. Устойчивость этих образований как малых ансамблей связана либо

с малочисленностью компонентов ансамблей (биогеографические провинции), либо с тем, что в многокомпонентных ансамблях оказываются значимыми единичные компоненты (последнее обстоятельство рассматривается в связи с теорией распределения Ципфа — см., например, Шрейдер, Шаров, 1982).

Символосфера

Таким образом, рассматриваемые компоненты жизненного мира — язык, культура, биосфера — в своих невырожденных проявлениях оказывается связанными с малыми ансамблями и символами. Именно поэтому об их совокупности можно говорить как о символосфере как особом состоянии или составляющей жизненного мира человека. Если этот мир целостен, то он тождествен символосфере. Если есть какие-то нарушения целостности, то в жизненном мире есть какие-то не символические элементы, что ведет к тому, что в нем становится возможным различать разнородные компоненты, в числе которых будут и язык, и культура и биосфера.

Символосфера близка к ноосфере. Однако ноосфера, в понимании Тейяра де Шардена, включает и вырожденные, и редуцированные формы проявления человеческого разума, т. е. не только символы, а в формировании ноосферы В. И. Вернадского ведущая роль принадлежит мыслительным способностям человека, в то время как для символа существенны и другие его способности.

Ныне символосфера вызывает значительный интерес. Это проявляется в разных формах.

Во-первых, становление прагмалингвистики (Сусов, 1983) втягивает в свою сферу разнообразные представления о символических функциях языка и других семиотических средств (Чебанов, Мартыненко, 1990а, б).

Во-вторых, ныне широко распространяется интерес к мистике как в форме возрождения общественного интереса к традиционным религиям и конфессиям, так и в виде возникновения множества мистических сект, прежде всего псевдовосточного толка.

В-третьих, возрождающиеся ныне консервативные, национальные, семейные и бытовые ценности актуализируют и сложную систему примет, поверий, действий, имеющих ритуальное значение, что делает повседневную культурную действительность в высшей степени символичной.

Подобная концентрация интереса человечества на символосфере определяется тем, что два других логически возможных пути завели в тупик.

Кризис традиционного пути
(абсолютизация трансцендентности)

Первый, более древний и традиционный путь связан с абсолютизацией трансцендентных регулярностей. Проявляться он может в разнообразных формах: это и классический — в его античном и новоевропейском вариантах — идеал полного обуздания волей и разумом чувств человека, и гиперсемантизация всего окружающего, проявляющаяся в суевериях как в том, во что верят, как в чисто трансцендентные регулярности безотносительно к тому, с какими имманентными регулярностями они сопряжены. В сущности, именно трансцендентные регулярности и абсолютизируются в существующем ныне атеистическом обожествлении культуры, последовательно реализующемся в идеологии гуманитарного образования.

В традиционном варианте этот тип культурной ориентации оказывается очень хрупким. Он не в состоянии противостоять инокультурным вторжениям (прежде всего современного евро-американского типа) в силу того, что соответствующие регулярности имеют чисто трансцендентную природу и, не будучи укорененными в имманентных свойствах субстрата, могут быть просто проигнорированы теми, кто ориентирован не на ценности, а на возможности эффективного манипулирования.

Кризис евро-американского пути
(абсолютизация имманентности)

Второй путь связан с европейскими технологическими революциями и построен на абсолютизации имманентных регулярностей. Человек при этом начинает трактоваться просто как особое живое существо, нравственные нормативы которого должны вытекать из естественных нужд, а не преодолевать их или противопоставляться им.

Пороком подобного отношения к действительности является то, что абсолютизация имманентных регулярностей ведет к евро-американской индустриализации, что ставит общество под угрозу самоуничтожения вследствие разрушения своего жизненного мира путем его отравления продуктами технологической деятельности. Это сопровождается замещением трансцендентных регулярностей культуры имманентными регулярностями социально-психологических процессов (законами массового сознания), что порождает вторичные физико-химические процессы, когда люди предстают как сложные перцептроны, т. е. роботы (Розенблатт, 1965).

Символосфера как синтез трансцендентного и имманентного

Формирующийся на таком фоне интерес к символосфере проявляется не только в упомянутых общекультурных движениях, но и в таких специализированных исследовательских программах, связанных с рассматриваемыми тремя компонентами, как метаблетика, изучающая общекультурные предпосылки научной онтологии, биоистория, основанная Ф. Фердорном и рассматривающая эти проблемы применительно к биологии (Verdoorn, 1944), этнометодология, например этноботаника, выявляющая этническо-культурные и лингвистические различия разных традиционных культур (Ethnomethodology, 1975), когнитивная лингвистика, решающая те же проблемы лингвистическими средствами (Новое.., 1988), гносеологическая герменевтика биологии, выявляющая культурогенные компоненты биологических онтологий (Chebanov, 1993), и т. д. Все эти исследования дают крайне интересный, иногда парадоксальный, материал для рассмотрения интересующей темы.

Такого же типа интерес к символу свойствен неоплатоникам и гностикам, богоборческому титанизму Возрождения, теософии и антропософии. Однако подобные движения сопряжены с тем, что нарушается сопряжение разных сфер и образований (в оговоренном выше смысле) и разрушаются жизнеутверждающие установки разных категорий людей. Так, например, и неоплатонизм, и гностицизм, и титанизм рождают пренебрежение к обыденной жизни людей. Это оказывается вполне допустимым, когда речь идет о людях соответствующего «объема», для которых повседневный быт действительно тесноват и его изъяны могут компенсироваться напряженной внутренней жизнью. В крайнем же варианте, который становится массовым, это чревато смешением добра и зла, противопоставлением душевного и телесного, в результате чего порождаются как неуравновешенное, болезненное по сути витийство, так и быто- и телоненавистничество, приводящее к развалу бытового уклада. В итоге деформируются и сами не подлежащие реализации сверхценности, которые, приходя в противоречие с эмпирической данностью жизни, ослабляют волю людей, гипертрофируют своеволие человека или разрушают ценностные структуры, фактически ликвидируя некоторые сферы жизни.

Центральной проблемой отношения к символосфере оказывается, таким образом, выявление надлежащего соотношения ее компонентов и подобающего места символосферы в жизненном мире человека. Эта задача положена в основу осуществляемого автором в средних школах Санкт-Петербурга курса «Умвельт и ойкумена», включающего в себя материалы по экологии, биологии, географии, краеведению, локальным культурам.

Ныне существующие прецеденты решения проблемы соотнесения компонентов символосферы построены на признании примата духовности и различения разных компонентов в символосфере по характеру проявления этой духовности (традиция, восходящая к Григорию Паламе).

Однако практическое осуществление этого весьма непросто. Еще более это осложняется тем, что на фоне усталости нынешних людей от механицизма и социализма (репрезентирующих абсолютизацию имманентных и трансцендентных регулярностей) имеется искушение «огоньками» (в понимании Франциска Ассизского), которые являются человеку, только что соприкоснувшемуся с духовной жизнью, и закрывают ему путь к духовным высотам. Достаточно сильным помощником на этом пути оказываются именно символы как то, что роднит язык, культуру и биосферу.

Литература

Григорьев В. П. Язык экологии. Экология культуры. Культура языка. Доклад на Русской сессии Международной академии наук Сан-Марино. «Язык — Культура — Экология» 2.1.1992. Москва.

Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. (*Hjelmslev L.* Prolegomena to a Theory of Language. Baltimore: Wawerly Press, 1953).

Некрасова М. А. Народное искусство России. Народное творчество как мир целостности. М., Советская Россия, 1983.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988.

Розенблатт Ф. Принципы нейродинамики. Перцептроны и теория механизмов мозга. М.: Мир, 1965.

Сусов И. П. К предмету прагмалингвистики//Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин: КГУ, 1983.

Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. М.: Наука, 1984.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Основные типы представлений о природе языка//Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 911. Тарту: ТГУ, 1990а.

Те же. Идеи герменевтики в прикладной лингвистике//Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 912, Тарту: ТГУ, 1990б.

Шрейдер Ю. А. Шаров А. А. Системы и модели. М.: Радио и связь, 1982.

Chebanov S. V. Biology and Human Culture: Problem of Interpretation in Biohermeneutics and Hermeneutics of Biology//Lectures of Theoretical Biology: 2nd Stage. Tallinn: Valgus, 1993.

Ethnomethodology. Selected readings. Ed. E. Terner. London, 1975.

Hartmann N. Der Aufbau der Realen Welt. Berlin, 1940.

Husserl E. Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die Tranzendentale Phanomenologie//Husserliana. Bd. 6. 1954.

Uexkull J., von. Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin, 1909.

Verdoorn F. On the Aim and Methods of Biological History and Biography with some Notes for the Collaborators of Index Botanicorum // Chronica botanica. 1944. V. 8. N 4.

К РЕЗОЛЮЦИИ РУССКОЙ СЕССИИ МАН[1]

1. Необходимо гуманитарное рассмотрение (как феномена культуры) техники (техносферы) и стилистически сниженных норм бытовой деятельности (поэтика стирки, подстригания ногтей, мытья посуды и т. д.). Иначе — обращение к гуманитарной проблематике — бегство от себя, своей профессиональной деятельности, с перенесением тех же порочных приемов мышления — техницизма — в новую сферу.

2. Одним из проявлений 1-го является идея управления всем — миром, культурой, человеком и т. д.

3. Современные проблемы — уникальны. Поэтому к ним неприменимы стандартные — научные — способы решения задач.

Существующие знание и опыт становятся бессмысленными. В этом, в частности, причина бесплодности технократизма.

4. Человечество недооценивает как грозные последствия уже сделанного, так и пластичность жизни. В итоге внимание уделяется лишь поверхностным проявлениям (эпифеноменам — вершкам, а не корням).

5. В итоге: главная проблема в неадекватности, инерционности мышления как ученых, так и политиков.

6. В частности, требуется перераспределение экологической и культурной ответственности между отдельными региональными и надрегиональными (в том числе глобальными) властями.

7. Осуществление 6-го возможно в адекватной образовательной среде с многообразием образовательных природоохранительных программ, ориентированных на разные группы населения, осуществляемых в результате сложного взаимодействия непрофессионалов и профессионалов разного уровня.

---

[1] Было предложено к резолюции МАН (см. предшествующее примечание). Редакционной комиссией к рассмотрению не принято.

КОЛБАСА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ[1]

Вводные замечания

Колбасные изделия — один из широко распространенных ныне типов пищевых продуктов. В этом качестве они являются одним из компонентов пищевой культуры. Для рассмотрения последней необходимо зафиксировать исходные понятия.

Пища выступает как внешне твердофазный (хотя в большой мере коллоидный по природе) компонент потока веществ, поступающих в живой организм.

Для человека пища выступает в форме *еды*, которая является компонентом культуры и детерминируется не только физиологически, но и нормативами культуры. *Съедобность* тех или иных пищевых веществ определяется в первую очередь пищевыми традициями, в том числе пищевыми запретами. Каждое традиционное общество потребляет незначительную часть пригодной для питания пищи (наиболее подробно этот вопрос исследован на примере грибов — ср. В. Н. Топоров).

В каждой культуре еда существует в виде *блюд*. Каждое блюдо предполагает определенные (с разной степенью жесткости)

— время (года, недели, суток);

— место (дом, общественное сооружение, пленер);

— процедуру приготовления (выбор или подготовку продуктов, технологию их обработки и приготовления блюда, характеристику лиц, которые этим занимаются);

— характер их подачи и сервировки;

— способ поедания;

— компанию, в которой это блюдо съедается.

То или иное блюдо готовится из продуктов, которые могут быть добыты в природе или специально выращены для того или иного блюда. Чем больший сакральный смысл придается блюду, тем в большей мере предопределен особый способ добычи продуктов для их изготов-

---

[1] Написано весной 1994 г. Опубликовано (с изменениями) в подборке материалов семинаров по биогерменевтике: Культурный статус колбасных изделий//Знание — сила. 1995. № 8. С. 23–24.

ления и, соответственно, тем более неотделим продукт от стадии приготовления блюда.

В противном случае (при низкой степени сакральности приготовляемых блюд) для них могут быть использованы предварительно заготовленные продукты. Такие продукты должны допускать относительно большой срок хранения и поэтому могут быть результатом предварительной обработки пищевого сырья.

Одной из тенденцией развития пищевой индустрии массового общества является приближение продуктов к состоянию блюд путем производства *полуфабрикатов* или *готовых блюд*.

Каждое блюдо (а также соответствующие полуфабрикаты, продукты и пищевое сырье) могут рассматриваться в следующих аспектах:

— физиологическом;
— медицинском (в том числе санитарно-эпидемиологическом);
— географическом;
— психологическом;
— социальном (статусном, половозрастном, повседневном-праздничном);
— этническом;
— культурологическом;
— мистическом (сакральном);
— экономическом;
— экологическом;
— технологическом.

Культурный статус колбасных изделий

Колбасные изделия — феномен культур с мясной ориентацией питания. В таких культурах регулярно приходится решать задачу переработки большого количество скоропортящегося пищевого сырья. Решение этой задачи и порождает производство колбасных изделий.

При такой переработке хотя бы немного (в случае вареных колбас) увеличивается срок хранения продукта, а также происходит изменение консистенции продукта (причем как в сторону размягчения, так и затвердевания), производится введение консервирующих добавок, придается определенная форма. Каждый их этих признаков потенциально может оказаться несущим культурную нагрузку и стать элементом культурного нормирования.

Так или иначе любое колбасное производство направлено на то, чтобы произвести *имитативную действительность* — или путем увеличения срока хранения, т. е. придания тому, что портится, свежего

вида, или путем производства эстетически привлекательного продукта из низкосортных сортов мяса или отходов раздела туши.

Такой имитативный статус колбасного производства является органичным для рачительного ведения хозяйства в условиях лимитированности ресурса. Однако в этом таится и некоторое искушение для людей культур, ориентированных на имитацию действительности, что и оказалось актуализированным ныне (см. ниже).

Среди колбасных изделий выделяются две группы:

— колбасы, получаемые путем заключения измельченной массы низкосортного мяса с теми или иными добавками в оболочки;

— копчености, получаемые путем переработки цельных кусков мяса высоких сортов.

Примечательны при этом соотношения этих групп мясных изделий с двумя версиями этимологии русского слова «колбаса».

С первой трактовкой соотносится этимологизация от русского «коло», производными от которого являются «колесо», «колобок», что подразумевает работу с измельченной мясной массой. С этой же версией коррелирует и этимологизация немецкого Wurst от «мешанины».

Со второй соотносится этимологизация, производимая от тюркского kulbasty (в турецких источниках с XIII в.) — карбонат, поджаренное на сковороде мясо.

Представляется очевидным, что оба вида колбасного производства изначально связаны с хозяйственной деятельностью *социальных низов*. Однако легко предположить, что при определенном стечении обстоятельств те или иные виды колбасных изделий оказываются на столе у привилегированных слоев общества.

При этом с ними происходит то, что часто происходит с реалиями низовой культуры, попавшими в аристократическую культуру, — они теряют свою исходную хозяйственную детерминацию и становятся предметом эстетизации (в данном случае гурманства) и моды (ср. превращение широкополых шляп пастухов в дворянский аксессуар, холодного оружия — в знак социального положения, проникновение хохломы в городскую интеллигентскую среду и т. д.).

С этого момента колбасные изделия начинают существовать как самостоятельный элемент пищевой культуры, оторвавшийся от своих хозяйственных, экономических и технологических детерминантов. Так, например, становится культурно допустимым производить колбасные изделия первого типа из высокосортного мяса, производство сверхтвердых сортов колбас и т. д.

При этом колбасы попадают в совершенно новый контекст — такие высокорецептурные колбасные изделия оказываются характерным эле-

ментом *городской*, а не сельской культуры, будучи изначально ориентированным на имитацию высококачественных продуктов, теперь они начинают рассматриваться в качестве таковых, соответственно перекочевывая из повседневного в преимущественно праздничный рацион, превращаются из основного продукта питания в компонент закуски и т. д.

Изменение статуса колбасных изделий происходит в массовом обществе. Высокая технологичность производства колбас оказывается совместимой с современными промышленными технологиями. Колбаса как продукт глубокой переработки оказывается удобной для транспортировки, фасовки, продажи. Некоторые сорта колбас обладают большим сроком хранения.

Кроме того, колбаса выступает как полуфабрикат высокой степени готовности, вплоть до того, что она может выступать как готовый продукт. На фоне ориентации на потребление готовых продуктов, покупаемых в магазинах, и распространения закусочных быстрого обслуживания колбасные изделия приобретают широкое распространение. Правда, культура их потребления как деликатесного продукта при этом распадается.

Выделенные три стадии существования колбасных изделий характеризуются и соответствующими особенностями ассортимента и соотношения объемов производства разных их групп.

О ПРЕДМЕТЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ[1]

1. Культурологии, по-видимому, подобно науковедению и технознанию, предуготована диверсификация на семейство достаточно независимых дисциплин, таких как философия культуры (которая частенько оборачивается философствованием, любомудрием, поскольку не удается задать культуру как чисто спекулятивный объект, не детерминированный эмпирическим знанием, что необходимо для философии в узком смысле, — Чебанов, 1995), социология культуры, экономика культуры, культурометрия, история культуры и т. д.

2. Однако ни одна из перечисленных дисциплин не отвечает на вопросы: «Что есть культура?» и «Как устроена культура, каково ее строение?» Видимо, ответы именно на эти вопросы должны быть предметом культурологии в узком смысле. Вместе с тем опыт лингвистики, этнологии, фольклористики показывает, что подобная проблематика относится к сфере **общей** лингвистики (этнологии, фольклористики), причем на грани с теоретическими, структурными и математическими разделами соответствующих дисциплин. На этом основании далее речь будет идти о проблематике **общей культурологии**.

3. Общая культурология понимается как дисциплина, имеющая значительную эмпирическую базу. Поэтому в ее основу должен быть положен систематически используемый **описательный метод**. Ныне можно указать на несколько версий его понимания (Клейн, 1991; Любарский, 1993a и b; Чебанов, 1984).

4. Культурологическое исследование начинается с ясного осознания того, что есть культура. Такое осознание средствами описательного метода выступает как выявление **абсолютных универсалий** того, что есть культура (ср. Новое.., 1970, Языковые.., 1969), причем такое представление должно быть достаточно дифференцированным. Такая дифференцированность включает в себя несколько измерений.

5. Характеристика культуры должна учитывать наличие в ней по крайней мере следующих оппозиций:

---

[1] Материалы к дискуссии в Санкт-Петербургском отделении института культурологии РАН. Написано в январе-феврале 1998 г. Опубликовано: «Культурология как она есть и как ей быть. СПб.: Эйдос, 1998. С. 283–288.

— В любой культуре существует не только **доминирующая** ее струя, но и минорная, **теневая**. Так, европейская культура — это не только рационализм Декарта или Спинозы, но и мистицизм Майстера Экхарта. В характеристике культуры должны присутствовать описания обеих струй.

— В пределах одной струи культуры существуют ее **нормативная** и ненормативная (**фактическая**) реализации. Культура характеризуется как тем, так и другим, а кроме того, **степенью различия** первого и второго. Очень часто при этом оказывается, что ненормативная, фактическая реализация культурных норм неизвестна или мало известна (например, как набрать статистику о том, каким именно образом нынешние европейцы ковыряют в носу?). Хорошим примером исследования, в котором реализуются сформулированные установки, а кроме того, и прослеживается историческая динамика базовых структур культуры, является работа Сычевых (1975).

6. Испытание представления о культуре на универсальность должно включать в себя привлечение в том числе и самых крайних вариантов, таких как культуры

матрилокального матриархата,
амазонок,
кочевников,
современного постиндустриального общества.

После испытания на универсальность многих культурологических построений на этом материале выясняется весьма узкая (патриархальная или слишком традиционалистская, фактически скрыто уничижительная по отношению к массовой культуре, а иногда скрыто жестко привязанная к ценностям, свойственным территориальному государству) сфера приложения соответствующих представлений.

7. Как конструирование универсального представления о культуре, так и описание конкретных культур должны охватывать **весь спектр культурных феноменов**, а не только феноменов обыденного сознания среднего уровня (живописи, архитектуры, прикладного искусства и т. п.).

Ныне культурология уделяет мало внимания по крайней мере двум сферам:

— Описанию **бытовых феноменов соматической культуры,** таких как отхожие места, способы облегчения и сопутствующие им гигиенические процедуры, манипулирование с другими выделениями человека (слюна, кровь, слизь, мокрота и т. д.). Такое положение дел, видимо, определяется не только методическими сложностями изучения соответствующих сфер и необходимостью владения медико-биологическими знаниями, но и определенными культурными ограничениями рас-

смотрения подобных сюжетов. Тем не менее такие феномены связаны со стержневыми конструкциями культуры.

Так, например, существует корреляция таких явлений, как допустимость ношения женщинами только юбок — порой многочисленных — и представление о необходимости зарывания последа и менструальных выделений в землю, на смену которым приходит обязательное ношение панталон под юбкой (так, в Петербурге для этого Петром I были введены специальные проверки при въезде в город) и появление гигиенических подкладок, а позже — в эпоху демократизации и становления массового общества — распространение вагинальных тампонов. Эти изменения коррелируют со ступенями становления индивидуализма, сменой настороженного отношения к природе на желание слиться с ней и максимально «объестествиться» на фоне последовательно все большей допустимости обнажения тела (и головы в первую очередь), несмотря на возрастание патогенного действия среды обитания (за счет озоновых дыр, увеличения содержания пыли и копоти в воздухе, распространения кислотных дождей и радиоактивных выпадений).

При этом внутренняя динамика культуры определяет явно контрпродуктивное поведение. Так, если в Московской Руси у царской невесты не должно было быть родинок (которые, как выясняется в XX в., являются местами инкапсуляции онкогенных вирусов), то в России XVIII в. существует мода на родинки, недостаток которых восполняется мушками. Точно так же до XX в.загар в России воспринимался как проявление брутальности, а в 20–30-е гг. XX в. — на заре экологического кризиса (о чем уже говорили некоторые естествоиспытатели того времени) начинают распространяться пляжный отдых и купания как способ времяпрепровождения. Эта смена особенно примечательна, если учесть, что она происходит на фоне формирования канцерофобии, притом что меланин (определяющий загар) хотя и выполняет солнцезащитную функцию, иногда вовлекается в некоторые типы канцерогенеза.

— Культурологическому описанию феноменов **высокоспециализированных сфер профессиональной деятельности**, таких как диаметры болтов, калибры орудий, законы сохранения в естествознании, технические чертежи и т. д. Примеры подобных исследований обычно единичны (Еленкин, 1909; Каринский, 1990; Лютикова, 1996; Лютикова, Каганский, 1991; Каганский, Родоман, 1995;Чебанов, Мартыненко, 1998; Chebanov, 1993; Essays.., 1970; Jacobs, 1980) и выполняются исследователями с уникальными интересами или их группами, поскольку требуют профессионального знания по крайней мере как соответствующей сферы деятельности и ее истории, так и культурологии.

Но случаются и ситуации, когда подобные изыскания приобретают массовый характер. Так получилось с культурологическим изучением грибов (Топоров, 1979), чему посвящен даже специальный международный журнал («Ethnomycology»).

Особенно интересна в обсуждаемом контексте история преподавания тех или иных дисциплин (в особенности в общеобразовательных учебных заведениях) с античности до наших дней (географии, биологии, химии, математики и т. д.), поскольку преподаватель, отбирая материал для учебного процесса, тем самым уже осуществляет его очень специализированную культурологическую рефлексию.

Подобные исследования крайне важны практически, поскольку, выявляя культурную, а не объектную природу некоторых проблем, открывают пути выхода из тупиков, в которые попали профессионалы или культура в целом. Так, например, проблема глобального экологического кризиса как проблема человечества имеет чисто культурную природу и весьма косвенное отношение к экологии (Каганский, 1994). Кроме того, культурология выступает в качестве языка-посредника при использовании высокопрофессиональных знаний одной культурной традиции в другой (см. например, вполне прагматичные и утилитарно значимые лингвофармокологические исследования восточной медицины — Асеева и др., 1985; «Дзэйцхар Мигчжан», 1985; Материалы.., 1982; Krishnamurthy, 1971). Новый круг практических культурологических проблем возникает при формировании культуры нового типа, например экологически ориентированной биокультуры (Vlavianos-Arvantis, Oleskin, 1992).

8. Для становления **описательной культурологии** необходимо формирование **стандарта описания** как культуры в целом, так и отдельных феноменов культуры. Подобный стандарт описания должен позволять создавать **сотни тысяч** и **миллионы** конкретных описаний, являющихся **фиксацией полевого материала** культурологических исследований. Ныне же обычно культурологические описания носят эссеистический и импрессионистический характер (яркость и своеобразие которых частенько воспринимается как их достоинство!) и практически непригодны для сопоставительного анализа. В таких описаниях, в частности, должны ясно различаться черты, данные в наблюдении и полученные в результате реконструкции.

9. Одной из важных черт самоопределения дисциплины является ее авторефлексия. Поэтому важно осознать сам факт существования **культурологии как феномена культуры**, ответить на вопрос о том, в каких культурах может существовать культурология (что требуется для этого, кроме владения большим количеством фактического материала и

достаточно высокой толерантности? Может быть, «постмодернистичность»?), симптомом чего является сам факт существования культурологии. Необходимо прояснить и то, какая проблематика не входит в сферу культурологии.

10. Прояснив **предмет** культурологии, можно заняться и вопросом о характере взаимоотношений ее с другими дисциплинами, а также решать вопрос об использовании результатов, полученных в других дисциплинах — как устоявшихся и широко распространенных, так и развиваемых одиночными исследователями или их небольшими группами. Так, например, несомненный интерес в обсуждаемом контексте представляют метаблетика ван ден Берга (Berg van den, 1960), биоистория Ф. Фердорна (Verdoorn, 1944, 1966), этнометодология Г. Гарфинкеля (Филмер, 1978; Garfinkel, 1967), археология культуры (Фуко, 1977), филолого-герменевтические штудии С. С. Аверинцева (например, Аверинцев, 1972, 1977), семиотика Ю. М. Лотмана и Б. С. Успенского, или изучение архитектурных канонов в духе И. П. Шмелева (1982) или А. Д. Ярмоленко (1982). Но для того, чтобы использовать и этот материал, нужно сформировать собственный метод **культурологической критики** разнообразных источников и способы **переинтерпретации** результатов их изучения в других дисциплинах.

Литература

Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской//Древнерусское искусство. М., 1972.
Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
Асеева Т. А., Блинова К. Ф., Яковлев Г. П. Лекарственные растения тибетской медицины. Новосибирск, 1985.
«Дзейцхар Мигчжан» — памятник тибетской медицины. Новосибирск, 1985.
Еленкин А. А. Флора мхов Средней России. Часть 1. Юрьев, 1909. (Введение. Наука как продукт национального творчества).
Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии М., 1970.
Каганский В. Л. Экологический кризис: феномен культуры?//Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. № 6. М., 1994.
Каганский В. Л., Родоман Б. Б. Культура в ландшафте и ландшафт в культуре//Наука о культуре: итоги и перспективы. № 3. М., 1995.
Каринский С. С. Синтез образа места как проблема географического страноведения. Автореф.... к. геогр. н. М., 1990.
Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991.
Любарский Г. Ю. Метод общей типологии в биологических исследованиях. 1. Сравнительный метод//Журнал общей биологии. 1993a. Т. 54. № 4.
Любарский Г. Ю. Метод общей типологии в биологических исследованиях. 2. Гипотетико-дедуктивный метод//Журнал общей биологии. 1993b, Т. 54. № 5.

Лютикова Г. В. Человек и насекомые — история нелюбви//Знание — сила. 1996. № 9.

Лютикова Г. В., Каганский В. Л. Биология в культурном измерении// Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. № 6. М., 1991.

Материалы по изучению источников традиционной системы индо-тибетской медицины. Новосибирск, 1982.

Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. М., 1975.

Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах// Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979.

Филмер П. Об этнометодологии Гарольда Гарфинкеля//Новые направления в социологической теории. М., 1978.

Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М., 1977.

Чебанов С. В. Представление о форме в естествознании и основания общей морфологии//Orgaanilise vormi teoria. Tartu, 1984.

Чебанов С. В. Нефилософские формы философствования//Парадигмы философствования. СПб. 1995. С. 68–78 (см. наст. изд. С. 249).

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я., Семиотика описательных текстов (Типологический аспект). СПб. 1998.

Шмелев И. П. Феномен структурной гармонии//Пространственные конструкции в гражданском строительстве. Л., 1982.

Ярмоленко А. Д. Систематизация инвариантных методов архитектурной гармонии (СИМАрГ-2)//Пространственные конструкции в гражданском строительстве. Л., 1982.

Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.

Berg van den J. H. Metabletica: uber die Wandlung des Menschen: Grundlinien einer historischen Psychologie. Gottingen, 1960.

Chebanov S. V. Biology and humanitarian culture: the problem of interpretation in biohermeneutics and hermeneutics of biology//Lectures in theoretical biology. 2nd stage. Tallinn, 1993.

Essays in Biohistory and other Contributions Present by Frans Verdoorn on the Occasion of his 60th Birthday//Regnum Vegetabile. Utreht, 1970. N 71. P. 15–18.

Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. Engelwood Cliffs, 1967.

Jacobs N. Revolution in plant description//Miscellanceus papers. 1980. N 9. P. 155–181.

Krishnamurthy K. H. Botanical identification of Ayurvedive medicinal plants: a new method of pharmacolinguistics//Indian Journal of Medical Research. 1971. V. 59. N 1.

Verdoorn F. On the methods of biological history and biography with some notes for the colloborations of Index Botanicorum//Chronica botanica. 1944. V. 8. N 4.

Verdoorn F. From Botanical Biography towards Animal Ecology//Acta Bot. Netherlands. 1966. V. 15. N 1.

Vlavianos-Arvantis A., Oleskin A. V. Biopolitics. The Bio-environment. Bio-Syllabus. Athens, 1992.

ЧТО ВЗОРВАЛИ В ИНДИИ НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ?[1]

Испытания ядерного оружия, проведенные недавно в Индии, можно рассматривать с самых различных позиций — военной, экономической, политической... Хотелось бы рассмотреть возникшую ситуацию с культурологической точки зрения — такое обсуждение особенно актуально после падения тоталитаризма в бывшем Советском Союзе и странах Восточной Европы.

Давно известны слабые стороны демократии как принципа государственного устройства. Об этом говорил еще У. Черчилль, подчеркивая, что при всех ее недостатках демократия лучший из существующих способов организации социальной жизни. Очень бы хотелось не соглашаться с этим тезисом Черчилля, надеясь на то, что может быть и другой, более эффективный способ социального устройства. И именно в Индии в то же самое время такой принцип, казалось, был найден.

Речь идет о Махатме Ганди. Одной из главных составляющих гандизма как политического учения является принцип сатьяграхи, который означает несотрудничество и гражданское неповиновение. Гражданское неповиновение, по Ганди, заключается не в том, что люди что-то громят и грабят, а в особой организации жизни, заключающейся в полном отказе от контактов с неустраивающей людей политической системой. Организация такого стиля жизни в Индии привела к тому, что примерно за два года англичане добровольно решили удалиться из страны. Подробно эта ситуация описана в книге Ромена Роллана «Махатма Ганди». Путь Махатмы Ганди вызывал явное непонимание, недоверие, удивление у европейских политиков. Но с культурологических позиций казалось, что Индию можно рассматривать как прообраз политической системы совершенно нового типа.

Конечно, и индийско-пакистанская война, и само убийство Махатмы Ганди ставили под сомнение такой взгляд, но эти события представлялись в значительной мере случайными. Индийский же народ в целом в лице своего государства демонстрировал в мировой полити-

---

[1] Опубликовано: Что взорвали в Индии?//Петербургский Час пик. 1998. № 21 (22). 3 июня. С. 11.

ке возможность третьего пути — не демократического и не тоталитарного, а пути, основанного на разумной самоорганизации, пути организации согласованных социальных действий за счет авторитетного — но не авторитарного — поведения лидера.

Испытания ядерного оружия в Индии показали иллюзорность надежды на существование такого пути развития — теперь даже индийский народ ощущает потребность в ядерном оружии. Таким образом, в Индии оказался взорван сам принцип сатьяграхи — человечество лишилось еще одной возможности ненасильственного, невоенного развития.

Вообще же речь идет о вещах еще более общих — об исчерпании возможностей социального развития не по модели западного массового общества. Еще один аргумент в пользу этого грустного вывода — происходящее сейчас «открытие» Непала, его европеизация. В сущности, это последняя страна, которая считала возможным для себя путь автономного развития, не включаясь в процессы массовой коммуникации и массового производства западного типа.

Важно осознавать и то, что вообще это такое — ядерное оружие в недемократической стране. Таких стран до недавнего времени было две — Китай и СССР. Теперь такой оказалась и Индия. Есть возможность сравнить становление ядерного оружия в странах западной демократии и в странах, тяготеющих к азиатской традиции политической культуры.

В странах западной демократии существуют мощные системы общественного контроля над ядерными разработками. В странах азиатского типа этого нет. В западных странах никому не приходило в голову испытывать ядерное оружие на своих гражданах — восточные страны это делали. Западные страны позволяли себе обзаводиться ядерным оружием тогда, когда они были достаточно богаты. В азиатских странах это шло на фоне ужасающей бедности населения. При этом в западном мире обладание ядерным оружием вызывало неоднозначное отношение со стороны собственных граждан, а в восточном — всеобщее ликование.

Существует при этом и еще одна, более специфичная грань ситуации. Часто говорится о близости российской и индийской культур, о сопоставлении духовной стилистики индуизма и православия. Не обсуждая правомерность такого параллелизма, можно отметить общие для них принципы соборности, общинности, преобладания общественных ценностей над личностными, что создает предпосылки для отсутствия механизмов западной демократии, построенной на признании индивидуальности как фундаментальной ценности. Это же сходство

квазисоборного сознания выводит вопрос об оружии любого типа на периферию интересов нации, так как с некоторых духовных позиций различие между наличным существованием телесной жизни и загробным посмертием вообще не очень принципиально.

С другой стороны, важным может являться сохранение телесной целостности при захоронении — как, например, для сикхов, тела которых англичане во второй половине XIX в. разрывали на куски, расстреливая из пушек. Их целью в этой ситуации было унижение самого духа нации. А теперь эта же самая нация готова сама с собой манипулировать подобными методами. Стоит вспомнить и Рериха с его пактом охраны культурных ценностей — происшедшее лежит вполне в его русле смешения принципов восточных и европейских, духовных и мирских. Такая эклектика и сработала в идее обладания Индией ядерным оружием. В итоге Индия в одночасье превратилась из мирового кладезя мудрости в заурядную азиатскую страну, обладающую ядерным оружием.

В связи с российской духовностью на ум приходят самые мрачные ассоциации. Так, в Арзамасе-16, где разрабатывалось советское ядерное оружие, сотрудники все так же истово работают. Более того, в нынешние времена среди них распространена жутковатая идея о том, что Серафим Саровский «намолил» это место специально для создания ядерного оружия. В том же стиле действует и Патриархия, установившая почитание разработчиков ракетно-ядерного оружия в России и нашедшая для них специального небесного покровителя.

Все это особенно примечательно на фоне нынешнего обсуждения в России становления национальной идеи и собственной национальной линии развития. На этой почве объединяются коммунисты и крайне правые. Конечно, поиск собственного пути развития России — задача действительно актуальная и важная, но хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство — увязывание такого пути с обладанием оружием массового уничтожения.

Интересно, что эта идея притягательна не только для функционеров национал-патриотических и коммунистических организаций, но и для лиц, не вовлеченных в текущие политические дрязги. Так, один методолог и психолог, не вписывающийся ни в советскую, ни в современную жизнь, обсуждая вопрос о рецепции в России форм западной демократии, продемонстрировал весьма любопытный ход рассуждений: когда тематически адекватная аргументация была исчерпана, он упомянул о ядерных минах, которые якобы оставлены в Прибалтике. И пояснил, что эти мины, материальные или мифические, хорошо иллюстрируют особенности российского сознания, для которого, как и для сознания европейского, принципиально важна его психологическая

«заминированность» — сознание и россиянина, и европейца, устроено как минное поле, где есть определенные точки напряжения, болевые точки, прикосновение к которым может приводить к катаклизматическим взрывам.

Но если европейское сознание старается легитимизировать эту модель, максимально ее демифологизировать, перевести в плоскость повседневного инструментального использования, то для русского национального сознания эта идея неосознана и операционально неотрефлексирована, но реально психологически мотивирует поведение людей. Судя по тому, какое ликование вызывают ядерные испытания в Индии, можно предположить, что такая же «заминированность» сознания присуща и индийскому характеру, и в этом есть реальная угроза для всего человечества.

ОБРАЗОВАНИЕ

НАЧАЛА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ[1]

Вводные замечания

Этот текст написан весной 1991 г. по материалам выступления на совещании, посвященном содержанию образования и направленном на подготовку Указа № 1 Президента РФ, организованном Московским институтом развития образовательных систем (МИРОС). После этого были многочисленные попытки публикации его под разными названиями.

Прошедшее время показало автору (в том числе и по опыту его работы в различных учебных заведениях Санкт-Петербурга и Москвы, консультирования учебных заведений других городов и государств СНГ) актуальность этого текста, поэтому он оставлен практически без изменений.

Вместе с тем за это время произошли некоторые изменения в положении с образованием. К их числу нужно отнести следующие:

1. Наряду с гарантиями реализации образования стала существенной и плата за обучение — и непосредственная стоимость уроков или посещения платного учебного заведения, и косвенная, например стоимость проезда к месту получения образования (что стало существенно в условиях дифференциации школ) или расходы на аренду учебных помещений. Тем не менее общий вывод остается в силе — даже нувориши, которые могут обеспечить получение образования их отпрысками в любом учебном заведении мира, не могут гарантировать им условий реализации этого образования и даже обеспечить устойчивый социальный статус своим супругам.

2. Высказанная в этом тексте возможность деструкции общества невостребованными образованными людьми получила блестящее подтверждение — российская организованная преступность (в том числе международная) стала самой высокообразованной в мире: по данным Академии МВД большинство «русских мафиози» имеет высшее образование, а значительная часть — и ученые степени.

---

[1] Опубликовано: О современном российском образовании//Петербургская школа. 1999. №. 4–5. С. 49–51.

3. Существующее законодательство РФ об образовании позволяет в принципе реализовать практически все ниже описываемые идеи (и не только их). Разного рода варианты реализации образовательных проектов получили распространение после распада СССР. Однако вновь сложившееся положение с образованием оказалось неустойчивым. К причинам этого относятся:

— Громоздкость процедуры аккредитации.

— Неразличимость публичного и приватного в образовании, а соответственно «гражданских» и общинных школ, что приводит к высокой конфликтности новых образовательных учреждений.

— Агрессивная послушность значительной части профессиональной педагогической среды, оставшейся от советского времени.

— Неопределенность нормативных актов, неэффективность работы судебных органов и других социальных механизмов, приводящие к тому, что новые образовательные учреждения могут быть легко финансово разорены органами власти.

В итоге совершенно очевиден откат системы образования к прежним советским стандартам, а работа в школе опять становится серой рутиной.

4. Еще одним механизмом разрушения новых образовательных учреждений является недвижимость — наблюдения показывают (в Москве и Петербурге), что достаточно школе обзавестись достойным зданием или начать капитальный ремонт или строительство, как осмысленная учебная работа в ней прекращается. Меняются при этом и критерии подбора педагогов и учащихся.

5. Ныне психологические службы школы, занимающиеся в том числе возрастными и типологическими вопросами, стали обычными, по крайней мере для Москвы и Санкт-Петербурга. Однако при этом частенько используются разработки зарубежных (прежде всего американской) психологических школ, в то время как достижения отечественных специалистов (например, педологов) или традиционные представления (практика подготовки к первой исповеди, конфирмации, бармидство) при этом почти не используются.

6. В итоге можно утверждать, что ныне дошкольное, начальное, среднее и высшее образование утратило тоталитарность советского времени, но не обрело осмысленности. В частности, в этих условиях невозможно обеспечить многолетнюю преемственность образовательного процесса. Поэтому реализация целостных образовательных проектов представляется ныне бесперспективной, хотя любое образовательное учреждение может использоваться как несущая структура, на которой, как рисунок на ткани, может реализовываться локальная деятельность,

обеспечивающая осмысленную для данного ученика, их коллектива, педагога или родителей доорганизацию.

* * *

— Для педагогической мысли XX в. характерна психолого-гуманистическая ориентация, которая в противоположность социально-нормативной (декларативно-благодушествующей или тоталитарно-террористической) педагогике предшествующего периода строит процесс образования исходя из особенностей учащегося как объекта педагогической деятельности (учитывая половые, возрастные, типологические и индивидуальные особенности), что диктует выбор учебных предметов и подходящих для их освоения средств. Такое педагогическое воздействие мыслится как формирующее становящееся образование, а не корректирующее уже ставшее, что допускает использование педагогических воздействий малой силы. Таким образом, мировоззренческий компонент образовательных концепций ныне оказывается сильно потесненным позитивными знаниями об объекте образования — обществе и человеке, получающем в нем образование.

— Социальные потрясения и гипердинамизм XX в. показали, что важнейшей проблемой являются гарантии реализации образования, а не стоимость его получения, ибо невостребованные обществом образованные люди являются источником его деструкции. Поэтому должен существовать единый субъект (семья, община, сословие, государство и т. д.), являющийся гарантом как получения, так и реализации образования. Пока это не осуществлено, актуальна деятельность по «притиранию» образованного человека к имеющейся для него деятельности. Этот единый субъект соединяет проблемы социализации — достижения профессионально-сословного стандарта дееспособности и образования как реализации общекультурного идеала, обеспечивающего единство культуры.

— В связи с вышесказанным важно принципиально различать детей а) получающих образование благодаря семье (но не только в ней); б) живущих в семье, но «образовываемых» обществом; в) с детства (рождения) изолированных от родителей. Перевод детей из категории в категорию возможен, но крайне затруднен и не проходит для них бесследно. Далее рассматривается только первая категория детей.

— Процесс образования включает в себя спонтанные и целенаправленные действия, приводящие к тому, что в теле представителей Homo sapiens формируются специфические образования, ведущие к появлению человека. Процесс заканчивается, когда человек становиться самодостаточным (по крайней мере в минимальных ансамблях — например, в браке).

— Ныне актуальна следующая система приоритетов элементов образования:

1) Поддержание потенций развития, раскрытие способностей к творчеству, деструктивное начало которого компенсируется быстрыми изменениями мира. Педагог, для которого мир так же неизвестен, как для ученика, выступает как партнер, организующий ориентацию в сверхсложной среде (в лесах культуры), раскрывающий индивидуальность подопечного (синкретическая полионтологичность).

2) Формирование способностей практической деятельности в противовес созерцательности европейской традиции (явная деятельностная полионтологичность). Педагог обеспечивает освоение техник через тренаж. Эта деятельностность чревата гиперсоциализацией, влекущей экстравертизацию и остановку психического онтогенеза. Последние процессы характерны для современной вестернизации мира.

3) Оформляющая деятельность, направленная на формирование картины мира путем структурирования знаний, циркулирующих в образовательной среде. Педагог при этом должен помочь сконструировать грядущий мир, в котором предстоит реализовывать образование (отрефлектированная полионтологичность).

4) Целенаправленное информирование (передача знаний), обеспечивающее их воспроизводство, а не производство (моноонтологичность).

— Для формирования стратегии образования существенна типология учащихся по принадлежности к сферам бытия: ученики-социумисты из масс не отвечают за свои поступки, коллективисты из народа обладают групповой ответственностью, богатыри отвечают за следование принятым идеалам, а аристосы формируют эти идеалы.

— Для формирования системы образования конструктивно важно решение вопроса о соотношении приватности и публичности в образовании. При этом по своей сути обучение тяготеет к публичности, воспитание — к приватности (что не исключает взаимопроникновения этих сфер). В общине приватное и публичное, воспитание и обучение не различены. Поэтому в частной общинной школе допустима приватность. Правовое общество требует публичности образования, ориентированного на обучение.

— Воспитание (за редкими исключениями) не требует создания специальных социальных институтов, причем оно более эффективно в разнородных ансамблях. Обучение удобнее организовывать в специальных институтах с малыми однородными группами. Практически возможно то или иное совмещение обучения и воспитания. В богатых обществах при работе с учениками большого объема, при

подготовке мастеров нужны индивидуальные формы учебной деятельности.

— Подготовка к инициации предполагает существование учащегося в полионтологии, поскольку помимо эмпирического пласта реальности дан хотя бы еще один — нормативный, мифологический, идеальный… Между разными онтологиями, задействованными в социализации, существует безразрывный переход, основанный на привязке к данным «здесь» и «сейчас», образование же имеет дело с разрывными онтологиями, одна из которых имеет статус универсалии. При этом традиционное народное сознание соотносит разные онтологии через миф и его производные (сказку, быличку), а университетская педагогика, ориентированная на аристосов, соотносит разные онтологии через специализированные, но не всегда отрефлектированные схемы. Трансляция последних в народное и массовое образование ведет к мозаизации сознания, в котором разные элементы дублируют друг друга, в том числе нормативные конструкции дублируют жизнь, а не выступают как ее части. В итоге жизнь подменяется неопределенно долгой нарочитой подготовкой к ней.

— Разрывного типа полионтологичность образования предполагает создание особого института — школы, социальная практика в котором приближена к нормативной онтологии. Такая практика приемлема для аристосов и требует значительных затрат, уменьшение которых ведет к тому, что школа не выдерживает конкуренции с образовательной средой, в которой протекает повседневная жизнь ученика и циркулирует академически неорганизованное знание, объем которого превышает объем преподносимого в школе.

— В цехе, подходящем для образования народа и богатырей, учебный процесс сознательно связывается с образовательной средой и выступает как часть жизни. При этом отсутствует идея одинакового базового образования, осуществляется трудовое воспитание, осмысленно организована производственная практика, экономно используется рабочая сила, формируется активное отношение ученика к жизни, создаются условия для реализации индивидуального подхода, учебно-производственная деятельность приближается к дому и кругу знакомых. При этом задача формирования учебных планов заключается в том, чтобы обеспечить такой обход (включая и некоторые возвраты) конкретного числа цехов, который соответствовал бы возрастным, типологическим, половым, индивидуальным возможностям учащихся и обеспечивал бы формирование критического набора знаний, умений и навыков, достаточных для их полноценного участия в жизни той социально-территориальной общности, членом которой претендует быть данный ученик.

Тем самым задаются групповые (в том числе половые), а не универсальные стандарты образования.

— Принадлежность ученика и учителя к определенным сферам бытия определяет разные типы использования полионтологичности для оценки результатов образования:

1) текущий контроль (простая рефлексия) как средство, обеспечивающее образованность массового типа и осуществляемые с проективными целями;

2) отбор на профессиональную пригодность (по потенциям);

3) квалификационные испытания, дающие право заниматься потенциально вредоносной деятельностью (сопряженной с порчей оборудования, угрозой для жизни);

4) конкурсы на замещение вакантных должностей.

— Образовательный процесс состоит из ряда периодов, включающих стадии, которые накладываются на периоды (стадии) психического онтогенеза человека (внутриутробный, новорожденный, детский, отроческий, юношеский, зрелый, пожилой, старческий).

— Фундаментальным условием полноценности жизни является осуществление психического онтогенеза. Онтогенез разворачивается в индивидуальном времени, которое в целом для женщин течет быстрее, чем для мужчин, что, в частности, требует полового диморфизма образования. Каждый период онтогенеза имеет две стадии, обеспечивающие: а) воспроизведение характеристического статуса данного периода и б) появление новых для данного периода аспектов. Вторая стадия предполагает определенную временную задержку онтогенеза и ее избыточное ресурсное обеспечение. Каждый период может переходить и в хронически задержанное состояние, исключающее дальнейший психический онтогенез (60% людей задержаны в отрочестве, 20% — в юности, задержки в младенчестве представлены в клинике, старость — редчайшее явление). Чем медленнее течет онтогенетическое время, тем меньше возникает таких задержек.

— Процесс образования включает следующие периоды, приходящиеся на определенные периоды онтогенеза:

Первый (год до рождения — 3 года после) проходит в доме, в котором ребенок должен овладеть навыками самообслуживания, культурой быта, освоить основные типы домашней утвари и т. д. Формируется определенный психосоматический статус (половой, по сферам бытия и др.), что дает основание для выбора образовательной стратегии. Образование обеспечивается либо неспецифическими средствами (любовь, ласка), либо профессионалами (ведение родов).

Второй (3–5 лет) ориентирован на социализацию ребенка во внесемейных общностях (в зависимости от статуса семьи — в детской стае,

доме или специализированной деятельности — подпасок, ученик музыканта и т. д.). Формируются степень альтруизма, способность к коллективной деятельности, тип моторики, масштаб личности, соответствующий или не соответствующий прирожденному объему.

Третий (5–10/12 лет) направлен на оформление пластики, способности видеть, сопереживать, закладку основ мышления. Складывается навык автономного существования в социуме и возможность образования семьи, завершается воспроизводящий цикл образования. Возможна наравне со взрослыми моторная активность с небольшими усилиями (почтальон, разносчик и т. д.).

Четвертый (10/12–14/16 лет) предполагает дифференциацию учащихся по объему. Для большинства может быть рекомендовано овладение чтением, письмом, счетом, информационными технологиями, а также пропедевтическое ознакомление с человеком и природой.

Для учеников из масс может быть рекомендована профессиональная подготовка в соответствии со склонностями ученика и возможностями общества. Для народа могут быть предложены курсы, знакомящие со стандартом жизни, принятым в данной общности, и строящиеся преимущественно как развернутые аспекты краеведения с учетом местных обычаев, фольклора и т. д., включающие элементы истории, географии, художественных дисциплин и т. д. При этом могут использоваться элементы классно-урочной системы. Для богатырей может быть рекомендована система, близкая к гимназии России XIX–XX вв. при значительной доле факультативов. Центром учебного процесса должны быть самостоятельные работы по 2—3 направлениям (ср. курсовые работы в университетах), с последующим их семинарским анализом. Для аристосов с этого момента начинаются индивидуальные занятия с персональным учителем, который сам находит ученика.

Пятый период посвящен профессиональной специализации тех, кто прошел через четвертый. Он может быть ориентирован на подготовку к профессиональной деятельности в известных условиях и длится от нескольких месяцев до 2—3 лет (ср. среднее специальное образование) или же формировать готовность к деятельности в непредсказуемых условиях (ср. высшее образование). В итоге этот период длится до 22–25 лет.

Для всех типов учеников (за редким исключением — танцоры, лаборанты-биохимики, манекенщицы, для которых далее нужна переквалификация) последующий этап (3–4 года) предполагает завершение формирования мастерства.

— Образование может дополняться самообразованием. Получив образование, человек может перейти к преобразованиям себя.

— Рассмотренные органические элементы процесса образования и принятые нормативы формируют пространство логических возможностей типов образования.

— Ныне образование, обеспечивающее полноценную жизнь в мире с неизвестными свойствами, не может быть связано с любым типом школы как института, гарантирующего определенный результат образования. Последний должен быть также непредсказуем, чтобы быть жизненным.

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ[1]

Мои принципиальные позиции по вопросам образования были сформулированы в тексте, написанном по материалам выступления на совещании по содержанию образования весной 1991 г., организованном Московским институтом развития образовательных систем (МИРОС), итоги которого были использованы при подготовке Указа № 1 Президента РФ. Этот текст был опубликован только в 1999 г. с моим предисловием, отражающим положение на середину 1998 г.[2] В настоящей работе развиваются положения, изложенные в этом предисловии. Таким образом, данный текст является непосредственным продолжением работы 1991 г. — взгляд на те же проблемы через 10 лет.

В течение этих 10 лет мы с женой содержали частный детский сад, сотрудничали с образовательными кооперативами Санкт-Петербурга, я преподавал в четырех средних школах Санкт-Петербурга (государственных и частных), в Московской международной киношколе и культурно-экологическом лицее «Ключ», нескольких вузах, участвовал в ряде совещаний по вопросам образования, вникал в проблемы образования в Твери, Омске, Владивостоке, Хабаровске, в нескольких городах Германии, преподавал в Санкт-Петербургском университете педагогического мастерства, мои дети учились в четырех неординарных школах Санкт-Петербурга и т. д. Все это дало весьма многообразные впечатления о положении в сфере образования в России, которые порой весьма серьезно расходятся с теми данными, которые представлены в публикациях и рабочих документах, относящихся к сфере образования. Об этих впечатлениях и пойдет речь далее.

* * *

1. Россия **обладает ныне весьма хорошей законодательной базой в области образования**, позволяющей проводить практически все необходимые и желательные инновации. Однако **смежное право, подзакон-**

---

[1] Написано для журнала «Отечественные записки» весной 2002 г.; ранее не публиковалась.

[2] *Чебанов С. В.* О современном российском образовании//Петербургская школа. 1999, № 4–5. С. 49–51. См. наст. изд. с. 454–461.

ные акты и практика правоприменения приводят к фактической ликвидации возможностей, заложенных в Законе об образовании. В результате ход реорганизации сферы образования определяется скрытыми группами влияния, формируемыми руководством школ, чиновниками РОНО, партийными функционерами и хозяйственными руководителями на конкретных территориях.

2. **Реформа образования в России не состоялась**, что стало понятным в третьей четверти истекшего десятилетия.

Это проявилось в:

— консервации, а ныне и реставрации, советской системы образования;

— сворачивании начавшей было развиваться поливариантности образования (что ознаменовалось уходом А. Г. Осмолова с должности замминистра);

— отсутствии развития частного образования. Из частных школ выживают либо очень дорогие, в которых прежде всего решаются вопросы комфорта образования, либо общинно-религиозно-национальные, финансируемые обычно организациями или государствами, заинтересованными в решении не образовательных, а каких-либо других задач (прозелитических, кадрово-демографических, идеологических и т. д.). Оба типа школ не породили достойного подражания педагогического опыта.

Причинами такого положения дел в числе прочих явились:

— Отсутствие бюджетного финансирования конкретного ученика, а не учебного заведения (т. е. отсутствие образовательных ваучеров), что привело к практической невозможности аккредитации частных учебных заведений, а соответственно и к невозможности существования многих из них[1].

— Отсутствие законодательного запрета на профессии для определенных категорий лиц после распада СССР.

— Руководство сферой образования лицами коммунистической ориентации[2].

— Сохранение РОНО как важнейшего среднего звена управления образованием.

---

[1] В результате родители, которые идут на обучение детей в частных заведениях, оплачивают обучение дважды — через налоговые отчисления и через плату, вносимую в учебное заведение. Если они работают в системе образования, то и трижды, в этом случае не получая достойной оплаты своего труда.

[2] Имеются в виду не члены нынешних коммунистических партий, а функционеры СССР советского периода, деятельность которых должна была бы быть ограничена после путча 1991г. законом о декоммунизации, указывающим и круг лиц, на которых распространяется запрет на профессии, и условия этого запрета. Ныне подобная возможность упущена.

— Отсутствие кадров педагогов, способных работать в новой школе.

— Неквалифицированность, невзыскательность и безынициативность родителей как налогоплательщиков и общественных контролеров образования, а также как потребителей образовательных услуг (в случаях, когда образование носит характер услуги).

— Несовершенство налоговой системы, разоряющей учебные заведения, обладающие или использующие дорогостоящее имущество, и не поощряющей благотворительные отчисления коммерческих организаций.

3. Тем не менее в результате не столько реализации целенаправленных реформ, сколько беспорядочных метаний в попытках их осуществления, **советская система образования как система оказалась разрушенной**, причем нет надежды на ее восстановление (тем более быстрое).

При всей противоречивости последствий происшедшего видно несколько безусловно положительных его аспектов:

— Разрушена тоталитарная, высокоидеологизированная образовательная система, которая не столько давала образование[1], сколько воспитывала лояльных слуг режима.

— Существовавшая система образования была задумана как система гимназического образования для аристократии в первой половине XIX в. и «отредактирована» в сталинские времена (воспроизводившие некоторые черты государственного строительства эпохи Александра I). В настоящее время эта система:

- анахронична по содержанию и целям образования (тип гуманитарного образования начала XIX в.);
- неадекватна социально (аристократическое образование предлагается в качестве всеобщего и обязательного);
- экономически не обеспечена (очень дорога);
- нереалистична (ее не обеспечить необходимыми кадрами и оборудованием);
- принципиально игнорирует местные условия (что вызывающе подчеркивает разрыв образования с жизнью).

— Существовавшая система образования была принципиально лицемерна, формируя только образцы нормативного поведения и мышления

[1] Имеющаяся потребность в образованных людях долгое время решалась за счет старых — буржуазных — «спецов» (массовое использование лиц с гимназическим образованием, в качестве секретарей, переводчиков, стенографистов, референтов, библиографов и т. д., закончилось только в первой половине 1970-х гг.), тех, кто *вопреки*, системе занимался самообразованием, и некоторых специализированных сфер деятельности, в которых существовала собственная система образования.

и не предоставляя сведений о реальном положении вещей (в сфере общественной жизни, истории, телесно-физиологических отправлений человека — и даже животных! — и т. д.).

4. **Итогами разрушения системы образования** являются:

— Ее явочная демократизация (а в известной мере и охлократизация) — для «поколения, выбравшего “пепси”», неприемлемы тоталитарные и авторитарные формы обращения педагогов с учениками. В результате отношения между педагогами и воспитуемыми стали в значительной мере партнерскими. При этом не обошлось без издержек. Так, представление о дисциплине оказалось размытым, хотя ясно и не осознано, когда она нужна, а когда — нет. Стало возможным говорить и о публичном образовании инвалидов.

— Деидеологизация образования, что позволяет поставить в центр интересов работы школы именно вопросы образования. При этом становится возможным контакт и взаимодействие с духовными учебными заведениями разных деноминаций.

— Необходимость и возможность начать выстраивание концепции (не практики!) образования практически с чистого листа.

5. **Столкновение разумных базовых правовых документов об образовании** (см. п. 1) **с фактическим отсутствием реформы образования** как реформы (а не как равнодействующей многих нескоординированных действий — см. п. 2) **породило** практически необозримое разнообразие социальных ниш, в которых оказывается возможной реализация **разных образовательных проектов**. Тем самым произошла замена **унифицированного тоталитарного** образования **полиморфизмом образовательных моделей**.

Наследие социализма, вообще имперского периода истории России, несовершенство законодательства, бедность значительной части населения, невзыскательность родителей и их объединений как контролеров качества образования определяют **неоптимальность организации** этого **многообразия образовательных моделей** и их взаимодействия.

6. Глобальную задачу совершенствования образования ныне можно сформулировать как **оптимизацию многообразия образовательных моделей.**

Подобная постановка задачи знаменательна в нескольких отношениях:

— Она фиксирует фактическое наличие полиморфизма образования, а не наличие/отсутствие дискуссии о его необходимости.

— Она переводит бесплодные идеологические споры в русло принятия тех или иных правовых актов и управленческих решений.

— Она требует исследования граничных условий (финансовых, кадровых, временных, организационных и т. д.) реализации тех или иных образовательных проектов.

7. В соответствии с описанным выше общим представлением о происшедшем можно выделить отдельные характерные особенности современного образования, которые представляются автору показательными.

8. Ситуация столкновения возможностей, желаний и нормативных актов привела к тому, что в рамках сложившегося многообразия вариантов образования имеются учебные заведения не только разных типов, но и **разного качества**, причем поляризация качества образования стала более резкой, чем в советское время.

9. Под **качеством образования** ныне понимаются две совершенно разные вещи:

— **собственно качество образования**, выражающееся в наличии/отсутствии у учащегося в результате образования способности разносторонне воспринимать мир в многообразии его проявлений и активно действовать в этом мире, что определяется содержанием образования, квалификацией преподавателей и эффективностью используемых методик обучения и

— **комфортность образования**, определяемая малочисленностью классов, инженерным и эстетическим состоянием учебных помещений, качеством питания в учебном заведении, наличием спортивных залов и площадок и т. д.

От собственно качества образования и комфортности образования надо отличать **престижность образования**, которая определяется как привлекательным соотношением качества и комфортности, так и другими, порой совершенно внешними факторами (модой на те или иные специализации, наличием харизматических педагогов, помпезностью учебных помещений и т. д.).

Существенно при этом то, что престижное образование ценится выше всего, а собственно качественное — ниже всего, при этом наименьшее число родителей и учеников в состоянии разобраться в собственно качестве образования, несколько большее — в комфортности, но на всех давят социально-психологические механизмы, определяющие престижность образования.

10. В постсоветское время продолжала проявлять себя тенденция, резко проявившаяся уже к концу 1960-х гг., которая заключается в следующем. Имеет место такое положение дел, при котором **выполнение или невыполнение должностных обязанностей** (как и качество этого выполнения) оказывается **частным делом сотрудника**. Тот же сотрудник **прива-**

тизирирует выполнение порученных ему функций. С другой стороны, формальная внедолжностная **добровольная активность навязывается в качестве обязательной** (участие в общественной работе, совместном времяпрепровождении, профсоюзной деятельности, совместных праздниках и т. д.), причем для реализации таких частных и даже приватных форм деятельности используются государственные средства (финансовые, организационные, технические и т. д.). Таким образом происходит инверсия государственных и частных интересов. По отношению к учащимся это проявляется **в превращении учебного заведения в неформальный клуб**.

Указанная тенденция особенно буйно **процветает в образовательной среде**, поскольку

— одна из сторон находится в неравноправном положение по отношению ко второй в силу:

- юридического бесправия (в особенности детей до 14 лет),
- большей эмоциональной ранимости (чем младше, тем в большей степени),
- зависимого положения (необходимости регулярно проходить через систему оценивания и испытания противоположной стороной);

— ученики и педагоги проводят совместно значительное время (недаром устойчивы сравнения учебного заведения со вторым домом);

— педагогическое взаимодействие структурно сложно — это взаимодействие

- администрации, которая защищает свои интересы и интересы педагогов,
- педагогов, которые защищают свои интересы и интересы администрации,
- учеников, которые либо не имеют интересов, либо отстаивают только свои интересы и не готовы считаться с интересами других и идти на компромиссы,
- родителей, которые защищают интересы учеников и свои интересы;

— полной формализации такие отношения не подлежат, что и определяет управление образованием в большей мере «по понятиям», чем «по закону».

11. Одним из проявлений и последствий приватизации должности и огосударствления частных интересов является неразличение **публичного** и **приватного**. Представляется, что все **государственные учебные заведения** должны быть **публичными** (ограничение публичности получения образования в области государственной безопасности и воен-

ного дела может ограничиваться только **публичными** законодательными актами). **Частные учебные заведения** (религиозные, национальные, общинные и т. д.) могут практиковать свою деятельность и как **приватную** (что должно регулироваться двусторонними договорами — администрации и родителей маленьких детей, трехсторонними договорами администрации, родителей и старших детей и двусторонними администрации и взрослых детей), но при этом должен быть обеспечен **публичный контроль** (в том числе и государственный) за расходованием средств, предоставляемых в соответствии с государственной аккредитацией, и соблюдением законодательства РФ (включая защиту прав детей, родителей и педагогов).

12. В настоящее же время **логика различения государственного и частного, публичного и приватного не только чужда, но даже непонятна** большинству участников образовательного процесса. Такое положение дел служит **основой** для неосознанных и осознанных **злоупотреблений** в сфере образования, в том числе нарушения норм закона. В числе таких злоупотреблений в государственных школах можно указать:

— Навязывание родителям школы полного дня.

— Навязывание родителям содержания дополнительной охраны школьных помещений.

— Навязывание родителям оплаты ремонтов школ, приобретения оборудования и т. д., прочих поборов, обычных для школы.

— Различные схемы расчета за дополнительные образовательные услуги, позволяющие уходить от налогов.

— Попытки введения религиозного образования (причем преимущественно православного, под руководством Московской Патриархии) в государственных школах.

— Введение унификации одежды и предметов туалета для посещения школы или отдельных занятий (галстуков, чулок или трусов определенного цвета или кроя).

13. Тем не менее **идея различения государственного и частного, публичного и приватного в определенной мере осваивается школьным сообществом**, и возникают особые феномены, являющиеся следствием разного отношения отдельных педагогов или их коллективов к этому различению. В результате в одной и той же школе могут соседствовать совершенно по-разному выглядящие кабинеты двух педагогов, один из которых ориентирован, например, на качество образования (и воздерживается от поборов с родителей), а для другого важна комфортность образования (обычно реализуемая за счет таких поборов). Подобная мозаичность характерна для всей системы образования

(на разных ее уровнях: дошкольное, начальное, среднее и т. д. образование — и в разных масштабах: класс, школа, район, субъект Федерации). Кроме того, такая мозаичность создает дополнительные ниши для реализации разных моделей образования.

14. В отличие от советского времени, когда государственный стандарт образования был чистой декларацией, а на практике существовал колоссальный (замалчиваемый и замазываемый) разброс в его реализации, в настоящее время **происходит институализация разных моделей образования** в виде гимназий, лицеев, специализированных школ и т. д.

Такие модели образования как **институализируют фактически сложившиеся педагогические практики**, так и являются **декларациями о намерениях** (искренними или притворными) создания учебных заведений того или иного типа.

15. Столкновение нормативов и практики, отсутствие преемственности в реорганизации образовательных учреждений определяют **нестабильность системы образования** на протяжении последнего десятилетия. Такое положение дел имеет как негативные, так и позитивные стороны:

— В очень консервативной педагогической среде увеличивается текучесть кадров, что обеспечивает ее обновление, в том числе за счет «пришельцев» из других сфер деятельности.

— Значительная часть кадровых педагогов оказывается в ситуации жесткой фрустрации, стараясь, с одной стороны, выполнять профессиональной долг, а с другой — обеспечивать себя и свою семью.

— В целом, уменьшается степень ответственности педагога за судьбу конкретного ученика, в чем есть как позитивная (педагог в меньшей степени может предопределить судьбу конкретного ученика), так и негативная (искушение к развитию наплевизма у педагога) сторона.

— Значительная часть учеников в течение периода обучения вынуждена проходить через несколько образовательных учреждений, что, с одной стороны, является источником фрустраций, а с другой — расширяет кругозор и социальный опыт ученика, увеличивает его мобильность, лучше подготавливает к многообразию и непредсказуемости взрослой жизни.

16. Характерной чертой текущего момента является распространение в образовании **имитационных форм деятельности и их воспроизводство**. Проявляется это очень по-разному. Например в

— Имитационной активности, призванной продемонстрировать ход реформы образования, выражающейся, например, в появлении новых программ, стандартов, учебников и т. д. без изменения содержания образования, смене вывесок учебных заведений без изменения системы преподавания и т. д.

— Слепом копировании западных или российских дореволюционных образцов.

— Проведении административно-организационных мероприятий, якобы соответствующих «духу времени» и новым нормативным актам, но не реализующих декларируемых целей или напрямую служащих иным целям (см., например, ниже обсуждение положения дел с психологизацией образования).

— Активном использованием в учебном процессе методик обучения, основанных на имитационном поведении (обучение иностранным языкам, информатике, этикету, маркетингу, паблик рилейшен и т. д.).

17. В результате социально-экономических и политических преобразований последнего десятилетия **изменился круг «потребителей» образования, озабоченных проблемой качества образования**. Эта проблема волнует ныне не достаточно широкий круг родителей со средним специальным и законченным или незаконченным высшим образованием, довольно равномерно распределенных по территории страны (как это было в советское время; ныне же значительная часть этих людей деморализована и не вовлечена в проблемы образования), а сравнительно узкий круг лиц с высоким, средним и даже низким достатком (в последнем случае — только при наличии высокой социальной активности и высокого уровня образования), проживающих в основном в крупных городах или в центрах бурно развивающейся экономики (Сургут, Тюмень, Тольятти и т. п.). Именно родители из этого круга и думают об образовании своих детей и решают с разной степенью успешности обсуждаемые здесь проблемы, значительная часть остального населения пребывает в состоянии апатии. При этом оценка значимости образования в общем остается довольно высокой, причем среди наиболее экономически успешных групп населения возрастает интерес к образованию (упавший было в начале и середине 1990-х гг.).

18. К настоящему времени в России сложились следующие **ступени образования** (одни появились, другие, например, ясли, отпали, третьи видоизменились) — дошкольное образование, начальная и неполная средняя школа, полная средняя школа (ныне — 10–11 классы, high school в западном понимании), средняя специальная школа, высшая школа, которая может разделяться на бакалавриат и магистратуру, и аспирантура. Каждая из ступеней образования решает свои **специфические задачи** и имеет в настоящее время свои **специфические проблемы**.

По организационно-административным причинам две, три или более ступеней образования объединяются в одном образовательном учреждении, что смазывает специфику каждой из них, но облегчает переход с одной ступени образования на другую. Тем не менее целесообразно

рассмотреть положение с каждой ступенью образования раздельно. При этом отмеченные выше общие черты образования повторяться не будут (поляризация качества образования, различие критериев качества образования, интерес к проблемам образования только части родителей и т. д.).

19. **Дошкольное образование** представлено ныне детскими садами (государственными и частными) общего назначения и специализированными (логопедическими, для глухих, слабослышащих, слепых, с ДЦП и т. д.), прогулочными группами (частными), учреждениями дополнительного образования (творческими студиями, ансамблями и т. п.). Хорошие детские сады с маленькими группами (государственные специализированные, в том случае, если речь идет о детях с невыраженной патологией, или частные) в сочетании с учреждениями дополнительного образования дают неплохие результаты.

Проблемами являются отсутствие концепции баланса между свободой и дисциплиной, перегруженность занятиями школьного типа, бездумное обучение иностранным языкам (безотносительно к зрелости речевой деятельности), ориентированность занятий на подготовку к школе, непомерные финансово-организационно-правовые трудности работы частных детских садов. Притом что стала очевидной необходимость дошкольного воспитания в детском коллективе, посещение детского сада практически перестало быть средством высвобождения родителей от ухода за детьми: посещение хорошего детского сада требует систематических домашних занятий с ребенком (вплоть до выполнения домашних заданий).

20. **Начальное образование** является сферой интенсивных поисков и инноваций как государственных, так и частных школ. В общем, задачи и содержание начального образования осознаются довольно хорошо, хотя дидактические и методические средства их достижения могут сильно различаться (в частности, сталкиваются установки советской тоталитарной педагогики и «демократической» инновационной педагогики — педагогики сотрудничества, игровой педагогики, элементов педагогики Монтессори и т. д.). На государственном уровне положительной тенденцией следует признать восстановление четырехлетней системы начального образования.

Проблемами являются перегрузка учебных планов, необоснованное стимулирование умственного развития, навязывание школы полного дня, бездумное обучение иностранным языкам (так же, как и в дошкольном образовании). К числу проблем можно отнести и возможность злоупотребления игровыми методиками, которые не позволяют приучить ребенка к труду, развить усидчивость.

Дошкольное и начальное образование предполагает очень тесный контакт педагога с маленьким ребенком, а поэтому имеет тенденцию

обогащаться приватными элементами. Тем не менее именно начальная школа должна завершить начальную социализацию ребенка.

21. **Неполное среднее образование** (5–9 классы). Это наиболее сложный психологически и наименее концептуально осмысленный период образования. Сколько-либо удовлетворительных образцов образования, которые могли бы рассматриваться в качестве модели для этого периода, нет. Практически первые годы этого периода (5–6 классы) организуются как продолжение начальной школы, а последующие (8–9 классы) — как high school. Видимо, наиболее целесообразно в это время заниматься освоением идеографического знания (естествознания в духе «естественной истории» и иностранных языков), совершенствованием моторики и формированием у учащихся доверительных отношений со взрослыми (родителями и педагогами).

22. **Предпрофессиональное и начальное профессиональное образование** (10–11 классы полной средней школы, high school в западном понимании, средняя специальная школа[1], бакалавриат). Так или иначе, эта ступень образования организована с учетом индивидуальных и типологических особенностей учащихся в период максимального развития их интеллектуальных способностей на фоне взрыва развития эмоциональной сферы. Активность в образовании переходит от родителей (и педагогов) к самим учащимся.

Последние два класса общеобразовательной школы являются по сути предвузовскими. Поэтому образование должно быть в значительной мере профилированным и соответствовать склонностям учащихся. Однако важно не превратить это в подготовку к вступительным экзаменам.

Средняя специальная школа и бакалавриат решают по сути общую задачу подготовки профессионалов среднего уровня квалификации. При стабилизации общества потребность в лицах такой квалификации будет наибольшей, однако у них будет мало шансов на эмиграцию и низкий уровень горизонтальной социальной мобильности. Хорошо поставленное дополнительное образование в сочетании с профессиональной подготовкой (и факультативами) в полной средней школе, специальное среднее образование и бакалавриат могут давать сопоставимые результаты. Тем самым эти варианты образования решают единую задачу и надо думать об организационных формах их взаимодействия.

[1] С советских времен с этой ступени образования существует и фактическая, и институциональная поливариантность (в этом контексте особенно важны были ПТУ, превратившиеся ныне в разного рода колледжи). При этом важно иметь в виду, что именно с этого уровня начиналась факультативность, а не обязательность получения образования.

23. **Высшее образование** (традиционный вариант) и **магистратура**. Отношение к высшему образованию и положение в этой сфере неоднократно и довольно резко менялись в последние десять лет.

Прежде всего можно отметить более высокий уровень подготовки студентов (в особенности на философских и обществоведческих отделениях) и их активное отношение к учебному процессу. Однако низкий уровень стипендий не позволяет значительной части студентов в полной мере сосредоточиваться на занятиях. Вместе с тем наличие профессионального опыта делает отношение к занятиям значительно более сознательным. При этом существует поляризация госбюджетных и «коммерческих» студентов — первые значительно лучше подготовлены, более активны и сознательны[1]. К настоящему времени произошло также заметное выравнивание перекосов распределения студентов (и абитуриентов) по специальностям.

Идет формирование новых специальностей, причем несколькими путями:

— Путем прямого заимствования западных образцов.

— Путем создания более или менее оригинальных курсов относительно молодыми и ловкими людьми, ориентирующимися в конъюнктуре. Как правило, такие курсы носят сугубо инструментальный, а не концептуальный характер или являются изложением/критикой каких-то западных концепций.

— Путем рассмотрения «брендовой» тематики, часто связанной с отечественными материалами, на которые в советское время были наложены какие-либо ограничения (идеологические, военно-технические, национальные и т. д.).

При этом, однако, практически не создается новых курсов на основе достижений отечественных специалистов последних лет и новых отечественных научных школ (если они не приходят с Запада).

Создание новых учебных специальностей тормозится сложностями создания новых специальностей, по которым возможно получение ученых степеней. Последний институт оказывается наиболее консервативным.

В течение десятилетия довольно значительно менялось материальное положение профессорско-преподавательского состава. В итоге сложилось такое положение, при котором группы активных профессоров, находящиеся в доверительных отношениях друг с другом и с администрацией, учреждают коммерческие структуры и/или организуют поточное получение грантов, что в итоге гарантирует их довольно хорошее

[1] В последние годы в этой сфере намечаются изменения и даже инверсия.

материальное положение. На этом фоне из-за низких пенсий у профессоров пожилого возраста существует необходимость работать неопределенно долго (аналогичная ситуация и в науке), оставляя молодежи чтение лишь второстепенных курсов. Это обстоятельство вносит значительный вклад в утечку мозгов. Положение профессоров приближается к положению западных профессоров и в том, что они ведут незначительные исследования по очень узким вопросам, а читают большое число многочисленных курсов по малознакомой для них тематике.

Такое положение дел позволяет констатировать наличие значительной динамики высшей школы, однако в большой мере динамики имитационной. Потенциал изменений не использован в полной мере для пользы дела. При этом, с одной стороны, имеет место перепроизводство высокоспециализированных профессионалов (астрономов, археологов, палеонтологов и т. д.), а с другой — недостаток работников высшей квалификации, сочетающих широкий кругозор с универсальными навыками (знание языков, оргтехники, права, управления) и общей компетентностью в какой-то широкой области знания (экология, политология, энергетика, география, история и т. д.). Последняя проблема определяет потребность в создании **общего высшего образования**.

Система частного образования, надеясь на государственную аккредитацию, пошла не по пути создания имиджа собственного диплома и присвоения собственных ученых степеней и званий, а принялась за выполнение государственного стандарта и почитание решений ВАКа и тем самым превратилась в пародийный вариант государственного образования.

24. **Аспирантура**. Положение с аспирантурой практически не изменилось по существу, хотя очная аспирантура оказалась более доступной из-за меньшего числа желающих (вследствие финансовых ограничений и меньшей престижности). Широкие связи с западным миром определяют изменение характера диссертационных работ: требуется более широкое использование западных работ.

Серьезной проблемой оказывается преподавание философии (как и в высшей школе) — курс философии оказывается оторванным от специальности и темы диссертации, а само преподавание философии, несмотря на декларации, мало отличается от практики советского времени[1] (осуществляется старой советской профессурой)[2].

25. **Дополнительное образование**. К этому сектору образования относятся различные кружки, студии, курсы, клубы, лектории, малые факуль-

[1] См. об этом: *Чебанов С. В.* Парадигматическая смута постсоветского философствования//Радуга (Таллинн). 1996, № 1. С. 98–108.

[2] Последние решения по этому вопросу вызывают у казенных философов яростное сопротивление.

теты и подготовительные курсы и т. д. в домах и дворцах творчества юных и домах и дворцах культуры, клубах, музеях, библиотеках, храмах, семинариях и т. д. Эти образовательные учреждения дают подготовку по значительно большему кругу специальностей, чем стационарные учебные заведения, причем в некоторых случаях очень хорошую. В последнем варианте именно такое образование фактически оказывается базовым, а государственный документ другого учебного заведения является лишь формой его легитимации. Подобное образование могут получать лица любого возраста (от новорожденных до глубоких стариков).

26. В отличие от советского периода (ср. аналогичное положение в упомянутой статье — Чебанов, 1999) проблемой оказываются не только *гарантии реализации образования*, но и **возможность и стоимость получения хорошего образования** всех ступеней. Такие возможность и стоимость складываются из многих компонентов, преимущественно косвенных:

— Общего уровня **материального положения** семьи, который определяет положение образования в системе приоритетов семьи.

— Степени **социальной активности** или **деморализованности**, социальной апатии взрослых членов семьи.

— Владения **информацией** о наличии тех или иных учебных заведений, правилах поступления и обучения в них и их законности, правах учащихся и их родителей, путях получения спонсорской помощи, благотворительных фондах и т. д.

— **Соотношения декларируемых и фактических расходов** на обучение в том или ином учебном заведении (наличие и объем негласных поборов, дополнительные требования к форме, размер подношений педагогам и администрации, размер спонсорских взносов, других добровольно-обязательных обязательств и т. д.).

— Степени **транспортной доступности** учебного заведения (чем младше учащийся, тем вопрос актуальнее; посещение некоторых учебных заведений фактически предполагает наличие личного транспорта у родителей или даже у учащихся).

— **Неформальных стандартов**, существующих в том или ином образовательном учреждении (языка, поведения, макияжа, одежды — в этом отношении отказ от формы сыграл дурную шутку).

— **Социально-сословной принадлежности** родителей учащихся конкретного образовательного учреждения (ядерная группа стремится к социальной однородности и не хочет иметь дело с «чужаками»).

— Собственно официальной **платы за обучение**.

Каждый из компонентов является фильтром на пути получения образования, причем для разных групп населения и разных учебных заведений значимость каждого из фильтров оказывается разной.

27. В настоящее время не только декларируется, но и практически существует **многообразие альтернативных форм образования** на каждой его ступени. Совершенно очевидно, что это многообразие неоптимально. Тем не менее практически у каждой семьи есть спектр возможностей образования для ребенка, из которого можно реально выбирать. Выбор оказывается неидеальным, но так или иначе удается найти приемлемый компромиссный вариант (в особенности в сочетании с теми или иными формами дополнительного образования). Конечно, в каждом случае имеются очевидные пути совершенствования конкретного образовательного учреждения (возможность поступать не в учреждение, а к конкретному учителю, например), однако оказывается, что такое совершенствование некому оплачивать (нечем, не знают, откуда взять средства, или не хотят). Также возможно и совершенствование системы в целом, но и на него нет платежеспособного спроса (например, при всех издержках классно-урочной системы никто не готов оплачивать переход к цеховой системе обучения). Таким образом, можно зафиксировать, что ныне **существующее разнообразие образовательных моделей соответствует платежеспособному спросу**, а дальнейшие пожелания совершенствования системы образования не обеспечены финансово.

28. Многомерное разнообразие образовательных учреждений, становление социальной стратификации, забота ряда организаций о кадровом резерве и некоторые другие социальные механизмы обеспечивают становление различных **образовательных комплексов**.

29. Образование на всех ступенях складывается в результате **взаимодействия стационарного и дополнительного образования.** Их соотношение и способ реализации могут быть очень разными (от факультативов в государственной школе до экстерната или свободного расписания в государственной в сочетании с серьезным обучением в учреждении дополнительного образования).

30. Провал реформы образования и систематическая дискриминация частных учреждений образования определяет перспективность (как и в эпоху застоя) не создания самостоятельных институций, а организации образования как **доорганизации** (легитимной и нелигитимной) существующих государственных образовательных институтов до желаемых. Последние при этом существуют на первых как рисунок на ткани (например, учащийся под тем или иным предлогом избирательно посещает обязательные занятия, но набирает много факультативов, причем в разных учебных заведениях). В таком случае продолжает развиваться практика перемешивания исполнения должностных обязанностей и частных интересов (ср. п. 10). Прагматическая эффектив-

ность подобных решений является базой для развития правового нигилизма и распространения правонарушений.

31. Стремление к формированию «фирменного стиля» в образовании, желание облегчить переход с одной ступени образования на другую, забота о кадровом составе определяют складывание **единых цепочек образования** (в рамках одного учебного заведения или нескольких, находящихся в договорных отношениях). Примерами таких цепочек являются: детский сад — начальная школа, детский сад — начальная школа — средняя школа, средняя школа — вуз — аспирантура, средняя школа — вуз — производство, детский сад — начальная школа — средняя школа — обучение за границей и т. д. Вокруг каждого такого образовательного комплекса формируется собственная социальная среда, которая может оформляться по сословному типу. В результате складываются группы с устойчивым платежеспособным спросом на определенный групповой стандарт образования. Вероятно, именно через закрепление таких **групповых стандартов** и пойдет развитие системы образования в целом.

32. Обозначившаяся на границе XIX и XX вв. тенденция переориентации педагогической мысли с обеспечения реализации социокультурного стандарта на **психофизиологическую адекватность образовательного процесса**, реализовавшись во впоследствии разгромленной педологии, стала пробиваться в бывшем СССР в эпоху перестройки. Первые годы становления новой России подавали надежду на укрепление этой тенденции. Однако сворачивание поливариантного образования, коммерциализация и меркантилизация (см. далее) образования привели к сворачиванию этой тенденции. Разные этапы этой эволюции проявились в

— Переориентации на психологизацию образования, что позволило поставить ряд важных вопросов: о *типологическом* стандарте образования, об индивидуальном образовательном маршруте, раздельном обучении и совместном воспитании мальчиков и девочек и т. д.

— Становлении **психологической службы в средней школе**. Такая служба позволила разрешать ряд проблем (порой достаточно сложных) взаимоотношений ученика, педагога и родителей. Благодаря этому, к примеру, при поступлении в школу стало обращаться внимание на наличие «школьной зрелости», прекратилось преследование учеников-дисграфиков и переучивание левшей, сформировалось более адекватное отношение к ученикам-интровертам и т. д., что гуманизировало атмосферу школы. В настоящее время психологическая служба средней школы излишне увлечена тестированием, вопросами профориентации, производством обоснований для проведения непопулярных решений педагогов и т. п.

— На фоне резкой актуализации экономической стороны жизни, желания родителей и педагогов как можно раньше извлечь коммерческий эффект из дарования детей происходит антипсихологичная переориентация образования на **раннюю профессионализацию**. Это проявляется в самых разных формах: ориентированности на профессиональную подготовку в учреждениях дополнительного образования, начиная с дошкольных (спортивных, художественных, музыкальных и т. д.), превращении профилированных школ в предпрофессиональные (языковые, математические, литературные, химические, и т. д.), сокращении числа непрофилированных школ, в особенности хороших, и т. д.

— Жесткая ориентация на успешность и конкурентоспособность (см. далее — п. 36) определили **провал модели раздельного обучения** мальчиков и девочек. Одним из следствий этого будет углубление **демографического кризиса** (женское образование — основной фактор снижения рождаемости). При этом попытки создания элитарного образования для мальчиков и девочек оказываются очень дорогими. Дешевые формы раздельного обучения мальчиков обернулись созданием кадетских училищ (с их милитаризацией), а девочек — (полу)нелегальных учреждений для подготовки кадров для оказания сексуальных услуг. Оба процесса являются достаточно обычными для представителей бедных социальных слоев.

— Так или иначе, ныне образование оказывается **антипсихологичным** и ориентированным на **удовлетворение** новых **социальных стандартов.** Такое положение дел часто требует перегрузки учебных планов, не учитывает физических возможностей учащихся, приводит к ухудшению состояния здоровья учащихся, формирует у них хроническую усталость.

33. Гиперсоциализация образования, идеологическая поляризованность социума, многообразие моделей образования, социальная дифференциация, разделение публичного и приватного, государственного и частного определяют то, что задачи **воспитания** становятся в процессе образования **факультативными**. В лучшем случае может идти речь о профессиональном или сословном воспитании. Вплетаясь в становление единых цепочек образования (п. 31), поиск стратегий воспитания может привести к формированию **корпоративных моделей воспитания**, основанных на принципах **корпоративной этики**.

34. Логика развития сферы образования на основе ее коммерциализации определяет превращение образования в **род услуги**. Эта логика оказывается несовместимой с представлением о сфере образования как сфере **служения**, что порождает жесткие **культурно-психологические конфликты**, через полосу которых предстоит пройти российскому социуму.

35. Характерной чертой российского образования стало его **включение в мировой рынок образовательных услуг**. Российское образование привлекает иностранцев дешевизной и фундаментальностью, иностран-

ное россиян — шансом включения в мировую элиту, бизнес и рынок труда.

36. На фоне формирования открытой сферы образования получает распространение идея **синтеза достоинств национальной и западной систем образования** и предпринимаются те или иные попытки реализации такого синтеза. При этом, однако, обнаруживается, что **сильной стороной** российского образования является его **фундаментальность, систематичность** и **разносторонность**, обеспечивающие **целостность и полноту жизни**, а западной — формирование **навыков активного использования знаний** с целью достижения **успеха в жизни**.

37. **Реализация образования** и **социальные гарантии** такой реализации по-прежнему остаются **критическим пунктом всего процесса образования**. Их отсутствие в 90-е гг. оправдали казавшиеся в 1991 г. экзотикой прогнозы автора (Чебанов, 1999) о том, что российское образование будет производить высококвалифицированные кадры для заграницы (ср. нынешнюю «утечку мозгов»), и об уходе образованных людей в криминал (ныне по данным Академии МВД российская «беловоротничковая» преступность — включая международную — самая образованная в мире: среди ее лидеров много не только людей с высшим образованием, но и с учеными степенями). В настоящее время ситуация только усугубляется.

Открытость сферы образования, соприкосновение отечественного образования с западным позволяют сформулировать задачу их синтеза как **соединение фундаментальности российского образования с социальной активностью и адекватностью, обеспечиваемыми образованием западным**[1]. Таким образом, оказывается, что проблема синтеза российского и западного образования есть (в большой мере) проблема соединения фундаментального систематического образования с эффективными формами социальной активности. Последние в большой мере и составляют **содержание** западного образования, включающего в себя формирование навыков написания работ разных жанров, ведения профессиональной документации, работы с фондами-грантодателями и т. п. Не вполне понятно, однако, к каким последствиям это может привести, что будет результатом соединения российской фундаментальности с западной эффективностью.

38. Реализация хорошего образования в нынешней России сопряжена с **маргинализацией**. Такая маргинализация проявляется в нескольких формах:

[1] В этом контексте можно иначе посмотреть на практику покупки или иного незаконного получения документов об образовании (среднего, высшего или послевузовского) — в этих случаях покупатель четко знает, для чего он использует свой статус образованного человека и какую от этого получит выгоду.

— Лица, ориентированные на традиционные социальные статусы внутри России (профессорско-преподавательский состав, ученые-исследователи), обречены на *люмпенизацию* в силу низких окладов.

— Часть профессионалов выбирают *трудовую эмиграцию*.

— Привлекательна работа в *российских отделениях иностранных фирм*.

— Высокооплачиваемая работа возможна в некоторых *российских организациях* (банках, телефонных и пейджинговых компаниях), *политическом бизнесе*, на *высоких должностях в государственном аппарате* и т. д.

— Высокооплачиваемую работу предоставляют *криминализированный бизнес* и *организованная преступность*.

Все эти статусы предполагают отрыв специалистов от интересов большинства населения, ставят специфические проблемы правовой, физической и психологической защиты, ставят под вопрос членство в профсоюзах, обесценивают нормы трудового законодательства и охраны труда. Такие статусы плохо вписываются в систему управляемой демократии, но предполагают выработку нетривиальных индивидуальных стратегий выживания. Так, оказывается, что **высококвалифицированные профессионалы** фактически **не расцениваются как национальное достояние**, требующее серьезной (а не имитационной) заботы о нем.

39. Вышеприведенное описание ситуации в российском образовании показывает наличие **многообразных разнонаправленных процессов довольно глубокой реорганизации системы образования**. Основными узлами такой борьбы являются:

— Отсутствие принципиальной, непаллиативной оценки советской системы образования.

— Отношение к образованию как к полю политической борьбы.

— Отчаянные попытки реставрации советской системы образования.

— Отсутствие кадрового резерва, способного активно участвовать в становлении новой системы образования.

— Борьба за государственные и частные деньги, циркулирующие в сфере образования (принимающая порой самые жесткие формы — ср. покушения на Кезину, избиения профессоров).

— Формирование зачатков новой — корпоративной — системы образования.

Гарантией того, что **глубокое и необратимое преобразование системы образования неизбежно,** являются:

— отсутствие у государства достаточного резерва идеолого-организационно-финансовых ресурсов;

— необходимость решения очень острых утилитарных проблем (наличие кадров для опасных производств, транспорта и связи, имеющих стратегическое значение, демографические проблемы и т. д.).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА[1]

Существующее российское законодательство и практика работы средних общеобразовательных школ Санкт-Петербурга показывают возможность существования почти всех мыслимых типов школ и вариантов среднего образования. Вместе с тем затраты как государства, так и родителей, педагогов, администрации и учеников на реализацию той или иной образовательной программы оказываются неадекватно большими. Актуальной проблемой является уменьшение подобных издержек.

С этой целью представляется целесообразным осуществление следующих мероприятий:

— Сокращение сферы компетенции, а в перспективе и ликвидация РОНО как наиболее забюрократизированных организаций, вносящих значительный вклад в увеличение накладных расходов на образование.

— Постепенное замещение РОНО попечительскими советами, формируемыми из числа представителей общественности, деятелей науки и культуры, педагогов, родителей и предпринимателей-спонсоров.

— Выдача не только коллективных (для частных школ, получивших аккредитацию), но и индивидуальных (для всех желающих учеников) образовательных ваучеров и обеспечение получения по ним денег для самостоятельного выбора образовательного маршрута.

— Ориентация на ученический и учительский коллектив, работающий с одним классом, как на основную структурную единицу учебного процесса, формирующуюся через подписание индивидуальных договоров на образовательные услуги между педагогами и родителями (в младших классах) и педагогами, родителями и учащимися (в старших), что позволяет осуществлять учебный процесс с учетом реальных возможностей, а не декларируемого единообразия.

— Резкое ограничение прав администрации школ в рассмотрении конфликтов между родителями и педагогами, детьми и педагогами, педагогами и администрацией и перенесение рассмотрения этих конф-

[1] Написано в августе 1996 г. для Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

ликтов в органы правопорядка и суд с целью создания подлинно публичной школы.

— Введение оценки эффективности обучения и соответствия заявленным учебным планам путем введения публичных испытаний.

— Регламентация административной, хозяйственной и учебной деятельности школ с реальной публичной отчетностью расхода бюджетных, спонсорских или родительских средств, получаемых школой.

ФИЛОСОФИЯ

ТЕМА ЖИЗНИ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ[1]

В структуре проблематики социального философствования заметное место занимает тема жизни. При этом, однако, далеко не всегда отдается отчет в том, как именно понимается жизнь, в то время как существует достаточно большое число разных интенций жизни.

В одном случае жизнь мыслится как атрибут объектов биологии — микроорганизмов, растений, животных. Социальные импликации этой интенции жизни, в свою очередь, зависят от трактовки природы биологической жизни. Так, трактуя жизнь как эпифеномен физико-химических процессов, естественно прийти и к подобной трактовке жизни человека. Весьма часто такая позиция сочетается с представлением о физической необходимости появления человека и общества. Естественно и то, что при этом вся социальная проблематика обсуждается преимущественно в физико-химических терминах. Понятна и сопровождающая такую позицию девальвация этических ценностей, безответственность и технократизм социальных ориентиров.

При другой трактовке, напротив, биологическая жизнь представляется как вырожденный или недостаточно проявленный случай другой, более насыщенной или полноценной жизни — например, психической или духовной. Такая позиция ныне не очень распространена в рафинированной форме, хотя широкая распространенность антропоморфизма в биологии и свидетельствует о стихийной склонности к нему многих биологов. Очевидно, что ценность биологической жизни, в том числе и жизни Homo sapiens, оказывается при этом весьма высокой. В этом контексте может трактоваться, к примеру, этика благоговения перед жизнью А. Швейцера. В социально-политическом аспекте такая позиция отстаивается некоторыми клерикальными кругами, представителями гуманитарной культуры и т. д.

Весьма примечательным является то, что практически отсутствует традиция, ставящая перед собой задачу раскрытия природы биологической жизни как самостоятельного и самоценного феномена, не сводимого ни к физико-химическим процессам, ни выступающим как выс-

[1] Тезисы выступления на философском факультете СПбГУ в начале 1990-х гг.

ший дар. Решить эту задачу призвана концепция биоцентризма. В общественных процессах такая позиция репрезентирована зеленым движением, во многом пантеистичном по своей природе.

Во втором случае жизнь мыслится как универсальное свойство разных разрядов существ — организмов: социальных, экономических, биологических, химических и т. д. Такая позиция квалифицируется как витацентризм.

В зависимости от исходной точки рефлексии доминирующая роль при этом может принадлежать методам и идеологии разных дисциплин. Так например, весьма популярная ныне синергетика исходит из термодинамических представлений физики, теория катастроф — из функционального анализа в математике, учение о ноосфере — из биогеохимии и т. д.

Так или иначе, для концепции витацентризма оказывается принципиальным различение жизни (и возможно обсуждение вопроса о ее источниках) и организма, предполагающее рассмотрение атрибутов и типологии последнего. На этом пути возможно формирование доктрин жизни, в которых человеку и обществу принадлежит весьма заметное или даже выделенное место (в тейярдизме, томизме, православной антропологии). При этом в противоположность биоцентризму витацентризм учитывает специфику разных разрядов жизни. В случае установления определенных форм координации разных разрядов жизни могут возникать определенные его разновидности (например, теоцентризм при полагании Бога источником жизни).

СТАТУС СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ[1]

Рассмотрение эмпирической реальности позволяет выделить четыре сферы специфичности, различающиеся характером бытования. Дискурсивное обоснование различения этих сфер наталкивается на определенные трудности, однако эротическия практика разных народов без труда их дифференцирует. При этом освоение этих сфер связано с разными типами ментальной активности (см. табл. 4).

Таблица 4

Типы ментальной активности

Сфера бытия	**Физико-химическое**	**Биологическое**	**Душевное**	**Духовное**
Форма постижения	науки	учения	дисциплины	религии
Воспроизводимость	универсальная	типологическая	статусная	чудо

Соотношение этих сфер по-разному трактуется в разных традициях, однако каждая из правее расположенных в таблице сфер требует наличия расположенных левее, выступающих как субстрат, на котором она реализуется. Социального бытия среди означенных сфер нет.

В указанных сферах существуют единичные образования, их малые ансамбли и массовые структуры. В малых ансамблях проявляется феноменология правее (по сравнению с соответствующими единичными образованиями) расположенных сфер, в массовых структурах — левее (см. рис. 4, с. 431)).

Проявление феноменологии указанных типов и является основанием различения малых ансамблей и массовых структур. Таким образом, число единичных образований в массовых ансамблях (например, зрителей, расположенных на однотипных скамьях в маленьком зале) может

[1] Тезисы выступления 25 октября 1993 г. на конференции «Социальное бытие. Человеческое бытие». Впервые опубликовано: Статус социального бытия//Конференция «Социальное бытие. Человеческое бытие» СПб.: СПБГУ, 1993. С. 10–13.

оказаться даже меньшим, чем число этих образований в малых ансамблях (например, зрителей в большом театре с ложами).

Тем самым малые ансамбли можно соотнести с ферми-ансамблями элементарных частиц, а массовые структуры, в которых отдельные образования теряют свою индивидуальность, — с бозе-конденсатами. Итак, в малых ансамблях имеет место дополнительная (к витальности, присущей единичным образованиям) витализация, массовым же структурам свойствен некротизм[1].

При этом порождаются вторичные (третичные) формы проявления более некротизированной сферы специфичности (например, статистические процессы в обществе, имея психическую природу, выступают как третично физические).

Человеческое бытие охватывает все четыре сферы специфичности. Более того, редукция одной из сфер ставит под сомнение то, что мы имеем дело с человеком (это может быть труп, робот, ангел и т. д.). Разные люди, реализуя себя в разной степени, актуализируют каждую из областей специфичности и тем более, в разной степени включаясь преимущественно в малые ансамбли или массовые структуры, в разной степени витализированы (некротизированы).

Социальное бытие (в широком смысле) оказывается неоднородным.

Прежде всего можно говорить о социальности человеческого и нечеловеческого типа. Последняя является предметом этологических исследований в зоологии. В обоих случаях социальность реализуется на биопсихических субстратах. Однако можно говорить о двух типах такой социальности.

С одной стороны, в малых ансамблях — дружеских компаниях, семье, брачных парах, вообще, малых неформальных группах, — налицо значительная витализация. Эта сфера обычно относится к социальной психологии малых групп. Решая задачи инвентаризации феноменологии, в каких-то ситуациях эту область можно отнести к сфере социального бытия. Однако по сути эта сфера глубоко противоположна социальной реальности.

Собственно же социальными представляется целесообразным именовать те образования, которые являются массовыми и представлены массовыми структурами. Тогда некротизм, так хорошо знакомый по ситуациям гиперсоциализации, выступает как имманентное свойство социального бытия.

---

[1] Вопрос об источниках витальности и некротизма здесь не рассматривается, хотя и относится к числу фундаментальных для культуры. Развиваемый подход хорошо согласуется с одним из ответов на него.

Последнее же в массовых структурах явственно приобретает атрибуты третичных физических процессов, что приводит к редукции человека к некоторым функциям. Психика и биология человека, равно как и его определенность как физического тела, исчезают, «преодолеваются», замещаясь некоторыми параметрическими конструкциями.

Так, вся биология сводится к потребностям в продуктах питания или даже питательным веществам (занимая место блюд как человеческой формы употребления пищи), демографически релевантным формам реализации репродуктивной функции и трактовке человека как агента распространения эпидемий.

Психическая природа человека лишается индивидуальных особенностей и сводиться к формам коллективного бессознательного. Последнее же по жесткой однозначности своего функционирования вполне сопоставимо с физической детерминацией процессов в неживых объектах.

В итоге социальные нормы окостеневают до уровня законов природы, когда рекомендуется воспринимать социальную жизнь как нечто данное, такое же, как смена дня и ночи, а социальная реальность в результате превращается в часть вторичной (и даже третичной) физико-химической реальности. От выбора, неопределенности, свойственных биологическому и психическому бытию, не остается и следа, так же как и от духовной свободы, явственно присутствующей в малых ансамблях людей, наделенных душой с ее полноценной жизнью.

Таким образом, социальное бытие выступает как некротизированный эпифеномен (а не самостоятельная сфера специфичности, обладающая собственным эросом) психобиологической жизни животных и человека, реализуемой в массовых структурах. Человеческое же бытие охватывает все сферы специфичности, причем включает в себя как некротизированные, так и витализированные варианты их реализации.

ОБРАЗ МНОГОУКЛАДНОСТИ ХОЗЯЙСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ БЫВШЕГО СССР[1]

Настоящая работа имеет несколько самостоятельных измерений.

Прежде всего это некоторое этносемантическое исследование определенного семантического поля, а именно базовой экономической терминологии, имеющей хождение на территории бывшего СССР.

Во-вторых, это один из подходов к рефлексии общественно-экономической ситуации, сложившейся на территории бывшего СССР. Последний можно выделять как единую геополитическую общность в качестве проблемного региона, на территории которого разыгрываются коллизии, свойственные посткоммунистическому пространству. При этом надо отметить, что сущность протекающих процессов крайне трудно осознать как находясь в пределах этого региона (вследствие включенности, сложности взглянуть на ситуацию со стороны), так и со стороны (прежде всего вследствие незнания менталитета населения, непонимания мотиваций социально-экономической и общественно-политической активности, которые в западном сознании в достаточной степени эмансипированы друг от друга).

---

[1] Текст написан в первой половине 90-х гг.в связи с работой Философского семинара Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина. В его основу положены разработки Семинара по фантоматике (Поэтике бригадного подряда), работавшего в начале 80-х гг. в Финансово-экономическом институте (СПб.). В нем использована одна из матриц, созданных по инициативе А. В. Гогина и получивших по времени создания название «новогодних» (построенных с использованием оси сакральное — секулярное — обыденное — функциональное — информационное). О веерных матрицах см. *Кордонский С. Г., Чебанов С. В.* Веерные матрицы как модель представления данных//*Чебанов С. В.* Собр. соч. Т. 1. Вильнюс, 1996. Другая публикация, отражающая работу Семинара: *Слободской А. Л.* Экономическое поведение: социально-психологическое обоснование теоретической типологии. СПб., 1994. Настоящий текст был предложен ранее для печати и опубликован со значительными сокращениями и без матрицы: О бытийной укорененности разных секторов многоукладной экономики//Научная конференция «Социальная философия и философия истории: открытое общество и культура» СПб., 25–26 октября 1994 г. Отв. ред. К. С. Пигров. СПб.: СПбГУ, 1994. Ч. 1. С. 101–104. В настоящем издании публикуется в новой редакции (1998 г.).

В-третьих, это опыт анализа многоукладности, основанный на представлении о том, что ни одна моноукладная экономическая структура не является жизнеспособной; последняя же обеспечивается именно тем, что всегда существуют параллельные экономические структуры, которые и обеспечивают жизнеспособность экономики в маргинальных ситуациях. Обычно же подобные структуры либо игнорируются, либо объявляются нелегитимными.

Наконец, этот текст представляет собой изложение некоторого методологического подхода, основанного на применении веерных матриц, которые неоднократно появляются в разнообразных исследованиях разных специалистов, но до сих пор остаются не описанными систематически.

Отправной точкой работы является представление о хозяйственной деятельности как особой форме активности человека в мире, преобразующей этот мир с целью обеспечения возможности отправления культурно-нормативных форм жизни. Подобное представление о хозяйстве лежит в русле разработок представлений о хозяйстве отца Сергея Булгакова («Философия хозяйства»).

Под хозяйственной деятельностью понимается такое преобразование мира, которое делает его пригодным для человеческой жизни. Последняя может пониматься по-разному в зависимости от культурно-ценностной ориентации людей или их групп.

Такие ориентации будут различаться прежде всего по тому, какие пласты бытия выступают как маркированные. При этом к соответствующему слою бытия может быть как адекватное отношение, так и отношение из любой другой неподобающей позиции, основанной на ориентации на другой слой бытия.

Таких слоев бытия будет различаться пять:

— сакральный;
— секуляризованный;
— обыденный;
— функциональный;
— информационный.

1. Сакральный слой — абсолютно целостен. Любое действие распространяется при этом на все области жизни. При этом мир выглядит как абсолютная целостность, в которой должны быть замкнуты все причины и следствия, включая проявление отдаленных и побочных последствий. Так, сон, поедание пищи, дыхание могут трактоваться как способ соединения с Богом, космосом, конкретный физиологический акт, привычное, социально нормируемое действие и т. д.

2. Секулярный слой существует как свое иное сакрального. Тем не менее он выступает как нечто относительно самостоятельное, противо-

поставленное сакральному. В силу последнего он с неизбежностью охватывает преимущественно фиксирующе-конструктивные компоненты мира, дает преимущественно инструктивную ориентацию деятельности.

3. Обыденный слой — привычная область активности обыденного сознания. При этом прежде всего решаются стандартные повседневные задачи, оптимизация деятельности носит сугубо локальный характер. Все отдаленные и побочные последствия проявляются не только как что-то непредсказуемое, но и принципиально неожиданное, вплоть до наделения этих представлений статусом чуда или происков злых сил.

4. Функциональный слой отличается одномерностью, однако именно благодаря этому допускает большую степень детализации и инструментализации. Обычно при этом используется принцип экстремизации эффекта, однако его использование носит только локальный характер. Вместе с тем функциональность характеризует и глобальные образования (например, глобальное рассмотрение теплового баланса Земли или переход от промышленного капитализма к финансовому).

5. Информационный слой базируется на соответствии принятому стандарту текущей активности. Решающим фактором оказывается информационная согласованность.

При рассмотрении этих пластов необходимо иметь в виду заданные интенции, а не ориентироваться на их названия. Так, совершенные информационные системы, удовлетворительно обеспечивающие потребителей, относятся к функциональному, а не к информационному слою.

Разные способы организации общественной и экономической жизни ориентированы преимущественно на один из рассмотренных пластов бытия.

Так, теократически ориентированные общественные системы — племенные, феодальные — имеют явную сакральную ориентацию.

Возрождение представляет собой победу секулярных ориентаций.

Новое время (до первой половины XIX в.) в большой мере было ориентировано на обыденное сознание. На русской почве носителями такой идеологии были кулаки и часть нового купечества.

На функциональный подход ориентирован развитый капитализм. Видимо, функциональный подход чужд широким слоям российских масс и народа.

Коммунизм ориентирован на информационный пласт, для которого существенна ориентация на показатели — обмен специфическими знаками социальной адекватности. Социальная демагогия коммунизма внедряется и в постиндустриальное общество, в котором становится заметным информационный пласт.

Информационный пласт, как содержащий образ всего мира — может имитировать сакральный пласт, так что коммунистические общества имеют тенденцию к псевдосакрализации. В России этот тип социального мышления оказался весьма устойчивым ввиду того, что для российского национального менталитета свойственна ориентация на сакральный пласт бытия. Создание организаций с фирменным стилем и сильной социальной защитой своих служащих порождает псевдосекулярную организацию.

Как представляется, особенности нынешней общественно-экономической ситуации в России определяются тем, что в ней имеет место столкновение разных моделей экономического поведения, которые, в свою очередь, отражают разные типы экономической деятельности. Таким образом, с одной стороны, имеет место существование многоукладной экономики, а с другой — многообразие способов отображения этой многоукладности в сознании субъектов экономической деятельности.

Указанная многоукладность экономики и многообразие способов ее осознания может представляться разными способами — через описание эмпирических групп субъектов экономической деятельности, выявление типов экономического сознания путем анкетирования, политико-экономическим анализом типов собственности и т. д.

С этой же целью предлагается анализ многоукладности с точки зрения бытийной укорененности ценностных ориентаций

В каждом из слоев бытия возможны аналогичные пять типов отношений, суть которых можно представить с помощью веерных матриц (ВМ), которые неоднократно появляются в исследованиях разных специалистов — С. Г. Кордонского, А. Милько, но до сих пор остаются систематически не описанными.

Для описания ситуации используется упорядоченный ряд понятий, который таким образом образует некоторую ось. Далее рассматривается другой ряд понятий, практически тождественный первому, но в котором реалии первого ряда фигурируют в несколько ином аспекте. В вырожденных случаях возможно и полное тождество рядов (например, таблицы взаимодействия положительных и отрицательных электрических зарядов).

Так или иначе, но между элементами рядов и рядами в целом могут быть установлены некоторые однозначные соответствия, что дает основание трактовать две (или более) рассматриваемые оси как разные экземпляры одной и той же оси.

Далее же эти оси рассматриваются как ортогональные и описывается пространство логически возможных отношений между компонентами осей. При этом свойства элементов главной диагонали оказываются

наиболее показательными, характеристическими, в определенном смысле наиболее правильными, а недиагональные элементы — незаконными, неправильными, нехарактерными.

Такое построение позволяет таким образом рассматривать все пространство логических возможностей отношений, восполнив те, которые еще не известны в эмпирическом материале, и компактно представить в матричной форме те, которые известны. Частным примером таких ВМ является какой-либо аспект бытия и соответствующее отношение к нему.

В таком случае мера удаления элементов от диагонали будет соответствовать степени деструктивности, неестественности подобного отношения. Наиболее удаленные элементы, являющиеся концами побочной диагонали, оказываются при этом сходными по степени своей разрушенности, что дает основания соединить концы вместе, т. е. как бы скатать матрицу в трубку вдоль главной оси.

Главная ось — это ось «овнешнения», функционализации, автоматизации. Однако при этом интенсивная деятельность по семантизации крайне овнешненного элемента матрицы открывает возможность для своего актуального смыслонаполнения, т. е. имеет место некоторое сближение противоположных концов главной диагонали, а матрица тогда сворачивается в тор. На поверхности тора и можно адекватно представить рассматриваемые реалии.

Вводя как бы новые экземпляры оси ВМ, можно увеличивать размерность пространства, в котором рассматриваются матрицы. Сама же матрица разворачивается при этом в еще одно измерение. Это и дает основание называть такие матрицы веерными.

При этом, помимо того что может поменяться размерность матрицы, каждая ось в отдельности может рассматриваться с разной степенью дробности. Это будет приводить к перераспределению смыслов по узлам. Матрицы, однако, будут сохранять общую структуру. Благодаря этому каждая клетка такой матрицы может быть развернута в самостоятельную матрицу, а вся матрица в целом свернута в одну клетку какой-то более обобщенной матрицы.

Таким образом, ВМ обладают свойством фрактальности, а точнее, коль речь идет не о сохранении какой-то количественной характеристики, а о сохранении структуры, об автомодельности — повторении единого принципа организации в разных масштабах.

Наряду с диагоналями простой и наглядный смысл, выраженный в их названиях, имеют и строки, и столбцы таких матриц, представляя обычно типологический ряд объектов одной природы и спектры возможных отношений к ним.

Из сказанного выше следует, что столбцы, строки и диагонали ВМ могут заполняться независимо, но должны совпадать. В этом коренится мощный потенциал автокоррекции подобных матричных построений.

Этот способ анализа и использован для различения 25 базовых типов практик. Каждый тип таких практик представлен в том числе и определенной моделью экономической активности с одной стороны, и типов аналитико-рефлексивной деятельности — с другой.

В каждом из пластов бытия возможны аналогичные пять типов отношений, что порождает 25 базовых типов практик.

Одним из компонентов хозяйственной практики является способ расплаты, который в разных слоях бытия можно представить в виде ВМ.

Для конкретизации этого положения рассмотрим типы поведения людей, действующих в определенном типе экономики и расплачивающихся друг с другом определенным образом (табл. 5).

Ныне в России представлены все перечисленные 25 типов экономического поведения, причем некоторые из них формируются вновь, будучи практически забытыми (например, рыночные структуры), некоторые наполняются новым содержанием (например, экономия) и поэтому получают широкое распространение, однако иногда чисто декларативное.

Поэтому становится актуальным не только рассмотрение этих типов экономического поведения, но и рассмотрение того, какие типы экономической идеологии функционируют в обществе. Это будут прежде всего 5 способов (от сакрального до информационного) рефлексии выделенных 25 способов экономического поведения, т. е. 125 типов чистой экономической идеологии. Те или иные лица (физические или юридические), действующие на рынке, могут одновременно быть носителями разных экономических идеологий, так что картина их мотиваций и поведения будет весьма сложной.

Данное исследование семантического поля базовой экономической терминологии, характерной для национального менталитета, является одним из средств рефлексии общественно-экономической ситуации бывшего СССР как проблемного посткоммунистического региона.

При этом обнаруживается, что ни один моноукладный тип хозяйства не обладает жизнеспособностью. Последняя же обеспечивается тем, что сосуществуют параллельные хозяйственные структуры, которые и обеспечивают жизнеспособность экономики в маргинальных ситуациях. Однако подобные структуры либо игнорируются, либо объявляются нелегитимными.

Таблица 5

Типы экономического поведения людей

ось функционализации

		Типы экономики				
		Сакральная	***Секулярная***	***Обыденная***	***Функциональная***	***Информационная***
		икономия	цех фирма	хозяйство базар	экономика рынок	показательная экономика
Форма расплаты	***Жизнью***	жизнь	мафия	порабощение	эксплуатация	геноцид
	Служением	ритуал	натуральный расчет	радение	идолизация	фетишизация
	Услугами	обряд	обслуживание	золотые деньги	удовлетворение потребностей	поддержание системы («винтик»)
	Товаром	продажность	транжирение	обязанности	ассигнации	распределитель, соглашение на вымогательство
	Показа- телями	профанация	имитация	обман	бизнес	обещания

ось деструкции

К КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛЮБВИ[1]

1. Российская ментальность ныне (как, впрочем, и в прошлом) не готова к обсуждению всего спектра проявлений любви, в особенности любви половой. Одна из причин этого — отсутствие подходящего категориального аппарата.

2. Любовь выступает как средство восстановления гармонии целостности через обращение к другому (Богу, человеку, вещи).

3. Различается два типа гармоний — гомеопатические подобных составляющих и гетеро- (=алло-)патические разнородных компонентов.

4. Традиционно различается агапическая, филейная и эротическая любовь (ср. кохание и любовь в украинском, жалеть и любить в русских диалектах).

5. Агапическая любовь ведет к наибольшей полноте целостности, но трудно достижима для конечного (падшего) существа, требует от него движения, не совпадающего по направлению со спонтанным, универсальна и проявляется в гомеопатических и гетеропатических гармониях.

6. Филейная любовь либо гомеопатична и проявляется в притяжении по подобию, либо гетеропатична, когда любящие комплементарно дополняют друг друга, но всегда избирательна, причем в зависимости от степени дифференцированности либо типологизирована (комплементарны любые представители определенных типов), либо индивидуализирована. При этом притяжение по подобию или комплементарности является источником энергии для поддержания такой целостности.

7. Эротичная любовь всегда гетеропатична, может быть как типологичной, так и индивидуализированной и обладает высокой спонтанной энергией (см. трактовку половой энергии у З. Фрейда).

8. Агапическая любовь является основой духовного единства людей, филейная служит базой дружбы, эротическая — похоти как стремления к восстановлению Андрогина. Соединение агапической и филейной любви порождает общину, братство, агапической и эротической — брак, эротической и филейной — романтическую половую любовь. Соединяются все виды любви в семье.

---

[1] Тезисы доклада на конференции «Любовь небесная, любовь земная» 06.03.1995, философский факультет СПБГУ. Планируется издание трудов конференции.

9. Духовная, агапическая любовь выводит человека за пределы повседневной социальной жизни, и поэтому общество часто забывает о ней, а тоталитарные режимы ее угнетают. Эротическая любовь, спонтанно владея человеком, также выводит его из-под социального контроля. Филейная же любовь в наибольшей мере культивируется как социальная ценность (ср. пропаганду единства людей, дружбы как проявления филейной любви при тоталитаризме, обращение «товарищ» и т. д.).

10. Эротическая любовь связана с половой принадлежностью как крайним проявлением типологической определенности. При этом пол — такое квазитипологическое различие, которое пронизывает все сферы мироздания. Для пола характерно то, что отсутствует его нулевое состояние, так что при уменьшении половых различий до значения меньшего, чем критическое, происходит не их стирание, а инверсия половой определенности.

11. В человеческом индивиде независимо встречаются разные компоненты, обладающие половой определенностью (генетические, анатомические, физиологические, психические, культурные, социальные и т. д.). При этом социокультурные механизмы обеспечивают то, что при совпадении критического для данной культуры набора компонентов половой определенности в одном человеке остальные компоненты корректируются так, чтобы индивид обладал одним фиксированным полом. Степень половой определенности детерминируется культурными нормативами.

12. Жесткий, брутальный тип социальной жизни предполагает контрастную и разностороннюю детерминацию половой определенности (ср. ее большую выраженность среди «новых русских»), что в пределе ведет к возникновению малопонятных друг другу мужской и женской субкультур. В таком случае общество скрепляется преимущественно гетеропатическими гармониями, на фоне которых может проявляться филейная и агапическая любовь.

13. Ослабление напряженности социальной жизни позволяет допустить более размытые нормативы половой определенности, так что в условиях избыточности и пресыщенности половые различия во многом могут стираться (что не исключает напряженности сексуальных отношений). Тогда, во-первых, частыми становятся инверсии и девиантные формы полового поведения, а во-вторых, человеческие отношения начинают нормативно регулироваться идеалами филейной и даже агапической любви, что воспринимается как актуализация общечеловеческих ценностей.

14. В экстремальных условиях стирается половая определенность, разрушаются все типы любви, но последовательность их деструкции зависит от ценностных ориентаций личности.

15. В соответствии с тем, какой тип половой определенности существует в обществе, между супругами в семье могут быть разные отношения. В умеренно брутальном обществе это преимущественно эротические отношения на фоне неосознаваемой агапической любви при слабости филейной связи, что может проявляться, к примеру, в практически полной непроницаемости границы мужской и женской половин дома. В мягких социальных условиях филейная любовь в семье является тем фоном дружбы, на котором эпизодически появляются эротические отношения, и т. д.

16. Любовь во всех своих видах является предметом эстетизации и вовлекается в сферу искусства. При этом ввиду ее спонтанной энергичности особые проблемы возникают с эстетизацией любви эротической, которая допускает несколько ступеней профанации.

17. Для эротического искусства принципиальна половая определенность персонажа. При этом телесно-генитальная проявленность пола заслоняется одеждой и одеяниями социального амплуа, так что предметом эстетизации является напряженность постоянно существующей эротической определенности.

18. Для сексуального искусства предметом эстетизации является сфера телесного (включая генитальное) взаимодействия, при котором эротическая определенность личности, прежде всего психическая, растворяется в моменты чувственного напряжения телесного контакта. При этом для того, чтобы стать предметом искусства, такое взаимодействие нужно подать так, чтобы вынуждать реципиента осуществлять эстетическую рефлексию изображаемого, выводя его за пределы сферы этого взаимодействия.

19. Если же реципиент оказывается включен в ситуацию, речь идет о порнографии. Последняя изображает лишь следы эротической любви и практически лишена филейной и агапической.

20. Порнография, как и блуд, сохраняет эротическую энергетику и поэтому может, с одной стороны, помочь пережить отчаяние или дать толчок к обнаружению любви агапической, а с другой — при распаде тоталитарных, коммунистических режимов разнузданная сексуальность, граничащая с порнографией, является средством демократизации социума и маркером одной из ее стадий.

НЕФИЛОСОФСКИЕ ФОРМЫ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ[1]

1. В обыденном сознании, нефилософской профессиональной деятельности, в бытовом поведении философов-профессионалов некоторые формы речемыследеятельности квалифицируются с помощью естественного нетерминологизированного языка как философия, или философствование.

Во всех этих случаях речь идет о ситуациях, когда «философствующая» личность:

— имеет развитую, значительно более дифференцированную, чем у остальных окружающих, понятийную сеть и успешно оперирует с ней, т. е. обладает эпистемическим сознанием;

— обращается к таким областям, которые, по мнению окружающих, не имеют опоры в эмпирическом референтном мире.

Представляется, что действительно для обозначения таких форм деятельности можно использовать термин «философствование», притом, что философствование может иметь разную степень социальной значимости и внутреннего совершенства.

2. Для определения нефилософского философствования целесообразно определить философствование философское — философию.

Это определение основывается на принятии представления о сфере Парменида, гераклитовском образе реки, кантовского различения рассудка и разума, гегелевской логики и вообще в большой мере немецкой классической философии как образцов собственно философии.

Тогда философию можно охарактеризовать следующим образом.

3. Во-первых, философия не имеет своей эмпирической базы. Такое отсутствие эмпирической базы придает ей априорность (что не означает беспредпосылочность философии, причем именно различие предпосылок определяет многообразие философии и философствования).

Внеэмпиричность философии позволяет ей восполнять пробелы в эмпирически фундированных представлениях (например, познаватель-

---

[1] Тезисы выступления ко Вторым международным философско-культурологическим чтениям «Парадигмы философствования» Санкт-Петербург: 10–15 августа 1995 г. Опубликовано: Нефилософские формы философствования//Парадигмы философствования. СПб.: Эйдос, 1995. С. 68–78.

ных), поскольку то, что эмпирически фундировано, — всегда фрагментарно, неполно, философия же может быть важным источником целостности. Но в этом ее опасность — она порой подменяет собой то, что может быть дано в эмпирии. Тогда возникает коллизия согласования эмпирически данного и философски необходимого, которая может решаться по-разному (эмпиризм игнорирует доводы философии, рационализм — эмпирию, возможно постулирование необходимости их согласования и т. д. — см. п. 18).

Критерий внеэмпиричности побуждает исключить из философии богословие, проблематизировать предмет религиозной философии и т. д., поскольку религиозное сознание ориентировано на эмпиризм, но эмпиризм иной, эмпиризм духовного опыта.

Кроме того, критерий внеэмпиричности требует исключения из сферы философии метанаук, методологии и других подобных концептуализаций, имеющих хотя бы опосредованную эмпирическую базу (см. п. 14–17; ср. сократовский тезис о том, что он пуст).

4. По отсутствию/присутствию эмпирической фундированности сопоставимых по сложности эпистемических построений философию можно противопоставить любомудрию — эмпирической мудрости, которая характерна, к примеру, для софиологии, русской традиции философствования или «философии жизни». При этом роли философа противопоставляется роль мудреца.

В зависимости от предметной специфики эмпирической базы любомудрие может касаться преимущественно природы и тогда заниматься построением космологий или обществом и человеком, порождая социальные или антропологические учения («социальную философию» или «философскую антропологию»).

Особые сферы любомудрия связаны с ненаивными пластами эмпирии. Один из них — постигаемый через откровение духовный мир, является эмпирической базой богословия, другой — платонов мир, постигаемый особыми аскетическими практиками. Такие формы любомудрия будут обозначаться как метафизика. Если достаточно объестествить аристотелевский образ ума как органа чувств для восприятия формы, то вообще практически все философствование придется признать метафизикой (ср. 24).

5. Для философии характерна опора на рационализм. В принципе, нет запретов на то, чтобы философия была построена на других основаниях (эмоциональном, эмпатическом, деятельностном), хотя некоторая предрасположенность философии к рационализму (это видно на примере европейской философии) определяется тем, что именно на его основе легче строить развитые эпистемы.

Однако, используя пиктограммы, музыку, танец, скульптуру (подобную статуям будды, соотносимым с определенными сутрами), архитектуру, можно выражать и эпистемы нерационального типа.

Квалифицировать ли их как нерациональные формы философии или как нефилософский тип философствования — вопрос конвенции, однако в любом случае они будут презентироваться явно не деревом, а ризомом (в смысле Делеза).

Маркированность философии как рационального философствования определяется ее выделенным социально-психологическим статусом. Эталоны философии были порождены в Греции с ее ценностями гражданского общества и главной из них — личностью. Разум же является таким средством философствования, которое позволяет:

— замкнуть философствование внутри индивида, обеспечить его самодостаточность (ср. традицию именования философий по именам их создателей) и

— сделать результаты этого философствования общезначимыми, с необходимостью принимания их другими личностями.

В итоге философия, являющаяся результатом индивидуального творчества, получает статус бытийной аподиктической общезначимости для тех, кто принимает ее исходные постулаты.

Такой статус философии и определяет ее несовместимость с эмпирической фундированностью.

6. Итак, философия в строгом смысле слова — эмпирически нефундированная эпистема, выполненная индивидом — субъектом гражданского общества с помощью только рациональных средств, что придает ей аподиктическую общезначимость.

Очевидно, что так понимаемая философия — очень редкий феномен греко-новоевропейской культуры, практически не имеющий аналогов в других культурах.

При этом философии действительно свойственны приписываемые ей профаническим сознанием черты — развитая эпистемичность и эмпирическая нефундированность.

Нефилософские формы философствования характеризуются развитой эпистемичностью, сложными взаимоотношениями с эмпирической фундированностью, разным социально-психологическим статусом и некоторыми дополнительными отличительными чертами.

7. Очень распространенной формой философствования является идеология, отличающаяся тем, что в тело этой формы философствования включаются ценности и оценки. Идеология может быть как философской, так и любомудрской, в том числе религиозной, метанаучной или научной. Поскольку ценности не могут быть порождены в чисто

рациональной технике, идеология включает в себя эмоциональные, эмпатические, деятельностные компоненты, что придает ей черты ризома.

Включение в идеологический дискурс эмоциональных, волевых и других компонентов входит в конфликт с чисто философским или любомудрским дискурсом, что может как обесценить (например, внося агрессивные интенции как способ реагирования на эмоциональные травмы), так и обогатить (например, введением нравственных ограничений) его. Однако рефлексия и коррекция элементов такого дискурса — задача нетривиальная и малотехнологизированная в новоевропейской традиции (но известная, например, по «Добротолюбию» или «Абхидхарме»).

8. Для идеологии характерна ориентация на коллективное сознание и в особенности на коллективное (групповое) бессознательное. Поэтому идеолог органически противопоставлен философу, причем если допустима безадресная философия, то безадресная идеология бессмысленна.

Характерный пример смешения этих двух модусов философствования — рассуждения о классовых истоках философии. Примером же такого философствования является русская «философия» соборности, основанная на незначимости идеи индивидуальной личности в русском менталитете, развитости коллективного бессознательного и его интерпретации как позитивной ценности. Для общественных образований восточного типа обычно подобное развитие коллективного бессознательного и соответственно распространенность идеологий при отсутствии философии.

Идеология, апеллирующая к коллективному сознанию/бессознательному, придает общезначимость суждениям как особым социальным нормативам, не выводя их из каких-либо предпосылок и не выявляя в эмпирии, а конструируя и назначая.

9. Развитая эпистемичность, воспринимаемая обыденным сознанием как «философичность», может быть свойственна и явно эмпирически фундированным областям деятельности.

Начать их рассмотрение следует с обыденного сознания, которое своей эмпирической фундированностью и задает идеал нефилософичности. Для него свойственно обращение к эмпирии практически в любой точке сколько-либо неэмпирического дискурса, причем каких-либо специальных правил обращения к эмпирии не существует. При этом неэмпирический дискурс может иметь пунктирный характер. Таково мироощущение. Более развитые его формы порождают мировоззрение, которое, будучи отрефлексировано, предстает как картина мира.

Тем не менее подобный гетерогенный дискурс может обретать черты эпистемичности, складываясь в мифологическое сознание и приобретая рафинированную форму в мифологической картине мира. При развитой эпистемичности мифология как тип философствования противостоит собственно философии именно своей эмпирической фундированностью, которая приобретает особое значение в Новое время в концепции позитивного знания.

10. В большинстве инструментов науки — в эмпирических данных, представленных в разных формах (эмпирических обобщениях, операциональных правилах, алгоритмах и т. д.), — эпистемичность не очевидна, а эмпирическая фундированность налицо. В идеале все такие построения должны иметь характер индуктивных обобщений, обладающих индуктивной общезначимостью.

Тем не менее в основе конструкции этих инструментов лежат в высшей степени спекулятивные, порой принципиально эмпирически не фундируемые или фундируемые весьма нетривиально положения, понятные лишь небольшому числу ученых.

Более того, такие инструменты создавались на основе именно мировоззренческих предпосылок, порой находящихся в прямом противоречии с принципом эмпирической фундированности (Галилей) и по своему статусу очень близких к философии. При этом особой проблемой является характер соотнесения эмпирии и общих принципов науки (в этом зачаток ризомности преимущественно древовидных научных структур), отсутствие компетентности в которой превращает деятельность ученого в чисто мифологическую.

11. Некоторые теоретические построения в совокупности с индуктивными обобщениями; под видом последних ученые представляют научную картину мира как мифологическую по природе, которую по степени эпистемичности и нетривиальности эмпирической фундированности непрофессиональное философское сознание готово рассматривать как философствование. Создание такой «философии» — явная задача «философов»-позитивистов разных поколений.

12. В той мере, в какой деятельность позитивистов и позитивистски мыслящих исследователей адекватна поставленным ими задачам, их деятельность представляет собой работу по созданию частной или общей методологии науки, имеющей, как и всякая методология, нормативно-предписывающий характер.

13. В сферу методологии науки часто включается и проблематика, которую ныне все чаще и точнее начинают относить к области науковедения, истории, социологии и психологии научного творчества (ср. метаблетику, биоисторию), частенько также приписываемых к филосо-

фии науки. Однако все эти области имеют явную эмпирическую базу и при этом могут быть низко эпистемичны, но имеют дело с высокими степенями рефлексии эмпирии (см. п. 15).

14. На основании вышесказанного можно зафиксировать следующую структуру эмпирически фундированных форм деятельности:

а) Собственно научные построения — эпистемически неразвитые и явно эмпирически фундированные, но имплицитно содержащие сложные спекулятивные конструкции, в том числе и строго философские.

б) Общедисциплинарные построения (общая физика, общая химия, общая биология, общая психология и т. д.), содержащие эскиз соответствующей картины мира в ее онтологическом, гносеологическом и аксиологическом аспектах и в силу этого неизбежно философичные (в форме мифологизации).

в) Методологии конкретных дисциплин (физики, химии, биологии и т. д.).

г) Основания этих дисциплин, включая их историю, психологию, социологию и собственно философию (физики, химии…).

д) Метанауки — междисциплинарные построения типа кибернетики, системного подхода, методологии (не выделяя из нее историю, социологию и психологию науки), математики, логики, которые имеют эмпирическую базу в разных предметных областях, но связаны с эмпирией опосредованно, через результаты обобщения конкретных дисциплин.

15. Структура метанаук сходна с развитой эпистемичностью и тем самым напоминает философию. В них есть и ценности, что наделяет их идеологичностью.

Однако у метанаук есть эмпирическая база, что сближает их с любомудрием, в частности делает их компонентом научной картины мира. К тому же некоторым метанаукам свойственны черты ризомности. Кроме того, впечатление развитой эпистемичности и эмпирической нефундированности возникает вследствие того, что имеет место многоуровневая рефлексия эмпирии — эмпирические единицы заменяются спекулятивными, спекулятивные — теоретическими, теоретические конкретные дисциплины — конкретными междисциплинарными построениями, из которых создаются новые единицы, подлежащие исследованию, и т. д. При этом суммарный понятийный аппарат оказывается достаточно развитым, но на каждом уровне анализа он вырожден и не может претендовать на то, чтобы быть развитой эпистемой.

Таким образом, по сути междисциплинарные построения противостоят философии, хотя часто предметниками воспринимаются как философствование.

16. Несколько выделенное положение в ряду метанаук занимают основания математики и некоторые разделы логики (основания логик, деонтические логики, многозначные логики и т. д.), которые, по сути, переплетаются с философией.

17. В итоге в рамках введенных различений и с учетом нынешней дифференциации знания можно зафиксировать, что собственно философия — очень специализированная форма когнитивной деятельности, которая окружена сложно организованным ореолом сходных с ней или мимикрирующих под нее форм деятельности, некоторые из которых к тому же могут действительно занимать места, соответствующие в общественном сознании философии.

18. В результате взрыва дифференциации парафилософских дисциплин и развития специализированных позитивных, рефлексивных и методологических дисциплин в XX в. возникает ситуация крайней «зажатости» собственно философии в круге интеллектуальной деятельности.

В таком положении философ вынужден осуществить выбор между следующими возможностями:

а) вообще игнорировать сферу конкретного знания и философствовать безотносительно к нему (что демонстрировали казенные философы советского периода истории России);

б) находить специальные формы согласования философии и эмпирически фундированных дисциплин, простейшим из которых является согласование результатов философского и положительного научного постижения; при этом центральной проблемой оказывается процедура выявления этой согласованности философского и нефилософского знания (однако опыт показывает, что заключения философов, допускающие эмпирическую проверку, часто опровергаются учеными, так что, идя по этому пути, надо очень корректно очерчивать сферу компетенции философии);

в) принципиально игнорировать данные положительного знания, следуя тому, что «если факты противоречат истине, то тем хуже для фактов», тотально интерпретируя их как «кажимость» (на что, однако, хватает отваги мало у кого из современных философов).

В поле современного менталитета наиболее бесконфликтна такая философия, которая вообще не касается эмпирически верифицируемых или фальсифицируемых реалий.

19. Описанные обстоятельства и являются основанием высказываемого некоторыми мыслителями мнения о конце философии. Но в то же время происходят некоторые события, заставляющие посмотреть иначе на саму постановку традиционной проблематики философии.

20. Гуссерлевский метод феноменологической редукции очистил сознание от эмпирического содержания, сделав все конкретные интенциональные объекты предметом интерпретации как сферы нефилософской (конкретной, положительной) деятельности.

21. Гуссерлевское представление о жизненном мире, слоистости бытия Н. Гартмана естественным образом смыкаются с психологической типологией К. Юнга и позволяют говорить о типологии философствующего индивида. Таким образом, можно различать разные типы неэмпирической фундированности, разные типы априорности, свойственные представителям разных психологических типов.

22. Имея представление о разных типах философствующих личностей, можно обогащать эту типологию, рассматривая разные аспекты организации философствующего — культурные детерминативы его менталитета, профессиональные — имеющихся у него парадигм, нозологические — характерных психологических акцентуаций и т. д.

Так понимаемая философствующая личность действительно может реализовать нерациональные формы философствования («нерациональную философию» — ср. п. 5), причем представляются они в виде ризома.

Тогда оказывается непринципиальным, индивидуальная или групповая эта форма философствования, индивидуальный и коллективный субъекты оказываются равноправными (ср. п. 5, 8) и философствование легко может стать идеологичным.

23. Реализуя потенциал грамматики Пор-Рояля, логический позитивизм и Витгенштейн показали в XX в., что априорные категории философов в большой мере являются просто категориями языка. Различие философствования стало выступать как различие языковой компетенции. Развитие этнолингвистики, в частности этносемантики и этнометодологии, сделало эти структуры предметом изучения позитивных наук (языкознания и этнографии).

24. В итоге философ оказался обладающим сложной организацией — соматической, психической, культурной, личностной, языковой и т. д. Поэтому философ (как и продукты его деятельности) стал предметом исследования многих частных дисциплин — психологии, истории, культурологии, лингвистики, социологии и т. д. Эти дисциплины могут объяснять философствование и философию как его продукт научными средствами, рассматривая это философствование как определенный рисунок интеллектуальных процессов. Философ же, в том случае, если он философствует от собственного «Я», а не имитирует формы философского поведения, действительно извлекает из себя результаты неэмпирически добытого постижения, определяемого его собственной организованностью.

Таким образом, имеет место релятивизация области философии — то, что в интроспекции (что опять же превращает философию в метафизику) дано личности как философия, со стороны может выглядеть как иной тип философствования или вовсе не философская деятельность (ср. п. 4), причем в таком философствовании есть след соборной метафизики (ср. п. 8).

25. Организованность философа (как и всякой философствующей личности) позволяет выявить в его деятельности постоянно используемые им типы априорных конструкций — априорные рамки. Язык, психологический статус, менталитет, парадигмы и т. п. — важнейшие типы коллективных априорных рамок. Некоторые из таких рамок имеют строение ризома.

Априорные (а в силу этого и аподиктические) рамки формируются соматической организацией личности, нормативами культурного наследия, органической патийностью (сродством) личности к той или иной предметной области и т. д.

При этом априорность выступает как априорность по отношению к той области, в которой реализуется сознание философа. Однако эта реализация опирается на опыт, сформированный в других областях, и в этом отношении в определенном, своеобразном понимании можно говорить об апостериорности — но опосредованной — такого философствования, апостериорности, заключенной в априорных рамках.

Описание априорных рамок и создаваемых с их помощью конструкций и является областью философии. Традиционные для философии категории, категориальные конструкции, эпистемы и представляют собой фрагменты априорных рамок.

26. К числу априорных рамок относятся и априорные рамки отдельных дисциплин. Там, где они осознаются и описываются (например, в галилеевской или эйнштейновской механике, теоретической биологии), описание и исследование подобных рамок рассматриваются как сфера теоретического естествознания, хотя точнее эту область было бы квалифицировать как философию (в строгом смысле слова) данной области. Подобные конструкции непосредственно вовлечены в процесс эмпирического научного исследования (ср. п. 10).

27. Признание структурированности философа и существование разных типов такой структурализации, выявление многообразия априорных рамок и техник философии сохраняют представление об аподиктичности философии, но делают ее не общезначимой, а значимой для определенных типов личностей. Разные типы личностей при этом органически становятся приверженцами разных школ философии.

28. Описанный тип философии, как представляется, сохраняет эталон философии как особой формы деятельности, но ставит для нее очень жесткие ограничения. Особенно очевидными эти ограничения становятся на фоне практики, ведущую роль в которой играет не «гнозис», а «техне».

Таким образом, при сохранении своей природы философия ныне играет совершенно иную социальную роль, которая оказывается не сопоставимой с ролью, к примеру, идеологии (научной, религиозной, политической, национальной и т. д., философской, любомудрской или мифологичной).

Ожидать создания в такой ситуации великих философских систем (подобных системам Канта или Гегеля) представляется маловероятным. Однако это скорее свидетельство не упадка философии, а обретения ею своего подлинного места в культуре среди других форм философствования.

29. Наличие множества вышеописанных философий, имеющих при этом аподиктический характер, ставит проблему их соотнесения, объяснения их множественности и причин и характера различий, а также других средств интерпретации.

Возникает потребность метафилософии, которая обращалась бы уже к тому, над чем осуществлена феноменологическая редукция.

Роль такой метафилософии и берет на себя герменевтика, для которой значимыми являются не вопросы: «Что есть?» и «Как есть?», а «Почему представляется, что есть именно так?» Герменевтика смещает центр интереса с собственно философствования (в том числе и философии) на способ презентации результата философствования, создавая тем самым предпосылки для распространения логоцентризма.

30. Очевидно, что описанные современные формы существования философии носят явно постмодернистский характер. Нарочитая гетерогенность, вплоть до эклектичности, постмодернистского дискурса обесценивает идеал собственно философии, ставя ее в один ряд с остальными нефилософскими формами философствования (включая и метафилософию).

С другой стороны, и сама философия в ее современной форме оказывается наделенной постмодернистскими чертами — содержит ризомные образования, сложные нормативы спекулятивной деятельности, неявные критерии качества и т. д.

31. Как одно из направлений постмодернистского философствования может рассматриваться комплексность — развиваемая с конца 1970-х гг. в Санкт-Петербурге А. П. Сопиковым версия практической деятельности, в которой снимается противопоставление онтологии и

гносеологии, объекта и субъекта, причем последний замещается образом человека-комплексника, использующего разные типы своих психических способностей, а первые реконструируются из ситуативного сопряжения разных междисциплинарных картин описания (субстратной, структурной, энергетической и др.) и т. д.

Вместе с тем развитая эпистемичность и сложно опосредованное эмпирическое фундирование (через сращение теоретического тела и эмпирии в фокальных точках ризома) безусловно требуют квалификации комплексности как способа философствования, однако нефилософского (притом, что локально теоретическое пространство комплексности превращается в философское построение), что особенно очевидно ввиду присутствия явно ценностных конструкций, свойственных идеологии, опоры на опыт как в любомудрии и т. д.

32. Итак, следует зафиксировать относительную редкость собственно философии, погруженной в окружение множества не философских форм философствования — любомудрия, идеологии, духовидения, метафизики, мифологии, создания картин мира, методологии и других метанаук, рефлексии высоких порядков, герменевтики, комплексности и т. д., — каждая из которых организована по своим принципам, имеет собственные критерии совершенства и эталонные образцы реализации.

Смешение этих форм философствования обедняет культуру и профессиональную философскую деятельность за счет семантического коллапса тотальной синонимии, что в конечном счете не упрощает, а делает практически невозможным творческий обмен между разными формами неопределенного философствования.

* * *

Non-philosophical philosophizing

Let us call philosophizing our everyday understanding of the philosophy as the reasoning on various things without empirical foundations.

Then the philosophy is a standard of philosophizing established in Ancient Greece and practiced with rational means by a member of civil society. Any deviation of the said definition may be called non-philosophical philosophizing, and naturally there must be a diversity of non-philosophical forms of philosophizing. An apriori but irrational philosophizing has rather rhizomal shape, while classical philosophy is always a system and its shape is the tree.

A philosophizing founded on empirical basis may be called liubomudrie (Russian word meaning «philosophy enthusiasm»). In case of sacral experience we have spiritual practice, in case of philosophing on invisible Platonic

world we have metaphysics. Any form of philosophizing may be called ideology when including values; an ideology may be collective or individual.

Empirical foundedness of everyday philosophizing generates a picture of the world. The most integral of them is mythology; mythologized scientific picture of the world is less integral. The metasciences (methodology, mathematics, cybernetics, logic) have no own empirical basis, but their underlying disciplines have. Apparent philosophicity of some of them is determined not by their developed epistemicity, but merely by the high level of reflexion on the empirical.

At the time now, metascientific disciplines are diversified (methodology, psychology of creativity, metabletics, etc), and traditional philosophic problems turn out entered the domain of positive knowledge.

As a result, philosophy is now «circumpressed» by those empirically (true, indirectly) founded metasciences. Philosophical investigation appears as introspective revealing of apriori limits of comprehension, whereas they can be positively studied by the science, too. Revealing such limits for concrete disciplines is the subject of their philosophies. Philosopher himself is a component of the limits. Philosophers having sophisticated psychic and sociocultural (including linguistic) organization, there are a variety of philosophizing forms.

Different forms of philosophizing are compared by the hermeneutics as metaphilosophy.

As a result, we have a kind of rhizome-like and reminding Medieval Age post-modernist discourse, the complexness being an example of which.

ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ СМУТА ПОСТСОВЕТСКОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ[1]

В этом тексте предпринимается попытка постановки проблемы, которая, с одной стороны, очевидна, а с другой — сама ее постановка вызывает отторжение со стороны многих профессионалов, очевидно, ввиду их вовлеченности в описываемые процессы. Этот же текст — взгляд со стороны на философское сообщество с конца хрущеской оттепели до нынешней тоски по СССР. В нем мало персональных примеров, ибо речь идет о живущих или недавно ушедших.

I

1. Постсоветское философствование складывается из взаимодействия философии Серебряного века, казенной советской, русской зарубежной, диссидентской, западной XX в. философий. Возникли и новообразования.

2. Наиболее очевидная часть наследия СССР — казенная марксистско-ленинская философия (МЛФ), но подлинное ее положение проблематично.

3. Неясен вопрос о самотождественности МЛФ. Маркс полагал, что с ним философия заканчивается. Философствование мыслилось как критика философий, как это имело место и у Ленина. Критика, пришедшая из немецкой философии как метод, оказалась недостаточна в СССР, когда потребовалась апологетика и была создана МЛФ. История ее создания — самостоятельная задача.

4. Если принимать предреволюционную ленинскую трактовку ревизионизма, то обнаруживается, что все этапы либерализации в СССР с середины 50-х гг. и в странах соцлагеря сопряжены с очередными уступ-

---

[1] Подготовлено ко Вторым международным философско-культурологическим чтениям «Парадигмы философствования» (см. предыдущее примечание). Впоследствии предлагалось примерно в десяток российских изданий. Везде было отвергнуто. Опубликовано Л. Н. Столовичем: Радуга (Таллинн). 1996. №. 1. С. 99–108. Вводные замечания неполны — кроме двоюродного деда, который учился в Юрьевском университете, его профессором истории был прадед — Иван Иванович Лаппо (старший).

ками ревизионизму[1]. При этом очевидная с 70-х гг. необходимость демонтажа социалистической системы наталкивалась на идеологическую необеспеченность, на то, как легализовать отказ от коммунистической идеологии. Брежневский ревизионизм размыл МЛФ, ревизионизм Горбачева решил проблему, провозгласив приоритет общечеловеческих ценностей под натиском проблем технологии и экологии (последние марксизм увязывал с проблематикой феодализма, с объявлением крестьян буржуазией и неприятием экологически гармоничного сельского расселения как порождающего «идиотизм деревенской жизни» и препятствующего классовой борьбе низкой плотностью пролетариата).

5. «Сделанность» МЛФ на скорую руку проявилась в наличии в ней неувязок. Так, трактовка материи как субстанции оказывается несовместимой с законами диалектики (материя должна переставать быть субстанцией), что привело к положению о применимости диалектики к любому фрагменту мира, но не к миру в целом. Подобным образом в марксизме рассматриваются длинные цепочки отношений форма–содержание (например, в теории цены и стоимости), хотя утверждается, что это приводит к бессодержательным формам.

Противоречия порой изящно снимались, но их роль в доктрине в целом не исследуется (например, категория снятия при рассмотрении превращения форм движения материи), что важно для оценки потенциала МЛФ не как идеологии, а как варианта научного неогегельянства.

6. МЛФ — первый случай в истории, когда философствование (а не религия, политика или национализм) стала основой государственной идеологии. Несколько поколений населения принудительно обучались ей, что повлекло интересные последствиям и для МЛФ, и для населения.

7. Массовое изучение МЛФ (в том числе в вузах, аспирантуре) сделало тексты по МЛФ одними из наиболее тщательно читанных, причем читателями с разной и высокой подготовкой. Они выявили множество эвристических находок, противоречий и парадоксов МЛФ, отразили их в фольклоре, который ныне забывается. Конспекты по МЛФ советского времени, приватные заметки — ценнейший архивный материал (для превращения МЛФ в корректную версию неогегельянства, за что ее апологеты должны быть благодарны критикам, для составления конкордансов по МЛФ и т. д.). Особо ценны материалы самостоятельного изучения МЛФ, каравшегося КГБ.

8. МЛФ для многих была (для некоторых и оставалась) единственным каналом приобщения к философии:

А. Специалист обязан был демонстрировать знание МЛФ, умение применять ее в своей области, интерпретируя МЛФ на собственном

[1] Ср. с. 629.

материале (на кандидатских экзаменах, философских семинарах нефилософских учреждений), что бывало плодотворно (на таком семинаре С. В. Мейен обнародовал мерономию). Выборочно материалы этих семинаров публиковались.

Б. МЛФ представлялась эталоном философии. Все, что не удовлетворяло ему, не могло претендовать на статус философии или истории философии. Поэтому даже оппозиционеры часто философствовали по-марксистски или зеркально воспроизводя его — человека ставили перед исторически нерелевантным основным вопросом философии, исключая возможности плюрализма, а иррационалисты, солипсисты, «философы жизни» преподносились как психически неполноценные.

9. Государство культивировало представление о философах как особых людях (ср. образы Г. Климова). Философствующий же нефилософ рассматривался как ненормальный, что закреплялось карательной психиатрией (сакрализация философии вела к наполнению и обычных психиатрических клиник болезненно философствующими).

10. Для внедрения МЛФ в сознание власти подчеркивали ее научность, противились трактовке как идеологии, принижению как философии.

11. МЛФ внедрялась в сознание как рекламная кампания, но в отличие от Запада (где известно, что чрезмерная частота рекламы снижает ее эффективность) пропаганда велась в запредельной области и давала желаемое, сминая личность (такова же ныне в России и коммерческая реклама, а предприниматели уделяют ей больше внимания, чем западные).

12. В итоге в СССР философствовали маргиналы — либо верные властям (потерявшие адекватность восприятия жизни), либо диссиденты (со своими акцентуациями). Последние, заняв видное положение в новой России, содействуют ее становлению как страны маргиналов.

13. В результате принудительного, но основанного на низком уровне рефлексии изучения МЛФ, ее категории, формулы и фигуры мысли внедрились в (под)сознание. Население бывшего СССР (бСССР) — носитель МЛФ как народной, низовой философии, быстро исчезающей ныне. Однако все чаще естествоиспытатели говорят «мы (диалектические) материалисты» и штампами МЛФ замещают предметный анализ (обнаруживая неспособность к интерпретации формул МЛФ, отсутствие процедур их соотнесения с конкретными ситуациями, мозаичное комбинирование формул в философских «центонах»).

14. Господство МЛФ повлияло на стиль науки в бСССР — например, определило распространение (квази)исторических построений (в биоло-

гии, геологии, языкознании) при неприятии типологического и структуралистского мышления. Даже самостоятельные ученые декларируют плодотворность диалектики, хотя ее эвристичность в науке продемонстрирована, пожалуй, только В. И. Вернадским при создании учения о биосфере (да и то диалектики не материалистической, а реалистической) и Б. М. Кедровым при объяснении парадокса химической термодинамики. Эвристичность же метафизики, выискивающей парадоксы, не осознана, и редкий ученый способен объявить себя недиалектиком.

15. Тезис о конце философии и решения государства о том, кто ныне считается классиком и имеет право на создание философской доктрины (Маркс — Энгельс, Ленин — Сталин), определили развитие философии в СССР в лучшем случае (кроме 20–30 гг., когда создавались диа- и истматы) как философской критики, а чаще — как идеологизированной истории философии (образец — «Философские тетради» Ленина: хотя и характерные, но явно ученические).

В итоге исчезла культура философствования от первого лица, работы по философии обросли библиографиями[1], сообщество философов распалось на анклавы по объектам их исследования — «платоников», «томистов», «кантианцев», «биологов», «физиков», «социологов»... Официальной задачей их изысканий было доказательство превосходства МЛФ и опровержение иных философий, наставление предметников на «путь истинный». Все же такие работы приобщали к философии (в том числе, к современной), а при трудности доступа к традиции принудительное изучение атеизма для многих стало началом пути к Богу. Часто авторы таких работ были или становились единомышленниками объекта своей критики, что в 70–80 гг. стало легализоваться.

16. С 60-х гг. МЛФ трактовалась как неогегельянская философия. Десятка два авторов создавали обобщающие работы, готовили словари и энциклопедии, тома «Философского наследия», отличающиеся историко-философской щепетильностью и стремлением выдержать логику. В них кристаллизуется эталон советской философской работы, которая должна выглядеть как таковая на мировом уровне. Складываются образцы нео-, пара-, псевдомарксистских исследований, прежде всего критико-исторических. Так исследуются «Капитал» Маркса, немецкая философия (Гегель, Кант, Фихте), античные авторы (Платон, Аристотель). В такой же манере осваивается классическая восточная, русская XIX и начала XX в., средневековая философии, но введение в оборот нового материала всегда сопровождалось осложнениями. Эти работы и ныне значимы.

[1] редкое исключение — *Зиновьев А. А.* Логика науки. М., 1971.

17. В итоге в казенной философии можно выделить:

— официальную МЛФ, занимающуюся канонически понимаемыми диаматом и истматом с многочисленными отсылками к классикам марксизма;

— официальное философствование — историко-критические исследования немарксистской философии и обслуживание текущей политики;

— проблематику с неявной привязанностью к МЛФ — философию науки, культуры, некоторые разделы эстетики, методологии и т. п.

18. На периферии казенной философии были:

А) Ореол одиночных исследователей или небольших их групп, опосредованно связанных с проблематикой МЛФ (по опубликованным работам). Это философски образованные и широко известные в узких кругах исследователи пограничных философских и нефилософских проблем, что выводило их на периферию идеологии. Они занимались философией времени и классификации, научными традициями, логикой (например, философы из Тбилиси или М. К. Петров).

Б) Московский методологический кружек (ММК) во главе с Г. П. Щедровицким, который осознавал себя как марксист, но развивал оригинальную концепцию деятельности (порой переходя на нелегальные формы работы). Труды ММК утилизировались Институтом системных исследований АН СССР. С ММК связано становление методологического движения и семинаров как формы альтернативной творческой деятельности.

19. Частью структуры функционирования казенной МЛФ была организация коммуникаций. Философские публикации были призваны выражать официальную идеологию и подвергались жесткой цензуре. Крупные труды и все немногие журналы издавались в столицах. Особенно жесткий контроль был за массовыми и учебными изданиями. Научные издания и многие тома «Философского наследия» выходили массовыми тиражами (по 40–70 тыс.), но все равно был дефицит философской литературы, существовал феномен «очереди за Аристотелем (Кантом, Гегелем...)». При этом даже профессиональная аудитория обнаруживала незнакомство с фундаментальными работами (того же Аристотеля, при тираже его собрания сочинений 200 тыс. экз.) — при доступности и читаемости философской литературы она не интериоризировалась.

Несмотря на это, в спецхранах разного уровня закрытости содержалась часть философской литературы, которую можно было найти в домашних дореволюционных библиотеках, в провинциальных краеведческих музеях и т. д. В итоге (учитывая и нелегальное пользование спецхранами) практически вся литература была доступна (труднее все-

го — советские работы, создававшиеся как закрытые) и спецхраны скорее создавали «запретный плод» и ограничивали доступ к нему лиц, вовлеченных в массовые процессы, а не философов.

Возможность официальных публикаций и доступ к спецхранам отличали деятельность официальных философов (разной степени удачливости; ограничение того и/или иного использовалось как наказание) от деятельности неофициальных.

II

20. Официально признавалась в СССР и философия верующих (разных вероисповеданий и конфессий). Наличие такой философии, неприемлемость для ее сторонников МЛФ проистекали из сути религиозного сознания.

Число людей разных вероисповеданий, обладающих философской культурой, было невелико, однако все верующие обладали отличной от марксистской картиной мира. Казенная идеология прилагала усилия для сокращения числа верующих, обладавших целостным мировоззрением, и мирилась с людьми с мозаичным сознанием, религиозность которых ограничивалась обрядовой стороной. Поэтому религия оттеснялась в среду малообразованных и пожилых людей.

21. Религиозное философствование проявлялось в трех формах.

А) Философские взгляды образованного духовенства (прежде всего преподавателей духовных школ) и активных мирян. Это собственно религиозная философия, проблематика и значимые тексты которой те же, что и у историко-философского направления казенной философии (патристика, Аристотель, Платон и т. д. — ср. п. 16–17). Внецерковное влияние этих философов невелико ввиду их обособленности и погруженности во внутрицерковные проблемы.

Б) Философские проблемы, затрагивающие светскую деятельность духовенства и активных мирян. Наиболее яркий пример — о. П. Флоренский. В этом же ряду митрополит Лука — в миру хирург Войно-Ясенецкий, автор работ по христианской антропологии, В. Н. Беклемишев, представляющий свое мировоззрение в 1-м томе «Сравнительной анатомии беспозвоночных» (удостоена Государственной премии) и в «Философии систематики» (издана в 1994 г.) и многие другие (о гуманитариях см. п. 31–32). Все эти люди имели широкие круги общения и были примером для многих.

В) Народное философствование, содержащее следы глубоких традиций. Так, среди русских знахарей и в советское время ходила «Голубиная книга» с реминисценциями античных авторов, в среднеазиатских

чайханах рассказывали байки с сюжетами из Аристотеля, разнообразные источники вычитываются в мидрашах, распространенных до Катастрофы в Западном крае и сохранившихся в среднеазиатских еврейских общинах, и т. д.

22. Распространение религиозного философствования по территории СССР отражало распространенность вероисповеданий (конфессий, сект) — в разных регионах были актуальны разные направления борьбы с немарксистским философствованием, но верующие везде могли отрезвить гражданина, оболваненного казенной философией.

23. Религиозная философия СССР также делилась на официальную и нонконформистскую; последняя активно влияла на мирскую жизнь верующих, на философский климат в стране, создавая более значительную оппозицию казенной философии, что не поощрялось духовными и советскими властями.

24. Помимо религиозных философов в СССР были казенные религиоведы-атеисты, у которых порой с объектом их критики складывались такие же отношения, как и у критиков-философов (см. п. 15).

25. Казенная МЛФ и официальная религиозная философия — два полюса (первый — эклектичен, а второй — представлен многими разными центрами — конфессиями), между которыми располагадось большинство философских течений СССР.

III

26. В СССР существовала глобальная конфронтация казенной МЛФ и всей остальной философской мысли — диссидентской МЛФ, официальных религиозных философий, других философских течений. У них была единая задача — уничтожение монополии казенной МЛФ на философствование. Поэтому философская жизнь организовывалась по типу не школ, а партий, участвовавших в политической, а не профессиональной философской жизни. При этом диссидентство в философии с 70-х гг. провоцировалось с тем, чтобы отвлечь людей от собственно политической жизни.

27. В манифестированное противоречие с казенной МЛФ не должна была входить околофилософская и нефилософская деятельность всех, претендовавших на официальное признание. В этом причина краха официальной философии (ее изнутри размывали тайные враги — Сталин был прав). В этом размывании участвовали различные течения (см. п. 28).

28. Казенные методологические семинары (п. 8) и деятельность ММК (п. 18) вместе с другими движениями (теоретико-биологическим, классификационным и т. д.) привели к появлению в СССР в конце 70-х гг.

методологического движения (семинары вокруг ММК, семинары по комплексности, семиодинамике, экспертизе, теоретической биологии и т. д. в Ленинграде, семинары в других городах, которые активно поддерживали отношения друг с другом и проводили совместные мероприятия).

Важнейшим итогом этой деятельности было признание в начале 80-х гг. не только методологии частных дисциплин, но и методологии в целом частью науки, а не философии и идеологии. Появилась возможность обнародования многих работ (как делавшихся тогда, так и лежавших десятилетиями до этого) как методологических.

29. Казенный марксизм декларативно принимал религию как социокультурный феномен. Это определило ряд черт советской философии.

30. В связи с борьбой с православием в 20-е гг. власти поддержали буддологию и распространение буддисткой философии. В итоге была создана буддологическая школа, публиковавшая до 30-х гг. (когда это было прекращено) превосходные работы. Публикация собрания сочинений Р. Роллана приобщила публику к индуистским темам, интерес к которым обострился после освобождения Индии. Для широких слоев эти формы религиозности оказались неразличимыми, но тексты получили хождение, а идеи привились. К ним «примешали» и китайскую традицию. В таком «вареве» нашла место родившаяся в России теософия, тем более, что некоторые ее последователи еще были живы (так, и в 70-е гг. можно было встретить участников теософского кружка, в который входил А. А. Блок).

В результате в СССР, как и на Западе, в 70-е гг. распространяются псевдовосточные культы, которые импонировали и сознанию естествоиспытателей. Напряженное к ним отношение 70-х гг. сменилось церемониальной индуистской пластикой четы Горбачевых, а знаменем стал Н. Рерих, личность которого интерпретировалась в том числе и в русофильских контекстах.

31. Другую политическую игру, стержнем которой была идея национальной великорусской государственности, государство вело с Русской Православной Церковью. Начавшись с послания митрополита Сергия военного времени, она сразу дала связку идей государственности, народности и православия (известную, по сути, с дореволюционных времен).

Идея единства народа и православия, православной культуры представлена и у писателей-шестидесятников. С конца 60-х гг. эта идея распространяется и сменяет искусствоцентризм оттепели (с ее безразличием к фундаментальной философии) интересом к русской философии (философии славянофилов, религиозной философии).

Идеологическое разложение 70–80-х гг. делает ту же идею государственной позицией, а русское православие для государства кажется

меньшим злом, чем (псевдо)восточные движения. Так, с одной стороны, закладываются основы ныне актуального русского национал-патриотического движения, а с другой — легализуется околоцерковная православная культура.

Последняя распространяется благодаря историко-филологическим исследованиям средневековой и религиозной культуры (А. Я. Гуревич, М. М. Бахтин) и философии как ее составной части (С. С. Аверинцев, В. В. Бычков, Д. С. Лихачев). В них интерпретируется соответствующее мировоззрение, что еще полнее, чем любовь к объекту (ср. п. 15), раскрывает суть этих идей.

Литературоведы же распространяли религиозные идеи, изучая Достоевского или Толстого, филологи (от Ю. Н. Тынянова до Ю. М. Лотмана) вводили в «советскую» философию структурализм.

32. В филологическом ряду работы А. Ф. Лосева через ее историю раскрывают природу христианской философии.

33. А. Ф. Лосев открывает еще один ряд — разносторонних интеллигентов, получивших образование в начале XX в. и пронесших его до наших дней. Представители этого круга обладали и философской культурой, не занимаясь философией профессионально. Будучи платониками, кантианцами, гегельянцами, позитивистами, махистами, марксистами, они были не только носителями культуры для «внутреннего пользования», но как «спецы» могли и как-то высказываться, не подвергаясь немедленным репрессиям (ср. тезис Сталина об опасности тайных врагов). Вокруг таких людей существовал круг единомышленников, поддерживавших и распространявших философскую традицию (например, окружение биолога-платоника А. А. Любищева).

34. Существовали и тайные философы, и их объединения, такие, как Д. Л. Андреев или «Чинари» — философы, связанные с обереутами, — Липавский, Хармс, Введенский и Друскин. Последний пронес эту философию до нашего времени.

35. Существование «железного занавеса» превращало философскую среду СССР в отдаленную провинцию Запада. В СССР помимо историко-критической переработки (см. п. 15) западных продуктов с опозданием в несколько десятилетий было и сообщество почитателей, которые трактовали западную философию «с точностью до наоборот» к казенной позиции.

Русская зарубежная философия отличалась доступностью языка и целевыми засылками эмигрантскими организациями литературы в СССР; через русскую диаспору оказывалось легче приобщиться к философской культуре Серебряного века.

Выделенное положение занимает Б. Парамонов, оставивший круг последователей в России и 20 лет ведущий философские передачи «Поверх барьеров», обеспечивая преемственность философской традиции.

36. Размывало МЛФ и искусство — распространение с 60-х гг.романтизма и сентиментализма массовой песни и поэзии, авангардизм в изобразительном искусстве и т. д. внедряли соответствующую эстетику.

37. Резюмировать ситуацию перед Перестройкой можно так.

Официальная МЛФ, созданная в 20–30-е гг., за десятилетия ревизий к середине 80-х гг. обрела очертания постмодернизма и оказалась сопоставимой с современным западным философствованием.

Неофициальная философская жизнь в СССР была очень разной и не ограничивалась по существу. «Вегетарианский» тоталитарный режим предъявлял требования к форме — для обнародования философская работа должна была иметь вид не философской, а научной, технической, междисциплинарной (или иметь атрибуты казенной МЛФ — ритуальные формулы, ссылки на классиков и директивные материалы), а при этом могла быть наполнена любым смыслом.

Более жесткие конфликты бывали не между казенной и неофициальной философией, а между отдельными официальными группировками и их идеологами или между разными течениями неофициальной мысли — сталкивались философские партии (что проявилось ныне в собственно политической жизни), а не школы.

Конкретный философ мог заниматься чем угодно, но должен был соблюдать положенные нормы поведения. Философия перестала быть фактом публичной жизни (для этого необходимо существование общества), а стала фактом жизни приватной.

В так организованное философствование трудно войти постороннему без сильного желания — таков механизм отбора в него. При этом почти каждый (не говоря уже о философах) соприкасался с неказенной философией, и при готовности ума такое соприкосновение могло стать толчком к неофициальному философствованию.

С началом перестройки ситуация стала меняться.

IV

38. Сначала власти попытались добраться до истинной МЛФ, и она предстала еще раз как череда искажений, а философии не нашлось (что соответствует критическим установкам самих «классиков» — п. 3). Марксизм обнажился как идеология. В процессе этого разбирательства обнаружились разные течения марксизма, в том числе

советского. В открытый оборот вводилось множество новых марксистских источников и началось робкое чтение заново старых. На этом фоне официально признали и ММК (см. п. 18Б — его последователи «пошли во власть», возник журнал «Вопросы методологии», на телевидении организован «Институт человека»). Заметна деятельность ММК и ныне, например в форме «методологического рэкета».

39. В открытый оборот введено множество закрытых источников (по русской религиозной и русской зарубежной философии, западной XX в.). Из жанров МЛФ расцвел один — исторический (см. п. 17).

40. Переструктурировалась философская элита — впереди оказались имевшие задел с советских времен или доступ к западным источникам, владевшие неизвестными историко-философскими материалами (из частных архивов знакомых и родственников) или иностранными языками.

41. Начались и дискуссии (но вялые) с представителями немарксистской философии. Одна из них была посвящена экологическим последствиям научно-технической революции. В итоге осознана необходимость модернизации МЛФ с учетом того, что «все мы в одной лодке», что дало право экологистам на социальное бытие.

42. МЛФ полностью потеряла определенность с провозглашением социалистического плюрализма, но сакраментальное слово произнесено и идеология распалась.

43. Распад был зафиксирован провозглашением примата общечеловеческих ценностей над классовыми. Сложилась ситуация сосуществования декларативно единственной казенной философии (с неопределенным содержанием) и плюрализма.

В философствование введены темы, запретные для советского и пограничные для российского менталитета, — пол, тело, смерть, власть, политика.

V

44. Конец неопределенности положил путч 1991 г., победа идеи деидеологизации государства и фактическое провозглашение антикоммунизма идеологией РФ. При этом обнаружилось следующее.

45. Постсоветское общество начало существовать без официальной философии и идеологии. С течением времени по ним ощущается тоска.

46. В религиозной жизни наступили либерализация, равноправие вероисповеданий (манифестировано в похоронах жертв путча 1991 г.), которые сейчас сменяются ужесточением позиции Московской Патриархии. Начавшийся было диалог нехристиан (так, священнослужители преподают в казенных университетах), невоцерковленных христиан

(число которых велико ввиду отсутствия в России полноценной реформации «снизу» помимо петровской реформации «сверху»), внутрицерковных диссидентов и официальной церкви начал сворачиваться.

47. Реорганизована официальная философия: кафедры диамата превращены в кафедры онтологии, истмата — социальной философии, атеизма — философии религии, а их мэтры даже не поменяли кресел.

48. Возникли независимые учебные и научные заведения философского направления (Высшая религиозно-философская школа, Московский и Петербургский еврейские университеты и т. д.), часть из них — на базе старых семинаров (п. 28).

49. Сторонники МЛФ исчезли и оказалось не с кем (за редким исключением злобствующих маньяков) обсуждать МЛФ — при социализме это было нельзя, а теперь — не с кем. Вместо этого появились феноменологи, экзистенциалисты, герменевты и психоаналитики. Авторитетом для них стал идеализированный Хайдеггер (а не был ли хайдеггером советского тоталитаризма Щедровицкий?).

50. Лавинообразное открытие новых текстов разрушило жанр философской критики — остались явно идеологизированные компилятивные работы (ср. п. 38).

51. Свобода философствования обернулась эклектикой и вседозволенностью — разрушились существовавшие жанры философских работ, а образцы новых (которые в идеале должны задаваться самой работой) — не созданы. Из-за отсутствия философской культуры не стало очевидным, что свобода выбора стиля философствования предопределяет набор органичных для него жанров (постмодернизм — во многом особая эстетика формы).

52. Появился новый тип философских работ: критик берет не одного-двух философов, а нескольких, тех, кого он считает представителями одного направления, причем из небольшого набора (Хайдеггер, Ясперс, русские философы Серебряного века и т. п.). Эталоны категориальной критики при этом не создаются, критика базируется на вкусовщине, а работы напоминают интеллектуальную помойку (особенно часто по русской религиозной философии; отрезвляющий контраст — А. И. Маилов или Б. М. Парамонов).

53. В таких работах мало кто философствует от первого лица — от себя, остается тяга к высказыванию безличных истин.

54. Сменилась структура коммуникаций философов — появилось множество (не)формальных философских обществ, приумножилось число философских журналов и даже философских издательств, специализирующихся на разных направлениях философии. Тиражи философских изданий (не учебных, при том, что пропагандистские отмерли)

стали того же порядка (до десятка тысяч), что и число философов. Появились первые философские руководства нового типа (справочники, словари). Издаются непубликовавшиеся работы прошлых лет. Однако ориентироваться в этих изданиях могут только профессионалы, а работы так и остаются непрочитанными (ср. п. 19). Так складываются собственно профессиональные, а не пропагандистские коммуникации.

55. В последнее десятилетие (как и в период хрущевской оттепели) появляется мало новых собственно философских работ — митинги и философствование плохо совместимы.

56. Описанная картина обнаруживает парадигматическую смуту в философствовании. Оказалось, что сознание рядовых философов не готово к жизни в открытом обществе — открытость разрушила ценностные структуры самих философов, обнаружила отсутствие четких устоев и философской самодисциплины, которые только и могут быть ориентирами для тех, в ком есть отвага философствовать. Для большинства оказались необходимы помочи, леера, рельсы, которые и навязывал тоталитарный режим. Цензура еще раз (теперь в философии) обнаружила свою созидательную роль в российской жизни. Общий враг — МЛФ — исчез, философы разбрелись по своим квартирам и оказалось, что они пусты. Некоторые пошли драться к соседям...

57. Ныне жизнь философского сообщества (как и российская жизнь в целом) примечательна воспроизведением многих черт начала века — от стилистики костюма и фасона бород, идеалов любовных отношений и экстравагантных форм поведения до предпочтений в живописи и наиболее цитируемых философов. Век назад это воспринималось как декаданс, а сейчас — как национальное возрождение, Серебряный век...

58. Безнадежно мечтать о реставрации того, что уже раз не состоялось. Поэтому интересна позиция тех, кто «поверх барьеров»:

— Б. М. Парамонов остается в США;

— эмигранты разных поколений в Россию не едут, но наезжают (так, эмигранты первой волны думают, как помочь России или как в России умереть, но не как в ней жить);

— те, кто пережили красный террор здесь, до сих пор не «опубликованы» и по-прежнему в оппозиции.

В России общества так и нет, а без него философия — частное дело каждого.

СМЕРТЬ КАК ИЗВРАЩЕНИЕ ЖИЗНИ[1]

Обыденное сознание, а часто и работы по танатологии отождествляют смерть с трупообразованием и противопоставляют ее рождению как конец началу, что аналитически некорректно. Для преодоления антропоморфизма и различения трупообразования и смерти необходимо определить их свое иное — организм и жизнь.

Организм — сложно устроенный субстрат жизни, *генерирующий регулярности* (обычно ритмико-циклического типа), являющиеся *законом* функционирования данного организма. Чем сложнее такой закон, тем более благоприятен организм для проявления в нем жизни (Chebanov, 1993).

Так, механические часы задают простые регулярности и в минимальной степени могут быть субстратом жизни, тело же млекопитающего обладает сложными регулярностями и может быть наполнено жизнью в высокой степени.

Жизнь обнаруживается как нарушение регулярности, генерируемой организмом. Она всегда проявляется как *чудо* — то, что непредсказуемо. Но такая непредсказуемость не является хаосом, а выражает *свободу*, обретаемую благодаря существованию закона.

Соотношение организма и жизни распознается народным сознанием. Так, сказочная *мертвая вода*, сращивающая части *трупа*, влияет на организм, жизнь в который вносится *водой живой*.

Описанная феноменология реализуется на субстратах — *организмах* — разных типов, что позволяет говорить о жизни биологических существ (микробов, растений, животных), жизни психики, общества, культуры, литературы, политики, экономики, финансов и даже о жизни планет или галактик как проявлении жизни физической.

---

[1] Доложено 14.11.95 на Второй международной танатологической конференции «Тема смерти в духовном опыте человечества» (СПб). Опубликовано: Смерть как извращение жизни//Труды конф. «Тема смерти в духовном опыте человечества». Фигуры танатоса. 5-й специальный выпуск. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 78—83. Работа тематически связана со статьей: The ordinary miracle of life in perishable organism//Folia Baeriana 6. Tartu: Estonian Academy of Sciences, 1993. P. 116–120 (будет опубликована в соответствующем томе биологических работ) и является развитием сформированных в ней представлений.

Вопрос о том, проявляется ли на разных субстратах одна и та же жизнь или разные типы жизни (т. е. термин «жизнь» полисемичен) или эти жизни обладают разными сущностями (т. е. «жизни» в сочетаниях «жизнь растения» или «жизнь души» — омонимы), открыт.

Прежде чем отвечать на него, следует отметить, что для развиваемого феноменологического представления до тех пор, пока не встает вопрос об источнике жизни, первые два варианта будут эквивалентны, а ответы на многие вопросы в отношении организма и жизни будут применимы и в третьем случае (имея характер аналитической модели, непригодной для онтологизации).

Таким образом, говоря о *виде жизни*, имеют в виду проявление жизни в *организме* того или иного *разряда*, которые различаются и *интенсивностью* проявления на них жизни. Так, в механических организмах жизнь проявляется точечно (в момент первотолчка планетарной системы или завода будильника), в психических — ситуаций проявления жизни несоизмеримо больше.

Интерпретировать это обстоятельство можно по-разному.

Так, для научно-атеистического сознания возрастание сложности организации вещества создает все большие возможности для реализации жизни. Для религиозного сознания, например в духе Григория Паламы, происходит ослабление проявления жизни при движении от психики к физическим телам, которые являются пределом обезжизнивания мира.

Теперь можно определить и интересующие категории.

Трупообразование — это обезжизнивание организма данного типа, прекращение генерирования им регулярности, необходимой для того, чтобы было что нарушать. Трупообразование сопровождается переструктурированием организма через труп в организмы другого разряда, вплоть до таких конгломератов субстрата, которые не являются организмами: труп человека оказывается пищей для микроорганизмов, которые его преобразовывают в прах, входящий в почву, далее вовлекаемый в новые организмы, и т. д.

В анализируемом контексте трупообразование оказывается узловым моментом телесных трансформаций организма.

В связи с этим можно отметить два обстоятельства.

1) *Не все телесные преобразования сопряжены с появлением трупа*, по крайнем мере заметного для неискушенного наблюдателя. Так, к примеру, разрастаются многие кусты и травы. Но и у них отмирают какие-то побеги, погибают некоторые из отчленившихся особей (при размножении отводками, усами, черенками), что вообще свойственно трупообразованию, которое может быть *стохастическим* (а не обязательным).

Трупообразование может касаться не всего организма, а отдельных его частей. *Частичное «отрупление»* постоянно происходит и у человека (минерализация скелета, отмирание и сшелушивание кожного эпителия).

Последовательное увязывание смерти и трупообразования и приводило египтян к необходимости сбора всего, что покрывало тело человека в течение жизни, смывов с его тела и захоронения всего этого вместе с основной частью трупа после кончины.

2) Трупообразование обычно относят к таким телесным трансформациям, при которых из *субстрата организмов, более наполненных жизнью, складываются организмы, менее наполненные* жизнью (человеческое тело превращается в субстрат для микроорганизмов).

Обратные же преобразования, хотя они имеют место, обычно *не квалифицируют как трупообразование и смерть*, как, например, смерть зерна (точнее, эндосперма) при его прорастании или смерть плаценты при рождении ребенка. Подобное словоупотребление указывает на то, что интуитивно трупообразование усматривается только при распаде организмов, сопровождающемся уменьшением общей жизненаполненности. Если же наполненность жизнью возрастает, но при этом обнаруживаются значительные «отходы» органического субстрата, речь о трупообразовании не идет (ср. далее).

Тленные организмы весьма разнообразны. Так, душа — организм, в котором проявляется психическая жизнь, коллектив и общество — организмы, которым свойственна социально-психологическая и социальная жизнь, и т. д. О трупах организмов некоторых типов говорить затруднительно (по разным причинам). Так, коллектив превращается в труп, когда он не функционирует как социально-психологический организм, а является внешне зарегистрированным конгломератом индивидов. Ни один из них при этом не становиться трупом, но труп коллектива налицо.

Последнее интересно тем, что человеку (как, видимо, и многим животным) *неприятно взаимодействие с трупами*. Однако это относится с очевидностью только к трупам биологическим. Но трупы могут быть и иными — домашней утвари (они и собираются в музеях), одежды, государств или партий (вспомним знакомое многим отвращение в последние годы их существования к КПСС или СССР) и т. д. Культура обращения с такими трупами доступна далеко не всем (см. далее).

Для трупообразования как точки бифуркации телесной трансформации важно 1) *существование беструпных трансформаций* (см. выше) и 2) то, что в тех случаях, *когда имеется трупообразование*, обычно наблюдаемо и *возникновение* организмов (зачатие, зарождение, рожде-

ние) — как конец существования тела организма, трупообразование принадлежит тому же ряду, что и его возникновение.

Определив жизнь, возникновение тела и трупообразование без трупа, можно обнаружить затруднения определения смерти — обыденно понимаемая *смерть оказывается телесной трансформацией с трупообразованием*, при которой жизнь перебрасывается на организмы другого типа.

Причины такого затруднения и предстоит выяснить.

Прежде всего обнаруживается, что речь о смерти заходит тогда, когда имеет место трупообразование. Но, как выяснено, смерть связана с трупообразованием косвенно.

Как отмечалось, смерть усматривают тогда, когда трупообразование и возникновение из субстрата трупа новых организмов сопровождаются уменьшением их наполненностью жизнью. Так, если человеческий организм замещается биоценозом микроорганизмов, червей и насекомых, то говорят о присутствии смерти — этот биоценоз менее наполнен жизнью, чем человек. Трупообразование же этих организмов воспринимается как смерть ввиду того, что возникающие физико-химические конгломераты менее наполнены жизнью, чем низшие биологические существа.

Подобное *снижение жизненаполненности* прослеживается *по всему ряду* — от жизни духовной через душевную и биологическую к жизни физико-химической. Это дает основания усматривать *присутствие смерти* при аналогичных преобразованиях организма даже *при отсутствии трупа*.

Сложнее распространенная ситуация *возникновения трупа* с целью *поддержания жизни* в других организмах. Если, например, поддержание жизни микробов обеспечивается тем, что они вызывают заболевания с летальным исходом у человека, то присутствие смерти не вызывает сомнений. Если же человек или хищник умерщвляет другое животное с целью его поедания, то говорить о смерти не так просто — трупообразование одних существ является условием поддержания жизни в других существах, полагаемых более жизненасыщенными.

Затруднения квалификации ситуаций как имеющих отношение к смерти указывает на ограниченность обыденных представлений о приуроченности смерти к трупообразованию. Ее присутствие признается очевидным там, где уменьшается жизненаполненность, где жизнь рассеивается. Там же, где даже *трупообразование сопряжено с повышением жизненаполненности*, о смерти говорить затруднительно.

Разнообразие таких ситуаций и их число весьма велико — это и то, что связано с добыванием пищи, и рубка деревьев с целью получения материала для строительства жилищ или храмов, писания икон и т. д. —

во всех этих случаях трупообразование или локальная некротизация обеспечивают итоговое возрастание жизненаполненности.

Вышеприведенные соображения дают основание сделать ряд выводов.

1) Смерть присутствует там, где имеет место монотонная трансформация организмов с уменьшением жизненаполненности (духовные, психические...).

2) Если такие преобразования локальны, то как смерть они воспринимаются тогда, когда это не приводит к увеличению жизненаполненности каких-то организмов.

Эти выводы позволяют трактовать смерть как рассеивание жизни.

При этом существует смертоносность одного живого организма для другого ввиду того, что для поддержания жизни организм, на котором она реализуется, «должен» осуществлять экспансию, разрушая другие организмы, исключая возможность проявления в них жизни[1].

Таким образом, жизнь, проявляясь в разных организмах, оказываясь рассеянной по отдельным самостям, может входить в конфликт сама с собой, что и порождает состояние, квалифицируемое как смерть.

Итак, смерть *не имеет* самостоятельного *существования*, не имеет отдельного *источника*, а выступает как *извращение жизни*, является *следствием самочинного существования отдельностей* организмов. В христианском сознании это выражается в представлении о том, что Господь смерти не учинил, что смерть не равноправна с жизнью.

Представление же о смерти как извращенной жизни, особом существе наглядно выражается в *образе женщины*, причем женская — родопродолжающая — природа смерти при этом отнюдь не случайна (ср. Outechin, 1993).

3) Ввиду того что процессы умерщвления и трупообразования вызывают психические аффекты, существует настороженное отношение к палачам при понимании их социальной необходимости, а ныне — и к реаниматологам, умерщвление для пищевых целей ритуализуется и сакрализуется, к нему не допускаются дети и т. д. Маркированность проявляется и в том, что некоторыми людьми фиксируется появление у человека (даже погибающего от несчастных случаев) за некоторое время до смерти (от дней до недель) *запаха смерти*.

4) Часто смерть *не замечается* тогда, когда она не сопровождается трупообразованием или этот труп *незаметен*. Так, вокруг нас бродит много мертвецов — тех, в которых умерли чувства, душа. При этом имеет место и трупообразование — структуры психики разрушены,

[1] Это дает основание говорить о том, что *смерть* — это проявление активности формы одного организма по отношению к форме другого, *источник стерезиса*, пронизывающего форму этого организма (Чебанов, 1984).

вплоть до омертвления той или иной души (печеночной, сердечной, головной), причем оккультизм может использовать материал этих душ. Многим это незаметно, и такие бродячие трупы не вызывают у них дискомфорта. Для обладающих душевным зрением присутствие этих трупов очевидно.

Психическая смерть и трупообразование души не редкость — речь идет о зомбировании, программировании, старческой ритуализации обыденного поведения, автоматическом самособойном функционировании человека и т. д. Поэтому необходимо обсуждение еще одного феномена — некротизации.

Некротизация — процесс замещения чуда жизни в организме сложными формами *функционирования*. Так, животное, попав в незнакомую ситуацию, проявляет поисковую активность, которая является компонентом его жизни. Если подобные ситуации повторяются, то формируется условный рефлекс и организм автоматически реагирует на ситуацию. Точно так же решение арифметических задач является фактом творческой жизни человека (ребенка), владение же алгеброй превращает это решение в функциональное отправление интеллекта и т. д.

Локальная некротизация, как и локальное трупообразование, может *увеличивать общую жизненаполненность*. Так, наличие многих стереотипов поведения у человека освобождает его сознание от творческого решения множества обыденных задач (типа поиска выключателя или застегивания пуговиц) и позволяет осуществлять сложные и уникальные действия. Но в этом опасность того, что вся деятельность окажется самособойной, некротизм приобретет тотальный характер и человек превратится в автомат. Это тоже разновидность смерти без трупообразования.

Учитывая некротизацию, можно различать три разряда существ:

— *живых*, в которых актуально проявляется жизнь;

— *мертвых* — допускающих или даже содержавших в себе жизнь, но лишенных ее сейчас, и

— *неживых*, существование развитой жизни в которых невозможно (существование последнего типа, отличного от второго, иногда проблематизируется).

Некротизация умножает число мертвых существ, которые начинают перемешиваться с неживыми.

Сложно организованное функционирование неживых организмов позволяет *имитировать* проявление жизни, причем чем сложнее это функционирование, тем в большей мере. Такие организмы можно создавать искусственно, правда, обычно на других субстратах. Таковы *протезы*.

Как и в случае некротизма, использование протезов может привести к увеличению жизненаполненности индивида, но существует и опасность тотального протезирования организма с неизбежным замещением всей жизни функционированием. Пределом является *протезирование души*.

Протезированный мир также наполнен смертью как извращением жизни.

Наиболее изощренным вариантом одержимости смертью является формирование *нежити* — существа, ведающего, что такое жизнь, но ее лишенного, а поэтому стремящегося имитировать жизнь, создать иллюзию жизни за счет использования специальной техники. Пример формирования нежити — реанимирование сопротивляющегося трупообразованию, а локальных нежитей — использование *муляжей* гениталий для полового удовлетворения.

Все описанные пути одержимости смертью представляют собой извращения жизни. Смерть сопровождает и провоцирует трупообразование, когда уменьшается жизненаполненность организма. Смерть появляется тогда, когда обнаруживается, что для *жизни не хватает* каких-то *ресурсов* — энергетических, временных, субстратных. Некротизм опирается на совершенство функционирования организмов, их самособойность.

Один и тот же процесс трансформации организма может выглядеть и как сопровождающееся расцветом жизни освобождение от плоти и начало новой, более полной жизни, связанной только с душой, и как освобождение тела от души и образование одержимого смертью трупа с его дальнейшим разложением.

Понимание проявления жизни при трансформациях организма, роли в них тела и трупообразования — важный момент подготовки к правильному завершению телесной земной жизни. В этом — одна из практических задач танатологии, решаемая дома, в клиниках, хосписах.

Литература

Чебанов С. В. Представления о форме в естествознании и основания общей морфологии//Orgaanilise vormi teoria. X teoreetilise bioloogia kevadkool. Tartu, 1984.

Chebanov S. V. The ordinary miracle of life in perishable organism//Folia Baeriana 6. Tartu: Estonian Academy of Sciences, 1993.

Outechin I. V. Death is femina//Folia Baeriana 6. Tartu: Estonian Academy of Sciences, 1993.

ПОЗИТИВИЗМ КАК ОТРОЧЕСКАЯ МАЙЕВТИКА[1]

0. Настоящий текст основывается на личном опыте автора в профессионально близких ему сферах биологии, геологии, физики, химии, филологии и методологии и наблюдениях за соответствующими специалистами. Для описания этого опыта будет использоваться существующее в каждой из профессиональных сред представление о хорошем ученом, экспликация которого требует специальной работы, но понятна коллегам[2].

1. Нормативная структура новоевропейского сознания ориентирована на отрочество, что проявляется в культивировании идеала любви в духе «Ромео и Джульетты», романтизации соответствующего типа внешности, развитии отроческой моторики, наиболее полно проявляющейся в спортивных занятиях, и т. д. Этому соответствует и ориентация на рационализм, максимум относительной (по сравнению с другими началами личности) проявленности которого свойствен отроческому возрасту. Поэтому не случайны призывы к ученому сохранять детское восприятие. Естественна и инфантилизация большинства населения, которая может быть зафиксирована как экспертно, так и инструментально с помощью электроэнцефалографии, что обнаруживает фиксацию психического онтогенеза в возрасте 13–14 лет[3]. Зрелость при этом становится редкостью, а старость представлена у единиц. Общеизвестной же особенностью отрочества является отроческий максимализм, имеющий окраску гиперкритицизма.

2. Позитивизм с его программной ориентацией на рационализм, методологизм и методологическую критику с развитием учения об обоснованности от верификации к фальсификации и т. д. как нельзя лучше соответствует отроческим установкам сознания. Поэтому не случайно то, что позитивизм явился заметной вехой в становлении хороших ученых и мыслителей последнего столетия, притом что в более зрелом возрасте

---

[1] Тезисы выступления на конференции «Скромное обаяние позитивизма». Опубликовано: Позитивизм как отроческая майевтика//Скромное обаяние позитивизма (Позитивизм и его альтернативы в современной философии). Материалы конференции 15–16 декабря 1995. СПб.: СПбГУ. С. 8–10.

[2] Ср. наст. изд. с. 382.

[3] Ср. наст. изд. с. 459.

многие порывали с ним. Позитивизм выступает, таким образом, как школа мысли, которую надо вовремя покинуть. Это хорошо видно на примере геологов и биологов, поскольку в этих областях сохранились традиции описательного естествознания, по сути несовместимого с позитивизмом (ср. пример творческой эволюции биолога А. А. Любищева).

3. Своеобразие судьбы позитивизма в бывшем СССР заключалось в том, что он существовал как официально запрещенная философия на фоне государственной марксистско-ленинской философии, притом что работающие ученые фактически опирались на позитивизм. Марксизм же как разновидность неогегельянства по своим потенциям был глубже и разностороннее позитивизма, причем психологически ориентирован на зрелость (а в последние десятилетия официального господства — так и на старость), а к тому же обладал и некоторыми следами диалектики. Однако, его догматичность, диалектизирующая демагогия определили его бесплодность, на фоне которой эвристичность позитивизма была единственным антиподом, доступным для широкой аудитории. Позитивизм при этом существовал как методологическое знамя немногих одиночек (например, ботаника А. А. Еленкина, который свои философские по сути работы публиковал в сугубо специальных изданиях, например как разделы I тома Определителя сине-зеленых водорослей СССР, хотя и его довели до публичного саморазоблачения в 1938 г.) либо (с 60-х гг.) обсуждался под видом сугубо профессиональных проблем (измерения, погрешностей наблюдения и т. д.). При этом почти каждый хороший ученый прошел через школу позитивизма, будь то освоение статистической физики или немецкой методики в археологии. В сублимированной форме противостояние позитивизма и марксизма (точнее, разных форм наивного реализма, примыкавших к нему) проявилось в известной дискуссии физиков и лириков.

4. Размывание методологической прозрачности позитивизма началось с введения социальной и групповой нормативности как критерия истинности в представлениях о парадигме Куна или этнометодологии Гарфинкеля. Попытки сделать экспертные оценки предметом методологической рефлексии, найти подобающее место органолептическим пробам и т. п. привели к представлениям о личностном знании в понимании Полани. Посткритическая философия Фейерабенда или психоаналитическая герменевтика Рикера, а также развитие когнитивной лингвистики, метаблетики ван ден Берга или возрастающая популярность герменевтики привели к такому положению в методологии науки, при котором позитивизм в большой мере утратил контрастность своей самоопределенности.

5. В итоге сложилась ситуация, при которой для сторонников позитивизма открылся путь к освоению традиций, отличающихся большей психолого-онтогенетической зрелостью, — платонизма, аристотелианства, патристики. Методологическая же мысль стала двигаться к более комплексным построениям, в которых позитивистские обоснования применимы к отдельным компонентам всей конструкции. Введение подобных позитивистских фрагментов в общую картину характерно и для прошлого, проявляясь во внимании Аристотеля к эмпирии, различении Василием Великим доказательства и показательства, фарадеевском осмыслении эксперимента как опыта.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ[1]

Постановка проблемы

Эта тема не относится ни к числу особо значимых, ни к числу очень интересных. Однако для определенной стилистики философского мышления, в частности распространенного на территории бСССР, она привычна и почти традиционна (начиная с «Диалектики природы» Ф. Энгельса). Последнее определяется и тем, что эта тема переплетается с темой биологических основ человеческого бытия, которая полна внутреннего напряжения. Но это уже сфера философской антропологии, которая не всегда отличена от социальной философии...

К обсуждаемой теме существуют очень разные подходы — социальное бытие может рассматриваться:

— как проявление биологического и тогда пониматься просто как составляющая видового поведения *Homo sapiens*;

— как производное от биологического и тогда интерпретироваться как сложно организованная групповая жизнь высших гоминид;

— как совокупность отношений между индивидами, в большой мере трансцендентная их биологической природе, понимая ли природу человека как совокупность общественных отношений, в которые он вовлечен (К. Маркс), или как функционирование человека в структуре вида *Homo sapiens* (Г. П. Щедровицкий);

— как проявление универсальной социальности в человеческом обществе (усматривая тогда социальность и в квантово-механических системах, и в химических реакциях).

Каждый из таких подходов ухватывает что-то значимое в природе социальности и ее связи с биологией, но в целом все они представляются неприемлемыми как средство увязывания общей мировоззрен-

---

[1] Написано в 1996 г. в качестве раздела в «Очерки по социальной философии» (под ред. К. С. Пигрова; СПб.: СПбГУ, 1998. Очерк 8. С. 201–207). Очерк многократно переделывался очень внимательным и благожелательным редактором издательства и автором (в основном с целью приближения к стандарту издания и некоторого сокращения). Некоторые редакционные замечания учтены и в данном варианте текста.

ческой позиции и конкретных позитивных знаний. Поэтому далее предлагается иная интерпретация базовых категорий.

Статус биологического

Определить статус биологического можно, во-первых, просто списочным путем, декларируя, что биологическое — это то, что свойственно животным, растениям и микробам, живущим на Земле. В этом случае можно сделать много индуктивных ассерторических суждений о жизни и, отталкиваясь от них, обсуждать ассерторические же по сути связи биологического и социального. Далее будет реализован именно этот вариант.

Во-вторых, можно пытаться определить атрибуты биологического вообще, так чтобы можно было идентифицировать биологические образования принципиально не земного типа. Такого рода суждения должны быть аподиктическими. Тогда надо аподиктически же описать и социальность и в модусе аподиктичности, т. е. логического вывода, говорить об их взаимосвязи. Необходимыми для этого средствами автор не располагает.

В-третьих, можно говорить о жизни как универсальном атрибуте сложно организованных динамических субстратов и актуализировать такое понимание биологического, которое заложено во внутренней форме слова «биография». Тогда окажется, что социальное — разновидность биологического, и проблема их соотношения будет выступать как соотношение части и целого.

С тем чтобы избежать терминологических (а по сути идейных) недоразумений, такое понимание «биологичности» будет обозначаться как *витацентризм* (в противоположность первым позициям, которые в идеале должны быть *биоцентричны*). Подробное обсуждение биологичности как витацентричности и его соотнесенности с социальным представляется здесь нецелесообразным[1].

Таким образом, остается необходимость детального обсуждения только первого подхода.

С этой целью необходимо ввести несколько различений.

Биологическое и небиологическое

Первое из таких различений призвано определить сферу биологического и ее соотношение с иными реалиями.

[1] О соотношении биоцентризма и витацентризма см. *Chebanov S. V.* Theoretical biology in biocentrism//Lectures in theoretical biology. Tallinn, 1988; *Chebanov S. V.* Biology and humanitarian culture: the problem of interpretation in biohermeneutics and hermeneutics of biology//Lectures in theoretical biology. 2nd stage. Tallinn, 1993.

В различных культурных традициях различается, с теми или иными особенностями, несколько сфер, характеризующихся своей спецификой. Их можно обозначить как *физико-химическое* (неживое, неорганическое, мертвое, косное), *биологическое* (органическое, живое, витальное), *душевное* (психическое) и *духовное* (мистическое). Некоторые из них квалифицировались как формы движения материи и в этом качестве обсуждались в советской философии, существование других вызывает напряженные дискуссии (например, духовного).

Несмотря на различие понимания природы сфер, выделяемого их числа, проведения границ между ними, разные традиции сходятся в том, что реалии разных сфер требуют разного к себе отношения — по-разному предстают понятия индивида, смерти, сексуального взаимодействия и т. д.

Обзор подобных представлений обнаруживает еще одну закономерность — в разных традициях эти сферы примерно одинаково выстраиваются в ряд. Так, например, в таком ряду не появляется отрезка физико-химическое — духовное — биологическое или биологическое — духовное — душевное.

Разные традиции могут обсуждать разные фрагменты этого ряда, которые тем не менее стыкуются друг с другом. Так, Григорий Палама[1] обсуждает соотношение животных, человека и ангелов, что продолжает обсуждаемый естествоиспытателями ряд физическое — биологическое — психическое.

Далее обнаруживается, что между обсуждаемыми сферами могут устанавливаться генетические отношения. Так, материализм XIX—XX вв. полагал, что физическое порождает биологическое, биологическое — психическое и т. д., а в упоминавшейся паламитской традиции духовная жизнь порождает психическую, обеднение психической обнаруживает биологическую и т. д.

В итоге биологическое характеризуется принадлежностью к ряду других сфер — физического, душевного, духовного — и соседством в этом ряду (которое может интерпретироваться генетически) с физико-химическим и душевным.

Кроме того, биологическое, как и другие сферы, отличается собственным содержанием, некоторые фрагменты которого будут рассмотрены ниже.

В этом ряду отсутствует *социальное*, что свидетельствует об отсутствии соответствующей интуиции — социальное не постигается через идеи существования и смерти, сексуальности и сексопатологии.

---

[1] *Migne J. P.* Patrologiae curcus completus//Series graeca. T. 150. Col. 1121–1226.

Таким образом, речь идет о соотнесении категорий — биологического и социального — из разных рядов. Один из них охарактеризован. Предстоит выявить второй.

Малые ансамбли и массовые структуры

Как упоминалось, появилась тенденция интерпретировать всякие взаимодействия единичных образований друг с другом как социальные. Тогда социальность противопоставляется отдельности, что и задает вырожденный — двухчленный — ряд, с чем согласиться трудно.

В этой оси целесообразно различить три градации — *единичные образования*, малые ансамбли, массовые структуры. Различие двух последних типов организованностей не столько в числе компонентов, сколько в характере их взаимодействия (см. с. 430–431).

Для *малых ансамблей* характерно то, что каждый его компонент вносит свой неповторимый вклад в эмержентные свойства целого, сохраняя свою индивидуальность, которая и является самым ценным его свойством. Часто в состав таких ансамблей входит небольшое число компонентов — от первых единиц до нескольких десятков, что и является основой их наименования.

Примерами малых ансамблей являются электроны в атоме или атомы в небольшой молекуле, частицы вещества в зародыше кристалла и т. д. Активный центр макромолекулы фермента также содержит небольшое число функциональных групп, в структурную единицу зеленой пластиды растений входит считанное количество молекул разных веществ, а цветок растения содержит относительно небольшое число структурных единиц (чашелистиков, лепестков, тычинок, пестиков).

Малые ансамбли обычны в человеческом обществе: малые группы, прежде всего неформальные, семья, небольшие общины.

В этих образованиях есть немногочисленные или уникальные компоненты, без которых существование целого либо становится невозможным, либо кардинально меняется. Так, зарождение кристалла часто начинается с единственной частицы; весьма обычно, когда в состав молекулы наряду с другими входит единственный атом редкого элемента, который и определяет свойства всей молекулы или агрегата (в этом — принцип легирования металлов), и т. д.

В человеческой жизни роль единичных образований еще очевиднее — каждый ребенок имеет только одного отца и одну мать, главой государства является монарх или президент, в неформальных группах позиция лидера уникальна и этот лидер — даже теневой — не может быть заменен никаким другим и т. д.

В силу незаменимости единичных или малочисленных компонентов малых ансамблей по отношению к ним бессмысленна идея усреднения, бессодержательна попытка дать компонентам обобщенную характеристику. Более того, если в такое образование будет введен какой-то новый компонент, то изменятся характеристики и всех остальных, перераспределятся свойства, функции, отношения уже существовавших.

При определенных условиях (например, при наличии нескольких уровней организации — см. далее) число компонентов в малых ансамблях может быть весьма значительно.

Массовые структуры характеризуются большим числом однотипных компонентов, среди которых незаметны компоненты с низкой численностью.

Массовые структуры можно обнаружить при рассмотрении однородных образований, сред. Так, в качестве их примера могут выступать неповерхностные части неблочного кристалла, толща жидкости, газа. Популяции живых существ, генетические процессы в них — также массовые структуры.

Человеческие общности представлены массовыми структурами, к примеру, когда рассматривается публика на людной улице или толпа.

Усредненный представитель массовых образований довольно полно представляет любой компонент. Частично индивидуальность этих компонентов утрачивается за счет возникновения их обобщенных состояний. Так, в атомном ядре утрачивается индивидуальность нуклонов, в толпе, охваченной единым порывом, человек перестает выступать как отдельная личность.

Возможны два типа обращения с малыми ансамблями и массовыми структурами.

Во-первых, малые ансамбли и массовые структуры различаются в эмпирии, это образцы представления эмпирического материала. Решая разные задачи, один и тот же материал можно представить поразному.

Так, интересуясь, как с соблюдением социальных норм перевезти какое-то количество взрослых людей, естественно представлять их как массовую структуру и исходить из того, что все должны получить одинаковые условия для проезда.

Если же решать вопрос о том, какая одежда нужна для того, чтобы этих же людей одеть и одежда бы выражала их суть, то эта совокупность предстанет как малый ансамбль. Однако может оказаться, что это деиндивидуализированные люди (обезличенные солдаты, исполнители, пушечное мясо), и тогда они будут представлять собой массовую структуру. Более того, человеческую совокупность типа малого ансамбля

можно продвинуть по направлению к массовой структуре, переодев ее в униформу[1].

Последний пример подводит ко второму аспекту рассмотрения.

Оказывается, что из одного и того же исходного материала можно формировать или малые ансамбли, или массовые структуры, например по-разному одевая или размещая людей в зале. Тогда даже в небольшом зале с местами, которые позиционно равноценны (ряды однотипных скамеек), может зародиться массовый процесс в публике. Большой же зал с пространственно выделенными группами мест (традиционный театральный зал с ярусами и ложами) может создать атмосферу камерности, обеспечивая восприятие театрального действия в малом ансамбле.

Точно так же античный полис с его агорой был массовой структурой при его немногочисленности, а многомиллионная Индия с ее кастовой структурой и ныне сохраняет черты малого ансамбля.

Для многокомпонентных малых ансамблей важна иерархическая структура — община организована как малый ансамбль, соседствующие общины образуют локальные единства как малые ансамбли общин и т. д.[2]

Эмержентные свойства композиций индивидуальностей

Теперь можно определить статус социального в двухмерном пространстве, одно измерение которого — ось сфер специфичности, а второе — ось типов организованностей (см. рис. 4 на с. 431). В чем-то это напоминает позднесоветские двухмерные модели классификации форм движения материи по уровню и масштабу.

Рассмотрение эмпирического материала сквозь категории двухмерной схемы позволяет обнаружить некоторые закономерности.

---

[1] Малые ансамбли и массовые структуры соотносимы с базовыми различениями статистик — соответственно Ферми—Дирака и Бозе—Эйнштейна («ансамбли фермионов» и «структуры бозонов» в квантовой механике) и «ципфовых» и гауссовых.

Для описания массовых структур обычно используется нормальное гауссово распределение. Но в разных областях обнаруживаются распределения с неопределенными центральными моментами, известные под разными именами — Ципфа, Виллиса, Лотки, Мандельброта, в экономике — распределение Парето. Условия применимости этих распределений недостаточно прояснены. Гауссовское же распределение применимо после исключения некоторых компонентов, квалифицируемых как ошибки, отскоки и т. д. (ср. пример с исключением поверхностных структур кристалла). Подробнее об этом, см. к примеру, *Шрейдер Ю. А., Шаров А. А.* Системы и модели. М., 1982.

[2] Аналогичные переструктурализации используются при организации систем голосования — см. *Виленкин Н. Я., Шрейдер Ю. А.* Мажоритарные пространства и квантор большинства//Семиотика и информатика. 1977. Вып. 8.

Во-первых, в малых ансамблях одной сферы специфичности проявляются особенности, присущие образованиям другой, более тонко организованной сферы.

Так, рассмотрение кристаллов с учетом присущих им дефектов, т. е. как малых ансамблей, позволяет говорить о жизни кристаллов и даже достаточно последовательно сопоставлять ее с биологической жизнью. Точно так же в гетерогенных коллоидных системах с их мицеллярной организацией (типичным малым ансамблем) обнаруживаются признаки живых организмов. Подобные сходства служат основанием для генетических гипотез — от чудесных клеточек Траубе (образуемых сегнетовой солью в растворе медного купороса) до представлений о происхождении жизни на кристаллических структурах горных пород (Дж. Бернал) или из коацерватов (А. И. Опарин).

Малые ансамбли растений — консорции, представляющие собой совокупности сравнительно небольшого числа индивидов, прочно связанных экологически, — обладают интегральными эффектами, напоминающими психические, правда, более медленными. С нарастанием проявленности собственно психической феноменологии сопряжен процесс цефализации животных[1].

Наконец, можно вспомнить следующие слова Христа: «...где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18, 20). Опыт свидетельствует о том, что доверительное общение нескольких людей способствует обнаружению духовного мира (со всеми искушениями, свойственными таким ситуациям).

Таким образом, в малых ансамблях проявляются не только уникальные свойства индивидов данной сферы, но и феномены более тонко организованной. Это *важнейшее* свойство малых ансамблей.

Во-вторых, в массовых структурах огрубляется организация составляющих их индивидов, они обретают черты более просто организованных. Так, уже упоминалось о процессах в популяциях, которые подчиняются статистическим закономерностям, — к примеру, генетические процессы в них могут быть описаны в статистических понятиях. Специфика живого отходит при этом на задний план — можно говорить о своего рода популяционных, генетических машинах. Подобные процессы можно обозначить как *вторично* физические.

Аналогичные процессы происходят и с психическими отдельностями — в громоздких многокомпонентных образованиях особенности душевной жизни нивелируются, остаются простые универсальные нужды, типы пищи и одежды. Примечательно, что такие остаточно-душев-

[1] *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1965 или 1987.

ные проявления связываются либо со сферой биологического (сексуальное и пищевое поведение), либо даже осмысливаются в физических терминах как борьба за пространство и вещество. Таким образом, можно говорить о *вторичных* биологических и *третично* физических процессах. Яркий пример последних — техносфера и протекающие в ней процессы[1].

Таким образом, огрубление организации компонентов массовых образований по сравнению со слагающими их индивидами — еще одно, *важнейшее* свойство структур.

Описанные свойства массовых структур и малых ансамблей так или иначе осознаются людьми. Так, церковь предназначена для отправления духовной жизни. Поэтому она не может быть массовой структурой, а должна носить характер малого ансамбля. Отсюда — общинный принцип приходской и монастырской жизни, некоторая обособленность жизни епископата и т. д., что противостоит складыванию внутрицерковных массовых структур[2].

Следует отметить, что пока что рассмотрены только самые общие, схематические черты организации массовых структур. При этом сделаны допущения об однотипности компонентов. Но компоненты массовых структур могут быть представлены многими классами, а определяющая их лицо часть — двумя-тремя классами. Тогда картина оказывается нетривиальной (см. далее на примерах из жизни людей). Не учитывалось и то, что образования одной сферы специфичности являются субстратом для образований другой — например, биологическое обнаруживает себя на физико-химическом субстрате.

Статус социального

Когда речь идет о социальности, подразумевается, что она касается людей. Люди же обладают по крайней мере физической, биологической и психической природой. Физическая природа при этом преодолевается за счет биологических и психических процессов, протекающих на физико-химическом субстрате. Биологическая же имеет определенное значение, но фоновое (см. далее). Основным субстратом, на котором формируется социальное, является *психика*.

Из психических индивидуальностей строятся два типа образований.

Первый представлен малыми ансамблями, и его можно обозначить как *общество* (ср. англ. community, нем. Gemeinschaft), культура, объект

[1] *Кудрин Б. И.* Введение в технетику. Томск, 1991.
[2] Ср. *Честертон Г. К.* Вечный человек. М., 1991. С. 61.

социальной психологии. Таковы семьи, неформальные группы, традиционные общества, в идеале — церкви, теократические государства, неформальные объединения людей.

Второй, построенный по типу массовых структур, уместно назвать *социумом* (ср. англ. society, нем. Gesellschaft), цивилизацией, и интересовать он будет социологов. По типу социума могут быть организованы формально-ролевая семья, организация, государство.

Характер процессов в обществе определяется особенностями личностей, участвующих в нем, судьба общества зависит от поступков личности. Напротив, позиция в социуме предполагает определенное поведение индивида. В обществе человек оказывается более значим, чем занимаемое им положение, в социуме же — «место красит человека». Соотношения общества и социума неоднозначны, так же как и оценочное отношение к ним. Если конкретная персона не принимает диктуемого ей поведения, возникает определенная коллизия выбора между нормами общества или социума. Например, в нашей стране в конце эпохи застоя сложилась культура психологической защиты, необходимая для того, чтобы «ходить в социум», притом, что в общество своих надо выходить совершенно иначе (по костюму, пластике, настроению, прежде всего у женщин).

Так понимаемое общество легче построить из небольшого числа индивидов. Уже когда численность их превышает полсотни человек, нужны специальные средства для сохранения общественной, а не социальной природы совокупности людей. Если же число людей достигает нескольких сотен, нужны особые приемы поддержания общественного статуса этого конгломерата (ориентация не на общение с эмпирически данными его членами, а на эмоционально окрашенные отношения с не известными по личному опыту членами референтной группы, общей для всех членов данной общности). Когда же число членов измеряется тысячами, то выходом является создание иерархически организованных структур и других специальных средств общественной организации (см. примеры приходской организации церкви, архитектуры театра).

Социум легче строить из большого числа членов, так как при этом нивелируются личные отношения людей, причем двумя способами.

Во-первых, простое увеличение числа людей, взаимодействующих по типу общества без защиты от превращения его в социум, порождает (и чем больше людей, тем явственнее) массовые процессы, разрушающие душевную атмосферу личных взаимодействий.

Во-вторых, социум может организовываться по заранее формализованным, например писанным, правилам. Тогда социумному взаимодей-

ствию будет мешать личный компонент контакта, неумение следовать формальным правилам, выполнять их, невзирая на личные отношения. Владея такими навыками, социумное взаимодействие могут организовать 3–4 индивида (в вырожденных случаях и меньше).

Социумное взаимодействие предоставляет высокую степень свободы индивиду. Оборотной стороной свободы является свобода от поддержки общества, включая свободу от помощи приобщения к духовной жизни. Такая свобода дает шанс выживания для маргиналов.

С социумом естественно соотнести *социальное* бытие, противопоставляя его *общественному*, которое часто также включается в социальное.

Имеющийся духовный опыт свидетельствует о наличии общественных и социумных образований и в духовной сфере (представление о Небесных иерархиях, селениях, воинстве и войнах). Они будут фоном при формировании понятий общественного и социального, однако специально обсуждаться не будут.

Общественное и социальное в их отношении к биологическому

Проблематика общественного тесно переплетается с проблематикой философской антропологии. Для общественной жизни важны многие аспекты биологической организации человека:

— зачатие, вынашивание, рождение и выкармливание ребенка, которые осуществляются как акт взаимодействия людей (супругов, их родственников и домочадцев), но не становятся фактом социальной жизни (ибо репродукция сопряжена с социально ненаблюдаемыми процессами в семье или же специализированных институтах — родильных палатках, клиниках, родильных домах, детских яслях и т. д.);

— питание, отправления личной гигиены, сон и т. д., которые порождают множество религиозных, национальных, сословных, групповых и семейных ритуалов и обычаев, отправляемых дома, хотя социум пытается формировать универсальные нормативы этих отправлений;

— комплектование малых групп и микроколлективов на основе иммуно-химической (запаховой, вкусовой), моторной, ритмической, в том числе суточно ритмической, и т. д. совместимости, включая формирование плодовитых брачных пар при социально-нормативном равноправии всех людей и моральном императиве беспристрастного к ним отношения;

— болезни и способы лечения, которые осуществляются на фоне конфиденциальных отношений с домочадцами и целителями (врачами,

знахарями и т. д.), включая такие ситуации, как посещение врача в сопровождении родителя или супруга при сохранении врачебной тайны.

Во всех этих ситуациях в общественной форме осуществляются социально значимые биологические действия, которые тем не менее скрыты от социума и даже нарочито исключены из социальной жизни.

Такие отношения, затрагивающие биологическую сущность человека, которые социум стремится нормировать, контролировать и организовывать, но которые эффективнее осуществляются за счет возможностей общества, примерно соответствуют *социовитальным отношениям* в понимании Э. Д. Азарх и С. Г. Кордонского[1]. При этом оказывается, что социовитальные отношения тяготеют к области приватного, доля которого в общественной жизни велика, в то время как социальное бытие по сути *публично*.

Социальному миру релевантна та часть биологических отправлений, которая может быть опубликована, стать достоянием не только «своих», принадлежащих к твоему обществу, но и «чужих», однако значимых, потому, что они входят в социум, на существование в котором претендует данный человек. Для социума биологическая сущность человека — подлинный черный ящик, и его интересуют только среднестатистические параметры входа и выхода.

Далее социо-витальные отношения биологии и общественного бытия рассматриваться не будут.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

Теперь в трех аспектах, которые порой тесно переплетаются, можно кратко охарактеризовать некоторые ключевые точки темы.

А. Биологический субстрат социальных процессов

В этом разделе предстоит рассмотреть три вопроса.

1) *Генезис социальности*

Генезис социальности привлекает внимание многих дисциплин.

Среди живых существ распространены ситуации, в которые физиологические отправления организмов (синтез или потребление того или иного вещества, стимуляция или подавление размножения или двига-

[1] Эти работы проведены в первой половине 80-х гг., результаты их внедрены в практику реабилитации лиц с психическими расстройствами, однако не опубликованы. Ср. *Баранов А. В.* Социальные аспекты экологии человека//Проблемы экологии человека. М., 1986.

тельной активности и т. д.) определяются их статусом в популяционной структуре и зависят от таковой активности доминирующих индивидов. Такие взаимодействия характерны уже для бактерий и одноклеточных ядерных организмов. Они обеспечиваются не психическими механизмами, а выделением определенных веществ или отсутствием таковых, т. е. имеют гуморальную природу. Скорости таких социоморфных процессов на несколько порядков меньше аналогичных нервного или психического типа. Подобные механизмы участвуют и в регуляции организма человека.

Аналогичные взаимодействия складываются и на основе развитого поведения, обеспечиваемого нервной системой, сложные формы которого встречаются у креветок, кальмаров, птиц или млекопитающих.

Такого рода материал является предметом *социобиологии* или даже *биополитики* (в широком ее понимании)[1].

Второе направление исследования — *этология*. Начиная с кишечнополостных и червей прослеживаются феномены, которые квалифицируются как поведение. Поведение, детерминированное положением в статусной структуре популяций (т. е. социальность), обнаруживается у большого числа животных, яркие примеры этого свойственны ракообразным, насекомым, головоногим моллюскам, рыбам, птицам и млекопитающим. У последних, в особенности у хищных и приматов, обнаруживаются сложные формы поведения, сопоставимые с социальными процессами у человека (ср. павловский рефлекс свободы)[2].

Расширительно понимаемое поведение усматривается и у растений, причем и у них обнаруживаются массовые эффекты поведения. Дифференцированно квалифицировать их как общественные или социальные затруднительно. Однако сосредоточившееся на структуре экологических ниш (которая по сути аналогична *коллективному бессознательному* социума), давно существующее направление геоботаники так и именуется фитосоциологией (в духе Ж. Браун-Бланке)[3].

Обширная область, связанная с обсуждаемой темой, — *зоопсихология*. Ее отношение к интересующему предмету различно в зависимости от понимания природы психического.

Если психическое понимать как сложный эпифеномен высшей нервной деятельности, то его привлечение к обсуждаемой теме не привносит чего-либо нового в сравнении с тем, что дает этология.

---

[1] *Vlavianos-Arvantis A., Oleskin A. V. Biopolitics.* The Bio-environment. Bio-Syllabus. Athens: 1992; *Oleskin A. V.* Understanding bios throught ourselves. New concepts of life// Rivista di Biologia. 1994. V. 87. N 1; *Олескин А. В.* Биополитика. М., 2001.

[2] *Шовен Р.* Поведение животных. М., 1972.

[3] *Пачорский И. К.* Основы фитосоциологии. Херсон, 1921.

Если полагать, что психика является особым субстратом (во фрейдовском духе), на котором формируются эффекты массовых структур социального типа, то ситуация выглядит иначе[1].

Тогда, во-первых, надо зафиксировать, что становление психического сопряжено со становлением биологического и зачатки психики обнаруживаются практически у всех живых существ.

Поэтому необходимо *отделить* биологические процессы в массовых структурах от психических. Например, массовое переселение леммингов основано на синхронизации физиологических процессов, а паника в толпе — процесс психический. Подобные ситуации позволяют ставить вопрос не только о «нижней» (между физико-химическим и биологическим), но и «верхней» границе — между биологическим и психическим — живого.

Так или иначе, развитая психика известна только у человека и только у человека известна развитая социальная организация.

Во-вторых, важными проявлениями психики являются мышление и рациональность, которые наиболее очевидны современному человеку. Однако рациональность машинообразна и чревата порождением третичных форм физических процессов («механика мышления»).

Но именно рациональность — важный компонент социальных процессов; это средство экспликации принципов социальной организации, без которых порой невозможна сама эта организация.

Хороший пример социальности — феномен очереди. Она построена на рациональности и в чистом виде есть перечисление позиций людей, принципиально игнорирующее их личностные особенности — каждый должен подчиняться установленным правилам. Если очередь институализирована, то могут возникнуть дополнительные правила, касающиеся определенных категорий лиц, — очередь оказывается построена из социально неоднородных единиц.

В очереди могут возникать дополнительные отношения людей — эмоциональные, выражающие отношения людей, физиологические, определяемые, например, неприемлемостью запаха соседа по очереди, социальные, когда кто-то из стоящих занимается дополнительной организацией очереди, и т. д.

В очереди могут возникать и разрушающие ее процессы, например, возникает паника в результате неконтролируемого развития коллективных эмоциональных состояний. Но возможно и превращение очереди из социального образования в духовную общность, когда люди ощущают свое единство в Боге, скажем, в сельской очереди из хорошо

[1] Традиция идущая от Х. Тьюка — см. *Крюи де П.* Борьба с безумием (любое издание).

знакомых людей. Превращение очереди в духовную общность или ее подчинение панике может зависеть от одного человека, обычно с выраженными биологическими особенностями.

Ситуации наложения на социальные процессы других, свойственных малым ансамблям или массовым структурам, достаточно обычны.

Своеобразие социальной организации придает *язык*, биологические предпосылки существования которого — самостоятельная область[1].

Так или иначе, область пересечения современных биосоциологии, биополитики, зоопсихологии и психобиологии — одна из интереснейших в современном познании, обогащаемая большим количеством новых данных.

2) *Особенности биологической организации как субстрата социальных процессов*

Существует антиномичность самой постановки проблемы — природа социальности предполагает, что должна быть обеспечена *неявленность* внутренней организации человека, в том числе организации биологической. Здесь же выявляются биологические предпосылки социального бытия, которые предстают в снятой форме. Средствами снятия являются нормативные формы поведения — ритуал, обряд, обычай.

При этом существенны два обстоятельства.

Во-первых, как говорилось, социальная организация не является производной от организации биологической.

Однако, во-вторых, социальная организация в качестве одного из своих субстратов предполагает биологическое, свойства которого накладывают ограничения на тип социальности.

Но если социальность есть, то для ее самотождественности необходимы определенные свойства биологического субстрата, который не должен отклоняться от характеристического состояния. Грубо говоря, для того чтобы социальность могла существовать, биологический субстрат должен быть в пределах нормы.

Сколько-нибудь полно даже перечислить аспекты этой темы в кратком обзоре невозможно. Поэтому целесообразно на примере некоторых вопросов продемонстрировать характер возникающих проблем.

---

[1] Представление об этой интенсивно развиваемой области можно составить по не очень новой книге Вяч. Вс. Иванова (1978). См. также: *Бехтерева Н. П., Бунзен, П. В., Гоголицин Ю. Л.* Мозговые коды психической деятельности. Л., 1977; *Глезер, В. Д.* Зрение и мышление. Л., 1985; *Прибрам К.* Языки мозга. М., 1975.

В качестве первого можно взять *соотношение нормы биологической* и *нормы социальной*.

Определить содержание первого понятия чрезвычайно сложно. Однако, гемофилия, слепота, диабет, детский церебральный паралич (ДЦП) — заведомо биологическая патология.

Обычно эти случаи не укладываются и в границы социальной нормы. Однако гемофилия для коронованной особы не является катастрофическим обстоятельством, точно так же, как достаточно богатое и технологически развитое общество может обеспечить реабилитацию ребенка с ДЦП или жизнь диабетика. Вместе с тем квалификация таких ситуаций как социальной нормы вызывает определенные напряжения.

Конечно, можно рассматривать глюкозу или сахарозу как яды, а инсулин — как витаминную добавку, но оказывается, что жизнь в этом случае жестко зависит от технологии и механизма снабжения, а значительная доля таких индивидов в популяции увеличивает стоимость жизни в данном обществе. Макроэкономический анализ ситуации показывает значительное увеличение удельной экологической нагрузки, создаваемой индивидом в таком обществе, и тогда можно обсуждать как глобально-экологические последствия социальной реабилитации таких индивидов, так и целесообразность такой реабилитации вообще.

Могут быть и сложно опосредованные отношения двух типов нормативов. Так, для одного из индийских племен характерна утрата зрения к сорока годам, что является социальной нормой для этого племени. Причиной этого является отсутствие в рационе витамина А, хотя важное место в питании племени занимает морковь, но подвергающаяся многочасовой варке. Рекомендации есть сырую или непереваренную морковь наталкиваются на существование жесткого табу на это. В дополнение выясняется, что это же табу определяет другие ограничения на экологически значимую активность, реализация которой (в условиях хрупкости тропических биоценозов) может привести к схождению всего почвенного покрова с южного склона Гималаев в долину Ганга. Выяснение таких взаимосвязей заставило европейцев отказаться от рекомендаций по изменению диеты.

Итак, биологическая аномалия может стать социальной нормой. Но существуют и противоположные примеры.

Так, рассмотренная ситуация с морковью открывает ряд примеров того, что биологически пригодные продукты не используются в пищу по социокультурным причинам. Особенно часто это относится к грибам[1].

[1] *Топоров В. Н. С*емантика мифологических представлений о грибах//Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979.

Более того, нормативной формой питания является употребление блюд, приготовление которых предполагает большое количество отходов, пригодных для употребления в пищу, а блюдо, целостность которого нарушена или которое начато употребляться культурно ненормативным способом, рассматривается как подлежащее выбрасыванию. Так люди переводят большое количество пищи в отбросы, и обсуждать физиологические нормы культурно-нормативного питания оказывается бессмысленно.

Вариабельность биологических процессов, не попадающая в зону очевидной патологии, обычно значительно выше, чем допустимая социальными нормами. Последние бывают *сдвинуты* относительно биологически оптимального распределения. Если такой сдвиг велик, а нормы подолгу не меняются (т. е. не работает механизм *моды*), то в популяции накапливаются расстройства биологии. Например, ныне общеизвестно отрицательное влияние на углеводный обмен доминирования пищи, содержащей быстроусваеваемые углеводы, или негативное воздействие холестерина. Распространение таких представлений в социуме разрушает культуру соответственно мучной кухни и кухни, ориентированной на употребление жирных сортов мяса или яиц, что сопровождается соответствующими этническими и демографическими последствиями.

Приближение к биологическим пределам происходит в социально запредельных условиях концлагерей, военных действий, стихийных бедствий и т. д., но и здесь привходящие культурные обстоятельства не позволяют реализовать биологический потенциал человека. Так, во время Ленинградской блокады многих можно было бы спасти очистительными клизмами.

Такие взаимоотношения свойственны многим сторонам жизни человека — нормативам здоровья, одежды, жилой площади, физических нагрузок, полового диморфизма, продолжительности жизни и ее стадий и т. д.

Целесообразно различать несколько типов оснований норм.

Нужды — самый жесткий тип необходимости. Неудовлетворенность нужд несовместима с биологической жизнью, что проявляется в разных временных масштабах — препятствие дыханию приводит к смерти за минуты, мочеиспусканию — за часы, приему пищи — за недели. Препятствие же размножению приводит к вымиранию за десятки лет. Поэтому ситуацию концлагерей нельзя рассматривать как сохраняющую биологическую жизнь, если она не обеспечивает размножения (ср. различие условий выживания и размножения животных в зоопарках). Итак, в зависимости от временных масштабов в нужды попадает разный набор биологических отправлений.

Потребности — социально нормативный способ реализации нужд, и они могут быть биологически неоптимальными. Цивилизованные государства и международные организации обязуются удовлетворять потребности.

Желания регулируются типологическими и групповыми нормативами. Соответствующие общественные образования ориентированы на удовлетворение допускаемых желаний своих членов, что определяет степень психологического комфорта последних.

Прихоти индивидуальны, и об их удовлетворении заботится сам человек или лица, интимно с ним связанные социовитальными отношениями. Неудовлетворение прихотей разрушает тонкие внутренние состояния, которые могут, к примеру, быть значимы для творчества.

На взаимодействие биологических и социальных нормативов влияет наличие двух типов биологии человека (и других живых существ).

Биология-1 свойственна 95% населения и служит базой социального нормирования физических нагрузок, интенсивности деятельности, продолжительности отдыха и т. д.; к ней апеллирует обыденное сознание.

Биология-2 характерна для оставшихся 5% и представлена тем, что в медицине относится к казуистике, квалифицируется как резервные возможности человека, связывается с измененными состояниями сознания или свойственно аскетам. Большинству людей она предстает, когда открывается «второе дыхание». Этот тип биологии обычно не принимается во внимание при социальном нормировании. Однако ныне в связи с исчерпанием обычных ресурсов социальной жизни такие состояния могут приниматься в расчет при социальном нормировании.

Разные социальные нормативы свойственны разным типам людей, относившихся в Индии к разным варнам и кастам, в эллинском мире — к народу, героям и богам, на Руси — к черни, народу, богатырям и князьям. С учетом этих традиций можно говорить о следующих типах людей.

Большинство представлено *социумистами* — массами, вовлеченными в социальные процессы. Для них характерна биология-1 и адекватно основанное на ней социальное нормирование, предполагающее удовлетворение потребностей, хотя сами социумисты порой ориентированы только на нужды. Социумисты наиболее подходят для социальной организации, но их остаточная непредсказуемость и рождает идею людей-автоматов, зомби.

Коллективисты включены в общественную жизнь, обеспечивающую выполнения некоторых желаний; сами коллективисты безапелляционно требуют удовлетворения потребностей. Для них обычна биология-1, хотя нередки отклонения от нее при появлении второго дыхания.

Индивидуалисты действуют самодостаточно, но для них существенна принадлежность к референтной группе, которая может включать лиц разных времен и народов. От членов референтной группы ожидается удовлетворение желаний друг друга и внимание к некоторым прихотям. Для них обычна биология-2 с довольно высокой энергетикой при не очень большой дифференцированности ее использования. Социальное нормирование предполагает большую свободу с опорой на наличие резерва.

Напротив, *одиночки*, которым свойственна биология-2 иного типа, характеризуются большой дифференцированностью, за счет чего они оперируют с низкими энергиями. Это предполагает для них значительные возможности релаксации, средства достижения которых с позиции менее дифференцированных людей и воспринимаются как прихоти. Социальное нормирование при этом практически невозможно.

Надо иметь в виду подвижность границ нужд, потребностей, желаний, разные социальные нормативы этих границ. Так, испражнение и мочеиспускание даже для индивидуалистов выступают как нужда, в то время как для одиночек это потребность, чихание для социумистов и коллективистов также нужда, хотя для индивидуалистов это также потребность, и т. д. При доминировании биологии-2 вообще большинство нужд (вплоть до сердцебиения или перистальтики кишечника) превращается в потребности или желания.

Иерархия потребностей Маслоу тоже оказывается подвижной — биологические нужды органичны социумистам, потребности будут на первом месте у коллективистов, а у индивидуалистов и одиночек они смещаются на отдаленные места. «Плавание» биологических потребностей по иерархии определяется проявленностью биологии-2.

Второй пример — наследование социально значимых признаков[1].

Очевидно, что профессиональное совершенство (в том числе и связанное с удержанием власти) достижимо при наличии передачи традиции если не в сегрегированном, то хотя бы анклавно организованном обществе. Обычно такая организация реализуется в форме фамильного наследования профессионально-сословного статуса и наталкивается на то, что наследник не в состоянии заниматься предназначенным ему делом.

[1] *Эфроимсон В. П.* Биосоциальные факторы повышенной умственной активности. Деп. ВИНИТИ № 1161. 1982; *Эфроимсон В. П.* Генетика этики и эстетики. СПб., 1997. Большой фактический материал содержит: *Климов Г.* Красные протоколы. Краснодар, 1992 (приложение к журналу «Кубань») — есть генетические неточности и тенденциозность подачи материала.

Для генетики это абсолютно понятно — речь идет о полигенно определяемых признаках со сложной поэтому схемой наследования, которая не совпадает с прямым кровным наследованием. Ориентация на биологическое фундирование только усугубляет ситуацию — ограничиваются возможности скрещивания и увеличивается число неполноценных индивидов вследствие инбридинга (близкородственного скрещивания). Альтернативой является духовное наследование (известное церкви).

Некоторым исключением являются признаки с простыми схемами наследования, но они относятся к специализированным простым качествам (подобно наследованию музыкального слуха), притом что выживание в меняющемся мире предполагает отсутствие узкой специализации деятельности. Неспециализированные же виды деятельности основаны на качествах, определяемых генами со сложными схемами наследования.

Таким образом, ориентация на биологическое наследование возможна там, где речь идет о специализированных способностях, реализация которых требует больших затрат на социальные гарантии такой реализации, и невозможна по отношению к задаткам, которые обеспечивают общее увеличение способности к социальному выживанию.

В этом разделе надо остановиться и на общих особенностях биологии человека, которые накладывают граничные условия на организацию социальных процессов. Это будут те же черты биологии, которые значимы для общественной жизни (см. выше), однако их отправление в массовых структурах порождает особые эффекты.

Так, репродуктивный цикл — от сватовства до воспитания внуков — выступает как объект социального управления, игнорирующий неповторимость каждой семьи, наличие у нее репродуктивных ресурсов (биологических, культурных, экономических, психических и т. д.). Средствами воздействия на репродукцию являются общественное мнение, законодательство, налоговые льготы, материальная помощь. Эффективность такого воздействия зависит от демографической структуры населения, т. е. от биологических особенностей популяции.

Эти же особенности определяют возможности установления геронтократии или повышенного социального экстремизма, потребность в расходах на образование или медицинское обслуживание и т. д. Изменение соотношения полов влечет сдвиг интенсивности социальной активности и репродуктивного потенциала популяции.

С репродуктивным потенциалом связана социальная определенность пола. Она выражена в задании разных репертуаров социальных амплуа, половом диморфизме социальных нормативов, социальном авансировании репродуктивного потенциала женщины и т. д.

Большая группа социальных процессов поддерживает текущие соматические потребности человека — в пище, питьевой воде, чистом воздухе, жилище, тепле, одежде, средствах утилизации продуктов жизнедеятельности.

Удовлетворение этих потребностей обеспечивается следующими кустами социальных процессов:

1) добыча необходимых благ или сырья для них;
2) производство продукции и/или придание ей формы товара;
3) транспортировка;
4) торговля;
5) подготовка к использованию;
6) утилизация отходов.

Таким образом оказывается, что большинство отраслей экономики направлено на удовлетворение биологических потребностей.

При этом ныне речь идет об экономике индустриального типа — характерном социальном образовании, порой (в машиностроении или металлургии) утрачивающем видимую связь с биологией человека.

В целом это отображает тенденцию универсализации человека, который тем не менее имеет биотически организованную телесность. Поэтому ему приходится специально организовывать деятельность так, чтобы, проникая в абиологические обстановки (в открытый космос или помещения с ядерными реакторами), обеспечивать условия существования этой телесности, защищая тело скафандрами или используя манипуляторы. Это расширяет сферу производства, которая детерминирована биологией. Еще более эта сфера расширяется, если учесть, что речь идет об удовлетворении потребностей, а не нужд, что предполагает отличие условий жизни от зоопарка.

Утрата экономикой связей с биологической организацией человека является проявлением его универсальности (в противоположность биоморфности, свойственной общественным формам удовлетворения потребностей). Однако ныне поднимается вопрос и о создании индустриальных *биоморфных технологий*[1].

К социальным отправлениям применим *ресурсный подход*, при котором какое-то благо рассматривается как имеющееся в меньшем количе-

[1] *Гильманов В. Г., Гинак А. П., Дымшиц В. А. и др.* Способ количественной оценки аэрационных свойств колб, применяемых в микробиологических исследованиях. Определение параметров, характеризующих дыхание микробных культур в колбах //Процессы и аппараты для микробиологических производств. «Биотехника-89». Ч. 2. М., 1989; *Олескин А. В.* Современная биотехнология в свете основных научных подходов к живой природе. Пущино, 1989.

стве, чем в нем есть потребность. Тогда возникает конкуренция за ресурс — финансовый, сырьевой, энергетический и т. д.

Ныне ресурсный подход — общее место для многих дисциплин, в том числе для социологии и экологии[1]. Поэтому естественно, что рассматриваются экологические ресурсы — питание, вода, чистая среда обитания и т. д.; актуальны и такие биотические ресурсы, как телесная (не плотская) красота, благоприятный генотип (в понимании евгеников), состояние здоровья, одежда, парфюмерия и другие реалии биологической организации человека.

Для ресурсного подхода характерна органическая индифферентность к конкретной персоне — он применим к процессам в массовых структурах.

Отправления личной гигиены, сон, отдых, осуществляясь в массовых структурах, вовлекаются в социальные процессы, порождая представления о рекреации как особой деятельности по поддержанию и воспроизводству трудовых ресурсов, удовлетворяющих социальным стандартам[2].

Своеобразные феномены порождаются при социальном подходе к поддержанию здоровья — здоровье оказывается ресурсом и в качестве такового выступает как объект *управления*. При этом решается стандартная задача максимина — средства, потраченные на одну группу населения, изымаются из потенциальных ассигнований на здоровье другой. Это может приводить как к социальному, так и к возрастному (старики брошены на произвол судьбы, а дети являются потенциальным источником органов для трансплантации) неравенству.

Ярко проявляется суть массовых процессов в эпидемиологии: профилактические прививки — фактор аллергизации. При этом перед гражданами возникает дилемма — либо аллергия, либо смертельные болезни. Более того, отдельный человек — обычно из элитарных слоев — может быть не привит, однако иммунизированность окружающих может быть даже лучшей защитой от инфекционных заболеваний. Но элита более всего и страдает от инфекций — чистота не формирует иммунитет, что наглядно проявилось в XX в. в истории полиомиелита.

Проблемы, осмысленные на популяционном уровне, но нерелевантные на уровне индивида или малой группы, являются предметом особой отрасли лечебной деятельности — *социальной гигиены*, которая по

---

[1] Sociobiology and Bioeconomics/3d A Studies in Economic Ethics and Phylosophy (SEEP). Springer-Verlag, Berlin at all., 1998.

[2] См., например: *Каганский В. Л., Родоман Б. Б.* Социокультурные функции самодеятельного походного туризма//Научные проблемы туризма и отдыха. Информ. бюл. ВНИИЛТЭ. 1988. № 2.

сути (не по декларациям!) часто противоположна *медицине* (в понимании Ибн Сины), обращенной к индивидам или малым ансамблям[1].

Наиболее показательна радиационная гигиена — новая область, с которой человек соприкоснулся недавно, не имеет представлений о ней на уровне здравого смысла и которая во многом контринтуитивна — действующий фактор невидим, явно не ощущаем, последствия отдаленные и не имеют явной связи с причиной. Генетические же последствия радиационных воздействий разнообразны и продолжительно влияют на социальную жизнь. Поэтому профилактические мероприятия должны прежде всего давать удовлетворительный социальный результат, порой игнорируя отдельных индивидов (ср. ограничения на репродукцию лиц с неблагоприятной наследственностью и их правовой статус).

Завершает этот ряд социальных явлений гражданская оборона, построенная по типу массовых структур и призванная минимизировать потери при чрезвычайных ситуациях и военных действиях.

Как биологическое возмездие в цивилизованном социуме рассматривается умерщвление, а не калечение; последнее исключается при индивидуальном возмездии, но обычно как ранение на войне.

Последние связаны с тем, что у животных оформляются центры функционирования (сердце в кровеносной системе, мозг — в нервной, почки — в выделительной), что свойственно и человеку. Это делает умерщвление тела через разрушение таких центров наиболее экономичным (в сравнении с физическими или психическими средствами) и социально распространенным способом уничтожения не только тела, но и психики или личности врага — социально биологическое тело оказывается *самым хрупким* звеном организации человека.

В традиционных же обществах обычны такие способы индивидуального возмездия как кастрация, отрезание ушей, вырывание ноздрей, языка, отрубание конечностей и т. д. В этом проявляется редукция в социуме человека до социального агента с необходимостью превентивного пресечения его непредсказуемого поведения, а практический атеизм соглашается с лишением человека права на спасение души и раскаяние, имеющееся у искалеченного в отличие от умерщвленного (это же аргумент в пользу замены смертной казни даже самым мучительным пожизненным заключением).

Цивилизованный социум исключает или ограничивает и мягкие средства биологического наказания — порки, лишение пищи, в частности сладкого, пресечение половой жизни, но принимает, следуя этой логике, технологии, которые предполагают со статистической необхо-

[1] См. наст. изд., с. 328–337.

димостью убийство некоторого количества людей (в дорожных катастрофах, авариях на производстве) и даже планирует значение этой величины.

3) *Особенности биологии человека как субстрата социальных процессов*

Пока обсуждались универсальные зоологические характеристики человека (размножение, продолжительность жизни, генетические процессы, питание), специфические же для человека не рассматривались вовсе. Для выделения уровней такой специфичности будет использовано мысленное конструирование (некоторые его противоречия за пределами рассматриваемой темы приниматься во внимание не будут).

Во-первых, человеку свойственна биология царства животных, прежде всего способ питания. Однако есть отрывочные и противоречивые данные о возможности синтеза органических веществ из неорганических в организме человека, полученные при изучении практикующих йогу (усвоение углекислоты и азота воздуха). Если такие сведения верны, то можно говорить о приближении метаболизма аскетов к растительному и тогда в новом свете предстают практика постов в их отношении к понятию полноценности питания или идея питания запахами.

Очевидна значимость не прикрепленного к субстрату образа жизни, активного движения и двусторонней симметрии тела человека для его становления. Однако уже в XX в. для социумистов, а значительно раньше для индивидуалистов, эти свойства стали незначимыми и можно представить, как с помощью техники функционировал бы социум людей-деревьев или людей-кораллов.

Очевидна привязанность человека к наземному образу жизни, но ныне, по крайней мере в профессиональной сфере, реализуется и идеал человека-рыбы или человека-амфибии.

Потребность человека в умеренном тепле, отсутствие у него сезонных спячек при достаточно высокой потребности в гомеостазе рождают строительство, производство одежды, создание кондиционеров.

Значительно влияет на образ жизни живорождение. Если же представить человека яйцекладущим, то естественно ожидать распространения инкубаторных технологий, значительных отличий социальной жизни от существующей (ср. различие промышленного разведения птицы с более близким к традиционному содержанием скота на фермах). Беременная же, получая дополнительную социальную защиту, выступает как своего рода инкубатор, что вовлекает в репродукцию больший круг женщин. Тем самым женщины в отличие от самок живот-

ных, как и мужчины, расширяют спектр полиморфизма (хотя это чревато популяционными проблемами).

Наконец, *Homo sapiens* как вид обладает особенностями биологии[1], которые откладывают отпечаток на социальные процессы:

— Прямохождение, предопределяющее характер одежды и транспорта.

— Безволосость при наличии волос на отдельных участках тела, предрасполагающая к развитию одежды и парикмахерского дела.

— Независимость репродуктивного цикла от сезонного, наличие не течки, а менструаций, что является основой отделения половой жизни от репродукции (возможно, последнее — характеристика не *Homo sapiens*, а человека, см. далее), проституции как социального феномена.

— Развитие руки и артикуляционного аппарата как предпосылки манипулятивной деятельности и звуковой речи.

К этому же ряду относятся и наличие ногтей, а не когтей, особенности зубов, желудочно-кишечного тракта и т. д.

Такие особенности биологии Homo sapiens детерминируются генетически и проявляются в индивидуальном развитии *независимо* от желания и влияния человека.

От биологии *Homo sapiens* биология человека[2] отличается тем, что в ней проявляется психическая, социокультурная и духовная природа человека. У человека тело *Homo sapiens* в единстве с душой выступает как *плоть*, применимой к человеку формой лечения является медицина, а не социальная гигиена, приближающаяся к ветеринарии *Homo sapiens*, и т. д.

Человек, с одной стороны, не реализует полностью потенциал биологии *Homo sapiens* (ср. биологию-1 современного среднего горожанина и обитающих в лесах антропоидов), а с другой — превосходит его благодаря одухотворенности (биология-2, резервные возможности человека).

К биологии человека, *биоантропологии,* относятся черты биологии, не детерминированные генетически, а воспроизводимые за счет культуры. Таковыми будут:

— изменения морфологии тела — прокалывание мочек уха, носа (при обилии на них акупунктурных точек), подстригание волос и ногтей, бритье, подпиливание зубов, обрезание крайней плоти, малых срамных губ и клитора, удаление девственной плевы новорожденным или вырезание у них же аппендикса, современные косметические операции;

---

[1] См. *Харрисон и др., 1979.*

[2] Спекулятивная биология человека. Вильнюс, 1996.

— использование огня для приготовления пищи и обогрева;

— ношение украшений и одежды (К. Линней включал ее в таксономическую характеристику — человек не только *Homo sapiens*, но и *homo vestitus*) и влекомые этим изменения физиологии: неспецифический массаж, пережатие сосудов, изменения терморегуляции, механическая защищенность покровов и скелета, изменения кровообращения и деятельности внутренних органов, включая грубые механические воздействия на скелет, производимые жесткой обувью (включая колодки китаянок), кринолинами, корсетами, доспехами и шлемами и т. д.;

— особенности питания, которое может включать и яды, к которым привыкают (соланин в пасленовых например в картофеле, томатах) или относятся с осторожностью (при употреблении грибов, алкоголя);

— использование химикатов, изменяющих физиологическое состояние (табак, наркотики, стимуляторы, лекарства);

— татуировки и макияж, существенно влияющие на функции кожи;

— применение парфюмерных средств, влияющих на биохимию и изменяющих характер полового и группового подбора;

— намечаемая связь характера психической деятельности и особенностей облысения головы[1];

— возможно, к этой сфере относится постоянная сексуальная активность, свойственная только человеку.

В результате в каждой культуре формируется свой стандарт биологической нормы, здоровья и болезни. Культуры располагают и механизмами, компенсирующими черты биологии, резко отклоняющиеся от черт биологии людей других культур. Люди разных культур обладают разной организацией плоти, по-разному членят тело на члены и органы, что накладывает ограничения на перенос медицинских практик из культуры в культуру.

Различна и вариативность биологии *Homo sapiens* и человека.

Вариативность биологии *Homo sapiens неосознаваема* — люди не подозревают о генетической структуре своих популяций, распространенности в них нормальных или серповидно-клеточных эритроцитов, степени гомозиготности. Тем не менее эти сведения весьма интересны для понимания социальных процессов.

Так, величина консонантного коэффициента (доля гласных в речи) на территории Евразии коррелирует с частотами распределения групп

[1] *Сопиков А.* Деятельность сознания как детерминанта облысения головы мужчины//Знание — сила. 1995. №. 8.

крови в популяции, есть некоторая связь культур винопития отдельных народов и генетики алкогольдегидрогеназ у них и т. д.

Вариативность же биологии человека есть результат деятельности им *осознаваемый* и отчасти *сознательно* достигаемый — через задание как идеалов толстых или тонких, полногрудых или плоскогрудых женщин (действуют гормональные механизмы), богатырского или астенического телосложения (определяется характером физических нагрузок и питания), т. е. варианты биоантропологии, например этнобиологии, в отличие от биологии популяций *Homo sapiens*, задаются культурными нормами. Указанные примеры модификаций соматики подвержены влияниям моды как социального механизма.

Итак, существует сложно опосредованная связь биологии человека и его социальной организации. За пределами того, что дано в обыденном сознании, эвристичность знания таких связей для организации социума крайне мала.

Б. Биологические отправления как социальная ценность

Биологические отправления человека — не только база социальной организации, даже социум объявляет некоторые биологические отправления социальной ценностью (когда они сливаются с какими-то другими).

Прежде всего это относится к *репродукции* — существует как положительное, так и негативное (например, в нынешнем Китае) отношение к ней — планирование семьи рассматривается как одна из первоочередных задач человечества, а демографическая угроза ставится в один ряд с военной, экологической, энергетической.

Биологические отправления являются также основой формирования *семьи* и родственных связей, которые могут быть разными, базируясь на родстве то по мужской, то по женской линии.

Половые отношения людей, связывающие их помимо репродуктивных или семейных, значимы для общества ввиду их эмоциональной силы, которая может изменять социальный, политический, государственный статус вовлеченных в них персон.

Сопоставима сила и родственных отношений, которая, с одной стороны, является гуманитарным ресурсом, а с другой — источником коррупции (поэтому ограничивается совместная работа родственников).

Эротическое начало значимо также с гедонистической позиции, что порождает проституток, гетер, гейш. Эти феномены бывают источником эпидемий, которые влияют и на репродукцию.

Не менее социально значимо и нетрофическое значение пищи — поедание другого живого существа (иногда — человека) мистически и гедонистически притягательно, а также порождает искусство кулина-

рии. В итоге культовая трапеза и кулинария — важная сфера финансово-экономической деятельности социума.

Кроме того, само человеческое тело может рассматриваться как образец красоты, привлекать своим физическим совершенством в спортивных соревнованиях, иметь *символическое* значение[1].

В. Биологические закономерности как источник социальных эвристик

Идеи биологии довольно часто, в особенности последние два века, являются источником социальных представлений.

К их числу относятся: представление о физической силе как достоинстве мужчины и в особенности государственного мужа; мнение, принятое в аристократических кругах, что время от времени надо обновлять кровь — иметь детей от простолюдинов или распространенные в традиционных обществах запреты на инцест.

Социальный резонанс в XIX в. имели мальтузианство и социал-дарвинизм. Ныне с ними перекликаются идеи «зеленых», которые становятся заметной (хотя и неосновательной) политической силой, перерастающей порой в экологический экстремизм, экофашизм и терроризм, экологический рэкет, и создают идеологию, которую можно квалифицировать как «зеленое язычество»[2].

Основой таких движений является демографическая или экологическая озабоченность общества, озабоченность своим здоровьем в благополучных обществах. На основе последней формируются системы закаливания или дополнительной комфортности, диеты — вегетарианские, сыроедения, витаминизированные, из экологически чистых продуктов и т. д.

Активистами таких движений оказываются неспециалисты, которые тем не менее пользуются профессиональными понятиями, объяснить смысл которых они часто бывают не в состоянии.

Таким образом, речь идет о чисто *социальных* движениях, почти не имеющих отношения к биологии человека, они лишь улавливают какие-то проблемы и напряжения в этой области. На этой основе фор-

[1] См., например, *Hoffmeyer J.* The Swarming Body//Presentation at the 5th Congress of The International Association for Semiotic Studies. Berkeley. June 13–18, 1994; *Hoffmeyer J.* Signs of Meaning in the Universe. Bloomington & Indianapolis, 1997.

[2] *Лютикова Г. В.* Экологический терроризм в Финляндии//Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Вып. 6. М., 1991; *Каганский В. Л.* Экологический кризис: феномен культуры?//Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Вып. 6. М., 1994; *Кучеров И. Б.* Религиозная экология или христианство? (рукопись), СПб., 1991; *Кучеров И. Б.* Охрана природы как часть христианского вероучения//Христианство и экология. СПб., 1997.

мируются специализированные секторы промышленности, услуг, сельского хозяйства, вокруг них возникают финансовые и политические структуры и т. д.

Но есть и осмысленные социальные проблемы, обладающие реальным биологическим основанием. Так, оптимизация производства одежды или мебели требует осведомленности в *морфометрии* человека, знания распределения его размеров. Иначе возникают диспропорции производства — отсутствие изделий одних размеров и избыток других. Оптимизация же производства должна базироваться на «ципфовости», а не нормальности подобных распределений (см. выше)[1].

Иногда новые нормативы формируются одновременно с получением новых биологических знаний. Так, издревле было настороженное отношение к девиантной половой определенности[2], иногда переходящее в преследование. Между тем ныне установлено, что хромосомная, генитально-морфологическая и гормонально-физиологическая определенности пола могут не совпадать (не говоря о психологическом, социальном несовпадении), отклонения могут определятся необычным расположением пещеристых тел или особенностями гениталий и т. д. Таким образом, биологический пол скорее не двоичен, а *градуален*.

Такие данные биологии вплетаются в социальное переосмысление пола, в распространение толерантности, в отнесение половой определенности к сфере частной, а не социальной жизни, требуют исключения указания пола из публичной документации (ср. борьбу с сексизмом в англо-американском мире), изменения планировки и архитектурного решения общественных уборных. Такое переосмысление актуально и в связи с эпидемией СПИДа.

Наконец, биология порождает *социальные эвристики* и в ситуациях, не связанных с биологическим фундаментом социальных процессов, а безотносительно к нему в социум вносятся идеи биоморфности. Речь идет о своего рода *социальной бионике*[3].

Дать представление, о чем идет речь, можно следующими примерами.

К анализу и прогнозу ситуации, начавшейся в бСССР с 1985 г., оказалась приложима концепция Л. Г. Раменского. Он различал в фито-

---

[1] Ципфовское распределение не может быть композицией нормальных. Поэтому производитель, выбирающий свой размерный сектор рынка, должен воспроизводить структуру интегрального распределения (свойство автомодельности).

[2] Ср. *Родоман Б. Б.* Девиационизм. Сошли ли мы с правильного пути?//Путь. 1995. № 8.

[3] *Chebanov, 1988,* op. cit.

ценозах виоленты — силовики (ср. старые госструктуры, ВПК), которые определяют ситуацию, эксплеренты, способные давать краткие вспышки численности (часть теневых структур), и патиенты (терпельцы) — всегда присутствующие в угнетенном состоянии (скрытые диссиденты). При смене структуры старые виоленты выпадают, часть патиентов эксплерентизируется (челночная торговля, финансовые пирамиды, как МММ), часть виолентизируется (новые русские), причем происходит несколько смен виолент (несколько переделов собственности и власти), часть так и остается патиентами (правозащитники).

Еще важнее понимание того, что имманентной формой существования живого является *разнообразие*[1] — популяций, видов, таксонов высшего ранга. Осознав это, биология стала центром выявления *типологического мировоззрения*[2], сменяющего мировоззрение инвариантное. Типология оказывается актуальной для разрешения экологических проблем, формирования подлинного политического и идеологического плюрализма, сосуществования рядом разных людей и культур — мир оказался ныне слишком маленьким.

Более того, свойством биологического разнообразия является его воспроизведение из достигнутого единообразия[3]. В связи с этим становится совершенно бесполезной идея разного рода «чисток», практикуемых тоталитарными режимами, — разнообразие достаточно быстро восстанавливается.

Иначе предстает ныне и происхождение разнообразия — это обычно не диверсификация единообразия, а *смена многообразий*, что заставляет иначе посмотреть и на идею социального прогресса. Оказывается, что разные части целого эволюционируют по-разному — одни регрессируют, другие — прогрессируют. Интегральная оценка оказывается крайне неопределенной.

Изучение биологического разнообразия позволило С. В. Мейену выявить в нем повторяющиеся спектры варьирования одних и тех же элементов — рефрены[4], выйти за пределы которых практически невозможно. Такие же ряды выявляются и в организации костюма[5].

---

[1] *Чайковский Ю. В.* Элементы эволюционной диатропики. М., 1990.

[2] *Щедровицкий Г. П.* Проблемы построения системной теории сложного популятивного объекта//Системные исследования. 1975. М., 1976.

[3] *Шмальгаузен И. И.* Проблемы дарвинизма. Л., 1969 (гл. 3).

[4] *Мейен С. В.* Олигомеризация и полимеризация в эволюции древнейших высших растений//Значение процессов полимеризации и олигомеризации в эволюции. Л., 1977; *Чебанов С. В.* Концепция рефрена//Палеофлористика и стратиграфия фанерозоя. М., 1989. См. также следующую сноску.

[5] *Козлова Т. В.* Художественное проектирование костюма. М., 1982.

Рефренность мира оказывается основным принципом его организации, и укрепиться в такой идее в социальном мире позволяют представления о циклах Тойнби или Кондратьева.

Познание биологического разнообразия выявило издержки историзма XIX — начала XX в. Иная ограниченность историзма проявилась и в сфере социальной мысли — следуя историзму, невозможно достичь социального мира, постоянно помня о вине твоих контрагентов. Важный для духовной сферы, историзм оказывается имеющим ограниченное приложение в биологии или социологии.

* * *

В итоге можно говорить о том, что связи биологического и социального бытия *очень опосредованы* — социальность по своей природе такова, что высвобождается от влияния своего субстрата. Вместе с тем широкий круг социальных процессов приспособлен к особенностям биологии человека и хотя не диктуется ею, но отчасти формирует эту биологию. Такие процессы направлены на удовлетворение биологических *потребностей,* задаваемых социальными нормативами.

Такое положение дел определяется высокой пластичностью биологии *Homo sapiens*, из которой социальные нормативы вырезают небольшой кусок. Полученная «вырезка» не всегда биологически оптимальна, что может приводить к накоплению биологических пороков в популяции, ее биологической деградации. Видимо, в этом причина гибели некоторых народов, но социум лишен механизмов рефлексии этого феномена.

На этом фоне в современном европеизированном социуме обычна ситуация, когда люди готовы рассуждать о себе с *зоологических* позиций — начиная от евгеники и кончая современной обеспокоенностью здоровьем или состоянием окружающей среды. Интересный пример такого подхода — постулирование существования гена пассионарности и объяснение этнической истории его распространением в популяции[1]. Биология же человека, как нечто отличное от биологии *Homo sapiens* вообще не осознается.

Некоторые же биологические представления либо входят в массовое сознание и оседают там, обычно в мифологизированных формах, либо являются источником новых социальных эвристик для более профессионально ориентированных социальных активистов.

[1] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

Рекомендуемая литература

Поскольку практически не проводится различение общественного и социального, биологического и психического и их проявлений в массовых процессах (что было проведено на семинарах под руководством А. П. Сопикова и автора в 70–90-х гг.), практически вся литература представляет интерес только как содержащая материал, необходимый для самостоятельных размышлений над обсуждаемым предметом.

Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаков. М., 1978.
Киприан архм. Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1950.
Каганский В, Лютикова Г. Биология — жизнь — культура//Знание — сила. 1992. № 12.
Олескин А. В. Голограмма мира//Человек. 1990. № 3.
Мак-Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М., 1988.
Светлов Э. Истоки религии. Брюссель, 1981; Магизм и единобожие. Брюссель, 1987.
Харрисон Дж., Уайнер Дж., Теннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. Биология человека. М., 1979.
Швейцер А. Культура и этика. М., 1993.
Этика отношений с окружающей средой. Обзор. М., 1990.

ДЕКАДАНС =?∧?∨?∪?⊂? СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК: ЦИКЛ РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ XX ВЕКА[1]

0. Рассмотрение данной темы основывается на тезисах о том, что а) России не свойственна философия, хотя богато представлено философствование (Чебанов, 1995), и б) российское философствование XIX–XX вв., переплетенное с литературой и эстетикой как формами его выражения, предполагает его обсуждение в культурологических категориях.

1. С конца XIX в. российской культуре различимы две линии. «Классическая» ориентирована на традиции Золотого века, а склонные к философствованию Гоголь и Вл. Одоевский в ней уже маргиналы. «Декадентская» открывается символистами и представлена разными течениями модернизма. С ней связано становление «русской философии» (начиная с Вл. Соловьева).

2. Вторая линия квалифицировалась в советское время как декадентство (с отрицательными оценками), сейчас же превозносится как высоты культуры Серебряного века. В русском зарубежье этот материал оценивался разнообразнее. Такая привязка разных квалификаций одного явления указывает на их природу как идеологических маркеров.

3. Терминологически обе квалификации тождественны — Серебряный век является упадком, декадансом по сравнению с Золотым, коннотации же рассматриваемых терминов различны.

4. Когда речь идет о декадансе, подчеркивается эстетическая «выверенность» классики, ее этическая благопристойность, последовательно светский характер, притом что ее представляют вполне церковные христиане, в противоположность которой декаданс отличается эстетической и этической экстремальностью и дезорганизованностью, мистицизмом, эпатажностью девиантного поведения, ставящей под сомнение благочестивость авторов.

5. Те же явления преподносятся как Серебряный век, когда внимание заостряется на высокой креативности и разносторонности образо-

---

[1] Тезисы выступления опубликованы ранее: Всероссийская конференция «Структура философского знания и его эволюция в течение XX века в России» 25–26 октября 1996 г. СПб.: СПбГУ, философский факультет. С. 81–82.

вания и творческого дара авторов, включении в оборот широчайшего круга историко-культурных реалий, устремленности к синтезу (оборачивающейся эклектикой) и к созиданию (обычно прожектерского типа). Акцентируется внимание и на духовности этого творчества, которое, однако, далеко не всегда церковно (так, непростые отношения с церковью складываются почти у всех русских религиозных философов).

6. Большевистская революция началась как проявление рассматриваемого явления, а превозношение марксовских тезисов о конце философии или 11-го тезиса о Фейербахе — яркое проявление модернизма. Создание же в бСССР диалектического материализма в 30-е гг. и материалистической диалектики в 70-е переодевает коммунистическую идеологию в классические одежды.

7. Хрущевская оттепель, а затем зрелый застой, далеко пройдя по пути ревизионизма, историко-культурно (но не идеологически) частично реабилитировав русскую культуру начала XX в., de facto привели к порождению одной из самых плюралистичных идеологий в духе постмодернизма. Перестройка и развал СССР легализовали сложившееся положение вещей. В итоге возникла парадигматическая смута в философствовании (Чебанов, 1996), которая воспроизводит ситуацию начала XX в., причем в этой смуте представлено и философствование Серебряного века.

8. Если описанную ситуацию трактовать как проявление декаданса (в модерне и постмодерне), то все встает на свои места. Если же речь идет о Серебряном веке, то почему его философствование не смогло противостоять тоталитаризму, замкнулось в кругу евро-азиатских проблем, просмотрев смещение центра истории в Азиатско-Тихоокеанский регион, и не стало консолидирующей идеей в постсоветское время?

Литература

Чебанов С. В. Нефилософские формы философствования//Парадигмы философствования. СПб., Эйдос, 1995. С. 68–78 (настоящее изд. с. 499–510).

Чебанов С. В. Парадигматическая смута постсоветского философствования//Радуга (Таллинн). 1996. № 1. С. 98–108 (наст. изд. с. 511–523).

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ И АБСОЛЮТНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ[1]

1. Проблемы преступности — предмет криминалистики, социологии, психологии и т. д. Предметом философии преступность может стать, если будут выявлены такие аспекты ее постижения, которые являются предметом чистой спекуляции и должны не допускать эмпирической верификации и фальсификации. В числе таких аспектов — проблема абсолютности преступления.

2. Социальные практики XX в. и богатейший историко-этнографический материал, ставший доступным широким кругам публики, привели к пронзительному ощущению релятивности преступления — в один день преступление может квалифицироваться как подвиг и, наоборот, в преступника или героя можно превратиться, если пересечь ту или иную государственную границу или выждать десятилетие-другое, никуда не перемещаясь.

3. Существенно менее релятивными оказываются представления о преступлении в обычном праве. Однако они и несоизмеримо более разнообразны, и, претендуя на абсолютность в одной культурной традиции, оказываются релятивными при переходе к другим культурам. В условиях разрушения традиционной культуры такие представления оказываются бесплодными.

4. Складывается впечатление, что дать позитивное абсолютное представление о преступлении невозможно, что определяет обращение к его апофатическому определению.

5. С целью негативного определения представления можно воспользоваться существующим в этике различением культурной определенности этики и абсолютности нравственности. Относительное преступление осмыслено в писанном или обычном праве и выступает как нарушение норм той или иной этической системы, абсолютное преступление представляет собой нарушение нравственности.

---

[1] Тезисы выступления на конференции Преступность: социально-философские и философско-антропологические проблемы 6 декабря 1996 г., философский факультет Санкт-Петербургского университета. Опубликовано: Философия преступления. Материалы конференции. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 38–39.

6. Поскольку операционально невозможно определить границу нравственного и безнравственного (попытка такого определения была бы сама по себе безнравственна), невозможно операционально эксплицировать абсолютное преступление. Все попытки произвести это приводят к формулированию тех или иных представлений о преступлениях относительных. Принятие или неприятие их как таковых определяется индивидуальными и групповыми ценностями и нравственным темпераментом участников деятельности.

ХРИСТИАНСТВО И ЭКОЛОГИЯ[1]

(*выступление в дискуссии*)

Хотя трансонимизация является нормальным процессом развития семантики термина, нынешнее вольное обращение с термином «экология» представляется переходящим все разумные пределы.

Так, неуместным представляется связывание с экологией начала книги Бытия (1, 6–10) — либо при этом имеется в виду еще не возникшая гилозоистическая экология, либо экология отождествляется с биогеоценологией или даже с геологией, которые по объему значительно шире ее. В этом случае представляется разумнее (в особенности если имеется в виду среда обитания человека) пользоваться старым понятием «икономия», семантический потенциал которого в настоящее время используется явно неполно.

Точно так же экология не тождественна биологии, которая имеет свои богатые связи с христианством, примерами чего в России последнего столетия могут быть:

- учение А. А. Ухтомского о доминанте как средстве научного описания представления о нисхождении ума в сердце;
- православная антропология митрополита Луки (Войно-Ясенецкого) и его медицинская деятельность в области гнойной хирургии;
- православная по сути рефлексия оснований сравнительной морфологии беспозвоночных В. Н. Беклемишева;
- практическая деятельность систематика и директора Института биологии внутренних вод Б. С. Кузина, способствовавшая и поддержанию службы в храме близлежащего села;
- современное прочтение «Физических глав» св. Григория Паламы в богословской диссертации генетика, к. биол. н., о. Евгения (Грушевского) и т. д.

При этом христианское осмысление проблем биологической типологии естественно включает в себя освоение всего материала, связанного с бестиариями и генезисом на их основе современных таксономических описаний, библейские ботанику и зоологию и другие подобные

[1] Выступление на конференции Т. М. Горичевой «Христианство и экология» Санкт-Петербург, декабрь 1996 г. Опубликовано: Взаимодействие христианства и экологии//Христианство и экология. СПб., 1997. С. 344–350.

сферы пересечения интересов богословия, биологии и других дисциплин (истории, литературы, живописи и т. д.).

Особое внимание привлекает проблема согласования событий, описанных в Книге Бытия, и современных палеонтологических и геологических представлений, которые, в свою очередь, сформировались на ее основе (различение четвертичных, третичных и т. д. отложений, идея происхождения жизни из воды, которой до сих пор отдается предпочтение по сравнению с гипотезой происхождения жизни на кристаллических подложках). В экологическом контексте эта проблема приобретает значение тогда, когда эволюция начинает осознаваться как эволюция биоценозов.

Для сохранения определенности предмета обсуждения целесообразно понимать экологию в исходном понимании Э. Геккеля — как раздел биологии, изучающий взаимоотношения организма с окружающей средой.

Так понимаемую экологию надо отличать прежде всего от алармизма и природоохранной деятельности, нужной и благородной самой по себе, но просто другой, весьма косвенно связанной с экологией. При этом экологический алармизм порой оборачивается экологической истерикой, которая игнорирует ограничения на знание времен и сроков.

Косвенно связан с экологией и экологизм — общественная, а иногда и политическая деятельность, основанная на профаническом внедрении в общественное сознание экологических представлений. Экологизм оборачивается то «зеленым язычеством», призывающим поклоняться природным, дохристианским «святыням», то является основой «зеленого бизнеса» — одной из самых высокодоходных областей современной экономики — производства экологически чистых продуктов, приборов контроля за состоянием окружающей среды и аппаратов, улучшающих ее, для поддержания доходности которых порой не гнушаются и «экологическим рэкетом» — раздуванием экологической опасности и запугиванием ею потребителя. Политический потенциал экологизма проявился и в его роли в развале СССР.

Развиваемое здесь рутинное, почти намеренно сниженное отношение к экологической проблематике необходимо для того, чтобы реально оценить ситуацию, в которой находится человечество. Тогда обнаруживается следующее.

1. Все ныне наблюдаемые изменения окружающей среды (в том числе и выделяемые некоторыми исследователями вековые тренды изменения климата) укладываются в изменения биосферы, происходящие в течении БАГСТ-цикла (цикла развития биосферы, атмосферы, гидросферы, стратосферы и тектоносферы), сопоставимого по длительности с галактическим годом, продолжающимся около 100 млн лет, и

оказываются значительно ниже изменений характеристик биосферы в ходе такого цикла. Более того, для того чтобы повлиять на характеристики такого цикла, нужны источники энергии, которые не могут существовать на Земле.

2. Все известные техногенные изменения окружающей среды укладываются во временные последовательности развития соответствующих биоценозов — сукцессионные ряды — и неизвестны случаи, когда бы имели место перестройки сукцессионных рядов. Однако скорость подобных изменений может изменяться под влиянием антропогенных воздействий. В результате речь может идти не о разрушении человеком среды обитания, а о смещении кинетических характеристик изменения этой среды.

Таким образом, изменение скорости смены окружающей среды оказывается лишь одним фактором изменения социальных процессов в современном обществе, и в этом отношении экологические изменения ничем не выделены из социокультурных.

3. Все мыслимые изменения биосферы не могут привести к ее уничтожению (выживут хотя бы некоторые бактерии, сине-зеленые водоросли), так что речь идет не об опасности экологического кризиса, а о таких перестройках биосферы, при которых станет невозможным существование представителей *Homo sapiens*. Итак, дело не в сохранении биосферы, а в сохранении такой биосферы, в которой сможет существовать человек, и более того, существовать привычным для него образом.

Такой анализ позволяет реально оценивать существующую экологическую опасность — как глобальную, так и локальную. При этом оказывается, к примеру, что состояние среды обитания народов, исповедующих буддизм, не лучше (как это порой утверждается) среды обитания народов христианских, обвиняемых в антиэкологизме (здесь, однако, надо иметь в виду большую плотность населения в буддистских странах).

Библия, многократно касаясь проблемы экологии, даже при всем своем немногословии может рассматриваться как экологический задачник (см. например, Быт., гл. 1–3, 6–9).

При этом возникают, в частности, следующие серии вопросов:

— Какова была экология Райских садов? Что представляла собой в них почва? Содержала она редуцентов — бактерий? Были ли в этих садах консументы? Как образовывался гумус? Какими были пищевые цепи?

— Каково происхождение приспособлений к голозойному питанию у животных (включая хищников) и человека — были у них до грехо-

падения зубы, жевательная мускулатура? Как был устроен лицевой череп? Не было ли все это преадаптацией к грехопадению? Что означает привязанность причастия именно к голозойному питанию (так, голофитное питание внутриутробного плода исключает такую возможность)?

— Не был ли связан Потоп с приближением воды к тройной точке, что может объяснять выделение гадов, пресмыкающихся по земле, из числа прочих гадов (наблюдение И. Б. Кучерова)?

Экологическая культура требует и более вдумчивого отношения к экологическим метафорам — этические коннотации бестиариев частенько экологически не корректны, а образ превращения скоточеловечества в свиночеловечество основан на недооценке знания экологии животных (в частности, чистоплотности диких кабанов), которые вынуждены ради выживания в экстремальных условиях созданных человеком свиноферм вести себя невоодушевляющим человека образом (ср. распространенность эктопаразитов у средневековых монахов и борьбу с ними свиней путем катания в земле).

Примечательны и экологические практики христианских общин. Так, русские монастыри славились не только садами с ведущейся в них селекционной работой, но и созданием сложных искусственных биоценозов, таких как внутренние гидросистемы Соловецкого или Валаамского архипелагов. На них же появились и первые биостанции. К примеру, Соловецкий монастырь был издревле центром сложной хозяйственной деятельности, определявшей жизнь всего населения Беломорского побережья, испытывавшего на себе таким образом сильное воздействий практического православия (ср. исследования этого вопроса Ю. Лайус с доложенными результатами Г. фон Валерта по Юго-Восточной Азии).

Ныне же некоторой частью церковного руководства такая совместная деятельность монахов и мирян, в том числе ученых-экологов, ставится под сомнение (как бы развивая советский тезис о несовместимости науки и религии) и, несмотря, к примеру, на техногенное загрязнение Ладоги, специальная экологическая служба, способная заниматься автономной системой внутриостровного водоснабжения Валаама, рассматривается как излишняя.

Крайне важно то, что экологически неблагополучные территории являются центрами интенсивного появления новых видов, а не только их вымирания, напимер процессы видообразования микроорганизмов происходят и в активном иле, используемом для очистки воды. Таксоны таких организмов, видимо, следует считать искусственными (падшими), так как человек не нарекал имена этим таксонам в Раю.

Таковы некоторые проблемы взаимодействия христианства и экологии, актуальные с профессиональной позиции эколога.

ЧТО ТАКОЕ ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА?[1]

В предыдущей работе мной были рассмотрены некоторые проблемы взаимодействия христианства и экологии[2]. Специфика проблем экологии человека при этом не обсуждалась. Теперь предстоит заняться этим вопросом.

Для того чтобы очертить указанный предмет, необходимо разобраться в каждом из соединяемых понятий.

Экология и ее предмет

Экология (от греческого ойкос + логос, буквально — домоведение) — термин, введенный Эрнстом Геккелем в 1866 г. для обозначения того раздела биологии, который занимается взаимоотношениями живого организма с окружающей средой.

Экология каждого организма может быть разделена на аутоэкологию, рассматривающую отношения этого организма с абиогенными компонентами окружающей среды (в идеализированном предположении, что в окружающей среде существует только один организм), и синэкологию, исследующую отношения данного организма с другими организмами.

Аутоэкология оперирует такими категориями, как *динамика численности популяций*, их *продуктивность* — по *биомассе*, энергии. В рамках аутоэкологии можно рассматривать *адаптации* организма к *абиотическим факторам* и т. д.

Синэкология занимается взаимоотношением организма с другими организмами. Кроме характеристик, принятых в аутоэкологии, совместное рассмотрение которых для сосуществующих популяций разных организмов может дать интересные результаты для понимания природы этих организмов и их роли в сообществах, синэкология оперирует собственными категориями. Таковыми будут, во-первых, *пищевые цепи* — последовательности, в которых организмы поедают друг друга, на ос-

---

[1] Доклад на 2-й конференции «Христианство и экология» (СПб., 1998). Будет опубликован в трудах Конференции.

[2] *Чебанов С. В.* Взаимодействие христианства и экологии//Христианство и экология. СПб.: РХГИ, 1997. С. 344–350.

новании чего можно построить типологию организмов по месту в таких цепях (продуценты, первичные и вторичные консументы, редуценты). Во-вторых, можно рассматривать как соотношение биомасс организмов в разных звеньях пищевых цепей (*пирамида биомасс*), так и динамику биомасс во времени. Синэкология также оперирует такими понятиями, как *круговорот* (в общем случае спирали) тех или иных веществ, циркуляция энергии в биоценозе. Рассмотрение динамики вещества и энергии, свойственных данному сообществу, позволяет использовать идеологию балансовых расчетов и основанное на ней представление о *равновесии* (энергетическом, ресурсном и т. д.).

К области синэкологии относится и изучение сообществ организмов разных уровней — *консорциев, синузий, биоценозов, биогеоценозов, биосферы* в целом.

Экология занимается изучением не только синхронического состояния организмов и биоценозов, но и их динамики. При этом обнаруживается, что биоценозы при фиксированных географических условиях (а они могут меняться в зависимости от планетарных изменений климата, геологических процессов, антропогенных воздействий и т. д.) закономерно сменяют во времени друг друга, что позволяет проследить *сукцессионную серию* биоценозов на данной территории. Обычно сукцессионные ряды замкнуты и через определенное время на данной территории восстанавливается исходный биоценоз.

Занимается экология и закономерностями *распределения биоценозов в ландшафте*, изменениями биоценозов (*филоценогенезами*)[1] и глобальными изменениями биосферы в геологической истории.

Экология и охрана природы

Никакими *ценностными категориями* экология не оперирует — биоценоз или биосфера геологической эпохи не могут быть плохими или хорошими, совершенными или безобразными[2]. Это отличает экологию от охраны природы — деятельности, которая направлена на поддержание состояния природы, *привычного* для той или иной группы населения.

Некоторые пересечения экологических и природоохранных представлений, однако, есть. Так, например, биоценозы могут характеризо-

[1] См. об этом: *Жерихин В. В.* Избранные труды по палеоэкологии и филоценогенетике.— М.: КМК, 2003.

[2] Известным мне достаточно экологически корректным рассмотрением демонизации определенных таксонов и биоценозов, дающим основания для ценностных оценок, является такое маргинальное сочинение как *Андреев Д.* Роза Мира. М.: Прометей, 1991. Кн. IV, гл. 3; Кн. V, гл. 3.

ваться *индексами разнообразия* и обычно весьма высокое разнообразие свойственно тем биоценозам, которые склонен охранять человек. Однако это не относится, например, к пустынным биоценозам, которые, безусловно, являются ценностью для обитающих в них племен. Можно говорить и о биологической оптимальности разнообразия, соответствующей устойчивому состоянию биоценоза.

Кроме этого, биоценозы могут характеризоваться эффективностью протекающих в них процессов, продуктивностью биосинтезов в них, полнотой использования имеющихся ресурсов. Тогда оказывается, что природоохранная деятельность человека часто направлена на *высокопродуктивные* биоценозы. Однако и здесь нет однозначности. Так, в целом *человечество приспособлено к существованию в условиях ледникового периода* с развитием высокопродуктивных тропических лесов только в экваториальном поясе. Распространение тропического климата на всей планете (например, вследствие парникового эффекта) обеспечит высокую продуктивность всех биоценозов, что, однако, предполагает уничтожение большей части обитаемой суши, прежде всего в умеренном поясе, в котором сосредоточены основные центры цивилизации.

Таким образом, экология и охрана природы, экологическая и природоохранная оптимальность — вещи достаточно разные[1].

Человек и *Homo sapiens*

Обычно указанные обозначения рассматриваются как синонимы (лишь несколько различающиеся риторически), обозначающие одни и те же понятия. Однако они могут рассматриваться и как нетождественные. На это, например, обращает внимание и покойный Г. П. Щедровицкий в своей неопубликованной статье под названием «О функционировании человека в структуре вида *Homo sapiens*». При этом *биологический вид Homo sapiens* рассматривается как субстрат, на котором могут оптимальным образом реализоваться психическая, социальная, культурная и духовная сущности *человека*. Но это допускает и существование каких-то неоптимальных, неполных вариантов реализаций человека на других биологических субстратах.

Во-первых, можно говорить о процессе, который следовало бы назвать деантропизацией или *десапиентизацией гоминид*, включая и *Homo*

[1] Подробнее об этом см. *Оскольский А.* Экологизм как жизненная ниша//Пчела. 1997. № 11. С. 73—77; *Каганский В. Л.* Экологический кризис: феномен культуры?// Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения/НИИ Информкультура. М.: 1994. № 6. С. 1–16; *Чебанов С.* Что такое экологизм и как с ним бороться?// Экохроника. 1995, № 3(21). С. 22–23.

sapiens. Как ни прискорбно и ни страшно говорить об этом, но, видимо, такой процесс имеет место тогда, когда речь идет о серьезной патологии соматики *Homo sapiens* — генетических (прежде всего мутагенных) и тератогенных (например, под действием алкоголя) аномалиях детенышей, например об отсутствии у них не только мозга, но и головы, или какой-нибудь органической аномалии биохимии нервной системы. В некоторых случаях такие существа (в особенности в клинических условиях) могут довольно долго жить. Но есть ли основания называть их людьми? Могут ли они рассчитывать на спасение души как люди? Может ли кто-нибудь стать их крестными родителями с полным исполнением своих обязательств? Все эти вопросы открыты, но по крайней мере в социокультурном и правовом аспектах они не могут рассматриваться как люди.

С другой стороны, можно говорить о сапиентизации негоминид. Это касается прежде всего млекопитающих и птиц, но также и остальных позвоночных и даже членистоногих и моллюсков (головоногих) — они поддаются дрессировке и тем самым обретают форму поведения, адекватную человеческому обществу (и даже конкретной этнической культуре).

Кроме того, можно говорить и о таких аспектах сапиентизации, как особенности поведения животных, сопровождающих человека. Так, воробьи или ласточки достаточно хорошо «знают» особенности хозяйственной деятельности человека и его повседневной жизни, а синицы даже овладевают навыком открывать тетрапаковские пакеты с молоком. Некоторые следы сапиентизации удается усмотреть и в голосовом поведении птиц-пересмешников — попугаев, скворцов.

Особым случаем являются домашние животные, которые вообще могут перенимать многие стереотипы человеческого поведения, в качестве реципиента пользоваться человеческой речью. Особо следует отметить и возможность овладения высшими гоминидами языком глухонемых с сохранением грамматических особенностей национальных языков (исследования Гарднеров).

Наконец, появляются данные о том, что не человек приручил домашних животных, а некоторые виды животных сами «пришли» к человеку, использование образа жизни которого явилось для них формой адаптивной стратегии поведения[1] .

В этом же контексте можно вспомнить и о христианских представлениях о том, что человек обязан проявлять душеспасительную активность по отношению к животным, точно так же, как он ответствен за их

[1] *Budiansky St.* The Covenant of the Wild. Why Animal Chose Domestication. Rome and London: Weidenfeld & Nicolson, 1994.

демонизацию. Весьма наглядно это проявляется в том, как характер собаки отражает характер ее хозяев, проявляясь то в особой свирепости, то в кротости животного.

Таким образом, о человеке и *Homo sapiens* можно и нужно говорить по-разному. Подобное различение можно сформулировать и в категориях православной традиции, воспользовавшись представлениями св. Григория Паламы[1].

Св. Григорий Палама различал два проявления жизни — жизнь по сущности (жизнь души) и жизнь по действию. Жизнью по сущности обладают ангелы и человек, жизнь по действию имеют люди и животные, для того чтобы «оживотворять соединенное с ними земляное тело»; ангелы же не имеют «земляного тела» и, следовательно, не имеют жизни его оживотворяющей. Схематически это можно представить следующим образом (табл. 6):

Таблица 6

	животные	**человек**	**ангелы**
жизнь по сущности	—	+	+
жизнь по действию	+	+	—

Homo sapiens в этом аспекте является всего лишь одним из животных и обладает только жизнью по действию.

Биология человека — не биология *Homo sapiens*

На основании подобных различений можно говорить о различении биологии (частью которой является и экология) *Homo sapiens* и человека[2].

Грубо говоря, биология *Homo sapiens* — это просто биология одного из видов млекопитающих с характеристиками, свойственными как всем представителям данного таксона, так и обладающими некоторой видовой спецификой. Биология же человека — это биологические особенности того существа, которое данной культурой рассматривается как человек.

---

[1] См., например, *Киприан, архмт.* Антропология Григория Паламы. Париж: Ymka-Press, 1950 (гл. 5–7).

[2] Этому вопросу было посвящено специальное научное мероприятие — см. Спекулятивная биология человека//Тезисы докладов Школы по теоретической биологии. Молодежное, 01.02.1993–05.02.1993. Vilnius: изд. АО VLANI, 1996. (в частности, с. 6–7).

Вопрос различения этих двух биологий был бы довольно прост, если бы характеристики биологии каждого из живых существ были бы некоторыми константами. В действительности же речь идет о соотношении двух спектров полиморфизма биологических характеристик. При этом обнаруживаются следующие их особенности.

Полиморфизм биологии *Homo sapiens* весьма значителен и в очень большой мере пересекается с полиморфизмом других живых существ. Более того, если вспомнить представления С. В. Мейена о рефренах[1] — полиморфических множествах, которые повторяются в разных таксонах, то оказывается, что по любому признаку биология *Homo sapiens* укладывается в полиморфический ряд других приматов, млекопитающих, позвоночных и т. д. На биохимическом же уровне вообще можно говорить об универсализме организации очень больших групп (всех гетеротрофных эукариот, всех эукариот, всех организмов вообще и т. д.). Тогда становится понятным, почему при ветеринарном подходе к лечебной деятельности можно испытывать лекарства на морских свинках, учить врачей на материале вскрытия лягушек или, как предлагала одна этически озабоченная медицинская дама, публиковать данные опытов, проведенных в фашистских концлагерях, как полученные на свиньях (физиология свиней и *Homo sapiens* очень сходна в некоторых отношениях).

Таким образом, полиморфизм биологии *Homo sapiens* входит в полиморфизм остальных животных.

Биологический полиморфизм человека устроен иначе.

Во-первых, в тех случаях, которые можно обсуждать в сопоставимых категориях, он несколько смещен относительно полиморфизма *Homo sapiens*. Так, например, для людей свойствен более узкий спектр температур, воспринимаемых как оптимальные, социально нормирован более узкий спектр физических нагрузок. Напротив, некоторые виды духовных практик (йога) или спортивных занятий определяют расширение значения физиологических характеристик, рассматриваемых как нормальные.

Порой явные зоологические аномалии (например, ранняя слепота, как у одного из племен, живущих в долине Ганга, или деформация костей стопы, как у китаянок) могут стать социальной нормой для человека.

Наконец, здесь следует отметить и необозримое возрастание полиморфизма человека, возникающее за счет того, что современные дости-

[1] *Мейен С. В. О*лигомеризация и полимеризация в эволюции древнейших растений//Значение процессов полимеризации и олигомеризации в эволюции. Л.: ЗИН АН СССР, 1977. С. 75–77; *Чебанов С. В.* Концепция рефрена//Палеофлористика и стратиграфия фанерозоя. М.: Геологический институт АН СССР, 1989. С. 120–122.

жения медицины дают возможность выживать индивидам с различными типами патологии (врожденной и приобретенной). Принципиально можно представить себе аналогичное возрастание степени полиморфизма у других зоологических и ботанических видов (и у домашних животных, и у растений это имеет место быть; видимо, это надо рассматривать как проявление сапиентизации не-гоминид), но его границы кончаются там, где имеет место постоянное обслуживание протезов самим пациентом.

Во-вторых, можно говорить о некоторых принципиально новых аспектах полиморфизма человека. Так, например, человек начинает изменять морфологию своего тела — производятся различные надрезы на поверхности тела, делаются дополнительные отверстия в ушах, носу, щеках, обрезаются крайняя плоть, мошонка, малые половые губы или клитор, удаляется одна из молочных желез, используются колодки, кринолины, корсеты или специальные виды бинтования для деформации костей стопы, таза, позвоночника и черепа и т. д., не говоря уже о пластических операциях или операциях, связанных со сменой пола.

Кроме того, человек начинает потреблять явные яды не только для целей лечения или какого-то специализированного использования (например, решения задач психотехники), но и для повседневного пищевого или стимулирующего использования. К некоторым из них (например, антигенам, содержащимся в картофеле и других пасленовых) он адаптируется, к токсическому воздействию других возникает привыкание и даже биохимическая зависимость (например, к табаку или алкоголю). Принципиально такие же изменения могут происходить и с другими животными при тех же обстоятельствах (и с некоторыми происходят — так, например, известны собаки-алкоголики), но это уже следствие доместикации. Ведущая же роль в таких процессах принадлежит именно человеческому сознанию.

Наконец, человек бреется, стрижется, занимается эпиляцией, делает татуировки, что, в числе прочего, наряду с серьгами, носовыми кольцами или специальными стельками влияет на акупунктурную систему.

Совершенно особым средством изменения биологии человека является одежда — она изменяет характер терморегуляции, определяет неспецифическое пережимание сосудов и массаж (в том числе точек акупунктуры), изменяет условия доступа воздуха и воды, определяет характер микрофлоры и т. д.

Не случайно поэтому К. Линней[1], который впервые включил человека в систему животного царства, в описание человека и его рас вводит

[1] *Линней К.* Система природы. Класс 1 животного царства.

характеристики одежды (как и способ политического управления и вооружения) в качестве именно человеческих (а не зооантропоидных) характеристик биологии.

Итак, можно констатировать, что зоологический полиморфизм *Homo sapiens* весьма широк, но укладывается в рефрены полиморфизма гоминид в целом, а также всех приматов и, шире, млекопитающих. Полиморфизм же человека же предполагает наличие многих форм, свойственных полиморфизму *Homo sapiens*, но исключает некоторые из них (например, сопряженные со значительными органическими нарушениями мозга), а к тому же открывает совершенно новые аспекты полиморфизма, связанные со спектром физиологических состояний и особенностей тела, формируемых под воздействием сознания. При этом для полиморфизма одежды как одного из компонентов таких особенностей тела построены даже рефрены[1].

Тем самым можно утверждать, что биология *Homo sapiens* связана с изучением первого аспекта полиморфизма, а биология человека — второго.

При этом можно говорить, что в основе и первого, и второго аспектов полиморфизма лежит один и тот же набор элементарных морфофункциональных структур, из которых на месте «собирается» тот или иной вариант биологии. Подобно тому как биология *Homo sapiens* приобретает определенность путем вырезания из рефрена полиморфизма фрагмента, свойственного той или иной популяции, биология человека обретает определенность для того или иного этнокультурного типа. В некоторых случаях на одном и том же материале (например, в зонах совместного проживания и смешения) можно провести оба типа анализов и тогда оценить степень их несовпадения.

Итак, биология *Homo sapiens* — один из разделов зоологии, в то время как биология человека более нетривиально соотносится со сложившимися разделами биологии. По зоологии *Homo sapiens* существуют устоявшиеся руководства (естественно, под другими названиями)[2], биология человека практически не осознана как самостоятельный предмет, и поэтому систематических работ по ней не существует. Отрывочные сведения по биологии человека можно найти в работах по культурной антро-

[1] См. *Козлова Т. В., Стрепуче Р. А., Рытвинская Л. Б., Петушкова Г. И.* Основы теории проектирования костюма. Консп. лекций М.: МТИ, 1980; *Козлова Т. В.* Художественное проектирование костюма. М., 1982. Обсуждение см.: *Чебанов С. В.* Представление о форме в естествознании и основания общей морфологии//Orgaanilise vormi teoria. X teoreetilise bioloogia kevadkool. Tartu: TRU, 1984. С. 25–40.

[2] Напр., *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Теннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В.* Биология человека. М., 1979.

пологии, истории медицины, социологии и т. д.[1] При этом особенностью этого материала является не только его полная несистематизированность и отрывочность, но и сомнительность и необработанность — факты не отделены от мнений и даже предрассудков, предания и былички — от традиционных концепций, предвзятые мнения и научный скептицизм — от парадигмальных шор и т. д.

Надо также зафиксировать согласие нынешних граждан на зоологический подход к ним как к живым существам, причем, как это видно на примере Линнея, такая позиция определяется не какими-то передержками в представлениях биологов, а особенностями общественного сознания, благодаря которым населению хочется сознавать себя зоологически. Соответственно это население согласно на ветеринарный, а не медицинский подход к своему лечению в случае болезни.

Экология человека и экология *Homo sapiens*

Поскольку экология является частью биологии, то соотношение экологии человека и экологии *Homo sapiens* должно быть таким же, как соотношение биологии человека и биологии *Homo sapiens*. Однако сделать такое утверждение довольно сложно хотя бы потому, что их предметы также не различены, а к тому же достаточно расплывчато даже то, что можно было бы отнести к экологии *Homo sapiens*.

То, что ныне в *профессиональных* (не публицистических) работах относится к *биологии человека*, охватывает такие проблемы, как изучение экологической ситуации в городах, исследование последствий хозяйственной деятельности, оценка степени благоприятности среды обитания и т. д. Иногда такие публикации содержат весьма специализированную информацию по эпидемиологии, медицинской статистике, тератологии, мутабельности (в том числе индуцированной) *Homo sapiens* и сопутствующих ему микроорганизмов и т. п. Казалось бы, это вполне профессиональный, приемлемый для эколога материал. Однако за такими сухими выкладками частенько следуют какие-нибудь вполне «публицистические» сентенции, в которых явно выражены ценностные ориентации. При этом тем не менее не эксплицируются основания для таких

[1] См. напр. *Баранов А. В.* Социальные аспекты экологии человека//Проблемы экологии человека. М.: 1986; *Дымшиц В. А.* Лечебник на иноземцев//Спекулятивная биология человека. Vilnius, 1996; *Олескин А. В.* Голограмма мира//Человек. 1990. № 3; *Сопиков А.* Деятельность сознания как детерминанта облысения головы мужчины// Знание — сила. 1995. № 8; *Hoffmeyer J. T*he Swarming Body//Presentation at the 5th Congress of The International Association for Semiotic Studies. Berkeley. June 13–18. 1994; *Hoffmeyer J,* Signs of Meaning in the Universe. Bloomington & Indianapolis: 1997.

ценностных суждений, которые, по существу, призваны лишь законсервировать привычное положение дел.

Таким образом, даже в этих — лучших по своей вразумительности — работах, по сути дела, имеет место беспорядочное смешение совершенно разных позиций: профессиональной позиции эколога и основанной на здравом смысле позиции носителя обыденного сознания.

В той мере, в которой в данных работах представлена позиция эколога, она de facto является позицией зоологической. Привносимые же обыденным сознанием ценностные ориентации в явном виде содержат то или иное представление о *природе человека* — психической, социокультурной или даже духовной. Рефлексия подобных представлений является основанием для смещения интересов экологистов за пределы экологии как раздела биологии. При этом можно отметить по крайней мере два направления таких смещений.

Первое из них явно представлено в появившейся недавно телевизионной рекламе «Гринпис», в которой говорится о том, что после ядерной войны жизнь на Земле не погибнет — останутся более совершенные (экологически), чем человек, существа — низшие, прежде всего прокариотические, организмы (в первую очередь сине-зеленые водоросли). Тем самым осознается, что сохранение человека с его культурой — проблема *не* экологическая, что становится доступным и обыденному сознанию[1].

Второе заключается в расширении предмета экологии и рассуждениях об экологии культуры, экологии души или Духа и т. д., о чем будет сказано позже.

Весьма проблематичным может показаться различение экологии человека и экологии *Homo sapiens*, если не принять изложенные основания их различения и утверждать, что коль скоро производится рассмотрение экологических последствий производства артефактов (сельскохозяйственных культур, промышленных производств и изделий, жилищ, произведений искусства и т. д.), то это уже и есть биология человека (а не *Homo sapiens*). Но, продолжая эту логику, следует рассматривать в качестве биологии человека и биологию всех домашних животных и растений, а также грызунов, птиц и насекомых, сопутствующих ему и живущих в возведенных человеком сооружениях (т. е. всех

[1] В целом это очень жесткая позиция экологистов, которые ради сохранения биосферы готовы пойти даже на уничтожение человечества (об экологическом экстремизме см., например, *Лютикова Г. В.* Экологический терроризм в Финляндии// Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Вып. 6. М.: 1991). Подчеркну, не обсуждая идеологию «Гринпис», что позиция автора принципиально от нее отличается.

организмов, которых касается процесс сапиентизации, — см. выше). Но, так или иначе, экологические процессы, связанные с артефактами, — примечательная черта как экологии *Homo sapiens*, так и экологии человека. Тем не менее представляется целесообразным различать и даже противопоставлять их. При этом биология человека предполагает рассмотрение биологии такого существа, которое пользуется артефактами по-человечески, а не по-звериному. Примером последнего будет, скажем, использование храма в качестве курятника (ситуация, обычная в Советском Союзе).

Небезынтересно задуматься и над другим вопросом — а какова экология человека как духовного существа[1]? Этот вопрос не лишен смысла. В этом случае удастся охватить практически все смыслы, вкладываемые в понятие «экология» (включая экологию культуры, души, Духа). Однако очевидно, что в этом случае, несмотря на то что будут использоваться категории и аппарат традиционной экологии, обсуждать придется сюжеты, совершенно несвойственные стандартной биологической экологии. Хотя при этом можно попытаться рассмотреть особенности экологии людей разных вероисповеданий, тем не менее имеющийся для этого материал крайне фрагментарен даже по сравнению с данными по биологии человека, отличной от биологии *Homo sapiens*.

Экологии двуногих без перьев

Итак, можно говорить по крайней мере о трех типах экологии тех, кого, следуя Платону, можно назвать двуногими без перьев, — экологии *Homo sapiens*, экологии человека и экологии человека как духовного существа.

Эти три типа экологии дополняют и проясняют друг друга, хотя и разработаны в несопоставимо разной степени: экология *Homo sapiens* наиболее разработана как раздел зоологии, экология человека весьма фрагментарна, а экология духовного человека вообще представлена лишь какими-то отрывочными сведениями. Такая несопоставимость материала, а кроме того, неуместность здесь сколько-нибудь систематического изложения зоологической экологии *Homo sapiens,* определяют то, что далее будет рассмотрено несколько проблем экологии *Homo sapiens* в сопоставлении с экологией человека и там, где это будет уместно, такое сопоставление будет дополнено данными по духовной

[1] Под духовностью понимаются практически все феномены, попадающие, например, в поле зрения книги*: Джемс У. М*ногообразие религиозного опыта. М., 1910. Более детальное обсуждение природы духовности, свойственной разным вероисповеданиям и конфессиям, не соответствует задачам этой работы.

экологии человека. Некоторые из приводимых соображений при этом могут показаться чудовищными для эколога, да и биолога вообще, но суть обсуждаемого предмета требует высказать их.

Некоторые проблемы экологии двуногих без перьев

Положение в трофической цепи. С экологической точки зрения *Homo sapiens* является универсальным, в значительной мере вторичным консументом. Это означает, что *Homo sapiens* питается другими живыми существами, в том числе теми, которые, в свою очередь, едят других живых существ. Более того, двуногие без перьев являются и конечным консументом — их никто не ест в заметных количествах, а их трупы лишь разлагаются редуцентами. Таким образом, экология *Homo sapiens* находится в конце пищевой цепи на вершине пирамиды биомасс, так что численность его популяции не очень велика по сравнению с теми, кого он ест. В силу же нахождения в конце пищевой цепи анализ отходов жизнедеятельности *Homo sapiens* позволяет реконструировать состояние всей трофической цепи, что имеет очень большую ценность для диагностики состояния биоценоза. Но в силу тех же обстоятельств *Homo sapiens* является конечным потребителем и всех токсических веществ, которые накопились по всей пищевой цепи, оказываясь, таким образом, весьма уязвимым. Очеловечивание помогает уклоняться от включения в такие трофические цепи, концентрация токсинов в которых особенно велика, а аскетическая практика одухотворенного человека вроде бы позволяет и нейтрализовать такие токсины.

Человек меняет структуру пищевых цепей, в которые включен *Homo sapiens*. Так, он начинает заниматься растениеводством и животноводством, что создает дополнительные петли в пищевой цепи. Благодаря животноводству он в большой мере становится преимущественно вторичным плотоядным консументом, удаляясь от в основном растительной диеты высших гоминид.

Изменяет характер пищевых цепей и каннибализм. Только он обеспечивает ощутимое поедание двуногих без перьев. Однако в истории последних тысячелетий наблюдается некоторое ограничение по крайней мере признания каннибализма как нравственной и социальной нормы. В этом можно усмотреть одно из немногих проявлений нравственного прогресса. Примечательно, что отказ от каннибализма — факт чисто нравственный, не имеющий биологических предпосылок, поскольку тело человека в отличие от тел некоторых других животных не содержит специальных веществ — антиканнибалитов, являющихся ядами для своих сородичей.

Напротив, духовно-мистические практики предписывают укорочение пищевой цепи, будь то рекомендации потребления первичных консументов — акрид или даже ограничение питания только растительными продуктами, т. е. продуцентами. При этом, согласно преданию, некоторые праведники, будучи младенцами, даже отказывались по средам и пятницам от грудного материнского молока.

Homo sapiens является практически универсальным консументом, т. е. может поедать почти все растения и почти всех животных. Человек же существенно ограничивает круг поедаемых им организмов. При этом пищевые предписания и запреты носят этнокультурный и религиозный характер. В некоторых случаях за ними стоят вполне понятные экологические, фенологические, географические и прочие естественнонаучные основания, в других прояснить их природу удается только на основании довольно сложных культурно-типологических реконструкций[1], некоторые вообще остаются непостижимыми[2].

У человека существует еще один тип пищевых ограничений — ограничения не только на потребляемые продукты, но и на форму потребления этих продуктов. Те или иные продукты потребляются в определенной культуре в виде *блюд*, которые к тому же должны потребляться культурно-нормативными способами[3]. В противном случае вполне высококачественные продукты подлежат уничтожению или используются низшими сословиями.

Экологически такая ситуация весьма примечательна. Дело в том, что такое более тонкое «нарезание» пищевого ресурса обеспечивает в конечном счете более полное его использование. Благодаря этому появляется большое количество пищевых отбросов, которые служат пищей не только для домашних животных, но и для животных, сопутствующих человеку, — домовых грызунов и насекомых, воробьев и одичавших голубей и т. д. В известной мере это обеспечивает сосуществование разных социальных и культурных групп самих людей.

Эта ситуация имеет и еще одно измерение. Дело в том, что среди биологических атрибутов человека можно выделить несколько групп

---

1 См., например, *Топоров В. Н. С*емантика мифологических представлений о грибах //Balcanica. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С. 234–298.

[2] Так, в Книге Бытия дается список животных, которых заповедано есть человеку. Этот список шокирует своей непостижимой логикой. В иудаизме эти животные рассматриваются как кошерные. Непостижимость же логики некоторыми комментаторами рассматривается как демонстрация мудрости Давшего Завет.

[3] Подробнее об этом см. *Чебанов С. В.* а) Культурный статус колбасных изделий //Знание — сила. 1995. № 8. С. 23—24; Наст. изд. с. 439–442) б) Биологические основания социального бытия//Очерки социальной философии. Очерк 8. СПб.: СпбГУ, 1998. С. 201–227; Наст. изд. с. 534–564.

по их «аподиктичности». *Нужды* — самый жесткий тип необходимости. Неудовлетворенность нужд несовместима с биологической жизнью. Именно нужды удовлетворяются в столь экстремальных условиях, что в них приходится забывать о большинстве значимых для человека социокультурных нормативов (есть объедки или мышей, спать в навозе, носить одежду противоположного пола и т. д.). *Потребности* — социально нормативный способ реализации нужд и могут быть биологически неоптимальными (например, во многих странах к числу потребностей относится потребность в табаке, более того, табак рассматривается как нужда в боевых условиях в армии наряду с водой и минимумом еды). *Желания* регулируются типологическими и групповыми нормативами, а их удовлетворение определяет степень психологического комфорта. *Прихоти* индивидуальны, и об их удовлетворении заботится сам человек или лица, интимно с ним связанные социовитальными отношениями[1].

С учетом этого можно сказать, что экология питания *Homo sapiens* адекватна только в отношении пищевых нужд. Потребности в еде, желания иметь ту или иную еду будут характеризовать экологию питания человека. Прихоти могут серьезно рассматриваться либо в экологии человека, либо, при дополнительных обстоятельствах, в экологии духовного человека, но чаще с ними приходится встречаться у одичавшего человека, который лишен культуры и пресыщен, так что скорее может описываться в терминологии аномалий зоологической экологии питания. С другой стороны, потребление пищи в форме блюд предполагает ориентацию хотя бы на удовлетворение потребностей, а если такая возможность отсутствует и речь идет об удовлетворении нужды в пище, то в действие вступают механизмы экологии *Homo sapiens*. В этом случае могут употребляться и неправильно приготовленные или поданные блюда и объедки.

Голозойность питания. Характеристикой экологии питания *Homo sapiens*, как и подавляющего числа всех животных, является наличие у

[1] Социовитальные отношения связывают социально нормированным способом соматику людей. Таковы отношения людей в семье, врача и пациента, повара и едока и т. д., в противоположность спонтанным, мало регулируемым отношениям людей в небольшой очереди, во время аффективных реакции и т. д. и жестко регламентированным социальным отношениям при дистантном управлении (например, авиадиспетчеров). Такие отношения были описаны Э. Д. Азарх и С. Г. Кордонским в первой половине 80-х гг.; результаты этой работы внедрены в практику реабилитации лиц с психическими расстройствами, однако не опубликованы. Ср. *Баранов А. В.* Социальные аспекты экологии человека//Проблемы экологии человека. М.: 1986. Подробнее см. также *Чебанов С. В.* Биологические основания социального бытия//Очерки социальной философии. Очерк 8. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 201–227 (наст. изд. с. 534–564).

него голозойного питания (свойственного большинству свободноживущих консументов). Голозойное питание представляет собой такой способ питания, при котором данное живое существо поглощает тело другого живого существа (растения или животного) или его части как некоторое твердое тело.

Альтернативами голозойному питанию являются питание голофитное, при котором всасываются готовые питательные вещества (что свойственно грибам и многим паразитам) и автотрофное питание (прежде всего фотосинтез продуцентов), при котором органические вещества синтезируются из неорганических.

Осмотическое питание свойственно и двуногим без перьев — именно так питаются они (как и все остальные млекопитающие) тем, что получают через плаценту в утробе матери[1]. Но у человека появляется еще одна ситуация подобного питания — в случае внутривенного введения питательных растворов, что широко используется в лечебной практике и требует создания самостоятельной отрасли биомедицинской промышленности (новый класс артефактов). С точки зрения выстраивания пищевых цепей этот способ питания скорее напоминает паразитизм или наружное пищеварение, сходное с пищеварением пауков. Примечательно при этом и то, что подобное же питание применяется и по отношению к больным животным, что является еще одним проявлением их сапиентизации (правда, пассивно-принудительной).

Значительно интереснее, прежде всего в духовном аспекте, другая возможность — обретение человеком автотрофности, в результате чего он может оказаться в начале пищевой цепи и иметь возможность вообще никого не есть (даже продуцентов, как рекомендуется в аскетике). Определенным контрастом к этой тенденции будет то, что главное таинство христианства — евхаристия — предполагает именно голозойность питания человека.

Фантастические проекты, касающиеся этой сферы, предполагают, например, обретение человеком способности к фотосинтезу или какой-нибудь допускающий такую возможность эндосимбиоз. Но примечательнее другое — весьма отрывочные данные о физиологии аскетов (йогов) указывают на то, что вроде бы при некоторых типах мистических практик у них появляется возможность к связыванию атмосферных азота и углекислоты, т. е. речь идет об обретении автотрофности человека. Оценивая достоверность таких сведений, следует принимать во внимание как принципиальную возможность существования таких

[1] Вообще голофитное питание характерно для начальных стадий онтогенеза многих животных, яйца которых содержат в том или ином виде запас питательных веществ.

процессов (что базируется на универсальности биохимической природы организмов), так и несоответствие общего типа обмена веществ высших животных автотрофному питанию. Но есть и другой способ объяснения подобных феноменов.

Дело в том, что ныне выясняется роль микроорганизмов, живущих в кишечнике и на коже двуногих без перьев, в синтезе ряда используемых ими веществ (например, витаминов, экзоферментов). Вполне возможно, что именно они и обеспечивают автотрофную феноменологию физиологии голозойного организма. Таким образом, речь идет уже о синэкологии *Homo sapiens* и человека. Особенно показательна при этом роль микроорганизмов в пищеварении.

Этот материал делает наглядным, что же представляет собой экология питания человека: существуют неосознаваемые этнокультурные механизмы поддержания нормы пищеварения — использование тех или иных заквасок для кисломолочных продуктов, вина, пива, хлеба и т. д. определяется культурными традициями отдельных общин (причем часто с экзогамными браками), а не популяций *Homo sapiens*. Экологические последствия этого — бесспорный предмет экологии человека (а не *Homo sapiens*).

Экология погребения. Положение двуногих без перьев в пищевой цепи как конечных консументов акцентируется и тем, что человеку свойственно хоронить своих покойников. Тем самым они не становятся добычей трупоедов — зверей и птиц, а действительно оказываются субстратом непосредственно для редуцентов.

Экологически очень интересным является наличие тех или иных форм погребальных обрядов. Сожжение трупов с последующим рассеянием или захоронением праха, захоронение трупа на кладбище или в доме — все это значительно влияет на характер деятельности редуцентов. Сами кладбища являются особыми урочищами со своеобразной экологией. В частности, кладбища могут быть и резервуаром болезнетворных для человека микроорганизмов (в случае захоронения покойников, страдавших инфекционными заболеваниями).

Особый вопрос — выбор кладбищенских растений, что, по-видимому, связано с тонкими вопросами посмертного существования покойных.

Примечательно, что у остальных животных чего-либо похожего на кладбища нет. Исключение составляют лишь слоны, хотя природа скоплений их останков может быть и иной. Таким образом, экология погребения — вопрос экологии именно человека, причем имеющий и явно духовные аспекты.

Обращает на себя внимание и представление (безотносительно к его справедливости) о нетленности мощей как свидетельстве их святости.

Если согласиться с этим и учесть обсуждавшуюся интенцию отказа от голозойного питания, то вырисовывается очень интересный экологический портрет праведника — автотроф с нетленными мощами. Это предельное сокращение трофической цепи, которое можно сопоставить только с сохранением растений в ископаемом состоянии, например папоротникообразных в каменноугольный период. Однако абсолютизировать этот образ не следует — уста человека духовного оскверняются не тем, что входит, а тем что выходит из них (ср. Мф. 9, 14–19; Лк. 2, 18–22 и др.), а нетленность мощей — вовсе не существенный признак святости.

Динамика численности популяции. Весьма интересным является и вопрос о динамике численности популяции. Имеющиеся данные позволяют говорить о неуклонном увеличении населения Земли на протяжении всей более чем миллионнолетней истории человечества. Несмотря на то что этот рост не был монотонным, сопровождался временными уменьшениями численности населения, тем не менее уровень, вокруг которого происходит колебание численности, так и не стабилизируется, а все повышается. Для эколога это знак того, что за таким ростом должно последовать взрывообразное сокращение численности популяции. Возможно, именно это обстоятельство и является неосознанным основанием распространения эсхатологических представлений.

Тем не менее в демографической динамике можно проследить цикличность, свойственную динамике численности популяций других организмов. Наиболее наглядным механизмом циклической регуляции численности популяции является наличие хищников или иных естественных врагов. Однако, как говорилось, двуногие без перьев являются концом трофической цепи и их никто не ест. Поэтому их численность регулируется преимущественно паразитами и патогенными организмами. И действительно, массовые эпидемии вносили свой значительный вклад в регуляцию численности населения, по крайней мере до второй половины XIX в. Успешная же борьба с ними, в особенности после появления антибиотиков в 40-е гг. XX в., определила взрывной характер роста популяции так, что за последние полвека население Земли возросло в пять раз.

Однако биологам известно, что у различных организмов существуют какие-либо реакции на возрастание плотности популяции выше определенного уровня (как и на уменьшение ниже критического), приводящие к оптимизации плотности популяции. Поэтому из общеэкологических соображений можно ожидать появление, к примеру, 4–5 видов микроорганизмов, которые будут неспецифическим образом регулировать плотность популяции. И такие организмы, по-видимому, и

обнаружили себя — это возбудители СПИДа и бешенства коров. Появились данные и об обнаружении еще одного подобного возбудителя в Африке (одном из регионов Земли, где имеется заметный прирост населения). Сходство экологии этих эпидемий и ситуаций с Содомом и Гоморрой или легендарной Атлантидой постигается даже массовым сознанием.

Но не все может быть объяснено такими очевидными экологическими моделями. Так например, обращается внимание на необъяснимый рост численности населения Европы в первой четверти XVIII в., причем это рассматривается в широком культурном контексте таких событий, как становление европейского права (появление «О духе законов» Монтескье), изменение понимания природы живого организма или смена техники рисования[1]. Таким образом, вопрос о динамике численности населения вводится в сферу культурных явлений и проявляет свою принадлежность к экологии именно человека.

Совершенно очевидна именно человеческая природа попыток регулирования численности населения как отдельных территорий, так и Земли в целом. Предлагаемые способы, однако, могут быть проранжированы по возвышенности — от механических контрацептивов до женского образования. Последнее оказывается столь эффективным с точки зрения сокращения рождаемости, что встает вопрос об исчезновении европейского населения даже в Европе. И здесь уместно вспомнить о поощрении чадорождения религиозным сознанием, которое, казалось бы, входит в противоречие с насущными демографическими проблемами. Однако такое сознание ориентировано скорее не на современный евро-американский стандарт потребления, а на обсуждавшийся выше образ человека-папоротника, экологическая нагрузка которого (объем потребляемых индивидом, популяцией или сообществом ресурсов и порождаемых в результате их деятельности веществ и изменений обстановок, которые требуют нейтрализации другими компонентами биоценозов) на биосферу несоизмеримо ниже. Так возникает реальная оппозиция экологии численности человека душевного и человека духовного.

Другие вопросы экологии двуногих без перьев. С тем чтобы более полно оценить предмет экологии человека, можно перечислить еще ряд вопросов, относящихся к этой области. При этом придется ограничиться лишь краткими комментариями, построенными по уже использованной схеме: зоологическая специфика экологии *Homo sapiens*, от-

[1] *Jacobs N.* Revolution in plant description//Miscellaneous papers. 1980. N 19. P. 155–181.

личие от нее экологии человека, особенности экологии, прослеживающиеся у человека духовного (там, где это уместно).

Глобализация экологических процессов — экология локальных популяций *Homo sapiens* сменяется глобальной экологией человека. В частности:

— Сложился мировой рынок сельскохозяйственной продукции, в результате чего происходит глобальная циркуляция большинства паразитов и возбудителей болезней сельскохозяйственных культур, так что продукты, произведенные в одной части мира, могут быть аллергенами для населения другой части мира.

— Глобальные миграции населения обеспечивают глобальный характер эпидемий человека и эпизоотий домашних животных, глобальное распространение микроорганизмов, сорняков и других сопутствующих человеку организмов.

— Подвижность населения и распространение смешанных браков и внебрачных половых контактов практически исключают возможность существования географически изолированных популяций, так что можно говорить об известном уровне глобальной панмиксии.

— Глобализация экономики позволяет перераспределять экологическую нагрузку по регионам мира. Так, развитые страны мира активно занимаются природоохранной деятельностью на своей территории, перенося экологическую нагрузку на малоразвитые страны, притом что экологическая нагрузка, создаваемая даже европейским младенцем, в несколько раз больше, чем африканским.

— Глобализация экологической нагрузки является основанием для того, чтобы говорить не столько об экологии *Homo sapiens*, сколько об экологии ноосферы — экологии человечества. Одухотворение человечества позволяет говорить о духовных аспектах глобальной экологии.

Экология хозяйственной деятельности человека. Сама по себе хозяйственная деятельность — достояние человека. Говоря об ее экологических аспектах, можно выделить следующие, преимущественно синэкологические процессы:

— Преобразования биоценозов в результате создания поселений, строительства предприятий, разработки полезных ископаемых и т. д.

— Экологические последствия деятельности предприятий, такие как поглощение кислорода, выбросы отходов, рассеивание тепла, выделяемого в процессе производства. При этом не следует полагать, что даже с человеческой точки зрения такие последствия только негативные; а к тому же надо помнить о том, что порой эти последствия могут быть весьма нетривиальными. Так, например, основным источником избыточного по сравнению с дыханием кислорода (помимо болот) является

деревообрабатывающая промышленность — пущенная в дело древесина не требует кислорода на свое разложение.

— Повышение концентрации тех или иных веществ выше ПДК как следствие хозяйственной деятельности (в промышленности, при использовании удобрений, гербицидов, инсектицидов и т. д.). Такое состояние оказывается принципиально преодолимым, поскольку, как показывает опыт, для каждого вещества находится организм, чаще микроб, способный его нейтрализовать или разложить. Проблема заключается в наличии временных и финансовых ресурсов на селекцию и интродукцию соответствующих организмов.

В некоторых случаях характер и достоверность негативных влияний на экологию таких веществ весьма проблематичны. Так, сомнительна роль фреонов в разрушении озонового слоя атмосферы — скорее дело здесь в изменении общего баланса кислорода вследствие разрушения транспортными средствами покрова тундры, что создает преимущества для развития сине-зеленых водорослей, которые осуществляют фотосинтез без выделения кислорода.

— Негативные экологические последствия недальновидной интродукции и селекции организмов, такие как распространение кроликов в Австралии или повышение мутабельности микроорганизмов в результате непродуманного использования антибиотиков (желание предупредить нечто подобное является источником предложений моратория на генную инженерию или озабоченности проблемой СПИДа — мутабельность ВИЧ может сделать его источником, например, воздушно-капельной инфекции, которая будет опасна для всего населения, а не только для распутников или сексуальных меньшинств).

Необходимо подчеркнуть, что значительные экологические перестройки не являются неизбежными последствиями хозяйственной деятельности человека или ее высокой интенсивности. Антропогенные экологические катастрофы происходили и при низкой интенсивности хозяйственной деятельности в хрупких биоценозах (ср. антропогенную природу азиатских пустынь), но они не неизбежны и при интенсивном ведении хозяйства (например, в современном биодинамическом сельском хозяйстве[1]). Построение хозяйства на духовных основаниях[2] призвано гармонизировать и экологическую ситуацию.

Экологические аспекты доместикации организмов. Из числа многообразных экологических проблем доместикации можно выделить несколько:

---

[1] См., например, международные журналы «Biodynamics», «Compost».

[2] См., например, *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства (разные издания).

— Возделывание сельскохозяйственных растений или содержание домашних животных создает для них условия, которые можно сопоставить с удовлетворением потребностей (а не нужд, как в неагроценозах). Соответственно возникают дополнительные экологические ниши, в которых формируются сорная флора и фауна, подверженные весьма быстрой коэволюции с человеком и в особенности с близкими к ним культивируемыми видами. В результате вокруг человека формируется ареал сопутствующих ему видов (сорняков злаков, грызунов, воробьев и т. д.).

— Сельскохозяйственная деятельность нередко является источником деградации окружающих биоценозов — усиливая эрозию, увеличивая сапробность водоемов, разрушая гнездовья и т. д.

— Сугубо человеческой является селекция декоративных форм растений, птиц (например, куриных, голубей), собак, кошек и т. д., что влечет создание специальных отраслей экономики, которые, с одной стороны, позволяют заполнить некоторые свободные экологические ниши, а с другой — порой являются формой весьма расточительного использования экологических ресурсов.

— Человек может продвигать домашних животных по трофической цепи. Так, кошек частенько кормят преимущественно рыбой, которая замещает плоть теплокровных, что является определенной формой поста. Точно так же питание собак — тоже хищников! — можно значительно сдвинуть в сторону вегетарианства. В этом контексте вспоминается и введение в XIII в. Папой Римским постов для животных. Более того, соответствующее воспитание человеком животных позволяет достичь положения, при котором кошка будет спать с собакой, что прообразует существование животных в Эдеме. Напротив, селекции свирепых пород собак демонизирует их, а выведение боевых быков или петухов делает кровожадными травоядных и зерноядных.

* * *

Приведенный материал позволяет достаточно ясно представить себе, что есть предмет экологии человека, в чем ее отличие от экологии *Homo sapiens*, как изменяет экологию человека его духовная жизнь. Теперь предстоит рассмотреть соотношение означенного предмета с некоторыми другими смежными сферами.

Предельные проблемы экологии человека

В этом разделе будут рассмотрены некоторые проблемы соотношения экологии человека и общей экологии, которые вызывают наибольшую тревогу общественного сознания.

Первая из них — *проблема экологической безопасности человека*. К сожалению, говоря о ней, не всегда учитывают разные уровни проблемы.

Одно дело — неблагополучие среды по тем или иным параметрам. Если при этом речь идет действительно об обоснованном вредоносном для здоровья человека действии тех или иных факторов (например, превышении ПДК тех или иных веществ или недопустимом уровне радиоактивности), то предмета для дискуссий нет и необходимо произвести очищение среды и ликвидировать источник загрязнения (обычно — но не всегда! — антропогенный).

Такого рода экологическое неблагополучие бывает источником болезней или сокращения продолжительности жизни единичных людей или их сообществ, иногда это вызывает наследственные заболевания, но обычно оно не является источником кризиса социокультурной организации. При этом, однако, надо действительно реалистично оценивать уровень опасности и корректность ее оценки, поскольку переоценка опасности может быть сама по себе травмирующим фактором (это один из феноменов экологии сознания — см. далее). Более того, по социально-экономическим причинам (снижение конкуренции, наличие компенсаций) зоны локальных экологических бедствий могут оказываться даже притягательными для определенной части населения (бедных, изгоев, переселенцев и т. д.).

Этот аспект экологической безопасности является основой «*зеленого» бизнеса* — производства экологически чистых продуктов. Эта отрасль экономики вторая по доходности после наркобизнеса и более доходна, чем торговля оружием. Вместе с тем целесообразность использования экологически чистых продуктов (не говоря об их реальном качестве) в экологически неблагополучных ситуациях не всегда бесспорна. Поэтому частью «зеленого» бизнеса является«*зеленый» рэкет* — возбуждение у людей (как правило, некомпетентных) ощущения экологической опасности и поддержания у них состояния экологической озабоченности.

Другое дело — наличие устойчивого тренда экологических изменений, приводящего к смене привычной среды обитания данной человеческой общности. Анализ таких ситуаций показывает, что подобные изменения либо целенаправленно производятся людьми (в степи строится город или завод) и тогда ожидать чего-либо иного просто абсурдно, либо речь идет о закономерной смене биоценозов в сукцессионом ряду.

Проблемы, возникающие при этом у населения, являются проблемами сознания, которое мыслит среду обитания как статическую, а не

показателем экологического неблагополучия. Традиционное сознание нередко связывает такие изменения с вмешательством сверхъестественных сил (обычно негативными — карающими, предупреждающими, наставляющими). Более того, оказывается, что никакие антропогенные воздействия не в состоянии вызвать изменения последовательности биоценозов в сукцессионом ряду, хотя и могут повлиять на скорость протекания этого процесса. Поэтому дополнительные психологические проблемы сознания могут возникать при смене кинетических характеристик такого процесса[1].

Часто подобные изменения среды обитания являются источником распада сложившихся моделей хозяйственной и культурной жизни, и хотя физического вымирания населения не происходит, в итоге имеет место исчезновение каких-то этнокультурных образований. При этом не выявляется сильная зависимость подобных преобразований от духовных ориентаций людей. Так, буддистские общины (экологичность которых любят подчеркивать некоторые западные исследователи) переживают те же локальные экологические катастрофы, что и аврамитские (хотя, быть может, при большей плотности населения).

Третий тип преобразований — глобальные или крупные надрегиональные преобразования среды обитания, то, что обозначается ныне в англоязычной литературе как *Global changes*.

Несмотря на порой очень тревожное отношение к ним (глобальное потепление климата, усиление тектонической активности, накопление CO_2 в атмосфере и т. д.), все они укладываются в рамки колебаний соответствующих показателей в течение биосферно-атмосферно-гидросферно-стратисферно-тектонического цикла (БАГСТ-цикла), длительность которого порядка 100 млн лет близка Галактическому году. При этом очевидно, что не все сезоны Галактического года совместимы с жизнью человечества, по крайней мере в его привычном ныне виде. Так можно ли считать такие *Global changes* какими-то аномалиями экологии человека (а тем более *Homo sapiens*)?

Причиной таких изменений могут быть какие-то глобальные геологические процессы, космические влияния или вообще неизвестные силы. Возникает вопрос и о том, в какой мере человек может быть их источником. Отвечая на него, следует иметь в виду, что в распоряжении человечества до сих пор нет источников энергии, которые могут вызвать эффект такой силы, которая будет сопоставима с величиной колебания параметров в течение Галактического года. Однако непонятно, каковы

[1] См., например, *Каганский В. Л.* Экологический кризис: феномен культуры?// Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения/НИИ Информкультура. М., 1994. № 6. С. 1–16

могут быть последствия вызванных человеком изменений кинетических характеристик экологических процессов и не могут ли они быть источником *Global changes*. Если давать положительный ответ на этот вопрос, можно прийти к выводу, что, действительно, человек может быть источником собственного самоуничтожения.

При этом, однако, также нужно сохранять изрядную долю рассудительности. Так, если ведутся действительно основательные разговоры об экологическом кризисе, то нужно помнить, что кризис — это точка перелома в ходе болезни, за которой может последовать и исцеление, в отличие от катастрофы, которая такой возможности не предполагает. Кроме того, очень показательно то, что разговоры об экологическом кризисе идут на фоне блестящих эколого-демографических показателей состояния популяции — беспрецедентных роста численности населения, увеличения средней продолжительности жизни и снижения детской смертности.

Второй подобной проблемой экологии человека является то, что *человек овладевает силами, которыми не в состоянии полностью управлять*.

Наиболее древней и распространенной такой силой является **огонь**. Термическая обработка пищи, использование огня как средства дезинфекции, источник тепла для обогрева жилища и широчайшего спектра технологий имеют далеко идущие экологические последствия. Благодаря ему многие регионы мира приобрели иное лицо вследствие подсечно-огневого земледелия или добычи угля. Заметна роль человека и в возникновении непреднамеренных лесных пожаров. Но огонь продолжает быть и значительным источником опасности для самого человека.

Видимо, столь же старым является и **война** как экологический фактор. Ее своеобразие — в отличие от противоборства других организмов — состоит в том, что жертвами помимо соперников и обитающих в них микроорганизмов и паразитов являются и многие другие (в том числе и макроскопические) организмы.

Новые силы порождаются **промышленностью**, причем особое значение по влиянию на экологию принадлежит авариям и техногенным катастрофам. Наиболее показательны ядерные катастрофы. Так, в Чернобыле оказалось, что автоматика отказывает при подобном уровне радиации и в наиболее опасных местах должен работать сам человек. Такие ситуации невольно наводят на размышления о сути греха... Результатом таких катастроф являются принципиально новые, антропогенные по сути, биоценозы, такие как Чернобыльская зона или ВУРС (Восточно-Уральский радиоактивный след), тянущийся от Кыштыма.

Наконец, подобной неподвластной для человека силой является и его сознание. Тогда величайшей экологической катастрофой является

вкушение человеком от Древа познания добра и зла, в результате чего не только человек, но и все живые существа становятся смертными (а также, по-видимому, появляются вторичные консументы и редуценты).

Вместить подобные проблемы экологии человека сознание практически не в состоянии.

Метафорическая, или негеккелевская экология человека

Все ранее обсуждавшиеся сюжеты, несмотря на их нестандартность для эколога, тем не менее полностью укладываются в геккелевское понимание экологии, формулируются в ее категориях.

Однако гораздо более распространенной является ситуация, когда об экологии говорится метафорически (если не поэтически), что обычно в околоэкологической публицистике.

Начать можно с вполне профессиональных работ первоклассных экологов, а именно концепции Л. Г. Раменского, которую оказалось возможным применить и к описанию социально-экономической динамики. Он различал в фитоценозах виоленты — силовики (ср. советские госструктуры, ВПК), которые определяют ситуацию, эксплеренты, способные давать краткие вспышки численности (часть теневых структур), и патиенты (терпельцы), всегда присутствующие в угнетенном состоянии (скрытые диссиденты). При смене структуры старые виоленты выпадают, часть патиентов эксплерентизируется (челночная торговля, финансовые пирамиды как МММ), часть виолентизируется (новые русские), причем происходит несколько смен виолент (несколько переделов собственности и власти), часть так и остается патентами (правозащитники). На основании подобных представлений В. В. Жерихин[1] с сотрудниками смогли как объяснить смену экосистем в меловой период, так и описать (а отчасти и спрогнозировать) процесс распада СССР.

Очевидно, что такие представления о социальных процессах, хотя и основываются на экологических концепциях, являются с точки зрения строгой экологии явной метафоризацией. Однако средовой подход налицо, методы синэкологии явно используются, а в рассматриваемых процессах участвует человек, так что есть определенные основания отнести подобные изыскания к сфере социальной экологии (если уж не экологии человека). Точнее, это можно было бы назвать социально-экологической бионикой.

Нужно также заметить, что подобный подход может быть применен к рассмотрению экологии человека в точном смысле слова. Человек,

[1] *Жерихин*, op. cit.

судя по всему, на протяжении большей части своей истории существовал как патиент. Именно такое существование свойственно кочевникам, собирателям, именно оно поэтизируется и мифологизируется в крайних алармистских доктринах экологистов. Использование огня делает человека видом-эдификатором в некоторых биоценозах, в которых он (подобно дубу в дубравах или сосне в бору) определяет облик всего биоценоза. В такой функции человек выступает и в агроценозах с момента их появления (например, с началом подсечно-огневого земледелия).

Взрывообразный рост населения в Новое и Новейшее время с этой точки зрения может рассматриваться менее пессимистично — это не просто логарифмический рост перед лавинообразным уменьшением численности популяции, а эксплерентизация патиента, за которой следует превращение человека в виолента, вид-эдификатор. И действительно, начиная с конца XIX в., человек выступает как вид-эдификатор не только по отношению к агроценозам, но и по отношению ко всем биомам (стоит вспомнить и об антропогенном происхождении пустынь, степей и тундр в более ранние времена), причем это влияние начинает носить глобальный характер (т. е. человек выступает как *эдификатор биосферы*).

Вторая область, в которой идет речь по существу о метафоризации, — экологический или средовой подход в архитектуре. Принять его всерьез как экологический трудно. Во-первых, архитектура всегда имела дело не только с тем или иным сооружением, а решала вопрос о его вписывании в среду. Во-вторых, экология — это не просто рассмотрение отношений со средой, а определенная традиция представления этих отношений в биологии. В-третьих, в этой области практически никак (даже метафорически) не работает аппарат геккелевской экологии.

Третья подобная область получила название «экология души»[1]. Как и предыдущая, она не в состоянии в полной мере использовать аппарат геккелевской экологии. Вместе с тем здесь «работает» средовой подход, возможно обсуждать феномены, связанные с эффектами критических концентраций. Возможны разные варианты развития этих идей с фокусированием внимания то на влиянии вполне осязаемой среды на душу, то на эффекты, рассматриваемые в трансперсональной психологии, при изучении коллективного бессознательного. Небезынтересны здесь и идеи Р. Штейнера, и основанное на них отношение к живым организмам, воспитываемое вальдорфской педагогикой[1]. Видимо, рассмотрение таких проблем очень существенно при описании экологии родильных

[1] См., например, *Bateson G.* Okologie des Geistes. Surkamp. Frankfurt-am-Main, 1988.

домов, больниц (в том числе психиатрических или реаниматологических) или хосписов, в которых концентрируются люди в критических, пограничных состояниях.

Конечно же, при этом речь идет о параллелизме психической и биологической (а именно с ней имеет дело экология *in stricto sensu*) организации (соотношение их природ — отдельная проблема), а не о феноменах биологической организации, и в этом отношении это направление должно рассматриваться опять же как некоторая метафоризация экологии, а не собственно экология.

Идея экологии души, экологии сознания может трактоваться и как рассмотрение чистоты или засоренности сознания, его ясности или загрязненности. Но тогда это сюжеты скорее культурной антропологии, коммуникологии или философии культуы, чем экологии[2].

Тем не менее эта идея весьма примечательна еще в одном отношении. Так или иначе, для экологии души оказывается существенной оппозиция добра—зла, чистого—грязного. Очевидно, что это неточные категории с точки зрения экологии. Но, однако, в экологии и ее приложениях возникает представление об экологически «чистом» и «грязном». То, что эти же категории возникают как метафоры, когда речь идет о душевно-духовной сфере, весьма примечательно. Дело в том, что в упомянутых опытах с обучением обезьян языку глухонемых обнаружены подобные метафорические переносы — зафиксировано использование обезьяной слова «грязный», известного обезьяне в его прямом значении, по отношению к служителю в момент конфликта с ним. Таким образом, экологическая и душевная чистота и грязь, возможно, имеют весьма глубокую — и экологичную в том числе! — природу. Подобные идеи явно представлены и в традиционном резко негативном отношении к сквернословию (ср. у В. Даля об устах).

Еще одна версия подобной метафоризации — идея, а скорее лейбл, Д. С. Лихачева — «экология культуры». Представляется, что в данном случае, скорее всего, имеет место недоразумение — экология занимается биологической средой обитания живого организма (в том числе и *Homo sapiens*), а культура — скорее альтернативное состояние среды обитания

[1] Духовные аспекты упомянутых представлений и практик здесь не рассматриваются и не оцениваются. Это тема отдельного серьезного обсуждения.

[2] Таким образом, выявляется богатая сеть коннотативных и ассоциативных связей, смыслы и этимологии ключевых терминов начинают «перемигиваться» друг с другом. Так, всплывает, что культура — термин, пришедший из агрономии, биологическая экология этимологически связана с домом, экология сознания — это и его домоведение, и часть культурологии и т. д. Все эти ассоциации и связи можно проследить и актуализировать, что, как и всякая подобная работа, позволит вскрыть какие-то грани смысловых отношений. Но не в этом цель данной статьи.

человека[1]. При этом аппарат экологии вообще практически не привлекается.

Но эта идея заставляет задуматься о другом. Геккелевская экология практически не рассматривает существующий у того или иного организма образ окружающей среды. Идеи же и экологии души, и экологии культуры предполагают апелляцию именно к образу среды в сознании человека[2]. Вместе с тем в биологии существуют по крайней мере две научные школы, занимающиеся этим.

Во-первых это представление А. А. Ухтомского (кстати, создателя естественно-научного учения о механизмах нисхождения ума в сердце — учения о доминанте) о хронотопе — пространстве-времени, в котором живет организм. Во-вторых, это учение об умвельте Я. фон Икскюлля[3], еще более последовательно рассматривающее особый, отличный от физического мир, в котором живет организм. Примечательно, что сферой приложения обеих концепций являются нейрофизиология, этология, психология, но не экология. Экологию умвельта удается лишь пунктирно наметить[4].

Тем не менее обе указанные концепции относятся, строго говоря, скорее к объектам зоологическим. Если же речь идет о человеке, то эквивалентом умвельта будет жизненный мир — Lebenswelt в понимании Э. Гуссерля[5]. Каких-либо попыток построения экологии (в геккелевском смысле) жизненного мира автору неизвестно. Возможно, что это и будет что-то вроде экологии культуры или экологии души.

Здесь стоит упомянуть и об экологии садов Эдема, садовником в которых надлежало быть человеку. В их отношении возникает много чисто экологических вопросов. Судя по всему, там были первичные консументы, которые (включая Адама и Еву) поедали продуцентов. А были ли там вторичные консументы? Были ли редуценты? Отвечать на

---

[1] Подробнее см.: *Каганский В. Л., Лютикова Г. В. Б*иология — жизнь — культура //Знание — сила. 1992. № 12. С. 65–69; *Чебанов С. В.* Язык, культура, биосфера как компоненты жизненного мира человека. Доклад на Русской сессии Международной академии наук Сан-Марино «Язык — культура — экология» 2 января 1992 г., Москва (в печати); наст. изд. с. 428–437.

[2] Ср.: *Шуков В. А.* Образ биологической реальности как исходное основание философии биологии//Природа биологического познания. М.: АН СССР, 1991. С. 55—69.

[3] Uexkull von J. Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin, 1909.

[4] *Чебанов С. В.* Умвельт и корпускулярно-волновая модель живого существа// Научные чтения «Белые ночи» 2–4 июня 1998 года.. Санкт-Петербург: Международная академия наук экологии и безопасности жизнедеятельности. С. 201–202; Chebanov S. V. Umwelt as life world of living leing //Semiotica. Vol 134-1/4, 2001. P. 169–184.

[5] *Husserl E.* Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die Tranzendentale Phenomenologie//Husserliana. Bd VI. 1954.

такие вопросы приходится, если задуматься о том, какова была экология человека до грехопадения, ибо все, о чем говорилось ранее, имеет отношение к экологии *человека падшего*.

Продолжая такого рода размышления, следует обратить внимание на то, что в христианстве существуют разные идеальные типы поселений, с соответственно различной экологией. Так, идеалом общественного устройства является Град Божий, в котором можно ожидать идеальных урбанистических биоценозов, а в заупокойной молитве говорится об упокоении в Небесных селениях, в которых, видимо, есть агроценозы.

Наконец, следует упомянуть уж вообще о безграничных расширениях понимания экологии, когда она начинает сливаться с экономикой и выступать вместе с ней как разные аспекты домостроительства. Обычно такие разговоры ограничиваются какими-нибудь совсем поэтическими, метафорическими и сентиментальными сентенциями, ничего общего не имеющими с аппаратом геккелевской экологии.

Не отрицая плодотворности подобных сближений, надо ответить по крайней мере на два вопроса:

— Почему эту сферу изысканий хочется называть экологией? В чем целесообразность этого? В акцентировании идеи дома?

— Чем не подходит для обозначения этой сферы (тем более если речь идет и о духовных аспектах дома) старый и испытанный термин «икономия»?

* * *

Итак, существует достаточно широкий спектр параэкологических идей, соотносимых с человеком. К сожалению, большей частью они столь метафоричны и не артикулированы, что их содержательность крайне трудно обсуждать. В других случаях совершенно очевидна содержательность поднимаемых в таких обсуждениях проблем, но их предметная отнесенность и надлежащий способ обсуждения крайне не прояснены. Но, так или иначе, это всегда некоторые точки роста идей, хотя частенько и очень туманных

Итоги

Как представляется, в итоге проведенного рассмотрения удается довольно ясно очертить область, которую уместно называть экологией (в строгом биологическом, геккелевском, смысле) человека. Эта область мыслится как некоторая оппозиция и вместе с тем дополнение экологии *Homo sapiens* как биологического вида. В некоторых случаях удается проследить и характер изменения экологии человека, вовлеченного в духовную жизнь.

Несмотря на стандартность привлекаемых для этого представлений, возникающие в этой области проблемы порой очень непривычны для экологов. Некоторые из них столь драматичны, что практически не могут быть охвачены человеческим сознанием; они требуют ответа на предельные вопросы человеческого бытия.

Кроме этого, можно говорить и о негеккелевской, метафорической экологии человека. Это очень разнородная сфера разнообразных параэкологических изысканий, которая интересна прежде всего как точка роста новых идей. Однако каждый раз надо разбираться в том, в какой мере возникающие области действительно относятся к экологии и не дублируют ли они какую-либо уже сложившуюся область.

Такое метафорическое понимание экологии отражает естественный процесс развития содержания понятия путем трансонимизации. Вместе с тем, чтобы сохранить какую бы то ни было определенность обсуждаемых проблем, нужно по крайней мере четко осознавать, что понимается под экологией человека в каждом конкретном случае.

При обсуждении экологии человека преднамеренно совершенно не затрагивался *экологизм* как общественно-политическое движение, вообще не имеющее по сути отношения к экологии, а к тому же перетекающий время от времени то в *«зеленый» фашизм*, то в *«зеленое» язычество*, которое, обожествляя природу, превращая ее в идола, вообще стремится исключить из нее человека, в том числе человека верующего[1].

[1] См. *Лютикова Г. В.* Экологический терроризм в Финляндии//Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Вып. 6. М., 1991; *Чебанов С.* Что такое экологизм и как с ним бороться?//Экохроника. 1995. № 3 (21). С. 22–23.

ПРОБЛЕМА БИОРАЗНООБРАЗИЯ И ХРИСТИАНСКИЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ[1]

Отношения науки и веры — тема, ставшая весьма популярной в последние десятилетия. Однако ее рассмотрение часто страдает схематизмом выстраиваемых оппозиций, которые затем более или менее успешно преодолеваются авторами, двигающимися в том или ином направлении — провозглашающими симфонию науки и веры, ставящими их в те или иные субординационные отношения или утверждающими независимую параллельность их существования. Беда подобных работ в том, что столь желаемых для них черно-белых оппозиций не существует.

Так, например, как показывают науковедческие исследования, не меньшее влияние, чем природа экзотических стран, оказала на Ч. Дарвина библиотека «Бигля», в которой были хорошо представлены и труды по теологии, формирование и рецепция его представлений осуществлялись в идейном поле европейской теологии и т. д. С другой стороны, современная биологическая и теологическая мысль сформировалась не только под воздействием фундаментальных трудов русских ученых и мыслителей Серебряного века, В. И. Вернадского или П. Тейяра-де-Шардена, но и множества исследователей — теологов и биологов — последних десятилетий с менее громкими именами, которые, несмотря на это, изменили лицо современных представлений о биоразнообразии и его развитии.

При этом хочется подчеркнуть, что их трудами созданы обширные области знания, о которых даже не подозревали или которые считали невозможными упомянутые классики, — докембрийская палеонтология, палеобиохимия, представления о молекулярно-генетических механизмах эволюции и т. д. Среди этих исследователей были и те, кто думали о связи биологии и христианства. В бывшем СССР это часто были ученые, тайно исповедовавшие православие[2] (и не только его), на Западе — есте-

---

[1] Написано весной 2003 г. к Российско-итальянскому симпозиуму о взаимодействии науки и веры.

[2] Некоторое представление об этом дает относительно недавно опубликованная книга о сотворении мира («Той повеле…», 1999), в которой приводятся как работы, написанные в советское время (Г. А. Каледы, С. В. Мейена), так и в последние годы (например, Гоманьков, 1999).

ствоиспытатели, нередко соединявшие свою исследовательскую работу со служением в пресвитерианской церкви. При этом в своей профессиональной области они вели друг с другом христианский диалог, который оказывал влияние на принятие важных научных решений.

Еще меньше контрастность и оппозиционность в настоящее время, когда распространение постмодернистского мышления еще более затрудняет формирование черно-белых оппозиций, которые тем сложнее строить, чем большим фактологическим материалом мы располагаем.

Именно ввиду изложенных обстоятельств представляется целесообразным не приниматься за рассмотрение глобального взаимодействия христианской веры и биологического знания (ср. Sermonti, 1994), а посмотреть, какие складываются между ними взаимоотношения на примере, казалось бы, весьма частной проблемы[1] — проблемы биоразнообразия. Однако частной она кажется только на первый взгляд. В действительности она весьма важна как для христианства, так и для науки.

В христианстве проблема смысла существования многообразия вообще богословски неразрешима. При этом очевидно, что она привлекает к себе весьма пристальное внимание и богословов, и ученых в смежных областях. Так, именно многообразие специально рассматривается в связываемом со св. Дионисием Ареопагитом учении о небесной и церковной иерархии, которое повлияло на логику и все описательное естествознание, задав образец рассмотрения многообразия, который не имел альтернативы до середины XIX в. (появление исторического, а позже номотетического понимания разнообразия). С другой стороны, в Библии и в более поздней христианской литературе большое внимание уделяется многообразию живых организмов.

Для современной науки проблема разнообразия также важна, причем по крайней мере в двух аспектах. Во-первых, в науке в целом и в ее методологии можно говорить ныне о переориентации с инвариантного на типологическое мышление. Во-вторых, в биологии тема биоразнообразия стала центральной как в теоретическом, так и в прикладном

[1] Необходимо отметить, что при этом возникают определенные лингво-историко-культурно-конфессиональные проблемы взаимодействия русской и евро-североамериканской научных традиций. Дело в том, что русская научная традиция отделена от европейской языковым барьером, а в недавнем прошлом — и железным занавесом. При этом с очевидностью русская наука опирается на православную традицию, о которой в советское время вообще нельзя было заикаться. В результате взаимно известны и переводимы преимущественно фактографические работы (которые и могут часто цитироваться), в то время как концептуальные сочинения создаются практически независимо. Эти обстоятельства явно проявились и в цитировании источников в настоящей работе.

отношении (задачи селекции, охрана биоразнообразия как часть экологической проблематики).

Указанное положение дел и определяет выбор рассматриваемой далее темы.

* * *

1. В настоящее время проблема биоразнообразия оказалась одной из центральных тем современной культуры. При этом биоразнообразием в сопоставимой степени интересуются как высокопрофессиональное современное естествознание (Чайковский, 1990), так и популярные формы массового сознания.

Первого рода интерес проявляется, к примеру, в

— биологии — как становление нового этапа развития систематики (геносистематика, биохимическая систематика — ср. Заренков, 1976), как обретение остроты проблемой охраны биоразнообразия, как создание генных банков и проблема охрана биосферы и т. д.;

— географии — ландшафтный подход обращает внимание на разнообразие биоценозов, открытие феномена культурного ландшафта, немыслимого без живых организмов, осознание географического, в том числе биогеографического, разнообразия как особого ресурса и т. д. (Каганский, 2001; Наука..., 1995; Родоман, 2002; Papaioannou, 1980);

— геологии — как проблема классификации биогенных минералов и горных пород, биостратиграфия (Мейен, 1989), в том числе экостратиграфия (Rull, 1997), фациальный анализ и т. д.;

— физике — неравновесная термодинамика и теория диссипативных структур как подходы к объяснению разнообразия биологических форм и функций и т. д. (Kauffman, 1993; Prigogine, Stengers, 1984 и др.).

Интерес к биоразнообразию массового сознания проявляется в

— экологизме — общественно-политических движениях, базирующихся на идее охраны природы, прежде всего «дикой» (Chebanov, 1995);

— экофашизме и экотерроризме, политических концепциях и практике, допускающих ограничение (в том числе принудительное и внеправовое) хозяйственной, экономической, культурной и прочей активности на основании того, что эта активность наносит вред окружающей среде (Arnold, 1997);

— биоцентризме — проекте построения культуры, в которой жизнь биологических организмов (микробов, растений, животных) выступает как высшая ценность (Chebanov, 1988; Meyer-Abich, 1990);

— «зеленом» язычестве — религиозном преклонении перед биологической жизнью как высшим духовным началом (ср. Snyder, 1984);

— озабоченности здоровым образом жизни, проявляющейся в стремлении потреблять экологически чистые продукты, жить и иметь рекреацию в чистой среде и т. п.

При этом как естествознание, так и массовое сознание в значительной мере не только лишены связи с христианским мировоззрением (ср. «зеленое» язычество), но и утратили представление о генетической связи всей евро-североамериканской культуры с христианством, по крайней мере некоторых из представлений этой культуры (многообразие форм жизни, связь жизни с водой, в частности ее происхождение из воды, и т. д.). Тем не менее проблема биоразнообразия также весьма актуальна и для христианского мировоззрения.

Таким образом, имеется по крайней мере три корзины идей, имеющих отношение к проблеме биоразнообразия:

— биоразнообразие как фундаментальная проблема научной биологии и, шире, всего научного естествознания (включая географию, геологию, планетологию и астрономию в целом);

— биоразнообразие как проблема массового сознания;

— биоразнообразие как сюжет христианского мировоззрения.

Отношения между этими тремя корзинами не только не прояснены, но не осознан даже факт их относительно самостоятельного и независимого существования.

2. Обрамляющим эти три корзины идей (безотносительно к их ценностной ориентации и генезису) является процесс переориентации мышления, деятельности (мыследеятельности) и творчества с инвариантного (физикалистского) подхода на типо-вариантный (типологический) подход*.

Суть типологического подхода можно сформулировать в виде следующих основных положений (см. Розова, 1986; ср. Sokal, Sneath, 1963):

— *Разнообразие* является *фундаментальным свойством* мира. Если какой-то объект предстает как лишенный разнообразия, требуется поиск специальных причин этого.

— Разнообразие предстает в двух основных формах: *полиморфизма*, выраженного в нетождественности разных экземпляров, и *гетерогенности* — неоднородности одного экземпляра.

Основным отношением в типологии является отношение *тип—вариант* (Scedrovickij, 1968).

— Полиморфизм возникает как *множество вариантов* существования одного гетерогенного образования (ср. Шрейдер, 1978).

— Если осмысленно рассмотрение исторического аспекта разнообразия, то исторический процесс есть *процесс смены разнообразий*, а не

порождение разнообразия из единообразия (Meyen, 1978; особым случаем является только порождение многообразия из точки сингулярности).

— Разнообразие, будучи ограниченным какими-либо причинами, имеет тенденцию к *самовосстановлению*.

— *Основным номотетическим обобщением типологии* является представление о *рефрене* (введенное С. В. Мейеном на биологическом материале — Мейен, 1977; Чебанов, 1989; Meyen, 1973; Reeben, 1993). Рефрен относится к той или иной черте организации, которая имеет несколько вариантов реализации — *модусов* рефрена. Для рефрена характерны следующие закономерности:

1) Один и тот же набор модусов рефрена описывает разные аспекты разнообразия — таксономического, временного, географического, индивидуального и т. д.

2) Между некоторыми модусами есть переходы, которые могут по-разному интерпретироваться — как изменения в историческом или индивидуальном времени, переход от характерного варианта к редкому, переход от одного экземпляра серийного образования к другому, от представителя из центра ареала к представителю с периферии и т. д.

3) Если есть подобный прямой переход, то есть и обратный. Если же таковой отсутствует, то это требует особого объяснения.

4) Модус рефрена может быть *развернут* в рефрен большей степени детализации, а рефрен *свернут* в модус обобщенного рефрена.

5) Частоты разных модусов рефрена резко неравночисленны и статистически не устойчивы.

6) Распределения частот модусов одного рефрена в разных системах, которые рассматриваются как целостные, описываются распределениями с неопределенными центральными моментами — распределения Ципфа—Мандельброта—Лотки—Парето—Виллиса (Lotka, 1926; Pareto, 1897; Zipf, 1938; Willis, 1922 и др.). Такие распределения не имеют характеристических совокупностей и для их описания необходимо изучение генеральной совокупности.

Примерами рефренов являются федоровские группы симметрии, таблица Менделеева, варианты расчленения листоподобных органов живых организмов, трапеция гласных Щербы. Универсальным является рефрен размеров объектов любой природы, описанный С. И. Сухоносом (Сухонос, 2000), Х. Мюллером (Мьller, б. г.) и Л. Л. Численко (Численко, 1981; отношение логарифмов размеров соседних классов, выделяемых на основе среднегеометрических размеров относимых к ним объектов, есть величина постоянная, равная 0,5).

— Разнообразие обладает самостоятельной ценностью (когнитивной — как источник эвристик, деятельностной — как особый ресурс, эстетической — как источник вдохновения — Carlson, 2000).

3. В поле указанных идей осознание изменчивости как фундаментального свойства живого, угроза глобального экологического кризиса (при обычности локальных и региональных) и осознание уникальности жизни делают феномен биоразнообразия одним из гордиевых узлов современного естествознания в целом и биологии как его центра в частности. Не случайно поэтому появление особой дисциплины, специально изучающей разнообразие, в частности, биоразнообразие — диатропики[1] (Чайковский, 1990).

Естественно-научный подход определяет первую корзину представлений о биоразнообразии (хотя и в практически неотделимом обрамлении представлений массового сознания). В частности:

— Биоразнообразие оказывается эталоном при изучении разнообразия вообще (осознание разнообразия как фундаментального свойства всякой — не только биологической, но и психической, социальной и т. д. — жизни, формулирование концепции рефрена — повторяющегося полиморфического множества, прояснение того, что полиморфизм не описывается распределениями, для которых верна центральная предельная теорема и т. д., — Lotka, 1926; Pareto, 1897; Zipf, 1938, и др.).

— Биоразнообразие (как и разнообразие вообще) оказывается особым ресурсом, в том числе экономическим, который, однако, может быть таковым только в «неинвариантных» культурах — традиционной или постиндустриальной. Для культур инвариантного типа (например, индустриальных, основанных на физико-химических технологиях или тоталитарных, в основе политической жизни которых лежит пренебрежение к личности) биоразнообразие (в том числе биогеографическое) — досадное обстоятельство.

Так, географическое разнообразие (пространственная гетерогенность, в том числе биоресурсов и сельского хозяйства) определяет неизбежность межрегиональной (мировой) торговли, толкая на завоевание новых территорий. Необходимо также учитывать и такие аспекты биологического полиморфизма людей, как типологические и индивидуальные особенности питания, лечения, одежды, физической активности и трудовых нагрузок, эмоциональной насыщенности жизни и интеллектуальной активности и т. д.

[1] Необходимость существования такой дисциплины была ясна еще В. И. Вернадскому.

— В условиях развития биотехнологий, биоразнообразие (прежде всего генетический полиморфизм, «генофонд») является важнейшим компонентом технической деятельности. Дело в том, что как генная инженерия, так и традиционные формы селекции — это не создание организмов (точнее, их геномов) de novo, а создание новых форм путем конструирования из составляющих уже существующих организмов. Возможности такого конструирования в огромной мере зависят от спектра полиморфизма имеющихся организмов, что и делает актуальным создание банков генов (например, Gene Bank, США; EMPL, ФРГ).

Вместе с тем сам по себе факт наличия разнообразия (в данном случае разнообразия организмов — микроорганизмов, растений и животных) требует более сложных технологий, чем технологии инвариантного типа, реализуемые на физико-химических субстратах. Так, например, ввиду постоянно происходящих изменений микроорганизмов в культиваторах на биотехнологических производствах необходима периодическая замена культур штаммов-продуцентов.

— Сохранение[1] набора биоценозов и видового разнообразия внутри них рассматривается как указание на экологическое благополучие. Этот тезис требует прояснения и уточнения.

Прежде всего надо иметь в виду, что существование какого-либо постоянного набора биоценозов на той или иной территории просто невозможно. В экологии факт закономерной смены биоценозов на определенной территории осознается как стихийная природная сукцессия, а временная последовательность биоценозов данной территории образует сукцессионную серию. Такие сукцессии длятся веками и поэтому могут даже не замечаться местным населением (не говоря о пришлом или временно пребывающем на данной территории). Примерно такими же медленными могут быть и антропогенные сукцессии.

Итак, медленные сукцессии не замечаются, а поэтому и не могут восприниматься как экологическое неблагополучие. Такое положение дел имеет место даже тогда, когда речь идет об антропогенных изменениях с явным сокращением биоразнообразия (ср. антропогенное происхождение центральноазиатских пустынь или арктической тундры, ставших тем не менее самостоятельными культурными ценностями). Разговоры же об экологическом неблагополучии начинаются тогда, когда скорость изменений оказывается столь большой, что сознание

[1] Точнее, с точки зрения геккелевской экологии (Чебанов, 2003), определенные типы плавных трансформаций.

местного населения не в состоянии адаптироваться к изменениям биоценозов[1].

Примечательно при этом и то, что ощущение экологического неблагополучия возникает и тогда, когда речь идет о природных сукцессиях. Массовое экологически озабоченное сознание хочет зафиксировать при этом существующее положение навечно, и важное значение приобретает романтическое представление о дикой природе, всякое вмешательство человека в которую недопустимо. Такой, к примеру, до недавнего времени была идеология WWF (WWF's, 1998/1999).

При этом оказывается совершенно не важным то обстоятельство, что хозяйственная деятельность людей может не только разрушать биоразнообразие, но и обогащать его. Речь при этом идет не только о создании садов (ср. образ Адама как садовника Эдема), но и, скажем, о кошении лугов. Благодаря последнему видовое разнообразие лугов умеренного пояса Европы приближается к тропическому (Kukk, Kull, 1997).

— Биоразнообразие (таксономическое, биоценологическое и биогеографическое) осознается как фундаментальная ценность, причем не только утилитарная (см. выше). Эстетическая ценность рассматривается в биоэстетике (Carlson, 2000), этическая — в биоэтике в духе идей П. А. Кропоткина конца XIX — начала XX в. (Kropotkin, 1972), а отчасти и в современной западной биоэтике.

— Совершенно особым значением изучения биоразнообразия является то, что ныне становится невозможным трактовать биологическую эволюцию как появление разнообразия из единообразия, а необходимо интерпретировать эволюцию живого как смену биоразнообразий (Meyen, 1978). Более того, это не просто смена разнообразий таксонов, но смена экологических сообществ организмов разных геологических времен — филоценогенез (Жерихин, 2003; Zherihin, 1997).

4. Биоразнообразие как предмет интереса массового сознания требует специального препарирования (Каганский, 2001). В полном объеме этот вопрос в настоящей работе рассматриваться не будет. Некоторые его аспекты уже затронуты в п. 3 в связи с вопросом об охране биоразнообразия.

---

[1] В этом случае начинаются разговоры об экологическом кризисе. При этом сам сюжет, задаваемый термином «кризис», весьма сомнителен. Дело в том, что этот термин заимствован из медицины, в которой он обозначает высшую точку развития болезни, за которой может последовать либо выздоровление, либо летальный исход. Если болезнь развивается по первому пути, то кризис желанен и благотворен. Поэтому очевидно, что в экологический контекст термин привнесен случайно для обозначения экологических катастроф.

Тем не менее надо отметить, что массовое сознание не просто пассивный фактор, вульгаризирующий представление о биоразнообразии, а оно выступает как активный фильтр, определяющий то, что допустимо и недопустимо в представлениях о биоразнообразии и его исторических трансформациях. Так, например, до второй половины XX в., пока экологические фобии не получили распространения, эволюционный катастрофизм и сальтационизм были уделом научных маргиналов (ср. Wescott, 1978), исследования которых практически не получали признания, не поддерживались и не финансировались.

В этом контексте надо отметить, что авторитет Священного Писания — еще более эффективное средство воздействия на массовое сознание, обеспечивающее возможность проведения масштабных эволюционных исследований. Так, только благодаря этому авторитету оказалось возможным проведение довольно многочисленных, сложных и детальных исследований по моделированию Великого Потопа.

Таким образом, необходимо зафиксировать, что в сферу массового сознания (вторую корзину) вовлечены сюжеты, относящиеся как к научному профессиональному изучению биоразнообразия, так и к христианскому миропониманию.

5. Биологическое разнообразие — сюжет явно весьма важный для христианства. Сам факт существования биоразнообразия наряду с разнообразием мира неорганического указывает на то, что само по себе разнообразие — не некое второстепенное обстоятельство бытия, а значимая составляющая плана Творения. Об этом свидетельствует то внимание к биоразнообразию, которое характерно для Священного Писания.

В Библии биоразнообразие рассматривается в контексте Творения мира (Быт., 1, 21 и далее), наречения скотов и птиц (Быт., 2, 19–20), сохранения животных во время потопа (Быт., 6, 19 и далее). Особые аспекты биоразнообразия рассматриваются при обсуждении пищи как скотов и пресмыкающихся (Быт., 6, 23), так и человека (Лев., 11, 1 и далее; ср., однако, Мф., 15, 11). Сам факт обсуждения пищи указывает на то, что для Библии важен не только таксономический, но и экологический (структура трофических цепей) аспект биоразнообразия.

Помимо указанных мест Писания, в которых развернуто рассматривается биоразнообразие, и в Ветхом, и в Новом Заветах имеется большое число упоминаний конкретных таксонов растений и животных (не всегда, однако, поддающихся идентификации с позиций современной систематики) и основанных на них метафор.

Кроме того, излюбленные произведения средневековой христианской литературы — «Шестоднев», «Физиолог», «Этимологии» и бести-

арии (ср., например, Medieval.., 1984; Miquel, 1992) — специально посвящены элементам биоразнообразия, а упоминания о конкретных животных обычны для житий святых (не говоря о таких специальных сюжетах, как проповедь св. Франциска Ассизского животным или общение св. Сергия Радонежского с медведями).

Разнообразные сюжеты, связанные с биоразнообразием, обсуждаются христианскими писателями и в настоящее время (вплоть до гл. XIII «Церковь и проблемы экологии» Социальной доктрины Русской Православной Церкви).

6. Христианство рассматривает биоразнообразие не только как таковое (в синхронии или панхронии), но и в диахронии (ср., например, Быт., 1, 21 и далее; 2, 19–20; 6, 19 и далее). Таким образом, можно зафиксировать факт наличия в Библии определенной концепции изменения биоразнообразия во времени и попытаться эксплицировать ее.

Согласно первой главе Книги Бытия можно говорить о кумулятивном накоплении таксонов в течение дней Творения — таксоны, сотворенные в описываемый день прибавляются к уже существующим, сотворенным ранее. Таким образом, спектр разнообразия расширяется с ходом времени.

Вторая и последующие главы могут быть проинтерпретированы как указание на фиксацию таксонов, по крайней мере ранга рода (или семейства) и выше (вроде бы представители тех же таксонов, которые были сотворены в пятый и шестой дни, забираются Ноем в ковчег — гл. 6). При этом ничего не говорится о возможности/невозможности внутритаксономической трансформации организмов (что примерно соответствует микроэволюции в понимании биологов).

Повествование же о потопе шестой главы книги Бытия можно интерпретировать как сокращение таксономического биоразнообразия (за счет наземных организмов) с последующим его восстановлением за счет «пассажиров» Ковчега. Видимо, какие-то изменения биоразнообразия (например, появление болезнетворных организмов) сопровождают проклятие Земли после грехопадения (Быт., 3, 17). При этом совершенно очевидно также то, что потоп — это явное и резкое изменение биоценологического разнообразия.

7. Очевидно, что биологическое (п. 3) и христианское (п. 6) понимание биоразнообразия и его изменения в чем-то сходны, а в чем-то различаются. Существуют разные попытки их сопоставления и разные результаты и представления об их согласованности или принципиальной несопоставимости.

Христианский палеонтолог А. В. Гоманьков (Гоманьков, 2003) выделяет три модели их соотнесения:

— Креационизм, который буквально понимает начало Книги Бытия, исходя из практически одномоментного появления всех таксонов с длительным их последующим существованием. Дни Творения при этом понимаются как астрономические события в их современном виде, а их физическая продолжительность соотносится с современными сутками.

— Альтеризм, полагающий, что миры, описываемые в Библии и изучаемые естествознанием, вообще никак не соотносимы друг с другом. При этом возникают серьезные проблемы интерпретации тех языковых средств, которые использованы в Библии для передачи представлений о мире, не подлежащем постижению средствами естествознания, и вообще, о возможности использования языка для его описания. Скептицизм по отношению к использованию для этих целей языка оказывается в явном противоречии с интенцией существования Писания как средства раскрытия Божественного замысла человеку. Кроме того, представление о несоотнесенности этих миров оставляет открытым вопрос о характере такой несоотнесенности.

— Христианский эволюционизм, полагающий, что доступное человеческому сознанию понимание Писания согласуемо с данными естествознания, хотя при этом на некоторые понятия, используемые как в Писании, так и в естествознании надо посмотреть не вполне трафаретно.

Последняя трактовка, как представляется, ставит наиболее интересные интерпретационные задачи, обнаруживая большое число нетривиальных способов соотнесения библейских и естественно-научных представлений.

8. Среди сюжетов, примечательных с точки зрения представлений о биоразнообразии в христианском эволюционизме, можно выделить несколько наиболее интересных.

— Порядок появления таксонов по Книге Бытия и в палеонтологической летописи практически совпадает. Исключение составляют только птицы, которые, согласно Писанию, были сотворены в пятый день (Быт., 1, 21–23) до гадов, сотворенных в шестой день (Быт., 1, 24–25, 31). Однако и это расхождение мало о чем говорит.

Во-первых, возникает вопрос о том, какому источнику доверять больше в отношении этого, в общем-то, второстепенного обстоятельства.

Во-вторых, не очень понятно, как быть с пониманием гадов, а более конкретно, гадов, относимых к рептилиям. С таксономической точки зрения рептилии делятся на две большие группы — териоморфных и зауроморфных. Первые, давшие начало млекопитающим, по ряду черт организации ближе к амфибиям. Вторые, в некоторых отношениях более сложно организованные, непосредственно связаны с птицами. При этом происхождение этих групп рептилий увязывается с разными группами

амфибий. Могут быть высказаны аргументы в пользу выделения указанных групп в качестве независимых таксонов. При этом к зауморфным рептилиям нужно будет отнести и птиц. При такой трактовке указанное противоречие оказывается весьма размытым.

Таким образом, библейский порядок творения существ задает практически бесспорную с палеонтологической точки зрения последовательность их появления.

С точки зрения стратиграфии[1] библейский порядок творения задает практически безупречную (хотя и не детализированную) относительную хронологическую (точнее, биохронологическую) шкалу. Попытки превратить эту относительную шкалу в абсолютную на протяжении последних полутора-двух сотен лет дают разные результаты. При этом бросается в глаза то, что абсолютный возраст появления всех таксонов за это время значительно увеличивается. Вне всякого сомнения, речь при этом не идет об астрономических сутках (днях), и это обстоятельство может рассматриваться как наличие противоречия между данными палеонтологии и буквальным историческим пониманием Писания. Однако это противоречие кажущееся, ибо апостол ясно говорит: «У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет как один день» (2 Пет., 3, 8).

— Не в полной мере ввиду его привычности оценивается то обстоятельство, что и согласно Писанию, и согласно резко доминирующим над другими представлениям современной эволюционной биологии появление жизни связывается с водой, с морем.

Пытаясь оценить значимость этого обстоятельства, надо принять во внимание несколько моментов.

Во-первых, речь идет о процессе, который в неопределенно долгом будущем может быть предметом только реконструкций, а не непосредственного наблюдения. При этом совершенно очевидно, что при увеличении за последнее столетие степени хитроумности гипотез о происхождении жизни встречаются они со все большей степенью если не скепсиса, то по крайней мере настороженности.

Во-вторых, существуют не менее разработанные альтернативные гипотезы происхождения жизни, не связанные с морем, с капельно-жидкой водой, например гипотеза происхождения жизни на силикатных матрицах. Тем не менее совершенно очевидно, что подобные гипотезы не то чтобы менее обоснованы, а просто привлекают меньшее внимание. Создается впечатление, что при этом действуют именно те механизмы, которые были обозначены Т. Куном как научные парадиг-

[1] Геологической дисциплины, занимающейся на основании изучения геологических отложений изучением последовательности событий в истории Земли и оценивающей время, в которое эти события имели место.

мы. При этом, по-видимому, имплицитной составляющей обсуждаемой парадигмы является неосознаваемое влияние Библии.

— На фоне сходства ряда представлений естествознания и Писания об эволюции биоразнообразия можно зафиксировать и некоторые расхождения.

Так, для современной биологии, как говорилось, свойственно представление об эволюции как смене биоразнообразий. Писание же представляет эволюцию биоразнообразия как его обогащение (по крайней мере до раздачи Адамом имен тварям — Быт., 2, 19–20; ср. *восстановление* разнообразия после потопа — Быт., 6, 19–20; 7, 21–23; 8, 17, 19). События, описанные в связи с потопом[1], интересны тем, что они показывают значимость сохранения *всех* членов биоразнообразия — чистых и нечистых (Быт., 7, 2, 7, 8), т. е. самостоятельную ценность биоразнообразия как такового.

Однако особенно заострять внимание на такого рода расхождениях не вполне оправдано. Дело в том, что тезис об эволюции как смене многообразий является некоторым общим положением, которое наглядно видно на палеонтологическом материале начиная с рифея—позднего афебия (более 1,6 млрд лет). Имеющийся весьма фрагментарный и трудный для интерпретации более древний материал скорее свидетельствует в согласии с Писанием именно о нарастании биоразнообразия (Knoll, Carrol, 1999), а не о его трансформации[2].

Но и отмеченное обстоятельство не следует переоценивать. Дело в том, что в соответствии с современными представлениями древнейшие стадии эволюции были связаны не с морфологическими, а с биохимическими и физиологическими изменениями (Zavarzin, Zhilina, Kevbrin, 1999). В отношении последних необходимость существования полиморфизма еще более очевидна для профессионалов. Однако такой полиморфизм не может изучаться традиционными морфологическими методами.

* * *

Проведенное рассмотрение представлений о биоразнообразии в современной биологии, христианстве и христианском эволюционизме

[1] Попытки современных экологов восстановить события Потопа приводят к заключению о том, что описываемые события могли бы развернуться в том случае, если по каким-то причинам состояние воды на Земле приблизилось бы к тройной точки. Формулируются и планетологические гипотезы о том, какие причины могли бы породить такие условия (Кучеров И. Б., устное сообщение).

[2] При этом, однако, надо ясно отдавать себе отчет в том, что речь идет не о таксонах, упоминаемых в Книге Бытия, а об изменении характера микроскопических одноклеточных форм и их скоплений.

показывает, что речь идет не о противостоянии каких-то «чистых», замкнутых в себе концепций, а скорее о едином поле исследований и поисков. При этом представители разных сфер деятельности скорее задают друг другу вопросы и подсказывают возможные ответы, чем отстаивают полноту собственной правоты.

Характер такого взаимодействия весьма тонок и разнообразен. Так, например, воспользовавшись представлениями Копа (Cope, 1886) о независимом становлении признаков таксонов разных уровней, можно увязывать макроэволюцию с днями Творения, а внутритаксономическую трансформацию с последующими (в том числе и после грехопадения) трансформациями организмов.

Тем не менее можно выделить по крайней мере два, хотя и очень узких и в чем-то второстепенных, типа взаимодействия: Писание является для биологов источников новых эвристических ходов, а биологи своими исследованиями все с новых и новых сторон демонстрируют величие Замысла Творца…

* Имея корни, восходящие к античной мысли, становление типологического подхода проявилось в начале XVIII в. в построениях, связываемых с именем К. Линнея. Система Линнея призвана раскрыть *план Божественного Творения* посредством расположения на *лестнице существ таксонов*, объединяющих определенные наборы *эмпирических индивидов* (минералов, растений, животных). Соединения в этой конструкции такого числа важнейших для европейской культуры идей сделало этот способ представления многообразия образцом для подражания более чем на четверть тысячелетия.

Новые грани интереса к многообразию открылись в связи с его *исторической* интерпретацией. Начало XIX в. ознаменовалось появлением *историко-филологической* герменевтики М. М. Хлодениуса, Т. Ф. Майера, В. Дильтея, Ф. Шлейермахера, Л. Ранке и Г. Драйзена, которая акцентирует внимание на исторической определенности многообразия реалий гуманитарной культуры. Символом середины — второй половины XIX в. стало историческое истолкование *многообразия живых существ*, осуществленное дарвинизмом. Абсолютизация Э. Геккелем историзма обернулась трактовкой всякого разнообразия как следа истории, неадекватность чего предопределила популярность в XX в. *структурализма* и *типологии*. Распространение *гегельянства* предопределило доминирование интерпретации разнообразия как *следа истории становления* в конце XIX и значительной части XX в.

Позитивизм (О. Конт) с его *феноменологизмом* и интересом к *индуктивным обобщениям* делает исследование *эмпирического многообразия* солидным академическим занятием.

Исключительно важным для осознания роли разнообразия оказалось различение В. Виндельбандом и Г. Риккертом (несколько по-разному) *номотети-*

ческих и *идеографических* составляющих знания, первые из которых связаны с универсалиями, а вторые — с описанием тех или иных многообразий. При этом историческая судьба этих составляющих знания оказалась разной.

Потребовавший стандартизации всех областей практики промышленный бум конца XIX—XX вв., бурное развитие физики в начале XX в., обеспечившие развитие энергетики и военной техники, предопределили резкое ценностное доминирование *номотетического* знания, которое и стало эталонным для всей евро-североамериканской цивилизации. В итоге можно говорить об абсолютном доминировании *инвариантного подхода*, который определил лицо XX в. Однако глобальные проблемы и кризисы второй половины XX в., так же как и достижения науки и техники, позволяют говорить о складывании в последней четверти XX в. в качестве антипода инвариантному подходу *подхода типологического*, который нацелен на работу с *многообразием* и на который возлагаются большие надежды в разрешении насущных проблем человечества.

На пути становления типологического подхода можно отметить следующие вехи:

— Формулирование типологического метода М. Вебером.
— Становление статистической картины мира и осознание даже ее ограниченности при описании биологического (в частности, генетического) многообразия.
— Формулирование представления о множественности способов обоснования, в том числе:
  • формулирование представлений об эстетических критериях реальности.
  • постановка вопроса о нравственных критериях реальности.
  • различение истины и пользы и формулирование их критериев.
— Осознание различия миров, свойственных разным психологическим типам (К. Юнг).
— Типология соматической конституции (Шелтон, Кречмар).
— Провал позитивистской программы создания языка науки.
— Формулирование гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа.
— Формулирование концепции семантического инварианта Р. Якобсоном.
— Формулирование представления о языке респондента и типология респондентов массовых коммуникаций.
— Становление этнокультурной антропологии.
— Осознание самоценности культурного многообразия.
— Трактовка культуры как перевода непереводимого, требующая многоязычия как условия существования культуры (Ю. М. Лотман).
— Осознание изменчивости как фундаментального свойства живого.
— Представление об угрозе глобального экологического кризиса и осознание ценности биоразнообразия, в частности:

- осознание опасности биоразнообразию со стороны генетически модифицированных организмов.

— Осознание уникальности жизни (биологической, культурной) и необходимости ее охраны (охраны природы и культуры), в частности:
- опыт нацизма и осознание ценности разных этносов на фоне актуализации национального самосознания;
- открытие феномена культурного ландшафта и осознание его ценности.

— Формирование представления о географически оптимальных этнокультурных типов хозяйства (Г. С. Лебедев).

— Производство десятков миллионов видов промышленной продукции, которые слагают закономерные комплексы — техноценозы (Б. И. Кудрин).

— Осознание необходимости жить в мире более разнообразном и более тесно взаимосвязанном, чем это традиционно считалось, в частности:
- развал системы колониализма и появление большого числа новых государств;
- преодоление европоцентризма и перемещение центра мировой истории в Азиатско-Тихоокеанский регион;
- становление гуманистической типологии и формирование представления об особых людях и, в частности, особых детях (не инвалидах).

— Создание образцов совершенных классификаций (таблица химических элементов Менделеева, группы симметрии кристаллов Е. С. Федорова, треугольник гласных Л. В. Щербы).

— Развитие формальных методов классифицирования (нумерической таксономии, факторного анализа, метода главных компонент и т. п., компьютерной таксономии и т. д.).

— Развитие компьютерной техники, позволяющей работать с большими массивами данных.

— Формирование теории классификации (классиологии), отличной от логики;

— Обнаружение распространенности распределений с неопределенными центральными моментами.

— Установление неединственности видов рациональности.

— Формулирование идеи слоистой онтологии Н. Гартмана.

— Формулирование Крипке концепции возможных миров.

— Формулирование представления о работе не с отдельными онтологиями, а с пучками онтологий.

— Формулирование Г. П. Щедровицким представления о популятивном объекте.

— Методологический анархизм Фейерабенда.

Перечисленные и неупомянутые представления и события являются той базой, которая позволяет говорить о становлении *типологического подхода* как характерной черте последних десятилетий.

Литература

Гоманьков А. В. Идея эволюции в палеонтологии и в Священном Писании//Религия и наука. Материалы научных семинаров. № 6. СПб., 2003.

Жерихин В. В. Избранные труды по палеоэкологии и филоцентогенетики. М., 2003.

Заренков Н. А. Лекции по теории систематики. М., 1976.

Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.

Мейен С. В. Введение в теорию стратиграфии. М., 1989.

Мейен С. В. Олигомеризация и полимеризация в эволюции древнейших растений//Значение процессов полимеризации и олигомеризации в эволюции. Л., 1977.

Наука о культуре. Итоги и перспективы. Вып. 3. М., 1995.

Родоман Б. Б. Поляризованная биосфера. Смоленск, 2002.

Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.

Сухонос С. И. Масштабная гармония Вселенной. М., 2000.

Той повеле, и создашася. Клин, 1999.

Чайковский Ю. В. Элементы эволюционной диатропики. М., 1990.

Чебанов С. В. Концепция рефрена//Палеофлористика и стратиграфия фанерозоя. М., 1989.

Чебанов С. В. Экология человека или экология *Homo sapiens*//Религия и наука. Материалы научных семинаров. № 6. СПб., 2003.

Численко Л. Л. Структура фауны и флоры в связи с размерами организмов. М., 1981.

Шрейдер Ю. А. Теория множеств и теория систем//Системные исследования. 1978. М., 1978.

Arnold R. Ecoterror: The Violent Agenda to Save Nature: The World of the Unabomber. Bellevue, Washington, 1997.

Carlson A. Aesthetic and the Environment: the Appreciation of Nature Art and architecture. London, 2000.

Chebanov S. V. Theoretical Biology in Biocentrism//Lectures in Theoretical Biology. Tallinn, 1988.

Chebanov S. V. «Ecologism» as a Cultural and Political Niche//Ecochronicle, 1995. N 3(21).

Cope E. B. The Primary Factors of Organic Evolution. Chicago, 1886.
Kauffman S. The Origins of Order. N. Y.—Oxford, 1993.
Knoll A. H., Carrol S. B. Early Animal Evolution: Emerging Views from Comparative Biology and Geology//Science. Vol. 284, 1999. N 5423
Kropotkin P. Mutual Aid: a Factor of Evolution. N. Y., 1972.
Kukk T., Kull K. Puisniidud [Wooded Meadows]. Tartu, 1997.
Lotka A. The Frequency Distribution of Scientific Productivity//Journal Washington Academy Sciences, 1926. Vol. 16.
Meyen S. V. Plant Morphology in its Nomothetical Aspects//Botanical Review, 1973. Vol. 39. N 3.
Meyen S. V. Nomothetical Plant Morphology and Nomothetical Theory of Evolution: the Need for Cross-pollination//Acta Biotheoretica. Vol. Suppl.: Folia biotheoretica. 1978 N 7.
Meyer-Abich K. M. Aufstand fьr die Natur. Von der Umwelt zur Mitwelt. Mьnchen, Wien, 1990.
Medieval Bestiary. Moscow, 1984.
Mьller H. An Introduction to Global-Scaling-Theory//http://www.raum-energie-forschung.de/IREF-home-engl/Theor.htm
Miquel D. P. Dictionnaire symbolique des animaux. Paris, 1992.
Papaioannou J. G. The Sity of the Future Project (COF)//Ekistics, № 282, 1980.
Pareto V. Cours d'йconomic politigue. Paris, 1897.
Prigogine I., Stengers I. Order out of Chaos. N. Y., 1984.
Reeben V. Baer's Embryo-centred Evolutionism in the Light of Leibniz's Monads, the Anthropic Principle and Meyen's Refrains//Baer and Modern Biology (= Folia Baeriana, VI). Tartu, 1993.
Rull, V. Notes on Ecostratigraphy//Boleten de la Sociedad Venezolana de Geylogos, 1997. 22(2).
Scedrovickij G. P. Methodologische Bemerkungen zum Problem einer typologischen Klassifikation der Sprachen//Lingistics. 1968. N 42.
Sermonti G. Morfogenesi bioligica e pittura di icone//Rivista di Biologia, 1994, 87(1).
Snyder G. Good, Wild, Sacred. Madley, 1984.
Sokal R. R., Sneath P. H. A. Principles of Numerical Taxonomy. San Francisco, 1963.
Wescott R. W. Polymathics and Catastrophism: A Multidisciplinary Approach to Problems of Evolutionary Theory//Kronos, Glassboro, NJ, fall, 1978.
Willis J. C. Age and Are. London, 1922.
WWF's Global Conservation Programme. Le muids. 1998/1999.
Zavarzin G. A., Zhilina T. N., Kevbrin V. V. The Alkaliphilic Microbial Community and Its Functional Diversity//Microbiology. 1999. Vol. 68. N 5.

Zherihin V. V. Phylogenesis and Phylocoenogenesis//Evolution of the Biosphere (=Rec. Queen Victoria Museum). Launceston, 1997.

Zipf G. K. The Psychology of Language: An Introduction in Dinamic Philology. Cambridge, 1938.

К КРИТИКЕ СПОСОБНОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ ХАОСА[1]

Исследованию хаоса было бы естественно предпослать исследование возможности его обнаружения, распознавания, узнавания, диагностики. Однако такое намерение наталкивается на сложности разного рода.

Понимание хаоса как отсутствия порядка, являясь апофатическим, предполагает наличие определенного понимания того, что есть порядок. Это относится к разным уровням обсуждения феномена хаоса.

В обыденном сознании хаос воспринимается как отсутствие простых форм упорядоченности — отсутствие правильных геометрических фигур в воспринимаемом изображении, отсутствие равных или пропорциональных интервалов во временных рядах, отсутствие компактности или равномерности заполнения предметами какого-либо пространства и т. д. Во всех этих случаях беспорядок выступает как оппозиция простой закономерности, воспринимаемой как порядок.

Более изощренной является ситуация, когда понимание порядка эксплицировано, а хаосом будет то, что не соответствует такому пониманию. При этом само правило, которое определяет порядок, может быть весьма сложным и даже недоступным охвату обыденным сознанием, хотя оно будет определять то, что дано обыденному сознанию (например, система законодательства, сбои в работе которой воспринимаются как проявление социального хаоса).

Профессиональные формы сознания могут назначать весьма нетривиальные и запутанные регулятивы порядка. Это относится в первую очередь к научной сфере, в частности к математике, которая может задавать весьма сложные функциональные отношения, отклонения от которых будут интерпретироваться как хаотические.

Профессиональное сознание допускает рассмотрение иерархии порядков, а соответственно хаосов. При этом оказывается, что хаос как антипод регулятиву одного порядка может быть описан другим регулятивом более высокого порядка, от которого, в свою очередь, могут быть отклонения, и т. д. При этом практика работы такова, что довольно

---

[1] Тезисы выступления на II Международном философско-культурологическом симпозиуме «Размышление о хаосе» 17 апреля 1997 г. Санкт-Петербург. Опубликовано: К критике способности обнаружения хаоса//Размышления о Хаосе. СПб.: Эйдос, 1998. С. 62–64.

быстро практически любой хаос может быть каким-то образом описан и превратится в порядок (ср. описание Эйнштейном броуновского движения).

Одни из наиболее изощренных схем описания хаоса через порядок дают теория вероятности и математическая статистика. При этом отклонения от детерминистических законов описываются через отклонения, которые характеризуются случайными величинами. Чаще всего они характеризуются также через распределения случайных величин и т. д. Но есть и такие феномены, которые не могут быть описаны и случайными величинами, являясь неопределенными. Их-то и можно считать хаотическими. Однако примечательны неопределенные распределения, которые имеют неопределенные моменты всех порядков (распределения Ципфа[1]). Оказывается, что они представляют тоже форму порядка, но порядка принципиально иного типа, т. е. это не аномия, а аллономия — хаос предстает как иная форма порядка. Это примечательно и с точки зрения теории алгоритмов: хаос — это такой порядок, описание которого несжимаемо, который не может быть описан короче, чем протокольно. Итак, концептуально хаос предстает как аллономия, инозаконие (ср. трактовку стерезиса как проявления минорной формы в той или иной фигуре наряду с доминантной).

Введение статистико-вероятностной идеологии в рассуждения о хаосе ставит исследователя в затруднительное положение — прежде, чем утверждать, что перед ним хаос, он должен попытаться описать имеющийся материал всеми известными и неизвестными типами распределений (что невозможно) и только после этого утверждать, что имеет место ситуация, подозрительная тем, что она представляет собой хаос. Оказывается, таким образом, что в хаос можно только верить и такую веру можно только фальсифицировать, но нельзя верифицировать (существование хаоса не может быть нулевой гипотезой).

Все, что мы знаем ныне о функционировании рецепторов у человека и животных, базируется на том, что подчиняется законам; аномичность, хаос не могут быть рецептированы никаким органом чувств — зрением, слухом, вкусом и т. д. Непонятно и то, как рецепция хаоса может быть обнаружена в принципе, поскольку изучение рецепции базируется на идее законосообразности.

Перцепция в той мере, в которой она сейчас изучена, также базируется на законосообразности — выделении инвариантов восприятия в смысле Галантера—Прибрама—Глезера (например, для зрения — углов

[1] Иногда это распределение известно под именами Мандельбродта, Парето, Виллиса.

и линий), которое привязано к определенным структурам мозга, причем наборы таких инвариантов различаются для животных разных видов (ср. идею умвельта Я. фон Икскюлля).

Итак, оказывается, что хаос при его изучении всегда оборачивается некой закономерностью, интуитивно же хаос возникает тогда, когда человек сталкивается с непривычным для него порядком. При этом человек не имеет никаких эмпирических или логических оснований для выдвижения гипотезы существования хаоса. Но раз в хаос можно только верить, почему же эта идея приходит каждый раз при столкновении с непривычным типом порядка? Почему она приходит раньше, чем человек формулирует гипотезы существования порядка иного типа?

Если человек лишен способности обнаружения хаоса, а истоки априорности этой идеи не прояснены, то каковы вообще основания допущения его существования? Чего стоит все изучение хаоса в такой ситуации?

ПОСТМОДЕРНИСТСКОЕ ЛЮБОМУДРИЕ КАК РОССИЙСКИЙ ВЫЗОВ КОНЦУ ФИЛОСОФИИ[1]

1. Философия как форма мировоззрения (в противоположность мироощущению) характеризуется (подробнее см. Чебанов, 1995):

— отсутствием непосредственной эмпирической фундированности (в противоположность позитивному знанию — как научному, имеющему эмпирическую базу в опытном познании окружающего мира, так и религиозному и мистическому, в которых эмпирия предстает через откровение);

— развитой эпистемичностью (в противоположность образно-поэтическому или точечно-фрагментарному дискурсу);

— рациональной формой реализации эпистемичности, предполагающей неограниченное использование рефлексии (а не презентацией эпистемичности через сложную конфигурацию чувственных образов с ограничением допустимости их инструментальной, а не эстетической рефлексии — как в музыке или изобразительных искусствах);

— аподиктичностью, которая снимает различенность индивидуальной и коллективной форм субъектности, игнорируя существование под- и надсознания, исключая презентацию систематизированного бреда как философии (что не допускает возможности представления какого-либо опыта и мнения как философии);

— претензией на постижение бытия (а не на работу со средствами презентации результатов постижения, как это имеет место в логике или риторике);

— аксиологической нейтральностью (в отличие от идеологии, для которой значимо не только существующее, но и его ценностная определенность).

2. Философия в описанном понимании — довольно редкий феномен культуры, известный практически только по древнегреческим образцам

---

[1] Тезисы выступления на III Международном философско-культурологическом симпозиуме «Метафилософия или философская рефлексия в пространстве традиций и новаций» 11 июня 1997 г. Санкт-Петербург. Опубликовано: Постмодернистское любомудрие как российский вызов концу философии//Метафилософия или философская рефлексия в пространстве традиций и новаций. СПб.: Эйдос, 1998. С. 377–383.

и относительно немногочисленному кругу новоевропейских авторов (Гегеля, Канта, Фихте, Декарта и т. д.). Поэтому совершенно естественными являются дискуссии о существовании философии в других традициях (китайской, индийской, библейской), ожесточенные споры о том, существует ли (существовала ли) русская философия, или о наличии противопоставления философии и словесности в русской традиции. Представляется, что говорить о философии во всех этих случаях не приходится.

3. В XIX и XX вв. неоднократно ставился вопрос о конце философии как о чем-то должном или имеющем место быть de facto: немецкая классическая философия занимается превращением философии в науку или в тотально используемый метод критики, рассматривает саму философию как предысторию подлинного научного познания, позитивисты стараются изгнать философию из позитивного знания как метафизику, «философия жизни» отрицает рационализм философии. Весьма обычным оказывается политически ангажированное философствование идеологов (в России — от славянофилов до ленинистов). Сформировалось и семейство междисциплинарных построений, которые вобрали в себя тематику, некогда безусловно относившуюся к философии (теория систем, метаматематика, математическая логика, методология, науковедение и т. д.). Для А. Ф. Лосева философия кончилась, поскольку все ее проблемы разошлись по конкретным дисциплинам и могут быть разрешены научными методами.

4. Все вышеуказанные перипетии, связанные с положением философии, могут быть проинтерпретированы как перипетии статуса соответствующего дискурса.

5. В связи с обсуждением проблемы смены статуса дискурса надо указать на несколько фундаментальных представлений (вобравших в себя и соответствующий фактический материал), которые сформировались в XX в.:

— метод феноменологической редукции Э. Гуссерля, показывающий принципиальную непустоту сферы, обозначаемой как философия (своего рода теорема существования философии);

— теорема Геделя, показывающая принципиальную разрывность даже рационального дискурса: места разрывов при этом неявно заполняются дискурсами иного типа;

— развитие представлений о психологических типах (К. Юнг), выявляющее фундаментальность существования дискурсов разных типов;

— построение многослойных онтологий посредством осуществления феноменологической редукции с учетом существования многообразия психологических типов (Н. Гартман);

— официальное оформление гносеологической капитуляции перед действительностью посредством провозглашения принципа дополнительности Н. Бора;

— семиотическая трактовка культуры как системы перевода с непереводимых языков, дополнительных в смысле Бора;

— неудачи логического позитивизма и провал программы создания языка науки;

— исследования по психофизиологии, показывающие существование разных вариантов морфо-функциональной конструкции мозга и механизмов его деятельности;

— накопление и распространение знаний по возрастной психологии, осознание культурной ценности всех возрастов — от младенчества до старости;

— неевропоцентрическое изучение культур за пределами Ойкумены.

6. Схождение вышеуказанных обстоятельств в одних и тех же месте и времени порождает многочисленные фундаментальные изменения в культуре, из которых в связи с обсуждаемым предметом обращают на себя внимание следующие:

— философствование оказывается внутренне гетерогенным, и в один и тот же дискурс включаются на разных основаниях результаты интроспекции, спекуляции, эмпирические обобщения;

— философский дискурс выявляет свою социокультурную природу и теряет претензии на фундаментальность и исключительность;

— философствовать теперь можно не только пытаясь интенсионально разрешать предельные вопросы безблагодатным (без веры, откровения) подвигом мысли, но и тем или иным образом экстенсионально компонуя профессиональные обобщения перечисленного типа;

— исчезают внешние регулятивы, ограничивающие развитие эклектики;

— в условиях кризиса ценностей европейской культуры и обнажения проблем индустриального и постиндустриального общества предпосылки возникновения современного постмодернизма превращаются в неизбежность его появления.

7. Постмодернизм всегда есть реакция на модернизм, который появляется заявленным в манифестах и претенциозных программах. Однако, когда реализовать декларированные принципы не удается, мировоззрение, претендующее на выживание, начинает обогащаться заимствованием инородных сентенций, теряя свою внутреннюю логику. Когда насыщенность внутренними неувязками становится выше всякой меры, но мировоззрение не теряет своей жизненности, начинается рефлексия сложившегося положения, сопровождаемая обычно и апологетикой.

Объявление такой ситуации идеалом, придание ей той или иной организации и есть постмодернизм.

8. Российское философствование — средневековое, Нового и Новейшего времени — не отделимо не только от религии, но и от эстетики, этики и филологии. Последние не мыслимы вне связи с эмпирической реальностью, в том числе церковно-общественно-исторической. В этом исток свойственного российской культуре подозрительного отношения к «латинскому» спекулятизму. В России быть философом в точном смысле слова — быть европейцем, иностранцем, независимо от происхождения и этнической принадлежности (ср. С. Л. Франка). Самоосознание нефилософской природы российского философствования — исток называния себя любомудрами московскими романтиками первой трети XIX в. При этом оказывается, что по сути все любомудрие (российское) является своего рода постмодернизмом.

9. Показательным примером становления постмодернизма является судьба марксизма как государственной идеологии СССР. Уже у своих истоков марксизм постмодернистичен: практика, относящаяся к категориальному ряду деятельности, объявляется критерием истины как категории рационального постижения (сращение двух разных дискурсов), философии как постижению навязывается функция изменения мира (опять сращение дискурсов); диалектика соединяется с материализмом, хотя Гегелю как модернисту понятна их логическая несовместимость, Маркс редуцирует философию к критическому методу, а Энгельс пытается строить философию природы.

Марксистским постмодернизмом является ревизионизм. Одно из его направлений — ленинизм.

Вполне по-постмодернистски звучит у Ленина тезис о том, что коммунистом можно стать, только обогатившись всем тем, что выработало человечество. Решает Ленин и вопрос соотношения критики и апологетики, причем такое решение диктуется всегда потребностями текущей политической ситуации (марксизм для него — живое творчество).

Примечательно при этом то, что обсуждение Марксом и Лениным истории философии в терминах соотношения поллюции и зачатия вполне соответствует стилистике постмодернизма конца XX в.

Получив политическую власть и объявив другие течения марксизма ревизионизмом, ленинизм утрачивает свои постмодернистские черты и оборачивается модернизмом. Марксизм-ленинизм предстает уже не как критика, а как мировоззрение, фундированное неогегельянской философией — диалектическим и историческим материализмом.

Однако теперь марксизм не только мировоззрение, но и политическая практика, один из инструментов удержания власти, основа хозяй-

ственной деятельности. Уже с 20-х гг. начинается его интенсивное взаимодействие с немарксистскими, но политически союзническими идеологиями — эстетикой русского авангарда, психоанализом, педологией, в борьбе с православием он блокируется с буддизмом и национальным эпическим наследием народов СССР. Экономические разделы марксизма призваны рефлектировать тем временем феноменологию многоукладной экономики.

К 30-м гг. становится актуальной апологетическая функция марксизма, требующая представления не просто метода анализа — критики, но картины мира, онтологии. Осуществляется ленинская программа углубления понятия материи до субстанции, что порождает новый круг парадоксов. Формируется своего рода новый модерн, манифестируемый «Кратким курсом», который тем не менее под поверхностью глубоко постмодернистичен — наполнен парафразами, противоречиями, неувязками, анахронизмами. Хозяйственная практика марксизма этого периода немыслима без ГУЛАГа с его истинно постмодернистскими номадами (как позже с целинниками или участниками строек коммунизма).

Последующее развитие марксизма как государственной идеологии СССР отмечено последовательным ревизионистским инкорпорированием в псевдомарксистские (а соответственно псевдонеогегельянские) построения совершенно инородного материала, становящегося ситуативно актуальным. При этом практически каждое значимое партийно-государственное решение и событие (включая съезды КПСС) являлось отказом от модернизма ленинизма в редакции «Краткого курса».

Таковыми были идея отечественной (а не классовой) войны, сотрудничество с Русской Православной Церковью Московского Патриархата (после декларации митрополита Сергия), признание парламента формой диктатуры пролетариата, публичное присутствие на похоронах Сталина Патриаршего хора, сделавшее православную мелодику эстетически значимым явлением, интерпретация мирного сосуществования как формы классовой борьбы, введение социалистического хозрасчета и попытки косыгинских реформ, брежневские идеи общенародного государства и экономной экономики и оккультно-парапсихологические изыскания под прикрытием А. Г. Спиркина. При этом брежневское время дает пример одной из наиболее сложных в истории социальных организаций анклавного типа, которая тем не менее практически не обнаруживает своего существования в открытых социальных структурах.

Очень глубоким механизмом постмодернистского перерождения марксизма брежневского времени было формирование философских специализаций по историко-философскому принципу. Это приводило

к тому, что в тело советской декларативно марксистской философии вмонтировались совершенно иные блоки под видом марксистской критики Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Парацельса, Гегеля, Бердяева и т. д. Более того, под видом развития марксизма в идеологических учреждениях СССР можно было противостоять марксизму, в особенности если найти соответствующую зацепку в партийных документах. Таким образом, например, после появления в решениях XXVI съезда КПСС упоминания о комплексности на кафедре научного коммунизма философского факультета тогдашнего Ленинградского университета удалось организовать публичный семинар по комплексности, явно противостоящий марксистско-коммунистической идеологии.

Заканчивается этот ряд такими одиозными фигурами, как М. С. Горбачев и Г. А. Зюганов — первый представляет себя наследником Маркса, коммунистом, разделяющим ценности западных социалистов, воспроизводит со своей женой индуистскую пластику и рассуждает об общечеловеческих ценностях; второй защищает коммунизм как проявление русской национальной идеи, способ противостояния западной цивилизации.

Учитывая принудительное изучение партийно-правительственных документов практически всем населением страны (включая детей и психически больных), можно говорить о том, что бСССР — страна массового постмодернизма, хотя ее население, подобно Журдену, не знало, что говорит прозой. Однако всем им привито любомудрие как строй мысли, в котором переплетаются фрагменты разных дискурсов — спекулятивного и эмпирического, констатирующего и оценочного, рационального и иррационального (см. Чебанов, 1996).

10. Российская культура породила большое число общемировоззренческих построений, организованных как любомудрие, в которых самым неожиданным, а иногда и причудливым образом сопрягаются общие принципы и фактические знания. В качестве примеров можно указать на следующее:

— идеи русского космизма, например Н. Федорова, думавшего о создании межпланетных станций с целью размещения на них воскрешенных предков, идеи которого повлияли — через К. Э. Циолковского — на развитие советской космонавтики;

— энциклопедические богословские сочинения, подобные «Столпу» П. А. Флоренского или «Науке о человеке» И. И. Несмелова;

— учение о ноосфере В. И. Вернадского;

— «Философия хозяйства» С. Н. Булгакова;

— диатропика как учение о разнообразии в понимании Ю. В. Чайковского, основанное на выявленной С. В. Мейеном рефренной организации мира;

— технетика как учение о технике Б. И. Кудрина с его представлениями о техноценозах;

— учение о симбиогенезе А. С. Фаминцына — И. В. Баранецкого — К. С Мережковского, «переоткрытое» почти столетием позже Л. Маргулис;

— «Методология систематики» и связанный с ней первый том «Основ сравнительной анатомии беспозвоночных» В. Н. Беклемишева;

— учение о системе А. А. Любищева;

— «Тектология» А. А. Богданова.

Все эти работы активно (соответственно их известности) изучаются как философами, так и специалистами отдельных дисциплин, они представляют интерес и для представителей смежных дисциплин.

Не случайна их концентрация именно в последнем веке, когда обсуждается конец философии. Но именно представления о конце философии естественным образом включают эти достижения нефилософского философствования в философский дискурс, соотносимый с тем, что может быть после конца философии. При этом то, что выглядит для европейской традиции как некоторое запредельное состояние философствования, для российской традиции является чем-то само собой разумеющимся.

Особенность российского философствования оказывается как бы утраченной, потому что так теперь начинают философствовать все. Именно поэтому для российского философствования конца философии не состоялось.

С другой стороны, постмодернистские штудии позволили осознать, в каком смысле это постфилософия, так что любомудрие потеряло свое невинное состояние и теперь оказывается предметом рефлексии в постмодернизме. Интересным предметом для такого постмодернистского осмысления любомудрия является комплексность в понимании А. П. -Сопикова.

Литература

Чебанов С. В. Нефилософские формы философствования//Парадигмы философствования. СПб.: Эйдос, 1995. С. 68–78 (см. наст. изд., с. 499–510).

Чебанов С. В. Парадигматическая смута постсоветского философствования//Радуга (Таллинн). 1996. № 1. С. 98–108 (см. наст. изд. с. 511–523).

ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ[1]

0. Общим недостатком многих работ по философии техники является их несамостоятельность, зависимость не от техники как предмета философствования, а от философских установок вообще и от установок философии науки в частности. Очень часто техника отождествляется с *техническим* ***знанием***. Собственная философия техники оказывается в поле зрения весьма редко.

1. Техника как *техне* еще с античности противопоставляется *гнозису*. В отличие от *гнозиса,* который бесконечен и предполагает неопределенно длинное обоснование своей истинности, *техне* обосновывается за один шаг — предъявление *продукта*[2]. Наличие продукта как имманентного компонента технической деятельности позволяет соотнести ее с *фабрическими* отношениями, выделяемыми А. В. Жерихиным в ряду биотических отношений — форических, трофических и т. д.

2. По предмету деятельности техника ныне — это практически только *техне* физико-химического (и прежде всего механического и электромагнитного). Но точно так же можно говорить о *техне* биологического (биотехнология в широком смысле, включая сельское хозяйство, ветеринарию, медицину, лесоводство), психического (психотерапия, педагогика, ср. пресловутых советских «инженеров человеческих душ») и даже духовного (аскетика).

При этом к тому или иному разряду бытия возможно отношение как соответствующее, так и не соответствующее его природе. Так, нынешняя биотехнология практически полностью идеологически физико-химическая (в типе ферментер, как и в химии, реактор с мешалкой), в то время как можно представить, к примеру, биоцентрическую биотехнологию (ср. разработки В. А. Дымшица: среда — эмульсия низших алканов в водном растворе; в каплях парафина развивается воздушный

---

[1] Тезисы выступления на Третьей научной конференции «Онтология и гносеология технической реальности» 23 января 1998 г. Новгород. Опубликовано: Основания философии техники. Онтология и гносеология технической реальности. М.: Центр системных исследований, 1998. С. 113–116.

[2] См. об этом, например, *Чебанов С. В.* Комплексность в биостратиграфии// Системный подход в геологии (Теоретические и прикладные аспекты). Часть 1. М.: АН СССР, МИНГ, 1986. С. 84–86.

мицелий, в растворе — субстратный, что соответствует фазовому составу почвы, из которой происходят культивары; в итоге — увеличение выхода продукта на порядок)[1] .

Подобным образом возможно совпадение/несовпадение подхода и субстрата при большей детализации — например, подшипники основаны на механических технологиях, применяемых к механическому субстрату, а фракционное центрифугирование демонстрирует приложение гравитационного подхода к молекулярным субстратам.

Принципиально возможно все пространство мыслимых вариантов техник (табл. 7):

Таблица 7

Типы техник

Субстрат Подход	**Физикохимический**	**Биологический**	**Душевный**	**Духовный**
Физикалистский	почти вся техника	современная биотехнология	«гвозди бы делать из этих людей», ковать характер	механическая магия
Биоморфный	выращивание кристаллов	биоморфная биотехнология	выращивание чувств, коллективов, организаций, лекарственная психотерапия	выращивание церкви, общины
Психический	уговаривание и ласка (в том числе поглаживание) вещей	выращивание сада мастером, уход за своей коровой с именем собственным	психотехника	формирование эгрегора
Духовный	моление, прославление, очищение		спасение	аскетика

По аспекту личности деятеля социально значимы *телесно-соматические* (и прежде всего мануальные), *генитальные* (репродуктивные) и *психические* техники. При этом к числу психических техник относят-

[1] *Гильманов В. Г., Гинак А. П., Дымшиц, В. А. и др.* Способ количественной оценки аэрационных свойств колб, применяемых в микробиологических исследованиях. Определение параметров, характеризующих дыхание микробных культур в колбах //Процессы и аппараты для микробиологических производств «Биотехника-89». №. 2. М.: НПО «Биотехника», 1989. С. 163–164.

ся *интеллектуальные*, такие как вычисление, методы исследования, изобретение, сочинение стихов и т. д. К особой области психических техник относится *инженерия знаний*, которая ныне становится ведущей областью человеческой деятельности.

3. С учетом сказанного, каков статус разных форм технического? Так, физико-химическая техника — часть физико-химического существования или редукция психического второго порядка? Биотехнология принадлежит сфере биологического или это редукция психического первого порядка? Психотехника органична психике или это только ее деятельностно-рациональная проекция?

4. Техника как практика включает в себя равнозначные по степени своей фундаментальности *разные* деятельности: *формулирование замысла* (которое может предшедствовать другим или осуществляться одновременно с двумя следующими), *предпроектно-изыскательскую, конструкторскую, созидающую, пусконаладочную, эксплуатационно-производственную, ремонтно-реконструкторскую, демонтажную, утилизационную* (включая в случае необходимости рекультивацию). Каждая их них имеет свои традиции, способы обоснования, критерии качества. При этом разные культурные регионы преуспевают в разных компонентах технической деятельности (например, Россия — в предпроектных изысканиях, Северная Америка — в конструировании, Юго-Восточная Азия — в эксплуатации и т. д.).

5. Лишь одна из перечисленных *технических деятельностей* — изыскательская — сопоставима по своим задачам с *гнозисом,* но в отличие от него должна быть осуществлена за конечное время с привлечением конечных средств и дать не промежуточный, а *окончательный* для данной практики результат.

6. В каждой из перечисленных деятельностей, как и в технике в целом, накапливается свой опыт, который может систематизироваться и транслироваться. Однако такой опыт *не есть научное знание.* Вместе с тем по поводу этого опыта в рефлексивной позиции возникает *технетика* как научное учение о технике (но не сама техника).

7. Трансляция технического опыта имеет принципиально иные механизмы, чем трансляция знаний. Примерами институтов трансляции опыта являются цеховое обучение (производственная практика) и организация технических университетов (начиная с Петербургского политехнического института, а после выставки в Монреале — создание американских технологических институтов по его образцу). Организация трансляции технического опыта как знания крайне неэффективна (ср. концентрацию львиной доли инженеров мира в бывшем СССР и малое число принадлежащих им изобретений,

крайнюю неэффективность лекций в художественных и театральных вузах).

8. Мифом является бытующее представление о том, что развитие техники базируется на научных знаниях. Все перечисленные технические практики являются относительно независимыми и имеют собственную логику развития. Лишь там, где происходит встреча нескольких практик, осуществляется значительный технический прорыв. При этом конструирование часто идет впереди предпроектных изысканий (в частности, научных), так как предъявляет способы решения задач, механизмы которых не могут быть объяснены с точки зрения имеющихся знаний.

9. Вместе с тем *техне* может порождать конструкции, которые подменяют собой сведения, которые могут быть добыты как результат *гнозиса*. Такое конструирование — существенная часть познавательной деятельности (например, конструирование формул для расчета прогноза физических процессов).

10. Камнем преткновения для новоевропейской культуры (включая американскую и российскую) является деятельность по *демонтажу*. Она не оценена как самоценная — предполагается, что все, когда-либо созданное, должно отмереть само собой. В итоге эта культура не может справиться ни с отходами, ни с мусором (а свалки растут), перед ней стоит проблема экологических катастроф, неясно, что делать в нынешней ситуации с покойниками. Не рассматривается и проблема демонтажа идей — в результате большая часть ныне циркулирующих в ней идей — вредные для повседневной жизни анахронизмы.

11. Центральной категорией для философии техники является представление о *продукте* как артефакте (в культурологическом смысле), реализованном на внекультурном субстрате. Продукт является результатом оформления в идее или веществе взаимодействия творца и сущего (аналог субъектно-объектного, а точнее квази*личностного* взаимодействия, энлога). Продукт существует в модусе *онтики,* более богатом и менее отрефлексированном, чем онтология, но менее полнокровным, чем бытие. При этом не прояснено, можно ли по отношению к продукту говорить о различении ноумена и феномена, *продукта -в- себе* и *продукта -для- себя,* онтологии и гносеологии, не прояснена приложимость остальных категорий онтологии к реалиям техники. Вообще же попытки описания онтики продукта находятся в зачаточном состоянии (ср. представление о кентавр-объектах Г. П. Щедровицкого или янус-космогониях В. А. Лефевра).

12. Не менее запутан онтологический статус другой важной категорией техники — *изобретения*. При этом непонятно, работают ли здесь платоновские категории или же это чистые превращенные формы.

13. Не вполне прояснены и детали отношения техники к третьему миру Поппера.

14. Из техники осуществляется экспорт фундаментальных (что не означает адекватных) моделей *гнозиса*. Так, осмысленные для техники партитивное отношение «состоять из» или категория назначения («для чего») становятся бессодержательными, попадая в сферу познания (в каком смысле «молекула состоит из атомов», или «слово из фонем»[1], в чем назначение рук или головы и каковы методы проверки того, что это такое?). На основании таких переносов строятся *технические картины мира* (или его частей), которым приписывается познавательная ценность — мир-часы, Вселенная — механическая машина, Вселенная — тепловая машина, биологический организм как реактор или композиция клеточных технологий (А. М. Уголев)[2].

[1] *Кордонский С. Г.* Построение научных онтологий// Проблемы методологии науки. Новосибирск: Наука, 1985; *Степанов Ю. С. О*сновы общего языкознания. М., 1975. 220 с.

[2] Ср. *Чайковский Ю.* Когда философы бежали, а врачи остались//Знание — сила. 1996. № 9. С. 97–98.

МИР КАК СЕТЬ ЭНЛОГОВ: ОТ КОММУНИКАЦИИ К ОБЩЕНИЮ[1]

Памяти Ю. А. Шрейдера

1. Несмотря на обилие разговоров о коммуникации, коммуникологии, информации, информационном буме и т. д., такие разговоры практически не затрагивают фундамента мировоззрения, причем в разных школах мысли — по-разному.

В том направлении, которое связано с естественнонаучно ориентированным рационализмом Платона—Аристотеля—Галилея—Декарта—Ньютона—Фарадея и их постклассическим переосмыслением, информация весьма произвольно вводится в ряд фундаментальных категорий онтологии (без выяснения необходимости такой категории и подобающего ей места).

В другом направлении мысли подобные реалии понимаются как антропоморфный феномен, свойственный сфере психосоциальных явлений. Так, в персонализме (одним из показательных примеров которого может быть М. Бубер) диалог мыслится теистически-антропоморфно, а профессиональная культура философской работы с категориями практически не используется.

Тем самым такие весомые ныне области, как коммуникология (включая в нее и учение об информационных процессах) или немыслимая вне ее биология (со всем багажом проблем лингвобиологии, биосемиотики и биогерменевтики) вообще оказываются лишенными достойной мировоззренческой базы.

2. Обращение к указанным проблемам требует положить в основу рассмотрения процессы взаимодействия двух «чтойностей», при которых происходит (естественно, в разной степени) их уподобление друг другу за счет проецирования организации одной единицы в организацию другой. Процесс такого уподобления-проецирования — энлог — зависит от свойств участвующих в нем партнеров — существ-партиципантов и характера самого процесса. В результате по отношению к каж-

---

[1] Опубликовано: Мир как сеть энлогов: от коммуникации к общению//Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 6. СПб.: Эйдос, 1998. С. 397–492.

дому партиципанту энлога формируется своя энлогия другого партиципанта.

Энлог механистически осознается как обратная связь, он сходен с ноэзисом феноменологии (но может быть не только рациональным, связанным не только с человеком), невырожденные формы энлога близки к коммуникации в понимании К. Ясперса, но в энлоге акцентируется видоизменение обоих партиципантов.

Существа осмысляются как субъекто-объекты (объекты с выраженными свойствами субъектности), они типологично и даже индивидуализировано (но не всегда личностно) относятся друг к другу.

Энлогия близка интенциональному объекту Гуссерля, но может иметь не только рациональную природу, а кроме того, принадлежит не источнику интенционального акта, а существу как интенциональному объекту. Она сходна с интерпретацией в феноменологической эстетике, но энлог предшествует существу, формируя его.

Энлогия выступает как энтелехиальное единство формы и стерезиса. Стерезис при этом оказывается проекцией формы второго партиципанта. Энлогия является интенсиональным аспектом того, что в экстенсиональном аспекте осознается как информация. Интенсиональным временем при этом будет энлогическая процессуальность — аспект полиморфизма энлогий, отнесенный к одному партиципанту. Взаимодействие энлогических процессуальностей в вырожденных энлогах дает эффекты, описываемые в теории относительности (например, замедление хода часов).

Энлогия по своему логическому статусу обладает теми же предикатами, что и истина, но она будет разной в зависимости от того, каковы второй партиципант и характер энлога, причем маркированных энлогий, могущих претендовать на то, чтобы быть более истинными, чем другие, не существует. Таким образом, обращение к представлению об энлогии требует принятия идеи множественности истины.

В итоге подобного рассмотрения действительности оказывается, что мир выступает как сеть энлогов класса (в противоположность множеству) партиципантов, различаемых, в свою очередь, в других энлогах.

3. Представление об энлоге и энлогии базируется на ряде известных концепций, проявляя их мировоззренческий потенциал и выявляя их новые соотношения. Среди таких концепций можно выделить:

— Представление об активности субъекта в процессе познания (и как его предел — буддистское представление о майе).

— Идею феноменологической редукции Э. Гуссерля.

— Представление о различии картины мира у представителей разных психологических типов (например, в трактовке К. Юнга), роли бессознательного в ее формировании.

— Слоистую онтологию Н. Гартмана, построенную на осуществлении феноменологической редукции с учетом типологических особенностей ее осуществляющего.

— Представление Я. фон Икскюлля об умвельте, А. А. Ухтомского о хронотопе и Э. Гуссерля о жизненном мире.

— Теорию относительности в физике.

— Гипотезу лингвистической относительности Сепира—Уорфа.

— Представление о диалоге у М. Бубера.

— Подходы к построению качественной теории информации у А. А. Шарова и Ю. А. Шрейдера, в частности акцентирование внимания на рассмотрении не только канала связи, но и состояний передатчика и приемника.

4. В предыдущих работах[1] рассмотрены отдельные виды энлогов и вопросы их типологии. При этом в первую очередь анализировались отдельные энлоги, в то время как обычно встречаются те или иные связки энлогов. В настоящей работе рассматриваются коммуникологические аспекты энлога и прежде всего его культурологическое измерение. С этой целью специально рассматриваются направления формирования вырожденных энлогов.

5. Особенностью культурных процессов является то, что в них имеет место сопряжение энлогов в очень сложных связках. При этом помимо непосредственно энлогического взаимодействия в парах и малых группах, люди общаются с помощью семиотических средств — языка, жестов, музыки, рисунков, которые сами по себе представляют весьма непростые и своеобразные связки энлогов.[2] Именно такие связки и будут рассматриваться далее.

---

[1] *Руссо Г. В., Чебанов С. В.* 1) Основные понятия кристалломорфологии в системе кристаллографических и морфологических дисциплин//Физика кристаллизации. Вып. 8. Калинин: КГУ, 1985. С. 113–123; 2) Форма, стерезис и энлогия кристаллов// Теория минералогии. Л.: Наука, 1988. С. 47–51; *Чебанов С. В.* 1) Представления о форме в естествознании и основания общей морфологии//Orgaanilise vormi teoria. X teoreetilise bioloogia kevadkool. Tartu: TRU, 1984. С. 25–40; 2) Герменевтические аспекты энлога как квазиперсонального взаимодействия//Прикладная и структурная лингвистика. Вып. 5. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 19–40; *Chebanov S. V.* 1) Biology and Humanitarian Culture: the Problem of Interpretation in Biohermeneutics and Hermeneutics of Biology//Lectures of Theoretical Biology: 2nd Stage. Tallinn: Valgus, 1993. P. 219–248; 2) Man as participant to natural creation. Enlogue and ideas of hermeneutics in biology//Biology Forum. 1994. N 87 (1), P. 39–48; 3) Enlogue as Quasipersonal Interaction: Biohermeneutic Issues//European Journal for Semiotic Studies. 1995. V. 7, № 3–4. P. 439—466; 4) The Role of Hermeneutics in Biology//Sociobiology and Bioeconomics. The Theory of Evolution in Biological and Economic Theory (Studies in Economic Ethics and Philosophy. V. 20). Berlin, Heidelberg, New York: Springer, 1998. P. 141–172.

[2] *Чебанов С. В.* Морфологические основания типологии семиотических средств. Понимание и рефлексия//Материалы Третьей Тверской герменевтической конференции. Т. 1. Тверь: ТГУ, 1995. С. 24–33.

6. Генерирование энлогии в невырожденном энлоге предполагает напряженную активность по крайней мере одного из партиципантов, и как раз эта активность является источником поддержания существования данной энлогии. Поэтому энлогия выступает именно как энтелехиальное единство. Если же эта активность отсутствует, энлог становится вырожденным, энергийным, превращается в инструментальное воздействие — физическое, психотехническое или информационное. Такое взаимодействие всегда деперсонализировано, оно лишено индивидуальной, а иногда и типологической, определенности. При этом происходит замена семантических инвариантов (в понимании Р. Якобсона) количественными инвариантами физического типа (энергетическими, мощностными и т. д.).

7. Основными направлениями формирования вырожденных энлогов являются:

— деиндивидуализация партиципантов;

— переход от индивидуального или хотя бы типологического отношения партиципантов к универсально-инвариантному;

— стандартизация взаимодействия;

— алгоритмизация активности;

— фетишизация объективности;

— переориентация взаимодействия с макроэнлогов на микроэнлоги;

— увеличение числа уровней рефлексии взаимодействия;

— использование естественного языка в чисто рациональных целях;

— неразличение своего образа в другом партиципанте энлога;

— низкая внутренняя энергетичность (т. е. нарушение энтелехиальности как атрибута энлога);

— самособойность взаимодействия, а не его целенаправленность.

8. Диалог (Я и Ты, человека и Бога — по М. Буберу) выступает как сверхневырожденный энлог. Непосредственное, неформальное и непринудительное общение людей — тоже невырожденный энлог, точно так же, как и подлинное чтение (не отождествляемое с буквосложением — грамотностью) достойного текста. Функциональное отношение людей, манипулятивное взаимодействие, дистантное управление как антипод руководству — примеры вырожденных энлогов. Анонимная, безадресная и безличная коммуникация (не в ясперовском смысле) практически исключает энлогическое отношение к ней коммуникантов, делая предмет коммуникации предельно объективизированным, представленным как данность, крайне затрудняя возможность энлогирования с ним.

9. Коммуникативная установка индивида порождает идею объективной реальности, в которой действуют законы природы. В таком мире коммуникант не в состоянии изменить данность, отождествляя ее с бы-

тием, не различая разных модусов реальности существования[1] (синонимический коллапс массового сознания). Индивид при этом не может не только остановить Солнце и Луну для того, чтобы закончить начатое дело, но даже выполнить данное обещание (обыденное или даже сакральное — обет), а символосфера превращается в семиосферу[2].

10. Мир объективной реальности постоянно дополняется артефактами, которые лишены активности, необходимой им для того, чтобы вступать в энлоги, но пополняются техническим оснащением, наделяющим эти артефакты интерактивностью. Интерактивность начинает конкурировать с энлогичностью, поскольку от партнера требуется не активность, а существенно менее напряженная реактивность. При наличии у человека потребности в «Ты» и неспособности к энлогу интерактивность приобретает привлекательность наркотика.

11. Прирожденные качества личности, определенное воспитание и владение техниками взаимодействия, основанными на личном опыте, позволяют человеку вступать в глобальное общение и организовывать его (в том числе обеспечивать такое общение технически — создавая средства фиксации данных и связи). Обращение к созданной инфраструктуре общения непосвященного профана делает для него эту структуру частью объективной реальности, превращая профана в объект информационного воздействия. Глобальное общение становится тотальной коммуникацией, в которой происходят предельные деиндивидуализация и деперсонализация вовлеченного в нее индивида.

12. Описанная деперсонализация индивида имеет место при обращении к разным типам когнитологических технологий — фанаты книжные (ср. Сократ у Ксенофонта дразнит юношу Евтидема, собравшего себе библиотеку, спрашивая у молодого честолюбца, уж не вздумал ли тот сделаться врачом, архитектором, землемером или рапсодом[3]) ничем не лучше меломанов, балетоманов, фанатов кино, рока или Интернета. Так, состояние кожи, зрение или осанка сходны у «книжных червей» или компьютерных маньяков, а осколки русской аристократии нарко-

---

[1] *Любищев А. А.* Критерии реальности в таксономии // Информационные вопросы семиотики, математической лингвистики и автоматического перевода. Вып. 1. М.: ВИНИТИ, 1971. С. 67—81; *Шрейдер Ю. А.* Многоуровневость и системность реальности, изучаемой наукой//Системность и эволюция. М.: Наука, 1984. С. 69–82.

[2] *Чебанов С. В.* Язык, культура, биосфера как компоненты жизненного мира человека//Доклад на Русской сессии Международной академии наук Сан-Марино «Язык — культура — экология» 2 января 1992 г., Москва (в печати); см. наст. изд., с. 428–437). О семиосфере говорят Ю. М. Лотман, а также *Hoffmeyer J.* Signs of Meaning in the Universe. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1997.

[3] Пример из: *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977.

тизировались в коммунистической России чтением классики на всех языках, будучи (в отличие от схимников) не в состоянии убрать свою комнату или выстирать свое белье (см. с. 282–300).

13. Препятствовать вырождению дистантного энлогического глобального общения в тотальную информационную коммуникацию могут:

— Опыт многолетнего личностного общения с близкими — прежде всего в семье и среди близких друзей. Такое общение позволяет обращаться к сути человека, пробиваясь через покровы социальных ролей, психических аффектов и физиологических симптомов, не забывая при этом и о бренной плоти, через страдание которой обнажается человеческое лицо. Ни монашество, ни гомосексуальное половое общение с высокой определенностью (вплоть до индивидуальной неразличимости) такого взаимодействия, ни безответ(ствен)ность дневника не позволяют приобрести такой опыт.

— Ограничение доступа к инфраструктуре такого общения лиц с определенным типом психобиологической организации. Так, допущен может быть по крайней мере тот, кто в состоянии вместить в себя несколько различенных субъектных позиций, что позволяет осуществлять, скажем, если не эстетическую рефлексию, то по крайней мере историко-филологическую критику артефакта.

— Надлежащая последовательность овладения техниками общения — доступу к инфраструктуре глобальных взаимодействий должен предшествовать значительный опыт личностного общения в семье и микроколлективах, наряду с виртуозным овладением этикетом общения с разнокультурными партнерами, находящимися в разных статусных позициях по отношению к обучаемому.

— Герменевтизация образования, формирующая навыки интерпретации.

— Овладение техникой медленного чтения.

14. Критическая сложность пребывания в данной сфере заключается в том, что свободное владение большим репертуаром техник информационной коммуникации может имитировать, симулировать феноменологию высокоэнлогического общения. Заблудиться в лесу таких техник может не только индивид массового общества, но и весьма развитая личность, органически способная к общению. Особенно вероятной такая ситуация становится тогда, когда рафинированный интеллектуал обращается не к своим ближним, а, пытаясь обратиться сразу ко всем, оказывается идеологом массовой культуры, вынужденным постоянно заботиться о своих имидже и заработках.

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА[1]

Русский космизм в сочинениях своих наиболее ярких представителей (Н. Ф. Федоров) хотя и ориентирован на использование естественнонаучных представлений, с трудом соотносим с ними и непригоден для категориально-дискурсивного анализа. Вместе с тем эта традиция представлена и крупнейшими мыслителями-естествоиспытателями с логически ясной категоризацией мировоззрения.

Первым в этом ряду может быть упомянут В. И. Вернадский. Его сотрудничество и соперничество с П. Тейяром де Шарденом в сотворчестве понятия «ноосфера» привлекает внимание историков естествознания. В обсуждаемом контексте следует отметить некоторые обстоятельства.

1. В. И. Вернадский, как и П. Тейяр де Шарден, в создании своего мировоззрения опирается на большое количество позитивного естественнонаучного знания, причем это знание не компилятивное, а получаемое ими непосредственно в ходе научного исследования.

2. В. И. Вернадский сознательно выводит свои изыскания из *сферы мировоззренческих дисциплин* и последовательно щепетильно привязывает их *к конкретному специализированному знанию*. В большой мере учение о биосфере нарочито строится им как раздел геохимии. В этом может усматриваться две цели:

а) Именно таким образом может вводиться в научный оборот не только конкретное позитивное знание, но и жестко ассоциированные с ним мировоззренческие концепции. Подобным образом в начале века действовал, к примеру, и А. А. Еленкин, встраивая свои механо-ламаркистские концепции в очень конкретные знания о низших организмах. Такая стратегия подачи общих концепций, видимо, является одной из самых результативных в любом научной сообществе.

б) Подобная подача общих концепций может объясняться и особым строем и организацией русской науки. Как в России начала XX в., так

---

[1] Тезисы к Российско-Австрийскому семинару по глобальным проблемам современности (Санкт-Петербург, июнь—июль 1999. Опубликовано: Космизм. Новое мышление на Западе и Востоке. СПб: Нестор, 1999. С. 231—233.

и в советской России явное обсуждение мировоззренческих оснований научной деятельности могло быть источником идеологических конфликтов.

В связи с этим следует подчеркнуть, что Вернадский является счастливым исключением — он всего лишь разносит свои изыскания по двум разнокачественным корпусам текстов: вполне конкретным геохимическим исследованиям, которые и определяют его положение в профессиональном сообществе, и имеющим сугубо необязательный характер «Размышлениям натуралиста». Значительная часть русских естествоиспытателей сопоставимого масштаба подобного рода сочинений после себя не оставили, хотя совершенно очевидно, что и были способны к этому.

Примером может быть «Методология систематики» В. Н. Беклемишева, опубликованная в 1994 г., через 32 года после его кончины[1].

Вернадский не только реализует избранную им стратегию научного выживания, но и акцентирует ее, подчеркивая свою внеположенность философским оппозициям XX в. Так, он многократно указывает, что он не принадлежит ни к материалистам, ни к идеалистам, а является реалистом. Очевидно, что это заявление его современниками могло восприниматься как указание на наивный реализм, вполне уместный для конца XIX — начала XX в. Данные же о характере образования и интересов Вернадского указывают на неизбежность его знакомства с пневматизмом (ср. представления о пневматосфере), средневековым реализмом и знание им восточной философии и европейских теософских течений. В этом контексте декларирование себя как реалиста является явным указанием на нежелание публично определять свое положение в европейском философском дискурсе.

Младшим современником Вернадского является А. А. Любищев. В начале 20-х гг. наряду с конкретными исследованиями по теории систематики он обращает внимание на античную оппозицию космоса и хаоса (кстати, в это время именно эта проблема тщательно изучается А. Ф. Лосевым). Космос Любищева оказывается вполне определенной моделью упорядочивания.

Это направление исследования Любищева продолжается в 70-е гг. математиком и философом Ю. А. Шрейдером. Теперь, однако, космос легко противопоставлять не только хаосу, но и системе. Космос и космологические принципы являются реальной оппозицией системам как другой модели целостности. Янус космогонии выступает как альтернатива системности и у В. А. Лефевра.

[1] *Беклемишев В. Н.* Методология систематики. М., 1994.

Именно в русле развиваемых идей находятся и исследования автора и его коллег (А. В. Гогин) типов целостности, которые проводятся с 80-х гг. в контексте развития представлений о *витацентризме* (рассмотрение жизни как универсального феномена, проявляющегося в жизни объектов биологии, в жизни психики, общества, культуры, а также числе и в жизни космоса).

На этом пути удается выделить несколько разных типов целостности[1].

Связность характеризуется наличием отношений соседства, контакта или функциональной связности элементов.

Механистичность обеспечивает изменение состояния не связанных непосредственно элементов благодаря наличию промежуточных звеньев.

Системность предполагает наличие эмержентных свойств, сопряженных с присутствием функциональной неоднородности элементов.

Организменность может рассматриваться как организация, которой свойственна автомодельность — часть потенциально тождественна целому.

Космичность — это такой тип организации, который определяется не только организмичностью, но и наличием трансцендентных организму принципов упорядочения, например эстетическими канонами.

Эманационность делает части целого не только потенциально равными этому целому, но предполагает многообразие эманаций как единственный способ «намекнуть» на природу целого.

Ипостасность выступает как такой способ эманационности, при котором все ипостаси равноправны и равноценны эманируемому, т. е. в этом случае эманационность преодолевает сама себя.

Перечисленные способы целостности являются моделями реализации разных форм *холизма*. К сожалению, интеллектуальная атмосфера как границы XIX—XX вв., так и конца XX в. в России таковы, что совершенно определенно присутствует уничижительное отношение к дискурсивному постижению реальности и существует перекос в сторону гиперхолистичных путей постижения. Эти обстоятельства и определяют крайнюю сложность содержательного анализа русского космизма.

[1] Ср. с. 650–656.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФИИ В XXI ВЕКЕ[1]

Исторически философия сложилась как весьма специфический феномен древнегреческой культуры, который, пройдя через многовековую историю, с подобной полнотой еще раз раскрылся в немецкой классической философии.

Отталкиваясь от этого опыта, философию можно определить как форму априорного постижения мира. Это первая фундаментальная черта философии.

Важным аспектом ценности такого априорного постижения является его аподиктичность. Подобная аподиктичность вытекает из предположения о том, что априорное — как и все истинное — единственно. Это вторая черта философии.

Третьей чертой философии является ее выражение средствами рационального дискурса на естественном (хотя и специализированном, высоко техничном) языке.

Имеющийся опыт истории философской мысли показывает, какие видоизменения могут претерпевать указанные три черты философии. Варьирование каждой из них намечает пути, по которым может пойти дальнейшее развитие философии.

Культурная антропология показала, что существует не единственная форма априорности. Методологический и психолого-когнитологический анализ оппозиции априорное — апостериорное также показывает множественность априорного. При этом априорность касается и весьма специализированных представлений, свойственных отдельных социокультурным группам — профессиональным, половозрастным, национальным, религиозным и т. д. Это позволяет заниматься типологией соответствующих априорных рамок и объяснением их генезиса. На этой основе формируется *метафилософия* как первое из возможных направлений развития философской мысли.

История показывает, что рано или поздно происходит столкновение философии как априорного постижения мира с его эмпирическим постижением. Итогом может быть оппозиция философии и позитив-

---

[1] Написано в конце 1990-х гг. по материалам дискуссии на философском факультете СПбГУ.

ного знания (рационализма и эмпиризма), раздел их сфер влияния (по типу средневекового учения о двух истинах) или возникновение гибридных форм постижения (формирование мифологической или научной картины мира, любомудрие по образцу России начала XIX в. или комплексности в России конца XX в.). Именно такое *введение апостериорного знания в философский дискурс* (включая не только представления о микромире, астрофизике или психоделический опыт, но и ценности, что превращает философию в идеологию) может быть вторым направлением развития философствования.

Опыт XIX и XX вв. показал, что априорность и аподиктичность философского дискурса не обязательно требуют его силлогистической рациональности. Художественно-эстетический дискурс делает вполне допустимым *мифо-поэтическое философствование* как третье направление философствования.

Указанные три направления развития философствования так или иначе будут реализовываться в XXI в. Конкретное стечение обстоятельств, зависящее от того, кто станет властителем дум, определит то, какое из указанных направлений мысли окажется относящимся к main-stream философской мысли, а какое будет его фоном. При этом принципиально повлияет на рафинированность философской мысли то, окажется ли второе или третье направление философствования (если они определят main-stream) вовлеченным в идеологические дрязги (первому направлению это практически не грозит).

О СООТНОШЕНИИ НАУКИ, ФИЛОСОФИИ И ВЕРЫ[1]

Все три вынесенные в заглавие понятия претерпели долгий путь исторического развития, а поэтому их соотношение в истории было различно, причем референты соответствующих понятий связаны как историко-генетически, так и функционально. Поэтому целесообразно остановиться на их различении на логической основе современной методологии.

В рассматриваемом контексте фундаментальной особенностью *науки* является наличие *эмпирически данных объектов*, которые даны каждой личности, овладевшей унифицированными методами манипулятивного выделения соответствующих классов объектов, легко соотносимых с повседневным опытом. Всякое научное знание в силу этого является апостериорным и носит поэтому ассерторический характер. Такой характер научного знания предопределяет то, что в соответствии с принятой моделью научности это знание должно постоянно подвергаться фальсификации. В науке преобладает рациональное начало постижения мира и в особенности оформления полученного знания, хотя очевидна и роль личностного восприятия, значение которого сознается методологами все полнее, а роль по мере увеличения нетривиальности постигаемого становится все больше.

Философия в отличие от науки такими объектами *не обладает*. Поэтому для того, чтобы быть некоторым знанием, она должна быть априорной, а поэтому и обладать аподиктических характером. Традиционно философия опирается на рациональное начало человека, причем до недавнего времени явно преобладала рациональность сократовского типа. Обнаружение множественности форм рациональности и допущение в философский дискурс нерациональных (эстетических, этических, деятельностных) компонентов позволяют говорить не об универсальных, а о типологических формах аподиктивности. Подлинно философское знание не может быть ни верифицировано, ни фальсифицировано, однако оно может приниматься или отвергаться на основе соответствия *вкусам* индивида или какого-то сообщества.

---

[1] Написано в 2000 г. к конференции «Наука и вера».

Вера (в отличие от верований, иллюзий, реактивных состояний психики) основывается на особого рода *эмпирическом опыте*, который или дан конкретному человеку (через опыт участия в религиозной жизни, таинствах, через откровение), или получен им через других людей (индивидуально или соборно) в виде другого личного опыта, предания, откровения. Комплементарность личного и коллективного опыта, молитва и следование аскетике повседневного и сакрального поведения позволяют надеяться на правильность веры, которая проверяется подвигом — от подвига борьбы с врагом (в том числе невидимым) до подвига смирения.

Проблемы взаимоотношения науки, философии и веры проистекают из того, что каждая из них выходит за пределы собственной адекватности. Так, философия начинает судить о том, как устроен мир и конкретные предметы в нем, ученые начинают рассуждать о том, что не может быть предметом опыта в силу своей безграничности (например, о целом), вера, находящая выражение в форме религии, начинает предугадывать времена и сроки (хотя и сказано, что они скрыты от человека). Поэтому наиболее ценны те проявления каждого звена рассматриваемой тройки, в которых указанные отличия доведены до предела, принимая парадоксальный характер. Примером этого в философии является представление о едином как сфере Парменида, тезис Тертуллиана «Верую, ибо абсурдно» или принцип методологического анархизма в науке Фейерабенда.

В предельно чистом варианте каждый вид постижения подчеркивает границы для себя и друг для друга — наука, связывая себя с эмпирической фундированностью, не вторгается в философские спекуляции и религиозные откровения, вера не претендует на философский дискурс и фрагментарность эмпирии, философия, претендуя на аподиктичность вообще, не пересекается с опытом.

Однако ныне выдержать подобную чистоту не удается — и прежде всего тогда, когда речь идет о постижении человека. «Многообразие религиозного опыта» Джемса размыло грань между психологией как научной дисциплиной и аскетикой как «техне» веры, современная психонейрофизиология позволяет сделать интроспекцию предметом эмпирического исследования, религиозная философия нецерковных интеллектуалов стала знамением XX в. Формирование принципиальной оценки подобных явлений требует классически ясного понимания начал.

СИНЕРГЕТИКА И ХОЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЯЗЫКА[1]

С. В. Чебанов, Г. Я. Мартыненко

Эвристичность приложения синергетики в лингвистике, по-видимому, реалистично связывать с качественными результатами, а не с количественными оценками (об этом см. далее), поскольку такое приложение имеет преимущественно идейное значение. Оно заключается в том, что синергетика является холистической концепцией научного типа. Поэтому целесообразно определить место этой концепции в ряду других холистических представлений.

Холизм как течение мысли ориентирован на выявление целостности тех или иных образований и вскрытие природы этой целостности, проявляющейся в эмерджентных свойствах, не выводимых из свойств компонентов целого. В зависимости от предметной области, с которой связаны те или иные формы холизма, и исторических обстоятельств формирования той или иной его версии холизм проявляется в механизмизме, космизме, организмизме, системности и т. п. Определенное место в этом ряду занимает и синергетика.

Существуют два направления реализации холистических представлений. Во-первых, это касается концепций, в которых *эксплицированы* готовые холистические образования при затемненной природе целостности производных образований (евклидова геометрия, арифмология, возможно, и пифагорейская математика). Во-вторых, речь идет о концепциях, в базовых представлениях которых холистичность, заявленная идеологически, не эксплицирована и поэтому лишена операциональной ценности. Последняя появляется в конкретных версиях концепций, в которых, однако, отсутствует полнота целостности (например, в математических версиях системного подхода). При достаточной «продвинутости» концепций обоих типов характер связанных с ними видов деятельности сближается (например, при использовании нумерологии, золотого сечения или музыки сфер в системном подходе). При этом в концепциях первого типа переход к нетривиальным ситуациям со-

[1] Написано в 1992 г. к Российско-германскому коллоквиуму по лингвистической синергетике КОЛИСИН-92 (Москва, 1992). Несмотря на планы организаторов, труды Коллоквиума так и не опубликованы. Тем временем эта работа вызывает большой интерес, что и определяет ее публикацию в этом издании.

пряжен с утратой операциональной эффективности, размыванием образа целостности, а в концепциях второго типа теряется целостность вследствие высокой степени схематизации.

Сочетание предметно-исторических форм холизма с тем или иным направлением его развития создает сложный рисунок смены холистических представлений во времени. Рассмотрим некоторые ключевые моменты этой истории применительно к представлениям о языке (рис. 6).

Старейшей формой холизма является *космизм* — представление целого как космоса, как единства различенных вещей, определенным образом *упорядоченных* (ср. этимологические корни термина «космос»). В космизме язык представлен в образе логоса, числа (Гераклит, Пифагор). Далее этот образ развивается стоиками и неоплатониками, которым не были чужды и соответствующие лингвистические штудии (Хрисипп, Диоген Вавилонский, Порфирий, Ямвлих). Логос в этих штудиях выступает как организующее начало космоса. В соприкосновении этих представлений с иудаистической традицией формируется представление о Христе как о Логосе, а далее — о мире как Книге. Логология, выступающая и как теологическая концепция, и как концепция языка, была той средой, в которую погружалось конкретное лингвистическое знание христианского Средневековья (от Отцов Церкви до поздней схоластики). Эта традиция сохранялась лишь на периферии европейской культуры (в клерикальной среде — как Hermeneutica Sacra) и возродилась в неотомизме и русском богословии Серебряного века.

В целом этому виду холизма свойственна последовательная экспликация первоначально неоперациональных представлений. Именно поэтому, начиная с Возрождения, когда возросли требования к операциональности, эта разновидность холизма отходит на задний план, поскольку требуемая для восприятия космизма высокая степень синкретизма сознания становится несовместимой с тенденцией его секуляризации и утилитаризации.

Ориентация на операционализм в условиях доминирования секуляризированного сознания определяет переориентацию на другую форму холизма — *системность*. Системность базируется на различении элементов, характеризующихся наличием эксплицированных свойств и связей между ними. Такая определенность позволяет рационально описывать системы, эмерджентные свойства которых выступают как эпифеномены свойств элементов. Классическими образцами системного представления целостности является галилеевская механика (наглядно выраженная в образе мира как механических часов). На этот образец ориентирована в целом вся наука XX в., прежде всего физика. Примерами представлений о целостности языковой системы являются

логические грамматики, подобные грамматике Пор-Ройяля и структуралистским грамматикам XX в. с их элементно-структурным анализом.

Пифагорейская традиция приписывает высокую операциональную ценность представлениям о числах и фигурах в том случае, когда имеется доступ к эзотерическому знанию о них. В экзотерическом же варианте пифагорейство выражается в поиске мировых констант и магических чисел, которые правят миром, организуя космос. Очевидно, что при этом имеет место то понижение уровня целостности представлений, которое сопровождает увеличение степени эксплицированности холистических представлений, и пифагорейские представления о числе естественно вливаются в системные представления в качестве их компонента и важнейшего операционального средства. Число при этом начинает с неизбежностью пониматься не как средство организации космоса, а нумерологически — как количественная характеристика. С помощью чисел удается эффективно описывать элементарные случаи интересующего исследователя класса явлений. При переходе к сложным, нетривиальным ситуациям возникают технические сложности, полностью уничтожающие операциональность и эффективность подхода, свойственные всем системным представлениям о целостности. Однако оценка потенций пифагореизма как космического представления о целостности остается неясной, что проявляется и в непроясненности отношений в самом пифагорейском союзе, в котором отношения между акусматиками и математиками как разными ступенями посвящения сменяется превращением их во враждующие группировки экзотериков и эзотериков, ученых и мистиков. Пифагорействующие нумерологические штудии языка связаны например, с цифровыми значениями букв алфавита, астрологической нумерологией слов (имен), использованием миллеровского магического числа 7±2 при оценке синтаксической сложности предложения (В. Ингве, Н. Хомский, С. Я. Фитиалов), установлением вида лингвостатистического распределения (Дж. Ципф, Г. Хердан, Ю. К. Крылов) и др. математико-лингвистическими задачами.

Близки, но отличны от космизма еще две формы холизма, не связанные, однако, с крупными самостоятельными направлениями мысли. Эти виды холизма основаны на представлении об эманациях и ипостасях. Они отличаются от космизма тем, что мир здесь предстает как соединяющий в себе разные формы упорядочивания — в противоположность космосу как той части мира, которая упорядочена единым образом и всюду согласована во всех своих частях. Если же мир мыслится как совокупность эманаций — нисходящих, частичных, неполных воплощений единого, то в нем могут возникать локальные рассогласования (ввиду чего представление об эманациях чревато пантеизмом).

Наличная целостность мира здесь оказывается неполной и восстанавливается только в трансцендентном едином. В определенных версиях платонизма, неоплатонизма, пифагореизма, гностицизма подобные эманации связывают высшие ступени бытия с низшими.

Характерными примерами эманационных отношений в лингвистике являются представления о соотношении языка и речи, фонемы и звука, вообще эмического и этического уровней. Если рассматриваются цепочки эманаций одного уровня, сменяющих друг друга с течением времени, то выстраиваются исторические ряды, являющиеся одной из форм представления имманентной целостности (см. далее). При этом разновременные коллективные или индивидуальные варианты репрезентируют один и тот же язык, подобно тому как разные звуки репрезентируют одну фонему. В разнообразии звуков проявляется отсутствие целостности на этическом уровне.

К эманациям близки *ипостаси*, равные по своей полноте ипостасируемому. Такое проявление холизма, по-видимому, не свойственно языку, намек на него появляется лишь в ядерных зонах семантических полей сакральной лексики (см., например, трактат о божественных именах Дионисия Ареопагита).

Рассмотренные типы целостности имеют преимущественно *трансцендентную* природу — единство обеспечивается тем, что внеположено самому целому — Логосом, систематизирующим фактором, числом, источником эманаций. Ипостаси же открывают ряд *имманентных* типов целостности, в которых целостное имманентно целому.

Простейшим видом такой имманентной целостности является *связанность,* контактность компонентов целого. Элементарным примером здесь является связанность механических агрегатов, построенных из соприкасающихся компонентов. В лингвистике этот тип целостности выявляется либо эмпирически, либо, как в дескриптивизме или глоссематике, путем установления корреляций.

Выявление связанности разных состояний как временных срезов процессуального целого составляет базу *историзма* как особой формы имманентного холизма. При этом центральной проблемой оказывается установление самотождественности процессуального целого. Если речь идет о лингвистике, то здесь, например, может констатироваться, что речь идет об одном и том же языке или лексеме. Такие изыскания являются предметом сравнительно-исторического языкознания, глоттохронологии.

Наиболее развитой формой имманентного холизма является восходящий к Аристотелю *органицизм*. Организм при этом предстает как целостность, которой свойственно самодвижение, спонтанное измене-

ние. В отличие от Космоса для организма существенна не упорядоченность его компонентов, а наличие внутренней динамики. Для организма фундаментальное значение имеет форма (в понимании Аристотеля) как единство внутренних различений целого. Организмической концепцией числа является при этом арифмология. Наиболее характерны организмы для живых существ, в связи с чем органицизм глубинно связан с гилозоизмом, явно выраженным у таких мыслителей, как Аристотель и Парацельс, а также витализмом и неовитализмом, и в целом он весьма характерен для биологии. Поэтому не случайным является то, что источником организмических представлений в лингвистике является биология. Например, как организм трактовал язык В. Гумбольдт, биологические представления в лингвистику переносил А. Шлейхер. Особенно значительными оказались организмические построения в сравнительно-историческом языкознании, что выразилось, в частности, в заимствовании Шлейхером понятийного аппарата дарвинизма. Эти же процессы привели к формированию лингвистической палеонтологии. Восприятие подобных представлений облегчалось привычностью для европейской традиции ветхозаветных родословий как формы реализации генетического мифа.

Ввиду того что существуют не одна система, эманация, агрегат, историческое единство, возникает проблема выявления целостности их ансамблей, построенных, таким образом, из других целостностей, отличающихся по типу холизма друг от друга. В этом случае речь идет о комплексах как целостностях, сопрягающих разнородные образования (А. П. Сопиков). При постижении языка такой тип целостности актуализируется в прагмалингвистике, рассматривающей речевой акт как дело, как действие в целостности коммуникативной ситуации как компоненте практической деятельности. При этом деятельностный корреляят прагмалингвистики — прикладная лингвистика — втягивает ныне в себя практически весь набор сюжетов, свойственных герменевтике, однако в отличие от последней, пронизанной космизмом, представляет собой «свалку» разрозненных сведений ввиду неразвитости средств комплексирования.

Помимо перечисленных базовых форм холизма представлены и синтетические формы, сочетающие в себе несколько базовых. Так система небесной механики возникает на пересечении системного рационализма с целостностью эмпирической связанности небесных тел, шлейхеровское древо языков формируется на перекрестке эманационных отношений и исторического единства языка, логология сочетает целостность космизма с эманационными отношениями и т. д. На этом фоне выделяется холизм *тейярдизма*.

Тейяр де Шарден трактует мир как находящийся в становлении под действием Бога-Логоса от точки А к точке Ω. Наличие вмешательства Творца указывает на формирование мира как Космоса. При этом в мире действуют энергии, в которых вычленяются тангенциальная и радиальная составляющие, в последней проявляется активность Логоса, характер которой свидетельствует о движении от А к Ω. Таким образом, тейярдизм лежит в русле наделения операционализмом неэксплицированных образов целостности.

В намеченном контексте можно выделить черты синергетики, определяющие ее место в ряду форм холизма.

Феноменологически синергетика базируется на явлении возрастания сложности организации при увеличении потока энтропии через открытую систему. При этом оказывается, что ход процессов самоорганизации зависит от характера возмущающих воздействий, влияющих на систему в это время. Эти воздействия и их последствия являются предметом аналитической работы, в ходе которой выявляется наличие нестационарных точек бифуркаций, в которых происходит выбор дальнейшего движения системы в фазовом пространстве; зависимость выбора траектории движения в точке бифуркации от характера возмущающих воздействий, порождающих таким образом макроскопические эффекты, определяет невозможность прогнозирования динамики системы при переходе через точку бифуркации.

Таким образом, синергетические эффекты свойственны образованиям, которые корректнее квалифицировать не как системы, а как организмы, тем более что им присуща имманентная динамика. Тем самым синергетика позволяет эксплицировать представление об организме.

Далее, налицо процессы самоорганизации, что дает основание интерпретировать эти процессы как идущие с участием радиальных энергий в понимании Тейяра де Шардена, что позволяет усматривать в этих организмах включенность в космогенез, эксплицировать неоплатонические представления о синергии. Примечательно при этом то, что эти результаты получаются в рамках стандартных научных посылок, таких как наблюдение эмпирических связанностей и применение стандартного математического аппарата, допускающего акусматические, по сути пифагорейские, трактовки.

Возникнув в термодинамике неравновесных открытых систем, синергетика начала экспансию в различные дисциплины, в частности в биологию и лингвистику. В этих дисциплинах ввиду измерительных и вычислительных трудностей практически нет надежды на получение численных результатов, и синергетика выступает прежде всего в метафорической роли, давая качественное объяснение фактам и предсказы-

вая тенденции. Примечательно при этом то, что сопоставимые качественные результаты можно получить и другими средствами (через термодинамическую теорию ранговых распределений, теорию катастроф). Это позволяет говорить о нащупывании новой, достаточно конструктивной и междисциплинарной холистической парадигме, отличной от логологии.

Таким образом, можно констатировать, что после вытесния в эпоху Возрождения на задний план культуры холистического образа языка, связанного с космизмом, холистические образы языка формировались путем заимствования из других дисциплин (механики, физики, биологии). Ныне же намечается формирование новой холистической парадигмы, генетически связанной с термодинамикой, — синергетики, в которой появляется шанс формирования развитого холистического образа языка, обладающего достаточно высокой степенью эксплицированности и операциональности (в противоположность логологии).

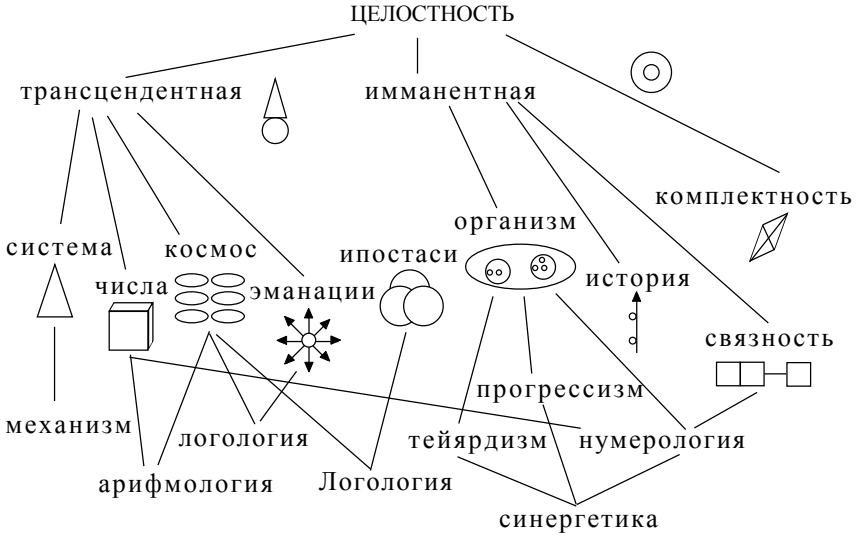

Рис. 6. Типы целостности

ПРИЛОЖЕНИЯ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КРАЕВЫХ УСЛОВИЙ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ, ХОРОЛОГИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ МАСШТАБЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ[1]

0. Презумпции и статусы.
1. Модели организации общественно-политической жизни:
   — национальный фронт,
   — два эшелона: оперативный и концептуально-аналитический,
   — независимая экспертиза и отношение к ней: Жириновский.
2. Оперативный стиль гуманитарно-политологической деятельности: коллизии.
3. Отсутствие единой базы анализа. Основания.
4. Хронология.
   — «20 лет спустя», штукатурный город и тысячелетие.
   — Новгород (Киев), Москва, Петербург.
   — Терминальная фаза развития империи.
   — Итоги Северной войны. Советско-финская война.
   — Великий город с областной судьбой.
   — Реализация программ «шестидесятников».
   — Бесконцептуальность оперативной деятельности.
   — Создание новых концепций.
   — Точки бифуркаций.
   — Глобальная регионализация и Северо-Европейское Средиземноморье: эквифинальность и политическая активность.
5. Хорология.
   — Северо-Запад России и Северо-Европейское Средиземноморье: Россия и ее вхождение в Европу.
   — Петербург: «окно в Европу» и транзитная территория.
   — Мировой город в сети мировых городов.
   — Города и агломерация: Игры доброй воли как различающее.
   — Россия: распад vs федерализация.
6. Морфология.

---

[1] План доклада в центре «Стратегия» весной 1994 г. Тематически связан со статьей «Почему Санкт-Петербург не может не быть центром».

— Мировые стандарты качества и конкурентоспособность.
— Сельское хозяйство и его натурализация.
— Оценка наследия и объявление обязательств.
— Детоталитаризация без оккупации?
— Декоммунизация и деленинизация?
— Колониализм.
— Город, построенный иностранцами, и их собственность.
— История и собственность.
— Государственные предприятия как источник финансирования власти.
— Мэр как морфологическое образование: Петр I как идеальный мэр Санкт-Петербурга.
— Выборы в Городское собрание: имущественный ценз.
— Тоталитаризм vs демократия: олигархия, монархия.
— Деградация общественного транспорта и развитие личного: универсалия?
— Кадры рабочих и обязательное высшее образование.
— Сокращение производства и постиндустриальное общество.
— Город конгрессов и фестивалей.
— Городская культура: чья? Пушкин как эталон.
— Критерии жителя СПб и региона.
— Чем должны заниматься местные власти? Уровни вмешательства в частную жизнь.

7. Обсуждение краевых условий: диверсификация семинаров, рабочие группы, исследовательские программы...?
— 20 лет спустя.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ[1]

1. Санкт-Петербург (Старый город)

Взморье — Малая Невка — Выборгская сторона — Охта — Обводный канал — Порт.

Сплошная старая застройка, представляющая собой лицо Петербурга, определяющая его самость, требующая срочной модернизации с сохранением своей аутентичности.

2. Пригороды Старого Петербурга, в том числе элементы, предназначенные для обеспечения его существования как целого (включая исторические островки в новой застройки).

Кронштадт — Большая Ижора — Ораниенбаум — Старый Петергоф — Петродворец — Старая Петергофская дорога — Лигово — Красное Село — Гатчина — Павловск — Пушкин — Колпино — Петрокрепость — Пороховые — Всеволожск — Шувалово — Левашово — Сестрорецк и пятнами Екатерингоф, Новознаменская дача, Дача Дашковой, Кекерекексинен, Рыбацкое, Волкова деревня, Удельная — Коломяги и др.

Петербургский аромат в ленинградском окружении.

Градостроительные, рекреационные, коммерческие ресурсы.

3. Новый Петербург, Большой Петербург, Ленинград

Петербург с рабочими заставами в его современных административных границах, исключая территории 1 и 2, а также территории А) — Красное село, район Конной Лахты и города Кронштадт, Ораниенбаум, Петергоф, Гатчина, Пушкин, Павловск, Колпино.

Включение территорий А) в состав города превращает его в агломерацию, лишает моноцентричности. Довоенная и послевоенная части предполагают модернизацию, остальная — «хрущобы» — практически полный снос и застройку заново. Необходимы новые градостроительные концепции.

4. Петербургская агломерация

Сосновый Бор, Большие Ижоры — Черемыкино — Елизаветино — Сиверский — Вырица — Тосно — Мга — Петрокрепость — Всеволожск — Токсово — Юкки — Белоостров — Ушково — Молодежное, Выборг.

---

[1] План доклада в центре «Стратегия» весной 1994 г.

Территория и население, обслуживающие современный Петербург. По территории агломерации проходит одна из наиболее резких границ — Восточно-Европейской равнины и Финноскандии, почти совпадающая с бывшей государственной границей с Финляндией. Вся территория подчинена существованию столицы, в последние десятилетия — второй столицы слаборазвитого государства, живущего за железным занавесом.

5. «Петербургская область» — территория бесспорного доминирования влияния Петербурга над влияниями других центров

Усть-Луга — Кингисепп — Луга — Оредеж — Чудово — Кириши — Волхов — Сясьстрой. Особый статус Карельского перешейка. Особый статус запада области (Ивангород — Сланцы). «Петербургская область» и Ингерманландия.

6. Северо-Запад России

Ядро: Петербургские, Псковские, Новгородские земли, север Тверских, северо-запад Ярославских, западная часть Вологодских земель (в том числе Плесецк).

Примыкающие территории: Восточная часть Вологодских земель, бассейн Северной Двины, Карелия. Мурманская область как составляющая Северо-Запада.

Северо-Запад России, Озерный край, земли Великого Новгорода и Ленинградская область 30-х гг.

Сопредельные территории.

Тверские земли и граница с Московией. Белоруссия. Страны Балтии.

Анклав России: Калининградская область.

Финляндия. Норвегия.

Северно-Европейское Средиземноморье.

Дания, Германия, Польша, Швеция.

Петербург как центр Северно-Европейского Средиземноморья.

Внерегиональное положение.

Регион СПб и ПВО России. Стратегические каналы коммуникации. Северный морской путь. Освоение Арктики и Дальнего Востока. Культурная политика для населения Крайнего Севера и палеоазиатских народов. Культурные модели городов Сыктывкара, Екатеринбурга, Иркутска. Энергетическое машиностроение. Порт России: pro и contra. Модели инноваций: архитектура, образование, наука (Европа, США). Петербургская цивилизация, «вечные города» и Япония. Модель культурных границ.

Ориентиры.

Петербург и Россия. Россия: западноевропейские традиции Новгорода и азиатские (византийские) Москвы. С кем Петербург?

МАТЕРИАЛЫ К КНИГЕ «ГЕОГРАФИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ 9 КЛАССА ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ»[1]

Пояснительная записка

Курс строится, исходя из предположения о владении учащимися двумя блоками материала:

— общегеографическими знаниями по физической и социальной географии мира и России с сопредельными территориями, что соответствует стандартной школьной программе по географии; это дает возможность применить общегеографические знания к анализу конкретной территории;

— краеведческими и топографическими знаниями своего квартала, микрорайона (для жителей Санкт-Петербурга) или своего населенного пункта и его окрестностей (для жителей других мест — подобный курс должен быть в конце начальной — начале средней школы).

Учебное пособие предусматривает два основных варианта его использования.

Для жителя Санкт-Петербурга изучение начинается с того раздела части II, в котором описывается урочище, в котором проживает данная группа учащихся, и изучается весь данный раздел. При этом изучается и соответствующий раздел части I. Далее, в соответствии с логикой, принятой преподавателем, изучается остальная часть раздела II, а далее по описанной схеме (вместе с повторением соответствующих разделов части I) изучается материал части III.

Для жителей других территорий, рассматриваемых в данном пособии, изучение начинается с самого мелкого раздела части III, содержащего материал о месте проживания учащихся, и он дополняется соответствующими разделами части I. Далее подобным же образом изучаются остальные части рассматриваемого района, после чего изучается остальной материал части III, а далее — часть II и повторяется материал части I.

---

[1] Подготовлено по договору с Московским институтом развития образовательных систем (МИРОС) в 1991–1995 гг.

Учебное время распределяется следующим образом: на изучение части I и той части, которая изучается сначала — примерно 60% учебного времени, на повторение части I и той части, которая выбрана второй — 40% времени.

Учебное пособие построено как своего рода руководство по литературе, в первую очередь, справочного характера, и пособие по самостоятельной работе с природой.

Важнейшей составляющей пособия являются задания для самостоятельной работы, которые могут выполняться по-разному — в зависимости от степени знакомства с конкретными урочищами.

Учебное пособие может быть использовано как первичное руководство для лиц, занимающихся практической деятельностью, для которой существенны региональные особенности рассматриваемой территории, прежде всего, предпринимателей из других регионов.

Объем пособия 10 а. л. (без иллюстраций).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

ЧАСТЬ I. НАЧАЛА РЕГИОНАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

Введение

1. Принцип регионализма в географии и биографическое начало освоения географического пространства
2. Три аспекта пространства: географическое пространство, пространство жителя, пространство культуры

2а. Взаимодействие географических пространств. Единство аспектов пространства в пространственном сознании

2б. Структуры пространственного сознания. Урочища

2в. Малая родина. Земли

3. Элементы региональной географии
4. Природные условия
5. Географическое положение
6. Геология
7. Рельеф
8. Гидрография
9. Климат
10. Растительный и животный мир
11. Состояние окружающей среды и антропогенные воздействия

Население

12. История формирования и размещение
13. Демографическая структура
14. Миграции

15. Национальный состав (и национальные обычаи)
16. Язык
17. Вероисповедание
18. Топонимика
19. Трудовые навыки

Хозяйственная деятельность

20. Промышленность
21. Энергетика
22. Транспорт
23. Сельское хозяйство

Культура

Учитывая специфику рассматриваемой территории, необходимо достаточно дифференцированное рассмотрение темы. В частности, нужны следующие разделы:

24. Архитектура и градостроительство
25. Наука
26. Техника
27. Музыка и танец
28. Изобразительное искусство
29. Театр
30. Образование
31. Общественно-политические движения

    Дается как характеристика каждого из перечисленных элементов, так и география и ландшафтообразующая роль каждого из них.

32. Политико-государственные институты
33. Рекреационный потенциал

Территориальная определенность

34. Административно-территориальное деление
35. Границы
36. Населенные пункты
37. Природно-культурное единство территории
38. Физико-географическое единство
39. Культурно-историческое единство
40. Внутрирегиональные связи
41. Межрегиональные связи

ЧАСТЬ II. ГЕОГРАФИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ОКРЕСТНОСТЕЙ

Строится как описание региональных элементов, введенных в части 1. Указаны дополнительные разделы и детализация, касающиеся специфики Санкт-Петербурга.

42. Состав рассматриваемой территории
43. Городское урочище

Урочища описываются в связи с рассмотрением конкретных компонентов пространства, играющих решающую роль в формировании данного урочища; например, острова как урочища рассматриваются в гидрографии, профессиональные слободы — в связи с профессиональными навыками населения, архитектурные ансамбли — как компоненты культурного ландшафта и т. д.

44–50. Природные условия. Природные условия отдельных урочищ
В том числе в соответствующих параграфах рассматриваются следующие урочища:

47. Рельеф. Поклонная гора. Дудергофские высоты

48. Гидрография. Заячий остров. Петроградская сторона. Аптекарский остров. Васильевский остров. Голодай (остров Декабристов). Новая Голландия. Остров Уткина заводь. Острова, образованные левыми рукавами Невы. Большая и Малая Охта

50. Природные условия. Кекерекексинен (п. 51 — резервный).

52–62. Население (п. 60–62 — резервные)

Особо рассматриваются вытеснение коренного населения и отсутствие такового в городе, зависимость населения от политико-государственной концепции города, проточный способ воспроизводства населения, культурные детерминанты миграций, становление и функции петербургского диалекта, последствия распространения образования, специфика трудовых навыков.

Рассматриваются следующие урочища внутри отдельных тем:

52а. Размещение. Центральные районы. Заставы. Сталинская застройка. Автово. Невский район. Гавань. Спальные районы

55. Национальный состав. Греческая слобода. Немцы на Васильевском острове и Петроградской стороне

59. Трудовые навыки. Рыбацкое. Пороховые. Кузнечная слобода. Пушкарская слобода. Литейная часть. Заводские заставы

60. Вероисповедания. Соборы и монастыри как центры формирования урочищ. Кладбища как урочища

63–76. Хозяйственная деятельность

Особо рассматривается специфика хозяйственной деятельности в условиях второй столицы, государственный контроль за ней, сакрализация и фантомизация хозяйственных отправлений. Особое внимание уделяется культуре Петербурга, в частности архитектуре как средству формирования антропогенного ландшафта. Специально рассматривается вопрос об исторической динамике соотношения разных форм хозяйственной деятельности и влиянии на нее столичной функции города. Подробно рассматривается рекреационный потенциал Санкт-Петербурга, специфиче-

ские для него формы рекреации, особая условность различения креативной и рекреационной деятельности при высоком образовательном уровне населения.

Рассматриваются следующие урочища в соответствующих разделах:

63. Промышленность. Урочища, прилегающие к заводам: Кировскому, Электросиле, Металлическому, Красному выборжцу, Большевику, Мельничному комбинату, Мясокомбинату, хлебозаводам и т. д.
64. Энергетика. Урочища, прилегающие к ТЭЦ
65. Транспорт. Привокзальные площади и прилегающие к ним районы. Прижелезнодорожные зоны города. Районы Торгового, Морского и Речного портов. Трамвайные, автобусные и троллейбусные парки. Станции метро

65а. Городские свалки и пустыри

66. Сельское хозяйство. Совхозы на территории города: Предпортовый, Детскосельский, им. Тельмана. Зеленое хозяйство. Питомники. Сады.

Культура

67. Архитектура и градостроительство. Архитектурный ансамбль как урочище. Центральные площади: Дворцовая, Сенатская, Исаакиевская как остатки эспланады Адмиралтейской крепости. Кронверк. Стрелка Васильевского острова. Михайловская площадь. Площадь Ломоносова. Урочища городских усадьб. Дворы доходных домов как урочища. Внутриквартальные территории новостроек
68. Наука. Комплекс зданий Академии наук на Университетской набережной. Аптекарский остров. Северные районы
69. Техника. Физтех
70. Образование. Вузы. Студенческие городки и диффузные образования. Университет на Университетской набережной и в Старом Петергофе. Медицинские вузы. Политех. Прообразы технопарков
71. Музыка и танец. Улица Зодчего Росси как урочище
72. Театр. Театральные площади как урочища
73. Изобразительное искусство. Академия художеств и Соляной городок как урочища
74. Общественно-политические движения. Площади и сады как центры общественной жизни
75. Политико-государственные институты. Ансамбли Смольного, Таврического, Мариинского дворцов как урочища

76. Рекреационный потенциал (А. Рекреация горожан; Б. Рекреация приезжих). Невские набережные как рекреационная зона. Набережные рукавов дельты и притоков Невы. Парки как место рекреации

Рекреационное значение музеев, театров, клубов, кинотеатров и других учреждений культуры. Рекреационный потенциал архитектурных ансамблей

Территориальная определенность

77–80. Административно-территориальное деление

Административное деление. Границы города. Границы районов. Принципы районирования города

Санкт-Петербург как целое

81. Физико-географические факторы, ограничивающие рост города. Состояние окружающей среды города. Игнорирование природных условий как основа идеологии Санкт-Петербурга
82. Соотношение моно- и полицентрических структур в Петербурге. Проблема сохранения целостности города. Проблема городского транспорта. Сохранение специфики петербургских пригородных урочищ. Парголово. Шувалово. Озерки. Дудергофские высоты. Пулковские высоты

Взаимодействие с локализованными этническими общинами. Петербург в условиях упадка промышленности. Петербургская агломерация

83. Петербург как транспортный узел (pro и contra). Торговля в Петербурге. Петербург как центр миграции. Петербург как центр культурной экспансии: специфика культуры и образования. Роль в освоении Арктики. Петербург как мировой культурный центр. Петербургская цивилизация в контексте мировой культуры
84. Петербург и Россия. Петербург как наследник и антипод Новгорода. Петербург и Киев. Петербург и Москва. Петербург как центр Ингерманландии. Петербург как областной центр. Петербург и Северо-Запад
85. Перспективы развития Санкт-Петербурга: географические аспекты

ЧАСТЬ III. ГЕОГРАФИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Строится как описание региональных элементов, введенных в части 1. Указаны дополнительные разделы и детализация, касающиеся конкретных реалий Северо-Запада России.

86. Состав рассматриваемой территории. Северо-Запад России и Озерный край
87. Общая характеристика региона

В разделе «Гидрология» специально обсуждаются проблемы больших водоемов региона — Финского залива, и прежде всего в связи с проблемой дамбы, Ладожского, Онежского и Чудского озер.

Изложение идет по зонам: «Пригороды», 1–2-й пояс (примерно в радиусе 120–150 км от Петербурга), 2–3-й пояс (остальные части региона), сопредельные территории и иностранные государства.

Характеристика отдельных территорий.

88. **А.** Пригороды Петербурга. Общая характеристика

89–93. Дворцово-парковые заповедники. Петергоф. Ораниенбаум. Гатчина. Павловск. Пушкин (Царское Село)

94. Кронштадт

95. Промышленные пригороды. Сестрорецк. Колпино

96. **Б.** 1-й пояс. Общая характеристика

97. Карельский перешеек

В разделе «Население» особо рассматривается роль финского населения в формировании лица Карельского перешейка.

В разделе «Хозяйственная деятельность» раскрывается роль территории как рекреационной зоны. Обсуждаются последствия для территории Советско-Финской войны 1939-1940 гг.

В разделе «Населенные пункты» дается характеристика Выборга, Курортной зоны (Сестрорецк—Зеленогорск), Приозерска.

В разделе «Природно-культурное единство территории» обсуждается сввзь с Карелией и Финляндией.

98. Юго-западный сельскохозяйственный район

Состав — большая часть Ломоносовского, Волосовского, Гатчинского и Лужского районов Лен. области

В разделах «Гидрография» и «Рельеф» основное внимание уделяется южному берегу Финского залива, Глинту (Балтийско-Ладожский уступ) и Ижорской возвышенности, р. Луге с притоками.

В разделе «Население» уделяется внимание финно-угорским народам, особенностям трудовых навыков.

В разделе «Хозяйственная деятельность» основное внимание уделяется сельскому хозяйству и историко-культурным основам рекреации. Копорье характеризуется как прообраз Петербурга. Рассматриваются связи с Новгородскими и Псковскими землями.

В разделе «Населенные пункты» дается отдельная характеристика Волосово, Луге и Толмачево. Сосновый Бор характеризуется как город с экстерриториальным статусом.

99. Промышленный запад
Состав — Кингисеппский и Сланцевский районы Лен. области
Основное внимание уделяется характеристике промышленности, в первую очередь — горнодобывающей. Обсуждаются проблемы экологии. Дается характеристика райцентров, Ивангорода (прежде всего историко-культурная). Рассматриваются связи с Эстонией.
100. Между Оредежью и Волховом
Состав — восток Гатчинского района, Тосненский, Кировский, Киришский и Волховский районы Лен. области
Основная тема рассмотрения — новое и новейшее освоение издавна освоенных территорий. Две линии преобразований — промышленное строительство и развитие садоводств.
Примечание. Территория Лен. области восточнее Волхова рассматривается во 2-м поясе (Вологодские земли).
101. В. 2-й пояс
Общая характеристика и отдельные значимые детали.
102. Псковско-новгородские земли
Западноевропейские влияния на Псковско-Новгородские земли. Проблемы границы с государствами Балтии.
103. Новгородские земли (включая юг Лен. области)
Следы доминирования Новгорода на Северо-Западе. Московско-Новгородское противостояние. Новгород как центр славянской колонизации Озерного края.
104. Псковские земли
105. Вологодские земли (включая восток Лен. области)
Лесные и водные ресурсы края. Кимберлитовые структуры.
106. Карелия

Этническая структура региона.

107. **Г.** Сопредельные территории
Дается общая характеристика указанной территории и рассматриваются отдельные важные вопросы.
108. Мурманская область
Мурманск как порт. Его уникальность как базы атомного ледокольного флота с наличием ядерных отходов. Горнодобывающая промышленность. Металлургия. Роль железной дороги в развитии региона.
109. Архангельская область
Архангельск как порт. Полезные ископаемые. Космодром Плесецк. Судостроение.
110. Центральная Россия (Тверская земля)

111. Беларусь
Статус границы. Роль в формировании этнического состава Северо-Запада. Беларусские поставки продовольствия и последствия Чернобыльской аварии.
112. Прибалтийские государства
Прибалтийские государства в составе Российской империи и СССР. Территориальные проблемы. Статус границ. Единство этнического субстрата.
113. Финляндия и Скандинавия
Финляндия в составе Росиийской империи и как суверенное государство. Этническое единство с автохтонным населением региона. Культурно-исторические связи.

Северо-Запад России как целое

114. Физико-географическое единство Северо-Запада России
115. Культурно-историческое единство Северо-Запада России. Санкт-Петербург и Ингерманландия. Ингерманландия и Северо-Западная Россия. Ингерманландия и Скандинавские страны. Ингерманландия и государства бассейна Балтийского моря. Северо-Запад России и Новгородские земли
116. Технико-экономические и культурно-исторические связи внутри региона и с другими регионами
117. Северо-Запад в условиях распространения регионализма и автономизации регионов

Предисловие

Предлагаемая Вам книга является учебным пособием по курсу «География своего края».

Освоение этого курса основано на Ваших общегеографических знаниях (знании географии материков и океанов и географии России) и Ваших знаниях географии своего района, полученных в первые годы обучения в средней школе.

Пособие призвано помочь Вам разобраться в географических особенностях той местности, в которой Вы живете. В связи с этим после того, как Вы познакомились с содержанием части I, во многом лишь напоминающей и систематизирующей имеющиеся у Вас знания, тем из Вас, кто живет в Санкт-Петербурге или ближайших его окрестностях, целесообразно начать освоение этого пособия с того раздела части II, в которой рассматривается место Вашего проживания, а далее изучить весь соответствующий раздел, затем всю часть II, и далее часть III. Те же из Вас, кто живет за пределами Санкт-Петербурга, после знакомства

с частью I, приступают к изучению того раздела части III, в котором рассматривается Ваша местность, оваивают этот раздел и далее всю часть III, после чего переходят к изучению части II.

Пособие содержит большое количество заданий для самостоятельных занятий. Именно они должны стать основой освоения материала этого курса. Пособие также призвано дать возможность учащимся ориентироваться в краеведческой литературе.

Введение

1. Принцип регионализма и биографическое начало освоения географического пространства

В настоящее время как на территории бывшего Советского Союза (бСССР, понимаемого как единый проблемный регион), так и в мире в целом идут два внешне противоположных, но внутренне единых процесса — *глобализация* и *регионализация*.

Первый из них заключается в том, что люди и их объединения осуществляют деятельность, которая охватывает поверхность всего земного шара, так что можно говорить о человечестве как едином целом, обладающем общим путем развития, решающем одни и те же проблемы. При этом события в одном уголке мира отзываются в другом и становится невозможным локализовать их последствия.

Второй проявляется в том, что прежде всего сами люди осознают себя как жители определенной земли, определенной территории, которая обладает своими неповторимыми историко-культурными особенностями. При этом такой территории могут быть присущи свои проблемы, которые могут быть разрешены, практически не затрагивая другие регионы, а главное, не предполагая вмешательства надрегиональных образований — общественных (национальных, религиозных, политических), государственных (силовых структур, политических органов и т. д.) или надгосударственных (типа ООН, ЮНЕСКО, НАТО, ЕЭС).

Обе тенденции развития человечества не просты для их освоения общественным сознанием.

Человечеству было весьма непросто осознавать свое единство, и только нависшие глобальные катастрофы — военная, экологическая, энергетическая и т. д. — обеспечили то, что идея единства стала достоянием не только узкого круга интеллектуалов, но и широких слоев населения. Характерным типом моральных издержек такого подхода является идея унификации жизни, подгонки ее под единый стандарт, игнорирование региональных особенностей природы и принципов организации хозяйства и т. д., что часто оборачивается экспансией одного из способов жизни (ныне — американского).

Еще сложнее понять, что те особенности жизни, которые присущи конкретному региону, ценны не только для его жителей, но и для человечества в целом. Это и уникальные объекты природы — ландшафты, биоценозы, почвы, горные породы, особенности погоды и также вещественная, бытовая и духовная культура населяющих эту землю людей.

Учет региональных особенностей позволяет как полнее использовать природные ресурсы региона, его населения, так и обогатить человечество еще одним вариантом среды обитания и стилем человеческой деятельности, которые неизвестны в других регионах. Именно поэтому региональные ценности становятся таковыми только на фоне осознания человечеством себя как единого целого.

Осознание регионализма есть открытие *нового*, *доселе неосознаваемого ресурса — разнообразия*. Таким образом, благодаря осознанию неповторимости регионов человечество стало богаче, не затратив на получение этого богатства никаких физических усилий.

Естественно, что и регионализму свойственны свои болезни — региональная замкнутость, ведущая к изоляционизму, сверхспециализация хозяйства (например, развитие монокультур), национализм и т. д.

Подобного рода осложнения связаны с тем, что регион не только относительно целостная часть Земли, но и место проживания так называемого местного населения, которое тоже имеет свои интересы, зачастую не совпадающие с интересами человечества в целом.

Освоение общественным сознанием глобальных проблем человечества является основанием для того, чтобы попытаться совместными усилиями разрешить эти проблемы (если еще не поздно).

За несовершенность регионального начала развития человечества приходится расплачиваться прежде всего распадом крупных государств и локальными конфликтами, в том числе военными. В частности, игнорирование региональных интересов является причиной развала СССР.

Вместе с тем на основе региональных интересов возможно формирование новых геополитических образований, например, Северно-Европейского Средиземноморья — территорий вокруг Балтийского моря, включающей в себя Скандинавские страны, север Германии, Данию, Польшу, страны Прибалтики и рассматриваемый регион Северо-Запада России.

Помимо того что местное население обладает своими специфическими интересами и может предъявить определенные права на территорию, которую традиционнно считает своей, оно является и носителем наиболее полного знания об этой территории, которое по объему сопоставимо с географическим и вообще научным знанием этой территории, а по его практической ценности обычно значительно превосходит последнее.

Такая высокая ценность краеведческого знания определяется тем, что человек начинает осваивать свой родной край с момента рождения, а, как известно, именно в первые годы жизни ребенок усваивает основную массу доступных ему знаний. Поэтому-то и целесообразно начинать освоение географического пространства именно со своей малой родины. Такой подход к освоению материала обозначим как *биографический принцип изучения географии*.

Однако обычно получается так, что именно малая родина наименее освоена человеком как географический объект. Если же попытаться соединить непосредственное знание родного края с географическими представлениями о нем, то можно достичь очень серьезных успехов в освоении географии как научной дисциплины

Именно на это нацелены занятия по природоведению в начальной школе. А когда Вы научитесь составлять топографический план своей местности, познакомились с ее картой, освоили ориентацию Вашего дома относительно сторон света и т. д., предстоит систематически освоить основы географии своего края.

Задания для самостоятельной работы

Составьте план своей комнаты (квартиры) в масштабе 1 : 100. Укажите на нем стороны света. Обратите внимание на то, что ориентация относительно частей света выходит за пределы обыденного сознания для человека атеистической культуры, но очень важна для последователя той или иной религии. Узнайте, как организуют в вашей местности пространство своего жилища представители разных вероисповеданий.

Соберите названия окружающих Вас географических объектов (рек, островов, холмов, районов, кварталов и т. д.), пополняйте список по мере изучения этого курса.

2. Три аспекта географического пространства

Основным предметом изучения в географии является географическое пространство. Географическое пространство — один из многих ныне существующих образов пространства (наряду с математическим, физическим, психологическим и т. д.).

Географическое пространство характеризуется тем, что свойства его участка (локуса) зависят от положения участка на поверхности Земли (позиционный принцип как база географии). Все закономерности, которые связаны с положением объекта на поверхности Земли, могут быть предметом географии.

Не вдаваясь в более детальное рассмотрение, можно выделить три типа географических пространств.

Пространство научной географии (географическое пространство в узком смысле) строится на строгих научных основаниях, оно объективно и имеет один и тот же смысл для разных географически образованных людей независимо от места их рождения, проживания и имеющегося опыта. Географическое пространство представляется как сплошное — т. е. оно заполняет всю рассматриваемую территорию.

Постижение такого пространства предполагает длительное погружение в профессионально организованное мышление, что доступно, вообще говоря, только для человека, имеющего необходимую для этого предварительную подготовку.

Пространство культурного сознания заполнено географическими объектами, факт существования которых очевиден носителям данной культуры. Таковы будут легендарные град Китеж или страна Шамбала, Швамбрания или страна Оз. Это пространство всегда фрагментарно, поскольку культура наполняет смыслом лишь только определенные фрагменты территории, а между ними находится нечто, нейтральное в культурном отношении.

Освоение такой географии предполагает обязательную включенность в соответствующую традицию, причем достаточно глубокую. Поэтому это пространство осваивается относительно долго, иногда на протяжении жизни многих поколений.

Существенно, что под культурой здесь понимается общность людей, обладающих общими представлениями о мире. В этом смысле можно говорить о русской культуре, культуре христианского мира, культуре читателей книг Кассиля или Волкова.

Наконец, можно говорить об индивидуальном *пространстве обыденной жизни* человека. Это будет то пространство, в котором человек осуществляет свои обыденные, повседневные действия — место, где находятся его дом, магазин, школа, автобусная остановка, почта и т. д. Человек отлично ориентируется в этом пространстве, хотя может не знать, как определить стороны света, на какой высоте над уровнем моря он живет, какие тут преобладающие направления ветра и т. д.

Обыденное пространство, как и пространство культуры, пятнисто, однако между отдельными его фрагментами существуют траектории движения, которые также освоены индивидом. Вместе с тем наряду с неосвоенной территорией появляются и неосвоенные связи между известными фрагментами.

Таким образом, пространство обыденной жизни явно не совпадает с пространством географическим. Это становится очевидным, когда нужно рассказать о том, как ориентироваться в этом пространстве другому человеку. При этом оказывается, что рассказать о том, как и в какой

магазин нужно пойти, очень легко маме (хотя она и может не знать географии) или бабушке (которая к тому же может и не уметь читать), но очень трудно приезжему географу. Тем самым оказывается, что ориентация в этом обыденном пространстве определяется объемом опыта совместной деятельности, а не знанием пространства как такового. Поэтому-то представления о пространстве обыденной жизни человека практически не могут передаваться другому человеку.

2а. Взаимодействия географических пространств

С перечисленными типами географического пространства в чистом виде приходится сталкиваться весьма редко. Обычно в сознании каждого человека (не географа! у географа то же самое представлено несколько иначе) эти три типа пространства как-то перемешаны.

Так, устройство пространства научной географии предполагает принятие таких элементов культурного пространства Новой Европы, как признание шарообразности Земли, принятой системы географических полюсов, выделения сторон света и т. д.

Пространство культурного сознания, в свою очередь, старается привязаться к пространству географическому: град Китеж находится на Руси, маршрут яхты «Дункан» иллюстрируется географическими картами, а место действия произведений А. Грина мы можем представить по используемым в них именам собственным (за что в свое время он подвергался гонениям советскими властями).

По характеру соотношения пространства научной географии и культурного сознания можно выделить несколько типов компонентов.

Во-первых, это могут быть заведомо придуманные объекты типа страны Оз или Швамбрании.

Во-вторых, это легендарные объекты с характеристиками, позволяющими их отнести к определенному классу объектов научной географии (например, «Остров Сокровищ» Стивенсона).

В-третьих, это легендарные объекты с правдоподобной легендой (например, множество деревьев — прежде всего дубов и сосен — посаженных Петром I на территории России). В этом случае в географическом пространстве имеется объект, существование которого не подлежит сомнению, а вот его свойства могут быть поставлены под вопрос.

В-четвертых, можно говорить о культурно значимых двойниках географических объектов, таких как Небесный Иерусалим или Святая Русь (в священном — сакральном — пространстве). Характер соотношения культурного и географического пространства в этом случае весьма сложен.

Можно выделить и другие типы подобного соотношения. Обыденное пространство еще более причудливо соотносится с географическим и культурным.

Так, в традиционной культуре человек обычно хорошо знает стороны света, поскольку они являются элементом сакрального пространства, в котором он осуществляет построение своей духовной жизни. Однако выделение сторон света или особых направлений (на Иерусалим, Мекку) может сильно отличаться от географических и сильно различаться от местности к местности.

С другой стороны, коренное население обычно знает направление дорог, причем последние часто даже именуются по городам, в которые они ведут (например, Шлиссельбургский тракт, Нарвское шоссе, Выборгское шоссе и т. д.). Таким образом, люди знают, как ориентированы относительно их места жительства большие, но подчас значительно удаленные населенные пункты. Относительное же расположение близлежащих мест может быть им неизвестно. Итак, зная, как расположены части своего дома относительно сторон света, Иерусалима или крупных городов, человек может не уметь соотнести расположение соседних улиц или деревень.

Поэтому можно сказать, что, ориентируясь в своем крае, человек все время так или иначе соотносит или не соотносит разные пространства, причем характер этого соотношения оказывается разным в зависимости от места и культурно-исторического времени.

Так, в сельской местности индивидуальное пространство теснее привязано к таким элементам географического, как части света, близлежащие моря, крупные озера, пустыни, устойчивые ветры, и т. д. Однако зачастую эти направления не собственно географического, а культурного (обычно сакрального) пространства, поэтому они значимы и для города, где имеют чисто символическое, а не практическое (как для сельского хозяйства) значение.

С другой стороны, для целей навигации значимо собственно географическое пространство и в индивидуальное сознание рыбака могут вписываться какие-то элементы собственно географического пространства (сезонное и суточное расположение светил, особенности рельефа, очертания возвышенностей и т. д.).

Обычно чем более культурно освоена местность, чем дольше в ней жили люди и чем глубже историческая память населения, тем более причудливо и сложно переплетаются три разных аспекта географического пространства.

Поскольку рассматриваемая нами территория является одним из центров формирования Древнерусского государства (Новгородская Русь) и на ней находятся несколько крупных культурных центров (Новгород, Псков, Вологда, Архангельск, Мурманск), включая и один из крупнейших городов мира Санкт-Петербург, то рассмотрение пространства во всех трех его аспектах будет крайне актуальным для нас.

2б. Структура пространственного сознания. Урочища

Коль скоро оказывается возможным говорить о разных типах пространства и способах их соединения, то возникает вопрос о том, в каком же из этих пространств живет конкретный человеческий индивид. Такая постановка вопроса требует разговора о пространственном сознании индивида или их общности.

В таком случае можно говорить о структуре пространственного сознания. Очевидно, что в разных его типах будут доминировать те или иные из рассмотренных типов пространств. Тогда можно говорить соответственно о научно-географическом, культурном (в том числе сакральном) и обыденном типе пространственного сознания.

Естественно, что профессиональным географам и академически образованным жителям крупных населенных пунктов свойственно географическое пространственное сознание, в которое тем не менее вплетаются элементы культурного и обыденного сознания.

Стабильность географического пространственного сознания поддерживается профессиональным сообществом географов. Его может поддерживать и отдельно взятый академически образованный человек, способный удерживать заданный культурный стандарт.

Большинство носителей обыденного географического сознания, как говорилось, удерживают его в определенном смысле не благодаря индивидуальным усилиям, а благодаря совместному практическому опыту. Эти структуры пространственного сознания свойственны большинству населения данной местности, и они постоянно используются в повседневной практической деятельности.

Это сознание может включать в себя и такие элементы, как огород тети Маши, участок купца Поцелуева, Бежин луг и т. д. Эти элементы его обыденного географического сознания могут стать элементами культурного пространства, причем разными путями. Так, участок мотивирует название Поцелуева моста, с которым связывается мощная ассоциативная область в поэтике Петербурга, Бежин луг входит в общенациональное культурное сознание благодаря рассказу Тургенева, а огород тети Маши превращается в один из уголков выпаса деревенского стада, имеющий особый топоним.

Крайне существенно то, что как географическое сознание, так и его носители являются компонентами каждого из географических пространств, население которых представлено этими носителями.

Обыденное географическое сознание местного населения с легкостью выделяет в освоенном им пространстве отдельные участки, отличающиеся от окружающих, — *урочища*. Это может быть роща среди луга, долина ручья, берег омута и т. д. Выделение подобных урочищ в природном ландшафте вполне традиционно.

Ныне же становится понятным, что и выделение отдельных местностей в городе есть тоже выделение урочищ, но городских. Такими урочищами является кремль в древнерусских городах, торговая или привокзальная площадь, московские Сокольники или Стрелка Васильевского острова в Санкт-Петербурге[1].

Будучи выделено в пространстве обыденном, урочище может быть различено и в сознании географа. Однако последние смогут не только увидеть урочище в окружающей местности, но и включить его в какие-то более крупные пространственные образования. Оно же — географическое сознание — сможет вычленить в урочище и какие-то специфические участки и обозначить их. Обыденное же сознание воспринимает урочище как отдельность, не подлежащую более дробному рассмотрению.

Последнее обстоятельство связано с тем, что урочище является единством природной неоднородности местности и ее культурного освоения. Культурное же пространство, как говорилось, характеризуется фрагментарностью, пятнистостью, что и понятно, поскольку каждый фрагмент культурного пространства должен быть обозначен конкретным названием.

Поэтому деление пространства на урочища обычно осуществляется не множеством разных способов, которые будут определяться позицией исследователя, а небольшим числом способов, зафиксированных в сознании местного населения.

Ясно также и то, почему при таком подходе уделяется большое внимание топонимам — в том числе микротопонимам — названиям отдельных камней, деревьев, перекрестков улиц, проходных дворов и т. д. (ср. Пять углов в Петербурге — один из подобных микротопонимов, получивших широкую известность).

Задания для самостоятельной работы

Выделите среди собранных Вами топонимов названия урочищ.

Итак, урочища выступают как соединения культурного и природного в обыденных географических представлениях. Именно поэтому урочища могут быть как предметом изучения в научной географии, так и быть значимыми для освоения культурного пространства. Именно поэтому урочища избраны основной единицей рассмотрения в курсе региональной географии, имеющей краеведческую ориентацию. Тем более что это актуально при изучении такой культурно насыщенной территории, как Северо-Запад России.

[1] ср. *Топоров В. Н.* Аптекарский остров как городское урочище (общий взгляд)// Ноосфера и художественное творчество. М.: Наука, 1991. С. 200–279.

2в. Малая родина и земля

Некоторая совокупность соседствующих урочищ образует то, что представители местного населения обозначают как родные места, свои места, родимая сторонка, наконец, *малая родина*.

Последнее обстоятельство делает такой крайне неясный объект, как урочище чрезвычайно важным для воспитания гражданских чувств. Со стороны же эта территория видна как особый уголок страны.

Это та территория, жители которой знакомы с ее основными урочищами и могут оперировать ими на уровне обыденного сознания в повседневной жизни (т. е. без специального инструктажа, проводника, обращения к справочникам и т. д.).

С географической точки зрения это в высшей степени неопределенное образование.

В сельской местности это территория диаметром в 1–2 десятка километров, ограниченная крупными лесными и болотными массивами, реками, дорогами.

В городе это может быть один или несколько кварталов, отделенных от других реками, транспортными магистралями — крупными автострадами, железными дорогами, наземными теплопроводами, линиями метро или пустырями, свалками и т. д., однако абсолютный размер их может быть существенно меньше (до долей километра).

Существенно то, что, будучи нечетким для географа, рассматриваемый тип пространственных образований хорошо различим для обыденного и культурного сознания, коль скоро речь идет об обыденном оперировании с урочищами.

Рассматриваемая пространственная структура может стать очень четко очерченной, если ее границам (чаще — каким-то ее частям) придается административный статус. Так, реки часто бывают границами государств, областей, районов, железные дороги — границами городских районов и т. д.

При этом следует иметь в виду, что правовая и экономическая ситуация, организация транспорта, снабжения и т. п. по разные стороны границы могут существенно резко различаться и что в ближайшее время эта тенденция будет только усиливаться.

Важно и то, что малая родина может быть общей для представителей разных этнических групп. При этом обычно разные этнические группы различают одни и те же урочища, но по-разному относятся к ним.

Так, как специфические, в высшей степени священно значимые урочища, выступают кладбища. Очевидно, что они хорошо различимы для представителей разных вероисповеданий. Очевидно, что до тех пор, пока представители одного этноса относятся к ним как к святыням,

просто как к тому, осквернение чего недопустимо, на одной и той же территории гармонически существуют представители разных этносов и культур.

Конфликты же начинаются тогда, когда представители одной из этнических групп начинают игнорировать урочища, выделяемые представителями другой группы. Чаще всего, такое отношение возникает со стороны пришлого населения, которое не желает считаться с существованием сложившихся на данной территории урочищ, начинает разрушать или осквернять их. Таковы и механизмы межнациональных конфликтов на территории бСССР, связанных с особыми правами местного населения.

Каждый уголок страны включается в какое-то более крупное пространственное образование.

Сознание географа может по-разному расчленять то или иное пространство, вычленяя физико-географические, экономико-географические, демографические, этнические или какие-либо иные *районы*.

Обыденному сознанию, вообще говоря, районирование не свойственно. Тем не менее, путешествуя, его носители какие-то области пространства, прилегающие к их месту жительства, определяют как «уже (еще) дума», а другие — как «не дума». При этом если кто-то из них или ближайших родственников жил или живет в другой местности, то такое расчленение может касаться нескольких местностей. Наблюдая за такими путевыми замещениями, и в обыденном сознании можно наметить зачатки выделения районов.

Достаточно определенно районы выделяются в пространстве культурного сознания. Они определяются его историей, характером трудовых навыков населения, его этнической консолидированностью (здесь можно вспомнить и о рассматриваемых Л. Н. Гумилевым явлениях этнической самоидентификации[1]). Так, местное население Северо-Запада России достаточно определенно самоопределяет себя как поморов, архангелогородцев, вологжан, новгородцев...

Единицами подобного членения пространства являются *земли* — Вологодская земля, Архангельская земля, Новгородская земля, Псковская земля и т. д.

В основе выделения земель лежит прежде всего исторический принцип, хотя фольклор и литература увязывают историю данной земли и склад характера ее жителей и с окружающей природой. Каждой земле свойственны и свои ремесла.

---

[1] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990.

Таким образом, о землях можно говорить как о комплексных районах с определенными природными условиями, населением, его трудовыми навыками и обычаями.

Конечно, определить границы земель не так просто. Отчасти это и будет сделано в дальнейшем изложении. Тем не менее для решения поставленных учебных задач это представление будет очень полезно.

Следует заметить, что представление о земле оказывается достаточно плодотворным для решения как исследовательских, так и практических задач. Так, земли лежат в основе формирования политической структуры ФРГ, при разработке конституции 1993 г. активно обсуждался вопрос о том, чтобы земля была основной единицей Российской Федерации (предложение не было принято).

Задания для самостоятельной работы

К какой земле Вы можете отнести место своего проживания? Что Вы знаете об истории этой земли?

В связи с поставленными задачами основными объектами изучения в этом курсе будут урочища и земли.

ИДЕОЛОГИЯ СОСЛОВИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИИ[1]

В настоящее время в России вновь идет, после более чем 70-летнего перерыва, формирование новых предпринимателей, консолидация их в новое сословие. Одним из аспектов такой консолидации является формирование специфической идеологии.

На протяжении конца XVII — начала XX в. в России существовал значительный слой деловых людей, которым было свойственно выраженное чувство собственного достоинства, базирующееся на единой сословной идеологии, включающей в себя определенные религиозные (часто старообрядческие), семейные, этические, бытовые и профессиональные представления, определенные уклады жизни, организацию досуга, манеру одежды и поведения, способы поддержания здоровья. Все это оказалось безвозвратно утерянным.

Ныне предприниматели нуждаются кроме капиталов и цивилизованных норм ведения дела в юридической защите их деятельности (включая личную безопасность их самих и членов их семей), способах преодоления стрессов, благоприятной среде общения для себя и своих близких. Необходима и помощь в преодолении профессиональных недомоганий и болезней. Главное же, чего сейчас не хватает, — общественного признания высокого призвания предпринимателей в обществе.

Одним из шагов в этом направлении является формирование политических партий, отражающих социально-политические интересы предпринимателей (например, Партия экономической независимости), другой необходимый шаг — формирование собственной идеологии и культуры сословия предпринимателей.

С этой целью и создана Фирма-семинар. В сферу ее деятельности входят разработки и консультации по управлению персоналом, медико-психологические консультации для предпринимателей, историко-культурные разыскания по быту предпринимательского сословия, способ-

---

[1] Написано в 1993 г. как анонс Философского семинара Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина. Текст редактировался другими участниками Семинара. Тематически и хронологически связан с текстом «Идеология сословия предпринимателей в России» (см. наст. изд. с. 254–256).

ствующие развитию искусства и литературы, вызывающих интерес у предпринимателей, и т. п.

Ныне уже действует рабочий творческий (поисковый) философский семинар. Семинар призван решать проблемы, аналогичные тем, которые решались Ф. Беконом и Р. Декартом на заре становления капитализма, У. Джемсом и Д. Дьюи на грани XIX–XX вв. и в то же время в России С. Булгаковым. В данном же случае речь идет о решении аналогичных задач в России в условиях посттоталитарного режима, в эпоху постмодернизма и экологического кризиса. Подобная работа может заинтересовать тех, кого волнуют последствия его предпринимательской деятельности, которые скажутся через несколько десятков лет, которых волнует то, что останется от них внукам и правнукам.

Очевидно, что способы решения подобной задачи неизвестны.

Тем не менее работа в указанном направлении ведется мастерами, ведется, как это принято в кругу мастеров, цеховым методом.

Тех, кто готовы принять участие в такой работе как ученик, а затем либо влиться в цех, либо основать свое дело, приглашают к работе в составе Философского семинара.

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ ДЛЯ ПЕРВОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА «ВОНАБЕЧ»[1]

Глубокоуважаемые читатели!

Ныне Вам предлагается новый журнал — журнал Семинара Гуманитарного фонда им А. С. Пушкина.

Тематика Журнала определяется интересами участников этого Семинара, которые находят интересным обсуждать волнующие их проблемы с участием С. В. Чебанова.

Кроме такого — экстенсионального — определения направленности Журнала, можно дать и ее интенсиональное определение — это в первую очередь исследование соотношения априорного и апостериорного. Это положение требует специального пояснения.

История европейской мысли представляет собой в большой мере колебание маятника между ориентацией на апостериорное, опытное, позитивное, эмпирическое, индуктивное, а поэтому с неизбежностью ассерторическое постижение мира, и признанием только априорного, умозрительного, рационального, дедуктивного, а следовательно, и аподиктического знания.

Подобное противопоставление двух путей освоения мира во многом определило и судьбу философии, ее «общественную репутацию». Философия, претендуя на место науки наук, обретала, с одной стороны очень высокий социальный статус, а с другой — как бы получала, правда опосредованно, свой эмпирический базис, приближалась к тому, чтобы стать наукой в новоевропейском смысле. Но для того, чтобы достойно выполнять свое предназначение, она должна была вносить свой вклад — дополнять научное знание чем-то, чего оно лишено.

Первым таким вкладом является изучение самого знания, создание нормативов его строения. Ныне эта сфера деятельности эмансипировалась от философии как науковедение, которое обрело собственную конструкцию и осознало свой особый эмпирический объект исследования — само знание.

---

[1] Написано летом 1993 г. для планировавшегося Гуманитарным фондом им. А. С. Пушкина издания, которое не осуществлено из-за финансовых проблем.

Науковедение открывает ряд других подобных дисциплин — таких, как теория информации, теория систем, кибернетика. К этому же ряду относится и хорошо и давно известная логика. Все эти дисциплины можно назвать метанауками.

Ныне некоторые метанауки оформились как ясно очерченные сферы деятельности, имеющие четкие организационные формы. Но, по сути, в этой же сфере лежат и области, явно «выпирающие» за пределы таких метанаук, например выявление глубоких изоморфизмов между разными дисциплинами. И хотя метанаучная проблематика в целом также не чужда участникам Семинара, такие изоморфизмы представляют собой то, что уже серьезно объединяет Семинар как принципиально мультидисциплинарное образование.

Второй вклад философии на первый взгляд перечеркивает первый — философия претендует на то, чтобы поставлять априорные конструкции. В этом отношении традиционно она представляет вторую струю европейской мысли. Идя таким путем, часто можно получить весьма ценные выводы о предметах, позитивным знанием о которых мы не располагаем.

Однако в этом таится и серьезная опасность — порой априорные конструкции могут вступать в противоречие с эмпирическим опытом. Как быть тогда?

Классический рационалист скажет в этом случае: «Если факты противоречат действительности, то тем хуже для фактов». Ныне же мало кто может иметь такое мужество, и он приходит в смятение, когда мысль и факты становятся непримиримы. Но часто оказывается, что мысль должна признать свое поражение. Почему? По крайней мере иногда потому, что она вышла за рамки дозволенного, априорные конструкции стали занимать места эмпирических фактов, а не оформлять места для них. Именно такие «проколы» философов и приводят к дискредитации философии в глазах общественности.

Поэтому-то философии и надлежит ограничить себя сферой априорного. Именно таким путем и шло формирование классической западноевропейской философии. При этом философия выступает как чисто констатирующая дисциплина, констатирующая в том числе и в сфере аксиологии. Это очень специфический и рафинированный способ мыслительной деятельности, по-видимому, не переносимый за пределы европейской традиции. Неприемлем он и для русского менталитета. Не случайно поэтому философия не прижилась на нашей почве — Россия требует не философии, а любомудрия, ей нужно не знание, а ценности, она хочет не упорядоченного ума, а руководства к действию.

Такие желания получают ныне неожиданное разрешение.

Дело в том, что ныне мы располагаем убедительными данными, свидетельствующими о том, что область априорного не является чем-то раз и навсегда заданным, что она, в свою очередь, меняется со временем.

Это позволяет ставить вопрос о том, что же детерминирует сферу априорного. Исследования смены менталитета и парадигм отчасти отвечают на этот вопрос. Работы по типологии личности показывают, что способ организации априорной сферы может различаться у представителей разных психологических типов. Можно говорить о воспитании априорных образований как особой педагогической задаче. Но все это сфера интересов отдельных конкретных дисциплин.

Таким образом, оказывается, что частные дисциплины могут отвечать на вопрос, почему какая-то философия является такой, а не иной, что именно детерминирует те или иные черты конкретного способа философствования. Очевидно, что при этом происходит явное размывание границ философии. Еще более это усиливается тем, что подобная установка легитимизирует нерациональные типы априорности. Но как квалифицировать продукты ее деятельности? Как философию? Нет уж, это скорее близкое нам любомудрие...

Итак, границы философии размыты. Более того, оказывается, что философия потеряла монополию на поставку априорных конструкций. Но и этого мало — иные области, а именно частные дисциплины и нерациональные аналоги философии, поставляют куда более разнообразные априорные конструкции. Именно эти области извергают материал, ставящий в тупик философов, бросают им вызов и заставляют их прокладывать новые дороги. Одна из них приводит, к примеру, к комплексности, призванной сопрягать разнородные образования. Очевидно при этом, что в результате такого сопряжения философия как самостоятельная область перестает существовать.

Именно поэтому к обсуждению предлагаются преимущественно конкретные и даже частные разработки, которые, однако, влекут общезначимые выводы.

В Журнале будут публиковаться оригинальные статьи, подготовленные по материалам, доложенным на семинаре, а также информационные и критические материалы. Будут осуществляться и публикации малодоступных классических текстов, представляющих интерес для Семинара (см. Информационное письмо).

Одной из самостоятельных целей издания является представление всех существующих форм подачи материала — привычных академических текстов с их линейной записью, таблиц, рисунков, схем, эмблем и т. д. Все это будут полноправные компоненты текста. Некоторые из них так серьезны, что будут пародировать самих себя, другие — настолько

пародийны, что эта пародия будет серьезнее серьезного. Такое стилистическое разнообразие — одно из средств, призванных осуществить сопряжение тех разнородных компонентов пространства менталитета, которое свойственно ныне бСССР как проблемному региону.

СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ[1]

Система государственных университетов ныне обанкротилась как в финансовом, так и в моральном отношении. В частности, существующая практика подготовки специалистов по какой-то проблематике порождает непреодолимые проблемы их трудоустройства или переподготовки.

Вместе с тем в годы застоя de facto в андеграунде сложилась система альтернативного образования, которая ныне легализируется.

Отличительной чертой как этих образовательных структур, так и лиц, получающих в них образование, является ориентация на общие, междисциплинарные проблемы, готовности к решению которых не дают государственные учебные заведения. Накопился и опыт осуществления образовательных программ в этой области.

Реализация подобных образовательных программ решает следующие вопросы:

— дает подлинное образование, ориентированное не на подготовку к профессиональной производственной деятельности, а на реализацию образования как ценности самодостаточной личности;

— позволяет использовать образование для решения экзистенциальных (связанных со здоровьем, отношениями с близкими, социальной неадаптированностью) проблем личности;

— подготавливает кадры, которые в случае необходимости могут быть использованы для решения междисциплинарных проблем;

— обеспечивает высокий образовательный уровень для женщин, не предполагающих заниматься в дальнейшем профессиональной специализированной деятельностью, но вынужденных активно участвовать в социальной жизни (жены и близкие государственных и политических деятелей, работники благотворительных фондов, организаторы салонов и т. д.);

— обеспечивает высокий неспецифический уровень образования в областях, значимых для современной жизни (правила безопасности,

---

[1] Проект создания частного университета, который обсуждается с 1993 г. — сначала с руководителем Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина, сейчас — акционерного общества «VLANI».

вживание в рыночную экономику, владение иностранными языками, этикетом мирового стандарта, владение методологическим мышлением и т. п.).

Получение подобного образования предполагает немногочисленность потенциального (а тем более актуального) контингента учащихся. Это позволяет восстановить цеховой метод обучения, при котором каждый студент учится у конкретных мастеров, участвуя в их профессиональной деятельности. Пройдя через осуществление критического числа совместных работ, студент получает навык решения проблем данного типа, что дает ему возможность по мере получения образования самостоятельно осуществлять все более широкий круг деятельности.

Критерием образованности является самостоятельное (что не исключает наличия консультантов и помощников) выполнение какого-либо дела (проведение исследований, осуществление учебной программы, формирование концепции деятельности в какой-либо области, написание фундаментального сочинения, осуществление крупного организационного мероприятия и т. д.).

В Университет принимаются все желающие. Осознающие свою несостоятельность студенты по их заявлению отчисляются. Все учащиеся работают по индивидуальным планам. После международной сертификации Университета выпускники получат документ об образовании установленного образца.

Наиболее характерные области подготовки в университете:

— комплексные проекты осуществления смысловых и организационных преобразований;
— междисциплинарные исследования;
— взаимодействие гуманитарного и естественнонаучного знания;
— методология;
— комплексные экологические разработки;
— политология и государственное управление;
— педагогика;
— социальное здоровье;
— взаимодействие культур и его последствия.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА[1]

ПРОГРАММА ЛЕКЦИЙ

Общие замечания

Курс ориентирован на рассмотрение общекультурологических аспектов деятельности профессионалов разных специальностей в контексте общественной ситуации в России с середины 70-х гг. XX в., анализируемых в аспекте общих особенностей русской культуры. Он состоит из нескольких относительно независимых частей, которые выделены особыми названиями и могут быть прочитаны независимо друг от друга.

Введение

(2–4 ч)

Естественные и гуманитарные дисциплины: проблема их взаимодействия. Две культуры или два аспекта одной культуры. Парадигма и менталитет. Общекультурные аспекты профессиональной деятельности. Византийские традиции русской науки. Наука и идеология. Петербургская академия наук как первое в мире специализированное научное учреждение и русская культура XVIII в. Наука как продукт национального творчества[2]. Руководящее значение марксизма-ленинизма в научном исследовании как продолжение византийской традиции русской науки. Судьба биологии, языкознания, кибернетики в 40—50 гг. XX в. Византийские традиции в современной России: культура и возрождение духовности.

Развитие методологии науки

(4–8 ч)

Официальная и альтернативная методология науки. Трактовка официальной методологии науки как части марксистско-ленинской фило-

---

[1] Представлено в 1992 г. для Летней школы по русистике Йельского университета. Опубликовано: Кентавр. 1997. Вып. 17. С. 58–59.

[2] Введение к монографии: *Еленкин А. А.* Флора мхов Средней России. Юрьев, 1909.

софии. Препятствия для развития науки. Диалектический метод в науке: учение В. И. Вернадского о биосфере и объяснение В. М. Кедровым парадокса электрохимии. Стихийная критика марксистской методологии и формирование альтернативных методологий науки. Критика немарксистских концепций науки как средство их популяризации в СССР эпохи застоя. Воспроизведение структуры мировой философии и методологии в условиях СССР периода застоя. Два направления развития: повторение западного пути (с опозданием) и развитие автохтонных концепций. Становление методологии науки как самостоятельной дисциплины внутри науки и выделение ее из ведения марксистско-ленинской философии в середине 80-х гг. Значение этого становления для разрушения имперской идеологии.

Наука и ее статус. Значение критерия научности в общественном сознании советского общества. Сакрализация научности, научность идеологии. Научность естественных дисциплин и ненаучность общественных. Специфика антисциентизма в этих условиях. Распространение иррационализма. Создание условий для возрождения государственного христианства. Актуализация византийских традиций. Возрождение славянофильства.

Большие и малые науки (С. В. Мейен). Парадигма как механизм развития больших наук. Внепарадигматическое развитие малых наук. Их особенности. Роль самобытности личности в научном сообществе малых наук. Анализ наблюдений за развитием некоторых таких сообществ на территории СССР (теоретическая биология, теория классификации, математическая и структурная лингвистика, палеонтология докембрия, методология науки).

Проблема взаимодействия официальной и альтернативной методологии науки после распада СССР.

Альтернативные междисциплинарные исследования в Ленинграде (вторая половина 70-х—80-е гг.)

(10–15 ч)

Исследовательские семинары как форма организации альтернативной науки в СССР. Их становление. Чинари (Ленинград, 30–50-е гг.; Введенский, Друскин, Хармс и др.), Московский логический кружок (50–90-е гг.: Давыдов, Зиновьев, Лефевр, Мамардашвили, Щедровицкий).

Семинар по теоретической биологии. Его становление. 1972—79 гг.

Семинар по комплексному изучению человека (НИИ общего образования взрослых АПН СССР — ныне Институт непрерывного образования, АПН РФ. 1977–1979 гг.). Формирование программ междисциплинарных исследований.

Семинар по комплексности философского факультета ЛГУ. Выделение семинара по системной формализации (Ленинградский финансово-экономический институт). Возникновение семинара по эмпатии.

Формирование семинара по деятельности (Ленинградский Дворец молодежи). Праздники города и праздники культуры. Московский семинар по изучению развития (Институт гигиены детей и подростков).

Складывание системы семинаров. Принципы организации их деятельности. Направления работы и основные результаты. Публикации. Выделение семинара по семиодинамике (ЛГУ).

Изменение характера деятельности семинаров в послебрежневское время. Возникновение семинара по социальной фантоматике. Система семинаров как альтернативное учебное заведение и научный центр. Общественный резонанс деятельности семинаров.

Система семинаров в постперестроечное время. Проблемы витацентризма на семинаре по теоретической биологии. Возрождение семинара по семиодинамике. Центр «Логос» при Санкт-Петербургском союзе ученых. Участие в становлении системы альтернативного образования. Публикации трудов прежних лет.

Культурно-социальные аспекты научных движений
(6–10 ч)

Научные движения 70–80-х гг. как форма альтернативной научной жизни в СССР: неформальные инициативы в заформализованных структурах. Роль молодых исследователей в их формировании.

Семинар по теоретической биологии биологического факультета ЛГУ и теоретико-биологическое движение в Эстонии первой половины 70-х гг. Группа теоретической биологии «β»: Первая и Вторая школы по теоретической биологии (1975, 1976 гг.).

Становление Всесоюзной школы по теоретической биологии как центра кристаллизации теоретико-биологической деятельности в СССР. Эстонские Весенние школы по теоретической биологии. Создание всесоюзных органов координации теоретико-биологического движения. Основные направления теоретико-биологических разработок.

Общекультурные аспекты теоретико-биологического движения. Теоретико-биологическое движение как форма социальной консолидации. Создание альтернативных союзных структур. Осуществление профессиональной подготовки по незарегистрированной специальности. Деятельность по социальной поддержке специалистов. Психологическая служба теоретико-биологического движения. Решение задач по трудоустройству биологов-теоретиков. Развитие форм коллективной исследовательской деятельности в недрах теоретико-биологической деятельности. Ее значение для переоценки официальной философии и методологии науки.

Рефлексия культурологических аспектов биологии. Развитие биосемиотики и истории биологии. Установление контактов с мировой наукой.

Классификационное движение. А. А. Любищев как центр альтернативной науки 20–70-х гг. Его роль в преемственности неформальных научных движений 30-х и 70-х гг. Работы А. А. Любищева, С. В. Мейена и Ю. А. Шрейдера как центр кристаллизации классиологического движения.

Первая Всесоюзная школа-семинар по теории и методологии классификации (1979 г.) и начало оформления классификационного движения. Его значение для интеграции междисциплинарных исследований. Выявление общекультурных аспектов классификационной проблематики. Осознание классификации как феномена культуры. Связь с этнометодологией и этнолингвистикой. Возникновение альтернативных организационных структур. Формирование способов обнародования результатов исследований предшествующих десятилетий.

Включение классификационного движения в официальные структуры советской науки. Проблемы и результаты. Междисциплинарный семинар по теории и методологии классификаций Московского общества испытателей природы. Попытка создания Всесоюзного классиологического общества. Классификационные исследования в Новосибирске (Университет, Вычислительный центр СО АН СССР). Интегрирование классификационного движения в систему междисциплинарных методологических разработок. Участие активистов классификационного движения в формировании структур альтернативной науки в перестроечное и постперестроечное время.

Становление новой парадигмы представлений о языке: вклад русской традиции

(5–10 ч)

Герменевтика, филология, лингвистика, семиология как парадигмы. Складывание новой парадигмы в последние десятилетия. Прикладная лингвистика как деятельный коррелят новой парадигмы. Развитие прагматики. Формирование прагмалингвистики (по И. П. Сусову) как парадигмы языкознания.

Возрождение идей герменевтики в прагмалингвистике. Герменевтизация прикладной лингвистики. Прагмалингвистика как путь к возрождению герменевтики.

Русская культура и становление прагмалингвистики: внешняя лингвистика. Традиции герменевтики в русском богословии XIX и начала XX в. Учение о логосе во времена Серебряного века. Значение идей Серебряного века для современного становления герменевтики. Лингвистическая поэтика как связывающее звено Серебряного века и прагмалингвистики. Роль Р. Якобсона.

Становление структур современной герменевтики. Hermeneutica Sacra. Филологическая герменевтика Дильтея—Шлеермахера. Герменевтика обыденной речи. Герменевтика специализированного текста (герменевтика non-fiction). Герменевтика non-fiction и герменевтика специализированных форм деятельности. Их отношение к философской герменевтике Хайдеггера—Гадамера.

Герменевтика биологии. Герменевтика живого существа, биолога, биологического исследования и биологического текста.

Биогерменевтика как интерпретация живым существом самого себя или другого живого существа (герменевтика генетических, гормональных, экологических текстов). Биогерменевтика и Книга Природы: новые аспекты Hermeneutica Sacra.

Социальные аспекты представлений о живом

(10–20 ч)

Введение

Биологические представления и их влияние на социальную философию. Базовые различения: неживое, живое, психическое, мистическое. Основанные на них картины мира. Картина мира как мировоззренческая редукция. Редукционизм. Типы редукционизма. Субстратный и методологический редукционизм. Антиредукционизм как форма редукционизма. Понятие адекватности. Редукционизм и редуктивность. Социальные корреляты редукционизма. Биоцентризм. Гилозоизм как биоцентрическая картина мира в европейской традиции. Теневое положение гилозоизма. Аристотель и Парацельс. Виталисты. Холизм. Формы холизма: механизм, система, организм, комплекс, единство. Органицизм. Социал-дарвинизм.

Абиологичность немецкой классической философии и антибиологичность марксизма. Противостояние романтиков, философии жизни, экзистенциализма. Экологизм как социально-философское движение. Опасность «зеленого» фашизма. «Зеленое» язычество.

Биоцентризм и витацентризм: социальные проекции.

Биоцентризм

(5 ч)

Истоки биоцентризма. Гилозоизм и витализм. Органицизм. Типология. Биологическая систематика и морфология как заповедники биоцентризма.

Биоцентризм как мировоззрение, отображающее специфику живого. Биоцентризм и биоцентрическая биология. Выход за пределы адек-

ватности: его необходимость, неизбежность, некорректность. Социальная бионика.

Внутренние разрешающие структуры. Биоморфность. Редуктивные, системно-редуктивные и органические представления. Комплексность как методология биоцентризма: от системной редуктивности к органичности. Теоретическое пространство. Фокальные точки. Многообразие способностей человека. Разумное и живое существа. Сопряжение разнородностей. Экспертиза. Биолог как эксперт.

Рефлексивная логика. Рефлексивный (биологический) эксперимент. Биологический эксперимент как социальное действие: диалог коллектива теоретиков с сообществом эмпириков.

Многообразие живых организмов как ценность. Типологический подход и его социальная актуальность. Таксономия и морфология (мерономия) как составляющие типологии. Арифмологическая концепция числа и гомология. Повторяющиеся полиморфические множества — рефрены. Тип и вариант. Релятивность типологии. Семантический инвариант. Автомодельные симметрии.

Живое существо. Его семантика. Живое существо как кентавр-объект. Тело живого существа как семантофор. Современная биология как физика семантофора. Биосемиотика. От биосемиотики к биогерменевтике.

Энлог как квазиперсональное взаимодействие живого и разумного существ. Энлогия. Продукт как энлогия. Продукт как базовая категория биоцентризма и социальной философии.

Умвельт как базовая энлогия. Типологические особенности умвельта. Культура как средство редукции умвельта. Умвельт и ойкумена. Интенсиональные редукции умвельта: традиционные общества, феодализм. Экстенсиональные редукции умвельта: капитализм, массовые общества. Умвельт биоценоза, биосферы.

Конфигураторы картин описания.

Энлогическая процессуальность как интенсиональное время. Концепция развития как эпигенетического перекреста преформированных семафилезов.

Самоорганизующийся семинар-диалог как форма реализации биоморфного, коллективного, разумного существа. Антропоморфные компоненты биологических представлений. Герменевтика биологии. Социальные аспекты биологии.

Биологические тексты как органоны. Герменевтика биологического текста. Социолингвистика.

Четыре биологии. Материальная биология как физика семантофора. Когнитивные средства биологии. Формальная биология. Типология.

Биоэстетика. Действующая биология. Биотехнология в таксоноспецифическом умвельте. Биоэтика. Взаимопомощь. Целевая биология. Ценность жизни. Биософия. Биополитика. Биоцентрическая картина мира. Ее ограничения. Абсолютизация ценности жизни живых существ (микроорганизмов, растений, животных).

Витацентризм

(5 часов)

Проблема ценности жизни: от биоцентризма к витацентризму. Жизнь как всепроникающий феномен. Интенция жизни.

Жизнь и организм.

Организм как генератор регулярностей. Жизнь как нарушение регулярности, проявляющейся в организме. Жизнь как хроническое чудо. Аполлоническое и дионисийское начала жизни.

Типы организмов и типы проявления жизни. Физико-химическая, биологическая, психическая, мистическая, культурная, социальная и т. д. жизнь. Витацентризм как вскрытие единства жизни.

Жизнь и смерть. Смерть и трупообразование. Смерть и некротизация. Автоматизм как вид некротизма. Самособойность.

Витальность жизни и некротизм организма. Функционирование организма. Взаимодействие жизни и функционирования. Источник жизни. Св. Григорий Палама о Фаворском свете.

Организм и его свойства. Целостность.

Антиномичность организма. Противоположно направленные тенденции. Доминирующие тенденции. Тенденции как особый вид регулярности. Место тенденций в типологии регулярностей. Имманентные и трансцендентные регулярности. Связки регулярностей.

Централизованные и распределенные средства управления в организме. Их взаимодействие. Полицентрическое управление.

Оформленность организма. Организм и орган как целое и часть. Фрактальность организма. Форма и стерезис. Энлогия.

Типы организмов по наполненности жизнью: физико-химические, биологические, психические, мистические.

Взаимодействие организмов. Бозе- и Ферми-образования. Единичные организмы, малые ансамбли, массовые образования.

Жизнь человека в теле Homo sapiens. Первичные, вторичные, третичные проявления жизни. Жизнь человека как единство физической, биологической, психической и мистической жизни. Культурная жизнь как психобиологическая жизнь в малых ансамблях. Социальные процессы как психобиологическая жизнь в массовых образованиях. Формирование вторичной физической жизни. Социальные организмы и их

особенности. Некротизация социальных организмов. Коллективное бессознательное как гетерогенный организм.

Ценность жизни. Соотнесение ценности жизни разных разрядов. Благоговение перед жизнью. Биоцентризм как некротизирующий редукционизм. Витацентризм против биоцентризма. Спасение как жизнь. Витацентризм и теоцентризм: смерть как атрибут и извращение жизни.

Примечание

В зависимости от подготовленности слушателей, знания ими реалий советской жизни и наличия у них интереса к конкретным перипетиям рассматриваемых ситуаций, продолжительность курсов может варьироваться в указанных пределах.

Кроме того, следует иметь в виду, что в ходе деятельности, которая рассматривается в предлагаемых лекциях, был порожден самостоятельный язык, который может быть использован при чтении лекций в зависимости от желания слушателей и их готовности вникать в специфику терминологии.

Помимо этих специально подготовленных лекций для Летней школы автор готов читать оригинальные курсы:

«Теоретическая биология» (40 часов).

«Теория классификации» (32 часа).

«Логика лингвистической типологии (таксономо-мерономический анализ лингвистической типологии)» (36 часов).

«Наука как форма постижения» (16 часов).

«Философия костюма» (30 часов).

Соответствующие программы курсов могут быть представлены по требованию.

Кроме того, может быть представлена отдельная программа по проблеме альтернативного образования в СНГ, базирующаяся на представлении о том, что развитие образовательных программ лимитируется не процессом получения образования, а проблемами реализации полученного образования в условиях СНГ. Интегрирование же специалистов из СНГ в мировое разделение труда осложняется различием уровня образовательных и производственных технологий. Помимо рассмотрения общей ситуации такой цикл лекций (до 20 часов) может включать анализ собственной работы лектора в составе коллектива педагогов.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ[1]

ПРОГРАММА СПЕЦКУРСА

Введение

Биологические представления и их влияние на социальную философию.

Базовые различения: неживое, живое, психическое, мистическое. Основанные на них картины мира. Картина мира как мировоззренческая редукция.

Редукционизм. Типы редукционизма. Субстратный и методологический редукционизм. Антиредукционизм как форма редукционизма.

Понятие адекватности. Внутренние и внешние разрешающие структуры. Сохранение особенностей.

Редукционизм и редуктивность. Социальные корреляты редукционизма.

Редуктивные, системно-редуктивные и органические представления.

Единичные образования, малые ансамбли, массовые структуры.

Социальное как реализация психобиологического в массовых структурах и малых ансамблях.

Биоцентризм. Гилозоизм как биоцентристская картина мира в европейской традиции. Теневое положение гилозоизма. Аристотель и Парацельс. Виталисты. Холизм. Формы холизма: механизмизм, системность, организмизм, комплексность. Социал-дарвинизм.

Абиологичность немецкой классической философии и антибиологичность марксизма. Противостояние романтиков, философии жизни, экзистенциализма. Экологизм как социально-идеологическое движение. Опасность «зеленого» фашизма. «Зеленое» язычество.

---

[1] Программа спецкурса на кафедре социальной философии философского факультета СПбГУ. Курс читался в 1993 г. Программа неоднократно публиковалась (с незначительными изменениями), например: Биологические условия социального бытия. Программы для студентов философского факультета/Ред. К. С. Пирогов. СПб.: 1992. С. 69–74; Биологические предпосылки социального бытия. Программы по специализации «Социальная философия» для студентов философского факультета. СПб.: СПбГУ, 1995 (нов. изд., с изменен.). С. 109–114.

Биоцентризм и витацентризм; их социальные проекции.

Биоцентризм.

Истоки биоцентризма. Гилозоизм и витализм. Органицизм.

Типология. Систематика и морфология в биологии как заповедники биоцентризма.

Биоцентризм как мировоззрение, отображающее специфику биологической жизни. Биоцентризм и биоцентристская биология.

Выход за пределы адекватности: его необходимость, неизбежность, некорректность. Социальные последствия. Социальная бионика.

Внутренние разрешающие структуры. Биоморфность.

Комплексность как методология биоцентризма: от системной редуктивности к органичности. Теоретическое пространство.

Фокальные точки. Многообразие способностей человека. Разумное и живое существо. Сопряжение разнородностей. Экспертиза. Биолог как эксперт.

Рефлексивная логика. Рефлексивный (биологический) эксперимент. Биологический эксперимент как социальное действие: диалог коллектива теоретиков с сообществом эмпириков.

Многообразие живых организмов как ценность. Типологический подход и его социальная актуальность. Таксономия и мерономия (морфология) как составляющие типологии. Арифмологическая концепция числа и гомология. Повторяющиеся полиморфические множества — рефрены. Тип и вариант. Релятивность типологии.

Семантический инвариант. Автомодельные симметрии.

Автомодельность социальной организации.

Живое существо. Его семантика. Живое существо как кентавр-объект. Тело живого существа как семанофор. Современная биология как физика семантофора. Биосемиотика. От биосемиотики к биогерменевтике.

Энлог как квазиперсональное взаимодействие живого и разумного существ. Энлогия. Продукт как энлогия. Продукт как базовая категория биоцентризма и социальной философии.

Умвельт как базовая энлогия. Типологические особенности умвельта. Культура как средство редукции умвельта. Жизненный мир. Умвельт и ойкумена. Интенсиональные редукции умвельта: традиционные общества, феодализм. Экстенсиональные редукции умвельта: капитализм, массовое общество. Умвельт биоценоза, биосферы.

Конфигураторы картин описания.

Энлогическая процессуальность как интенсиональное время.

Концепция развития как эпигенетического перекреста преформированных семафилезов.

Самоорганизующийся семинар-диалог как форма реализации биоморфного коллективного разумного существа. Антропоморфные компоненты биологических представлений. Герменевтика биологии.

Социальные аспекты биологии как аспект ее герменевтики.

Биологические тексты как органоны. Герменевтика биологических текстов: социолингвистические аспекты.

Четыре биологии. Материальная биология как физика семантофора. Когнитивные средства биологии. Формальная биология. Типология. Биоэстетика. Действующая биология. Биотехнология в таксоноспецифическом умвельте. Биоэтика. Взаимопомощь. Целевая биология. Ценность жизни. Биософия. Биополитика. Биоцентристская картина мира. Ее ограничения. Абсолютизация ценности жизни организмов биосферы (микроорганизмов, растений, животных).

Витацентризм.

Проблема ценности жизни: от биоцентризма к витацентризму. Жизнь как всепроникающий феномен. Интенция жизни. Жизнь и организм.

Организм как генератор регулярностей. Жизнь как нарушение регулярности, проявляющееся в организме. Жизнь как хроническое чудо. Аполлоническое и дионисийское начало жизни.

Типы организмов и типы проявления жизни. Физико-химическая, биологическая, психическая, мистическая, культурная, социальная и т. д. жизнь. Витацентризм как вскрытие единства жизни.

Жизнь и смерть. Смерть и трупообразование. Смерть и некротизация. Автоматизм как вид некротизма. Самособойность.

Витальность жизни и некротизм организма. Функционирование организма. Взаимодействие жизни и функционирования. Источник жизни. Св. Григорий Палама о Фаворском свете.

Организм и его свойства.

Целостность.

Антиномичность организма.

Тенденции. Тенденции как особый вид регулярности. Место тенденций в типологии регулярностей. Противоположно направленные тенденции. Доминирующие тенденции. Имманентные и трансцендентные регулярности. Связки регулярностей.

Централизованные и распределенные средства регуляции в организме, их взаимодействие. Полицентрическая регуляция.

Оформленность организма. Организм и орган как целое и часть.

Фрактальность организма. Автомодельные симметрии.

Форма и стерезис. Энлогия.

Типы организмов по наполненности жизнью: физико-химические, биологические, психические, мистические и т. д.

Взаимодействия организмов. Бозе- и Ферми-образования. Критерии различия малых ансамблей и массовых структур.

Жизнь человека в теле *Homo sapiens*. Первичные, вторичные, третичные проявления жизни. Жизнь человека как единство физической, биологической, психической и мистической жизни.

Культурная жизнь как психобиологическая жизнь в малых ансамблях. Социальные процессы как психобиологическая жизнь в массовых образованиях. Формирование вторичной физической жизни.

Социальные процессы как вторично-физические. Социальные организмы и их особенности. Некротизация социальных организмов. Коллективное бессознательное как гетерогенный организм.

Ценность жизни. Согласование ценности жизни разных разрядов. Благоговение перед жизнью.

Биоцентризм как некротизирующий редукционизм.

Витацентризм против биоцентризма. Спасение как жизнь. Витацентризм и теоцентризм: смерть как атрибут и извращение жизни.

Литература

Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1975–1981; О частях животных. М., 1937.

Бубер М. Я и Ты//Квинтэссенция. Философский альманах. 1991. М., 1992.

Дворкин И. С. Рефлексивно-логический подход к учению о классификациях//Теория и методология биологических классификаций. М., 1983.

Дриш Г. Витализм. Его история и система. М., 1915.

Каганский В, Лютикова Г. Биология — жизнь — культура//Знание — сила. 1992. № 12.

Карпов В. Л. Витализм и задачи научной биологии в вопросе о жизни// Вопросы философии и психологии. 1909. № 98 (II), 99 (IV).

Киприан архимандр. Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1950.

Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб., 1907.

Любищев А. А. Редукционизм и развитие морфологии и систематики// *Любищев А. А.* Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М., 1982.

Мейен С. В. Проблемы редукционизма в биологии//Диалектика развития в природе и научном познании. М., 1978.

Мейен С. В., Соколов Б. С., Шрейдер Ю. А. Классическая и неклассическая биология. Феномен Любищева//Вестник АН СССР. 1977. № 10.

Мейен С. В., Шрейдер Ю. А. Методологические аспекты теории классификации//Вопросы философии. 1976. № 12.

Светлов Э. Истоки религии. Брюссель, 1981; Магизм и единобожие. Брюссель, 1987.

Спафарий М. Арифмология//*Спафарий М.* Эстетические трактаты. Л., 1978.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1965 или 1987.
Франциск Ассизский. Цветочки. М., 1913.
Хакен К. Синергетика. М., 1980.
Чебанов С. В. Представление о форме в естествознании и основания общей морфологии//Schola Biotheoretica 10, Tartu, 1984; Комплексность в биостратиграфии//Системный подход в геологии. Ч. 1. М., 1988.
Честертон Г. К. Вечный человек. М., 1991.
Швейцер А. Культура и этика. М., 1993.
Щедровицкий Г. П. К построению теории сложного популятивного объекта//Системные исследования-75. М., 1975.
Этика отношений с окружающей средой. М., 1990.
Chebanov S. V. Theoretical BIology in Biocentrism//Lectures in Theoretical Biology. Tallinn, 1988; The Ordinary Miracle of Life in Perishable Organism //Baer and Modern Biology. Tartu, 1992; Biology and Human Culture: Problem of Interpretation in Biohermeneutics and Hermeneutics of Biology //Lectures in Theoretical Biology. 2nd Stage. Tallinn, 1993.
Meyen S. V. Nomothetical Plant Morphology and the Nomothetical Theory of Evolution: the Need for Crosspolination//Acta Biotheoretica. 1978. V. 27, N 7.
Vlavianos-Arvanitis A. Biopolitics — the Bios Theory. Athens: 1991.
Uexkull von, J. Umwelt und Innenwelt die Tiere. Berlin: 1909.

СЕМИНАР О НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ СВОБОДНОЙ НАУКИ[1]

(негосударственная наука
как форма легализации свободной науки)

В. Л. Каганский, С. В. Чебанов

Институт национальной модели экономики (президент — В. А. Найшуль) и Семинар по биогерменевтике Санкт-Петербургского союза ученых (руководитель — С. В. Чебанов) провели 4–7 октября 1996 г. в подмосковном доме отдыха «Зеленый Бор» семинар по проблемам развития свободной науки.

Тематика Семинара определяется его названием — речь шла именно о фундаментальной науке, а не об опытно-конструкторских работах в технике или о других прикладных разработках.

На Семинаре проведен культурологический и социально-психологический анализ состояния и перспектив развития свободной науки в бСССР и зарубежный опыт в этой области.

В числе прочих были предложены к обсуждению следующие вопросы:

1. СВОБОДНАЯ НАУКА

Свободная наука как социокультурный феномен

(свободная и несвободная наука и родственные различения: неформальная/формальная, парадигматическая/непарадигматическая — вне-, меж-, инопарадигматических — например, гомеопатии, «традиционной» медицины, парапсихологии и т. д., неофициальная/официальная и т. д.; свободный ученый как культурный герой)

Строение свободной науки

(свидетельства принадлежности к свободной науке, численность свободных ученых, характерные времена активности свободной науки, социальная организация свободной науки, неформальные и формальные статусы в свободой науке)

Организация свободной науки

(организация работы в научных учреждениях, выбор направлений и тематики работы в научных учреждениях, личностное знание в научных заведениях, эзотеризм и секретность)

---

[1] Опубликовано: Кентавр. 1997. Вып. 17. С. 20–21.

Гражданская позиция свободного ученого

(свобода научного исследования и совесть ученого; гражданская позиция и ответственность ученого, проблема совести ученого, работающего в государственном и негосударственном учреждении)

Международные связи свободной науки

(роль свободной науки в межгосударственных отношениях; негосударственная и международная наука; негосударственная наука и неправительственные организации)

Общественные функции свободной науки

(свободная наука и независимая экспертиза; значение свободной науки для общества)

Коммуникация в свободной науке

(формы организации общения в свободной науке, научная коммуникация; научные публикации и информационная среда свободного ученого; приватные и публичные научные контакты в свободной науке)

Изучение свободной науки

(опыт работы отечественных и зарубежных свободных научных учреждений; свободная наука в СССР до перестройки; изучение ленной науки; основные достижения российской свободной науки; пространственная организация свободной науки; социально-психологический портрет ученых, работающих в свободной и несвободной науке: эталон и реальность; возможность изучения свободной науки науковедческими методами; методология изучения свободной науки; адекватные статистические модели; науковедческое описание и результаты конкретных науковедческих исследований свободной науки)

Свободная наука и социальная организация

(ученый как служащий и как общественный деятель; научное учреждение как собственник и как потребитель инфраструктуры; прямые и косвенные, целенаправленные и фоновые затраты на поддержание науки)

Формы существования свободной науки

(совпадение личных и государственных интересов, ленная наука, самофинансирование науки за счет ненаучной деятельности, самоокупаемость, наука и предпринимательство, наука как предпринимательство; спонсорство и меценатство, наука в научно-технических объединениях)

2. ЧАСТНАЯ НАУКА КАК ФОРМА ЛЕГАЛИЗАЦИИ СВОБОДНОЙ НАУКИ

Частная наука как социокультурный феномен

(частная наука как форма социальной доорганизации и самоорганизации; частная наука и интеллектуальные меньшинства, частные на-

учные учреждения как форма развития парадигматически неприемлемых представлений; «негосударственный ученый» как культурный герой)

Приватизация в науке

(приватизация методологий и методологический анархизм Фейерабенда; приватизация научных учреждений; приватизация научных коллекций; приватизация научной работы и/или ее результатов в СССР; ленная наука в СССР и ее деградация в постсоветское время; частное и государственное владение научными учреждениями; частное и государственное финансирование научных учреждений)

Организация частной науки

(наука как индивидуальная трудовая деятельность; творческие объединения; научные учреждения; особенности организации и коммуникации частной науки)

Экономика частной науки

(вклад негосударственной науки в экономику страны, негосударственная наука и третий сектор экономики; налогообложение негосударственной науки)

Частная наука и государство

(наука в минимальном государстве; государственная поддержка частной науки; формы государства, оптимальные для развития частной науки; негосударственные научные заведения и государство: проблемы взаимоотношения)

Частная и государственная наука

(взаимодействие негосударственной и государственной науки; типы такого взаимодействия; неполностью частные и неполностью государственные научные учреждения и отрасли; паразитирование государственной науки на негосударственной, и наоборот, — системы нарисованные на системах по Лефевру)

Профессиональный статус ученого в негосударственной науке

(квалификация ученого, работающего в частной науке, формы ее оценки и квалификационные испытания; подготовка ученых для частной науки, частная наука и образование; системы оценки и оплаты труда ученого в частной науке; нормирование труда в частой науке; права ученого, работающего в частной науке, техника безопасности и охрана труда; профсоюзы и пенсионное обеспечение)

Охрана информации в частной науке

(охрана интеллектуальной собственности в негосударственной науке; секретность и формы ее реализации в негосударственной науке)

Наиболее интересными в ходе Семинара оказались следующие вопросы:

— Существуют ли такие области науки, которые требуют для своего существования преимущественно или исключительно несвободных форм организации?

— Существуют ли такие области науки, которые предполагают для своего существования преимущественно или исключительно свободных форм организации? В чем государство может способствовать или препятствовать существованию таких форм?

— Каковы оптимальные специфические формы организации свободной науки?

— Существует ли специфика методологии свободной науки и какова она?

— Какие новые возможности для развития свободной науки в бСССР дает приватизация?

ДОПОЛНЕНИЯ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чебанов Сергей Викторович,
герменевт, д. филол. н.

Родился 20 марта 1953 г. в Санкт-Петербурге.

Окончил среднюю физико-математическую школу № 239 (1970, Санкт-Петербург), биолого-почвенный факультет Санкт-Петербургского государственного университета — СПбГУ по специальности «биолог-микробиолог» (1976).

Работал в лаборатории иммуногематологии Института акушерства и гинекологии АМН СССР (1976–1978, С.-Петербург), занимался палеонтологией докембрия во Всесоюзном научно-исследовательском нефтяном институте ВНИГРИ (1978–1979, С.-Петербург) и в Институте геологии и геохронологии докембрия АН СССР (1979–1980, Санкт-Петербург). С 1980 по 1984 и с 1987 по 1989 г. сотрудник лаборатории кристаллогенезиса НИИ Земной коры СПбГУ.

С 1984 по 1987 г. — аспирант кафедры математической и структурной лингвистики филологического факультета СПбГУ. В 1987 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Язык описания таксонов», в 2001 — на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Логико-семиотические основания классификаций в лингвистике» (специальности — математическая и прикладная лингвистика; онтология и теория познания).

С 1989 по 2000 г. — ст. н. с., с 2000 г. — консультант Института эволюционной физиологии и биохимии им. С. М. Сеченова РАН (Санкт-Петербург), с 1997 г. член Института национальной модели экономики (Москва). С 2000 по 2002 г. — ст. н. с. Центра исследовательских и образовательных программ Санкт-Петербургского союза ученых, февраль— июнь 2002 г. — научный сотрудник Библиотеки РАН, с августа 2002 по сентябрь 2003 г.— проректор по науке Высшей религиозно-философской школы (ВРФШ), с сентября 2003 г.— профессор кафедры национальной безопасности факультета безопасности Санкт-Петербургского политехнического университета (Политехнического института), с сентября 2004 г. — профессор кафедры повышения квалификации по филологии Центра переподготовки и повышения квалификации научно-педагогических кадров по филологии и лингвострановедению Санкт-Петербургского университета

Основные интересы — герменевтика специализированных форм деятельности (когнитологическая герменевтика, герменевтика non-fiction), теоретическая биология, теория классификации.

Один из основателей и руководителей Семинара по теоретической биологии (1972) (ныне — Семинар по биогерменевтике Петербургско-

го лингвистического общества), Городского семинара по семиотике (с 2002 г.).

Являлся членом Областного совета молодых ученых (1978—1984); Всесоюзного Совета групп теоретической биологии (1978–1979); секции теоретической биологии Научно-технического совета Министерства Высшего и среднего специального образования СССР (1979–1980).

Организатор и участник школ по теоретической биологии (1975–1996, 2000), школ и семинаров по теории и методологии классификации (с 1979 до середины 80-х гг.), межуниверситетской группы «Текст как предмет междисциплинарных исследований» и ее мероприятий, Московско-Петербургского семинара по общей морфологии (1992–1994), Философского семинара Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина (1992–1994), программы «Иерусалим-3000» школы-клуба «Бейт» (СПб, 1995–1996), участник Русской сессии Международной Академии Наук Сан-Марино «Язык — Культура — Экология» (Москва, 1992), «К. фон Бэр и современная биология» (Тарту, 1992), «Русско-немецкого Коллоквиума по лингвистической синергетике» (Москва, 1992), международных конференций «Еврейская цивилизация и мировая культура» (СПб, 1993—1995), «Проблемы еврейского образования» (СПб, 1993–1995), 2-го Международного методологического конгресса (Москва, 1995), Международного семинара «Парадигмы философствования»(СПб, 1995) и других международных семинаров философско-культурологического центра «Эйдос», семинаров центра «Стратегия» Леонтьевского центра (СПб, 1994–1995), приема философской делегации Программы Народной дипломатии (СПб, сентябрь, 1995), Международной конференции «Развивающиеся системы, конкуренция и кооперация в социобиологии и экономике» (Хильдесхайм, Германия, 1996), семинара Польского общества естествоиспытателей им. Н. Коперника (Вроцлав, Польша, 1996), конференции по квантитативной лингвистике КВАЛИКО-97 (Хельсинки, 1997), Международного семинара TSD (Текст. Речь. Диалог) (Брно, Чехия, 1998), Международного семинара по биосемиотике «Икскюлль и жизненный мир» (Тарту, Эстония, 1999), 9-го Международного Конгресса Немецкого общества семиотиков «Машины и история» (Дрезден, Германия, 1999), 7-го Международного конгресса Международной ассоциации Семиотических исследований «Знаковые процессы в сложных системах» (Дрезден, Германия, 1999), Зальцбургского семинара (сессия «Социальные, этические и юридические аспекты биотехнологии» — Зальцбург, Австрия, 2001), 2-й Встречи по биосемиотике (Тарту, Эстония, 2002), конференции «Новый этап становления общей семиотики: вклад техно- и биосемиотики» (СПб, апрель 2003).

Член Международного общества Я. фон Икскюлля (Тарту, с 1993), Международной ассоциации семиотических исследований (с 1999) и ее исполнительного комитета (с 2004 г.), научно-методического совета ассоциации «Покров».

Один из разработчиков многофункциональной автоматической системы обработки текста LINDA, нового метода выращивания бездефектных кристаллов.

Автор спецкурсов для слушателей ФПК и исследователей: «Теория классификации и ее приложение в экономических классификациях» (Санкт-Петербургский университет экономики и финансов, 1984), «Философия и психология костюма» (Институт повышения квалификации руководящих работников службы быта, 1983–1991 и Санкт-Петербургский университет экономики и финансов, отд. социологии, 1985), «Логика лингвистических классификаций» (СПбГУ ФПК филологического факультета, 1988 и кафедра математической лингвистики, 1993, 1994, 1998–2004), «Биологические основания социального бытия» (кафедра социальной философии философского факультета СПбГУ, 1993, 1998), введение в философию (СПбГУ, кафедра математической лингвистики, 1999—2000), «Основы интеллектуальных технологий» (ВРФШ, 2002), «Введение в практическую библиографию» (ВРФШ, 2003), «Введение в экономическую герменевтику» (Санкт-Петербургский университет экономики и финансов, 2003), «Введение в общую семиотику» (СПбГУ, филологический факультет, 2004), многочисленных курсов теоретической биологии в университетах и научных центрах бывшего СССР (Москва, Рига, Иркутск, Петрозаводск, Калининград и др.).

С 1991 г. преподаватель междисциплинарных курсов в альтернативных средних школах СПб и Москвы, Московской Международной киношколы, Петербургском еврейском университете.

Автор около 180 публикаций (из них четырех книг), редактор нескольких сборников.

Гранты фонда Сороса по гуманитарным наукам и по теме «Биоразнообразие», 1992–1993, РФФИ (№ 96-06-80910, 1998), Всемирного фонда дикой природы (1999), Немецкого исследовательского фонда (1999, 2002), Министерства науки и культуры Саксонии (1999), программы «Культура» Института Открытое общество (2000), Зальцбургского семинара (2001), РФФИ (№ 03-06-85016, 2003).

Женат, двое детей (1987 и 1990 гг. рождения).

Адрес: Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 31, кв. 12
Тел. (812) 312-9008
E-mail: chebanov@sc2747. spb. edu
http://www. ento. vt. edu/~sharov/biosem/chebanov/cheb. htm
http://biospace. nw. ru (Biosemiotica Slavica)

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ С. В. ЧЕБАНОВА

1977—1996

(полная)

1. *Теория классификаций и методика классифицирования*//Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 1977. № 10. С. 1–10.
2. *Внутренние и внешние системы в теории классификации*. Системные исследования. 1979. М.: Наука, 1980. С. 140–146.
3. *Систематика и номенклатура ископаемых водорослей*//Систематика, эволюция, экология водорослей и их значение в практике геологических исследований. Киев: Наукова думка, 1981. С. 9—11.
4. *Системный и комплексный подход к экономическим классификациям*//Научно-практическая конференция «Экономика и совершенствование управления на базе системного подхода». Волгоград: Волгоградский дом техники НТО, 1983. С. 98–101.
5. *Единство теоретизирования о способах упорядочивания*. Теория и методология биологических классификаций. М.: Наука, 1983. С. 18–28.
6. *Модусы существования элементов таксона и исчисления объема в геологических классификациях*//Системный подход в геологии. М.: Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина, 1983. С. 133–134.
7. *Виды совокупностей в геологических классификациях*. см. 6. С. 135–136.
8. *Представления о форме в естествознании и основания общей морфологии*// Orgaanilise vormi teoria. X teoreetilise bioloogia kevadkool. Tartu: Тартуский университет, 1984. С. 25–40.
9. *Основные понятия кристалломорфологии в системе кристаллографических и морфологических дисциплин*//Физика кристаллизации. Вып. 8. Калинин: Калининский государственный университет, 1985. С. 113–123 (в соавторстве с Г. В. Руссо).
10. *Форма, стерезис и энлогия кристаллов*//Теория и методология минералогии. Т. 1. Сыктывкар: АН СССР Коми филиал, 1985. С. 91–92. (в соавторстве с Г. В. Руссо).
11. *Комплексность в биостратиграфии*//Системный подход в геологии (Теоретические и прикладные аспекты). Ч. 1. М.: Московский институт нефти и газа им. И. М. Губкина, АН СССР, 1986. С. 84–86.
12. *Классификация оснований классификации геологических классификаций*, см. 11. Ч. 1. С. 154–156.
13. *Взаимодействие разнородных систем в геологической систематизации*, см. 11 С. 201–202.
14. *Номенклатура и терминология в описательном естествознании*//Научно-техническая терминология и перевод. Челябинск: Уральский ДНТП общества «Знание» РСФСР, 1986. С. 50.
15. *Примеси в особо чистых веществах: общеморфологические аспекты*//Физика кристаллизации. Вып. 10. Калинин, 1987. С. 92–97 (в соавторстве с Г. В. Руссо).
16. *О личности учителя*//Вестник высшей школы. 1989. № 9. С. 87–89.
17. *Текст как объект и предмет стилеметрии*//Квантитативные аспекты системной организации текста. Тбилиси: ТГУ, 1987. С. 83–86 (в соавторстве с Г. Я. Мартыненко).
18. *Насущные проблемы палеоальгологии докембрия*//Актуальные проблемы современной альгологии. Киев: Наукова думка, 1987. С. 195–196.

19. *Язык описания таксонов*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность — структурная, прикладная и математическая лингвистика (рукопись). Л.: ЛГУ, 1987. Т. 1 — 232 с., т. 2 — 510 с.
20. *К типологии описательных текстов*//Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста. Тарту: ТГУ, 1988. С. 95–96.
21. *Форма, стерезис и энлогия кристаллов*//Теория минералогии. Л.: Наука, 1988. С. 47–51 (в соавторстве с Г. В. Руссо).
22. *Theoretical biology in biocentrism*//Lectures in Theoretical Biology. Tallinn: Valgus, 1988. P. 159–167.
23. *Классификационные задачи стилеметрии*//Acta et commentationes universitatis tartuensis. Вып. 827. Tartu, 1988. С. 119–136 (в соавторстве с Г. Я. *Мартыненко*).
24. *Предмет риторики и синтаксическая организация текстов на ограниченных подъязыках*//Риторика и синтаксические структуры. Красноярск, 1988. С. 316–320.
25. *План содержания и перевод текстов на ограниченных подъязыках*//Современные методы обработки иноязычной информации в свете требований комплексной программы научно-технического прогресса стран-членов СЭВ до 2000 года. Челябинск: Уральский ДНТП общества «Знание» РСФСР, 1988. С. 92–93.
26. *Диагностические задачи компьютерной системы «Линда»*//Третья Всесоюзная конференция по созданию машинного фонда русского языка. Ч. 1. М.: Институт русского языка АН СССР, 1989. С. 146–148 (в соавторстве с О. Н. Гринбаумом, Г. Я. Мартыненко).
27. *Прагматическая организация объективистских текстов*//Семантика и прагматика языковых единиц. Тюмень: Тюменский государственный университет, 1989. С. 25–26.
28. *Концепция рефрена*//Палеофлористика и стратиграфия фанерозоя. М.: Геологический институт АН СССР, 1989. С. 120–122.
29. *Транскультурный перевод в специальной коммуникации.* Совещание-семинар «Этнопсихолингвистические аспекты речевого общения». Ч. 1. М.–Самарканд: Институт языкознания АН СССР. Самаркандский педагогический институт, 1990. С. 70–71 (в соавторстве с Г. Я. Мартыненко).
30. *Основные типы представлений о природе языка*//Acta et commentationes universitatis tartuensis. Вып. 911. Tartu, 1990. С. 112–136 (второй автор — Г. Я. Мартыненко).
31. *Идеи герменевтики в прикладной лингвистике*//Quantitative linguistics and automatic text analysis. 1990. Acta et commentationes universitatis tartuensis. Вып. 912 Tartu, 1990. С. 92–111 (второй автор Г. Я. Мартыненко).
32. *Биологические идеи Велемира Хлебникова*//Хлебниковские чтения. СПб.: Музей Ахматовой, 1991. С. 91–100 (в соавторстве с В. А. Дымшицем)
33. Авторское свидетельство Т 1670000 от 12.10.1991. *Способ получения кристаллов водорастворимых соединений* (совместно с Г. В. Руссо, О. М. Болдыревой, А. В. Нардовым).
34. *Синтетические драгоценные камни. Общеморфологический подход к проблеме использования*//Теория минералогии. Т. II. Сыктывкар: АН СССР Коми филиал, 1991. С. 140–141. (в соавторстве с Г. В. Руссо).
35. *Новый концептуальный подход к выращиванию бездефектных кристаллов*// Теория минералогии. Т. II. Сыктывкар: АН СССР Коми филиал, 1991. С. 142–143 (в соавторстве с Г. В. Руссо).
36. *The ordinary miracle of life in perishable organism*//Baer and Modern Biology. Tartu: Univ. of Tartu, 1992. P. 39–40.
37. *Биологические условия социального бытия*//Программы для студентов философского факультета. СПб.: СПбГУ, 1992. С. 69–74.
38. *Предпроектное изучение возрастных особенностей учащихся 6–17 лет с целью оптимизации учебного процесса в массовой средней школе*/Отчет по договору для Московского института развития образовательных систем. 1992. (2-е авторы — А. П. Сопиков, М. К. Ковалева).

39. *Получение кристаллов бифтолата калия (БФК) из растворов, целенаправленно загрязненных примесями*//Физика кристаллизации. Вып. 15 (см. 15). Тверь: ТГУ, 1992. С. 24–30 (в соавторстве с Г. В. Руссо, О. М. Болдыревой).
40. *Куда ведет Ленинградское метро?*//Гуманитарный фонд. 1993. № 10.
41. *Biology and Humanitarian Culture: the Problem of Interpretation in Biohermeneutics and Hermeneutics of Biology*//Lectures of Theoretical Biology: 2nd Stage (см. 22) Tallinn: Estonian Academy of Sciences, 1993. P. 219–248.
42. *Статус социального бытия*//Конференция «Социальное бытие. Человеческое бытие». СПб.: СПБГУ, 1993. С. 10–13.
43. *The ordinary miracle of life in perishable organism*//Folia Baeriana 6. Tartu: Estonian Academy of Sciences, 1993. P. 116–120.
44. *Man as participant to natural creation. Enlogue and ideas of hermeneutics in biology*//Biology Forum. 1994. 87 (1). P. 39–48.
44a. *L'uomo partecipe della creazione naturale (L'enlogo» e la concezione hermrneutica in biologia)*//Rivista di Biologia. 1994, 87 (1). P. 49–55 (перев. 44, с изменениями).
45. *О бытийной укорененности разных секторов многоукладной экономики*//Научная конференция «Социальная философия и философия истории: открытое общество и культура. СПб., 25–26 октября 1994 г. СПб.: СПбГУ, 1994, Ч. 1. С. 101–104.
46. *Где граница между публичным и приватным?*//Знание — сила. 1994. №. 10. С. 31.
47. *Почему Санкт-Петербург не может не быть центром?*//Северная Пальмира, 1994. № 6. С. 55–58.
48. *Империя как способ организации государственной жизни*//Час Пик. 1995 № 45(413) 11 марта. С. 3.
49. *Нефилософские формы философствования*//Парадигмы философствования. СПб.: Эйдос, 1995. С. 68–78.
50. *Что такое экологизм и как с ним бороться?*//Экохроника. 1995. № 3(21). С. 22–23.
50a. *«Ecologism» as a cultural and political niche*//Ecochronicle. 1995. N 3(21). P. IX (с изменениями).
51. *Морфологические основания типологии семиотических средств*/Понимание и рефлексия. Материалы Третьей Тверской герменевтической конференции. Т. 1. Тверь: ТГУ, 1995. С. 24–33.
52. *Культурный статус колбасных изделий*//Знание-сила. 1995. № 8. С. 23–24.
53. *Смерть как извращение жизни*//Труды конференции «Тема смерти в духовном опыте человечества». Фигуры танатоса. 5 специальный выпуск. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 78–83.
54. *Enlogue as Quasipersonal Interaction: Biohermeneutic Issues*//European Journal for Semiotic Studies, 1995. 7(3–4). P. 439–466.
55. *К проблеме моделирования процессов минералообразования: анализ причин невоспроизводимости результатов кристаллогенетических опытов*//Вестник СПбГУ. 1995. Сер. 7 («Геология. География»). Вып. 1(№ 7) С. 89–93 (в соавторстве с Г. В. Руссо).
56. *Начала государственного устройства России*//Zydroji Baltija. 25 декабря 1995. С. 1–3.
57. *Спекулятивная биология человека*//Zydroji Baltija. 25 января 1996. С. 1–2.
58. *Круглый стол «Преподавание биологии человека в средней и высшей школе»*// Zydroji Baltija. 25 января 1996. С. 2–3.
59. *Предварительные замечания*//Спекулятивная биология человека. Тезисы докладов Школы по теоретической биологии. Молодежное, 1.2.1993–5.2.1993. Vilnius: АО «VLANI», 1996. С. 4.
60. *Спекулятивная биология человека*//см. 59. С. 4–5.
61. *Круглый стол «Преподавание биологии человека в средней и высшей школе»*// см. 59. С. 14–15.

62. *Петербург превращается в Одессу?*//Петербургский Час Пик. 1996 № 44 (549) 6 марта. С. 10.
63. *Парадигматическая смута постсоветского философствования*//Радуга (Таллинн). 1996. № 1. С. 98–108.
64. *Невоспроизводимость опытных результатов при моделировании процессов минералообразования*//Тезисы совещания «Законы эволюции земной коры» Т. II. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 290 (в соавторстве с Г. В. Руссо).
65. *Создание курса русского языка на основе мультимедиа-технологии*/Отчет по договору для а/о «Мультимедиатехнологии».
66. *Позитивизм как отроческая майевтика*//Скромное обаяние позитивизма (Позитивизм и его альтернативы в современной философии). Материалы конференции 15–16 декабря 1995. СПб.: СПбГУ. С. 8–10.
67. *Биологические предпосылки социального бытия*//Программы по специализации «Социальная философия». Общий курс и специальные курсы. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 109–114 (нов. изд., с изменен.).
68. *Стилеметрия*. Прикладное языкознание: Учебник. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 420–435 (в соавторстве с Г. Я. Мартыненко).
69. *Совместное влияние широкого спектра микропримесей на формирование макроскопических автодеформационных дефектов в кристаллах*//Кристаллография. 1996. № 3 (в соавторстве с Г. В. Руссо, О. М. Болдыревой).
70. *Логические основания лингвистической типологии*//*Чебанов С. В.* Собр. соч. Т. 1. Вильнюс: VLANI, 1996. С. 4–66.
71. *Основания лингвистической типологии. Программа курса*//Там же. С. 67–69.
72. *Инструкция по описанию «классификаций»*//Там же. С. 70–79.
73. *Веерные матрицы как модель представления данных*//Там же. С. 80 (в соавторстве с С. Г. Кордонским).
74. *Декаданс* = ? ∧ ? ∨ ? ∪ ? ⊂ ? *«Серебряный век»: цикл российского философствования XX века*//Всероссийская конференция «Структура философского знания и его эволюция в течение XX века в России» (25–26 октября 1996 г.). СПб.: СПбГУ, 1996. С. 81–82.

1997—2004

(выборочная, определяется поступлением публикаций автору)

75. *Относительность и абсолютность преступления*//Философия преступления. Материалы конференции. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 38–39.
76. *Функционально-пространственная структура Санкт-Петербурга*//Zydroji Baltija. 1996. 25 декабря. С. 1–4.
77. *Семинар о негосударственной институализации свободной науки*//Кентавр. 1997. Вып. 17. С. 20–21 (в соавторстве с В. Л. Каганским).
78. *Курс «Взаимодействие естественных и гуманитарных дисциплин в русской культуре XX века»*//Кентавр. 1997. Вып. 17. С. 58–59.
79. <*Выступление на Круглом столе*> Н. Плискевич. Негосударственная фундаментальная наука//Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 25–36.
80. *Фундаментальная наука: уничтожение или очищение?*//Петербургский Час Пик. 1997. № 96 (825) от 2 июля. С. 10.
81. *Фундаментальная наука: положение и финансирование*//Посев. 1997. № 4. С. 34–39.
82. *Там, где не умирает старое, не рождается новое*//Знание-сила. 1997. № 11 С. 35–36.
83. *Text as real population in A. A. Chuprov sense*//III Int. Conference on Quantitative Linguistics «QUALICO-97». Helsinki: Inst. of Language Studies, 1997. P. 191–193 (co-auth. G. Ja. Martynenko).
84. *К положению на рынке труда в России*//Посев. 1997. № 8. С. 20–23.
85. *Демократия или театр абсурда*//Посев. 1997. № 9. С. 12–15.
86. *Взаимодействие христианства и экологии*//Христианство и экология. СПб.: РХГИ, 1997. С. 344–350.

87. *Концепция безопасности на дорогах*//Чебанов С. В. Собр. соч. Т. 2. Вильнюс—СПб., 1997.
88. *Концепция преподавания безопасности на дорогах в средней школе*//Там же.
89. *Актуальные проблемы безопасности на дорогах. Темы для проблематизации*//Там же.
90. *Natural and cultural components in a structure of semiotic means*//Semiotics Bridging Nature and Culture. Guadalajara, Mexico: IASS-AIS, 1997. P. 210–211.
91. *Лечебные практики: типология и современная ситуация*//Отчет гранту Российского фонда фундаментальных исследований по проекту «Социальные факторы здоровья населения» (грант № 96–06–80910). 1998. Рукопись.
92. *К критике способности обнаружения хаоса*//«Размышление о хаосе» II-ой Международный философско-культурологический симпозиум 17 апреля 1997. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 3. СПб.: Эйдос, 1998. С. 62–64.
93. *Постмодернистское любомудрие как российский вызов концу философии*// «Метафилософия или философская рефлексия в пространстве традиций и новаций». Международный философско-культурологический симпозиум. Июнь 1997. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 4. СПб.: Эйдос, 1998. С. 377–383.
94. *Герменевтические аспекты энлога как квазиперсонального взаимодействия*// Прикладная и структурная лингвистика. Вып. 5. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 19–40.
95. *Семантика текста формулы изобретения*//Там же. С. 95–109 (в соавторстве с Г. Я. Мартыненко).
96. *К постановке вопроса о предмете культурологии*//«Культурология как она есть и как ей быть». Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 5. СПб.: Эйдос, 1998. С. 283–288.
97. *Умвельт и корпускулярно-волновая модель живого существа*//Научные чтения «Белые ночи» 2–4 июня 1998 г. Тезисы докладов. СПб.: Международная академия наук экологии и безопасности жизнедеятельности. С. 201–202.
98. *Что взорвали в Индии?*//Петербургский Час Пик. 1998. № 21(22). 3 июня 1998. С. 11.
99. *Кого высадят «на Пиренейский полуостров» вслед за шахтерами?*//Петербургский Час Пик, 1998 № 22(23). 10 июня 1998. С. 4.
100. *Экология и правозащитная деятельность*//Петербургский Час Пик. 1998. № 23(24). 17 июня 1998. С. 4.
101. *Биологические основания социального бытия*//Очерки социальной философии. Очерк 8. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 201–227.
102. *Какая идея нужна Петербургу*//Петербургский Час Пик. 1998 № 30(31). 5 августа. С. 4.
103. *Географические типы пространственной организации поселения*//Человек и город. Пространства, формы, смысл. СПб.—Женева—Салоники—Екатеринбург: Архитектон, 1998. Т. II. С. 89–98.
104. *Почему пожилые люди оказались особой политической силой?*//Петербургский Час Пик. 1998. № 36(37). 16 сентября. С. 10.
105. *The Role of Hermeneutics in Biology*//Peter Koslowski (Ed.): Sociobiology and Bioeconomics. The Theory of Evolution in Biological and Economic Theory, Berlin, Heidelberg, New York: Springer, 1998, P. 141–172 (=3D Studies in Economic Ethics and Philosophy, vol. 20).
106. *Text as real population in A. A. Chuprov sense*//Jornal of Quantitative Linguistics. 1998. Iss. 5,3. P. 163–169 (co-auth. G. Ja. Martynenko).
107. *Text understanding and interpretating methodology based on linguistic and hermeneutic techniques*//Proceeding of International workshop TSD (Text. Speech. Dialogue.) 23–26.09. Brno, 1998. P. 21–26 (co-auth. G. Ja. Martynenko and T. J. Sherstinova)
108. *Замки в Петербурге* — телевизионнная программа «Французский коктейль». СПб.: Региональное телевидение, октябрь 1998.

109. *В защиту чести и достоинства Президента*//Петербургский Час Пик. 1998. № 44(45). 11 ноября. С. 2.
110. *Почему пожилые люди обиделись?*//Петербургский Час Пик. 1998. № 44(45). 11 ноября. С. 4.
111. *Три вместо двух. К вопросу о возможном объединении Санкт-Петербурга и Ленинградской области*//Петербургский Час Пик. 1998 № 46(47). 25 ноября. С. 4.
112. *Totality of semiosphere. Review: Jesper Hoffmeyer. Signs of Meaningin the Universe*//Sign Systems Studies. Tartu, 1998. Vol. 25 P. 417–424.
113. *Негосударственная наука*//ЯЛИК. 1998. № 29. Ноябрь. С. 1–2.
114. *Речевые единицы с неопределенно-переменным смыслом*//ЯЛИК. 1998. № 30. Декабрь. С. 5–6.
115. *История одного семинара*//Пчела. 1998. № 12. С. 33–38.
116. *Мир как сеть энлогов: от коммуникации к общению*//Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 6. СПб.: Эйдос, 1998. С. 397–402.
117. *Основания философии техники*//Онтология и гносеология технической реальности. М.: Центр системных исследований, 1998. С. 113–116.
118. *Материалы дискуссии*//Там же. С. 246.
119. *Критический и посткритический эволюционизм*//Теория эволюции: наука или идеологии. Труды XXV Любищевских чтений. М.—Абакан: Центр системных исследований, 1998. С. 58–70.
120. *Герменевтика в биологии и биогерменевтика*//Hermeneutics in Russia. 1998. № 2. Электронный журнал. httm://www. volga. net.
121. *Основания семиотической типологии описательных текстов*//Hermeneutics in Russia. 1998. № 3. Электронный журнал. httm://www. volga. net.
122. *The Biohermeneutics Seminar of the St. Petersburg Scientists Union*//Hermeneutics in Russia. 1998, № 3. Электронный журнал. httm://www. volga. net.
123. *Семиотика описательных текстов (Типологический аспект)*. СПб.: СПбГУ, 1999. 424 с. (в соавторстве с Г. Я. Мартыненко).
124. *Что такое биологические поля и существуют ли они?*//Научные чтения «Белые ночи». Секция «Электромагнитная экология». СПб.: Международная академия наук экологии и безопасности жизнедеятельности, 1999. С. 82–88.
125. *О современном российском образовании*//Петербургская школа. 1999. № 4–5. С. 49–51.
126. *Рецензия на книгу Йеспера Хоффмейера (Jesper Hoffmeyer. «Signs of Meaning in the Universe», transl. by B. J. Haveland. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1997)*//Журнал общей биологии. 1999, Т. 59. № 2. С. 229–235.
127. *К проблеме типологии регулярностей: античное и иудейское понимание закона*//Греки и евреи. Диалог в поколениях. Труды по иудаике. Философия, герменевтика, культурология. Вып. 1. СПб.: Петербургский еврейский университет. Институт исследований еврейской диаспоры. 1999. С. 178–187.
128. *Semiotic Foundations for Object Interpretation of Inventions*//Machines and History. 9th Inernational Congress of the German Society for Semiotic Studies (DGS). TU Dresden, 1999. Oct. 3–6. P. 47–48 (co-auth. G. Ya. Martynenko).
129. *Processuality of Sign and Meaning*//Sing Processes in Complex Systems, 7th International Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS) TU Dresden, 1999. Oct. 3–6. P. 122.
130. *Естественнонаучная традиция русского космизма*//Космизм. Новое мышление на Западе и Востоке. СПб.: Нестор, 1999. С. 231–233.
131. *Bio-Hermeneutics and Hermeneutics of Biology*//Semiotica. 1999. Vol. 127 – 1/4. P. 215–226.
132. *Между географическим и фазовым пространством: прайдовая структура Петербурга*//Международная конференция «Развитие Санкт-Петербурга» г. Пушкин, 19–20 июня 1999 г. СПб.: Стратегия, 1999. С. 7.
133. *О семиотических конгрессах в Дрездене*//ЯЛИК. 2000. № 29. С. 3–4 (в соавторстве с Г. Я. Мартыненко).

134. *[«Мир путешествий. Мастерство путешествий»]*//ЯЛИК. 2000. № 29. С. 7 (в соавторстве с В. Л. Каганским, без подписи).
135. *Интеллектуалы об интеллектуалах*//Петербург на Невском. 2000. № 6(41). С. 32 (ответ на анкету).
136. *Социальное воображение и мир мнимостей*//Социальное воображение. Материалы научной конференции 17 января 2000 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000. С. 63–68.
137. *Теория классификации*//Кафедра математической лингвистики. Учебные программы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 108–119.
138. *А. А. Любищев и А. А. Еленкин: сравнительный анализ рецепции теоретических представлений*//Наука и техника: вопросы истории и теории. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2000. С. 61–63.
139. *Диагноз или приговор?*//Пчела. 2000. № 30. С. 7–11 (в соавторстве с А. Оскольским).
140. *Введение*//Золотая: Опыт постижения семантики. Вильнюс: АВ «VLANI», 2000. С. 3.
141. *Что такое «золотая»?*//Там же. С. 14–22.
142. *Семинар по биогерменевтике Санкт-Петербургского союза ученых. Историческая справка*//Там же. С. 79–96.
143. *Принцип адаптивности и «экстремальные» условия*//Гомологии в ботанике: Опыт и рефлексия. СПб.:, Санкт-Петербургский союз ученых, 2001. С. 81–100.
144. *Здоровье как полнота человеческого существования*//Наука и вера: Проблема человека в науке и богословии. Материалы международной научной конференции. 4. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. С. 14–18.
145. *Good health as the fullness of human existence*//Sciences & faith. Proceedings of the international conference. St.-Petersburg: St. Petersburg School of Religion & Philosophy, 2001. P. 153–157.
146. *Что такое экология человека?*//Гуманитарный экологический журнал. 2001. Т. 3. Вып. 1. С. 12–24.
147. *Логико-семиотические основания классификаций в лингвистике*//Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. Специальности — математическая и прикладная лингвистика; онтология и теория познания (рукопись). СПб.; СПбГУ, 2001. 54 с.
148. *Umwelt as life world of living being*//Semiotica. 2001. Vol. 134 – 1/4. P. 169–184.
149. *Концепция безопасности на дорогах*//Чебанов С. В. Собр. соч. Т. 2. 2-е издание Вильнюс, 2001. С. 3–28.
150. *Концепция преподавания безопасности на дорогах в средней школе*//Там же. С. 29–42
151. *Актуальные проблемы безопасности на дорогах*//Темы для проблематизации. Там же. С. 43–46.
152. Типология мнимостей, относящихся к представлениям о поле//Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб.: Алетейя, 2001. С. 425–438.
153. *Biographische Notiz: Sergej Grigor'evic Cebanov*//Best, Karl-Heinz (Hrsg.), Haeufigkeitsverteilungen in Texten. Goettingen, 2001. P. 281–283 (co-auth. K.-H. Best) (in Germany).
154. *Памятник эпохи как коммуникативная неудача*//Русский журнал, www. russ. ru, 30 января 2002.
155. *Пространственная вменяемость как форма рефлексии* //Русский журнал, www. russ. ru, 28 февраля 2002.
156. *Биогерменевтика как модель междисциплинарности*//Проблемы и перспективы междисциплинарных фундаментальных исследований. Материалы Второй научной конференции Санкт-Петербургского союза ученых. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 87–88.
157. *Типы междисциплинарности*//Там же. С. 88–89.
158. *Культура, культурология, культурность*//Культура и культурология. М.: Российский институт культурологии, 2002. С. 11–14.
159. *Bilateral biosemiotics: A problem of sense on a super-triplet level* //Gathering in Biosemiotics-2. Tartu: University of Tartu, 2002. P. 11.

160. *Semiotics of the contents and semiotics of expression: the role of sign's body* — Kцrper — Verkцrperung — Entkцrperung. Body — Embodiment — Disembodiment. Kassel: Universitdt Kassel, 2002. P. 51–52.
161. *Жизнь и смерть как предмет межрелигиозного диалога* //Онтология диалога. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 14. СПб.: Эйдос, 2002. С. 302–323.
162. *Явь как тип мнимости* //¨. Психотворец. Обуватель. Филозуф. М.: Российский институт культурологии, 2002. С. 185–199.
163. *Н-распределения, размерная структура природных тел и натуральнозначные функции натуральных аргументов: к построению новой картины мира*// Философские основания технетики. М.: Центр системных исследований, 2002. С. 436–444.
164. *Введение в практическую библиографию*//Конспект лекций и программа курса для студентов заочного отделения. СПб.: ВРФШ, 2003. 64 с.
165. *Экология человека или экология Homo sapiens?*//Наука и вера. Материалы научных семинаров. Вып. 6. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2003. С. 102–129.
166. *Биосемиотика*//Программа А. Гордона. М.: НТВ, декабрь 2003 (совместно с А. Е. Седовым).
167. *Творчество как аскеза*//Творение. Творчество. Репродукция. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 15. СПб.: Эйдос, 2003. С. 421–429.
168. *Элементы антропоэкологии. Методологический аспект*//Ресурсы ноосферного движения. Вып. 2. Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2004. С. 69–86.
169. *Пограниченые проблемы экологии человека*//Ресурсы ноосферного движения. Вып. 2. Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2004. С. 86–92.
170. а и б. *Il problema della boidiversita e l'evoluzionismo cristiano*. *Проблема биоразнообразия и христианский эволюционизм*//Teoria dell'evoluzione: lo sguardo della scienza e della fede cristiana. Теория эволюции: естественнонаучный и христианский взгляд. Gargano: Centro per il dialogo italo-russo di Gargano, Bs, б. г. С. 122–161 (параллельный итальянский и русский текст).
171. *О стиле организмов*//Прикладная и структурная лингвистика. Вып. 6. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 38–71.
172. *Интеллигенция: ценность полионтологий и межкультурный диалог*//Дифференциация и интерграция мировоззрений: экзистенциальный и исторический опыт. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 20. СПб.: Эйдос, 2004. С. 197–219.
173. *Semiotics of the contents and semiotics of expression: the rile of sing's body* //Kцrper — Verkцrperung — Entkцrperung. Body — Embodiment — Disembodiment. Kassel: Kassel University Press, 2004, p. 1132–1144 (CD).
174. *Semiotic Aspects of Relations between Tolerance and Diversity*//Sing of the World. Interculturality and Globalization. 8th Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS) Lyon, July 7th–12th 2004. 2004, p. 95–96.
175. *Язык-метод RIIA для описания составов многокомпонентных объектов и процессов*//Техника и семиотика. Ценологические исследования. Вып. 21. М.: Центр системных исследований. 2004. С. 6–30. (в соавторстве с Т. Г. Петровым).
176. *Проблема многообразия и христианский эволюционизм*//Любищев и проблемы формы, эволюции и систематики организмов. Ценологические Исследования. Вып. 23. М.: Центр системных исследований. 2004. С. 125–138.
177. *И. И. Лапло: Известные и неизвестные страницы биографии*//ЯЛИК, 2004. № 59. С. 23–24 (в соавторстве с В. Д. Чебановым).
178. *Российская биосемиотика как школа: проблема институализации*//Научные чтения — 2003. Материалы конференции. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. С. 164–171.

СЕМИНАР ПО БИОГЕРМЕНЕВТИКЕ
(до 1991 г. — Семинар по теоретической биологии)

В работе Семинара по биогерменевтике, основанного в 1972 г., участвуют биологи, математики, философы, лингвисты, методологи, медики, что приводит к размыканию узкопрофессиональных границ и плодотворному взаимодействию различных точек зрения.

Основное направление деятельности семинара — попытка осознания особенностей биологии как культурного явления, выявление специфики феномена жизни. Одной из важнейших задач, стоящих перед семинаром, является создание нередуктивной биологии, основанной на биоцентризме — мировоззренческой установке, ориентированной на выявление специфики жизни в противоположность физической и социокультурной реальности.

В результате исследований, проведенных семинаром, было сформировано представление о важном месте экспертизы в работе биологов, выявлена роль психологической типологии биологов в понимании и интерпретации получаемых ими результатов, указано на многообразие форм презентации знания в биологии. В итоге очерчена особая дисциплина — герменевтика биологии, занимающаяся интерпретацией биологических представлений, которая охватывает проблемы этнометодологии, этнолингвистики (в том числе этносемантики), метаблетики, биоистории.

Обсуждение специфики живого на семинаре привело к выявлению наличия семиозиса в живом существе как его фундаментального свойства. Этому была посвящена организованная семинаром первая в мире конференция по биосемиотике «Биология и лингвистика» (Тарту, 1978). При этом характер реализации семантики позволяет говорить о биогерменевтике в узком смысле, как об интерпретационных процессах в живых существах: молекулярно-генетических, межклеточных (иммунных, нервных, гормональных), межорганизменных взаимодействиях.

Дальнейшая работа над представлением о жизни как базисной сущности более универсальной, чем объекты биологии, привела к формированию концепции витацентризма, охватывающей все проявления жизни — космической, физической, психической, социальной.

Семинар неоднократно демонстрировал плодотворность и эвристичность своего подхода при решении практических проблем (разработке оптимальных способов получения вторичных метаболитов в биотехнологии, реконструкции жизненных циклов докембрийских актиномицетов, постановки палеоэкологических исследований, разработке методов выращивания кристаллов и т. д.).

В последние годы семинаром проведены конференции «Идеи целостности в современной биологии» (1989), «Животные и растения в культуре» (СПб., 1995) и «Новые представления о природе запахов» (СПб., 1998); школы-семинары по теоретической биологии «Биология и мир культуры» (1991), «Личностное знание в биологии» (1992); «Спекулятивная биология человека» (1993); «Глобальный экологический кризис (существует ли он и как его встречать)» (1994), «Средства представления биологического смысла» (1995), «Теоретическая биология и теоретическая экономика» (1996), «Мир путешествий. Мастерство путешествий» (2000).

Семинар имел и имеет тесные контакты с широким кругом исследовательских коллективов разных лет: Союзом групп теоретической биологии (организованным А. П. Левичем), Группой по теоретической биологии МГУ, Секцией теоретической биологии Эстонского общества естествоиспытателей и семинарами: Биометрическим семинаром СПбГУ (руководитель — О. М. Калинин), семинаром по комплексности (философский факультет ЛГУ — руководитель А. П. Сопиков), семинаром по семиодинамике (ЛГУ, руководитель — Р. Г. Баранцев), лабораторией «Эйдос» (руководитель Л. М. Морева), Институтом национальной модели экономики (президент — В. А. Найшуль), антиревматической ассоциацией «АНТИРА» (президент — А. А. Крель).

В работе семинара в разные года принимали участие основатель и первый ректор Петербургского еврейского университета И. С. Дворкин, сопредседатель Христианско-демократического союза, депутат Государственной думы В. А. Савицкий, инициаторы создания Санкт-Петербургского союза ученых и члены кординационного совета разных лет Е. М.-Крупицкий, А. А. Оскольский.

На семинаре неоднократно выступали А. П. Володин, С. Ю. Маслов, С. В. Мейен, С. Г. Кордонский, Г. Я. Мартыненко, В. В. Налимов, Т. Г. Петров, Г. М. Прохоров, Е. А. Равдель, Б. Б. Родоман, Т. Р. Сойдла, В. С. Храковский, Ю. А. Шрейдер и др.

С 1981 года руководителем семинара является д. филол. н. С. В. Чебанов. В его работе участвует около тридцати человек. Ядро составляют: Ph. D. О. В. Беляков, М. В. Владимирский, к. б. н. Т. Д. Вышенская, д. м. н. А. А. Крель, к. филос. н. А. В. Гогин, д. х. н. В. А. Дымшиц,

к. ф.-м. н. В. А. Каймановича, д. м. н. Е. М. Крупицкий, А. В. Крусанов, к. б. н. И. А. Кучеров, к. б. н. Д. Л. Лайус, Ю. А. Лайус, д. б. н. В. Ф. Левченко, В. Г. Никулихин, к. б. н. А. А. Оскольский, к. г.-м. н. Г. В. Руссо, В. А. Семенихин, к. б. н. А. В. Спиров, А. А. Стекольников, к. ф.-м. н. Б. Ф. Шифрин. В Семинаре активно участвуют студенты вузов СПб. Деятельность Семинара отражают около 30 публикаций.

Адрес для переписки: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5, Союз ученых СПб, Семинар по Биогерменевтике.

Тел./факс (812) 312-90-08

Список рисунков

Рис. 1. Карта Петербургской области 46
Рис. 2. Строение семиотических средств 313
Рис. 3. Типы лечебных практик 348
Рис. 4. Типы регулярностей 431
Рис. 5. Соотношение трансцендентных и имманентных регулярностей 432
Рис. 6. Типы целостности 656

Научное издание

Сергей Викторович Чебанов

ПЕТЕРБУРГ. РОССИЯ. СОЦИУМ

Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 30.
Тираж 80 номерных + 30 обыкновенных экземпляров

Экз. № __